путешествия, поиски

фантастика

факты, догадки, случаи

НА СУШЕ И НА МОРЕ

ПОВЕСТИ·РАССКАЗЫ·ОЧЕРКИ·СТАТЬИ

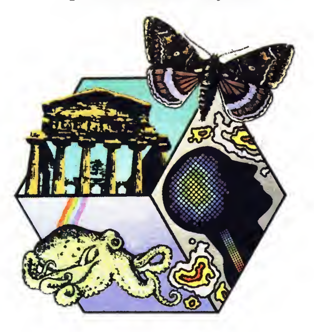
НА СУШЕ И НА МОРЕ ·1987·

Москва·Мысль·1987

НА СУШЕ И НА МОРЕ 1987

ПОВЕСТИ · РАССКАЗЫ · ОЧЕРКИ · СТАТЬИ

путешествия, поиск
фантастика
факты, догадки, случаи

Москва · Мысль · 1987

ББК 84
Н 12

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Оформление художника
А. КУЗНЕЦОВА

Н $\frac{1905010000-154}{004(01)-87}$ 162-87

НА СУШЕ И НА МОРЕ
·1987·

НА СУШЕ
И НА МОРЕ
1987
ПУТЕШЕСТВИЯ,
ПОИСК

ПУТЕШЕСТВИЯ. ПОИСК

Вячеслав Гончаров	ВОРОТА В МИР
Сергей Романов	В ЗОНЕ РИСКОВАННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ
Мурад Аджиев	НАУКА СОЗИДАЮЩАЯ
Валентин Аккуратов	КАК ЭТО БЫЛО
Виталий Волович	ДЕРСУ УЗАЛА ИЗ ВЬЕТНАМСКИХ ДЖУНГЛЕЙ
Джозеф Джадж	МАРШРУТ ЧЕРЕЗ «ЗЛОВЕЩЕЕ ПЯТНО»
Владимир Бардин	ПОЛЮС ХОЛОДА −89,2°
Никита Хотинский	КОВЫЛЬ-ТРАВА НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ
Всеволод Евреинов Николай Пронин	И НЕТ ЗАТИШЬЯ ПОСЛЕ БУРЬ...
Константин Бродский	В ЦЕНТРАЛЬНЫХ КАРАКУМАХ
Олег Ларин	ПОЙДЕМ — УВИДИШЬ...
Игорь Зотиков	В СТРАНЕ МУРАВЬИНЫХ ЛЬВОВ
Савва Успенский	ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ ВАРИАНТУ
Лидия Чешкова	БЕРЕГ, Я — ОСТРОВ...
Виталий Кривенко	РЕЛИКТЫ ДРЕВНЕГО ТЕТИСА
Т. Кейхилл	В «САДУ ЭДЕМА»
Владимир Дукельский	ИЗ СПИСКОВ ИСКЛЮЧИТЬ
Е. Леонтьев	ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ С «ОПРИЧНИКОМ»?
Игорь Подколзин	В МОРЕ — «ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ»
Юрий Юша	ДВА РАССКАЗА

Вячеслав Гончаров

ВОРОТА В МИР

ОЧЕРК

На одной ноте, невысокой, напоминающей приглушенный звон горного ручья, фреза легко, казалось без особых усилий, шла по кромке закрепленного стального бруска. Несколько пар глаз насторожненно следили за ее ходом, за змеящейся стружкой. Еще минуту-другую шумел «горный ручей» и вдруг затих. Снятая со станка фреза тут же пошла по рукам. Ее осматривали со всех сторон, вроде видели впервые, проводили по горячим еще режущим кромкам ногтем — не притупились ли? Но все в ней было на месте, как надо — по высшему классу.

— Вот и конец тревогам, — подвел итог осмотру инструмента Валерий Кузьмин, инженер-физик по образованию, руководитель одного из первых в стране постоянного представительства Госстандарта на московском заводе «Фрезер» по должности. — Ворота в мир открыты. Партию можно отправлять заказчикам.

И сразу все оживились, заговорили разом, возбужденно вспоминая все перипетии этого только что закончившегося инцидента. Начался он недели две назад, когда солидную партию фрез — несколько тысяч штук — предъявили Кузьмину. От того требовалось всего ничего — поставить подпись на документах. Без его визы теперь не отправляется за ворота предприятия ни одна партия готовой продукции. Даже директор завода не может нарушить этот новый порядок. Но Кузьмин просто так никогда свою подпись не ставит. Он отобрал из партии нужное количество фрез и поочередно «погонял» их на испытательном станке. Вот тогда-то и выявился изъян в инструменте: режущие кромки не выдержали нагрузок, выщербились. Еще проба — результат тот же.

Брак!

Это слово вслух никто тогда не произнес. Но оно, как говорится, витало в воздухе, не на шутку встревожило станочников, мастеров, цеховое начальство. Еще бы! Брак в таких объемах — это ЧП с далеко идущими последствиями. Забегали, закрутились в цехе, осматривая каждую ниточку технологической цепи. Коллективно искали первопричину этого происшествия. И облегченно вздохнули немного, когда выяснили, что причина эта — за пределами механообрабатывающей линии, а точнее, в термичке, где по халатности перекалили металл, что и придало ему хрупкость. Но брак от этого ни на грамм не уменьшился. Гирями повис он на плечах завода.

И вновь, уже на другой орбите, пошли по новому кругу споры, совещания, заседания. Всем инженерным миром искали выход из создавшегося положения: можно ли спасти инструмент или нет. Кто-то подсказал: а если «отпустить» металл в перегретом паре...

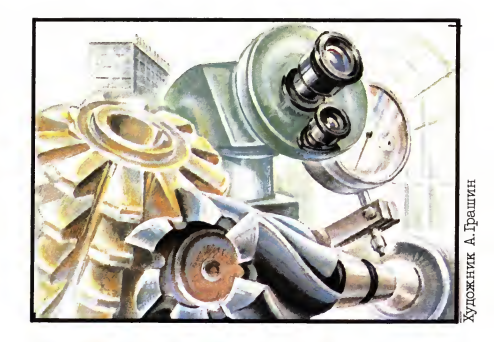
Крупная партия инструмента была в конце концов спасена. Она ушла в мир не просто с соответствующими подписями-визами, какие положены по форме. Ее качсство точно соответствовало стандарту. А если бы не стояла на «воротах» завода новая служба приемки продукции, так и пошли бы гулять по стране фрезы, мягко говоря, сомнительного качества. Заводское ОТК пропустило их. Кузьмин жс и его товарищи по работе задержали.

...Мне не раз приходилось бывать в небольшой комнате на втором этаже одного из производственных корпусов «Фрезера», где расположилась новая служба. Словно на выставке разложены различные режущие инструменты на столах-стендах — контролируемая продукция завода. На стенах — диаграммы, графики, в которых отражена динамика качества. Претензий к заводчанам все меньше и меньше. Об этом с особым удовлетворением рассказывают не только Валерий Кузьмин, но и его товарищи по работе — Валентина Самарская, Анатолий Саленков и Анатолий Урютин. Все они, за исключением Урютина, который мобилизован в представительство как классный инструментальщик одного из заводов, из московского Центра стандартизации, люди опытные, знающие. Потому и доверено им дело большой народнохозяйственной значимости — государственная приемка готовой продукции. Не простое это дело — после заводского ОТК повторно давать оценку качеству. Вроде бы контроль над контролем. Но это вовсе не так.

С чьей-то легкой руки запущена в наш обиход ставшая уже расхожей фраза: лучший контролер — потребитель. Кто спорить с этим будет? Никто. Но и то правда: потребитель у нас покладистый. Даже на явный брак он не всегда пишет рекламации, боясь испортить отношения со своим поставщиком. Еще реже дело доходит до финансовых претензий, а коль и случаются таковые, то, потрепав однажды нервы, непременно задумаешься, а стоит ли овчинка выделки.

Вот так и случилось, что «лучший контролер», живущий за тридевять земсль от завода-изготовителя, перестал быть объективным на все сто процентов. А что в итоге? Произошло снижение взаимной требовательности: вы нам — плохую машину, мы вам — такую же, скажем, обувь. Государство из-за этого несет огромные убытки. Все чаще внакладс оказывается потребитель товаров широкого спроса. Вот почему проблема качества продукции на XXVII съезде КПСС названа в числе первоочередных. Нельзя больше мириться с расхлябанностью в любом деле. Более того, партия сказала: «Без высокого качества сегодня невозможно ускорение научно-технического прогресса». Почему?

И об этом на съезде говорили честно и открыто: «Страдают точность и надсжность машин и приборов, удовлетворение потребности населения в товарах и услугах... Ущерб значителен — загублено сырье, обесценен труд сотен тысяч рабочих». На съезде прозвучала и такая фраза: «Необходимы кардинальные меры, исключающие выпуск бракованных изделий, товаров низкого качества».

Художник А. Грашин

Конечно, вариантов решения этой трудной задачи немало. Но лучшим, согласитесь, является такой: потребитель сам принимает изготовленную для него продукцию на заводе-поставщике. Уж он-то не враг самому себе. Можно только представить, с какой требовательностью подошел бы каждый к готовой продукции. Но у иного предприятия тысячи адресов, по которым растекаются его изделия. Разве разумно из всех этих уголков собирать полпредов качества? Не надо никого и вызывать. Куда проще найти одного на всех посредника, который бы так же тщательно перепроверял готовые товары. А еще лучше — иметь на каждом заводе службу, которая бы осуществляла государственную приемку продукции от всех сразу. Именно эта идея и была отработана в ходе эксперимента на московском «Фрезере» и еще на целом ряде предприятий страны.

Первые же итоги работы по-новому убедительно показали: пути перестройки найдены. Эксперимент одобрили, поддержали на самом высоком уровне.

— С огромным волнением и заинтересованностью слушали мы на заводе речь Михаила Сергеевича Горбачева, которую он произнес на встрече с трудящимися города Тольятти, — рассказывал мне Валерий Кузьмин. — Особенно то место, где дана оценка новой форме контроля на «Фрезере». Приятно, честно скажу, слышать, что наша служба встряхнула заводской коллектив, заставила сформировать такую атмосферу, при которой всем ясно: брак не пройдет... Это, согласитесь, очень высокая оценка нашего труда.

А мне вспомнилась первая встреча с Валерием Кузьминым. Говорили, помнится, о том, что в русском народе испокон веков презиралась подмена истинного мастерства делячеством. Это еще от первых строителей чудо-храмов, которые и сегодня собирают вокруг себя толпы восторженных туристов — ценителей прекрасных творений прошлого, от первых корабелов, от знаменитого Левши наследство. Да мало ли на земле нашей мастерового люда было, который не просто работал, а творил на радость соотечественникам! Да и в каждом из нас есть, обязательно имеется эта великая гражданская потребность: чтобы наше, сработанное собственными руками было не хуже, а даже лучше заморского. И это заставляло порой делать буквально невозможное. Вспомним годы войны. Чьи танки да самолеты лучшими были? Наши. И первый спутник наш, советский. И первый человек в космосе нашим парнем оказался...

То-то и оно, что умеем, можем. Почему же тогда в «мелочах» — абы как? Истинный мастер всегда чуть дольше поколдует над деталью или машиной, чуточку больше точности придаст ей, чуть-чуть лоска прибавит. И глядишь — не вещь, а загляденье. Но сегодня это самое «чуть-чуть», если им пренебречь, может пустить насмарку труд десятков, а то и сотен людей. И как же нелегко бывает уловить эти отклонения в уже готовой продукции! Тут не только соответствующая измерительная техника, испытательные стенды требуются, но и определенное мужество. Не каждый поставит под удар свой план, престиж, премию из-за каких-то там микронных отклонений.

Это маленькое вступление в тему разговора Кузьмин делал, как говорится, вообще. Но и не без умысла. «Фрезер» — завод с именем у нас в стране и за рубежом. Да к тому же и благополучный по всем статьям. План выполняется, на предприятии немало асов, которые намного обогнали время. И с качеством вроде бы без проблем. Самый низкий процент брака среди родственных предприятий отрасли. Более трети продукции выпускается с почетным пятиугольником. И обоснование успехам надлежащее: на заводе давно уже действует, дает отдачу комплексная система управления качеством продукции. И решение о создании здесь вневедомственной службы контроля многие встретили как чудачество экспериментаторов. Не тот объект, мол, выбрали. Наверное, поэтому и помещение тесное для новой службы дали, а вместо постоянной вывески бумажку на двери наклеили, на которой карандашом написали: «Представительство Госстандарта». Дело, дескать, временное.

Что ж, тем интереснее первые итоги перестройки, первые результаты соревнования на принципиальность четырех пришлых контролеров с 223 местными, работающими в заводской системе ОТК.

То, что зафиксировал «свежий глаз», отразилось на специальной диаграмме, которая имеется в представительстве. Одна линия здесь — сверху вниз — показывает движение количества возврата. Другая же — снизу вверх — это удельный вес продукции, принятой к отгрузке с первого предъявления. Так вот: в самом начале экспери-

мента — стопроцентный отказ приема по контролируемой номенклатуре. Вот вам и полное благополучие!

Согласитесь, эта диаграмма была бы понятной и логичной в кабинете начальника заводского ОТК Л. Чекунова. Но она, увы, фиксировала состояние качества практически на линии ворот. Не проверь тут по второму разу — ищи ветра в поле. Рекламацию никто не пришлет: дефицитному коню ведь тоже в зубы не смотрят. Только через год нормализовалось положение. Возврат упал до предела. И такие ЧП, как задержка крупной партии фрез, стали уже исключительной редкостью. Оно и понятно: закрутились все на заводе, качество оказалось в центре внимания.

У многих вроде бы глаза шире открылись. И еще вчера привычное вызвало неподдельное удивление. Вдруг оказалось, что используемая технологическая документация разработана более десяти лет назад и с того времени не пересматривалась. А какие были «в ходу» приборы метрологического обеспечения? Первое предписание новой службы как раз и коснулось этого важнейшего участка работы. Громом среди ясного неба прозвучали и выводы представителей Госстандарта: на предприятии во многих случаях низка культура производства. Отсюда и не тот класс шлифовки, и пляска микронов в различных там пазах и отверстиях, и биение роликов в резьбонакатных головках.

Однако вовсе ошеломляющим явилось второе предписание. Им полностью запрещалась отгрузка потребителям резьбонакатных роликов и головок. А цена каждой головки не копеечная — 162 рубля. Начальник цеха за голову схватился: чем закрыть в плане такую брешь? Кузьмин же был непреклонен.

Потом через несколько месяцев многие на заводе работники так будут объяснять создавшуюся ситуацию: наша продукция всегда отличалась качеством. Она пользуется большим спросом в стране и за рубежом. По некоторым видам инструмента мы вообще являемся монополистами. Но чего уж там, это и привело к самоуспокоенности. А она — плохой помощник делу. Вот и пришлось краснеть теперь. Но сегодня мы благодарны и Госстандарту за выявленные недоработки, оказанную помощь. Ведь вместе ищем пути из тупиковых ситуаций. Принятые нами меры позволят быстрее решить задачи, поставленные перед нами на двенадцатую пятилетку. Однако и говорили: перестраиваться нелегко.

Еще бы! В цехах поначалу появились горы возврата. То, с чем вчера мирились, уже не проходило. Вот, к примеру, седьмой цех. В течение двух месяцев с первого захода здесь не пробивалась к заводским воротам ни одна партия роликов для резьбонакатных головок. Полгода потребовалось, чтобы войти в нужную колею. Сколько нервов это стоило! Не раз доходило до слез и заявлений об уходе.

— Представляете, в каком дурацком положении мы оказались, — сетовал начальник седьмого цеха Семен Ашкиназе. — Потребитель никогда не жаловался на нашу продукцию. И мы были довольны: значит, все идет нормально. Но вот пришли в цех из новой

службы — и пошло-поехало: и то не так, и это. Считали — придираются. Но потом и сами поняли, что у нас и измерительная техника не та, и точность деталей приблизительная во многих случаях. Пришлось перевоспитывать прежде всего себя, новый подход к работе вырабатывать. И раньше ведь заводской ОТК нет-нет да и ужесточал требования. Но со временем все становилось на свои места. А тут почувствовали: возврата назад не будет... Собрались, значит, все вместе и решили: неужели мы хуже этих пришлых разбираемся в качестве, нет, не хуже, тогда сами будем браковать свои изделия. Так и заявили своему контрольному мастеру: никого не жалей, надо, значит, надо.

— Я на заводе уже двадцать семь лет работаю, — рассказала мне контрольный мастер из этого же цеха В. Афанасьева, — и могу сказать, что качество продукции все это время не стояло на месте — росло, на глазах изменялось. Оно и понятно. Раньше ведь как детали мерили? Все больше по шаблону. Потом приборы появились, требования ужесточились. И технология все лучше и лучше. Это и успокаивало. А свежий глаз сразу подметил, что мы отстали уже от жизни, скажем, не теми приборами пользуемся. И завернули нам продукцию. Бракоделами, значит, стали. Как обидно было! Честное слово, я хотела уйти с работы... Но мы взяли себя в руки, сумели перебороть свое самолюбие. Больше делу внимания уделили. Там оснастку заменили, там — операции дополнительные ввели... Сегодня уже претензий к нам нет.

Новые службы появились уже на многих предприятиях страны. На них возложена важнейшая ответственность — государственная приемка продукции. Но почему именно Госстандарт взвалил на себя эту нелегкую ношу? Огонь же на себя! Одно дело приезжать на предприятие раз в квартал или месяц с проверками, писать предписания. И совсем другое — как ни крути, а делить пополам с заводскими ОТК ответственность за качество отгружаемой продукции.

Этот вопрос я задавал многим в Госстандарте. И мне отвечали: прежде чем сделать тут шаг, взвесили все «за» и «против». Здешние специалисты прекрасно понимали, на что идут. Зато знали и другое: у них лучшие кадры для контроля, отличная техническая база, наконец, отлаженная система, распростертая «от Москвы до самых до окраин». Им, как говорится, и карты в руки.

А может, все-таки надо было заставить вертеться как следует заводские ОТК? Немало и таких предложений: передать их Госстандарту или даже создать для этого вневедомственный Государственный комитет по качеству продукции.

Ох уж эти ОТК! Сколько гроз пронеслось над их головами. Сколько копий поломано из-за них. А сдвигов никаких. Все на месте. И все так же в конце месяца или квартала живо откликаются они на призывы и пожелания своих руководителей придираться помягче, браковать поменьше. Из одного ведь котла премии черпают. Не будет плана — не жди и премий. И спокойно гуляет по стране продукция, мягко выражаясь, с недотянутыми кондициями.

Тогда, может, действительно они изжили себя? И надо вместо одной разветвленной службы внедрить на каждый завод другую, не зависимую от руководства предприятия. На «Фрезере», скажем, было бы не четыре, а 223 представителя Госстандарта. Причем большинство из них — обязательно «привязаны» к технологической цепи производства. А как директору в таком случае управлять качеством? Нет, тут что-то не то. Просто нужна такая психологическая атмосфера, при которой все бы знали: брак никогда не пройдет, даже если из-за этого сорвется план, а виновник обязательно пострадает материально и морально. Нужна неотвратимость наказания. Именно такая «пружина» и заложена в новую — государственную приемку продукции. И она уже делает свое дело.

Сколько нареканий было, скажем, на станки Черенцаванского станкостроительного завода! Но и тут докопались до первопричин. Виноватым во всем оказался шлифовальный агрегат, на котором обрабатывались шпиндели. Не давал он нужного класса чистоты. Тогда заводчане чуть ли не со всей Армении пригласили королей шлифовки — выручите! Те вручную доводили шпиндели. Но представитель Госстандарта А. Карапетян, сам в прошлом директор завода, видел, что это не выход из положения. И он лично обратился к министру станкостроения: дайте новое оборудование. И знаете, возымело. На самом заводе тоже не сидели сложа руки. Модернизировали участки, на финишные операции поставили асов. Теперь и продукция классом выше.

Поиски причин брака в Крымском телевизионном объединении «Фотон» убедили новую службу, что надо лучше проверять поступающие со стороны детали и узлы. И сразу на «проходной» пошло затоваривание. Особенно быстро росла гора сомнительных кинескопов с маркой воронежского завода. Пришлось Госстандарту вводить особый режим приемки у поставщиков. По следам брака «ушли в технологию» и вели «расследование» до тех пор, пока не вскрыли и не устранили совместными силами все «болевые» точки.

Таких примеров много. Новая в стране служба за короткий срок предотвратила выход недоброкачественной продукции за пределы предприятий на многие миллионы рублей. Оттого-то у нововведения и защитников сразу много появилось. Они убеждали: надо быстрее ввести новые формы контроля — приемку продукции на всех предприятиях, где изготавливаются машины, приборы, электроника, товары народного потребления. И такой шаг в стране сделали — с 1987 года госприемка введена на 1500 заводах и фабриках.

Но вернемся на московский завод «Фрезер».

Как-то начальник тридцать третьего цеха Дмитрий Каплун с жаром доказывал мне: качество и количество — это же, дескать, чашечки одних и тех же весов. Выиграешь в одном — потеряешь в другом.

— Представляете мое положение? — спрашивал он. — На финишных операциях — сплошные переделки. Заработки у людей упали. План еле до половины дотягиваем. Зато качество повысили.

А ведь и раньше рекламаций не было. — И сквозила в его рассуждениях одна и та же мысль: эксперимент протянется недолго.

Но Кузьмин стоял на своем: мы здесь надолго, послаблений не жди.

И вот мы снова в этом цехе. Возвраты готовой продукции практически полностью прекратились. Работа спорится. И только горы черновых заготовок выдают, что дела на финишных операциях по-прежнему не клеятся.

— Вот что сильно нас тормозит, — показывает начальник цеха на заточные станки. — Не задерживаются тут рабочие. Труд не из легких. Пока обработаешь одну фрезу, двадцать пять движений обеими руками сделаешь. Давно уже надо ставить тут новое оборудование, да желательно бы станки-автоматы. Но нам вместо этого расценки повысили, на фонд зарплаты добавили. Вон двух новичков на заточку взяли. Тоже, конечно, выход. Но ведь, честно говоря, путь-то не интенсивный, а экстенсивный.

А ведь, помнится, в прошлую встречу Дмитрий Каплун только о доплатах и говорил. Что ж, жизнь заставляет перестраиваться, переоценивать ценности, менять взгляды. Теперь у него и рассуждения другие. С помощью переоснащения участка можно, дескать, и количество вытянуть, на план сесть.

— Каплун прав, — говорил мне потом Кузьмин. — В цехе много старья, да и в целом завод давно нуждается в коренной реконструкции.

Недавно я встретился с Кузьминым.

— Теперь через наши руки проходят и сверла, — вводил он меня в курс своих хлопот. — Работаем, конечно, не вчетвером. Служба расширилась.

— А как взаимоотношения с дирекцией завода? — поинтересовался я.

— Не без трудностей, — ответил Кузьмин. — Оно и понятно. Перестраиваться нелегко. Оттого и конфликты разные по новому кругу пошли. Пригласили вот на работу к себе толкового заводского инженера Валерия Постнова, а администрация — на дыбы: не отпустим! А парень с охотой к нам шел. И знаете, что сделали с ним? За желание перейти к нам ему, коммунисту, влепили выговор с занесением в учетную карточку. Не смей, мол! А бюро райкома и вовсе исключило его из партии... За что? Но правда восторжествовала. В конце концов Постнова восстановили в партии. Он работает у нас... Вот такая у нас жизнь.

Слушал я Кузьмина и думал: как же нелегко нам дается сегодня борьба за высокое качество. Но победа будет.

Победа в этом деле нужна всем нам.

Сергей Романов

В ЗОНЕ РИСКОВАННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

ОЧЕРК

«Да разве можно здесь потеряться? — подумал я и мысленно представил карту автомобильных дорог Карагандинской области. — В этой-то степи, с прямыми, словно ученические линейки, дорогами! Тут выводи машину на середину трассы, держи руль ровно и гони напрямую, не отклоняясь и не виляя в стороны. Только знай: если держишь путь на восток, то через час-другой выскочишь к горам Каркаралы с самой высокой в области вершиной. Если же ехать от Караганды на юг, то вскоре Сарыарка — по-русски Казахский мелкосопочник — превратится в глинистую пустыню без каких-либо ориентиров, и путнику придется скучать почти до самого Балхаша. А от озера прямая дорога в западном направлении выведет точнехонько к Байконуру — известному на весь мир «космическому» поселку. Так что заблудиться в этой степи с ее прямыми дорогами, мне казалось, было просто невозможно. И пока я так «сам с собой вел беседу», снежные хлопья, липкие и тяжелые, стали величиной с грецкий орех. Шлепали по крыше, налипали на лобовое стекло нашей машины. И было видно, как с каждым новым движением все больше и больше нервничают «дворники», рывками разбрасывая налипший на окно снег.

Впрочем, краем глаза я видел, что ни директор Карагандинской государственной сельскохозяйственной опытной станции (СХОС) Александр Федорович Христенко, к которому я решил наведаться в гости вот уже второй раз, ни водитель машины никаких страхов по поводу усилившегося снегопада тоже не испытывают. Спидометр ясно показывал, что от Караганды на север мы отъехали уже на сорок километров. Значит, до Центрального, где расположилась СХОС, оставалось не больше двадцати. А что с дороги можно сбиться в такую погоду, водитель, как мне показалось, просто пошутил. Видимо, решив или слегка попугать гостя, или рассказать о коварствах степи и особенностях казахстанского климата. Впрочем, тут я бы сделал уточнение — об особенностях карагандинского климата. Потому как если уж разговор зашел о природных контрастах Казахстана в целом, то они совершенно не одинаковы в разных зонах. Когда у подножия южных гор зацветают вишни и урюк, у северных ворот республики бушуют снежные метели.

— Зря не веришь водителю, — оглядывается с переднего сиденья Христенко, — потеряться в этой степи — как дважды два. А замерзнуть и того проще. Зима у нас суровая.

Но мне от его слов нисколько холоднее не стало. Напротив, вытер платком капельки пота со лба и расстегнул полушубок. Сытый, как говорится, голодному не верит. Директор словно понял мои мысли.

— Я ведь тоже по молодости не принимал степь всерьез. И ветер и мороз — все трын-трава. Так считал до тех пор, пока сам не попал в переплет...

Он замолчал, будто напрашиваясь, чтобы его попросили рассказать. И я не заставил себя долго ждать.

— Было это в первый год освоения целины. Мы приехали, правда, вторым эшелоном — к шапочному разбору: лучшие земли около речушек были уже заняты...

Тогда, в 1955 году, с первым снегом к ним в совхоз пришла и первая беда. В санитарную палатку привезли двух обмороженных механизаторов. Парней удалось спасти. Но нужно было спасать еще и трактор, который они оставили в поле. Он, Христенко, со своим земляком-киевлянином Владимиром Данилиным сами напросились пригнать машину с поля в мехмастерские. Не дело, мол, бросать технику на произвол судьбы. Взяли гаечные ключи, веревку и скрылись в снежной степи.

Трактор они нашли. Радовались, что не дали пропасть технике, что все у них получилось так просто и быстро. Но притаившаяся на время степь еще, видно, не до конца отомстила первоцелинникам за нарушенный покой. Вдруг ни с того ни с сего повалил снег, задул ветерок. А еще через пару часов разыгралась настоящая буря. Они не унывали — ничего, переждем! А снежная круговерть не унималась. Ночью начали замерзать. Пришлось жечь драгоценную солярку. Чтобы не угореть от дыма в кабине, выбили боковые стекла. Снег хлестал в лицо, а огонь почти не согревал, а потом и вовсе погас — топливо кончилось. Было до ужаса страшно. И холодно. И тогда они решили выбираться сами. Оставили трактор и пошли, увязая по пояс в сугробах, падая раз за разом. Сутки, вторые шли почти не отдыхая. На третьи выбились из сил, но, поддерживая друг друга, продолжали идти вперед. Вокруг — ни одного ориентира. Всюду буря и снег. На пятые сутки метель утихла, и они выползли к Нуре. Там их подобрали, обмороженных, изголодавшихся.

— Нам было тогда по двадцать, — закончил Христенко и добавил: — Вот такая она, степь...

— Зато летом тут у вас, как в Сочи, — постарался пошутить я, вспомнив прошлую поездку.

— Да будь оно неладно, это лето, — с горечью ответил директор и отвернулся, засунув руки в карманы расстегнутого пальто 58-го размера. И я заметил, как из-за отогнувшихся лацканов пальто на пиджаке запестрела трехрядная орденская планка. — Сочи — это Сочи. Мы туда теперь каждый год отдыхать с женой ездим. Пере-

Художник В.Горячев

грелся на солнце — бултых в море. Освежился — опять загорай. От нас же до моря десятки сотен километров. Вот поэтому из-за удаленности большой воды наше лето, как правило, засушливое. Ветер горячий — с пустынь Средней Азии...

Я, чувствуя какую-то неловкость, теперь предпочитал помалкивать. За окном мелькал укутанный снегом мелкосопочник. Помнится, в прошлый приезд кто-то из местных жителей, а может быть и сам Христенко, рассказывал, что в глубокой древности в этих местах была горная система. Такие же высокие вершины, как в горах Алатау на юге республики. Но со временем дождь и ветер стерли вершины, разрушили и превратили их в невысокие холмы. Волнистые возвышенности, широкие долины, замкнутые сопками равнины, чем-то напоминающие крупную морскую зыбь, то и дело попадались навстречу. Но всему этому было одно название — степь. Огромное пространство с сухой, комковато-зернистой землей каштанового цвета, усеянной лишь сурочьими норами да следами приспособившихся к скудной степной жизни сусликов и тушканчиков.

Если бы не встречающиеся по дороге поселки, в которых расположились центральные усадьбы совхозов, то степь казалась бы совсем безжизненной, такой, какой она была до середины 50-х годов. Сейчас же Казахстан — республика совхозов, которых тут больше двух тысяч.

Я же опять ехал в гости к Александру Федоровичу Христенко, директору Карагандинской СХОС — одного из самых передовых хозяйств не только в области, но и в республике.

О деятельности Карагандинской государственной сельскохозяйственной станции можно говорить много. Она одна из самых крупных в республике. Ее можно назвать и совхозом, а можно — и небольшим сельскохозяйственным НИИ в степи. По своим производственным показателям станция — мощное хозяйство, производящее много зерна, мяса, молока. Эту продукцию СХОС продает государству. А более 50 научных сотрудников работают над выведением новых сортов зерновых культур и кормовых трав, эффективных для выращивания в степных условиях. К примеру, совсем недавно на станции был выведен новый сорт ячменя «карагандинский-2», который в засушливой степной зоне показал себя наилучшим среди подобных по урожайности и по сопротивляемости к болезням и морозам. В тот же год станция получила задание Госагропрома страны о рассылке семян только что выведенного сорта на Кавказ и Дальний Восток, для колхозов и совхозов Сибири, степных хозяйств Украины.

Совместно с полеводами и механизаторами ученые выращивают не только семенную пшеницу, ячмень, но и семена картофеля, моркови, выводят породистых бычков и телочек, проводят эксперименты по производству и приготовлению кормов, вырабатывают рекомендации по агротехнике для окружающих совхозов и колхозов.

Такие вот успехи. Когда, вернувшись в Москву, я рассказывал друзьям о достижениях хозяйства Христенко, многие и не удивились: так, мол, и должно быть. Обладая таким научным потенциалом, любое хозяйство выбьется в передовые. Я соглашался: если бы и каждый совхоз к тому же, пользуясь рекомендациями ученых станции, мог бы через год-два увеличить продажу зерна, мяса и молока государству. Но вот не могут же... Почему? Сами директора причин называют много: людей не хватает, земли плохие, техника подводит и, главное, засуха. Но, мне кажется, потому, что многих директоров мало интересуют достижения специалистов и агрономов СХОС. Так же, как не интересуют и достижения обычных хозяйств-передовиков. Всему отговорка — занятость. Но те же самые полеводы и животноводы СХОС при той же самой нехватке времени выезжают и в Сибирь, и на Украину в целях приобретения передового опыта. И сразу же, не откладывая на потом, внедряют новую технологию у себя. Одним словом, поступают так, как и должно поступать каждое хозяйство. Соседи же в этом... не видят необходимости: СХОС, мол, хозяйство экспериментальное, им можно и покуражиться. А нам, дескать, план выполнять надо. Только вот с выполнением планов чаще всего провалы бывают у последних. Но об этом позже...

— ...Вот какую погоду к вам привез из Москвы, — с виноватой улыбкой говорю я, не отрывая взгляда от окна.

— Красота, — возражает директор, будто бы только что и не он говорил, какими коварными бывают в степи снегопады. — Побольше бы гостей такую погоду нам завозили. Снег — разве плохо? Казахи так говорят: обилие белого снега — к обилию

белого хлеба. В этом году не успеваем трактором дорогу к плотине прочистить, как снова все сугробами заносит. К урожаю, значит...

Тем временем мы въехали на территорию поселка. Проскочили вдоль аккуратных, словно детские игрушки, коттеджей, огороженных невысоким штакетником. И я вспомнил, как позапрошлым летом через эти изгороди под тяжестью плодов перевешивались кудрявые ветки украинских антоновок. Я уже знал, что сейчас мы вырулим на главную улицу, проскочим школу, клуб, бассейн, остановимся возле двухэтажного правления под теми самыми карагачами, под которыми в прошлый раз я нашел спасение от липкой духоты и жалящих солнечных лучей.

Я сидел тогда под этими деревьями не в силах шевелить ни руками, ни ногами, мечтая лишь о прохладном душе, а Христенко тем временем, перепрыгивая через ступеньку, мчался к себе в кабинет на второй этаж к селектору. В тот день мы побывали во многих совхозах района и области, всюду расспрашивая, пощадила ли засуха хоть один гектар с хлебом. Вести были неутешительные, и я, сидя потом под карагачами, слышал через открытое окно директорского кабинета, как Христенко щелкал кнопками селектора, вызывая начальников отделений: «Сколько? Шесть центнеров с гектара? — как бы удивлялся он. — Вы с ума сошли! Во втором отделении по десять собирают».

Но я-то знал, что и во втором отделении дела обстоят не так, как хотелось бы. Там действительно собирали по десять центнеров с гектара. Но и это было на три центнера меньше, чем должно быть по плану. Но в то же время это было рекордом не только в СХОС, но и в районе и области.

Много хлеба пожгло в тот год знойное солнце Казахстана. Мы не раз встречались и разговаривали с хмурыми директорами и агрономами совхозов, которые как бы в знак оправдания показывали на потрескавшуюся землю, брали ее комья в руки и, без труда кроша одними пальцами, превращали в обыкновенную пыль. И я удивлялся: как вообще такая земля без капли влаги могла плодородить? Не убыточно ли здесь, в неорошаемой степи, сеять зерно на все восемьдесят процентов из ста, зная, что лето снова будет без дождей, а значит, и поля без урожая? В ответ хлеборобы лишь устало и снисходительно улыбались, оставляя все мои вопросы без ответа. Только гораздо позже понял я причину их молчания. Понял, что обращался с дилетантскими вопросами. Понял, что хлеб в этой безбрежной жаркой степи сажать стоит только потому, что это **хлеб**. И пусть несколько прошлых лет были неурожайными, и, может быть, и следующие годы тоже не принесут много зерна, но и впредь каждый год трактора с сеялками по весне выйдут в поле, и хлеборобы начнут новую битву за хлеб. Ибо по хлебному запасу страны, который ничуть не дешевле запаса золотого, также судят о престиже, силе и могуществе государства. Что может быть на свете дороже хлеба? Ничего. Хлеб — всему голова. И какой бы ценой он ни выращивался в степи, но этот казахстанский миллион был гораздо дешевле

и, самое главное, вкуснее того, который наши суда привозили из-за границы. И в прямом, и в переносном смысле слова (доказано учеными, что казахстанская пшеница, содержащая от 14 до 18 процентов белка, 28—34 процента клейковины, обладающая стекловидностью от 95 до 100 процентов, является одной из лучших в мире).

Тогда, очутившись впервые в казахстанской степи, я многое понял, но не мог взять в толк одного: неужели бессильна наука, неужели ничего нельзя сделать, чтобы колосья не гибли на корню? Ведь так часто говорилось, что люди покорили степь, что человек является богом и царем природы... А в это время стихия без труда выжигала целые зерновые поля. Конечно, с оптимизмом говорилось и о проектах орошения степных земель, которые были где-то совсем уж на подходе. Вот-де скоро, совсем скоро ученые разработают технологию искусственного образования дождевых туч над казахстанскими степями или по крайней мере осуществят их перегонку из других районов страны. Другие говорили, что вот-вот уже то время, когда человек повернет сибирские реки вспять — прямо на степные поля. Третьи были уверены, что не за горами день, когда буровики пробурят многокилометровые скважины прямо в степи и целебная, богатая подземными солями вода превратит засушливую землю в плодородные долины. Конечно, все это было еще не вода, а лишь чистой воды фантазии. И пока одни грезили необычайными проектами, ученые из СХОС уже пытались рассчитать, как бы подольше удержать ту немногочисленную влагу, которая впитывалась в землю после снеготаяния и скудных дождичков. Эти работы были куда реальнее. Да и сам директор станции не витал в облаках, а занимался делом.

Километрах в трех от СХОС строители тянули нефтепровод на Чимкент. И хотя стройка называлась ударной, высоких темпов ей как раз и недоставало. Мощнейшая землеройная техника часто простаивала. И все это время у директора душа болела: такие б трактора, да на строительство плотины. Однажды не выдержал, поехал к строителям с поклоном. И когда те, заглушив двигатели, вылезли из кабин, чтобы часок-другой полежать на солнышке — на этот раз в ожидании стройматериалов, — Христенко попросил: «А что, ребята, не устроить ли субботник? Помогите нам, крестьянам. В долгу не останемся». Ну, а почему бы не помочь? После этого разговора строители каждый день с пользой загружали технику, переграждая Нуру степной землей, а администрация СХОС рассчитывалась с трактористами по существующим расценкам. В обоюдном сотрудничестве никто внакладе не оказался. В общем Христенко проявил, как мы любили говорить, социалистическую предприимчивость. Ту самую предприимчивость, о которой многие директора совхозов не забудут упомянуть на трибуне одного из совещаний или конференций — и только. Плотина же была построена. Построена в рекордные сроки: сельскохозяйственной подрядной строительной организации воздвижение такой дамбы обошлось бы больше чем в год. Строители

ударной стройки успели построить сооружение за два летних месяца в свободное от «ударной» работы время. На Нуре была воздвигнута плотина, о которой люди мечтали со дня рождения поселка. Высотой в тридцать с лишним метров, шириной за сорок, с запасом воды в пять миллионов кубометров.

Конечно, нашлись завистники, которые тут же дали соответствующий комментарий деятельности директора станции. Дескать, ему, Христенко, помог лишь счастливый случай. А что делать тем руководителям хозяйств, у которых не то что плотины с запасом воды нет под боком, но и ни реки, ни озерца на многие километры вокруг.

— Правду говорят, — выбрав однажды время, когда Христенко был в расположении духа, спросил я, — что высокие урожаи в СХОС только благодаря плотине и реке?

— Правда, — ответил Александр Федорович. — Отчего же не правда? Вся земля, которую мы отвели на эксперименты научным работникам, а также часть лугов с кормовыми травами орошается водой из плотины. Это примерно двадцатая часть наших земель. Да неужели ты думаешь, что я не провел бы оросительную систему на все зерновые поля, если бы воды в плотине скапливалось в достатке?

Я знал: коллектив станции год за годом выдерживает суровые экзамены. Весной и летом земля трескается от палящей жары, но урожаи у Христенко на полях всегда стабильны. Пусть иногда с некоторым недовыполнением плана сдачи хлеба государству, но, как правило, вдвое больше, чем в других хозяйствах.

А в пику наговорщикам и завистникам он как-то на одном из областных совещаний директоров совхозов от имени своего коллектива попросил выделить самое отстающее хозяйство, чтобы сезон-другой поработать вместе, помочь соседям правильно делать вспашку, вовремя сеять, по новой технологии ухаживать за растениями и, наконец, быстро убрать урожай. Одним словом, станция, со слов директора, обязалась взять отстающих на буксир.

В областном управлении согласились. И когда такой слабенький совхоз выделили, многие хозяйственники в области с ехидцей посмеивались: ну что, мол, неугомонный Христенко выпросил на свою шею подшефных... совхоз имени Абая, который находился в трехстах километрах от опытной станции. Впрочем, и друзья качали головами: помыкаешься ты теперь, Александр Федорович. На такое расстояние не так просто перебросить трактор или комбайн, да и специалистам ездить в такую даль не всегда сподручно.

Можно было отказаться — никто бы слова не сказал. Но Христенко этого делать не стал. Только одного не мог понять: почему в подшефные дали самый дальний совхоз, когда и рядом в округе немало таких, что не отказались бы ни от помощи, ни от научной поддержки. Ну да ладно. Начальству, как говорится, виднее, и Христенко взялся за возрождение отстающего хозяйства с такой неутомимой энергией и оптимизмом, что многие только диву давались. Он работал по испытанной агротехнике: произвел обработку

паров, что никогда в совхозе имени Абая не делалось. Подошло время — вспахал поля, выждал дни наиболее благоприятные для сева. Директор подопечного совхоза несколько раз подходил к Христенко и обреченно говорил: «Зря столько сил тратишь, Федорович, не будет хлеб здесь расти. Ты только посмотри, посмотри на землю, ведь сплошные солончаки. Эти поля только под пастбища и годятся». Христенко скупо отвечал: «Попробуем», а про себя думал: коли в степи чернозем искать для сева, то останется степь невспаханной.

Так все лето и разрывался на два фронта. И вот дело подошло к жатве: колосья в подшефном хозяйстве налились тяжестью, как и на полях опытной станции. Что даст уборка? Наконец комбайны вышли в поле, и он сутками сидел в кабинете около селектора. У себя на полях станции с первых дней жатвы начали собирать по 12,5 центнера с гектара. Что ж, хотя и не дотягивали до плана всего лишь полцентнера, но эта цифра была почти в два раза выше, чем в других хозяйствах. Но как дела в совхозе имени Абая? И вот из селектора раздалось: «Александр Федорович, пока собираем по 12 центнеров. Больше тут никак не возьмешь... — и после паузы добавили, — и меньше тоже не будет!» В тот год с подшефных полей хлеба сняли в шесть раз больше, чем собирали в прежние времена.

Корреспондентов понаехало пропасть. Из области телефонные звонки покоя не давали: ай да Христенко! Ну надо же, как везет! Приглашали выступить в районе, области: не скрывай, мол, секретов, поделись опытом. А он и не отказывался — не в его это правилах. И не в правилах СХОС. Забегу немного вперед и скажу, что после того случая директора многих совхозов позаимствовали у опытной станции расчеты внесения минеральных удобрений, переняли опыт по подготовке паровых полей к будущему севу, упорядочили нормы посева зерновых культур, каждый год звонили в СХОС, чтобы согласовать сроки сева. Но это было позже...

А тогда, не отказывая в многочисленных просьбах, он выступил раз, второй, десятый... Разве на словах объяснить всю технологию? Ведь можно сто раз сказать, что конфета сладкая, но тот, кто не пробовал этого лакомства, все равно ничего не поймет. Тут кроме теоретических занятий нужны и практические, с выходом в поле. А с трибуны получалось, что говорит-то он прописные истины, знакомые каждому агроному. Кто-то, конечно, выполняет и эти рекомендации: два совхоза, три, ну от силы пять...

...Он в сердцах стукнул по столу могучей рукой: почему элементарную культуру земледелия, давно уже ставшую законом, и практические рекомендации станции до сих пор не внедрены в хозяйствах? Да потому, что все боятся ответственности. В случае чего все опять же можно будет списать на засуху. И как с гуся вода. Ведь наша зона даже в научных трактатах значится не иначе как зона неустойчивого или рискованного земледелия.

Я смотрел на его разгоряченное лицо, и мне хотелось сказать: так вам и карты в руки, Александр Федорович. Разве не ваша станция

здесь, в области, является «законодателем мод» в сельском хозяйстве? Но я промолчал, предпочитая до поры до времени помалкивать. Только Христенко, сам того не замечая, тут же и ответил на мой немой вопрос.

— Разве не регулярно мы планируем проведение ученых советов? Не мы ли распинаемся на них, рассказывая о всех проведенных опытах по культуре земледелия в степи? О всех успехах и неудачах? Беда только, что слова наши так и остаются словами. Да и обидно, что все эти мероприятия посещают в основном те, у кого в хозяйстве порядок. А как было раньше? На каждый итоговый отчет к нам самолично приезжал начальник областного управления госагропрома (в то время начальник облсельхозуправления). Рядом сидел его заместитель по земледелию, там же все главные агрономы районных комитетов агропрома, директора и агрономы хозяйств... Сейчас же наши диспетчеры натирают мозоли на пальцах, накручивая телефонный диск, дабы известить всех об очередном семинаре, но... у руководителей и их заместителей, видите ли, на это нет времени!

Он замолчал, выдвинул ящик стола и достал тоненькую брошюру с заголовком «Рекомендации по интенсивной технологии вызревания яровой пшеницы в Карагандинской области».

— Вот твердим, твердим: оставляйте пары, правильно их обрабатывайте. Мы же эту систему проверили и внедрили у себя на станции еще десять лет назад. Здесь все написано. Всего делов-то: две обработки плоскорезом на глубину двенадцать—четырнадцать сантиметров. Из них вторая — с внесением удобрений. Третья — с одновременным высевом, и последняя — с глубоким рыхлением. Выгода от такой обработки только одна — увеличение урожая. Мы ведь специально провели опыт: одно поле засеяли после неполной обработки паров, как делается во многих совхозах, и второе — по нашей агротехнике. С первого сняли урожай по четыре центнера с гектара, а с пара, рекомендованного станцией, вдвое больше — по восемь. Никто здесь не ловчил: сев на обоих полях проводился в один день, одними семенами и теми же самыми агрегатами.

Я понял, чем так огорчен Христенко: в результате неправильной обработки паров совхозы области в итоге не досчитываются по 80—90 тонн зерна...

— Но ведь под те же самые пары, — замечаю я, — в качестве удобрения необходимо вносить чистый фосфор. А это дефицит!

Христенко машет рукой:

— Фосфор у нас под боком. Его нужно только взять. Вон он, рядом, — показывает Христенко в сторону дороги на Темиртау. — В сотнях тысяч тонн отвалов на Карагандинском металлургическом комбинате. Мы провели исследования и обнаружили, что в шлаках содержится по восемь—десять процентов чистого фосфора. Такого, который мы завозим в область черт знает откуда. А этим можно обеспечить не только область, но и всю республику!

— Так в чем же дело? — удивляюсь.

Христенко отворачивается: мол, есть у казахов хорошая поговорка: «Богатство лентяю лени прибавляет». Отвалы растут каждый год. Строй рядом специальные мельницы, устанавливай на них грануляторы — и вырабатывай из отходов драгоценное удобрение. Но как раз заниматься этим никто не хочет. Конечно, куда проще подать заявку и ждать, пока к тебе все доставят.

— Ну, а какой же выход вы видите?

— Наша опытная станция согласна взять на себя разработку технических приспособлений для грануляции даже за счет наших же прибылей. Но без помощи во всем остальном, сам понимаешь, нам не справиться. Ждем пока ответа из области: что решат?

И пока область молчала, научные сотрудники СХОС провели несколько новых экспериментов. Рассчитали: если удобрить поля фосфором, то урожайность зерновых, да и остальных культур поднимется. И это невзирая на засушливый климат. Выгодно? Конечно. И тут я вспомнил крылатые слова Христенко: «Современная агротехника, упорство людей, их умение анализировать сложные ситуации и делать своевременные выводы — вот главные козыри борьбы с засухой в степи. Только благодаря труду зону неустойчивого земледелия можно будет переименовать в зону земледелия благоприятного».

Тут хотелось бы вспомнить один эпизод. Как-то для знакомства с работами казахстанских ученых на целину приехали специалисты-агротехники из самых разных стран мира. И аграрники США, например, искренне удивились, когда им назвали соотношение урожайности зерновых и годовые нормы осадков: по 20 центнеров с гектара при 250 миллиметрах влаги. Американские хлеборобы только и ответили, что в Соединенных Штатах столько получают разве что при количестве осадков, в два раза большем. Однако казахстанские ученые, как и сам Христенко, считают, что и такая урожайность в степных условиях республики не предел.

— Пусть американцы приезжают к нам на станцию, у нас их тоже есть чем удивить, — смеется Александр Федорович и уже серьезно говорит: — Вот, к примеру, разработали и внедрили новую технологию предпосевной обработки земли с одновременным боронованием. Это раз. Во-вторых, впервые в области применили новейшие гербициды. А рационализация и изобретательство? Вот Анатолий Трякин, Володя Шилин и Михаил Волков из цеха рационализации сами изготовили сеялку для посева люцерны...

— Из какого цеха? — переспрашиваю.

— Рационализации, — с недоумением смотрит на меня Христенко. — Что-то непонятно?

— Понятно, — в ответ пожимаю плечами и мысленно рисую картинку, как несколько ребят в промасленных комбинезонах сидят среди большого цеха рядом с отключенными станками с задумчивыми лицами — изобретают... — И чем же все-таки они занимаются в этом цехе?

Теперь Христенко смотрит на меня в упор:

— Я же сказал: воплощают технические идеи в реальные дела. На днях изготовили широкозахватный агрегат для внесения удобрений. А предложенная нашими сельскими конструкторами технология погрузки и скирдовки сена позволила высвободить пятерых механизаторов... Впрочем, стоит ли на этом теперь заострять внимание? У нас ведь в хозяйстве все что-нибудь изобретают.

— И вы? — шутливо спрашиваю я.

— И я, — без тени смущения отвечает Христенко.

— Ну и что же вы изобрели, если не секрет, Александр Федорович?

— Да так, одного психа...

— Кого? — округляю глаза.

— Психа первого, — повторяет он и, видя мое растерянное лицо, от души хохочет. — Это машина такая — «ПСИХ-1». То есть «Подъемник стеблей инженера Христенко».

«Этому бы директору да из рогатки пулять», — думаю я про себя и затем прошу рассказать о чудном агрегате.

Как ни странно, но свой «ПСИХ» он изобрел в один из немногих урожайных годов: когда и солнышко ласково пригревало поля, и дожди шли словно по расписанию. Осенью в хозяйстве Христенко комбайнеры собирали почти по 30 центнеров пшеницы с гектара. Впрочем, и в других хозяйствах урожай выдался на славу. Жатва уже подходила к концу, когда вдруг повалил снег, а ночью ударил такой мороз, что колосья покрылись ледяной коркой, пригнулись под тяжестью к самой земле. 12 тысяч гектаров остались необмолоченными. Что делать, как поднять хлеб? Убирать вручную? Христенко подсчитал: потребуется около 20 тысяч рабочих, чтобы успеть обмолотить оставшуюся пшеницу, пока она совсем не померзла. А где взять столько народу? Ночь просидел с циркулем и линейкой — к утру был готов проект приспособления. Механизм, сконструированный на базе лущильника, навесили на «Беларусь». Он поднимал из-под снега валки, а идущий следом комбайн их обмолачивал. На другой день 60 приспособлений под названием «ПСИХ-1» работали уже почти во всех хозяйствах области. Хлеб был спасен.

— ...Да ты не беспокойся: по полям я тебя в такой снегопад водить не собираюсь. На этот раз посмотришь ферму.

Я осматриваюсь в кабинете. Все, кажется, по-старому. Портрет Владимира Ильича Ленина, стеллажи с книгами, пачки газет, незаменимый селектор, горит настольная лампа. В правом углу — три Красных знамени. Два года назад их было только два.

Христенко ловит мой взгляд и тут же поясняет:

— Последнее ЦК Компартии Казахстана нам вручил недавно. За успехи в животноводстве. Ведь мы за четыре с половиной года выполнили одиннадцатую пятилетку по продаже государству молока. А мяса сдали на четверть больше, чем нами планировалось. Стадо коров в области у нас, правда, не самое лучшее — пока. Но зато показатель надоя на одну особь самый высокий.

...Пастухи из африканского племени ватусси говорят так: «За

исключением короля, нет ничего выше коровы». Впрочем, если верить и директору СХОС, они, безусловно, правы. Вот, например, мировая рекордистка Скэгвейл Грейсфул Хэтти из Канады за один только год выдает по 19 985 килограммов молока! По пять с половиной ведер в день! Как тут не согласиться с пастухами из племени ватусси!

Но у Хэтти, видите ли, всеми способами поддерживали «спортивную форму»: поили, кормили сплошными витаминами, холили, ласкали. А как быть тем животным, которые занимают свое скотоместо на обычной ферме? Да плюс ко всему если ферма расположена в условиях резко континентального климата, когда зимой температура не то что на улице, но и в коровниках резко понижается, а летом в такую жару и пастись не захочешь. Да и саму ферму поначалу строили не рядом с богатыми пойменными лугами, а в засушливой казахстанской степи, неорошаемая земля которой способна давать всего лишь по 10—12 центнеров кормовой травы с одного гектара!

Вот тут-то у Христенко и сыграла большую роль водица, накопленная в плотине, помните? В результате орошения ею близлежащих земель, где выращивается кормовая люцерна, урожай возрастает до 300—400 центнеров с гектара.

Что еще нужно корове? Ага, жилье.

...Очищенная от снега асфальтовая дорожка тянется к похожему на точильный брусок коровнику. За ним по невидимой дуге расположился второй, дальше — третий, пятый... Аллейка ведет как раз в центр круга коровников, к елям и карагачам, рядом с силосной башней. Здесь по замыслу директора СХОС будет зона отдыха для доярок.

— Ну, с какого начнем? — спрашивает Христенко. — Тот, что ближе? Тогда — вперед.

Коровники у Христенко можно сравнить разве что с заводскими цехами, ну а животных в них в таком случае со станками-полуавтоматами. К каждому скотоместу протянуты шланги и рукава — это для подачи воды и воздуха. Тут же транспортеры для удаления навоза, подачи корма. Все электрифицировано: вентиляция, дойка. Есть даже радиотрансляционная сеть: лучше ли под музыку коровы отдают молоко — этого Христенко сказать не может, но вот дояркам работать веселее.

По мнению специалистов-животноводов, для индустриального молочного комплекса «порог продуктивности» содержащихся в нем коров должен равняться пяти тысячам литров молока в год. Не меньше. При таких автоматизированно-механизированных коровниках слишком дорога цена одного скотоместа, чтобы держать животных с меньшей продуктивностью. Но это больше касается средней полосы страны. Засушливый Казахстан — дело совсем другое.

Показатель удоя на одну корову на ферме чуть меньше трех тысяч литров. Маловато, конечно. Но опять-таки цифра-то самая высокая в области! Да и для всего Казахстана тоже немалозначитель-

на. Поэтому и задал я Христенко дежурный журналистский вопрос:

— Какими методами ваши доярки достигли таких относительно высоких надоев? Ну, корма, естественно, всегда есть. Ну, коровники, словно производственные цеха... Ну...

— Стоп, — прервал Христенко. — Стоп. Ты все-таки коровник с цехом пока не путай. Коровнику далеко еще до цеха. Хотя поточно-цеховую линию на ферме мы уже ввели.

Действительно, до сходства с цехом коровнику еще далеко. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с рабочим днем доярки. Рабочий у станка находится восемь часов. Доярка — с раннего утра до позднего вечера. К тому же она «многостаночница», обслуживает по 50 коров. У каждой из них нужно подмыть дезинфицирующим раствором вымя — значит, все время полное ведро теплой воды приходится носить за собой, периодически менять ее. После же доения необходимо произвести замер надоенного от каждой подопечной, проконтролировать качество молока, слить его в общий бидон — труд, прямо сказать, адский. Может быть, поэтому иногие деревенские девушки желают стать «станочницами городскими». Так на многих фермах.

Христенко сократил рабочий день доярки вдвое. Перевел работу фермы на двухсменку. Первая смена начинает в шесть утра и заканчивает в два часа дня. Вторая занята с обеда до одиннадцати вечера. Смены еженедельно чередуются. Создана и группа подменных доярок, которые подменяют основных, когда им предоставляются выходные, отгулы или отпуска. Все, казалось бы, проще пареной репы, не правда ли?

— Это только так кажется. При переходе на двухсменку необходимо учесть, что теперь у коров появляется и вторая доярка. И здесь очень важно, чтобы две работницы доверяли друг другу. Лучше, когда напарницы сами себя найдут и сработаются. Подбор же операторов машинного доения сверху себя, как правило, не оправдывает. Это, так сказать, человеческий фактор.

Но двухсменка двухсменкой, а труд животновода по-прежнему очень еще сложный. Правда, уже ходят слухи, что вскоре доярок на ферме совсем упразднят, а их обязанности перепоручат роботам-автоматам. Такие уже, к слову будет сказано, имеются. Например, в отделе робототехники Московского института инженеров сельскохозяйственного производства ВАСХНИЛ создали экспериментального робота-животновода. Автоматическая доярка ростом 185 сантиметров аккуратно объезжает стойки в коровнике, берет в руки ведро и моет каустиком стены. Она свободно может накормить животное, проверить, все ли коровы здоровы, следить за температурой и влажностью воздуха на ферме, взвешивать, маркировать коров, переводить их в другое помещение, а в случае драки молодых бычков берет в руки брандспойт и ледяной струей успокаивает животных.

В поселковой школе, где я рассказал ученикам о необычной работе, меня спросили, а когда будет такой автомат на всех фермах?

Действительно, когда? Наверное, тогда, когда потребители будут заинтересованы в его внедрении. Школьники опять удивились: а разве не заинтересованы?

И тут я решил поменять тему разговора: не хотелось только начинающим входить в рабочую жизнь юношам и девушкам говорить о выжидательной позиции многих руководителей. Не хотят перестраиваться, внедрять новую технику, предпочитая выполнять план по старинке. Сказал я тогда ребятам только об одном: что, как только роботы появятся в серийном производстве, будьте уверены, ваш директор приобретет их в первую очередь. Он и сейчас уже внедрил на ферме столько новшеств, сколько не внедрено во всех вместе взятых хозяйствах района.

О первом своем появлении на ферме Христенко вспоминать не любит — морщится. И в самом деле, пять лет назад, когда его назначили директором СХОС, на ферме не было ни одного теплого помещения. Старые постройки пришли в негодность. На одном из коровников крыша разрушилась. На двух других прогнулись плиты перекрытия, племенные телки содержались в полуразрушенных арочниках. В аварийном состоянии находилась и конюшня, не работал кормоцех. Как говорится, дохозяйничались на ферме...

Таких условий, как для канадской Хэтти, он для всех коров, естественно, создать не мог, не согласился и на строительство нового типового животноводческого городка. Собрали людей: как быть? Строительство городка обойдется слишком дорого, да и времени уйдет на это уйма. Лучше конечно же сразу провести реконструкцию всех помещений фермы. Начали с прифермерских дорог. Все постройки соединили кольцевым маршрутом. Для этого уложили высокие настилы, застлали ухабы щебнем и гравием. Для стока воды заложили трубы. Коровники не только отремонтировали, но успели и переоборудовать на мобильную раздачу кормов. Полностью реконструировали и кормоцех.

— Без этих преобразований, — говорит Александр Федорович, — на ферме невозможно было бы начать внедрение коллективного подряда. Сами посудите, разве можно всерьез вести разговор об этом методе, если ферма утопает в грязи, кормоцех бездействует, а в помещениях холодно? Ясно, что нельзя. Но может возникнуть и такой вопрос: раз на ферме наведен образцовый порядок, то зачем в таком случае коллективный подряд? В том-то и дело, что можно иметь полностью механизированную ферму, но агрегаты на ней будут бездействовать. Можно иметь вдоволь кормов, но скот будет кормиться от случая к случаю. Доярки будут опаздывать, а то и вовсе пропускать работу. Чтобы ферма действовала четко, необходимо весь ее коллектив и каждого работника в отдельности заинтересовать в результатах его труда. Вот таким мощным фактором и является бригадный подряд.

Работники СХОС ничего нового во внедрении бригадного метода труда не изобрели. Идею эту они позаимствовали в Киеве, во Всесоюзном научно-исследовательском институте по испытанию

машин и оборудования для животноводства и кормопроизводства (ВНИИМОЖ).

Внедрение бригадного подряда способствовало изменению и характера людей, и их отношения к труду. Внешне, конечно, могло показаться, что доярки на ферме Христенко трудятся так же, как и в других совхозах области. Но это только внешне. На самом деле из разговоров было видно, что каждая доярка теперь болеет не только за свой участок, но и за конечный результат, чего раньше не было. Бывало, что подвезут корм, двое скотоводов поднимаются в кузов и не спеша сгружают. Все остальные смотрят. Сейчас такого не увидишь. Напротив, механизаторы помогают скотникам, те — дояркам. Иначе каждый зарплаты недоберет.

— Да и доброе имя свое потеряет, — добавляет секретарь парткома СХОС, член бюро Тельманского райкома партии Владимир Юсупович Юсупов. — А на это теперь далеко не все согласятся. Люди видят, что руководство станции старается, чтобы работали и жили они хорошо. И мы понимаем: чтобы у человека было хорошее настроение, чтобы он сделал для хозяйства как можно больше и качественнее, надо этому человеку предоставить приличную квартиру, обеспечить его личный скот кормами, поместить детей в теплый детский садик и школу. Рабочий должен быть уверен, что во время недомогания или несчастного случая его встретит квалифицированный и приветливый врач, что после работы он может принять горячий душ или попариться в бане...

День клонился к вечеру. Усталость давала о себе знать. Да и усилившийся ветер с крепким морозом щипали щеки. Видимо, дело шло к буре. Хотелось побыстрее добраться до теплой комнаты, выпить горячего чая...

— Ну, а теперь в баню, — сказал Христенко, когда мы сели в машину.

Попробовал было отказаться. Да Христенко уговорил хотя бы заглянуть. Без особого энтузиазма ехал я в баню, которую «сработали» у себя на машинном дворе механизаторы. Но вошел и обомлел: рядом с дверью в парилку целый комплекс из различных душей. Горизонтальный, вертикальный, массажный. Рядом бассейны с холодной и горячей водой. Тут же бильярдная, комната отдыха.

Пропарились мы до глубокой ночи. Усталости как не бывало. На щеках горит румянец. Стали уходить — я спохватился: нехорошо, мол, столько времени из парилки не выходили, а может, как раз в это время кто-нибудь из механизаторов хотел помыться...

Но и тут Христенко просил не огорчаться: в СХОСе несколько бань — и русских и финских.

Ложился я в тот вечер спать и думал: многие завидуют директорской должности. А чему, собственно говоря, завидовать? Ну, понятно, со вкусом обставленный кабинет, приветливая улыбка секретарши, персональная машина, постоянное место в президиуме собраний, известность в конце концов. Но ведь большая часть людей и не заме-

чает, что рабочая неделя у директора совхоза в два раза больше, чем у других работников. Не знают, что порой и сердце пошаливает, что число всякого рода выговоров у Христенко превышает число наград, что весной, летом и осенью практически не остается времени для семьи. Но все же он, Христенко, работает увлеченно, самоотверженно «идет на грозу», спорит, доказывает, если того требует необходимость, вступает в конфликты. Потому что он, Христенко, не только руководитель, но и первоцелинник. Один из числа тех людей, кто дал клятву превратить зону рискованного земледелия в зону плодородия. Один из тех, о которых в Политическом докладе на XXVII съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев говорил: «Сегодня сельскому хозяйству как никогда нужны люди, заинтересованные работать активно, с высоким профессиональным мастерством, с новаторской жилкой».

Мурад Аджиев

НАУКА СОЗИДАЮЩАЯ

Научно-технический прогресс ныне стержень экономической стратегии партии, он придает ускорение экономике, он позволяет творчески, по-хозяйски изменить отношение к природным ресурсам и природной среде: чтобы брать у природы все необходимое, но оставлять потомкам землю более плодородной, воздух и воду — более чистыми, недра — неистощенными, леса — шумящими листвой.

Нужно ли напоминать, что когда-то — совсем недавно! — казалось, что нет никаких экологических проблем, по крайней мере о них многие не задумывались, говоря о грандиозных перспективах экономики; что месторождения представлялись неисчерпаемыми, и даже серьезные ученые не избегали этого кажущегося теперь бессмысленным слова; что чистота природы и здоровье людей так же связаны между собой, как вода и рыба, как воздух и птица? Ответы на эти вопросы словно вехи истории, с которой начиналась нынешняя экология.

Науки о Земле не ради престижа вели свое просветительство, прежде чем подобные истины овладели сознанием многих, а не только ученых-естественников. Эмоциональность, страстность публицистических выступлений тоже лила воду на мельницу экологии. Какие только не приводились (и в печати, и устно) примеры природных микрокатастроф, вызванных человеком, его неумелым хозяйствованием!

Порой читатель явно захлебывался в потоке предостерегающей, пугающей, но заставляющей задуматься информации. 70-е годы и начало 80-х были богаты на события. В печати зачастили сообщения о катастрофах танкеров или крупных лесных пожарах в самых разных уголках мира, говорилось об угрожающих загрязнениях рек, воздуха в промышленных регионах планеты. Словом, общественность начала привыкать к экологической информации, которой раньше не было, начала воспитываться на ней.

Нет, действительно во всех этих публикациях чувствовалась не только газетная сенсация, но и истинная тревога за судьбу Земли, людей, с которыми делилась экология — завоевывающая всеобщее признание наука. Делалось все, чтобы крылатая фраза замечательного нашего писателя Михаила Пришвина стала близкой и понятной каждому: «Охранять природу — значит охранять Родину»...

То, бесспорно, были годы гуманного просветительства. А дальше? Что делать экологии дальше — сейчас, завтра? По-прежнему собирать, констатировать новые случаи нарушений? Или по совету некоторых западных ученых добиваться отказа от промышленного строительства и даже от хозяйствования вообще — число природных катастроф, сотворенных руками человека, с годами отнюдь не уменьшается? Нет, видимо, нельзя так ставить вопросы.

Хотя, конечно, зачем отрицать — путь самозаточения, путь отказа приведет рано или поздно к экологической гармонии на планете, но не придется ли тогда людям сменить одежду на набедренные повязки или шкуры? Кроме того, желаемый результат — экологическую гармонию — видимо, даст и улучшение очистки стоков и выбросов на действующих предприятиях, тогда тоже можно будет почти обойтись без новых загрязнений природы.

Но те ли это пути? Вернее, единственны ли они? Как известно, охрана природы — категория экономическая. Она требует затрат, отвлекает материальные и трудовые ресурсы. И значительные ресурсы! Возможны даже случаи, когда очистные сооружения грозят сравняться по стоимости с самим предприятием или превзойти ее.

Полагать, что нынешняя природоохранительная «игра» стоит свеч, значило бы принять правила этой «игры» и выкладывать на стол каждый год новые и новые миллиарды рублей, считая, что расходуем их на благородное дело. Но так ли это? Истинное ли это благородство или безумное растранжиривание в угоду сиюминутным заботам?

Да, без экономики нет экологии. И без экологии тоже не будет полноценной экономики. Все это не вызывает сомнений. Но тратить без отдачи миллиарды на очистные сооружения, по-моему, явно не по-хозяйски. И уж во всяком случае не стоит гордиться этими израсходованными ни на что миллиардами. Решение проблемы все-таки не в дорогостоящих очистных и всяких других подобных сооружениях, а в перестройке традиционных технологий, чтобы стали они наконец безотходными или малоотходными. Вот в чем суть. И бремя лидера здесь ни инженеры, ни технологи сами не возьмут. Только в содружестве со специалистами-естественниками!

Думается, пришла пора переходить от экологии просветительской, лишь фиксирующей факты нарушений, к экологии созидающей, не только устраняющей, но и исключающей само нарушение. Таково веление времени, которое четко фиксируется в важнейших партийных документах. Я имею в виду в первую очередь материалы XXVII съезда КПСС, а также результаты июньского (1985 г.) совещания в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса, где четко просматривается мысль, что эволюционный путь должен уступить революционному. Нужен принципиально новый подход к решению многих проблем. И экологический в том числе.

В ускорении научно-технического прогресса, в достижении которого партия видит одну из основных наших задач на сегодня, суть коренной перестройки всей хозяйственной деятельности на ближай-

Художник В.Роганов

шую перспективу. А это неизбежно скажется на других сторонах жизни советского общества. И тогда нынешние многомиллиардные затраты на охрану природы очень и очень сократятся — они просто будут не нужны для прогрессивных безотходных технологий, для современного транспорта, для экологически чистых источников энергии... Действительно, экономически куда выгоднее не тратить миллиарды на постоянную ликвидацию недостатков в устаревших технологиях производства, а раз и навсегда ликвидировать саму возможность образования таких прорех. К этому ведет НТП.

Известно, НТП — это прежде всего новые технологии, это новые машины, приборы, оборудование. Еще это люди с новым миропониманием, которым работать с новыми машинами, приборами, оборудованием, создавать безотходные технологии. Вот фундамент экологии созидательной!

Если творцы НТП будут грамотными не только технически, но и экологически, то надобность в очистных сооружениях отпадет сама собой — новая технология превратит промышленные стоки и выбросы в сырье, повернув их в цех, в производство, на переработку.

Уже известно немало примеров безотходной и малоотходной технологии. О них не раз писали. Вспомним хотя бы о Горьковском автозаводе, где создается новый класс автомобилей с вихревым движением заряда в двигателях. Новинка не только сокращает расход топлива, но и заметно уменьшает токсичность выхлопных газов. На этом же заводе развертывается выпуск автомобилей на сжатом газе.

А на Челябинском электролитно-цинковом заводе имени С. М. Кирова пошли еще дальше. Здесь внедрены новые, более совершенные технологические процессы, проведена реконструкция сернокислотного цеха и всей системы газовыделения. Вроде бы незначительные перемены, а отходы производства практически совсем сократились, и завод, доставлявший ранее беспокойство жителям города, стал являть собой пример малоотходного производства. Теперь в Челябинск привозят даже экскурсии с других заводов, люди едут за опытом... Подобных примеров немало по стране. И все-таки пока наша наука и техника в очень большом долгу перед природой.

А долг, как известно, платежом красен. Особенно когда платежи с солидными процентами. Задуматься о платежах позволяет постановление по охране природы, принятое летом 1985 года на третьей сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва. Оно стало еще одним свидетельством того, что вопросы охраны природы в СССР решаются на государственном уровне, что это важнейший элемент внутренней политики нашей страны.

Особенно хотелось бы выделить одну мысль, зафиксированную в постановлении и не раз звучавшую в печати, — нужна экологическая экспертиза всех технических новшеств, в том числе проектов на строительство, реконструкцию и техническое перевооружение предприятий.

Экологическая экспертиза! Она возведена ныне в ранг закона, обязательного для выполнения. Экология созидательная получила свое правовое признание. И уже от нас, специалистов-естественников, зависит, будут ли в народном хозяйстве технологии по обезвреживанию вредных отходящих газов или стоков, будут ли на полях, в садах отравляющие вещества, какими станут машины по обработке почвы... Словом, законом нам дано право вето на любой проект, на любую техническую новинку, если она не удовлетворяет экологическим требованиям.

Естественно, права накладывают обязанности. Но готовы ли сейчас экологи выступать в роли знающих, понимающих судей? Смогут ли они прочитать чертежи и дать достойную оценку той или иной технической новинке, смогут ли разобраться в тонкостях и сложностях промышленных технологий? Утвердительно ответить трудно. Ведь по существу ни один вуз не готовит экологов широкого профиля, а «узкие» специалисты, которых к тому же очень мало, вряд ли полезны в оценках крупных народнохозяйственных проектов, где переплетаются межотраслевые и региональные интересы.

Складывается впечатление, что, завоевывая общественное мнение, экология просветительская кое в чем упустила из виду собственное просветительство. Призывая к расширению экологического мировоззрения у инженеров, химиков, рабочих, приглашая специалистов из других областей на природоохранительную тематику, экология в ряде случаев сама не стремилась в конструкторские и технологические бюро, на заводы и комбинаты, чтобы стать участни-

цей производства, а не безучастным его контролером. Контролер — он лишь контролирует, он в стороне от технологии.

Вот почему настала пора перестраиваться от просветительства к созиданию. Конечно, трудно, когда вокруг еще бытует столько отрицательных примеров, отказаться от легкого хлеба контролера и соучаствовать в производстве наравне с инженером, технологом, также отвечая за нарушения природы. Но время велит и экологу быть творцом научно-технического прогресса.

Убежден, возможности специалиста-естественника во много раз больше, чем кажутся на первый взгляд. И хорошие тому примеры есть. Взять хотя бы такой — геолог по существу открывает новую страницу в энергетике, в строительстве электростанций.

Удивительно простое и на редкость выгодное (и с экономической, и с экологической точек зрения) предложение высказал советский ученый с геологическим образованием, работающий в области экологии, В. Марков. Он показал, как избавиться от заброшенных горных карьеров, превратив их в бассейны гидроаккумулирующих электростанций (ГАЭС).

Конечно, ГАЭС — не новинка в электроэнергетике. Ее принцип действия понятен даже детям. Есть два сообщающихся бассейна, вода из бассейна, расположенного выше, устремляется по трубопроводу в бассейн, расположенный ниже, при этом поток «падающей» воды вращает турбину генератора, установленного в конце трубопровода, то есть у нижнего бассейна.

Ясно, что от разности высот между бассейнами, от объема воды зависит и мощность всей станции. Но ясно и другое — ГАЭС может работать, пока не истощатся запасы верхнего бассейна. А потом нужна новая порция воды или механическая энергия, чтобы перекачать уже отработанную воду обратно, наверх, в верхний бассейн.

Логика подсказывает, ГАЭСы выгоднее всего в час пик, когда в энергии наибольшая потребность. Ведь тепловые и атомные станции не берут на себя пиковые нагрузки — их выработка в течение суток стабильна. Вот почему в период затишья, когда потребность в энергии минимальна, тепловые и атомные станции либо работают вхолостую, даром сжигая топливо, либо передают выработанную электроэнергию в отдаленные области, где она в этот час нужна.

Такова ныне схема работы тепловой энергетики. Даже если не брать в расчет даром сжигаемое топливо... Даже если не упоминать об экологических проблемах тепловой энергетики (а эти станции ныне — один из главных загрязнителей природы)... Даже если умолчать об экономических показателях отрасли (а они очень и очень завышены, потому что подсчитаны по ведомственной методике)... То все равно масштаб проблемы виден даже неспециалисту. Напомню лишь, что тепловая энергетика дает более трех четвертей вырабатываемой электроэнергии, в отрасль направляются гигантские капитальные вложения, заметная часть которых вообще не приносит пока никакой отдачи.

К месту здесь, думается, вспомнить великое предостережение Д. И. Менделеева: топить нефтью — значит топить ассигнациями. Эти мудрые слова относятся в равной мере и к углю, и к природному газу, которые тоже углеводородное сырье и тоже ассигнации. Пока технология сжигания этих видов топлива не отличается от первобытной — той, что пользовались в пещере наши далекие предки.

Оказывается, уголь и газ нужно перерабатывать так же, как нефть, выделяя из них полезные компоненты, а лишь «мазут», то есть отходы переработки, сжигать. Тогда выгодность для хозяйства этих ресурсов (не топлива, а именно ресурсов) во много раз повысится, а с ней повысится эффективность и всей тепловой энергетики. Но это тема специального разговора, который тоже назрел.

Пока же надо сказать, что даже если объединить тепловую и гидроаккумулирующую станции, то польза от такого энергетического комплекса будет заметная, потому что в период затишья тепловая электростанция станет работать на ГАЭС, как бы запасая в ней свою энергию впрок, а в период часов пик обе станции сообща отдадут свои мощности народному хозяйству.

Однако при всей очевидной выгоде ГАЭС не нашли широкого применения. Причина? Она кроется в очень солидных капитальных вложениях на возведение верхнего и нижнего бассейнов, на убытки из-за неизбежного отторжения земли для водохранилищ. Пока овчинка все-таки не стоит выделки — недешевой получается электроэнергия с ГАЭС.

Было предложение использовать отслужившие свое карьеры, где все уже «построено». В расчет был взят Коркинский угольный разрез, расположенный в сердце промышленного Урала. Лучшее место для ГАЭС найти трудно: рядом потребитель энергии, есть нижний бассейн, то есть выработка глубиной 420 метров, есть грунтовые воды, что тоже немаловажно для гидроэнергетики, есть отвальная порода, горы которой скопились у карьера, так что соорудить дамбу для верхнего бассейна труда не составит. Даже трубопроводы есть, по ним откачивают грунтовые воды со дна разреза. Дело по существу за малым — установить турбины, отладить оборудование и...

На состоявшемся в июне 1985 года в городе Челябинске Всесоюзном семинаре по хозяйственному использованию глубоких карьеров предложение о ГАЭС прозвучало настоящей сенсацией.

Как видим, удачно решается не только экономическая, но и экологическая проблема: брошенные, никому не нужные выработки начнут вновь служить экономике. А это, по-моему, и есть проявление научно-технического прогресса в экологической области. Затраты на рекультивацию земель сокращаются до минимума, потому что проблема рекультивации решается в высшей степени оптимально, что и требуется в условиях научно-технической революции, широко разворачивающейся в Советском Союзе.

Идея В. Маркова перекликается еще с одной идеей, которая тоже весьма интересна и перспективна. А почему нельзя создать электро-

станцию, подобную ГАЭС, только работающую не на воде, а на воздухе? Скажем, в период энергетического затишья энергия с тепловой станции пойдет на закачивание воздуха в отслужившую шахту. Там воздух под большим давлением будет собираться до той поры, когда появится потребность в энергии. А дальше все, как на ГАЭС, только вместо воды из трубы вырвется вихрь, он будет вращать турбину... «Экологическая чистота гарантируется», — решили швейцарские инженеры, приступая недавно к строительству первой «воздушной» станции у себя в стране.

Самыми же первыми в мире воздухоаккумулирующую станцию построили в ФРГ. Она работает в пиковом режиме на месте старой заброшенной соляной шахты. Решая некоторые чисто технические задачи, инженеры неожиданно нашли в самой станции как бы новый источник энергии. Дело в том, что при сжатии воздуха выделяется довольно значительное тепло, его-то и решили утилизировать. Появилась нехитрая установка — и коэффициент полезного действия станции повысился.

В Соединенных Штатах Америки, где работает самая крупная в мире ГАЭС, расположенная в штате Мичиган, тоже предложили очень оригинальную идею по совершенствованию гидроаккумулирующих станций. Теперь их можно размещать даже в многолюдном городе при том условии, что верхний и нижний бассейны будут сооружены под землей, на разных уровнях, как туннели в метро. Опыт строительства метрополитенов есть, будет и опыт строительства городских ГАЭС.

А разве не интересна еще одна техническая новинка, предложенная и опробованная Жаком-Ивом Кусто? Он на своем судне установил довольно странную мачту, похожую на высокий цилиндр, которая по сути была парусом. Использовав принцип аэродинамического явления, получившего название «эффект Магнуса», всемирно известный океанолог на судне «Ветряная мельница» прошел в Средиземном море со скоростью до 15 километров в час, сэкономив немало топлива.

Этот успех настолько воодушевил ученого, что он отважился даже пересечь Атлантический океан. И пересек бы... Кусто, желая испытать судно, уже у берегов Америки вошел в штормовой район вблизи Бермудских островов, ему был на руку ураган в сто километров в час: тогда «Ветряная мельница», по расчетам, должна была бы развить скорость до 40 километров в час. Все шло нормально — и неожиданная авария. Уже потом специалисты, разбирая причины аварии, установили, что парус Кусто выдержал испытания ветром, но уступил чрезмерной качке — разорвались узлы крепления.

По мнению Кусто, за подобными парусами будущее, так как, работая в паре с дизельным двигателем, они позволят почти наполовину сэкономить топливо на флоте...

Тоже наполовину сэкономить топливо, но только то, что идет на обогрев домов, предложили норвежские ученые. Они создали отопительную технологию, использующую теплую воду Гольфстрима, —

и в Норвегии тысячи квартир стали отапливаться морем.

Надо заметить, в этой северной стране морем интересуются всерьез. Изобретатель Ейнер Якобсен создал интересную конструкцию судна, которое может двигаться с помощью подводного паруса. Судно приводится в движение энергией морских волн. Парус крепится на шарнире под килем. Чем крепче морской вал, тем быстрее несется корабль...

Очень простое и оригинальное решение одной сложнейшей экологической проблемы нашли в Венгрии. Давно известно, что бóльшая часть минеральных удобрений вымывается с полей атмосферными осадками в реки и озера, вызывая серьезные экологические последствия. Каких только не было предложений по сбережению бесполезно теряемых удобрений, однако результаты экспериментов утешения земледельцам не принесли. И вот будапештский химик Михаил Теречеке порекомендовал смешивать удобрения с отходами от обогащения руд и угля.

У этих отходов пористая структура, куда могут проникать питательные вещества, но не может вода. Растения же благодаря своей корневой системе свободно пользуются скрытыми в лабиринтах отходов питательными веществами.

Расчеты оправдались. Но ученому этого показалось мало. Он решил отказаться от нейтральных добавок и найти такие активные вещества, которые помогут растениям еще лучше «кормиться». Если их действительно удастся найти, то количество вносимых в почву удобрений сократится вдвое, а урожайность повысится на 40 процентов.

Или еще один пример тоже из области экономии ресурсов. Специалисты многих стран совершенствуют конструкцию двигателя. Это один из общепринятых путей экономии природного топлива. Оказывается, есть и другой путь, который болгарским специалистам показался привлекательнее. А именно совершенствование самой горючей смеси. Благодаря разработанной смеси расход топлива в дизельных двигателях сократился на 10—15 процентов. «Виной» тому — небольшая добавка ферментов, полученных из микроорганизмов. Кроме того, эта ничтожная добавка к топливу улучшает процесс горения и предохраняет от возникновения нагара. Новый состав пригоден и для тепловых электростанций...

...Эти примеры, а есть десятки других не менее интересных, выбраны лишь потому, что на топливно-энергетический комплекс у нас расходуется свыше половины всех государственных ассигнований. Предложения неэнергетиков, а, подчеркиваю, экологов позволили бы заметно снизить эти ассигнования; речь в условиях НТП может идти об экономии миллиардов рублей народных средств, о пересмотре всей инвестиционной политики государства.

Научно-технический прогресс позволит по-новому взглянуть и на проблему обеспеченности ресурсами. Здесь тоже экология созидательная вполне может взять на себя роль лидера, генератора идей, проектов. А такие предложения высказывались, и не раз.

Художник В.Роганов

Пусть не экологами. А вообще что такое тогда экология? Если вузы не готовят специалистов этого профиля? Ныне получается, что экология — это призвание души. Эколог — это публицист от природы. Экологом может быть не только географ, геолог, биолог, но и инженер, и химик, и рабочий, и бухгалтер. Лишь бы неравнодушными они были к плодам своего труда, лишь бы могли и умели слушать и чувствовать дыхание природы.

И тогда — смотри кругом, ищи, выбирай, открывай... Например, открывай свои — новые! — месторождения, не помеченные ни на одной географической карте.

Такие месторождения есть. Экономия — как раз тот источник скрытых ресурсов. На него особо обратил внимание XXVII съезд КПСС. Конечно, можно и дальше идти на восток и на север, но если мы не научимся беречь добытое таким великим трудом, то надо ли так далеко ходить? Когда во «вторичных» месторождениях, которые здесь, рядом, буквально под ногами, ресурсов не меньше.

Так, если увеличить объем сбора и переплавку вторичных металлов, то можно не только сократить добычу природного сырья, но и резко уменьшить расходы энергетических ресурсов. Производство каждой тонны магния из вторичного сырья требует затрат энергии, в 30 раз меньших, чем для получения той же тонны из рудного сырья. Для алюминия такие затраты меньше в 20 раз, для никеля — в 10, для цинка — в 4 раза. В масштабах страны уже сейчас можно сэкономить электрическую энергию нескольких таких станций, как Братская.

Вторичные металлы действительно великолепные дополнители первичных, то есть природных, металлов, это наверняка известно всякому собиравшему металлолом. Но вторично можно использовать и нефть, и некоторые другие ресурсы, о чем долгое время, видимо, не догадывались специалисты-химики.

Есть и уже применяются технологии по очистке отслуживших смазочных масел, их снова можно использовать. Оказывается, это «вторичное» месторождение нефти таит в себе немалые запасы — примерно десятую часть ныне добываемой нефти! А это 60 миллионов тонн! Именно столько пока уходит на смазочные материалы.

Возможно, все эти десять процентов и не вернуть, но и восьми достаточно, чтобы получить как бы заново почти пятьдесят миллионов тонн нефти, не добывая из недр ни капли.

Если напомнить, что вторичная служба одной тонны полиэтилена экономит почти пятнадцать тонн чистой нефти... А вторичная служба изделий из резины, синтетического каучука? Сколько миллионов тонн нефти хранит в себе это «месторождение»?

Открывается еще одно поле деятельности эколога в научно-техническом прогрессе: искать и давать социальные заказы промышленности, науке!

Скажем, по самым скромным подсчетам, получается, что даже при нынешней, в общем-то несовершенной во многом технологии

можно было бы условно закрыть все нефтяные промыслы Поволжья. А это почти треть общесоюзной добычи. Именно столько нефти, вернее, нефтепродуктов можно сэкономить уже сейчас!

Всего же мероприятия по экономии нефти и другого топлива обычно в два-три раза дешевле, чем обеспечение эквивалентного прироста добычи и транспортировки его потребителям.

Опять же нужен эколог, пусть не по образованию, но по призванию души, чтобы взять на себя смелость и организовать в государственном масштабе службу по утилизации всех отслуживших свое ресурсов. Создать что-то напоминающее лучшие традиции организаций типа «Вторчермет», или «Вторцветмет», или даже созданного «Вторнефтепродукта».

Экологи созидающие нужны и в среде ученых, иначе о каких прогрессивных технологиях вести речь. Ведь одной лишь разработки технологии мало — нужно внедрение ее в производство. Сбор всех промышленных отходов, повторная служба энергоресурсов, сырья, материалов открывают безграничные дали для ускорения научно-технического прогресса.

«Усилить режим экономии. Настойчиво добиваться рационального и экономного расходования всех видов ресурсов, снижения их потерь, ускоренно осуществлять переход к ресурсосберегающим и безотходным технологиям. Значительно улучшить использование вторичных ресурсов и отходов производства, развивать производственные мощности по их переработке, совершенствовать организацию сбора вторичного сырья, в том числе у населения, укреплять материально-техническую базу заготовительных организаций». Такое задание дал XXVII съезд КПСС.

Не только числом открытых месторождений, а и умелым использованием природных ресурсов надо мерить богатство страны, судить о ее научном и производственном потенциале.

Я далек от мысли давать оценки, но расчеты показывают, что много, более половины, всех добытых природных ресурсов безвозвратно теряется в процессе производства и потребления.

К сожалению, нет расчетов, дающих хотя бы самое-самое общее представление о «полуфабрикатах» — ресурсах, которые добыты лишь наполовину. Иначе говоря, тех, что покоятся в отвалах горных выработок. Их, эти ресурсы, уже добыли, вложив труд и средства, но не переработали, не довели до кондиции, до стадии промышленного продукта.

Цифры свидетельствуют, что в СССР ежегодно образуется свыше одного миллиарда (!) тонн отходов при добыче угля и горючих сланцев, которые содержат до 30—40 процентов угля. Иначе говоря, 300—400 миллионов тонн. Не многовато ли для годовой добычи в 700 с небольшим миллионов тонн угля?

Технология обогащения угля, руды и других ресурсов, как видим, ждет своего эколога созидающего, несущего в руках факел научно-технического прогресса.

Ведь есть интересные примеры хозяйствования по-новому. Верх-

неднепровский горно-металлургический комбинат. Здесь на обогатительной фабрике освоена технология получения пяти ценных концентратов, а также кварцевых песков. Эта так называемая непрофильная продукция отрасли раньше шла в отвал, теперь же даже пустая порода приносит прибыль комбинату и как следствие всему народному хозяйству.

А всего в нашей стране из вторичного сырья производится свыше 50 миллионов тонн стали, что позволяет экономить ежегодно почти 200 миллионов тонн железной руды, 75 миллионов тонн кокса, несколько миллионов тонн марганца и других легирующих металлов, а также десятки миллионов тонн флюсов, различных добавок для черной металлургии. Кроме того, сталь из лома обходится в 20 раз дешевле, чем из руды.

А примеры вовлечения промышленных отходов в технологический цикл, разве не интересны они? На Оренбургском газоперерабатывающем заводе как бы удлинили технологическую цепочку: с помощью химических реагентов, а главное, биологически активного ила из сточных вод стали получать ценные продукты. Само предприятие перешло на замкнутую систему водоснабжения. Общий экономический эффект превысил один миллион рублей.

Побывал эколог созидающий и на Норильском горно-металлургическом комбинате, и на Сорском молибденовом комбинате, и на некоторых других. Но его еще очень всюду ждут — слишком робко научно-технический прогресс, в экологическом понимании этого термина, приживается в добывающих отраслях.

Поэтому, как мне кажется, только экологическим невежеством объясняется бытующее до сих пор мнение о нехватке и даже истощаемости природных ресурсов, о неминуемом ресурсном кризисе. Сколько мрачных прогнозов уже прозвучало и еще прозвучит, но все они, по-моему, экспонаты в коллекции курьезов.

Вспомним хотя бы знаменитые прогнозы по железной руде, выполненные в начале века крупнейшими геологами, — оказывается, мы к настоящему времени должны были израсходовать все запасы железной руды. Или более свежий пример: по прогнозу американских специалистов, составленному в середине 50-х годов, человечество уже должно было исчерпать запасы нефти, свинца... Однако катастрофы нет.

Почему? Потому что не учитывали в прогнозах НТР! Скажем, об исчерпаемости запасов нефти можно говорить сколько угодно, но о каком кризисе речь, когда в природе существуют нефтеносные сланцы, тяжелые битумы, недоступные нынешней технологии добычи. Общие же запасы нефти, разумеется, те, что известны сейчас, во много-много раз превышают так называемые промышленные запасы.

Та же причина — отсутствие технологии — сдерживает освоение недр и вод океана с его огромнейшими кладовыми природных богатств.

Действительно, только экологическое невежество, только неверие

в возможности научно-технического прогресса сквозит во всякого рода мрачных прогнозах. Где доказательства мрачных перспектив?

Пора наконец объяснить людям, что в природе нет железорудных, медных, нефтяных месторождений. Никаких нет. Все их когда-то по незнанию придумали сами люди.

Любое месторождение — это комплекс полезных ископаемых, его нельзя расписывать по ведомствам. В рудах черных металлов, например, присутствуют цветные — титан, ванадий, а также сера, фосфориты. В рудах цветных металлов бывает до семи — десяти элементов. То же самое относится к нефти, углю, газу, и они обязательно имеют своих «спутников».

Но все эти «спутники» редко интересуют горнодобывающую промышленность. К сожалению, приходится сознавать, что если в природе все взаимосвязано, то в организации добычи ее ресурсов, наоборот, все расчленено. Ведомственность пока исключает всякую экономическую взаимосвязь при добыче. Вот почему экологам созидающим и нужно участвовать в зарождении экологически чистого производства.

Экологам-экономистам экономически бы заинтересовать промышленность комплексной добычей, безотходными технологиями. Тогда многие слова были бы просто не нужны. Например, внедрение только имеющихся в настоящее время в черной металлургии технологий позволит сэкономить около двадцати миллионов тонн металла.

Недра нашей страны богаты, но это, конечно, не повод для нерачительного использования богатств...

Советский Союз вступает в новый этап природоохранительной деятельности по программе, продиктованной НТР. И от того, как успешно мы справимся с поставленными партией задачами, зависят не только наши успехи в экономике, но и уровень нашей экологической культуры. Ведь заботясь о природе, мы становимся еще богаче не только материально, но и духовно.

Валентин Аккуратов

КАК ЭТО БЫЛО

ОЧЕРК

Северный полюс, условная географическая точка, где сходятся земные меридианы, во все времена манил к себе полярных путешественников и исследователей. К нему стремился Георгий Седов, отчаянную попытку достигнуть полюса предпринял в 1896 году Фритьоф Нансен, в 20-х годах над ним пролетали Амундсен и Нобиле, Бэрд, Ларсен и Беннетт: пролетали — но так и не смогли сесть на льды.

И вот теперь, в первой трети двадцатого столетия, Северный полюс готовились штурмовать советские ученые и полярники. Не жажда славы и спортивных достижений вели их. Центральный полярный бассейн, омывающий весь северный фасад нашей страны, был кухней погоды. Отсюда начиналось ее воздействие на всю территорию страны, и знать погоду в районе полюса означало держать в своих руках нити управления хозяйством и мореплаванием, радиотелеграфной связью и аэронавигацией. Вот почему в феврале 1936 года в Кремле состоялось совещание, посвященное организации научной экспедиции на Северный полюс.

Доклад на совещании делал начальник Главсевморпути академик Отто Юльевич Шмидт, подробно изложивший план экспедиции. Он был одобрен Советским правительством, и началась напряженная работа по его осуществлению.

В том, что экспедиция будет воздушной, не сомневался никто, но как высаживать зимовщиков на полюсе — на этот счет имелись разные мнения. Предлагалось даже выбрасывать самолетный десант, но в конце концов решили сажать самолеты на полюсный лед. Это было смелое решение, которое в случае удачи могло дать отличные результаты, но для этого нужно было знать состояние льдов в приполярном районе. Достаточны ли размеры льдин и их толщина, чтобы принять на себя многотонные воздушные машины?

Глубокая ледовая разведка была первоочередной задачей подготовительного периода, и осуществить ее командование полярной авиацией доверило Михаилу Васильевичу Водопьянову и мне. Нам надлежало подняться не ниже 83° северной широты, узнать там ледовую обстановку, а кроме того, найти подходящее место для взлетно-посадочной полосы на острове Рудольфа, откуда экспедиция должна была стартовать непосредственно на полюс.

Мы выполнили эту задачу, хотя в условиях Арктики, ее низких температур техника вела себя очень капризно. Не обошлось без происшествий и у нас. Закончив все дела, мы поднялись с Рудольфа и отлете-

ли от него уже на 140 километров, как я увидел (сам я летел впереди в экипаже летчика Махоткина), что самолет ведет себя странно — теряет высоту и дымит. На мой запрос по радио: «Что случилось?» — Водопьянов не отвечал, видимо, связь у него не работала. А вскоре он развернул самолет на обратный курс. Бросать товарища в беде не в правилах летчиков, тем более полярных, и мы тоже повернули к Рудольфу. Водопьянов сел благополучно, а нам не повезло: при пробеге левая лыжа наскочила на ропак, и самолет скапотировал. Что и говорить, неудача: у Водопьянова, как выяснилось, вышел из строя мотор, а самолет Махоткина был разбит. И это в самом конце разведки, когда все уже сделано и нас ждут на Большой земле! Надо было во что бы то ни стало найти выход из положения. И мы нашли его — переставили мотор с машины Махоткина на самолет Водопьянова. Данные о ледовой разведке были доставлены вовремя.

Они нам очень пригодились сейчас, когда подготовка к экспедиции на полюс шла полным ходом.

Вернувшись в Москву после перелета, я сразу получил задание от командования полярной авиации готовить самолеты в аэронавигационном отношении.

Самолеты для нас строили на авиационном заводе № 22 близ Москвы. Это были тяжелые четырехмоторные машины, специально переоборудованные по нашим рекомендациям. Были учтены опыт перелета и указания, почерпнутые из дневников полярных летчиков и исследователей Арктики.

Много дней наша тройка — Водопьянов, механик Бассейн и я — провела в цехах завода. Продумывали каждую мелочь. Водопьянов занимался летной частью самолетов, вместе с инженерами он перестроил открытые самолеты в удобные «лимузины». Бассейн ведал моторной частью, подогревом и запуском моторов в условиях низких температур, подбором инструментов, специальных масел и всем обширным хозяйством воздушных кораблей. На мне лежала подготовка навигационной части экспедиции, оборудование штурманской рубки для самолетовождения в высоких широтах.

Специфические условия будущего полета требовали специальной подготовки, но никакого материала по этому вопросу у нас не было. Был лишь незначительный личный опыт, полученный во время перелета к острову Рудольфа. Во всех материалах иностранных экспедиций условия навигации в районе полюса преднамеренно обходились или освещались очень поверхностно.

Из трудов Амундсена, а также других известных путешественников Арктики — Бэрда, Беннетта, Ларсена — было ясно: самый надежный прибор в навигации — магнитный компас — в высоких широтах отказывает или работает очень неуверенно. То же подтверждал и наш перелет.

Но это не пугало нас. В то время, когда летали Ларсен и Амундсен, у них не было радиомаяков. Для нашей же экспедиции на Рудольфе был специально поставлен радиомаяк. Кроме того, само-

леты были оборудованы нашими радиокомпасами, правда, экспериментальными. Эти приборы позволяли нам с определенного расстояния точно выходить на работающую средневолновую радиостанцию. На случай их отказа в запас были взяты импортные, марки «Фейрчальд». Кроме того, на каждом самолете стояли солнечные указатели курса инженера Сергеева, а в штурманских рубках и у пилотов имелись магнитные компасы. С целью улучшения их работы штурманские отсеки (носовые части самолетов) были сделаны диамагнитными. О причинах плохой работы магнитных компасов в то время мы имели самое смутное представление. Знали одно, что сила земного магнетизма, изменяясь с широтой по курсу к полюсу, отрицательно влияла на поведение картушки и компас показывал неправильно.

Помимо указанных приборов штурманская рубка каждого самолета имела и другие: указатель воздушной скорости, барометрический высотомер, часы-хронометр, гирокомпас, оптический бортвизир «ОПБ-1», секстант, радиоприемник для радиомаяка и запас аэронавигационных бомб для определения элементов движения самолета и ветра. Связь штурмана с пилотом осуществлялась тремя способами: по телефону, светосигнализацией и пневматической почтой. Когда все это отказывало, штурман мог просто прийти в пилотский отсек.

В период подготовки самолетов нам стало точно известно, из кого будет состоять группа, которую надлежит высадить на полюсе. Начальником научно-дрейфующей станции «Северный полюс» (потом она стала именоваться «СП-1») был назначен опытный полярник Иван Дмитриевич Папанин, не раз зимовавший на полярных станциях. Его хорошо знали и глубоко уважали все полярные летчики. Добросердечный, радушный и волевой, он умел крепко слаживать коллектив в любой обстановке. Гидробиологом и врачом шел Петр Петрович Ширшов, хорошо знавший условия жизни в Арктике, плававший на «Сибирякове» и «Челюскине», астрономом и магнитологом — самый молодой из всей четверки — Евгений Константинович Федоров. Ранее вместе с Папаниным он провел две сложные и трудные зимовки на мысе Челюскин и Земле Франца-Иосифа. С ним мы вместе готовили карты перелета и разбирались в вопросах улучшения работы магнитных компасов и методах астрономической ориентировки в условиях полюса. Радистом был назначен Эрнст Теодорович Кренкель. Известный коротковолновик, он в 1931 году летал в Арктику на цеппелине «LZ-127» в совместной экспедиции с немцами, а также не раз зимовал в Арктике, был радистом в первом сквозном плавании «Сибирякова» в 1932 году.

Помимо этой четверки нам предстояло доставить оборудование, снаряжение и продовольствие общим весом в 10 тонн. Запас продовольствия и жидкого топлива был рассчитан на полтора года из расчета, что примерно за год льдину с зимовщиками вынесет в Гренландское море, где их снимут ледокольные корабли. Электроэнергию для радиосвязи и быта должны давать аккумуляторы, которые

Художник В. Родин

подзаряжались ветровым электродвигателем. Многослойная, подбитая гагачьим пухом жилая палатка, а также специальная одежда, нарты и большой клиппербот — все было рассчитано на экстремальные случаи, которые могли произойти на льдине. Тщательно было подобрано научное снаряжение, начиная от глубинной лебедки и кончая приборами для наблюдения за погодой, дрейфом льдов, изучения земного магнетизма и силы тяжести. Особые требования предъявлялись к продуктам, ассортимент которых разработал Научно-исследовательский институт питания. Высококалорийные и легко усвояемые организмом продукты быстро подготавливались к употреблению и были упакованы в легкую герметичную тару, что было крайне важно при катастрофической подвижке льдов. Можно сказать, что экспедицию снаряжала вся страна.

Запас продовольствия составил 400 килограммов и насчитывал 46 наименований. Многие продукты были изготовлены в виде концентрированных таблеток и кубиков: супы, борщи, компоты, каши, куриные котлеты.

Помимо главной жилой палатки размером 3,7 на 2,2 на 2,5 метра, на стенке которой была надпись: «СССР — дрейфующая экспедиция Главсевморпути», были и другие палатки: машинная с основным и запасным моторами внутреннего сгорания по три лошадиные силы каждый, гидрологическая, где стояла глубинная лебедка, для магнитолога-астронома и еще три палатки, в которых было сложено все снаряжение экспедиции, горючее, резиновые байдарки, клиппербот, нарты, лопаты, кирки и тому подобное.

Весь ассортимент продовольствия и снаряжения тщательно проверялся под Москвой в зимних полевых условиях непосредственно самими участниками будущей дрейфующей станции.

По первоначальному плану на полюс должны были идти три самолета: флагманский «СССР-Н-170» (командир М. Водопьянов, второй пилот М. Бабушкин, штурман И. Спирин, бортмеханики Ф. Бассейн и П. Петенин, бортрадист С. Иванов), «СССР-Н-171» (командир В. Молоков, второй пилот Г. Орлов, штурман А. Ритслянд, механики В. Ивашин и К. Морозов, инженер В. Гутовский, радист Н. Стромилов) и «СССР-Н-172» (командир А. Алексеев, второй пилот М. Козлов, штурман Н. Жуков, механики К. Сугробов, В. Гинкин и И. Шмандин). Четвертый тяжелый самолет «СССР-Н-169» (командир И. Мазурук, второй пилот М. Мошковский, штурман В. Аккуратов, механики Д. Шекуров и Д. Тимофеев, являющийся одновременно представителем 22-го авиазавода) предполагалось направить только до острова Рудольфа, но позже и его включили в состав отряда, идущего на полюс. Пятым самолетом был разведчик погоды «СССР-Н-166-КР-6» — двухмоторный с большим радиусом действия. Им командовал П. Головин. Кроме того, на Рудольфе находилось еще два самолета, которые поступали в распоряжение экспедиции, — одномоторные «Р-5» и «У-2». Их обслуживали летчик Л. Крузе, штурман Л. Рубинштейн и бортмеханик Чернышев. «Р-5» выполнял ближнюю разведку погоды, а «У-2» — всевозможные вспомогательные работы. Он же должен был доставить экипажи всех самолетов с зимовки острова Рудольфа на его купол, где находилась взлетно-посадочная полоса для тяжелых машин.

Группа Папанина летела на флагманском корабле; на нем же находились начальник экспедиции О. Ю. Шмидт, начальник полярной авиации М. Шевелев, а также журналисты: от «Правды» — Л. Бротман, от «Известий» — Э. Виленский и кинооператор М. Трояновский.

Наряду с подготовкой самой экспедиции шла усиленная тренировка пилотов и штурманов, которая выполнялась на самолете «СССР-Н-169». Ходили в облаках и в условиях плохой погоды, приближающейся к условиям погоды Арктики.

В хлопотах незаметно подошло время старта. Ранняя весна торопила с вылетом из Москвы, но не все еще было готово. Мы с беспокойством смотрели, как под горячими лучами солнца исчезал снег. На центральном аэродроме появилась вода и кое-где зачернела обнаженная земля. Вся Москва радовалась теплу и солнцу, и только мы чертыхались в адрес небесной канцелярии. Вскоре стало ясно, что на лыжах из Москвы нам уже не взлететь. Машины срочно переставили на колеса, огромные, выше человеческого роста, а лыжи отправили поездом в Архангельск, где весной еще не пахло.

В эти дни особенно досталось экипажу «Н-169». Будучи тренировочной машиной для всех экипажей, самолет был достаточно изношен, и пришлось срочно менять все четыре мотора, переоборудовать

подогревное хозяйство, заново красить. Но полностью оборудовать этот самолет так и не удалось, а главное, не удалось поставить на нем специальной всеволновой радиостанции. На борту осталась маломощная коротковолновая рация типа «11-СК-1» с электропитанием от встречного потока воздуха, то есть рация могла работать только в полете. Лишь в самый последний момент нам удалось получить аварийную длинноволновую рацию типа «Баян» и к ней старый, неоднократно ремонтированный силовой мотор итальянской марки «Пияджо».

Весна бурно наступала, снег начал таять и в Архангельске, где мы должны были сменить колеса на лыжи.

В ночь на 22 марта экипаж «Н-169» еще сломя голову носился по разным складам Арктикснаба, доукомплектовывая снаряжение, а утром с центрального аэродрома самолеты полюсной экспедиции стартовали на север, выпустив впереди себя разведчика погоды — самолет «СССР-Н-166».

Перелет до Маточкина Шара (Новая Земля) протекал нормально. Прекрасно работала вся материальная часть, от моторов до магнитных компасов. Неплохо выполнили свое назначение впервые установленные на самолетах радиополукомпасы советской конструкции. Но уже на этом участке стало ясно, что намеченный в Москве план полета строем в условиях Арктики невыполним. Начиная с Амдермы, самолеты шли самостоятельно, не видя флагмана и друг друга. Плохая погода и отсутствие соответствующего оборудования на промежуточных полосах взлета и посадки разъединяли нас. Нередко промежуток времени между вырулившим на старт первым самолетом и четвертым доходил до одного часа.

Задержка происходила оттого, что со стоянок самолеты надо было подтаскивать тракторами на взлетную дорожку. Обычно в то время на аэродромах было по одному трактору, а снег лежал глубокий, до метра. Самолет, взлетевший первым, чтобы не тратить зря горючего, ложился на курс, не дожидаясь остальных. Если же удавалось взлететь всем в короткий промежуток, то в воздухе приходилось расставаться из-за плохой видимости, из-за опасности столкнуться друг с другом.

И опять больше всего доставалось «СССР-Н-169». Но даже не имея хорошей радиостанции и радиста, мы не отставали от экспедиции и не были ей помехой. Большую помощь в полете нам оказывал радиополукомпас, но уже от Нарьян-Мара мы начали замечать, что чувствительность его стала падать. Это был экспериментальный прибор, не прошедший серьезных испытаний и никогда не работавший в Арктике. Хорошо, что еще в Москве штурманы настояли на том, чтобы в запас были взяты проверенные радиокомпасы типа «Фейрчальд», испытанные во всех условиях полетов.

На полярной станции в Маточкином Шаре из-за погоды экспедиция задержалась на пять дней. Мы с Мазуруком использовали это время и поставили на борт «Н-169» радиокомпас «Фейрчальд», не снимая наш советский, чтобы довести его до конца. То же самое, но

уже на острове Рудольфа, когда наши радиополукомпасы окончательно отказали, сделали и остальные три самолета. Но запасных радиокомпасов было всего четыре, а самолетов — пять. Тогда Шмидт распорядился снять радиокомпас с нашего корабля и поставить его на «СССР-Н-166», потому что разведчика нельзя было выпускать без такого навигационного прибора. Расставались мы с ним очень неохотно, но приказ есть приказ, тем более что нас утешали, будто с Рудольфа на полюс мы пойдем в строю, то есть ведомыми. Впоследствии нам пришлось поплатиться за нашу мягкотелость.

Здесь, в Маточкином Шаре, экспедиция впервые испытала на себе ярость арктической стихии.

Начавшийся в ночь на 15 апреля ураган задул с такой силой, что двухмоторный самолет «СССР-Н-166», стоя на привязи, подпрыгивал на месте, а винты тяжелых кораблей медленно, как мельничные крылья, проворачивались. Чтобы добраться от зимовки к якорной стоянке, приходилось ползти вдоль натянутого троса, отдыхая через каждые 5—7 метров, так как глаза и ноздри забивала снежная пыль.

Находясь в самолете на вахте, мы с ужасом сознавали, что можем быть только пассивными наблюдателями, так как ничего реального противопоставить разъяренной стихии не могли. Как удары тяжелого молота, обрушивался ветер на самолет, дико завывая и свистя в крыльях. В конце концов это кончилось печально: у самолета Алексеева оторвало баллер руля. Алексеев переживал, но еще хуже чувствовали себя мы с Мазуруком. Наш «СССР-Н-169» был запасным, и если руль не удастся исправить, то снимут наш и поставят на самолет Алексеева, а нас оставят в Маточкином Шаре.

Но когда приходит беда, стойкий коллектив людей всегда находит выход. Золотые руки наших бортмехаников спасли положение. Руль был отремонтирован, и на рассвете 19 апреля все корабли поднялись в небо. Они направились вдоль берегов Новой Земли, набирая высоту, чтобы перевалить через горы и потом взять курс на остров Рудольфа — исходную точку для штурма полюса.

Стояло чудесное арктическое утро. Впервые воздушные корабли летели на виду друг у друга. Почти прямо на севере всходило солнце, неправдоподобно огромное, пурпурное, точно с полотна художника-фантаста. Медленно поднимаясь, оно заливало потоками света белоснежные горы, окрашивая их мягкими пастельными красками. На вершинах гор был день, но у подошв, на южных склонах, фиолетовые тени, заполняя ущелья, создавали синюю ночь. С любопытством мы наблюдали эту игру теней и красок.

Спустя три часа после старта на фоне ясного, голубого неба начали отчетливо вырисовываться многочисленные оледенелые вершины островов архипелага Земли Франца-Иосифа. Не заходя в памятную нам с Водопьяновым бухту Тихая, где в мае 1936 года мы из двух самолетов собирали один, самолеты проследовали прямо на остров Рудольфа. Видимость была отличной, мы шли на высоте 1500 метров. Многочисленные острова и островки с куполообразными

вершинами, оледенелые, заснеженные, величественно, как лунный ландшафт, проплывали под нами. Раскинув широкие мощные крылья, наши четырехмоторные гиганты приближались к базе.

В то время карты архипелага были очень неточными, конфигурация островов и их высоты никак не сходились с данными. Составленные австро-венгерской экспедицией Пайера в 1873 году, они мало соответствовали действительности, ставя штурманов в нелепое положение, затрудняя визуальную ориентацию.

Вот показался самый северный остров архипелага. Как купол огромного раскрывшегося парашюта, четко рисовалась его закованная льдом вершина. Подойдя вплотную, легли в круг, осматривая и изучая выбранный нами с Водопьяновым трамплин для прыжка первой советской экспедиции на Северный полюс.

По форме остров напоминал четырехугольник. Голая глыба льда высотой более 450 метров, вся белая, только на мысах Аук, Флагели, Германии и Столбовом чернели голые скалы базальта. Лед с купола медленно сползал в океан во все стороны, образуя многочисленные ледники с черными зияющими трещинами-безднами на склонах и обрываясь в воду, где плавали величественные айсберги.

Наивысшая точка Рудольфа, измеренная по самолетному альтиметру, не превышала 500 метров. Размеры острова 28 на 14 километров. У побережья острова, с западной стороны, между бухтой Теплиц-Бай и мысом Столбовым, в 1936 году была построена зимовка и временная база для воздушного отряда: несколько жилых домов, баня, склады, радиостанция, радиомаяк. Все это расположено на голой базальтовой россыпи, покрытой зимой двухметровым пластом снега. С самолета был отлично виден маленький одинокий домик на берегу бухты Теплиц-Бай, где зимовал в 1933 году Е. Федоров.

Самолет сделал широкий круг. Дико наторошенный лед к северу от Рудольфа заставлял с уважением думать о смельчаках, которые пытались добраться до полюса по льду. На куполе острова дымились посадочные костры, а со стороны поселка медленно ползли два трактора. Один за другим садились самолеты на узкую полосу заснеженного аэродрома и заруливали на якорную стоянку у занесенного до трубы технического домика.

Радостной была встреча с зимовщиками. Их 20 человек. За время полярной ночи, которая здесь длится более четырех месяцев, они создали авиабазу и подготовились к встрече экспедиции, обеспечив 31 участника жильем, питанием, а самолеты — горючим, смазочными материалами и технической помощью.

У входа в жилой дом стоял на задних лапах белый медведь с большим ключом на блюде, накрытом полотенцем с надписью: «Ключи от Северного полюса».

В большой теплой кают-компании за длинным столом было шумно, людно и вкусно. Зимовщики засыпали нас вопросами о Большой земле. Смех, шутки, пожелания благополучного перелета. Разошлись по своим каютам глубокой ночью.

Следующий день был отведен для отдыха, а потом начались работы по подготовке к последнему этапу перелета — прыжку на льды полюса. Замелькали дни, полные забот, авралов и напряженного труда: откапывали самолеты из-под сугробов после пург, доставляли с берега океана сотни бочек горючего на вершину острова, очищали машины от постоянного обледенения — ведь самолеты стояли на высоте 400 метров в почти постоянной облачности, висевшей над островом.

Казалось, все готово. Дело за погодой. Прилетевший с нами синоптик Б. Дзердзеевский, многозначительно улыбаясь, сдерживал наш пыл, говоря, что погода для полюса еще не пришла. Он был прав. Наши разведывательные самолеты неоднократно вылетали в высокие широты и неизменно подтверждали прогнозы Дзердзеевского.

Уже 15 дней мы сидели на берегу моря в ожидании погоды. Синоптик, колдуя над колонками цифр, получаемых дважды в сутки от десятков метеорологических станций, неизменно вычерчивал на синоптических картах кривые целых семейств циклонов, беспрестанно двигавшихся со стороны Гренландии на Рудольф и в приполюсную зону.

5 мая «Н-166» стартовал в глубокую разведку до 87° северной широты. Погода благоприятствовала полету. Дойдя до указанной точки, Головин и Волков сообщили, что идут дальше, чтобы узнать погоду на полюсе. Все шло нормально. Мы ждали возвращения «Н-166», чтобы затем вылететь всем. Неожиданно погода испортилась. Низкие тучи закрыли аэродром на куполе острова. Горючего у Головина оставалось только до Рудольфа. Стали готовить его прием внизу, у зимовки, где была неплохая видимость. Перед самым островом у Волкова вышел из строя радиокомпас. Включили радиомаяк, но, очевидно, вокруг острова образовались ложные равносигнальные зоны, и самолет начал плутать в облаках. Вдруг мы услышали шум его моторов и сообщили экипажу, что они только что прошли над нами. Бортрадист принял наш сигнал и тут же сообщил, что радиокомпас заработал и они будут пытаться сесть у нас внизу, так как горючее кончается — горит красная сигнальная лампа.

Видимость ухудшалась с каждой минутой, туман наползал и на площадку. Минуты тянулись мучительно долго. И вдруг мы услышали приближающийся рев моторов с севера. На высоте 25—30 метров из облачности вынырнул самолет и с ходу сел на узкую и короткую площадку. Бросаемся к нему. Из кабины выходят возбужденные и счастливые Головин, Волков, Стромилов и бортмеханики Кекушев и Терентьев — первые советские люди, пролетевшие над полюсом.

На следующий день для разбора полета была создана комиссия в составе Спирина, Шевелева, Папанина, Федорова и автора этих строк. Надо было уточнить, достиг ли «Н-166» полюса, разобрать ошибки полета и учесть его опыт. Экипаж «Н-166» доложил, что радиомаяк был хорошо слышен до самого полюса, но магнитные

компасы вели себя очень плохо. Картушка «гуляла» при курсе на север от 280 до 80° и совершенно отказывала при кренах самолета. В окна облаков неоднократно видели большие ледяные поля, где вполне возможно выбрать место для посадок тяжелых самолетов. Шли на высоте от 200 до 600 метров. Иногда показывалось солнце, тогда проверяли свой курс по солнечному пеленгатору. Погода до 87° была сносной, но дальше стала портиться. Ориентировались только по лучу радиомаяка. Когда, по расчету, пришли на полюс, то были в облаках, пилотировали машину вслепую, по гироприборам. На обратном пути, уже вблизи острова, радиомаяк стал путать пеленги, а радиокомпас отказал. Чтобы не столкнуться в облаках с горами, ушли западнее, а когда заработал радиокомпас, штурман вывел на радиостанцию, и вскоре увидели зимовку.

Через несколько дней для проверки зон радиомаяка был послан самолет «Н-128» с летчиком Крузе. Одновременно требовалось разведать и погоду, для чего на борт был взят синоптик Дзердзеевский. Но и на этот раз Арктика показала себя. Самолет попал в неожиданно начавшуюся пургу и, потеряв ориентировку, сделал вынужденную посадку на льдах океана примерно на широте 82°. Связавшись по радио с нами, Крузе сообщил, что все в порядке, и попросил сбросить ему на парашюте горючее и инструмент — лопаты и кирки для расчистки взлетной полосы.

Вскоре, как только затихла пурга, к «Н-128» был послан самолет «Н-166», который сбросил им на парашютах все необходимое. Через три дня «Н-128» был на Рудольфе.

Мы ждали погоду целый месяц. После полета «Н-166» план высадки экспедиции был пересмотрен. Командование отрядом решило, что на полюс сначала пойдет один флагманский корабль. Это вызвало большие споры. Остальным участникам экспедиции казалось, что такой план слишком рискован и что если посылать одиночный самолет для поисков и подготовки льдины к приему остальных самолетов, то надо посылать не флагманский корабль, а какой-либо другой. Но командование было непреклонно.

19 мая ночью Дзердзеевский наконец уверенно сообщил, что погода в районе полюса хорошая и надо вылетать. В 04 часа 50 минут самолет «СССР-Н-170» под командованием Героя Советского Союза М. Водопьянова, имея на борту 13 человек, в том числе папанинцев, Шмидта и кинооператора Трояновского, стартовал на полюс.

Как выяснилось позже, полет проходил напряженно. Уже через двадцать минут начала портиться погода — наполз туман, сгустилась облачность. Но Водопьянов решил лететь дальше и повернуть лишь в том случае, если начнется обледенение. Но не это было главным; основные события разворачивались у механиков, которые обнаружили, что левый средний мотор парит. Стали искать причину и вскоре обнаружили — из радиатора вытекает антифриз, лопнул флянец. Это грозило посадкой, потому что скоро мотор должен был выйти из строя.

Посовещавшись, Шмидт и Водопьянов решили лететь на трех моторах. А тем временем механики делали все, чтобы устранить неисправность. Они нашли течь, для начала замотали ее изоляционной лентой и принялись ремонтировать мотор. Это была труднейшая работа, поскольку действовать приходилось без рукавиц и руки у механиков покрылись волдырями от ожогов горячим антифризом. А поскольку мотор находился снаружи, где температура воздуха была −23°, то руки еще и обмерзали. Но механики справились с неполадкой, о чем и доложили командиру корабля.

А тем временем «Н-170» подошел к 88° северной широты, до полюса оставалось совсем немного, но приходилось идти над облаками, чтобы не терять из виду солнце, по которому можно было бы точно определиться. Наконец штурман Спирин доложил, что внизу — полюс. Стали пробивать облака, с 1800 метров спустились до 600 и только тогда увидели лед. Самолет снизился еще и пошел бреющим полетом. Наконец нашли то, что нужно, — льдину шириной километра в четыре и длиной 10 километров. По виду она была многолетней, прочной. На нее и решили садиться, и в 11 часов 35 минут 21 мая Водопьянов посадил «Н-170» на полюсе.

После посадки «Н-170» связь с ним прекратилась.

Наступили тревожные часы. Что с самолетом? Не случилось ли катастрофы при посадке? Ежечасно Москва запрашивала нас, но мы ничего не могли ответить, и только через сутки Водопьянов сообщил: сели благополучно, льдина отличная. Молчали потому, что самолетная радиостанция вышла из строя, а рацию Папанина долго монтировали.

Это была победа, победа советских летчиков, своей посадкой на дрейфующие льды полюса доказавших, что все западные исследователи — американцы, итальянцы, норвежцы — были не правы, утверждая, что посадка на льды Центрального Полярного бассейна абсолютно невозможна.

Теперь мы имели свой аэродром на полюсе, свою метеостанцию, и выбрать погоду для старта остальных трех машин было нетрудно. Такая погода настала в ночь на 25 мая. Кренкель сообщил: в районе полюса ясно, тихо, вас принимаем. Дзердзеевский дал хороший прогноз и на всю трассу, и только от Рудольфа до 83° северной широты, как донесла авиаразведка, стояла сплошная, но высокая облачность. Решено было, что самолеты после взлета соберутся на границе облачности в зоне радиомаяка и оттуда пойдут строем во главе с «Н-171» Молокова — Ритслянда. Однако этот план оказался невыполнимым.

25 мая, в 12 часов, экипажи самолетов «Н-171», «Н-172» и «Н-169» совместно с обслуживающим персоналом на тракторах и на лыжах направились на купол острова, чтобы начать подготовку к вылету.

На Рудольфе стояла облачная погода с температурой −19°. Из лагеря папанинцев сообщали, что у них ясное, безоблачное небо, ветер слабый. Быстро прогрели моторы. Отдавались последние рас-

поряжения. Папанин напомнил по радио, чтобы мы захватили ему собаку, пса Веселого.

В 23 часа 10 минут два спаренных трактора ЧТЗ потащили флагманский корабль по глубокому снегу на старт. Вдруг с радиостанции по телефону сообщили, что погода на куполе быстро портится, необходимо срочно покинуть Рудольф, иначе взлетную полосу затянет туманом.

«Н-171» пошел на взлет. С юга уже подходил туман. Тракторы подтягивали на старт «Н-172». Через 12 минут и он был в воздухе. Настала наша очередь, но в тот момент, когда «Н-169» вытаскивали из глубокой снежной траншеи, лопнул стальной трос. Только спустя сорок минут нам удалось выбраться на старт и пойти на взлет. Туман уже затянул южную часть острова. Взлетали прямо в океан со стометрового обрыва ледника.

Самолет, имея взлетный вес почти 25 тонн, пробежав 47 секунд, тяжело повис над океаном. Чтобы не терять времени, не стали делать традиционного круга, а сразу легли курсом на полюс.

Согласно плану экспедиции, после взлета самолеты должны были идти на север в зоне радиомаяка и на широте 83°, где кончалась сплошная облачность, обнаруженная разведкой Крузе, собраться вместе, чтобы следовать в лагерь Папанина строем. Но непредвиденная задержка с тросом сломала весь график. Когда спустя 28 минут «Н-169» прибыл в зону луча радиомаяка, то ни Молокова, ни Алексеева там не оказалось. Как потом выяснилось, «Н-171» почти час ожидал остальные самолеты в точке рандеву и, не дождавшись, опасаясь перерасхода горючего, улетел на полюс. «Н-172» спустя час после взлета видел на горизонте за кромкой облачности «Н-171», но потерял его в дымке и тоже пошел самостоятельно.

Как я уже говорил, мощной радиостанции и радиста на «Н-169» не было, и нам не удалось связаться с самолетами.

Мы попали в сложное положение, однако решили не возвращаться, а лететь на полюс самостоятельно — ведь основной груз научного оборудования станции «Северный полюс», глубинная лебедка, гидрологические приборы, аптека, часть продуктов питания и горючее находились у нас на борту. Вернуться на Рудольф означало сорвать экспедицию или затянуть на неопределенное время сроки выполнения задания. Лететь — это было единодушное мнение всего экипажа «Н-169», несмотря на то что самолет располагал лишь минимумом навигационных приборов. Сложно? Да. Но выполнимо. Итак, на полюс! Там мы надеялись отыскать годную для посадки льдину и, уточнив свои координаты, перелететь в лагерь папанинцев.

Когда мы подошли к широте 83°00′, облачность резко оборвалась, перед нами было ясное, голубое небо, внизу тянулись пространства изломанного льда, залитого лучами солнца. Температура в самолете стояла −25° (в те времена самолеты не отапливались), но мне было жарко, так как работать приходилось не покладая рук. Каждые 15—30 минут я рассчитывал наши координаты, исполь-

зуя для ориентации солнце, радиомаяк и метод счисления, и, кроме того, вел разведку состояния льдов, нанося их данные на карту и делая отметки в бортовом журнале. На мои запросы самолеты «Н-171» и «Н-172» не отвечали. На широте 88°33′ я перестал их звать, так как при приближении к полюсу все свое внимание пришлось перенести на штурманские расчеты. Погода не изменилась. С Рудольфа по радио сообщили, что и на льдине погода отличная.

При подходе к полюсу, начиная с широты 89°00′, я всецело перешел на астрономическую навигацию, прокладывая линии положения самолета через каждые 5—7 минут. Мы находились на высоте 1000 метров. Тяжелые паковые льды, начиная от широты 85°00′, беспрерывно тянулись под нами.

В 04 часа 29 минут, выйдя из штурманской рубки, я предупредил, что через 29 минут под нами будет заветная точка — Северный полюс. Астрономические линии положения все ближе и ближе ложились у полюса. Склонение солнца также приближалось к его высоте, измеренной секстантом, и в 05 часов 00 минут я поздравил товарищей с прибытием на полюс и дал радиограмму на Рудольф с просьбой передать в лагерь Папанина, что будем садиться, как только найдем хорошую льдину. Время перелета в лагерь сообщим дополнительно.

Из радиорубки перехожу к пилотам. Лицо Мазурука спокойно. Глаза его внимательно всматриваются в горизонт и льды. Где-то рядом лагерь папанинцев, но в этом диком нагромождении льда нам казалось, что десятки раз мы видели черную палатку и самолет, но все это оказывалось причудливой игрой света, льда и черных полыней океана. Через пятнадцать минут мы пошли ломаным курсом, приступив к поискам пригодной льдины.

На первый взгляд годных льдин было много, но, когда мы снижались, становилось ясно, что ни одна из них из-за торосов, снежных наддувов и ропаков для посадки абсолютно не годится. Осмотрев более десятка, мы наконец отыскали небольшое, но мощное ледяное поле, окаймленное высокой грядой торосов. Принимаем решение садиться. Чтобы не потерять поле из виду и знать направление ветра, сбрасываем на его поверхность навигационные бомбы. Идем на посадку. Самолет низко скользит над высокими, как горы, грядами торосов, которые в лучах низкого солнца горят как кристаллы горного хрусталя. Глазам больно смотреть на них. Самолет переваливает через последнюю гряду, мягко касается лыжами снежной поверхности и, раза два подпрыгнув на наддувах, останавливается метрах в семидесяти перед новой грядой торосов в конце поля. Не выключая моторов, выпрыгиваем с Козловым на лед, осматриваем его и только после этого переруливаем на край выбранной полосы. Ставим две оранжевые палатки и на высокой мачте поднимаем Государственный флаг.

Выбранное нами поле было размером 1200 на 1000 метров, но при осмотре оно оказалось не таким ровным, каким виделось сверху. Единственное пригодное для посадки место было именно там, где

сел самолет, но для взлета оно не годилось — коротко. Предстояла тяжелая работа по расчистке взлетной дорожки.

Дальнейшие события хорошо прослеживаются по записям в моем дневнике. Их я и привожу здесь.

«26 мая... Мы сидим в точке: широта 89°36′, долгота 100°00′ западная. Каждые 10 минут каждого часа на волне 72,7 метра зову Диксон, Рудольф и лагерь папанинцев. Сообщил свои координаты, но слушать не могу, так как сел аккумулятор. Организовали метеорологическую станцию, веду наблюдения...

27 мая. Аккумулятор зарядил при помощи динамо, снятого с самолета. В 05 часов 30 минут поймал позывные Диксона. Звали меня, просили сообщить координаты. Сейчас же передал и попросил перейти на волну 33 метра, чтобы слушать их по приемнику ручной аварийной станции «Носорог», так как аккумулятор рации «11-СК-1» быстро садился. Пробую наладить питание всеволнового приемника через аварийный моторчик. Для этого снял динамо-ветрянку с крыла самолета и спарил с аварийным моторчиком. Теперь у нас есть электроэнергия. Все остальные товарищи целый день на расчистке взлетной дорожки. Тяжелый, утомительный труд. Я помогаю в перерывах между вахтами.

28 мая. С Диксоном установил наконец-то двухстороннюю связь. Передаю и получаю даже частную корреспонденцию. «Правда» запросила статью — отправил. Но лагерь до сих пор молчит — очевидно, он находится в «мертвой зоне», так как мы работаем на коротких волнах, которые здесь очень плохо проходят. Продолжаем по 18 часов работать на аэродроме.

29 мая. Связался на длинных волнах с Диксоном и через него с лагерем. Вначале переговаривались через посредника, а сейчас связь прямая. Шевелев предлагает перелететь к ним. То же желание и у нас, но, увы, аэродром не готов. С ними ведем переговоры по радиотелефону, но не регулярно — капризничает моторчик.

30 мая... Удалось в разрывах низкой облачности поймать солнце. Наше новое место: широта 89°25′, долгота западная 96°00′. Координаты лагеря папанинцев: широта 89°10′, долгота западная 36°00′. Следовательно, между нами 95 километров.

Связь с лагерем держим через микрофон ручной радиостанции «Носорог», которую крутят попеременно Мазурук и Козлов. Из лагеря сообщили, что вышлют нам на помощь самолет с людьми, чтобы помочь расчистить аэродром и разгрузить нашу машину. На сегодня мы уже отвоевали площадку размером 670 на 60 метров, но какого напряжения это стоило! Работают только 5 человек. У Мазурука сильный ушиб левого колена, и ему работать очень тяжело...

31 мая. Радиосвязь с лагерем нормальная. Говорил по радиотелефону со Шмидтом. Он подбадривает: хорошо держимся. А как же можно иначе?

Наши новые координаты: широта 89°16′55″, долгота 103°. За сутки дрейф составил 8 миль.

Лагерь папанинцев несет на юг по меридиану 36° западному, а

нас относит ломаным курсом и тоже на юг вдоль меридиана 100—103°.

Борьба с торосами не ослабевает. У Козлова появились первые признаки снежной слепоты, глаза красные, воспаленные. Все надели светофильтры, но в них работать очень тяжело, жарко, часто приходится протирать.

Взял пробу воды из океана. Толщина льда доходит до 355 сантиметров.

1 июня. Продолжаем строительство аэродрома. Живем в шелковых двойных палатках. Тепло, уютно. Питаемся прекрасно. Козлов замечательный шеф-повар. Спим в спальных мешках, раздеваемся до белья. Экипаж бодр, все веселы, шутят. Вчера отпраздновали тридцатипятилетие Козлова. По этому поводу устроили шикарный обед, а затем вырубили 47 торосов.

Устаем здорово. Но как изумительно хороши минуты перед сном в палатке с горящим примусом! Тепло, сухо. Тимофеев читает нам «Евгения Онегина». Засыпаем быстро, что таить. Нередко томик Пушкина выпадает из рук чтеца раньше, чем мощный храп слушателей потрясет стены палатки.

Связь с лагерем идет с перебоями. Лопнул приводной ремень, а ремни, изготовленные из сыромятной кожи, рвутся через 1—2 минуты — как-никак 4000 оборотов в минуту.

2 июня. Сплошная облачность, морось, температура +1°, ветер северо-северо-восточный. Всю ночь с Мазуруком шили ремни. В 06 часов 15 минут сообщил, что связь с нами будет нерегулярной, так как лопнул главный привод. На ремни пошли голенища болотных сапог и трос гидрологической лебедки, но все это не заменяет настоящего привода, так как ремни рвутся, а от стального троса горит деревянный шкив.

Но связь надо держать во что бы то ни стало, ибо радио для нас — всё.

Аэродром готов, размер его 700 на 60 метров, но при таком ветре нам не взлететь, необходимо, чтобы он дул вдоль дорожки. К вечеру сильный туман и гололед. Солнца нет уже два дня. Дрейфуем, но куда — определить не можем.

3 июня. За 2 минуты, пока не лопнул ремень, успел сообщить о своем положении. Просим не беспокоиться, у нас все в порядке, но не успеваем готовить ремни, к тому же «сырье» для них кончается.

В 24 часа 30 минут говорил со Шмидтом через микрофон. Он сообщил, что с первой погодой они вылетают к нам, чтобы взять часть груза. Просил во что бы то ни стало поддерживать связь.

Все спят после восемнадцатичасовой работы на аэродроме. На радиовахте вдвоем с Мазуруком.

4 июня. В 01 час 00 минут наладили связь через ручную радиостанцию. Очень капризны здесь прохождения радиоволн. Диксон слышит за 1700 километров, а лагерь не слышит за 100. Шевелев дает советы, как шить ремни. Уже все перепробовали.

Сплошная облачность. Ветер северный, 4—5 баллов, температура −1°.

На аэродроме осталось только пробить рулежную дорожку от стоянки самолета.

В 12 часов опять говорил с лагерем. К микрофону подходили Ритслянд, Орлов и Гутовский. Остальные спали.

Удалось поймать солнце. Координаты: широта 88°58′, долгота 98°00′ западная. Координаты лагеря: 88°59′, долгота 300°00′ западная. Мы дрейфуем на одной широте.

5 июня. Наконец-то солнце! Ясно, тепло. Сообщил в лагерь, чтобы дали свою погоду, так как собираемся стартовать к ним. Связь держу только через ручную радиостанцию.

Обсудили с Мазуруком схему поисков лагеря. Это очень сложный вопрос. Сближение меридианов, колоссальное магнитное склонение и, главное, отсутствие радиокомпаса делают эту задачу чрезвычайно трудной. Решаем идти по гирополукомпасу, взяв первоначальный курс, рассчитанный по солнцу.

В 02 часа 00 минут стали свертывать наш лагерь. Когда все было готово, я сообщил, чтобы следили за мной на волне 72,7 метра. Усаживаемся в машину, даем полный газ моторам, но самолет ни с места.

Лыжи крепко примерзли к снежной поверхности. Подкопали снег под лыжами, даем полный газ. Тимофеев в это время бил по пяткам лыж двадцатипятикилограммовой кувалдой. Самолет медленно срывается. За шиворот втаскиваем Тимофеева в кабину и рулим на старт.

Впереди самое трудное. Сумеет ли Мазурук поднять тяжелый корабль со столь хитроумного аэродрома? Полный газ. В самом конце площадки самолет отрывается и, еле перетянув гряду торосов, повисает в воздухе. Проделываем необходимые эволюции, и я даю курс.

Нервы напряжены до предела. Верны ли мои расчеты? Что, если я ошибся? Тем более перед стартом экипаж недоверчиво спрашивал, верно ли я определил направление на лагерь. Их путала близость полюса: солнце круглые сутки имело одну высоту, всюду юг. Нет, ошибки не может быть. Сотни раз днем и ночью, когда все спали после изнурительного труда на аэродроме, я проверял свои данные. Чутье обманчиво, но математика — наука точная. Я был твердо уверен в расчетах. Определил еще на льду, что через 47 минут будем в лагере наших славных товарищей.

В 06 часов 15 минут ложимся на курс. Даю все необходимые указания Мазуруку о выдерживании курса и бегу в хвост самолета, чтобы сообщить в лагерь о взлете. Лагерь сразу ответил. Теперь связь отличная. Динамо, поставленное в крыло, вращаясь от встречного потока воздуха, дает достаточное количество энергии.

Идем со скоростью 160 километров в час. Ветер слабый, высота 300 метров, облачность разорванная, слоистая. Видимость меняется от 4 до 20 километров. Через 10 минут попадаем в снегопад, но

лагерь сообщает, что у них погода отличная. Напряженное, но радостное настроение. Через каждые 10 минут ввожу необходимые поправки в гидрополукомпас, контролируя курс астрономическим методом. Курс на карданном компасе 279°, на «Ан-4» — 230°, а у пилотов на одном 15°, а на другом 88°. Верю только солнечному указателю курса, но и он резко меняется в связи с пересечением часовых поясов.

В 06 часов 52 минуты в наушники шлема ясно услышал: «Мы вас видим, вы видите нас?» Сообщил по радио: «Следите за нами, вас еще не вижу».

Внизу лед и редкие разводья. Никакого намека ни на самолеты, ни на костры. Сообщаю экипажу, что нас видят. Товарищи радостно жмут мне руки и обнимают.

В 06 часов 57 минут из лагеря говорят, чтобы повернули всего на 5°, а через минуту — еще повернуть на 10°, но уже вправо. Чувствуем, что лагерь, заметя точку нашего самолета на горизонте, нервничает больше, чем мы.

В 06 часов 59 минут мы ясно увидели огромный костер, три оранжевых самолета и множество палаток. Тяжело опускаюсь в кресло. Моя задача выполнена.

В 07 часов 02 минуты Мазурук и Козлов мягко сажают самолет на чудесный аэродром папанинцев.

Нас встречают Шмидт, Папанин, Кренкель, Молоков, Водопьянов, Орлов и другие, вытаскивают из самолета, обнимают, радостно трясут руки, поздравляют с благополучным прилетом. Быстро разгружаем машину и торжественно вручаем Папанину Веселого.

После разгрузки Шмидт устраивает совещание. Решение такое: из-за малого количества горючего «Н-169» и «Н-172» отдают часть своего «Н-170», «Н-171» и лагерю Папанина, а сами при возвращении с полюса садятся на 85° и ждут, когда с Рудольфа им доставят горючее. Водопьянов и Молоков летят до Рудольфа без посадки. После совещания и суматохи встречи Мазурук ловит меня, жмет руку и целует. Оба мы молчим, оба счастливы до опьянения.

6 июня. Как убитые проспали 11 часов. Очень трогает заботливое отношение товарищей, оберегавших наш сон.

Сегодня тепло, +1°, дождь, низкая сплошная облачность, но на Рудольфе ясно. Дзердзеевский дает хороший прогноз».

6 июня мы двинулись в обратный путь.

В 03 часа 15 минут взлетели вслед за «Н-171» и сразу начали пробивать облачность. На высоте 1150 метров вышли в ясное небо. Впереди был виден «Н-172». Радиосвязь работала отлично.

Горючего у нас было на 5 часов 20 минут. Каждые 15 минут я измерял путевую скорость. Она значительно превышала рассчитанную при определении горючего. Быстро прикинул, что если скорость будет такой, то есть 225 километров в час, то горючего нам вполне хватит до Рудольфа. Поделился этими мыслями с Мазуруком и экипажем и предложил лететь на Рудольф. Запросил по радио путевые скорости остальных самолетов, — у всех различные: у «Н-

172» — 185 километров в час, у «Н-171» — 220, у «Н-170» — 195.

Уже скоро широта 85°. В памяти еще ясны десять дней на льдине, и еще ноют мышцы от борьбы со льдом. Вызвал по радио Шмидта, чтобы попросить разрешения лететь до Рудольфа. Но как назло, Шмидт был занят.

На широте 85° «Н-172» нырнул вниз. Мазурук последовал за ним, и мы пошли уже в облаках. Спросил у Шекурова, на сколько хватит горючего, если лететь на трех моторах. Получив удовлетворяющий ответ, сказал Мазуруку: «Полет на Рудольф разрешен». Мазурук радостно улыбнулся. Пусть товарищи простят мне невольный обман, но все мои расчеты показывали, что горючего нам хватит, и я взял грех на себя.

Вышли на верхнюю кромку. Ясно, солнце. Кругом никого. «Н-172» уже сел где-то под нами, а остальные далеко ушли вперед. По радио вызвал Шмидта. Вот его слова: «Вас понял. Полет разрешаю под вашу ответственность. Будьте осторожны». Я вторично сообщил экипажу, что нам разрешено лететь без посадки, и почувствовал величайшее облегчение.

В 08 часов 15 минут далеко на горизонте заметил контуры Земли Франца-Иосифа. На борт поступила тревожная радиограмма: «Рудольф закрыт туманом. Самолетам следовать до бухты Тихая». Это на 185 километров дальше. Для нас это было невозможно, горючего оставалось в обрез. Посовещались с Мазуруком и решили подойти к Рудольфу, а если он не примет, сесть где-нибудь на льду архипелага.

В 08 часов 30 минут в разрыве мощной облачности мелькнули знакомые контуры мыса Столбового. Мазурук быстро нырнул в это «окно». В ушах кололо от резкой смены высоты, мы почти пикировали. Мазурук мастерски посадил машину.

15 июня все корабли ушли в Москву. По указанию правительства «Н-169» остался с экипажем на Рудольфе для обеспечения безопасности дрейфа папанинцев.

Наша вахта продолжалась весь период дрейфа.

Виталий Волович

ДЕРСУ УЗАЛА ИЗ ВЬЕТНАМСКИХ ДЖУНГЛЕЙ

ПОВЕСТЬ

Знакомство

Костер догорал. Фиолетовые язычки пламени осторожно выглядывали между обгоревшими поленьями и снова прятались в свое мерцающее убежище.

Доктор Ракитин неподвижно сидел у костра, обняв колени руками, завороженный видом умирающего огня. Синие струйки дыма поднимались над тлеющими углями, сворачивались в кольца и постепенно таяли, исчезая в неподвижном, насыщенном влагой воздухе. Стояла душная, вязкая тишина. В черноте тропического неба проступали, разгораясь, серебряные блески незнакомых созвездий. Неподалеку хрустнула ветка. Та Мо, дежуривший по лагерю, вскочил, словно подброшенный пружиной, и щелкнул затвором карабина.

Разом вспыхнули фонари, высветив из мрака человеческую фигуру. Заслоняя лицо от яркого света, незнакомец сделал несколько шагов к костру и остановился, смущенно переминаясь с ноги на ногу. Маленького роста, сухонький, узкоплечий, он был похож на подростка. На нем была длинная рубашка без воротника, с глубокими вырезами по бокам и короткие, чуть ниже колен, штаны из такого же материала. Обувью ему служили «вьетнамки», вырезанные из старой автомобильной покрышки, крепившиеся на ногах двумя резинками крест-накрест. Костюм дополняла круглая кепочка с крохотным козырьком.

Из больших кожаных ножен, висевших на левом боку, выглядывала деревянная рукоятка ножа-мачете. Незнакомец опирался на старинное длинноствольное ружье с широким дулом, с курком, похожим на оттопыренный большой палец. Деревянный приклад, видимо треснувший, был несколько раз обмотан проволокой.

— А, дамти Синь, — радостно приветствовал его переводчик Дин-Чонг Лок — высокий, немного нескладный парень с широким, улыбчивым лицом, побитым крупными оспинами, и чубом жестких черных волос, свисавшим на лоб. Знание им русского языка было далеко от совершенства. Он постоянно путал родовые окончания слов, времена, ударения, а падежи вообще игнорировал. И тем не менее он был незаменимым помощником. Ведь кроме него только

Художник А. Грашин

доктор Дан знал немного по-русски. Сам Ракитин успел выучить десятка два вьетнамских слов, вставляя их в разговорах к месту и не к месту. Что же касается его коллег Дьякова и Шалеева, то для них певучая вьетнамская речь так и осталась тайной за семью печатями.

— Очень рад тебя видеть. Я думал, что ты придешь к нам только завтра, — продолжал Лок, обратившись к Ракитину: — Это Хуанг Ван Синь — знаменитый охотник и следопыт. Он очень замечательный охотник. Такой второй нет во весь уезд. Он все знает про лес, про зверей, про деревья. Он покажет много, много растений в лесу, которые можно кушать.

Синь, чуть склонив голову набок, молча слушал непонятные русские слова и, когда Лок кончил свою речь, сделал несколько шагов к костру и присел на корточки рядом с Ракитиным. Он неторопливо набил табаком трубочку с коротким изогнутым мундштуком и, выхватив из костра горящую веточку, прикурил.

Хунг подбросил в догоравший костер охапку веток. Пламя зашипело, припало к угольям, а затем побежало, потрескивая, по сушняку и вдруг фонтаном взметнулось вверх, озарив людей, сидевших в разных позах вокруг костра, и черную стену тропического леса, окружавшего поляну.

Теперь Ракитин мог подробно разглядеть гостя. На вид ему было лет сорок — пятьдесят. Правда, Ракитин хорошо помнил, как обманчива бывает внешность здесь, на юго-востоке Азии. Сколько раз он ошибался, принимая многодетных мам за юных девушек и зрелых мужчин за юношей.

Трудно было назвать красивым его небольшое, продолговатое смуглое лицо, большеротое, с широким, чуть приплющенным носом. Худенький, жилистый, он сидел на корточках, невозмутимо попыхивая трубочкой. Но в его сдержанном равнодушии казалась напряженность пружины, готовой мгновенно расправиться.

С первого мгновения Ракитин почувствовал к нему какую-то внутреннюю симпатию. То ли скромность, даже, вернее, застенчивость, с которой держался этот многоопытный, далеко не молодой человек с морщинистым лицом и натруженными руками. То ли приветливый взгляд темных, узких глаз из-под чуть набухших век. То ли поразительная для этих условий аккуратность: его старенькая, выцветшая коричневая рубашка с тремя зелеными пуговичками была тщательно отстирана и заштопана. То ли неуловимое сходство с кем-то очень знакомым. Но с кем? Ракитин мучительно пытался вспомнить, как вдруг его осенило — черт возьми, да конечно, с Дерсу Узала. Как это сразу не пришло ему в голову! Охотник, следопыт, знаток леса, вот так же неожиданно появившийся из темноты леса у лагерного костра.

В памяти всплыли строки из книги Арсеньева: «Меня заинтересовал этот человек. Что-то в нем было особенное, оригинальное. Говорил он просто, тихо, держал себя скромно, незаискивающе... Я видел перед собой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге». До чего же точной оказалась эта неожиданная ассоциация.

— Знаешь, Лок, есть такая книга «Дерсу Узала». Ее написал знаменитый русский путешественник и писатель Арсеньев. В ней он рассказал про своего друга, старого мудрого охотника-следопыта Дерсу Узала.

Лок вопросительно посмотрел на Ракитина.

— Так вот дамти Синь мне очень напоминает Дерсу. Он ведь тоже охотник, следопыт, очень хороший человек, знаток леса, только тропического.

— Значит, Синь, как Дерсу Узала, только наш, вьетнамский. — Лок что-то оживленно стал говорить Синю, который слушал его с большим вниманием, тихо покачивая головой, и вдруг широко улыбнулся, отчего от уголков глаз разбежались по сторонам веселые морщинки.

— Ты что ему сказал? — поинтересовался Шалеев.

— Я сказал ему, что у вас в Советском Союзе есть свой дамти Синь, только зовут его Дерсу Узала.

Пламя снова опало, и сразу вокруг сгустилась темнота.

Словно зеленоватые мерцающие фонарики, кружились над поляной в бесшумном хороводе крупные светляки. В зарослях ночных джунглей пробуждалась жизнь. Завели свою неумолчную песню цикады. Хрипло каркнув, встрепенулась вспугнутая птица. Откуда-то из глубины леса донеслось протяжное жалобное «тю-тю, тю-тю, тю-тю».

Видимо, непривычная обстановка лагерной жизни дала себя

знать. То один, то другой тихонько исчезали из круга, и вскоре осталось лишь трое: Синь, Лок и Мо — дежурный по лагерю, который время от времени обходил, прислушиваясь, поляну, оберегая покой его обитателей от непрошеных гостей. Ракитин вошел в палатку, тщательно застегнув входное полотнище. Не зажигая «летучей мыши», быстро разделся и нырнул под кисею полога, служившего надежной защитой от комаров, москитов и прочей нечисти, которая водилась в джунглях в несметных количествах и просто «сатанела» с наступлением темноты.

Обследовав с помощью фонаря свое убежище изнутри и убедившись, что ни один кровопийца не проник под полог, Ракитин сладко потянулся и улегся на жесткое ложе из бамбуковой дранки, прикрытой простыней. Однако стоило ему закрыть глаза, как над ухом раздалось тоненькое, назойливое «зи-зи». Ракитин вскочил как ужаленный и, нащупав фонарь, нажал кнопку. Он вскакивал еще несколько раз, но комары все снова и снова умудрялись проникнуть под полог. Наконец, утомленный бесплодной борьбой, Ракитин натянул до подбородка простыню и вскоре погрузился в сон под звенящий стрекот цикад, неутомимых музыкантов тропического леса.

Его разбудил солнечный луч, отыскавший в боковой стенке палатки крохотную дырочку. Природа ликовала, встречая наступление солнечного утра. Сверкающие капли росы подрагивали на листьях деревьев, на серебристо-зеленых веерах пальмы «ко», скатывались по огромным зеленым опахалам дикого банана. Под их тяжестью клонились к земле стебли трав, ветви кустарников.

Ракитин рысцой спустился к ручью, весело бурлившему внизу, в распадке. Когда он вернулся в лагерь, все были уже на ногах. Игорь Дьяков возился с психрометром Ассмана, измеряя температуру и влажность воздуха. Было всего 8 часов утра, а термометр уже показывал тридцать градусов. Воздух был насыщен влагой. Было жарко и душно.

На завтрак все собрались в столовую. Ею служил высокий, просторный навес — шесть бамбуковых стволов, подпиравших крышу из плотных листьев пальмы «ко», уложенных черепицей.

— Наверное, пора посовещаться, — сказал Ракитин, когда последняя тарелка была убрана со стола. — Лок, переведи, пожалуйста, я хочу рассказать о цели и задачах нашей работы.

— Немного подождать, — сказал Лок. — Надо приготовиться к собранию.

Через несколько минут все вьетнамцы уже сидели за столом, держа в руках блокноты и карандаши.

— Ни для кого не секрет, — начал Ракитин, — что городской житель, попав случайно в джунгли без запасов пищи и воды, без лагерного снаряжения, окажется в трудном положении. Это может быть экипаж и пассажиры самолета, совершившего в тропическом лесу вынужденную посадку, летчик, спустившийся на парашюте. Это

могут быть участники экспедиции — биологи или геологи или просто туристы-неудачники, застигнутые в пути наводнением, лесным пожаром или грозным циклоном. — Ракитин перевел дух и вдруг перехватил умоляюще-растерянный взгляд Лока. Видимо, переводчик окончательно перестал понимать его быструю, довольно витиеватую речь, но, стесняясь признаться в этом, предпочел просто замолчать. Ракитин быстро оценил нелепость положения. Ругнув себя в душе и подбодрив незадачливого переводчика понимающей улыбкой, он стал говорить медленно, стараясь упростить каждую фразу.

— Как же должны действовать люди, чтобы сохранить жизнь и здоровье? Как лучше выбрать место для временного лагеря? Где отыскать съедобные растения? Как раздобыть воду для питья? Мы должны научиться жить в джунглях, чтобы потом научить других людей. Мы должны познакомиться с полезными растениями, изучить природные водоисточники. В общем узнать как можно больше обо всем, что необходимо для обеспечения жизни в тропическом лесу. Кроме того, нам предстоит выполнить программу медицинских исследований. Исследовать особенности обмена воды и солей в организме человека, не привыкшего к климату тропиков. Изучить, как ведет себя сердечно-сосудистая система в этих условиях. Вот примерный круг задач, которые нам предстоит всем вместе решать. Может быть, у кого-нибудь есть вопросы?

Вопросов было много, и совещание затянулось бы до самого обеда, если бы Дан не предложил закончить разговоры и прямо отправиться в джунгли в ознакомительный поход. Впрочем, знакомство Ракитина с джунглями уже состоялось. Накануне, едва выпрыгнув из машины, он, не сдержав нетерпения, закинул за спину карабин и углубился в чащу. Ракитин прошел метров триста по едва заметной среди травы и опавших листьев тропинке, стиснутой зарослями бамбука и кустарников. Становилось все темнее. Густые кроны деревьев нависали сплошным, непроницаемым пологом. Ни единый луч солнца не проникал сквозь толщу лиственного свода. Ни единый солнечный блик не оживлял этого насыщенного испарениями сумрака. Между деревьями местами чуть вздрагивали клочки густого приземного тумана. Было сыро и душно. На лбу выступил жаркий пот, и капли его стекали за воротник. Но особенно гнетущей была тишина. Она действовала на нервы, давила, угнетала. Ракитин никогда не представлял себе, что дневные джунгли так угрожающе молчаливы. Постепенно его охватывало какое-то необъяснимое беспокойство. Каждое потрескивание ветки, каждый шорох заставляли его испуганно вздрагивать. Он каждой своей клеточкой ощущал приближение какой-то неведомой опасности. Правда, он не понимал, что́ за опасность, не мог сформулировать, чего он страшится.

Он сильно сжимал карабин, то замирая на месте, то резко поворачиваясь на малейший подозрительный звук. Ему вдруг почудилось, что он находится в узком туннеле, из которого нет выхода.

— Да что же это со мной творится, черт возьми, — вслух сказал

Ракитин, встряхнув головой. Звук его голоса словно завяз в густом, липком воздухе.

Ракитин присел на ствол поваленного дерева, достал пачку «Столичных», старательно размял сигарету и, прикурив, несколько раз глубоко затянулся. Помогло. Он почувствовал необыкновенное спокойствие и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, медленно двинулся в обратный путь, держась собственных следов, которые четко отпечатались на влажной почве. Когда среди зеленого мрака забрезжило светлое пятно прогалины, он с таким облегчением вздохнул, словно действительно удалось избежать смертельной опасности. С момента, как он покинул лагерь, прошло всего часа полтора, не более. Но они ему показались вечностью.

Только вечером, забравшись под противомоскитный полог, Ракитин попытался проанализировать свое состояние. Вероятно, это была просто закономерная реакция на своеобразную, незнакомую обстановку джунглей. Судя по воспоминаниям бывалых путешественников в тропическом лесу, именно так и должен чувствовать себя новичок.

Рыбная ловля по-тропически

Утро начиналось с медицинского осмотра. Ракитин занимался исследованиями крови, Шалеев мерил артериальное давление. Дьяков выступал в роли метеоролога.

Пока солнце не поднялось над поляной и не подсушило ночную сырость, все ходили в резиновых сапогах. К этому принуждали пиявки. Они обожали росу и буквально усеивали стебли и листья растений, окружавших лагерную поляну. Пиявки поджидали своих жертв на кустах вдоль тропы, по которой участники экспедиции бегали к ручью, прикрепившись к ним задней присоской и приподняв свои черные извивающиеся тела. Они взлетали, словно маленькие ракеты, и с поразительной точностью находили открытый участок кожи, впивались в него всеми тремя челюстями.

В первые дни Ракитин, как и все остальные, брезгливо передергивался, обнаружив на теле черную, разбухшую от крови пиявку. Торопливо закурив сигарету, он тыкал ею в паразита. Пиявка немедленно скрючивалась и отваливалась. С таким же успехом ее можно было удалить, посыпав солью, табаком, помазав йодом или спиртом.

Только Синь относился к ним с полнейшим безразличием. Заметив присосавшуюся пиявку, он ловко подковыривал ее тоненькой веточкой у самой присоски, заставляя немедленно разжать челюсти.

Сам по себе укус пиявки не был опасен, разве что ранка минут сорок — пятьдесят продолжала кровоточить или два-три дня, если по неосторожности в коже оставались ее челюсти, сохранялась небольшая болезненность. Но в тропическом лесу с его жарким, влажным воздухом, обилием всевозможных болезнетворных бактерий даже крохотные царапинки, нанесенные колючками, сучками, быстро нагнаивались, грозя превратиться в долго не заживающую язву.

Пиявки в этом лесу встречались самые различные, вероятно, многие из тех, которые известны специалистам. От маленьких древесных до крупных десяти — пятнадцатисантиметровых черно-зеленых тварей, населявших окрестные лужи и болотца. Поэтому все, кроме Синя, при каждом выходе в лес опускали рукава, застегивали ворот и манжеты, тщательно заправляли штанины в носки. И все же, несмотря на предосторожности, эти проклятые кольчатые находили в одежде невидимые щели.

В этот день медицинский осмотр затянулся, и мы решили ограничиться небольшим походом к безымянному ручью километров за пять от лагеря. После часового блуждания в зеленом мраке, когда чаща стала редеть, путешественники вскоре выбрались на заросшую высокой травой поляну, которую пересекал довольно широкий шумный ручей.

— Вот красотища-то, — воскликнул Шалеев. — А трава! Ну прямо как у нас в Подмосковье! — Он повалился на спину, раскинув руки. — А мягкая какая. Так бы и лежал, никуда больше не ходил.

Вдруг Синь издал громкое восклицание и выхватил мачете из ножен.

— Лежи и не шевелись, — испуганно крикнул Лок. Александр замер, ничего не понимая. Нож просвистел рядом с ним, и тогда все увидели рассеченную пополам метровую серую со стальным отливом змею с узкой ярко-желтой головой.

— Это что же за змея? — заикаясь от страха, спросил Шалеев. — Спасибо, дамти Синь.

Синь невозмутимо вытер нож пучком травы и всунул обратно в ножны.

— Это очень опасный змея, — сообщил Лок. — После ее укус можно быть живой только один час.

«Ну и ну, — подумал Ракитин. — Это же просто повезло, что Синь вовремя ее заметил. Надо еще раз напомнить всем, чтобы были осмотрительными».

Ведь только вчера Дьяков умудрился сорвать листик какой-то травы и весь день ходил с рукой, покрытой волдырями, словно ошпаренной кипятком. А сегодня утром Кат чуть было не съел ядовитый плод.

Привал устроили прямо на берегу ручья. Пока Ракитин делал записи в дневнике, Синь обошел поляну и подозвал Лока.

— Дамти Витя, Синь говорит, что, если нужно, он показать, как ловить рыбу ядовитым травой, — сказал Лок.

— Конечно, интересно, — встрепенулся Ракитин. — И даже очень нужно.

Ему не раз встречалось упоминание о способе рыбной ловли с помощью ядовитых растений. В их соках содержатся особые растительные яды: ротеноны и ротеконды. Эти яды губительно действуют на рыбу, вызывая сильный спазм капилляров, которые пронизывают жабры. Кислород перестает поступать из воды в организм, и рыбы, задыхаясь, мечутся, выпрыгивают из воды и наконец

всплывают на поверхность, попадая прямо в руки рыболовов.

Тем временем Синь, присмотрев самый узкий участок русла, подозвал Тана и Са, и вскоре на пути ручья выросла плотина из гальки, коряг и ветвей. Постепенно у плотины образовалось небольшое озерцо. В его прозрачной воде взад и вперед шныряли серебристые, размером с кильку рыбешки. Синь направился к густым зарослям невысокого кустарника с продолговатыми, заостренными на концах листьями по десять — двенадцать штук на стебле и принялся рубить ветви ножом-мачете. Затем бросив охапку са-ньена — так называлось растение — на плоский камень, Синь принялся молотить его бамбуковой палкой, пока оно не превратилось в буро-зеленую, перемешанную с беловатым соком бесформенную массу. В воздухе запахло чем-то сладко-удушливым. От этого запаха першило в горле. Кружилась голова. Видимо, яды действовали не только на рыб. Размочаленные листья и побеги бросили в запруду. Прозрачная вода быстро помутнела, приобретя грязно-зеленую окраску.

Через несколько минут на поверхность брюхом вверх всплыли «уснувшие» рыбки, одна, другая, третья. Всего их оказалось двадцать семь, довольно толстых рыбок.

— А кастрюли-то у нас нет, чтобы уху сварить, — с сожалением протянул Дьяков. Но он поторопился. Пока Тый с Даном потрошили улов, Хунг, натаскав десятка полтора круглых голышей, бросил их в костер. Синь тем временем вырыл неглубокую ямку в земле, выстелил ее большим куском полиэтилена, уложил дно плоскими камешками, а затем до половины наполнил водой. Рыбу одну за другой опустили в «кастрюлю», и тогда Синь с помощью рогулины стал поочередно бросать в воду раскаленные на огне камни. Над «кастрюлей» с шипением поднимались клубы пара, и вскоре вода закипела.

Каждому досталось по три рыбки, которые оказались приятным дополнением к скудноватому аварийному рациону. На десерт Синь притащил целый подол кисло-сладких плодов, похожих на вытянутую у самого кончика бледно-зеленую сливу трехгранной формы, называвшихся «куэо».

Дерево «куэо» имело довольно своеобразный вид. Его непропорционально тонкий ствол, словно палка, торчал из-под пышной шапки ветвей, покрытых ярко-зелеными, точно лакированными, листьями с причудливым удлинением на конце.

— Лок, спроси, пожалуйста, у Синя, знает ли он еще какие-нибудь растения, ядовитые для рыб.

Словно поняв заданный вопрос без всякого перевода, Синь повел Ракитина за собой вдоль берега ручья.

— Кей-кой, — сказал он и показал на высокий, похожий на бузину куст, отличавшийся от последней розоватым оттенком стеблей и более мелкими ланцетовидными листиками.

Сделав еще несколько шагов, Синь склонился над растением с красноватыми стеблями и шершавыми удлиненными листьями, которое называлось «нген-рам».

— А вот тот маленький кустик с очень зелеными листьями — это «шак-ше».

— Дальше в лесу будем показать, — перевел подошедший Лок, — очень ядовитый плоды «тхан-мат». Они совсем похожи на стручок фасоли, только маленький, кривой и внутри черный, черный зерно.

Образец каждого растения мы аккуратно срезали, уложив между двумя листами бумаги в специальную папку, которую повсюду за собой таскал Хунг.

Дневная программа была выполнена, и можно было возвращаться, тем более что светлого времени оставалось мало, а до лагеря было не меньше десяти километров.

Синь тщательно залил костер водой, потом собрал пустые баночки из-под консервов и пластиковые мешочки от галет — в крестьянском хозяйстве все сгодится — и, нахлобучив свою неизменную кепчонку, пошел вперед, указывая дорогу. У Ракитина порвался шнурок, и, пока он связывал его, отряд, вытянувшись в цепочку, уже подошел к чаще леса.

Сейчас они все выглядели как бывалые путешественники — в выцветших на солнце гимнастерках с разводами высохшего пота, с тяжелыми, набитыми экспонатами рюкзаками за спиной, сдвинутыми на затылок тропическими шлемами. Ракитину подумалось: давно ли пресловутый пробковый шлем был символом колонизаторов, захватчиков азиатских и африканских земель. А сейчас, пожалуй, трудно встретить вьетнамца без традиционного тропического шлема, обтянутого светло-кофейной водоотталкивающей тканью, с широкими, чуть покатыми полями, обклеенными изнутри цветной байкой, с пупочкой-вентилятором на макушке и четырьмя дырочками по бокам.

Ракитину вспомнился его визит на фабрику, где делают эти «пробковые» шлемы. Правда, вместо пробки на их изготовление использовали корень дерева «за». Тысячи его искривленных коряг плавали в небольшом живописном озере, на берегу которого расположились домики фабрики. Здесь корни вымачиваются, освобождаясь от соли (дерево растет прямо в морской воде вдоль побережья). Затем их долго сушат на солнце, и они, освобождаясь от влаги, постепенно белеют и становятся легкими, как пробка. Тогда за них берется резчик. Он работает сидя, вытянув правую ногу и используя левую в качестве рычага. Уперев корень в выемку доски, лежащей перед ним, мастер прикладывает нож-резак, похожий на пилу, заключенную в раму, и с силой продвигает вперед. Раз — тоненькая, ровно в один миллиметр, стружка завивается в колечко и падает на землю. «Взи-взи-взи» — каждые две секунды рождаются из-под резака ее близнецы-стружки. Неподалеку за низеньким длинным столом сидят рядком несколько женщин в окружении выточенных по форме человеческой головы деревянных болванок, покрытых тканью. Мастерицы ловкими движениями примеряют стружку, укорачивают до нужных размеров и, смазав резиновым клеем, накладывают

Художник А.Грашин

на болванку слой за слоем: четыре — на поля шлема, две — на головную часть. Десятки бело-коричневых болванок дожидаются своей очереди на полу. За следующим столом поверх слоя стружки наклеивают тонкую сетку, а затем водонепроницаемую ткань.

В другом цехе, где изготавливали обувь, Ракитину показали оригинальную машину, штамповавшую рисунок на подошве «вьетнамок». Ее изготовили еще во времена борьбы с французскими колонизаторами. Двигатель извлекли из трофейного танка, а на изготовление валиков пошли стволы трофейных пушек. Вот уж воистину перековали мечи на орала.

...Зашнуровав кеды, Ракитин бросился догонять отряд, хвост которого уже исчез за деревьями.

Урок ботаники

Всю ночь лил дождь. Тропический дождь. Потоки воды низвергались с небес, обрушиваясь на парусину, прогибавшуюся под их напором. Всю ночь Ракитин ворочался с боку на бок, тревожно прислушиваясь к угрожающему гудению водяных струй, каждую минуту ожидая, что они ворвутся в палатку, затопив все вокруг. Только под утро все стихло так же внезапно, как и началось. Ракитин было задремал, как вдруг раздалось пронзительное громкое «кукареку». Это петух, привезенный Фаном из Ханоя, приветствовал приближающееся утро. Ракитин беззлобно выругался, пожелав неугомонной птице как можно скорее отправиться в суп, закрыл глаза и мигом уснул.

Его разбудил вкрадчивый голос Лока: «Дамти Витя, пора вставать. Скоро придет Синь показать дикие растения, которые можно кушать».

К девяти часам, как обычно, все были в полной готовности и гуськом двинулись за охотником. Стоило только пересечь границу поляны, как джунгли обступили со всех сторон. Бесчисленные лианы коричневыми змеями переползали с дерева на дерево, свивались в кольца, свисали с ветвей, образуя непроходимые занавеси, обвивали тугими спиралями стволы деревьев. Иногда объятия были так тесны, что на светлой их коре оставались глубокие шрамы-борозды. И все вокруг, стволы, ветви были, как ковром, укрыты эпифитами-папоротниками, плаунами, орхидеями всевозможных видов и форм. Их было бесконечное множество этих растений, возникших и развивавшихся в борьбе за свет. Но именно они объединяли тропический лес в единый зеленый массив, в котором как бы стирались грани между различными формами. Впрочем, и формам этим было несть числа. Только в лесах одной Бирмы советскому ботанику Ю. И. Колесниченко удалось насчитать более тридцати тысяч видов растений. В лесах Юго-Восточной Азии только цветковых встречается более двадцати пяти тысяч видов.

Район джунглей, в котором оказался Ракитин, имел все важнейшие отличительные черты так называемого вторичного влажного

тропического леса. И главная из них — многоярусность. Первый, самый нижний ярус был представлен густым, местами непроходимым подлеском. Здесь переплетались своими ветвями кустарники, похожие на траву, и травы, напоминавшие по виду кустарники. Толпились, зеленея огромными листьями, дикие бананы. Тянулись ввысь, примкнув плечом к плечу, коленчатые стволы вездесущего бамбука. Древовидные папоротники разметали свои узорчатые листья огромными покрывалами всех оттенков зеленого цвета.

Второй ярус составляли многочисленные пальмы: панданусы с узловатым стволом и пучком длинных кожистых листьев, тонкоствольные стройные арековы, с зеленоватыми, увешанными крупными орехами, перистыми опахалами на верхушке, хамеропсы с жесткими растопыренными листьями-веерами и лохматыми, словно обернутыми в войлок стволами, из которых черными крюками торчали черешки отмерших листьев. Ракитин разглядывал эти пальмы словно старых знакомых. Сколько их он встречал на аллеях сочинских и гагринских парков! Правда, там никто не использовал их листья в качестве материала для крыш, а мучнистую сердцевину ствола — для пропитания.

Повсюду встречались гибкие, достигающие нескольких сот метров стебли ротанга, усеянные кривыми, твердыми, как железо, колючками.

Третий ярус образовывали двадцати-тридцатиметровые деревья с толстыми стволами: гладкими, словно полированными, и шершавыми, бугристыми — представители различных видов миртовых, лавровых, бобовых. Среди них Ракитин узнал красавицу магнолию с большими, лишенными запаха цветами, словно вылепленными из белого воска, и знаменитое железное дерево «эритрофлакум фордии» с мощным стволом и непропорционально мелкими изящными листочками, которое славится твердостью своей древесины, не тонущей в воде. Иногда среди чащи возникали могучие, с узловатыми шершавыми стволами артокарпусы, известные под названием хлебного дерева. Его плоды, зеленые, желтые, оранжевые, похожие на шары различных размеров, от теннисного мяча до головы человека, покрытые крупными зернами-пупырышками, словно лепились прямо на стволе и крупных ветвях. Это своеобразие тропической природы, называемое каулифлорией, Ракитин уже видел по дороге в джунгли. Нередко рядом с крестьянскими домиками встречались папайи, похожие на большие зонтики с длинной ручкой и кроной из пальчато-рассеченных листьев на длинных черешках. У самой вершины, облепив ствол, висели желтые и ярко-оранжевые плоды, похожие на дыни.

Был в этом лесу и четвертый ярус. Хотя, может быть, ярусом его и нельзя было назвать. Это были отдельные деревья-гиганты, величественные сейбы с гладкими, лишенными ветвей стволами, которые уходили вверх светло-серыми колоннами на высоту пятьдесят — шестьдесят метров. Они стояли далеко друг от друга, возвышаясь над вечнозеленым растительным океаном, свысока оглядывая своих

малорослых собратьев. Природа позаботилась об их устойчивости, наградив надежными подпорками в виде десятка огромных досковидных придаточных корней. Они начинались на высоте полутора-двух метров и, опускаясь книзу, постепенно расширялись, образуя настоящие контрфорсы. На пути часто возникали двух-трехметровые арки из причудливо переплетенных ходульных корней, от которых вверх уходил мощный ствол дерева. То и дело тропу перегораживали похожие на шершавые доски, поставленные на ребро, выросты на корнях, расходившихся в разные стороны, словно щупальца спрута.

Синь медленно продвигался вперед, осторожно раздвигая ножом нависавшие со всех сторон растения. Вдруг он отпрянул, едва не сбив с ног шедшего за ним Дана. Метрах в двух впереди, медленно покачиваясь из стороны в сторону, поднимала голову крупная кобра. Темно-коричневая, с голубоватым отливом, она раздула свой копюшон, на котором отчетливо был виден рисунок очков, окаймленных двумя черными линиями. Ее грязно-белого цвета брюхо имело несколько темных поперечных полос. Тонкий раздвоенный язык то появлялся изо рта, то исчезал, словно вылизывая воздух. Хунг сорвал с плеча карабин.

Кобра не проявляла агрессивных намерений. Голова ее, напоминавшая большую ладонь, направленную горизонтально, вдруг стала опускаться, и змея поползла в сторону от тропы, извиваясь толстым, мускулистым телом. Мелькнул в траве кончик ее хвоста, и она исчезла. Встреча с коброй на всех произвела столь яркое впечатление, что эдакая удаль, появившаяся у многих в последние дни, мгновенно испарилась.

Они прошли еще с полсотни метров, когда Синь остановился и, сказав: «Монг-нгыа», присел на корточки возле невысокого с тоненьким стволиком и продолговатыми, заостренными листьями неказистого на вид деревца. Впрочем, расцветка его была несколько необычной. Светло-серая окраска гладкого, лакированного ствола в верхней его половине переходила в ярко-зеленую с черными вертикальными полосами, словно прочерченными тушью. Листья по краям тоже были обведены траурной каймой. Но когда Синь очистил ножом землю у подножия дерева, там оказалось с пяток крупных, вероятно граммов по триста — четыреста, похожих на сахарную свеклу бугристых клубней.

— Да тут целый обед можно изготовить, — воскликнул Дьяконов, рассматривая находку.

— «Монг-нгыа», — сказал Лок, — по-русски значит «копыто лошади».

И правда, эти клубни, казавшиеся сначала бесформенными, напоминали по форме лошадиное копыто.

— Только кушать его сразу нельзя. Сырое «монг-нгыа» очень ядовитое, как маниок. Его сначала надо хорошо очистить от шкура. Налить много вода и ждать пять-шесть часов. Когда весь яд уйдет в вода, ее надо вылить и залить новый вода. Потом два часа кипит, и

тогда можно кушать без опасности. Очень похоже на батат. Этот как ваша русская картошка, только немножко сладкий. Я, правда, сам никогда не ел, — честно признался Лок, — но Синь говорит, что очень вкусно.

Шалеев сфотографировал растение, аккуратно, чтобы не повредить шкурку, выкопал два небольших клубня, срезал веточку с листьями и упрятал все свои трофеи в рюкзак.

Еще не успели покончить с этим «даром природы», как Синь нашел следующий, и не менее экзотический. Он раздвинул ветви дерева, свисавшие над тропой, и потянул за ствол лиану с крупными, словно вырезанными из плотной бумаги трехпалыми листьями.

— «Дай-хай», — коротко сказал он.

— Хай будет «дай-хай», — сострил Шалеев. — Вот только не пойму, что здесь съедобно? Чи кора, чи листья? Ух ты, какая дуля, — смущенно сказал он, увидев в руках у Синя большой коричнево-зеленый шар, похожий на яблоко.

— Что ж, его так прямо и есть можно? — поинтересовался Дьяконов.

— Сырым нельзя, — сказал Лок. — Надо обязательно варить или жарить. И косточки, — он показал на пять крупных косточек-бобов, — тоже можно жарить. Они вкусные, как каштаны.

Но самым удивительным оказалось, правда, об этом Ракитин узнал только после возвращения в Ханой, что плод «дай-хай» содержит очень много жира.

Полдень уже наступил, а в лесу было так же сыро и сумрачно. Впрочем, никто и не думал об отдыхе. Все так увлеклись поиском новых растений, что позабыли о голоде. Знания Синя казались неисчерпаемыми. То он, раздвинув кусты, обнаруживал среди них папоротник «рау-зон», имевший длинные, вполне съедобные корни. То он расхваливал замечательные свойства листьев травы «данфьен», покрытых с обеих сторон серым пушком, которыми можно лечить типун и стоматит.

А до чего же было интересно растение «той», или «ланг-рын», которым пользуются при лечении переломов костей! Его мясистые, кинжалообразные, напоминавшие агаву листья образовали своеобразную чашу, из которой выглядывал толстый, с руку ребенка, стебель. На его конце ярко лиловел огромный цветок с причудливо свисавшими вниз многочисленными длинными, тонкими лепестками.

— Привал, — скомандовал Ракитин и первым принялся расшнуровывать отяжелевшие от сырости кеды. Шалеев, Хунг и Кат мигом натаскали целую груду валежника.

— Сейчас посмотреть, как получать огонь в лесу, когда нет спички, — сказал Лок.

Синь расколол кусок сухого бамбука на несколько планок. Выбрав самую длинную и заострив на конце, он обушком мачете на треть загнал ее вертикально в землю. Затем, оглядев близстоящие деревья, сорвал большой пучок пересохшего мха и скатал из него несколько шариков, которые, по-видимому, должны были служить трутом.

Художник А.Грашин

Выбрав четыре полукруглые планки сантиметров по сорок — пятьдесят, он сложил их попарно выпуклой стороной наружу, предварительно положив между ними моховые шарики, и сделал посередине поперечные насечки. Когда все приготовления были закончены, Тый прижал обе пары планок к вертикальному стержню, который Синь сверху придерживал рукой, и стал сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее их двигать вверх-вниз.

— Еще быстрее, — подгонял его Синь, и Тый старался как мог. Минуты через четыре в воздухе потянуло паленым, а затем между планками пробилась робкая струйка дыма.

Синь осторожно перенес тлеющие шарики на заранее приготовленную кучку сухих веточек и волокон мха, а затем, согнувшись в три погибели, принялся раздувать алые искорки. Из шарика высунулся крохотный оранжевый язычок. Вспыхнула веточка, за ней — другая, и вскоре на поляне уже потрескивал костерок.

Все расселись кружочком вокруг костра, развесив на рогульках отсыревшие носки, промокшую от пота одежду. На свет извлекли баночки с консервами, галеты, кусочки шоколада — в общем все, что входило в аварийный пищевой рацион, который каждый получил перед выходом.

— Надо бы и Синя попотчевать из нашего рациона, — сказал Ракитин. — Достань-ка, Саша, из сумки запасной.

Но Синь от угощения отказался, как его ни уговаривали. Пока накрывали на «стол», он приволок толстое, сантиметров тридцать в диаметре, колено бамбука, аккуратно обрубил с одного конца и, немного отступив от края, прорезал два отверстия — одно против другого — для палочки-держалки.

Сорвав несколько широких листьев «зям», он свернул один из них кулечком блестящей стороной наружу, осторожно, чтобы не порвать, затолкал его в бамбуковое колено. Затем достал из сумки мешочек с рисом и, отмерив горсть, засыпал его в «кастрюлю», заполнил ее на две трети водой и, заткнув отверстие туго свернутым листом, поставил на огонь, время от времени поворачивая «кастрюлю» то одним боком, то другим, чтобы рис не пригорел. Вскоре в ней послышалось веселое бульканье, из-под пробки выбилась струя пара, а еще минут через двадцать рис был готов. Пересыпав его на «тарелку» из листа банана и посолив, Синь вооружился палочками и стал с аппетитом уписывать свой скромный обед.

Ракитин допил кружку зеленоватого отвара из листьев «черынга» и, подложив под голову тропический шлем, лег на спину.

Джунгли окружили поляну густой зеленой стеной. Со ствола на ствол перекидывались коричневыми канатами толстые лианы. Бесчисленные эпифиты сплошь покрывали гладкие, без ветвей стволы деревьев-гигантов. И все это жило, сверкало, переливалось. Яркие цветы, словно огоньки, просвечивали сквозь густую листву. Струился таинственный, кружащий голову аромат глициний. Кое-где на опушке торчали обломанные стволики дикого банана с растрепанными светло-зелеными листьями. На верхушках этой уди-

вительной травы, словно елочные свечи, торчали алые цветы.

Над поляной кружились и порхали десятки бабочек различных размеров и раскраски. В лучах солнца они сверкали ожившими драгоценными камнями. Медленно кружили несколько огромных красавиц с крыльями из черного панбархата, с причудливым рисунком посередине. Неподалеку на куст, покрытый красноватыми цветками без запаха, спланировали две бабочки с матово-черными крылышками, украшенными загадочным узором, точно повторяющим очертания крыла. Резвились в восходящих потоках воздуха едва видимые, полупрозрачные, желтовато-голубые малютки. Над Ракитиным, словно в танце, порхали три бабочки с темно-коричневыми крылышками, усеянными белыми точками. Особенно много было маленьких, ослепительно желтых, блестевших на солнце словно кусочки золота, и светло-коричневых, похожих на сухие листики.

Ракитин было задремал. Его разбудил голос Дана, как всегда строго следившего за выполнением намеченной программы.

Чтобы сэкономить время, Синь попытался пройти напрямую. Но уже через полкилометра перед ним непреодолимой преградой встали густые заросли бамбука.

Бамбук рос большими пучками, по сорок — пятьдесят метров в диаметре, и пробраться между стволами нельзя было даже с помощью мачете. Коленчатые бледно-зеленые мачты вздымались на высоту десять — пятнадцать метров, раскинув тонкие ветви, украшенные продолговатыми листьями, поражавшими своим изяществом. У подножия гигантов зеленела молодая поросль.

В Ханое Ракитина изредка угощали ростками бамбука, напоминавшими по вкусу капустную кочерыжку. Но там их подавали на тарелке неинтересными бело-зелеными ломтиками. Здесь же они выглядели по-другому. Оказывается, что в пищу можно использовать только молодые ростки длиной не более сорока сантиметров. Один из таких побегов и срезал Синь, а затем быстрым круговым движением надрезал его у основания, и многослойная, словно на початке кукурузы, оболочка отстала, обнажив плотную беловатую массу. Правда, так его есть было нельзя. Он очень горчил. Обычно ростки бамбука тщательно вымачивают в воде в течение суток, чтобы удалить горечь, а затем варят. В общем-то особенной питательной ценности свежие бамбуковые ростки не имеют, слишком много в них воды. И все же это пища, и, главное, пища, запасы которой в джунглях безграничны.

Молодой бамбук растет с быстротой до пятидесяти — шестидесяти сантиметров в сутки И это его поразительное свойство человек умудрился использовать во вред себе подобным. Некогда в древнем Китае существовала жестокая казнь. Приговоренного раздевали донага и, привязав к раме, помещали над ростками бамбука с заостренными верхушками. Побеги устремлялись вверх, постепенно впиваясь в тело, проникали все глубже, пока не пронизывали человека насквозь.

Для жителей тропиков бамбук — величайший дар природы. Это

растение-благодетель. Его толстые, прочные и необычайно легкие полые стволы служат сваями при строительстве домов, трубами для деревенского водопровода. Из них делают мосты и удочки, плоты и посуду, музыкальные инструменты и ведра, детские игрушки и разнообразную мебель, бумагу высших сортов.

Чтобы облегчить разделку бамбуковых стволов на планки, их рядами укладывают на дороге, по которой ездят автомобили. Ракитин не раз удивлялся, слыша, как хрустит под шинами автомобиля сухой бамбук.

Сегодня насчитывают около тысячи «профессий» бамбука, шестьсот видов которого населяют тропики всех континентов. Но одну из них Ракитин узнал во время очередного похода. День выдался особенно жарким. В насыщенном влагой воздухе пот не испарялся и стекал ручьями по лицу, заливал глаза. Пот, который всегда служит главным спасителем организма от перегрева, отнимая у него при испарении лишнее тепло, здесь, в условиях тропического леса, оказывался бесполезным. Маленькие махровые полотенца, которые каждый по совету доктора Хунга захватил с собой, давно насквозь промокли. Всех мучила жажда: и вода во флягах исчезала неимоверно быстро. Впрочем, вокруг было немало луж, ручейков, болотец, покрытых ряской. Но никто из путешественников не решился бы воспользоваться этим весьма сомнительным даром. Все достаточно хорошо знали, чем грозит в джунглях питье некипяченой воды. Ведь водоемы тропического леса почти повсеместно заражены возбудителями желудочно-кишечных заболеваний и личинками всевозможных гельминтов. Некоторые из них могли вызвать такие тяжелейшие болезни, как шистоматозы и анкилостомидозы.

Ракитин хотел было устроить привал, но глядя, как бодро вышагивает Синь, никак не решался. Идти становилось все труднее. Ноги по щиколотку увязали в сырой, вязкой почве. Дорогу то и дело преграждали стволы упавших деревьев, досковидные корни. Кустарники, как живые, хватали за одежду своими колючками.

Минут через двадцать маленький отряд оказался в неглубоком овраге с крутыми склонами, густо поросшими бамбуком. Синь сделал несколько шагов вверх по склону, ухватился за толстый бамбуковый ствол и, приблизив ухо, резко встряхнул. Затем он проделал ту же операцию со вторым, с третьим. Только встряхнув четвертый, он достал из ножен свой мачете и несколькими сильными, точными ударами отрубил двухметровый кусок, а затем, проделав в колене отверстие, протянул его. Он чуть наклонил его, и оттуда на землю плеснула вода. Она была прозрачной, прохладной, с небольшим растительным привкусом. Ракитин передал «чашу» нетерпеливо ожидавшему Игорю, и тот припал к ней. Синь срубил еще несколько стволов, содержавших воду, чтобы все могли напиться до отвала.

В каждом колене содержалось примерно два стакана воды.

— Попробуем сами найти «водяной» бамбук, — сказал Ракитин, махнув рукой Хунгу. Первый же ствол, который встряхнул Ракитин, ответил ему звучным плеском. Стволы бамбука, содержавшие воду,

имели несколько отличную от остальных блекло-желтую окраску, и, кроме того, почти все росли под углом тридцать — сорок пять градусов к земле.

Тропа шла под уклон. Она то обходила поваленный ствол, то исчезала под ворохом опавшей листвы, то скрывалась в густой траве с острыми, как бритва, краями. Но Синь отыскивал ее снова по каким-то лишь ему одному ведомым приметам.

— Дамти Синь, а это что за дерево? — спросил Хунг.

Там и сям между его мелкими глянцевитыми листочками висели плоды, похожие на болгарский перец, только с пятью гранями. Плоды оказались вполне съедобными. Разрезанные поперек, они образовывали правильной формы пятиконечную звездочку.

Дерево называлось «куа-хе». Пока Ракитин и Шалеев собирали его плоды, Синь уже рассказывал об удивительных свойствах росшего по соседству невысокого, стройного, прямо-таки изящного дерева «кей-нью».

В отличие от многих своих собратьев он имел кору шероховатую и почти белую. Среди темно-зеленой листвы, плотной, глянцевитой, как у олеандра, словно бусины, алели круглые, мелкие, как у рябины, ягоды. Но главная его достопримечательность заключалась в другом. Синь сделал на стволе зарубку, и из нее выступила крупная молочно-белая капля, густая, вязкая, словно латекс гевеи, знаменитой родительницы каучука. Правда, получают ли каучук из сока «кей-нью», Синь не знал.

Было почти шесть часов вечера, когда они усталые, проголодавшиеся буквально повалились на скамейки в столовой. А Фан уже суетился, расставляя тарелки, покрикивая на Са, который был ему выделен в помощники. Фан постарался на славу, после закуски — густо наперченного салата из отваренного и мелко нарезанного цветка дикого банана с луком, заправленного уксусом, — каждый получил по полной тарелке темно-коричневого духовитого супа из древесных крабов и порцию отварного маниока, напоминающего по вкусу картофель. Десерт состоял из зеленых плодов гуаявы величиной с голубиное яйцо. Они имели беловатую мякоть приятного кисловатого вкуса, напоминавшую чем-то боярышник.

Как обычно, по вечерам все собирались на посиделки у костра. Каждый приносил с собой кружку, а Фан наливал крепкий чай — вьетнамский или, по желанию, грузинский. Уже совсем стемнело, когда в лагерь пришли гости. Один из них был старый знакомый дамти Тот с сыном, худеньким мальчуганом лет пятнадцати, второй небольшого роста, коренастый с редкой седой бородкой и серебряным ежиком волос — бывший сержант Народной армии Линь.

Они заняли место у костра, отведали по чашке чая, преподнесенного им как гостям в первую очередь. Линь достал из брезентовой сумки от французского противогаза стопку темно-зеленых шелковистых листьев, напоминающих по форме сердечко, несколько бурых, похожих на сушеную грушу ломтиков и деревянную коробочку с белым порошком. Отделив от пачки один листик, он положил в центр

Поляну окружила непроницаемая стена тропического леса

Дамти Синь

его ломтик, насыпал щепотку порошка и, аккуратно завернув, отправил в рот.

Он неторопливо пережевывал приготовленное снадобье, время от времени сплевывая темно-оранжевую слюну прямо в костер.

«Так это же бетель», — подумал Ракитин. И не ошибся. Листики принадлежали лиане «бетельный перец», ломтики оказались ядром орешка арековой пальмы, который сначала долго варили в воде и затем, нарезав дольками, еще дольше сушили на солнце, а белый порошок — гашеной известью.

Никто не знает, когда зародился обычай жевать бетель. Говорят, он пришел с отрогов Гималайских гор из племени нага. А сейчас бетель жуют во многих странах Востока. Одни считают, что он укрепляет силы, придает бодрость, обостряет мысли и чувства. Другие, наоборот, утверждают, что бетель успокаивает, притупляет душевную боль, приятно одурманивает мозг.

Ракитин не мог не отведать это зелье. Правда, его толкала на это не страсть ученого, рвущегося к познанию, а обыкновенное любопытство. Линь охотно приготовил ему порцию «жвачки». Но не прошло и трех минут, как Ракитин испытал полное разочарование. Во рту стало горько, противно. Рот заполнился вязкой слюной, будто он нажевался сухих листьев. Выбрав момент, когда Линь отвернулся, Ракитин быстро вытащил бетель изо рта и швырнул в костер.

— Дамти Витя, — сказал Лок, — доктор Дан хочет рассказать интересный легенда про жевать бетель.

— Вот и отлично, — обрадовался сидевший рядом Шалеев. — Давай, Лок, переводи.

— Это было очень давно. Во времена императора Хуонга-Вьюнга Четвертого, — начал рассказ Дан. — У богатого мандарина Као были два сына. Они были очень красивы и стройны, словно молодые побеги бамбука. Братья нежно любили друг друга и никогда не расставались. Они были так похожи, как две капли воды, и никто не мог сказать, кто из них старший, а кто младший. Когда Тану исполнилось восемнадцать, а Лангу семнадцать лет, родители умерли. Хозяйство пришло в упадок, и мальчики решили оставить отчий дом и пойти искать счастья по свету. Они долго бродили по дорогам, переходя из города в город, пока наконец не оказались в Ханое. Здесь их повстречал старый учитель Льюнг. Он приютил братьев, проникшись к ним любовью. Но забота старого учителя не принесла им счастья. И причиной тому была его красавица дочь. Они оба влюбились в Ань, и она отвечала им ответной любовью. Но ведь замуж можно выйти только за одного. Долго она не могла решиться, кому отдать руку, так как сердце ее принадлежало обоим. Наконец она решила: пусть избранником ее станет старший брат. Но кто из них старший? И вот однажды, когда наступил час обеда, она положила на стол лишь одну пару палочек для еды. Только одну. И когда внесли блюдо с рисом, Ланг, как младший, передал их Тану. Сыграли свадьбу. Ланг очень любил брата, но видеть каждый день ту, которая была ему дороже жизни, было так тяжело, что однажды

ночью, никому не сказав ни слова, он исчез из дома. Много дней бродил он по джунглям в великом горе, без пищи, и сжалились над ним боги, и превратили его в черную известковую скалу — «дау».

После исчезновения брата Тан потерял покой. И вот он оседлал коня, простился с молодой женой и отправился на поиски. Он пересекал реки и озера, пробирался сквозь дремучую чащу. И однажды тропа привела его к большой черной скале. Он всмотрелся в ее очертания и, задрожав, узнал облик брата. Его горе не знало предела, и он замер рядом, превратившись в стройную высокую арековую пальму «кау».

Долго ждала мужа молодая жена. Сердцем почувствовала она, что случилось непоправимое. Она покинула отчий дом и направилась на поиски пропавших братьев. И вот однажды среди джунглей она увидела черную скалу, а рядом стройную пальму, что-то шептавшую веерами-листьями. Слезы хлынули у нее из глаз и зажурчали ручьем у подножия скалы. Она обвила руками ствол пальмы и обратилась к богам с мольбой. И вняли ей всемогущие боги, и превратили ее в лиану «чау» с листьями, похожими на сердце.

Пролетели столетия. И однажды король этой страны охотился на тигров. И верный конь вынес его на большую поляну среди джунглей. И увидел король среди поляны черную скалу, что очертаниями своими напоминала человека. А возле нее, покачивая большими листьями-веерами, стояла невиданная пальма. Ее тонкий стройный ствол, словно прижавшись в прощальном объятии, обвивала лиана, каждый лист которой был похож на сердце. И удивился повелитель. И позвал мудрецов. И склонился в поклоне старейший из старых и поведал историю, что случилась во времена Хоунга-Вьонга Четвертого. Надолго задумался повелитель. А когда поднял свой взор, полный печали, то приказал сорвать орехи с пальмы, нарвать листьев с лианы, а камни от скалы растереть в порошок. И повелел он, чтобы каждый воин сложил воедино плод, лист и порошок и жевал их днем и ночью. Пусть этот новый обычай заставит людей всегда помнить о великой силе дружбы, верности и любви.

— Конец, — сказал Дан по-русски, протирая запотевшие очки, и, достав из кармана сигарету, закурил, пристально глядя на огонь лагерного костра.

Ночная охота

Синь появился под вечер в сопровождении худощавого улыбавшегося юноши, которого звали Дай. Оба были вооружены старинными ружьями, заряжавшимися с дула. Через плечо у Синя висела вместительная сумка, скроенная из желтовато-коричневого меха. Он был одет как обычно, только на этот раз опустил рукава рубашки, а шорты заменил длинными брюками. Но вместо привычной кепочки его голову украшало довольно странное устройство. Оно состояло из плетеной шапочки-сетки, к которой была приклеплена... коптилка — маленькая баночка, заполненная пальмовым маслом, в котором плавал фитилек.

Оказалось, что это устройство необходимо для освещения мушки ружья. Синь неторопливо отмерил порцию пороха и, засыпав в ствол, тщательно забил пыжом. За ним последовал заряд дроби и еще один пыж. На куферку — выступ в казенной части ствола — он осторожно насадил пистон и, любовно обтерев ствол рукавом, уселся на корточки.

Ракитин готовился к ночной охоте весьма тщательно. Надел вместо шорт длинные брюки, тщательно застегнул манжеты и воротник, натянул высокие резиновые сапоги и в довершение всего намазался репудином (репеллент от комаров). Затем он присел на койку, призадумался, после чего положил в карман еще одну запасную обойму, заменил батарейки в своем фонаре и, заткнув за пояс охотничий топорик, направился к ожидавшему охотнику. Синь оглядел его с головы до ног, вроде бы одобрительно покачал головой и что-то сказал Даю. Дай мигом достал из костра горящую веточку и поднес к фитилю коптилки Синя. Вспыхнув, затрепетал желтый язычок пламени, и сетка, сплетенная из луба пальмы «ко», стала прозрачно-желтой, от чего над головой у Синя вдруг возник золотистый нимб.

Они быстро углубились в чащу леса, и только огонек коптилки, словно крохотный маячок, желтовато-красной точкой светил в темноте.

«Ну совсем как у Гоголя в повести «Вечер накануне Ивана Купала», когда красный цветок, словно огненный шарик посреди мрака, вел Опанаса по заколдованному лесу», — подумал Ракитин.

Синь шел быстрыми, упругими, совершенно бесшумными шагами. Лишь время от времени он останавливался, оборачивался и, убедившись, что спутник его не потерялся, двигался дальше.

Ночные джунгли были полны звуков самых неожиданных, странных, загадочных. Ракитин попытался сравнивать их с какими-нибудь знакомыми звуками. Вот рассыпалась дробь кастаньет. К ней присоединились жалобные «фюить-фюить». То заскрипела несмазанная дверь, послышалось потрескивание, словно кто заводил пружину больших часов. Со всех сторон неслись какие-то приглушенные гуканья, стоны, карканье. Ручьи распевали на разные голоса. Одни таинственно, призывно журчали, другие тихо нашептывали, третьи весело звенели, постукивая камешками. Но главными музыкантами ночных джунглей были цикады. Они как бы создавали непрерывный звуковой фон. Оркестр цикад исполнял свою звонкую ночную симфонию, как вдруг, словно повинуясь таинственной команде, они разом смолкли. Наступившая тишина была настолько неожиданной, что Ракитин остановился, ощутив даже какое-то внутреннее беспокойство. Но вот пиликнула цикада, другая, и со всех сторон тысячи этих маленьких оркестрантов затянули свое радостное «вз-вз-вз».

Синь, бесшумно ступая, шел впереди, и огонек на его голове светился, как маячок, в непроницаемой тьме тропического леса. Вдруг он замедлил шаги, остановился, сделал рукой знак, чтобы Ракитин приблизился, и, прижав палец к губам, издал едва слышный звук: «Тсс».

Впереди в темноте едва виднелась неширокая прогалина. Синь нажал кнопку электрического фонаря. Его тусклый оранжевый луч медленно пополз вдоль опушки, высвечивая то обломанный ствол банана, то причудливый куст, то частокол бамбука. Иногда на пути его вспыхивали и снова гасли цветные огоньки, красные, зеленые.

«И как же это Синь оплошал: забыл сменить батарейки у фонарика. Он вот-вот сдохнет, — подумал Ракитин. — И на старуху бывает проруха. Хорошо, что я оказался молодцом, — похвалил он сам себя, — поставил новые четыре «марса» в своем японском фонаре с большим рефлектором». Довольный своей предусмотрительностью, он включил фонарь, и луч света ослепительно белой дорожкой пересек поляну наискось. В кустах послышалась какая-то возня, писки, шорохи, и все затихло. Ракитин еще раз повел лучом по поляне, пытаясь обнаружить притаившееся животное, но бесполезно.

Синь повернулся к нему и сказал:

— Хом-тот. (Плохо.)

— Хом-тот, хом-тот. (Очень плохо.) Ни черта здесь нет. Хоть бы какая-нибудь захудалая зверюшка подвернулась, — сказал Ракитин и вслед за Синем погасил фонарь. Они присели на поваленное дерево. Синь, глотнув воды из фляги, полез в сумку, потом похлопал себя по карманам и, повернувшись к Ракитину, сделал вид, что выдувает дым. Он что-то сказал, и вдруг Ракитин явственно услышал: «Тьфу! Моя трубку потерял». — Наверное, именно так и должен был сказать старый гольд Дерсу.

Синь пригнулся к земле и, медленно подсвечивая фонариком, пошел обратно по своим следам.

Ракитин не сомневался, что искать в ночных джунглях трубку еще сложнее, чем иголку в стоге сена. Но он заблуждался в способностях Синя. Не прошло и пятнадцати минут, как охотник издал радостное восклицание и с торжеством показал Ракитину найденную трубку. Синь, страшно довольный, присел на корягу, любовно обтер трубочку рукавом и, не зажигая, засунул в рот.

Они снова вернулись к прогалине и остановились, прислушиваясь. Но там царило полное спокойствие.

Они бродили еще часа два по ночному, полному таинственных звуков лесу. Синь тщательно высвечивал каждое более-менее подозрительное дерево в надежде обнаружить притаившееся животное. Но удача явно отвернулась от охотников. Правда, на пути им не раз встречались следы косуль, глубокие отпечатки, оставленные кабанами. Но ни одного животного увидеть так и не удалось. Изрядно устав, они наконец вышли на опушку. Впереди открылись освещенные луной рисовые поля. Откуда-то издалека ветер доносил ритмичные тяжелые вздохи колеса-черпалки, которая денно и нощно без перерыва выплескивала воду из речушки в канал, питающий влагой посевы риса. Ракитин смотрел как зачарованный на открывшуюся картину. Все: и огромная яркая луна, обливавшая желтоватым светом геометрически четкие прямоугольники рисовых чеков, блестевшие словно покрытые льдом, и четкие черные контуры деревьев на

фоне сине-серебряного неба, и пение цикад, и вздохи черпалки — вызывали ощущение нереальности происходящего. Он с замиранием сердца всматривался в серебряные блики лунного света, на эту дышавшую миром и покоем картину. Но Синю, сегодня оказавшемуся в роли охотника-неудачника, было не до лирики. Он взял Ракитина за руку, показал на полную луну, как бы пытаясь объяснить, что в такую ночь не может быть удачной охоты, и, сказав: «Веня!» (Домой!) — быстро зашагал к лагерю.

Обратный путь в темноте показался Ракитину бесконечным. Он то и дело спотыкался о невидимые во тьме корни, путался ногами в траве, цеплялся за ветки кустарников. Ракитин так устал, что, добравшись до палатки, буквально свалился на койку, правда не забыв задраить противомоскитный полог. Подсунув под голову плоскую подушечку, набитую травой, он провалился в сон. Его разбудил грохот выстрела. Ракитин присел на койке. Прислушался. Но все было спокойно. Ни тревожных окриков, ни суматошной беготни. По-прежнему стрекотали цикады и, будто издалека, доносился негромкий разговор людей, сидевших у костра.

Ракитин хотел было заснуть, как по тенту палатки осторожно постучали и чей-то голос спросил: «Дамти Витя, ты не спишь?»

— Не сплю, не сплю, — сказал он, окончательно стряхивая сонную одурь.

— Синь зверя убил, — повторил тот же голос. Это был Хунг.

Не одеваясь, лишь засунув ноги в резиновые сапоги, Ракитин выполз наружу. Возле ярко горящего костра, попивая чай, расположились двое дежуривших и Дьяков, который тоже участвовал в ночной охоте, правда, в другой компании, но с тем же успехом. Неподалеку в привычной позе, на корточках, сидел Синь, с невозмутимым видом дымя трубочкой. У ног его темнело тело какого-то зверя.

— Кто это? — спросил Ракитин, рассматривая охотничий трофей.

— «Тю-тю», — сказал Синь, выпуская длинную струю дыма.

Так вот чей голос они так часто слышали в окрестностях лагеря. Так вот кому принадлежало это жалобное, протяжное «тю-тю, тютю».

Ракитин присел на корточки. Убитый зверь был размером с небольшую собаку. Выпуклая широкая голова, заканчивающаяся немного заостренной мордочкой с белым пятном, напоминала собачью. Вытянутое тело покрывал густой, жесткий мех. По его желто-коричневому фону были разбросаны многочисленные округлой и неправильной формы черные пятна. Вдоль спины тянулись три черных полосы, которые, сливаясь, переходили в черноту длинного пушистого хвоста со светлыми кольцами.

«Так это ж циветта, — наконец сообразил Ракитин, — знаменитая азиатская, или настоящая, циветта, за которой охотятся, чтобы добыть пахучее вещество цибет, широко используемое в парфюмерии и медицине. Так вот из чьего меха сделана у Синя охотничья сумка».

— Поздравляю, дамти Синь, — сказал Ракитин, пожимая охотнику руку. Синь слегка улыбнулся, а затем, молча включив фонарь, направил луч света на голову циветты. И вдруг мертвые глаза зверя ожили, вспыхнули красноватыми огоньками. И только сейчас Ракитин понял, почему фонарь Синя светил так тускло. Дело было совсем не в батарейках. Лишь таким вот слабым лучом можно было обнаружить животное по отблеску глаз, не испугав его светом. Эти красные и зеленые искорки в кустах были не чем иным, как сверкающими глазами животных.

«Что же я за болван! — обругал себя в душе Ракитин. — Ну надо же быть таким тупым! Нет животных. Исчезли животные, — передразнил он сам себя. — Всю обедню Синю испортил. Вот уж он меня, наверное, в душе проклинал, когда я свой прожектор включил. От такой иллюминации какое хочешь животное до смерти напугается».

Ракитин хотел, чтобы Лок все это объяснил Синю. Но переводчик, как назло, куда-то испарился. Ракитин опустился на траву рядом с охотником, положил руку ему на плечо и по-дружески виновато улыбнулся.

Синь улыбнулся в ответ и тихо сказал: «Той хуэ». (Все хорошо.)

В гости к Синю

Деревня Бао-Линь, где жил Синь, лежала километрах в десяти от лагеря. Надо было спуститься вдоль по ручью на восток и выйти на проселочную дорогу.

После ночного дождя дорога основательно раскисла, и, чтобы не завязнуть по щиколотку в липкой темно-коричневой грязи, путникам приходилось все время держаться обочины. Солнце уже поднялось над джунглями, и деревья, умытые дождем, зеленели еще ярче, переливаясь в солнечных лучах всеми цветами радуги, словно осыпанные бриллиантами. Напоенная дождем земля просыхала, исходя легким, полупрозрачным паром. Будто осколки огромного зеркала, сверкали оставшиеся после тропического ливня бесчисленные лужи. С приближением к деревне все чаще и чаще стали попадаться признаки человеческого жилья. То буйволы, разлегшиеся по шею в грязи с блаженными мордами, лениво прядая ушами, то нежно-зеленые прямоугольники рисовых чеков, окруженные насыпными дамбами, то остатки водопровода — десятка два подставок-рогулин, вбитых на расстоянии друг от друга. На них лежали длинные, пожелтевшие от времени бамбуковые стволы-трубы с отверстиями у каждой перемычки. У огромных олив «бо» с мощными гладкими стволами без единого сучка были привязаны бамбуковые палки с петлями-ступеньками на конце. С помощью такого нехитрого устройства можно было, хотя и не без труда, добраться до кроны, где среди листвы прятались крупные оливки.

Навстречу путникам из-за поворота вышли четыре женщины. Все они были одеты в короткие кокетливые кофточки и длинные, до

щиколоток, широченные брюки весьма модного, как объяснил Лок, коричневого цвета. Все женщины были маленькие, изящные в своих конусообразных шляпах «нон», с лицами, до половины закрытыми белыми, в мелкий цветочек платками, над которыми озорно сверкали черные, чуть раскосые глазки. Их совсем можно было бы сравнить со статуэтками, если бы не трехметровые шесты «куанг-гань» у каждой на плече. На концах шестов плавно покачивались плоские плетеные корзины, доверху наполненные плодами папайи, корнями сасспареля, бататами и еще какими-то неизвестными Ракитину овощами. Уставшие путешественники сразу приободрились, расправили плечи и посторонились, уступая узкую полоску относительно сухой дороги. Но незнакомки остановились, опустили на землю свою ношу и развязали платки. Все четыре оказались молоденькими и очень миловидными. В ушах у каждой поблескивали тоненькие серебряные сережки.

— Слушай, Лок, куда это они с таким грузом идут? — спросил Ракитин. Но Лока уже не надо было уговаривать. Он произнес целую речь, из которой Ракитин понял только «ко хуэ хонг» — «как поживаете» и «льенсо» — «советский». Лок на глазах преобразился. Куда девалась его обычная медлительность, неуклюжесть. Он улыбался, жестикулировал, и, судя по всему, его бойкость произвела на девушек впечатление. Неожиданно Лок нагнулся и вытащил из одной корзины небольшую низку стручков горького перца «ыт», похожих на большие красные запятые. Он покрутил ее на пальце и что-то сказал. Девушки прыснули от смеха.

— Это есть такой вьетнамский пословиц: «Каждый перец горек, каждая девушка ревнива», — перевел Лок.

Скоро Лок был уже в полном курсе дела. Он узнал, что все они не замужем, живут в соседней с Бао-Линь деревне, направляются на рынок в уездный городок, где хотят купить нужные вещи.

— Я так и думал, что они все нет муж, — сказал Дан, оказавшийся большим знатоком истории Вьетнама, народных обычаев и легенд.

Ракитин вопросительно поднял брови.

— Посмотри, дамти Витя, на их волос, — продолжал Дан и, вдруг замявшись, повернулся к Локу: — Лучше ты переводи.

— Посмотри на их прически, — подхватил Лок, — видишь, у них волосы гладкие и завязаны пучком сзади. Значит, они есть девушки. Если пучок сидит на макушке — значит, у женщины есть муж. Когда вдова, она пучок будет поместить на левый сторона головы.

— Интересно, сколько же килограммов в этих корзинах? — спросил Шалеев, пытаясь на глазок определить их вес.

— А ты попробуй подними, — посоветовал Дьяков.

— Могу и попробовать.

Шалеев направился прямо к девушкам и жестами объяснил, что хочет поднять их груз. Александр бойко ухватил «куанг-гань» за середину, приподнял, и вдруг на лице его появилось выражение

удивления и полной растерянности. Он с трудом поднял шест с корзинами на плечо и почти тут же поставил его обратно на землю.

— Ну и ну, — сказал он смущенно. — И как они умудряются такую поклажу нести в такую даль? Уму непостижимо!

Девушки засобирались, повязали на лица платочки (оказалось, что они оберегали кожу от загара), каким-то неуловимым движением подняли на свои плечи шесты с корзинами и, помахав ладошками, пошли дальше, быстро-быстро переступая мелкими шажками. Вскоре они скрылись за поворотом. Недалеко от деревни с какой-то боковой тропинки на дорогу вышел молодой парень, одетый в короткую синюю куртку, такого же цвета брюки, закатанные до самого верха, с красной повязкой на голове. На концах толстой бамбуковой палки, лежавшей на левом плече, висели две большие связки рыбы. Были там маленькие, не больше ладони, и короткие толстенькие, похожие на большую синюю каплю. Но главный трофей представляли шесть рыб с крупной розоватой чешуей, достигавших в длину почти метра. Судя по всему, шел он издалека, так как такие крупные рыбы водились только в реке Тяй, протекавшей километрах в пятнадцати от деревни. Парень, которого звали Ким, был ужасно доволен встречей не только потому, что встреча с людьми в джунглях — приятное событие и можно было выкурить сигарету и даже парочку получить с собой в подарок. Главное, они были первые, кому он мог показать свой удачный улов и рассказать, как он охотился всю ночь с факелом и острогой на дальних речных порогах.

Дорога вильнула в последний раз, и перед глазами путников открылась красочная панорама деревни Бао-Линь. На пологих склонах невысоких холмов возвышались на сваях десять — двенадцать домов-хижин с двускатными крышами из неизменных листьев «ко». За длинными заборами-плетенками поднимались зонтики папайи с прилепившимися к стволу «дынями», темнели, словно нарисованные тушью на синем холсте неба, тонкоствольные, изящные арековые пальмы. Ярко зеленели шеренги бананов с тяжелыми длинными соцветиями, тесно усаженными желтыми трехгранниками ягод-плодов.

По деревенской улице трусили несколько тощих собак, не удостоивших незнакомых людей никакого внимания. Два поросенка с непропорционально длинным телом на коротеньких кривых ножках с хрюканьем перебежали дорогу и пролезли в лаз под плетень. Они были необычного черного цвета с желтыми пятнами. Ни дать ни взять — хрюкающий леопард. У дерева, опустив голову, украшенную огромными серповидными рогами, лениво помахивал хвостом, отгоняя мух, огромный буйвол. Трое ребятишек замерли посреди дороги, выражая всем своим видом восторженное удивление.

Синь ждал гостей у порога своего дома. Дом был двухэтажный, на толстых сваях из дерева «лим». Нижний этаж служил хлевом для домашних животных. Лишь его дальний угол занимала огромная плетеная корзина для хранения запасов риса. Интерьер первого

этажа несколько облагораживали рожки молодых оленей — панты, охотничьи трофеи хозяина, прибитые чуть ли не на каждой свае.

Прежде чем подняться по крутой шаткой лесенке с круглыми ступенями из бамбуковых чурбашек, требовалось в соответствии с обычаями народностей то-тай снять обувь и обмыть ноги.

Второй этаж представлял большую, не меньше ста квадратных метров, комнату с бамбуковым полом и плетеными стенками, перегороженную на три неравные части. Синь усадил гостей на низкую лежанку, тянувшуюся вдоль стены справа от входа, застеленную циновками, и ушел хлопотать по хозяйству, предоставив им возможность подробно оглядеть скромную обстановку дома. На полке, слева от входа, стояли деревянная посуда, плетеные корзиночки, черпаки из замысловатого плода «бау». С краю горкой лежали связки тонких свечей, похожих на елочные. Впрочем, это были не обычные свечи из стеарина или воска. Их изготавливают из древесины дерева «бому», которую долго растирают со спиртом, а затем получившейся пастой облепляют высушенную бамбуковую палочку, которая служит фитилем.

В центре комнаты располагался очаг. Вернее, им служила прямоугольная деревянная коробка, до половины заполненная песком. Над очагом свисала сажеловка, напоминавшая трубу старинного граммофона. Ярко пылал огонь, распространяя приятное тепло.

На плетеной перегородке, разделявшей помещение, висели две большие раскрашенные грамоты. Ими, как оказалось, были награждены два старших сына хозяина за успехи в учебе. Впрочем, отцу тоже было чем похвастаться.

Синь возвратился, держа в руках красную коробочку с наградой — пятиконечной серебряной звездой с гербом Демократической Республики Вьетнам в центре. Лок взял из рук Синя грамоту и, подняв над головой, чтобы все видели, торжественным голосом прочел: «За участие в освободительной войне против французских колонизаторов Хуанг Ван Синь награжден «Медалью сопротивления» второй степени». Ай да Синь!

— А что же там, во второй комнате? — поинтересовался Дьяков.

— Там комната ду́хов, — понизив голос, сказал Синь. В его словах звучало величайшее почтение к отцу и матери, духи которых, как считают то-таи, постоянно находятся в жилище, помогая своим детям в делах, оберегая от бед. В их честь в каждом доме воздвигнут небольшой алтарь. Такой же находился и в соседней комнате, в которую их проводил по просьбе Ракитина дамти Синь.

Это был небольшой ящичек из полированного, красного оттенка дерева, с боков его были наклеены полоски красной бумаги с иероглифами. Перед ним на подставке с рисунком дракона с раскрытой пастью — символом жизни народностей то-тай — стояла чашечка с приношениями. По бокам курились тоненькими синими дымками палочки, наполнявшие комнату странным сладковатым ароматом.

Синь поставил на лежанку деревянную плоскую тарелку с печеными плодами хлебного дерева. На другой тарелке желтело

несколько крупных грейпфрутов. Отведав тропических яств и запив их горячим вьетнамским чаем, все выкурили по сигарете и стали собираться. Предстоял еще не близкий путь к реке Тяй.

Они прошли несколько километров по проселку, изборожденному двумя глубокими колеями, пока не выбрались к перекрестку. Здесь, на пересечении трех дорог, перед ними на невысоком холме возникло мрачное сооружение — огромный железобетонный параллелепипед с плоской крышей, уже поросшей невысокой травой. Это был старый французский форт. Слева, на крыше дота, виднелась невысокая куполообразная башня с узкой щелью-амбразурой, из которой торчал изогнутый, насквозь проржавевший ствол пулемета. В стенах мертвыми глазницами чернели бойницы.

Пространство вокруг форта было когда-то расчищено от растительности, все деревья вырублены, чтобы бойцы Народной армии не могли незаметно подобраться и забросать гранатами маленький гарнизон. Но крыша уже поросла травой, а дикие бананы вплотную с трех сторон подступили к стенам. Ракитин прошел внутрь. Три небольших помещения были пусты. Солнце раскаляло бетон, и в этих маленьких склепах было очень жарко. На полу валялись истлевшие обрывки газет, смятая, выцветшая пачка от сигарет «Голуаз». В углу стояла скрюченная, проржавевшая двухэтажная кровать. Да, не сладко, наверное, пришлось французским солдатам, которых загнали в эту железобетонную душегубку. Изнуряющая жара днем и вязкая сырость ночью, комары, москиты и, главное, постоянный, иссушающий душу страх. Страх неизбежной расплаты.

Только к вечеру путникам удалось добраться до реки, катившей свои мутно-желтые волны к югу. Оставалось совсем мало времени до захода солнца. А надо было еще выбрать место для временного лагеря, построить шалаши и поужинать.

Это была первая ночевка вне лагеря. Но Ракитина смущало главным образом только одно — летающие кровососущие. В глубине души его таился страх перед опасностью заболеть тропической малярией или еще чем похуже вроде слоновой болезни — элефантиазиса. Тем более что по сведениям, которые получил доктор Дан, эти болезни встречались в окружающих деревнях.

Для каждого шалаша вырубили по две двухметровых ветви с развилками на конце для подпорок и десятка два бамбуковых стволов для конька и скатов. Веревки для их крепления Синь тоже изготовил из бамбука. Для этого метровый кусок бамбука он расколол на рейки толщиной полсантиметра, затупил ножом их края, острые как бритва, а затем, поставив нож между зеленым и белым слоями древесины, разрезал сверху вниз (вдоль ствола). Когда на стволе встречалась перемычка, ее следовало проходить резким толчком. Веревки получались гибкие, прочные. Когда перекладины были надежно привязаны к скатам, их, начиная с нижней, словно черепицей, прикрыли листьями дикого банана. У входа в каждый шалаш развели по небольшому костру, чтобы прогнать его дымом настырных комаров.

Утром поднялись чуть свет и, перегоняя друг друга, побежали купаться в теплой желтовато-мутной воде.

Наступивший день можно было назвать «плотостроительным». Идеальным материалом для плота мог служить бамбук, а его вокруг было предостаточно. Синь с помощью Хуанга и Тыя срубил десяток шестиметровых стволов диаметром сантиметров пятнадцать. По расчетам Ракитина, плот должен был обладать большой грузоподъемностью, а иначе он не смог бы поднять около трех центнеров груза. По указанию Синя каждый ствол обрезали по концам так, чтобы до перемычки оставался «хвостик». В «хвостиках» прорезали отверстия, и Синь, просунув сквозь них перекладины, изготовленные из твердой древесины, тщательно привязал к ним каждую бамбучину, надежно скрепил плот с обоих концов.

Дьяков и Тый взобрались на плот, чуть просевший под их тяжестью, и, вооружившись шестами, оттолкнулись от берега. Течение подхватило плот, и он медленно, будто огромный зеленый лист, закружился и, развернувшись носом, поплыл по течению.

Домой решили возвращаться по воде. Судя по карте, речной путь казался вдвое длиннее сухопутного, но зато он был не таким утомительным и вполне безопасным. На реке, как объяснил дамти Синь, не было ни водопадов, ни порогов, ни перекатов, так же как и крокодилов.

Для большей устойчивости и грузоподъемности поверх первого ряда положили еще один, а по краям укрепили невысокие бортики. На корме из гальки и песка соорудили «подушку» для костра. Теперь плот выглядел совсем внушительно. Когда на него погрузили имущество и расселись всей компанией, оказалось, что плот может выдержать и не такой груз.

Плыть по реке оказалось значительно дольше, чем предполагал Ракитин, и в лагерь они добрались только к ужину. Здесь усталых путешественников радостно встретили Фан и Са, которые уже начали беспокоиться за них.

Финиш

Ракитин всегда любил предотъездные сборы с их суетой, тревогами, волнениями, ожиданием нового, новых знаний, новых ощущений, впечатлений. Но в дни завершения любой экспедиции он всегда ходил с ощущением какой-то подавленности, ожиданием расставания с людьми, потери чего-то очень дорогого и неповторимого.

Весь день шла подготовка к возвращению в Ханой.

Образцы растений, пакеты с плодами, банки со змеями занимали свои места в ящиках и коробках.

Наступил последний вечер в лагере. Вроде бы, как обычно, ярко пылал костер, и все, рассевшись вокруг огня, прихлебывали горячий чай из маленьких чашек. Словно петарда, взорвался случайно брошенный в костер стволик бамбука, и фонтан искр взметнулся кверху. Подхваченные горячим током воздуха, они уносились все выше, выше и исчезали, словно превращаясь в серебряные звезды, мерцав-

шие в бездонной глубине неба. Из темноты вынырнул Тый. В руках он держал небольшую коричневую трубочку. Он сел на корточки рядом с Фаном, поднес трубочку к губам, и вдруг тонкие певучие звуки незатейливой мелодии полились в наступившей тишине. В ее нежных чистых звуках Ракитину слышались то шепот тростника, то пение птиц, то шорох крыльев бабочек. Время отступило, и девственный лес, скрывающий неведомые тайны человеческого бытия, молча внимал песне, как и тысячелетия назад.

— А сейчас, дамти Витя, мы исполним песню народного ополчения. Ее сочинил много лет назад Дю-Нюан, в дни, когда страну оккупировали японские захватчики, — сказал, вставая, доктор Мин. Он как дирижер взмахнул тонкой бамбуковой палочкой, и, подчиняясь ее команде, дружный хор голосов подхватил мелодию, чеканя ритм.

Лок нагнулся к Ракитину и тихонько, чтобы не помешать поющим, переводил:

Вперед, вперед. Перед нами враг.
За нами родная деревня.
Держите крепче в руках оружие —
Лук, нож, палку. Цельтесь в сердце врага.
Маленькие и большие — все вставайте на защиту Родины!
Мы одолели высокие горы,
Мы переплыли широкие реки,
Мы пробирались через густые джунгли,
Чтобы бороться с врагами.
И победа осталась за нами.

Ракитин был поражен природной музыкальностью своих новых друзей. Без всякой подготовки они исполняли песню так слаженно, так удивительно чувствовали ее ритм и пафос, что она с каждым тактом звучала все ярче и проникновеннее. Это была песня-призыв, песня — боевой марш, звавший на борьбу, внушавший уверенность в победе. Мин мастерски дирижировал маленьким самодеятельным хором, и, когда замер последний звук, он в ответ на жаркие аплодисменты Ракитина, Дьякова и Шалеева церемонно раскланялся, о чем-то пошептался с хористами и снова занял свое дирижерское место. Хор затянул новую песню, мотив которой показался хорошо знакомым.

— Ба, — сказал Ракитин, — так ведь это же «Подмосковные вечера», только в несколько непривычной вьетнамской аранжировке. Давай, ребята, подтягивай.

Каждая из групп хора пела песню на своем языке, но в итоге получилось неплохо. С особенным подъемом исполняли последние две строчки куплета с поправкой на местный колорит.

Если б знали вы, как мне дороги
Баолиньские вечера.

Уже было далеко за полночь, но никто не хотел расходиться. Ведь это была их последняя ночь вместе. Последний костер.

Если б знали вы, как мне дороги
Баолиньские вечера.

Все поднялись засветло. Одна за другой палатки превращались в связки брезента.

Когда со стороны дороги послышалось урчание автомобильных моторов, от всего лагеря остался лишь каменный очаг да навес-столовая.

Синь молча стоял в стороне, Ракитин подошел к нему, протянул было руку, но вдруг крепко его обнял. Вытащив из-за пояса свой походный топорик, с которым он не разлучался ни на минуту, он вручил его Синю и, круто повернувшись, вскочил на подножку машины. Маленькая колонна тронулась в путь и вскоре исчезла в лесной чаще. Но еще долго на поляне были слышны звуки песни:

Одно дерево — только дерево,
Но много деревьев — лес.
Единство — могучая сила, крепче чугуна и стали.
Но сталь и чугун можно расплавить,
А единству ничего не страшно.

Небо заволокло тучами. Упали первые капли дождя. Чаще, чаще. И вот уже на поляну обрушился тропический ливень, словно природа хотела напрочь смыть воспоминания о людях, нарушивших ее покой.

Джозеф Джадж

МАРШРУТ ЧЕРЕЗ «ЗЛОВЕЩЕЕ ПЯТНО»

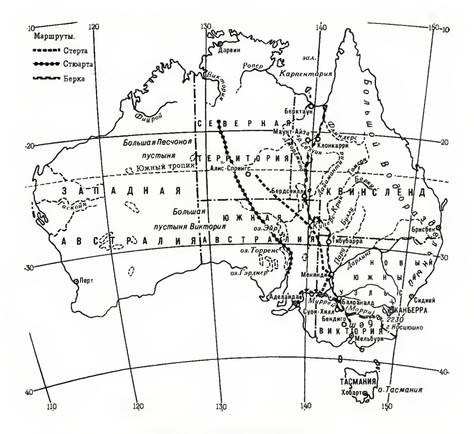
ОЧЕРК

Разглядывая купленную в мельбурнской гостинице карту Австралии, мы нашли на северном побережье континента, в глубокой выемке залива Карпентария, маленькую точку. Рядом с ней крупным шрифтом было выведено название «Берктаун». В справочнике значилось, что «город Берка» насчитывает менее двух тысяч жителей; в других частях света такой поселок не удостоился бы, наверное, чести фигурировать на обзорной карте страны. Но на пустынном побережье залива населенные пункты отстоят так далеко друг от друга, что каждая подобная точка — находка для картографа.

Мы знали, однако, что название Берктаун выписано столь заметными буквами по другой причине. Имя человека, в честь которого наречен город, преисполнено для австралийцев особого смысла. Экспедиция Берка стала для них олицетворением «духа первопроходцев», высоко чтимого в стране, освоение которой еще не закончено. И поныне, сто двадцать пять лет спустя, этот трагический эпизод вызывает споры, а судьбу его героев время превратило в легенду. Повторив с кинооператором Джо Шершелем маршрут Берка и его спутников из конца в конец Австралии — от Мельбурна на южном берегу до тропического залива Карпентария на севере, — мы убедились, что память об этой эпопее жива в самых удаленных уголках материка.

Первые поселенцы появились в Австралии в 1788 году. Ими были каторжники, сосланные на край света британской короной. Те из

Маршруты экспедиций через Австралию

австралийцев, что ведут фамильное древо от этих корней, гордятся сегодня своей родословной не меньше, чем европейские герцоги и бароны.

Оказавшись на далеком материке, они проявили недюжинную способность к выживанию, сметку и инициативу. Благодаря их стараниям полвека спустя Австралия превратилась в процветающую колонию. На юге, в местах с мягким климатом, скотоводы-«скваттеры» (в буквальном переводе «захватчики». — *Прим. перев.)* разводили скот на пастбищах размером с английское графство каждое, выросли города — Аделаида, Сидней, Мельбурн.

Береговая линия была полностью нанесена на карту, но центр континента оставался неведомой землей, пугавшей и притягивавшей одновременно. Огромное пространство величиной с пол-Европы, лежавшее между 20 и 32° южной широты и 115 и 140° восточной долготы, получило наименование «Зловещего пятна». Смельчаки, отважившиеся отправиться туда на разведку, вынуждены были отступить. Красная пустыня морила их лошадей, мучила жаждой,

обманывала миражами и заводила в ловушки, не оставлявшие надежд на спасение.

«Зловещее пятно» не желало расставаться со своей тайной. Всякое неведомое порождает мифы. В течение первой половины XIX века австралийцев не покидало убеждение в том, что в сердце континента лежит... «Средиземное море». В подкрепление этой идеи приводился следующий довод: все реки, что стекают с Большого Водораздельного хребта, уходят на запад. Должны же они куда-то впадать!

В этих местах представлялось внутреннее море с зелеными берегами и райскими кущами. Ученые-географы напрасно доказывали иллюзорность этой гипотезы — мифы обладают поразительной живучестью. Открытие Уорбертоном крупнейшего на континенте озера Эйр еще больше подлило масла в огонь воображения. Озеро представляет собой солончак, наполняющийся водой лишь в летние месяцы, вокруг него — все та же пустыня... Нет, твердила публика, раз есть большое озеро, почему бы не быть гигантскому водоему?

Проверить легенду решил один из самых ярких исследователей Австралии — Чарлз Стерт. Он считал, что следует попытаться пройти материк в меридиональном направлении; по дороге экспедиция непременно должна наткнуться на «внутреннее море», если оно существует.

«Глядя на карту, — писал Стерт, — я полагал, что внутреннее море может начаться на широте 29-й параллели, и поэтому в отряде следует иметь человека, знакомого с постройкой морских судов». 10 августа 1844 года экспедиция в составе 16 человек выступила в путь. Картографом в группе был молодой офицер-шотландец Джон Стюарт.

«Центральные области Австралии непредсказуемы. В год здесь может выпасть с равным успехом 75 миллиметров и 7,5 миллиметра осадков», — писал один из ранних географов. Стюарт и его спутники не могли знать, что тот год выдастся особенно засушливым. К концу декабря они добрались до вожделенной 29-й параллели и не нашли там моря. Земля на сотни миль вокруг высохла; Стерт оказался прикован к колодцу на шесть месяцев. Его экспедиция пережила мучительные испытания. Особенно тягостной для наблюдателя была невозможность вести дневник: грифели выпадали из растрескавшихся карандашей.

Наконец 12 июля пошел дождь. Стерт отправил почти всех людей назад в Аделаиду, а сам с тремя спутниками двинулся дальше на север, взяв провизии на 15 недель. Они поехали верхом вдоль крика — так называют в Австралии периодически пересыхающие водотоки, которые в сухой сезон распадаются на разобщенные водоемы. Сейчас это была бурная река, которую Стерт назвал Стржелецки-Крик — в честь польского путешественника, открывшего и покорившего высшую точку Австралии — пик Косцюшко (2230 м).

Добравшись до 25-й параллели, Стерт потерял всякую надежду обнаружить море и 8 сентября 1845 года повернул назад. Прошло

уже тринадцать месяцев с тех пор, как они покинули Аделаиду. Семь недель спустя изможденный Стерт и его спутники добрались до базового лагеря экспедиции в Форт-Грэе, преодолев за семь недель около 900 миль. Отдохнув четыре дня, Стерт... вновь отправился на север!

Настойчивость, доходящая порой до мании, отличала многих австралийских первопроходцев, и Стерт не был исключением. Раньше он был одержим идеей открытия внутреннего моря; теперь он хотел дойти до моря, омывающего северное побережье Австралии. Они двинулись вдвоем со Стюартом, отклоняясь к востоку от прежнего тупикового маршрута.

Однажды утром путешественники увидели с вершины холма строй эвкалиптов. Зрелище живой жизни наполнило их такой радостью, что они бросились бежать, несмотря на усталость. «Перед нами была дивная заводь, усеянная дичью, — писал Стерт. — Несколько дальше лежал еще один водоем, принадлежавший тому же крику, шире и красивее, чем первый». Нанеся пересыхающую реку на карту, Стерт дал ей имя Куперс-Крик — в честь своего друга, верховного судьи колонии Южная Австралия, стараниями которого удалось снарядить эту экспедицию.

На берегу Стерт обнаружил становище аборигенов.

За полвека, прошедшие с начала европейской колонизации, судьба чернокожих жителей континента фактически была уже решена. Их племена, вытесненные из районов, пригодных для земледелия, скотоводства или оседлого существования, бродили теперь по «Зловещему пятну». Им приходилось пересекать огромные расстояния в поисках пищи и воды. Доскональное знание пустыни позволило им выжить, но голод и болезни безжалостно делали свое дело.

Белые поселенцы в подавляющем большинстве относились к аборигенам неприязненно. Ходили слухи один страшнее другого об их кровожадности и жестокости. Барьер ненависти разъединил две общины, и, чем дальше, тем он становился непреодолимее.

Стерт, однако, не доверял россказням. Положив наземь ружье, он пошел к чернокожим охотникам с дружески протянутой рукой. «Этим людям в такой же мере, как и нам, свойственны все человеческие чувства», — записал он. Мысль по тогдашним временам отнюдь не столь очевидная, как сегодня.

Аборигены указали ему путь к «большой воде». Стерт объяснялся с ними с помощью жестов и рисунков. Сам он был отличным рисовальщиком, но чернокожие художники, обходясь символическими изображениями, демонстрировали все с гораздо большей наглядностью. Путешественник и его молодой спутник прошли 120 миль в указанном направлении... и уткнулись в болота. Встреченные аборигены сообщили, что дальше на восток нет ничего, кроме пустыни. Сами они собирались откочевывать из этих мест: дожди кончились и вскоре болота должны были высохнуть.

Оставив кочевникам свою шинель и два одеяла, Стерт двинулся к базе в Форт-Грэй. Этот отрезок пути был самым тяжким. Поднялся

горячий ветер. Ртуть на термометре подскочила в полдень до отметки 76°, и прибор, не выдержав, лопнул.

В январе 1846 года экспедиция возвратилась наконец в Аделаиду. Увидев Стерта на пороге дома, жена упала в обморок, настолько он изменился за время похода.

Продлившаяся без малого полтора года экспедиция Стерта дала обширные плоды. Хотя землепроходцы не обнаружили внутреннего моря, отрицательный результат — тоже результат. Стерт и картограф Стюарт нанесли на карту немало объектов в пределах «Зловещего пятна», доставили больше сотни образцов растений и геологических пород. На основе этой коллекции впоследствии в центре Австралии были открыты рудные месторождения. Перечитывая сейчас его записи, удивляешься точности его характеристик и замечаний.

В качестве главы экспедиции Стерт заслуживает особой похвалы. За все время похода в его группе не возникало разногласий; система базовых лагерей и мелких разведывательных партий полностью оправдала себя. Поскольку сохранить мясо на такой жаре было нельзя, он взял с собой отару овец в виде «живого запаса». Вдоль маршрута Стерт оставлял записки в бутылках, зарытых в местах, отмеченных опознавательным знаком; это тоже явилось новшеством.

Путешественник подробно описал нрав «Зловещего пятна», рельеф местности, особенности типов пустыни, перепады температур по сезонам, расположение колодцев и многое, многое другое, что явилось бесценным подспорьем для его последователей. Вдохнов-

Художник И. Гансовская

ленные его примером, новые и новые смельчаки пытались штурмовать пустыню. Терра инкогнита была отодвинута за 25° северной широты.

Пятидесятые годы прошлого столетия ознаменовались для Австралии двумя событиями. Королева Виктория дала согласие на создание новой колонии, которая должна была носить ее имя. Столицей Виктории стал приморский поселок Мельбурн. Вторым событием стало открытие золотых россыпей.

В любом месте земного шара «золотая лихорадка» приводила к коллективному помешательству. Но в захолустном Мельбурне люди буквально потеряли голову. Лавочники, банковские клерки и почтовые служащие, в одночасье бросив работу, ринулись добывать золото. Заходившие в Порт-Филипп суда мгновенно лишались экипажей — матросы, сойдя на берег, становились старателями. «В иных кварталах не осталось ни единого мужчины, а всеми делами правят женщины», — докладывал губернатор провинции. «Цены взлетели до того, что приезжим доводится платить по два фунта за койку в ночлежке», — писал заезжий путешественник. Процветали спекуляция и преступность, «полиция была на услужении у преступников, — с ужасом отмечал один британский писатель. — Мельбурн — это современный Вавилон, где правит госпожа Нажива».

К началу 60-х годов «золотая лихорадка» схлынула, и жизнь упорядочилась. Добычей драгоценного металла в копях теперь занимались золотопромышленные компании. За десять лет бума Виктория, будучи самой маленькой колонией на материке, по богатству и влиянию далеко обошла все остальные. Она обеспечивала треть мировой добычи золота, пятую часть английского импорта шерсти. Население возросло с 80 тысяч до полумиллиона, а Мельбурн с его 150 тысячами жителей стал играть главную роль в жизни страны. Здесь были открыты театр, университет, библиотека, музей, выходили несколько газет. Мельбурн обрел респектабельность.

Единственное, что не удалось сделать, — это «приручить» землю: там, на Севере, по-прежнему зияло «Зловещее пятно»...

Разведать центр континента диктовала настоятельная необходимость. Сообщения из Лондона доходили до австралийского Юга с опозданием в два месяца. Появление пароходов не намного сократило время плавания. Между тем линию телеграфа уже дотянули из Европы до Индии, и она вот-вот должна была достичь Юго-Восточной Азии. Если бы удалось протянуть через Австралийский континент проволочную линию, связь с Лондоном заняла бы несколько часов. Кроме того, открылась бы возможность наладить через порты северного побережья торговые связи со странами Азии. Наконец, сама земля, нетронутая и неразведанная, манила скваттеров, купцов и предпринимателей, составляющих элиту колонии.

Таковы были причины, заставившие викторианцев думать об организации трансконтинентальной экспедиции.

Философский институт Виктории представлял собой узкий кружок, своего рода привилегированный клуб, куда входили видные члены истэблишмента: губернатор, верховный судья колонии, ректор университета, лорд-мэр Мельбурна, банкиры, негоцианты, владельцы крупных ранчо, адвокаты и т. д. Среди них были и ученые — ботаники, метеорологи, специалисты горного дела. Не обладая формальной властью, институт был весьма влиятельным учреждением. В конце 50-х годов королева пожаловала ему статус Королевского общества, то есть Академии наук. Общество переехало в комфортабельный особняк в центре Мельбурна, где достопочтенные члены заслушивали доклады о геологическом строении материка, движении небесных тел в южном полушарии, племенных верованиях аборигенов и приживаемости завезенных животных.

Королевское общество Виктории учредило специальный комитет по снаряжению экспедиции «в видах пересечения Австралийского континента». Были собраны средства из частных пожертвований и правительственных субсидий в размере 9 тысяч фунтов стерлингов. Газеты известили о том, что кандидатов, желающих принять участие в походе, просят подавать заявления. Таковых набралось довольно много.

Прежде всего предстояло утвердить главу экспедиции. Ученые Королевского общества предложили несколько кандидатур опытных исследователей. Комитет отверг их, поскольку они были жителями соседних колоний, а возглавить исторический поход непременно должен был викторианец. В конечном счете десятью голосами против пяти руководителем экспедиции был утвержден Роберт О'Хара Берк.

Выбор уже тогда многие сочли по меньшей мере странным. Берк не участвовал ни в одном долгом походе, тем более по пустыням, и не имел научной подготовки. По отзывам современников, он сочетал в себе типичные ирландские черты — прямоту и отвагу с мнительностью и мечтательностью. Закончив британское военное училище, Берк служил в австрийской кавалерии и ирландской полиции. Переехав в Австралию, он быстро достиг поста начальника полицейского управления на золотых приисках Виктории. Там Берк твердой рукой ликвидировал преступность, и это, очевидно, произвело большое впечатление на власть имущих колонии. К времени начала экспедиции ему исполнилось 39 лет.

Заместителем Берка был утвержден Джордж Ленделлс. Ему комитет поручил весьма важную миссию: отправиться в Индию и доставить оттуда верблюдов. Поскольку двигаться предполагалось через пустыню, им отводилась роль основного транспортного средства. Ленделлс вернулся с тремя десятками «кораблей пустыни»; с ним из Индии приехал и молодой ирландец Джон Кинг, загоревшийся идеей похода. Вести верблюдов должны были двое сипаев индийской армии — Белуджи и Магомет.

В состав экспедиции вошли ботаник и врач Герман Беклер и художник-натуралист Людвиг Беккер. Оба были немцы по происхождению, трудолюбивые и аккуратные исполнители (сходство фами-

лий и характеров быстро породило шутку о том, что отличались они только буквой «л»).

Картографом и штурманом похода стал молодой сотрудник Мельбурнской обсерватории Уильям Уиллс. Это был не по годам серьезный человек. Его заметки и нарисованные им карты, которые мы видели в библиотеке, легко читаются и сейчас. Трудно поверить, что они сделаны в полевых условиях.

Из семисот кандидатов были отобраны остальные члены походной группы. Одному из них — Уильяму Браге — было суждено сыграть особую роль в судьбе экспедиции.

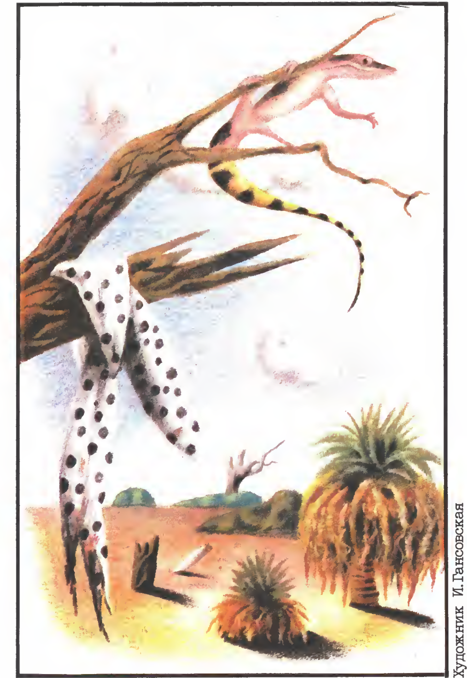
20 августа 1860 года весь Мельбурн вышел проводить в дальний поход Берка и его спутников. Экспедиция, расположившаяся в Королевском парке, походила куда больше на бродячий цирк: 23 лошади, 25 верблюдов, несметное количество багажа и снаряжения. В общей сложности груз составил 21 тонну; он был размещен в тюках, ящиках и коробках. Газеты взахлеб описывали все, что комитет закупил для экспедиции. Особого упоминания заслуживают 60 галлонов (273 л) рома... для верблюдов. Ленделлс, считавшийся специалистом по обращению с этими животными, убедил ученых мужей в том, что верблюдам для поднятия духа совершенно необходима ежедневная порция рома.

Прощальные торжества затянулись: три дня не смолкали речи, тонувшие в грохоте оваций, в воздух взлетали шляпы восторженных горожан. Последние часы получились особенно бестолковыми и суетливыми. Процессия никак не выстраивалась в походную колонну, лошади и верблюды разбредались в стороны, багаж сваливался с повозок, его приходилось то и дело перекладывать. Наконец экспедиция тронулась в путь. Лишь Уиллс задержался, чтобы аккуратно упаковать хрупкие приборы.

Королевский парк сегодня является достопримечательностью и украшением города. Впрочем, и весь Мельбурн изменился за минувший век не так уж сильно. Его справедливо сравнивают с консервативным англичанином, не склонным к модным новшествам. Силуэт города во многом остался викторианским, что весьма подходит для финансовой столицы страны.

Из этого парка стартовали и мы с Джо. Наш путь лежал на север, по стопам Берка. Только ехали мы не на коне и не на верблюде, а на микроавтобусе «тойота» японского производства — в соответствии с духом времени.

Построенные наспех поселки времен «золотой лихорадки» превратились сейчас в коммерческие центры, где по крохам собирают «старину». Бендиго, место, где когда-то гибли старатели, сделался памятником викторианской архитектуры; здесь полным ходом идут работы по восстановлению здания бывшей ратуши и первого отеля. Жители, как и в былые дни, намереваются «качать» золото — на сей раз из карманов туристов.

Художник И. Гансовская

Когда Берк приблизился к Бендиго, его высыпала встречать оживленная толпа любопытных, жаждавших полюбоваться пышным зрелищем. Оглядываясь назад, понимаешь, что в само́й этой роскоши таилась нерасчетливость: перегруженная багажом и продовольствием многочисленная группа годилась скорее для парада, нежели для тяжелой исследовательской экспедиции.

Вскоре это понял и сам Берк. 6 сентября, пройдя сотню миль по равнине до поселка Суон-Хилл, он решил избавиться от ненужного груза и устроил аукцион. Суон-Хилл, состоявший из нескольких хибар, пристроившихся в тени эвкалиптовых деревьев на берегу реки Муррей, служил пристанью для колесных пароходов. Сразу за поселком начинались овечьи пастбища. Прибытие Берка и особенно аукцион стали незабываемым событием в местной жизни. Узнав о цели экспедиции, к ней присоединился еще один участник — бывший моряк по имени Чарлз Грей. Его энтузиазм не померк даже после того, как он узнал, что в походе будет царить «сухой закон» и ежедневная порция рома полагалась только верблюдам.

11 сентября колонна переправилась через Муррей. Теперь в этом месте стоит мост, а в полумиле к югу от города, где когда-то был лагерь Берка, построен своеобразный музей — поселение пионеров, в котором собраны исторические реликвии со всей Австралии. Деревенька воссоздана в первозданном виде.

На карте огромная дуга Муррея и идущая под углом река Дарлинг образуют букву «у»; при этом Дарлинг течет на юг, в глубь континента. По берегам этих рек пролегали маршруты многих исследователей Австралии. Во времена Берка колесные пароходы пробивались по Дарлингу до Мениндии. Окрестные земли, принадлежавшие раньше племени баркинджи, скваттеры превращали в овечьи пастбища. На границе этой территории часто происходили стычки.

На следующем отрезке пути, до Балраналда, возникли трудности; тяготы похода стали давать о себе знать. Судя по прекрасным акварелям Беккера, экспедиция разделилась на две колонны, верблюдов отделили от лошадей, поскольку животные никак не уживались друг с другом. Среди людей тоже накалялись страсти. Ленделлс и Берк беспрерывно скандалили. Груженые телеги и взятые напрокат повозки тащились далеко позади колонны, увязая в песке. С каждым днем росли непредвиденные расходы. Когда партия добралась до Балраналда, в ней царил полный хаос.

Само место пользовалось дурной славой, одна из сиднейских газет назвала Балраналд «убогой дырой с дикими нравами». Сказано это было после того, как один нервный старатель застрелил владельца местной гостиницы, замешкавшегося с подачей спиртного.

Мы с Джо отыскали переправу на реке Маррамбиджи, где располагался лагерь Берка. Сейчас там проходит улица. В нескольких кварталах дальше в кирпичных развалинах печально знаменитой гостиницы мы встретили группу рабочих. Я поинтересовался, заняты ли они восстановлением здания.

— Да, — буркнул мастер. — Будет где отвести душу. Раньше в городе было семь баров, а теперь всего один. Работы нет. У нас тут пятьсот человек молодежи. Куда им деваться? Придется подаваться в проклятый Мельбурн или Сидней.

У Берка тоже не обошлось без эксцессов. В Балраналде повар экспедиции напился «верблюжьего» рома и начал буянить. Другой член экспедиции, американец Чарлз Фергюсон, отправился домой. Берк решил оставить еще часть багажа — палатки, ружья и, как ни странно, лаймовый сок, предохраняющий людей от цинги. Затем он двинулся дальше, так и не уладив отношений с Ленделлсом (основной причиной раздоров были верблюды). Сцена ухода колонны из городка все еще жива в рассказах жителей.

— Вон там за углом был выгон, — сказал нам один из них. — Так вот, когда эти чертовы верблюды проходили мимо, лошади в ужасе шарахнулись и пустились наутек. Многих так и не нашли.

160 миль от Балраналда до Менинди лошади и верблюды с трудом плелись по вязким болотам и песчаным наносам. Погода испортилась: начались грозовые ливни. Экспедиция приближалась к границе «Зловещего пятна».

Однажды утром сипай Белуджи разбудил лагерь криками: «Верблюды пропали! Все «датчи» сбежали! Плохо дело!» На поиски «датчи» (самок) ушло пять дней.

Психологический климат в группе продолжал ухудшаться. Берк приказал Беккеру и Беклеру отложить науку в долгий ящик и наравне со всеми навьючивать поклажу на верблюдов. Оба незамедлительно оказались с Ленделлсом в лагере недовольных. Бедняга Беккер весь день послушно вел за собой на веревке верблюда, а по ночам при свете костра старательно продолжал вести дневник и делать зарисовки. Ко всему прочему лошадь наступила ему копытом на ногу, и Беккер сильно хромал.

Когда группа дошла до Дарлинга, Ленделлс наотрез отказался переправлять верблюдов вплавь, он требовал построить для этого баржу.

Измученные дорогой и бесконечными спорами путники перебрались (без всякой баржи) и оказались в окрестностях Кинчеги, огромного овечьего пастбища, отделенного условной границей от начинавшейся к северу пустыни. Одичавшие пастухи накинулись на «верблюжий» ром, после чего разразился очередной скандал, и Берк приказал уничтожить все запасы спиртного; Ленделлс воспринял это как личное оскорбление и подал в отставку. К нему присоединился доктор Беклер, но Берк уговорил его остаться до прибытия замены из Мельбурна.

Потерю частично восполнил новый помощник Уилльм Райт, бывший управляющий Кинчеги, который утверждал, что знает дорогу на север к источникам.

В поселке Менинди, что в шести милях к северу, имелся магазин-

чик, небольшая гостиница и две туземные хижины из коры. Гостиница стоит и по сей день. Ее владелец Ричард Мейден выглядит типичным «бушменом», как зовут в Австралии тех, кто осваивал когда-то глубинку.

— Мой отец оттрубил на этом месте пятьдесят семь лет. До него — мой дядя, а еще раньше, с тысяча восемьсот шестидесятого года, — мой прадед, — с гордостью сказал он.

Я спросил его о Берке.

— Его комната на месте, ничего в ней не изменилось. Номер десять, — ответил Ричард.

Он вытащил увесистую связку ключей, повел нас на веранду, куда выходили двери комнат, и открыл десятый номер. Мы заглянули внутрь. Комната была занята. Будь это музей, лежавшие там вещи вполне можно было принять за пожитки Берка — сапоги, одеяло, саквояж и походный котелок.

Мениндии и его окрестности — место удивительное во всех отношениях. В прежние времена, когда Дарлинг выходил из берегов во время паводков, здесь образовывались широкие мелководные озера. Огромные водные пространства в таком уединенном месте оказались райским уголком для бесчисленного количества разной живности — водоплавающих птиц, эму, кенгуру и других животных. Овцеводы тоже не замедлили облюбовать эти места.

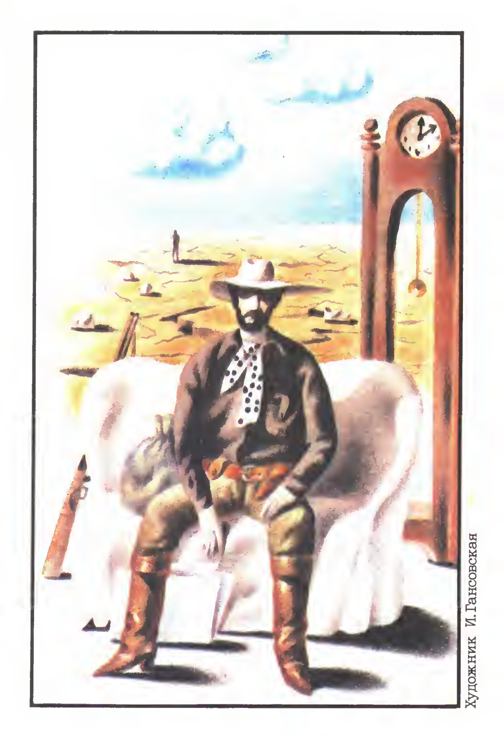
В наши дни озера превращены в систему огражденных дамбами водохранилищ, с помощью которых регулируют уровень воды в Дарлинге и Муррее. Вокруг двух крупных озер — Мениндии и Каундилла — был разбит национальный парк Кинчеги.

Джон Эвели, старший смотритель парка, показал нам руины старой кинчегской усадьбы в рощице на берегу Дарлинга. От дома остался лишь камин и кусок печной трубы.

— После того как тут побывали Берк и Уиллс, — рассказывал Джон, — Кинчегу откупил Хьюз. У него был прекрасный нюх. Он прибрал к рукам более миллиона акров земли, привез из Англии два парохода и пробурил одну из первых в районе артезианских скважин. Когда в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году здесь решено было организовать национальный парк, земля все еще принадлежала семейству Хьюза.

Нынешний век с его огромным размахом овцеводства, кроличьими нашествиями и безудержной охотой стал во многом губительным для богатейшей фауны этого района. Сумчатые муравьеды и барсуки, вомбаты и валлаби исчезли совсем, зато кенгуру чувствуют себя прекрасно. Многие австралийцы из глубинных районов считают их назойливыми крупными крысами. В Кинчеге насчитывается более 20 тысяч больших рыжих кенгуру.

Создание водохранилищ обернулось благом для птиц; здесь их 180 видов, а общая численность не поддается учету. Среди прочих пернатых в этих краях обитает зимородок-хохотун; вытягивая к небу огромный клюв, он испускает свой знаменитый пронзительный крик, похожий на раскатистый хохот.

Художник И. Гансовская

Интересно, слушал ли его Берк? Если да, то аккомпанировал он невеселым мыслям. Руководитель экспедиции ждал гонца из Мельбурна, который должен был сообщить о том, как продвигаются дела у конкурентов. Дело в том, что в январе 1860 года из Аделаиды, столицы колонии Южная Австралия, выступила в поход группа под началом Джона Стюарта. Опытный путешественник намеревался достичь северного побережья, двигаясь по маршруту, проложенному его учителем Стертом.

Берк знал, что два параллельных похода вызвали у публики большое волнение. Люди заключали пари, кто первым достигнет цели. Газеты окрестили экспедиции «Великой австралийской гонкой». В речах, звучавших в Мельбурне, часто мелькала фраза: «Честь Виктории отныне в ваших руках!» Это означало, что следовало, не считаясь с графиком, ускорить движение.

Берк решает разделить экспедицию. Он возглавит поисковую партию в составе восьми человек с 16 верблюдами и 15 лошадьми; проводником должен был стать Райт, знавший дорогу к источникам. Остальным предстояло разбить возле Мениндй базовый лагерь, дождаться отставших подвод с продовольствием и затем нагонять передовую колонну.

Доктор Беклер выбрал площадку для базового лагеря чуть севернее Мениндй, в месте впадения Памамару-Крика в Дарлинг. Мы подъехали туда поздним вечером. Огромные звезды сверкали на темном небосводе, сияние Ориона напоминало луч прожектора. Дул прохладный ветерок, и все вокруг дышало миром и спокойствием.

Многие впоследствии критиковали Берка за решение разделить экспедицию на две группы. Но при той скорости, с какой двигалась колонна, им не удалось бы добраться вовремя до Куперс-Крика. Австралийские путешественники, штурмовавшие «Зловещее пятно» до Берка, в том числе Чарлз Стерт, отдавали предпочтение мелким мобильным партиям, совершавшим броски из промежуточных лагерей.

Королевское общество составило для Берка инструктивное письмо на основе имевшейся к тому времени информации. По оценкам «экспертов», заседавших в уютном мельбурнском особняке, хорошо подготовленной экспедиции должно было хватить от 12 до 18 месяцев на то, чтобы достичь северного побережья материка и возвратиться обратно. Берку предлагался маршрут и график движения, однако в конечном итоге ему разрешалось «действовать сообразно с обстоятельствами».

В письме ничего не говорилось о конкурентах. Но Берк понимал, что все усилия окажутся напрасными, если он уступит пальму первенства Стюарту. Впереди, он знал, лежал Куперс-Крик, откуда до финиша уже было недалеко.

Между Мениндй и волшебным Купером лежат четыреста миль солончаковой степи, таящей немало сюрпризов.

Бескрайнюю поверхность прорезает мягкий контур скалистой гряды Бингуано, прославленной «галереи» наскального искусства племени вильякали. Спутник Берка Уиллс первым описал «романтическое ущелье». В дальнейшем ни один из путешественников не обошел молчанием этот уникальный музей под открытым небом. Узкая, усыпанная щебнем лощина, окаймленная казуариновыми деревьями и зарослями колючих акаций — мульгой, ведет в темную пещеру, размытую эрозией в чаше скалы. Вход сторожат разрисованный дракон и гигантская ящерица-геккон.

Природный амфитеатр уступами уходит вверх, безмолвно открывая величественную картину. Перед глазами вырастает оранжевая стена с нависающим над ней козырьком из песчаника. Вся стена покрыта выполненными охрой рисунками аборигенов; время их появления здесь никто не знает. Центральное место занимает длинная извивающаяся змея, обведенная по контуру белой краской. Вокруг нее множество других фигур. Но больше всего поражают отпечатки ладоней обыкновенных человеческих рук. Кто оставил их? Авторы рисунков — в виде своеобразного автографа? Или люди, некогда жившие здесь?

Росс Джонсон, смотритель этой исторической достопримечательности, сказал нам, что один из старейших художников-аборигенов считает изображения рук символами.

— По его словам, это своего рода мемориальные доски, к которым приходили родные, чтобы помянуть усопших. Что-то вроде маленьких могильных плит. След, оставшийся от человека, ушедшего в царство мертвых.

Оставив позади оранжевую гряду, отряд Берка продвинулся к болотам Торовато. Оттуда Берк отправил Райта обратно в Менинди с наказом «привести как можно скорее оставшихся верблюдов». С Райтом он передал мельбурнскому комитету письмо, в котором принимал отставку доктора Беклера и просил утвердить Райта в должности третьего руководителя экспедиции. Вторым был назначен Уиллс. Берк набросал также короткую записку жившему в Ирландии дяде, где откровенно излагал свое отношение к поступку Ленделлса и Беклера, «подавших в отставку из чистой трусости, когда они поняли, что я преисполнен решимости дойти до цели, несмотря ни на что».

Затем Берк собрал свою изнуренную рать и спросил, нет ли среди них желающих вернуться с Райтом. Все до единого отказались.

Тибубурра, районный центр в глубине континента, состоит из одной-единственной улицы. Он удивительно напоминает американские ковбойские поселки 80-х годов прошлого века — низкие деревянные домики с жестяными крышами и верандами, редкими деревцами вдоль дороги и местной знаменитостью — ослом по имени Билли, норовящим лягнуть брехливую собаку. Мы остановились в пансионе, что напротив гостиницы «Тибубурра». По вечерам

жители и гости городка переходят из одного заведения в другое. Больше ходить здесь некуда, да и незачем.

В баре мы встретили трех стригалей овец и пожилого скотовода с красным морщинистым лицом, напоминавшим поверхность окружающей пустыни. Я спросил его, правда ли, что овцы выбили пастбища. Он закивал головой в знак полного согласия:

— Еще как правда. Овец — тьма, но девать их некуда. Кому охота продавать скот по бросовой цене? Представляете, в прошлом году в Виктории овцы шли по пятьдесят центов за штуку. Владельцы просто пристреливали скот, и все тут, клянусь честью.

Он отхлебнул глоток пива.

— В здешнем краю овце одной не выжить, обязательно нужен партнер. Одна приподнимает носом камень, а другая вылизывает под ним мох. Пойди вырасти их на этих каменных солончаках, особенно летом, когда вода высыхает напрочь.

Трое парней у стойки слушали старика с усмешкой. Один из них заговорил с сильным местным акцентом:

— Сегодня мы постригли сто пятьдесят овец. Знаешь сколько управляющий огребет за шерсть? А нам заплатил... вот разве что на пиво. Так что нечего тебе убиваться из-за этих проклятых капиталистов.

Он пристально посмотрел на меня.

— А вы кто будете? Небось проклятые англичане?

В этих краях, впрочем как и во всей Австралии, население единодушно недолюбливает англичан.

— Нет, мы американцы.

— А-а, — вступил его приятель, невысокий бородач в очках. — Втянули нас в кровавую бойню во Вьетнаме. Мы там дохли, как овцы.

— Он вернулся оттуда без глаза, — добавил третий.

Решив сменить тему разговора, я сказал, что иду по маршруту ирландца по фамилии Берк.

— Ирландец? Они там бедны, как церковные крысы. Лучше бы ему научиться стричь овец...

Около полуночи трое парней отправились на ранчо, расположенное в 60 милях к северу от бара. Утром мы последовали за ними.

Путь лежал вдоль условной границы, разделяющей штаты Квинсленд и Новый Южный Уэльс. В этом месте она отмечена проволочной оградой, поставленной, чтобы уберечь овечьи пастбища от собак динго.

Берк со своими людьми пересек границу в начале ноября 1860 года и двинулся к озерной местности Буллу. Экспедиции повезло: в сухой сезон озера превращаются в сковородки, покрытые серым соляным налетом, но в ту осень солнце еще не успело выпарить из них воду.

Тут следует сказать, что мечты поселенцев о внутреннем море были не беспочвенны. Море здесь есть. Только лежит оно под землей. Полвека спустя после похода Стерта геологи установят, что

в центре Австралии находится Большой артезианский бассейн — гигантский прогиб земной коры, и там на глубине до 1200 метров залегают мощные водоносные горизонты. В области озера Эйр эти воды выходят на поверхность минеральными источниками. В остальных местах пресную или чуть солоноватую воду дают артезианские скважины.

Под вечер мы остановились возле комфортабельного дома в центре маленького скотоводческого селения Эпсилон. Навстречу нам вышел Гарольд Беттс, спокойный, уверенный в себе человек с обветренным лицом. Беттсы приехали сюда двадцать лет назад.

— От засухи не было спасения, — вспоминает Гарольд. — Мы опускали бур на пятьсот метров и вытаскивали наверх сухим. Было по-настоящему туго. Но ничего, выжили. В таком деле всегда есть риск. Засуха, пожары, наводнения, наконец, рынок — не всегда есть спрос на скотину.

Если зимой выпадает сто миллиметров влаги, дела идут хорошо, — продолжал Гарольд. — С тысяча девятьсот шестидесятого по тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год дождей было совсем мало, зато в семьдесят четвертом выпало тысяча миллиметров, и вода затопила буквально все. Только спустя три месяца удалось вытащить грузовик, а скот выпустили пастись только через полгода.

— В этом году пожары были в ноябре и феврале, — вступила его жена Джоан. — От удара молнии заполыхало все от Тьюн-Гейта до Купера.

Чтобы сладить с такой неистовой стихией, нужно немалое упорство. Эпсилонские пастбища занимают более 650 квадратных миль песчаной и каменистой земли. На ранчо 80 лошадей и шесть буровых установок. Из скважин с глубины 300 метров поступает теплая артезианская вода, помогающая справиться с засухой.

В помощницах у Гарольда девушка-ковбой Кейт Коутс.

— Когда надо осматривать скот, — говорит она, — приходится проделывать верхом по сорок—пятьдесят миль от зари до зари. Теперь на многих ранчо завели мотоциклы с колясками, а на крупных — даже самолеты.

— Жизнь здесь не сахар, — говорит Гарольд, — нашим детям она не по душе.

— В Тибубурре по субботам крутят кино, — сообщает Кейт.

Да, но до «города» 120 миль, так что десять раз подумаешь, стоит ли туда тащиться из-за какой-нибудь ерунды.

— И все же, — добавляет Гарольд, словно опасаясь, что у меня сложится неверное представление, — мы себя здесь чувствуем неплохо. Весь мир может взлететь в воздух, а нас это не коснется. Это уже счастье. И потом здесь ощущаешь настоящую свободу. Может, это и не так на самом деле, но ощущение тоже чего-то стоит.

За спинами таяли в дымке рыжие дюны, а впереди глазам открывалась гнетущая пустота — огромная обугленная впадина с торчащими кое-где скальными выступами. Лишь далеко впереди маячили деревца, вселявшие робкую надежду, что где-то за ними должна

быть вода. Там лежал Куперс-Крик, фантастический природный феномен, живые легкие и пульсирующее сердце австралийской пустыни. Чудо Купера можно сравнить, пожалуй, только с чудом человеческой жизни, извечным чередованием смерти и возрождения.

Куперс-Крик стекает с Большого Водораздельного хребта в восточной части Квинсленда. Подобно Нилу, он рождается при сплетении двух могучих «рук» — Барку и Томсона. Собственно, эти две речки и имеют постоянное течение в верховьях. Сам Купер появляется только после летних дождей. Во время сильных паводков водная артерия растягивается почти на полторы тысячи километров и достигает озера Эйр. Тогда, будучи в расцвете сил, река разливается на тысячи канальцев, проток, заводей и лагун. Местами водная гладь образует озера тридцатикилометровой ширины. В сухой сезон Куперс-Крик уходит под землю, оставляя на поверхности лишь прерывистый след, окаймленный величавыми эвкалиптами.

11 ноября передовой отряд Берка добрался до одного из протоков Куперс-Крика. Их приветствовали радостными воплями сотни корелл. Деревья протягивали ветви над стеклянной поверхностью воды. Место для отдыха казалось замечательным, но в первую же ночь экспедиция подверглась чудовищному нашествию крыс. Пришлось переместиться в другое место чуть ниже по течению; здесь, возле источника, и разбили снискавший печальную славу лагерь 65.

Все попытки Берка пробиться отсюда дальше на север терпели неудачу. Во время последней попытки сбежали три верблюда, и Уиллсу с Макдоно пришлось двое суток идти назад к лагерю пешком. Видя, как уходит впустую драгоценное время, Берк принимает решение вновь разделить группу. В поход через оставшуюся половину континента он двинется с Уиллсом, Кингом и Греем.

Руководителем оставшейся группы был назначен Уилльям Браге. Ему предстояло обосноваться на крохотной базе, соорудить вокруг нее укрепление и ждать возвращения Берка.

Ждать, но сколько?

Позднее Браге не раз вспоминал свой последний разговор с Берком. Начальник экспедиции велел ему ждать три месяца или пока не иссякнут запасы продовольствия, а затем идти обратно к Дарлингу. Впрочем, Берк был уверен, что через несколько дней оставшаяся группа во главе с Райтом подтянется к Куперс-Крику со всем обеспечением и лагерь 65 превратится в крепкую тыловую базу.

На рассвете 16 декабря Берк с тремя спутниками ушел из лагеря на север. Легко представить себе, как это было. Берк и Уиллс шагают впереди, определяя по компасу направление, за ними в некотором отдалении следуют Грей с лошадью Берка и Кинг с шестью верблюдами. Браге провожал четверку весь день. Паттон, Макдоно и

сипай Дост Магомет начали строить бревенчатый забор вокруг лагеря.

Вскоре путники встретили большую группу аборигенов, которые «настоятельно хотели зазвать нас в стойбище, но вид ружей заставил их отойти подобру-поздорову». Пройдя вдоль берега Куперс-Крика, отряд свернул на северо-запад, к области, известной тогда под названием Каменистая пустыня Стерта (ныне — пустыня Симпсон).

1860 год выдался удачным. Блаженный дождь выпал над районом, через который проходил маршрут экспедиции; рождество Берк со своими людьми отпраздновал возле «красивейшего источника». Через четыре дня вызывавший прежде ужас район был позади, и группа вышла к реке Дайамантине.

Сегодняшняя дорога пролегает через дюны, чьи четкие очертания кажутся нарисованными на рождественской открытке. За ними открывается поразительная даже по австралийским масштабам равнина. На горизонте подрагивают миражи, похожие на языки голубоватого пламени. Посреди равнины стоит одно из самых глухих ранчо — Кордильо-Даунс. Управляющий Джон Перри и его миловидная жена Ли охотно разрешили нам расположиться в палатках возле источника.

Тысячи похожих на елочные украшения корелл гирляндами свисали с деревьев и дружно голосили до ночи. На востоке выползала огромная белая луна; за две минуты она залила горизонт таким ярким светом, что нам показалось, будто мы видим далекие горные хребты. В эти бело-голубые часы из каких-то таинственных глубин пустыни возникла стройная флотилия пеликанов.

Такое же зрелище могло открыться глазам Берка, когда, покинув Каменистую пустыню, он вышел к «фантастической реке» Дайамантине. Двигаясь к северу вдоль ее берега, группа остановилась на привал в месте, где теперь стоит Бердсвилл «с населением в сто душ, если считать с собаками, и семьдесят без них», как охарактеризовал его владелец местной гостиницы Николс.

— Не думайте, что здесь захолустье, — продолжал он. — У нас не соскучишься. По субботам, например, собираются любители метать кольца. И потом постоянно бывают туристы.

Туристы? В Бердсвилле?

Я не успел еще задать вопрос, как откуда ни возьмись с безоблачного неба свалился самолет, и четверо здоровенных мужчин в широкополых шляпах решительным шагом направились к бару.

— У вас все в порядке, приятель? — осведомился первый.

Я спросил, что привело их в такую даль.

— Ну как же! Теперь я смогу сказать, что побывал тут!

Позднее Николс признался, что не понимает, чем привлекает горожан это место. На его веснушчатом лице играла усмешка:

— Они говорят: «Если ты не был в Бердсвилле, то не был нигде». Это стало поговоркой. Бердсвилл слывет гиблым местом.

Бруки, владелец расположенного к западу от селения ранчо, доба-

вил, что действительно в прежние времена здесь было не до смеха.

— В двадцатые годы, когда я только поселился здесь, каждый день бушевали песчаные бури. Такое делалось, что целыми днями вокруг ни черта не видно, ходили на ощупь.

В 20-е годы в центре Австралии дождей почти не было. Писательница Эрнестина Хилл описывает ужасающую сцену, увиденную по дороге на Бердсвилл: «Около трехсот коров сгрудились вокруг скважины, застыв в каких-то чудовищных позах; они казались живыми, если не считать пустых глазниц. Животные пролежали здесь три года... Кожа и рога мумифицировались в этой немыслимой жаре».

Жена Бруки, Элеонора, вспоминает, что их дочь увидела свой первый в жизни дождь в 8 лет; когда после кошмарной засухи упали первые капли, испуганные дети ворвались в дом с криком: «На нас падает колодец!»

Может ли такое повториться?

— Каждый год жду засухи, — пожимает плечами Бруки. — Больно уж много хороших лет подряд. Такое везение не может продолжаться вечно...

К северу от Бердсвилла тянутся бескрайние равнины. Когда мы ехали, глазу было не на чем остановиться — абсолютно чистый горизонт. Зрелище действовало удручающе, рождая гнетущее чувство опустошенности. Берк, Уиллс, Кинг и Грей, встретив новый 1861 год в лагере 80 юго-восточнее крупной выемки, которая теперь называется озеро Мэчатти, 7 января достигли тропика Козерога.

В эти январские дни Уиллс еще отмечает в дневнике признаки жизни: они видели голубей, уток и одинокую дрофу, невесть как забредшую в эти края. Но тяготы долгого пути уже дают себя знать. 5 января Берк делает одну из немногих записей в своей маленькой записной книжке: «...я горжусь, что на нашу долю выпали столь суровые испытания».

Вычерченный Уиллсом маршрут показывал, что они продвинулись на север вдоль 140-го меридиана с 25 до 22° широты, упорно следуя по невидимой трассе. Шли по 12 и более часов в день, ни разу не выбившись из этого мучительного ритма. Сейчас кажется, что такого просто не может быть!

Прошел январь. Остались позади бескрайние равнины. Путники добрели до холмистой возвышенности, которую Берк назвал в честь своего друга — гряда Стэндиша. Поднявшись наверх, они увидели лежащую к северу другую, более высокую горную цепь — хребет Селуин. Берк решает идти через него напрямик, хотя верблюды «хрипели и задыхались» уже на малой высоте.

Хребет вконец измотал и людей, и животных. Доказательство тому — дневники Уиллса. Записи становятся отрывочными: в первую неделю — каждый день, на следующей неделе — всего две записи, затем одна, потом, через промежуток, еще две... Только номера лагерей продолжают отщелкивать с неумолимой четкостью: 101, 102, 103, 104, 105.

Наконец передышка. Всего один вечер в огромном океане застывшей земли. Неожиданно пронесется белая стайка корелл, облачной пеленой прикрыв на мгновение луну. В тревожной позе вдруг застынет рыжий кенгуру, чтобы тут же исчезнуть, слившись со своей тенью. Безмолвие... Безмолвие скал великой пустыни, привыкших ко всему за сто миллионов лет. Таковы были декорации финального акта разыгравшейся трагедии.

В лагере 65 у Куперс-Крика четверо людей терпеливо ждут, изо дня в день с растущим отчаянием вглядываясь в горизонт. Никто не появлялся ни с севера, ни с юга. Можно лишь догадываться, как повел бы себя Берк, узнай он, что Райт вместе с продовольствием и верблюдами только теперь покидает далекое Мениндн. Группа Райта, оставшаяся на другом краю пустыни, не двигалась с места почти три месяца.

Причины бездействия могут показаться нам безосновательными, но для участников событий они были весьма существенными. Райт ждал официального уведомления из Мельбурна о том, что он утвержден третьим руководителем экспедиции, а следовательно, зачислен на жалованье. Гонец, доставивший наконец это известие, имел также секретный пакет, адресованный Берку*. Не желая откладывать свою миссию, он забрал из лагеря лошадей и поскакал догонять ушедшую партию. В результате Райту пришлось дожидаться его возвращения. (Гонец не нашел Берка и вернулся назад, лишь вымотав лошадей.)

Людей снедало нетерпение. Вся группа пребывала в растерянности, и, пусть здесь не было ничьей злой воли, факт остается фактом — они стояли на месте. Им светила по ночам та же луна, вокруг царило то же безмолвие и расстилался тот же пустынный океан земли с его чередованием жизни и смерти.

А в это время Берк со своими спутниками пробивался через красные кряжи Селуина. Наконец они вышли к довольно крупной реке Клонкарри, нареченной Берком в честь именитого ирландского родича. Их путь пролегал неподалеку от мест, где спустя много лет найдут залежи минерала, ошеломляюще изменившего мир.

Рудник Мэри-Катлин — крупнейшее в Австралии месторождение урана; его начали разрабатывать после 11 лет горячих дебатов, которые не утихают по сей день.

Денис Макмагон, управляющий рудника, признался нам, что «по уши втянут в политические интриги». Левые профсоюзы Австралии, объединившись с группами, озабоченными охраной окружающей среды, выступают против добычи и экспорта урана. Правительство считает, что мир нуждается в энергии, а страна крайне заинтересована в продаже урана; официальная позиция подвергается резкой критике со стороны оппонентов, утверждающих, что уран используют для

---

* В пакете были известия о ходе дел у конкурентов — экспедиции Стюарта. *(Прим. перев.)*

производства ядерных бомб, которые грозят уничтожить человечество.

Внешне товар выглядит безобидно. Черный порошок укладывают в стальные контейнеры с надписью «Радиоактивный материал» и продают по 20 тысяч долларов за штуку.

Мы приехали в Клонкарри ясным воскресным утром и неожиданно очутились... в Техасе. Полным ходом шли отборочные соревнования к крупнейшему в Австралии родео, которое должно было состояться через неделю в Маунт-Айзе.

За забором, огораживавшим широкую площадку, участники соревновались в том, кто проворнее ухватит быка за рога, дольше продержится на дикой лошади или более ловко набросит лассо на теленка.

Вечером все жители Клонкарри от мала до велика веселились на грандиозном балу. Поначалу дети и взрослые кружились парами или в одиночку, пока оркестр не заиграл старинную мелодию; все участники празднества тут же образовали огромный круг, положив руки на плечи друг другу. Живой круг медленно раскачивался, сужался и расширялся. Из всех давно забытых традиций первых поселенцев сохранился только этот танец. На короткое время люди вновь ощущали свое единение, тесно сплачиваясь в общем кругу. Они казались такими трогательными и беззащитными. Танец называется «Ирландская гордость», и одному богу известно, где только его не танцевали на этой планете.

К северу от Клонкарри четверка Берка оказалась в тропиках, в краю проливных дождей и влажной удушающей жары. Мы проезжали мимо роя саранчи, над которым столбом кружились ястребы; вдоль дороги валялись белые скелеты быков; повсюду ползали муравьи, строившие свои конические города-термитники. Весь этот кусок земли походил на гигантское причудливое кладбище.

Нам ничего не известно о том, что пережили участники похода за ту неделю, что они шли по этим местам; остался лишь короткий заголовок на обложке пустого дневника Уиллса:

Полевой дневник № 8
Маршрут от Куперс-Крика до залива Карпентария
Лагерь 112 — лагерь 119
19 ¼ ю. ш. — 17°53′ южной широты
Нижняя часть Клонкарри.

В последнем, 119-м лагере, вода была соленой, явственно ощущался прилив. Берк и Уиллс вдвоем пытались пробиться вперед, прихватив с собой лошадь Билли, но она быстро увязла в болотистой почве. Им пришлось рыть лопатой землю, чтобы вызволить лошадь. Путники двинулись в обход по трясине, встретили группу аборигенов, которые испуганно бросились наутек, потом столкнулись с еще одной группой темнокожих, жестами показавших направление к морю. Наконец 11 февраля 1861 года Берк и Уиллс добрались до залива Карпентария. Но столь желанного зрелища сверкающей под солнцем воды они так и не увидели. В дневнике Берка осталась сухая

запись: «Нам не удалось выйти к открытому океану, хотя мы употребили для этого все силы».

Путь преграждали болота, затопляемые приливной волной, и стена мангровых зарослей.

Не важно. Они смогли совершить то, что не удавалось никому до них. Они первыми пересекли Австралийский континент. Шесть месяцев и 1650 миль отделяли их от Мельбурна. Теперь предстоял путь назад, а продовольствия оставалось всего на четыре недели.

Проявляя чудеса упорства, Уиллс продолжает вести дневник и на обратном пути. В феврале и марте путникам пришлось прирезать верблюдов на мясо, оставив всего двоих; день за днем люди брели к югу, тяжело ступая изможденными ногами. Отчаянное стремление добраться до Куперс-Крика было единственным стимулом, заставлявшим сделать следующий шаг. Начал жаловаться на здоровье Грей, он твердил, что болен и не может больше идти.

17 апреля 1861 года солнце окрасило в малиновый цвет дюны Каменистой пустыни, отполировало добела дно колодцев и теперь прожигало пламенем прозрачный воздух. В тот день трое несчастных рыли могилу в болотистом месте у озера Кунджи. На озере умер Грей. Он не зря жаловался последние дни. Люди обессилели до такой степени, что на рытье могилы ушел целый день. За неделю до трагического события им пришлось убить Билли и съесть лошадиное мясо. Но до Куперс-Крика остается всего 70 миль...

А в это время Уильям Браге, забравшись на холм над Куперс-Криком, приложив ладонь козырьком, до рези в глазах вглядывается в горизонт; в северном или западном направлении вот-вот должны появиться четыре крохотные фигурки, а с юга — целая группа людей с лошадьми и верблюдами. Каждый день, ровно 126 рассветов, он сверлит горизонт, и каждый день награждает его лишь нещадной жарой. Пусто. Паттон свалился две недели назад и теперь медленно умирает от цинги; у него распухли десны так, что он не может есть. Его стоны и жалобы постоянно звучат в ушах Браге. Начальник экспедиции велел ждать три месяца в этом лагере. Люди прождали уже четыре, находятся в ужасном состоянии. Надо уходить. Браге приказывает Макдоно и Магомету складывать вещи...

Колонна Райта застряла в 100 милях к юго-востоку, возле Буллу, прикованная к месту болезнями и песчаной бурей. Они добирались из Мениндй до Буллу невероятно долго — целых 68 дней (Берк прошел 110 миль за 23 дня): лошади были изнурены до предела, а ослабевшие люди с трудом передвигали ноги. 12 дней спустя умрут Стоун, Перселл и Беккер.

Берег Куперс-Крика, где когда-то располагался лагерь Браге, — одно из самых красивых и безмятежных мест, которые мне доводилось видеть. Переехав вброд обмелевшую реку, мы остановились в тени знаменитого эвкалипта, широко раскинувшего в стороны похожие на руки ветви. Закат золотил крону, в которой без умолку трещали розовые какаду; на зеркальной воде грациозно застыли цапли.

Все выглядело иначе для тех, кто мучительно долго ждал здесь, и тех, кто брел сюда из последних сил от залива. Утром 21 апреля 1861 года умирающего Паттона привязали к верблюду, упаковали продовольствие и пожитки. Надежда на возвращение Берка почти угасла. Тем не менее Браге решил зарыть запас сушеного мяса, муки, сахара, овсяной крупы и риса на случай, если все же чудо произойдет. В яму положили бутылку с запиской, а на эвкалипте вырезали надпись, навечно оставшуюся в анналах исследования Австралии:

DiG
3FT
NW

(Рыть в 3 футах к северо-западу)

После этого Браге со своими спутниками покинул лагерь 65 и медленно двинулся вдоль русла Крика. Они прошли всего 14 миль и вечером того же дня встали на привал.

Спустя девять с половиной часов после ухода группы Браге Берк, Уиллс и Кинг полуживые добрались до лагеря. Позади у них лежали 2400 миль. Трое путников надеялись на триумфальную встречу, призванную увенчать их подвиг мужества и выносливости. Но лагерь был пуст! Разрыв в девять с половиной часов оказался роковым.

Это трагическое стечение обстоятельств кажется столь жестоким, что к дню 21 апреля 1861 года вновь и вновь обращаются художники и писатели, словно пытаясь как-то исправить ход событий и восстановить справедливость.

Но заклинания не способны изменить прошлое. Так все и останется: 9,5 часа и 14 миль.

Браге продолжал двигаться на юго-восток вдоль Куперс-Крика через суровую пустыню по направлению к Буллу. Однажды на рассвете он увидел колонну Райта. Обе партии немало удивились встрече. Состоялся обмен информацией. Оставив людей на дневке, Браге и Райт, взяв трех самых крепких лошадей, помчались обратно к Куперс-Крику. Их не оставляла надежда застать там Берка. Но они нашли лагерь вымершим...

Усталость и волнение помешали двум всадникам заметить явные признаки пребывания людей на оставленной базе; прогоревший неубранный костер, разбитую бутылку, надетую на кол забора, кусок, вырезанный из шкуры, служивший пологом на входе в хижину. Мельком взглянув на место, где была зарыта провизия, они не обратили внимания на рыхлую землю. Если бы они раскопали яму, они бы убедились, что провиант исчез, а вместо него лежит бутылка с запиской Берка.

Всадники повернули назад. Похоронив умершего Паттона, экспедиция ускоренным маршем двинулась к дому.

Рассказанная Браге история взбудоражила весь Мельбурн. В различных частях Австралии были организованы поисковые партии, ринувшиеся в буш с севера, юга и востока.

Что же произошло в лагере?

Возвращение Берка, Уиллса и Кинга в лагерь на Куперс-Крике.
Акварель 1983 г.

Портрет Берка, вырезанный на дереве в месте последнего лагеря на берегу Куперс-Крика

Берк увидел надпись на эвкалипте, открыл «тайник» и прочел записку Браге, написанную утром того же дня. Можно представить себе всю горечь их разочарования. Подкрепившись оставленными припасами, Берк, Уиллс и Кинг собрались с духом и решили двигаться в направлении Маунт-Хоплес, на юго-запад от Куперс-Крика. Они надеялись попасть в район, который осваивали переселенцы.

Многие впоследствии не могли понять мотивов этого решения. Куда логичнее, казалось бы, двигаться вслед за ушедшими. Но дело в том, что Браге, известив руководителя экспедиции о том, что сворачивает лагерь, написал: «Все члены группы и животные здоровы». Напиши он о том, в каком состоянии находятся люди, Берк бы понял, что у его тройки есть шанс нагнать спутников. Но Берк этого не знал. Не знал он и о том, что Райт так и не добрался до Куперс-Крика, а его колонна все еще движется на север. Берк считал, что ему не догнать пешком конную группу.

Целый месяц они выбирались из окружающих Куперс-Крик болот. Один верблюд увяз в трясине, и его пришлось пристрелить; второй вскоре обессилел настолько, что его постигла та же участь. Уложив в рюкзаки остатки провизии, Берк, Уиллс и Кинг решают совершить форсированный бросок, но, пройдя 45 миль, отступили назад к Куперс-Крику.

Дни становились короче, и трое людей, оказавшиеся пленниками пустыни, чувствовали, как постепенно иссякают их силы. Встреченные аборигены учили их печь лепешки из перетертого тростника и время от времени подкармливали рыбой. Но однажды Берк отогнал их от бивака выстрелом из ружья — ему показалось, что аборигены растаскивают и без того скудные запасы провизии.

Первым стал сдавать Уиллс. Поняв, что не может двигаться дальше, он попросил Берка и Кинга оставить его в заброшенной туземной хижине. Там он написал последнее письмо отцу:

«Мы на пороге голодной смерти... Нам удалось проделать весь путь от залива Карпентария и обратно в добром здравии, у нас были все основания считать, что худшее позади... По возвращении оказалось, что группа уже ушла из лагеря...»

29 июня Берк и Кинг покинули умирающего Уиллса и отправились вверх по берегу Крика в поисках аборигенов; они понимали, что это единственный путь к спасению. Два дня спустя кончились силы у Берка. Он тоже нацарапал прощальную записку: «Надеюсь, что нам воздастся по заслугам. Мы исполнили свой долг, но нас (поки...) не дождались...»

Сознавая, что у Кинга не хватит сил вырыть могилу, Берк попросил оставить его на земле с пистолетом в руке. Утром 1 июля он умер.

Кинг продолжил путь. Он нашел аборигенов, которые накормили его и дали целебного отвара. 15 сентября один из спасательных отрядов натолкнулся на стойбище и обнаружил среди туземцев оборванного, обросшего белого.

— Кто вы? — спросил человек, первым увидевший его.

— Я Кинг, сэр, — ответил тот.

— Кинг?!

— Да. Последний из экспедиции...

Позднее останки Берка и Уиллса перевезли в Мельбурн, где они покоятся под гранитным монументом. В отделе рукописей библиотеки Виктории мне дали прочесть дневники Уиллса и последнюю написанную нетвердой рукой записку Берка. Трудно передать волнение, которое я ощутил, беря в руки эти реликвии. Только повидав собственными глазами «Зловещее пятно», по-настоящему понимаешь, что́ довелось испытать его первопроходцам.

В один из дней в Мельбурне я шел под дождем — таким желанным после стольких дней в пустыне — на встречу с Алеком Браге, внуком того самого человека, который покинул Куперс-Крик за девять с половиной часов до возвращения Берка, Уиллса и Кинга. Дверь открыл подтянутый 75-летний джентльмен.

Алек Браге оказался приятнейшим собеседником; от него я узнал множество подробностей о дальнейшей судьбе оставшихся в живых членов экспедиции. Что касается его деда, то историки, по мнению внука, обошлись с ним несправедливо. В прижизненных и последующих публикациях Уильяма Браге не раз винили в гибели Берка и Уиллса. Но разве Браге не ждал лишний месяц, подвергаясь опасности? Целый месяц сверх установленного Берком срока он просидел в лагере на Куперс-Крике. Браге знал, что Берк взял с собой трехмесячный запас провианта. Разве не логично было предположить четыре месяца спустя, что четверо ушедших к заливу погибли? Между тем Браге как старший группы отвечал за жизнь своих людей: Паттон был уже плох и остальные тоже болели.

Алек считает, что с самого начала экспедиция была скверно подготовлена. Берк не имел походного опыта, не знал особенностей австралийского климата. Его с полным основанием можно назвать дилетантом. Люди подбирались произвольным образом, и это привело к бесконечным конфликтам и раздорам. Экспедиция в строгом смысле слова кончилась в тот момент, когда Берк распылил силы, оставшись без врача и не обеспечив связи с тылом. Кроме того, атмосфера ажиотажа вокруг «Великой австралийской гонки» заставила Берка принимать поспешные решения, исходя не из сложившейся ситуации, а под давлением обязательств, наложенных на него Мельбурном. (Экспедиция Стюарта достигла северного побережья 24 июля 1862 года.)

— Большинство австралийцев видят в Берке и Уиллсе символы мужества и упорства, — сказал Браге. — Но мало кто знает, что им пришлось искупать мужеством и страданиями чужие просчеты.

Я спросил, как относились к этой истории в семье Браге.

— Тема экспедиции была запретной у нас в доме, — ответил Алек. — Никто никогда не упоминал о ней.

Перевод с английского *Н. Машиной*

Владимир Бардин

ПОЛЮС ХОЛОДА: -89,2°

ОЧЕРК

В 1984 году я возвращался из Антарктиды на теплоходе «Байкал». В районе Берега Правды к нам на борт должна была сесть большая группа полярников. Ледовая обстановка складывалась неблагоприятно. Набирала силу зима. Тяжелые льды преградили подступы к материку. В Мирном температура упала до $-20°$, мела пурга. Пассажирскому судну нечего было и думать соваться в эту заварушку. «Байкал» лег в дрейф у кромки ледового пояса.

Вся надежда была на дизель-электроход «Капитан Готский». Это грузовое судно ледового класса должно было снять людей с берега. Моряки делали все возможное и невозможное. Причала у Мирного не было. Не было и вертолета, эвакуация осуществлялась на шлюпках. Небольшая прибрежная полынья замерзала на глазах, борта шлюпок обледеневали. А когда завершилась эта трудная погрузка, дизель-электроход блокировали льды. Судно потеряло ход. Положение сделалось критическим. Моряки и полярники скалывали, выпиливали льдины вдоль бортов, пытаясь освободить корпус. Дорога была каждая минута: вблизи судна находились айсберги высотой в двадцатиэтажный дом.

Вот ведь как получалось: зимовка позади, настроение чемоданное, а тут — нá тебе! — под занавес еще одно испытание. Недаром говорят: «Трудно отпускает Антарктида».

Все мы на «Байкале» переживали за наших товарищей, и особенно за тех, кто возвращался с полюса холода, с внутриконтинентальной станции Восток. К полярникам Востока в экспедиции отношение особенно уважительное. И есть на то причины...

Дышит холодом, играет ледяными кристаллами, слепит белизной бескрайняя равнина. И по всему горизонту снег да снег. И незаходящее солнце над головой, порой ореол вокруг светила — как нимб. Таков летний пейзаж. А зимой круглые сутки темень, безмолвная ночь. Жемчуга звезд, сполохи сияний. И мороз... Такой же страшный и губительный, как огонь, — под $-90°$. Но пожалуй, самое тягостное — чувство удаленности, изолированности. Ведь на многие сотни километров ни одной живой души. А до родного дома тысячи и тысячи километров.

Не найти другого такого места на земном шаре, столь же далекого и труднодоступного, необычного и сурового, столь же неподходящего для жизни человека! И именно здесь, в центральной части

южнополярного материка, в районе геомагнитного полюса, на макушке планеты вот уже почти 30 лет действует наша станция Восток.

По данным полярных медиков, здоровье зимовщиков Востока подвергается суровым испытаниям. Особенно опасна работа на открытом воздухе при температурах ниже 80°. Стоит выйти из домика, как ощущается сильная сухость во рту, слабость, одышка, слезотечение, иногда боль в глазах, чувство саднения в груди. Предельный груз, который может нести здесь человек, — 20—25 кг. Особенно тяжело приходится полярникам сразу же после прилета на станцию. Надо привыкать не только к низким температурам, но и к пониженному атмосферному давлению — высота 3488 м. В период акклиматизации обычны сердечные и головные боли, носовые кровотечения, тошнота, рвота, тягостные расстройства сна...

Казалось бы, не просто заполнить штатные вакансии этой станции. Но все совсем наоборот. И среди моих товарищей по работе в Антарктиде есть горячие приверженцы, прямо-таки энтузиасты Востока, которые не променяют эту самую суровую полярную станцию ни на какую другую. Хотя знаю: за время зимовки на их долю выпали тяжелые испытания... Впрочем, справедливости ради должен сказать, что есть и такие, кого на Восток больше и калачом не заманишь. Что ж, зимовка — дело не простое, по-разному складывается жизнь в полярных коллективах.

С волнением следили мы, как с заснеженной палубы «Капитана Готского» переходили на борт «Байкала» вырвавшиеся-таки из объятий Антарктиды счастливые полярники. Потом, когда Антарктида, как белый сон, растаяла за кормой, а мы держали курс к теплу, на родной Север, много было задушевных разговоров с теми, кто отзимовал на полюсе холода. Радостное это было время — возвращение домой. А у восточников особенно тепло на душе было: научные программы выполнены полностью, все здоровы. Словом, нормально прошла зимовка.

А вот в предшествующей экспедиции на Востоке сгорела электростанция, погиб бросившийся тушить пожар полярник. Потом зимовщики боролись за выживание. Об этом писала не одна газета. Как героев встречали участников этой экспедиции. А нынче все нормально, и в газетах не пишут, и встреча будет самая что ни на есть будничная. Кое-кто даже шутит по этому поводу: «Хорошо перезимовали? Ну тогда героев из вас не получится». Нелепо звучит. Конечно, работать в Антарктиду не ради геройства едут, а все равно обидно ребятам за такую шутку. Где-то несправедливость тут кроется. Главное ведь не в преодолении последствий ЧП, а в том, чтобы порученное дело хорошо выполнить и никаких срывов не допустить. А ведь это очень непросто.

Но так уж повелось, что об успешных зимовках редко пишут. Вот и мне не сразу в голову пришло написать об этой зимовке. Тем более что ребята с Востока не были красноречивы, вели себя на редкость скромно, считали свою работу делом обычным. И внешне совсем не

выглядели суперменами. Отличало их от других, пожалуй, то, что держались они удивительно дружно и с особым уважением относились к своему руководителю. А это важный был штрих. Ибо начальник полярного коллектива — все равно что первая скрипка в оркестре: малейшая фальшь, неточность всем заметны сразу.

Об Арнольде Богдановиче Будрецком, начальнике Востока в 28-й САЭ, я давно наслышан был. Он один из тех, кого хорошо знают и в Арктике, и в Антарктиде.

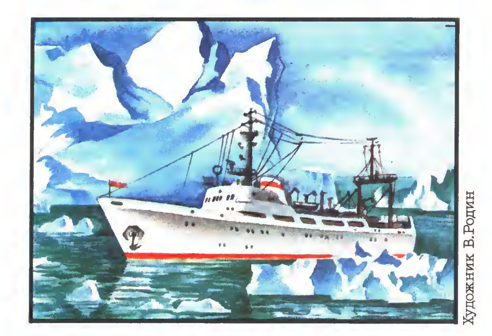
Родился Будрецкий в 1928 году в Ленинграде. Закончил в 1949 году Ленинградское арктическое училище и сразу же на Север, аэрологом на маленькую метеостанцию в архипелаге Новосибирских островов. С 1952 года начал руководить полярными коллективами. Зимовка шла за зимовкой. В общем итоге 15 лет отдано Арктике. Все основные события той поры с ней связаны. Там и женился на девушке-метеорологе, там и дети рождались. А потом потянуло к Южному полюсу. Нет, это не была измена Арктике, просто на Юге было еще труднее и требовался опыт бывалых полярников Севера. В Антарктиде начал с 1965 года с 10-й САЭ и станции Молодежной. Не успел оглянуться — семь зимовок. А задания приходилось выполнять самые ответственные. Организовывал и был первым начальником станций Беллинсгаузен и Ленинградская, зимовал на Востоке. И вот снова на полюс холода в 28-ю экспедицию пошел, хотя знал: особенно тяжелой зимовка будет, всем достанется. Ведь не просто в тех условиях ликвидировать последствия пожара, смонтировать новую электростанцию, возобновить научные наблюдения.

Сам людей подбирал в экспедицию. Так, чтобы можно было положиться. И никаких поблажек для себя не просил. Взялся развернуть прерванные исследования в полном объеме, хотя начальство предлагало ограничить научный состав. Взялся и выполнил задуманное...

До знакомства в моем воображении рисовался образ пышущего здоровьем богатыря, этакого Ильи Муромца, которому нипочем любые полярные испытания. А оказалось совсем не так. Высокий, худощавый, сутулящийся, уже полысевший, Арнольд Богданович выглядел на редкость буднично. И только глаза — внимательные, лучистые — невольно привлекали внимание.

Мне, считаю, повезло. Во время плавания я не только познакомился со многими зимовщиками Востока, но и попал к Будрецкому в непосредственное подчинение. Он был назначен руководителем нашего рейса. Конечно, комфортабельное пассажирское судно ничем не напоминало станцию Восток. И все же, наблюдая за тем, как Будрецкий исполняет свои обязанности, мне было легче представить его в полярной обстановке.

Даже в голосе Арнольда Богдановича не было ничего начальственного. Он разговаривал со всеми на равных, внимательно выслушивал доводы других, обстоятельно, со знанием дела взвешивал все «за» и «против» и принимал мотивированные решения. Позже я понял: ему не надо было повышать голос, отдавая приказ, потому что он мог убедить.

Художник В. Родин

Я знал многих полярных начальников, и среди них немало людей ярких, одаренных, прирожденных лидеров. И редко у кого из них не бывало срывов, не случалось ЧП на зимовках. А у Будрецкого одна за другой шли нормальные зимовки.

«Везет Богданычу!» — говорили некоторые из его коллег.

Что ж, везение полярников нередко действительно выручает, только ведь оно, известно, до поры. Значит, иной секрет в том, что все ладно складывается на зимовках Будрецкого. Об одном из условий его успеха мне сразу подумалось: в экспедиции загодя готовится, личный состав придирчиво подбирает, чтобы специалисты были толковые, характеры уживчивые, чтобы случайных людей на зимовке не оказалось. Но ведь, наверное, и другие начальники о том же пекутся...

По крупицам из рассказов Будрецкого и его товарищей, дневниковых записей полярников, архивных материалов вырисовывалась картина жизни той зимовки.

Всех, кто прилетает из Мирного на Восток, поражает бескрайность снежной равнины, какой-то молочно-бело-голубой. Встретили новую смену зимовщики 27-й со слезами на глазах. Их чувства были понятны. Тяжелая зимовка выпала на их долю. Но сейчас они возвращались домой!

...Первое впечатление от станции было неутешительным. Обгорелый каркас ДЭС напоминал о трагедии. В жилых домах холодно, неуютно. Тепло и свет давал старый движок, его нужно было ремон-

тировать. Энергии не хватало ни для отопления, ни для питания приборов. Хорошо еще, на дворе стояло лето...

Лето на Востоке, прямо скажем, не слишком жаркое. Но и оно коротко. Зато зима!

Будрецкий понимал: чем быстрее будет ликвидирован дефицит в электроэнергии, тем быстрее начнется нормальная жизнь станции. Возобновятся научные исследования, уменьшится риск возникновения простудных заболеваний.

Решено было, не дожидаясь прибытия транспортного похода, который должен был доставить передвижную электростанцию, самим возводить временную ДЭС, агрегаты которой были доставлены самолетом. Легко сказать — возводить. В условиях Востока это не просто. Малейшее перенапряжение вызывает одышку. Кислорода не хватает. А тут еще подшлемник мешает, закрывает лицо. А снять нельзя — легкие простудишь...

Одно из первых официальных распоряжений начальника станции Восток — приказ о соблюдении важного правила безопасности на полюсе холода, запрещающий выходить из помещений без специальной теплой одежды и дышать без подшлемника, если температура ниже −60. Выговор был объявлен одному из нарушителей, решившему пощеголять своей выносливостью. Такое «геройство» чревато тяжелой простудой, которая в условиях Востока, при кислородной недостаточности, может обернуться бедой. Были уже в прошлом такие печальные случаи. Вот и еще проявляется одно качество Будрецкого-руководителя: предусмотрительная, требовательная забота о товарищах.

Жизнь и быт станции постепенно налаживались. В домиках стало чисто, уютно. Баню построили — это для всех было событие. Как дети, радовались полярники. В середине февраля временная электростанция дала первые киловатты. Потеплело сразу и в помещениях, и на душе. А к концу месяца санно-гусеничный поезд пришел из Мирного, столько всего нужного для зимовки доставил, ведь самолетом завезли самые крохи. Руководил поездом Анатолий Лебедев — известный в Антарктиде мастер внутриконтинентальных переходов. Торопился к восточникам, рекорд поставил: 1450 км за 24 дня. Раньше на это уходило не меньше месяца. Стали разгружать, а тут, как назло, морозы ударили до −70°. Техника не выдержала. А люди работали. Сейчас, вспоминая ту разгрузку, полярники сами удивляются, как выдержали...

Началась зима. Время, когда Восток становится самым недоступным местом на планете. Когда в холодных снегах Антарктиды не пройти вездеходам, когда не летают к центру континента самолеты. Только радио связывает станцию с остальным миром.

Основные работы по приведению в порядок хозяйства станции были закончены к 1 апреля. В этот же день аэрологи выпустили первый радиозонд: научные наблюдения возобновились по полной программе.

Станция Восток, расположенная в центре величайшего ледника-

вого покрова Земли, в районе Южного геомагнитного полюса, — уникальный полигон для ученых. Здесь работают геофизики, метеорологи, гляциологи, медики... На Востоке осуществляется единственный в своем роде проект бурения четырехкилометровой толщи льда.

Извлеченный из буровых скважин керн содержит уникальную информацию о внутреннем строении и режиме антарктического ледника, а также о прошлом нашей планеты. Ведь мощная ледниковая толща формировалась из атмосферных осадков в течение многих десятков тысячелетий. В древних слоях льда содержится космическая пыль, вулканический пепел, споры древних растений, занесенные сюда атмосферными потоками, — все это представляет огромный интерес для исследователя. Антарктический ледниковый покров — уникальный природный накопитель информации. Нужно только добыть керн и суметь извлечь из него все потенциально заключенные в нем сведения.

Важность стабильных научных исследований на Востоке хорошо понимали Будрецкий и его товарищи. И это четкое осознание целей и задач экспедиции помогало всем, включая механиков и повара, самоотверженно работать на Науку.

Жизнь на зимовке шла своим чередом по четкому распорядку: подъем — 7.30, завтрак — 8—8.30, обед — 13—13.45, ужин — 19—19.30, отбой — 23.00. Каждый полярник выполнял свои профессиональные обязанности, а кроме того, добросовестно участвовал в разного рода дежурствах по станции. И если была необходимость, в авральных работах.

21 июля 1983 года метеоролог Владимир Карпюк зафиксировал необычайно низкую температуру воздуха −89,2°. Температура поверхности снега была еще ниже −90,4°. Прежний минимум Востока −88,3°, фигурирующий в школьных учебниках и известный как абсолютно низкая температура на Земле, был перекрыт. Лишнее свидетельство того, что все в мире относительно.

И не только столь низкие температуры сопутствовали этой зимовке. Необычно сильные для этого района ветры задували порой на станции.

А снег на Востоке тонок, как мука. При ветре в 8 м/с уже поднимается метель, а ветры бывали до 18 м/с. А если еще мороз лютует, то можно себе представить, какая это распрекрасная погодка. Зато летом, вспоминали полярники, выдался однажды денек. Солнышко, штиль. Температура всего −23°. Так всем казалось, что они в Сочи. Загорали в одних плавках...

Да, были и теплые денечки. Но, по словам ветерана Востока, а механик Федор Львов зимовал здесь семь раз, такой суровой зимы он не помнит. И вот что удивительно: врачи станции не зафиксировали ни одного случая обморожения. Нет, конечно, они не сидели без дела. Вместе со всеми работали по жизнеобеспечению станции. И профессиональных забот у них хватало. Даже полостные операции пришлось выполнять, в том числе пресловутый аппендикс удалять.

Согласитесь, станция Восток для этого не слишком подходящее место. Сложностей и неожиданностей было предостаточно. Например, во время операции полярник, ассистирующий хирургу Вячеславу Могиреву, упал в обморок, а крючок, которым держал отворот раны, не выпустил из рук, потянул за собой. Но... все завершилось опять-таки нормально.

Медицину Восток особенно интересует: как экстремальные условия влияют на здоровье? Медики уже давно эту тему разрабатывают. Много собрано объективных данных. Всем ведь нелегко на Востоке. Но на некоторых зимовках тяготы как-то легче переносятся, меньше о них думается. Вот и на этой зимовке никто на здоровье особенно не жаловался. В чем тут дело?

Вот как вспоминали свою зимовку сами полярники.

«...Жили мы дружно. Старались быть обходительными, предупредительными друг к другу. Серьезных разногласий, ссор на зимовке у нас не было, хотя никто нас не подбирал по психологической совместимости...

...Каждый день, невзирая на погоду, даже когда рекорд холода был установлен, бывали на свежем воздухе, заготавливали снег для получения воды, метеоролог проверял приборы на метеоплощадке, аэрологи выпускали радиозонд...

...По вечерам у нас кино, шахматы, домино. Библиотека есть небольшая. По праздникам — самодеятельные концерты. Очень весело проходили. Особенно танцы после них. Но и грустно, конечно, было. Одни мужики топчутся. Разлука особенно чувствовалась. И самая большая радость — радиограмма из дома. Если она хорошая...

Ну и, конечно, будут ли наши женщины зимовать в Антарктике — эта тема нередко обсуждалась долгими вечерами.

...Чем женщина-специалист хуже нас с тобой? И работать будет нормально, и нас, мужиков, подтягивать, чтобы не распускались. Вот американцы не боятся за своих, пускают в Антарктиду...

...Дикарь, он и в Антарктиде дикарь. Его воспитывать надо. С женщинами нельзя без деликатности. Но ты-то сумеешь вести себя пристойно.

...Мне бы только, чтобы сидела где-нибудь в уголке, чтобы посмотреть на нее одним глазом...»

Один из праздников у полярников в июне — середина зимы. После этого время на зимовке как бы с горки катится, навстречу лету и возвращению домой. Радист Валерий Бушелев получил в день такого праздника из дома с далекой Камчатки телеграмму: «Родилась дочь!»

«Бушелев — молодец!» Такой плакат красовался в этот вечер в кают-компании. Праздник получился на славу. И еще один знаменательный день отмечают полярники Востока — в августе, когда появляется на горизонте первый луч солнца.

А вот любопытный документ из архива станции. Объяснительная записка на имя начальника станции от инженера-механика (имени,

Заготовка воды на станции Восток

Три богатыря со станции Восток

фамилии его не будем тут называть). Написана она сразу после празднования дня солнца 22 августа.

«15 августа у повара осталось ведро скисшего компота на сухофруктах и изюме (остатки от нескольких дней). Он хотел выбросить. Я взялся вынести ведро и унес его на ДЭС. У меня как раз была чистая фляга — я ее приготовил под антифриз. Так вот этот компот я слил в эту флягу и поставил в теплое место у двигателей. О последствиях как-то и в голову не приходило. Не такой уж серьезный напиток вышел, чуть-чуть покрепче пива. Немножечко веселит.

Вот и вся история. Очень сожалею, что так получилось, и обещаю Вам, Арнольд Богданович, что больше такого эксперимента не повторится. Просто я не считал этот вопрос серьезным, не смотрел на него с той стороны, с которой посмотрели на него Вы. Просто недопонимал важность, да, возможно, и сейчас недопонимаю, но твердо обещаю, что вопрос этот более не возникнет у нас с Вами.

С уважением (подпись).

P. S. А насчет пьянства и тем более алкоголизма не может быть и речи, Арнольд Богданович, уж Вам-то это лучше знать. Выпьешь у Вас, как же!»

Этот необычный документ показывает, с какой серьезностью относился начальник станции Восток даже к таким, по тем временам «безобидным» нарушениям. Не в этом ли кроется еще одна из причин успеха зимовок Будрецкого?..

Я рассматриваю фотографии, которые бережно, как память об экспедиции, хранит Арнольд Богданович.

...Камбуз. Снятие пробы. В раздаточном окне лицо повара Бориса Корнеева. Он — «при исполнении». Ряды кастрюль, стопки тарелок. Будрецкий с половником, как всегда ссутулившийся, сосредоточенный.

И если кто-то подумает, что это просто формальность, — ошибется. От качества еды на зимовках зависит не только здоровье, но и настроение, работа. Поэтому умение от повара тут особое требуется, ведь ассортимент продуктов обычно ограничен, а свежие овощи и фрукты вовсе отсутствуют. Старался повар Востока, ребята не жаловались. И вновь можно подумать: «Повезло Будрецкому с поваром».

...Заготовка воды. Ребята выпиливают из снега здоровенные кубы, тащат в снеготаялку. И Арнольд Богданович со снежным комом рядом с товарищами.

...Поход пришел! «Харьковчанка» с гордо реющим флагом на длинной мачте — «снежный крейсер», как ее называют, вздымая за собой белое облако, идет к станции. Головная машина санно-гусеничного поезда.

...Редкая для Востока фотография. Поморник — обитатель прибрежных скал на внутриконтинентальной станции. Можно сказать, «великий путешественник». По каким-то неведомым мотивам, очевидно увязавшись за походом, прилетел на Восток.

Истощенную, обессилевшую птицу отхаживала вся станция.

Через неделю отправили в Мирный на самолете. Климат Востока поморнику был явно противопоказан.

...А вот лица зимовщиков. Снимки, видно, сделаны на лютом морозе. Иней на подшлемниках и отворотах капюшонов. Наруже только глаза. Взгляд прямой, открытый.

И вот тут-то они мне все на богатырей показались похожими.

...И еще одна фотография. Панорама станции в конце зимовки, перед самым прибытием смены. Уже не отыскать на ней следов грозного пожара. Ряды домов, новая ДЭС, мачты новой буровой с флажком на макушке, сети антенн, маленький старый тягач на постаменте — как памятник первооткрывателям.

— Покидали Восток и с радостью, и с грустью, родным он стал за время зимовки, — говорит Арнольд Богданович. — Нет, мне трудно кого-либо из ребят выделить. Все, а было двадцать один человек, трудились на совесть. Истинными мужчинами себя показали, настоящими полярниками. Но не в нас дело. Спасибо тем, кто помогал, кто поддерживал морально на Большой земле. На Востоке нельзя без поддержки...

Вот и вся история этой зимовки. Не пришлось никому из полярников бросаться в огонь, совершать рискованные поступки. Просто все трудились на совесть. А приди какая беда, не сомневаюсь — ребята не подкачали бы. Но не было ЧП, нормально прошла зимовка. Что тут поделаешь — везет Будрецкому!

...Прошло немногим более года. По возвращении из экспедиции Будрецкий надолго попал в больницу, перенес операцию. Пошли разговоры: «Отзимовал свое Богданыч».

Но вот в списках новой антарктической экспедиции я с радостью прочел: «А. Б. Будрецкий — начальник станции Беллинсгаузен». И невольно улыбнулся. Опять ведь кто-нибудь подумает: «Везет Будрецкому!»

Никита Хотинский

КОВЫЛЬ-ТРАВА НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

ОЧЕРК

Да будет вечная память всем вам,
братья и друзья...
Простите меня и благословите в этом веке
и в будущем, ибо вы увенчаны
нетленными венцами.

Дмитрий Донской

Седые волны ковыль-травы мерно колыхались по склону балки Нижний Дубик, рассекающей знаменитое Куликово поле. Здесь, в верховьях Дона, «на усть Непрядве» объединенная русская рать 8 сентября 1380 года сокрушила несметную монголо-татарскую силу. Трудно было как-то осознать реальность этой величественной картины, так как в сознании укоренилось представление о том, что естественная растительность Поля давно нарушена многовековой деятельностью человека. И это действительно так, но здесь, на Дубике, куда нас привела сотрудница музея «Куликовская битва» Валентина Александровна Лобзина, каким-то чудом уцелело целое море метровых ковылей, тех самых, упоминаемых в летописях и сказаниях, ковылей, которые были свидетелями Великой битвы.

Будущее этого уникального участка степи — реликта эпохи сражения — находится под явной угрозой. Пашня влотную подступила к седому склону, и сопутствующие ей сорняки (особенно пырей ползучий) уже вторглись в степные сообщества, нарушив их первозданную структуру. Не меньшую опасность представляет выпас скота, который в короткий срок может полностью уничтожить все это

степное великолепие. Об этом свидетельствует судьба еще одного ковыльного участка Поля, в балке на Курцах. Он быстро «угасает» в результате интенсивного вытаптывания скотом. Отдельные ковыли можно встретить и в других местах.

Несмотря на грандиозные антропогенные изменения, Куликово поле сохраняет в своих ландшафтах следы далекого прошлого. Их охрана и восстановление — одна из главных задач природоведческих исследований района.

«...И была сеча великая и сражение великое, какое не бывало от начала русским князьям», — свидетельствует русский летописец — современник Куликовской битвы. Ему вторит немецкий историк конца XV века А. Кранц, назвавший это событие «величайшим сражением в памяти людей».

Более 150 лет после разгрома на реке Калке (1223 г.) и последовавшего затем страшного опустошительного нашествия хана Батыя (1237—1240 гг.) Русь ждала и копила силы, чтобы выйти на Куликово поле и вступить в решающую схватку с Ордой.

Историко-патриотическая тема Куликовской битвы, 600-летний юбилей которой недавно широко отмечался в нашей стране, вызывает неослабевающий, поистине всенародный интерес. Научная и художественная литература, посвященная этому важнейшему этапу нашей истории, исчисляется сотнями статей и книг. Писатели и поэты, художники и скульпторы стремятся донести до нас образы великого прошлого. Но основной вклад в изучение эпохи Куликовской битвы, безусловно, сделан историками, которые провели большую работу по исследованию летописей и других письменных документов прошлого.

Новая информация

Несмотря на успехи, достигнутые в изучении эпохи Куликовской битвы, многие связанные с ней кардинальные вопросы остаются невыясненными. Вызывает дискуссию определение места сражения, не найдены погребения павших воинов, так как в письменных источниках нет, как считают многие, прямых и ясных соответствующих указаний. Не вполне ясна ландшафтная обстановка на Куликовом поле во время сражения. Тема битвы до последнего времени являлась сферой исследований в основном историков, давших подробный анализ письменных источников со своих профессиональных позиций.

До сих пор не был проведен анализ этих материалов под географическим углом зрения. А ведь в них содержатся хотя и краткие, но довольно частые и исключительно ценные сведения о рельефе, растительности, климате, гидрологии Поля, имеющие существенное значение для решения неясных вопросов. Такое «географическое» исследование тем более необходимо, поскольку творческое воображение современных писателей, пытающихся развить природную

тему битвы, часто уводит их далеко в сторону от действительной ландшафтной ситуации прошлого.

Другим, еще более важным источником новой информации могут послужить результаты комплексных исследований, проведенных в последние годы на Куликовом поле объединенной группой палеогеографов, геоморфологов, почвоведов, археологов и других специалистов. Эти совместные работы знаменуют начало нового междисциплинарного изучения эпохи Куликовской битвы. Они направлены на выявление картины древней истории природы, заселения и хозяйственного освоения Поля в течение последних тысячелетий. В этом отношении Куликово поле оставалось до последнего времени по существу неизученным.

Главным результатом совместных работ явилось открытие в районе Куликова поля целого комплекса древнерусских городищ и селищ XIII—XIV веков. Их население, как установили палеогеографы, задолго до знаменитой битвы занималось земледелием и скотоводством. Археологические раскопки, находки пыльцы культурных злаков со всей очевидностью показали, что район «усть Непрядвы» в это время не был «диким», как традиционно считали историки, а интенсивно заселялся и обрабатывался русскими земледельцами.

Первостепенное значение, естественно, придавалось поискам в геологических слоях района археолого-палеогеографического среза, соответствующего времени Куликовской битвы. И этот срез был обнаружен в пойменных отложениях реки Непрядвы вблизи ее впадения в Дон. Открытие не было случайным: пойма Непрядвы и Дона сразу привлекла к себе особое внимание географов. Дело в том, что поймы рек постоянно нарастают за счет ежегодного отложения приносимых паводковыми водами осадков. Эти ежегодные осадки образуют своеобразную пойменную летопись, где зафиксирована важная палеогеографическая, а иногда и археологическая информация.

Даже первое обследование берега Непрядвы принесло интересные археологические находки: в отвалах и осыпях пятиметровой отвесной стенки поймы были найдены неолитическая керамика и, что самое важное, фрагменты древнерусских сосудов, близких к эпохе Куликовской битвы. Более обстоятельное изучение поймы Непрядвы позволило в дальнейшем выявить здесь культурные слои эпох неолита, ранней бронзы и древнерусских селищ XIII—XIV веков. Здесь также были обнаружены пыльца и споры древней растительности, что дало возможность выявить характер изменения ландшафтов района устья Непрядвы за последние 6000 лет. Изучение пойменных осадков позволило также получить важные сведения об изменении водного режима Непрядвы и верховьев Дона в прошлом. Работа на пойме дополнялась исследованием рельефа и почв всего правобережья Дона в районе устья Непрядвы. Все эти данные имеют существенное значение для уточнения места Куликовской битвы.

Все древние письменные источники единогласно указывают место сражения: «...за Доном на усть Непрядве», не определяя прямо,

Художник И. Гансовская

на каком берегу Непрядвы оно произошло. Важные уточнения были сделаны в начале XIX века С. Д. Нечаевым — человеком прогрессивных взглядов, связанным с декабристами. Он был большим энтузиастом изучения Куликова поля, на землях которого располагалось его имение. В статье, опубликованной в «Вестнике Европы» за 1821 год, он писал: «Куликово поле... по преданиям историческим, заключалось между Непрядвой, Доном и Мечею. Северная его часть, прилегающая к слиянию двух первых, и поныне сохраняет между жителями древнее наименование». Именно здесь, на правом берегу Непрядвы, свидетельствует С. Д. Нечаев, «выпахивают наиболее древних оружий, бердышей, мечей, копий, стрел, также медных и серебряных крестов и окладней» — ясных свидетельств битвы в этом районе.

Эта схема локализации битвы на правом берегу Непрядвы была принята большинством исследователей и продолжала господствовать до настоящего времени. Однако недавно некоторые ученые, указывая на отдельные противоречивые места в летописях и сказаниях, высказали предположение, что битва происходила на левом берегу Непрядвы (статьи К. П. Флоренского и В. А. Кучкина в журнале «Природа», 1984, № 8). Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что полученные нами результаты междисциплинарного изучения Куликова поля свидетельствуют в пользу «правобережной» концепции С. Д. Нечаева. Она в дальнейшем будет подтверждена по мере изложения фактического материала. Но вопрос о происхождении названия Куликово поле потребует дополнительного разъяснения.

Вместе с тем в указанных публикациях совершенно верно обращено внимание на необходимость изучения почв, растительности, гидрологии не только правобережного, но и левобережного района Непрядвы.

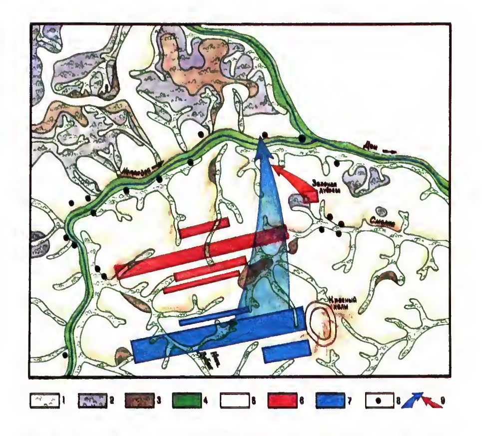
Летопись Непрядвы

Летописи свидетельствуют, что битва происходила в лесостепном районе, где степь преобладала. «Сказание о Мамаевом побоище» сообщает: «Было то поле чистое и велико очень». Постоянно говорится о «зеленой ковыль-траве на поле Куликовом». На степном фоне существовала и лесная растительность. Засадный полк, решивший исход сражения, скрывался в Зеленой дубраве. Князь Дмитрий Иванович был найден после битвы раненым в дубраве под березой. По данным писцовых книг XVI—XVII веков, дубравы тянулись по берегам Непрядвы на многие километры.

И в настоящее время Куликово поле расположено в лесостепи, всего в 30—40 км от южной окраины лесной зоны. Район относится к северной окраине Среднерусской возвышенности, в основе которой залегают известняки девона и карбона, перекрытые маломощным плащом современных рыхлых отложений. Поле, по данным геоморфологов М. П. Гласко и Л. Н. Былинской, — это холмисто-увалистая равнина со сглаженными и мягкими очертаниями. Ее поверхность изрезана сетью балок глубиной до 30 м. Для правого берега Непрядвы характерны более сглаженные очертания рельефа: здесь преобладают широкие балки с пологими склонами и с маломощным плащом современных осадков на их днище. На левобережье рельеф более сильно расчленен крутосклонными балками, которые глубоко врезаны до коренных пород и заполнены значительной толщей рыхлых осадков. Возможно, что эти различия связаны с неодинаковой интенсивностью освоения этих территорий в прошлом.

Изучение балок в районе устья Непрядвы показало, что за последние 600 лет форма их не изменилась и здесь не было активно действующих водотоков. Рельеф местности в эпоху битвы был примерно таким же, как и теперь. Представление некоторых современных писателей о том, что Поле во время сражения было «пересечено глубокими реками и изрезано болотами», не подтвердилось. Не обнаружены и следы сильной заболоченности района, в частности топяного болота в балке Смолки, где якобы мог утонуть всадник с лошадью.

Почвенный покров района также неоднороден. На правобережье Непрядвы распространены в основном черноземы, формировавшиеся под степной растительностью. Вместе с тем по склонам балок здесь повсеместно встречаются серые лесные почвы, которые образовывались под дубравами. Значительный участок серых лесных почв обнаружен А. Л. Александровским в районе урочища Зеленая дубрава, что подтверждает письменные свидетельства о существовании здесь в прошлом лесного массива. Иная картина наблюдается на

Позиции русских войск показаны по традиционной схеме: впереди находился Сторожевой полк, за которым следовал Передовой полк, а далее — основной фронт войска, состоявший из центрального Большого полка и полков Правой и Левой руки. Кроме того, за Большим полком располагался, вероятно, общий резерв, а несколько позади левого фланга — Засадный полк в Зеленой дубраве. Для левобережья Дона реконструкций не проводилось. Карта составлена А. Л. Александровским с дополнениями Н. А. Хотинского и М. И. Гоняного.

1 — Балочные широколиственные леса и перелески на серых лесных почвах, *2* — водораздельные широколиственные леса на темно-серых почвах, *3* — водораздельные широколиственные леса на черноземах оподзоленных. *4* — Пойменная растительность на луговых почвах. *5* — Степи на водораздельных черноземах. Расположение войск: *6* — русских, *7*— ордынских. *8* — Древнерусские селищи и городищи. *9* — Прорыв ордынских войск на левом фланге русского фронта и контрудар Засадного полка из Зеленой дубравы.

левом берегу Непрядвы, где основной фон образуют лесные почвы, свидетельствующие о большой залесенности этой территории в прошлом. Степные участки выявляются здесь небольшими пятнами. Но и они расчленены многочисленными глубокими балками. Здесь по существу не было значительных открытых пространств, где могло бы произойти столь значительное по масштабам сражение, каким была Куликовская битва.

В настоящее время Куликово поле почти полностью распахано, небольшие фрагменты былых степей сохранились кое-где лишь по склонам балок и долин. Большинство древних дубрав района было вырублено еще в XVIII—XIX веках, современные же леса являются вторичными или посадками последнего столетия. Особенно крупные лесные массивы порослевого происхождения сохранились на левобережье Непрядвы.

Важное значение для восстановления былых ландшафтов района имеют обнаруженные в пойме Непрядвы находки древней пыльцы растений. Они позволяют нарисовать следующую картину изменения растительного покрова Куликова поля за последние 6000 лет.

В эпоху неолита, около 4500—6000 лет назад, здесь господствовали в основном сухие степи с преобладанием полыней. В это время на Поле уже существовала летописная ковыль-трава. Леса были представлены небольшими березовыми перелесками, которые тяготели к балкам и другим увлажненным понижениям рельефа. Дубрав в то время на Куликовом поле еще не было. Пойма Непрядвы в неолите заросла лесами из ольхи клейкой.

В эпоху бронзы, около 3—4 тысяч лет назад, здесь впервые появляются широколиственные леса: в основном липовые рощи с дубом. Но степи еще продолжали господствовать на Поле, хотя облик их несколько изменился. Под влиянием увеличения влажности климата они превратились в луговые степи менее засушливого облика, чем ранее. Количество полыней сократилось, а роль ковылей и разнотравья увеличилась. Появляются сорные растения, указывающие на развитие скотоводства. Увеличивается количество щавеля, васильков и других растений, не поедаемых скотом и поэтому широко распространяемых в условиях развития животноводства.

Долговременных поселений эпох бронзы и раннего железного века в районе Куликова поля не обнаружено. Но находки топоров, керамики этих эпох, несомненно, говорят о том, что оно не было безлюдным. Население этого времени покидает пойму и переходит на повышенные водораздельные территории, занимаясь здесь кочевым скотоводством. Уровень паводковых вод в Непрядве резко понизился, что, вероятно, вызвало кризис рыболовческого неолитического хозяйства и дало толчок к поискам новых форм хозяйствования.

Особенно сильно пересохли реки в районе Куликова поля 1000—2500 лет назад, когда накопления пойменных осадков Непрядвы по существу прекратилось. В этом интервале как бы зияет хронологический перерыв, который пока нельзя заполнить ни археологическими, ни палеоботаническими данными. Пыльцевая летопись прерывается и восстанавливается только около 1000 лет назад.

Древнерусское население появляется на усть Непрядве примерно в XII веке. До их прихода здесь обитали угро-финские племена, которые не знали земледелия и занимались охотой, рыболовством и собирательством. В последние годы археологом М. И. Гоняным в районе Куликова поля обнаружено 40 древнерусских памятников:

крепостей-городищ, селищ, могильников; некоторые из них относятся еще к домонгольскому нашествию. Все поселения располагались в долинах Непрядвы и Дона, которые с этого времени до Куликовской битвы активно осваивались русским населением.

Остатки одного из таких поселений были обнаружены на левом берегу Непрядвы напротив древнего села Монастырщина. Здесь в пойменных отложениях на глубине полутора метров Б. А. Фоломеевым был выявлен культурный слой древнерусского селища XIII—XIV веков. При раскопке были найдены остатки наземного жилища с глинобитным очагом, хозяйственными ямами, скоплениями белоглиняной керамики. Исключительный интерес вызвали находки железных наконечников стрел-срезней. До монгольского нашествия стрелы такого типа не были известны на Руси. Символично, что рядом с боевыми стрелами кочевников лежало мирное орудие русского землепашца — коса-горбуша, применявшаяся на Руси для сенокоса и сбора зерновых. Возможно, что это селище существовало вплоть до Куликовской битвы.

Растительный покров Куликова поля был примерно таким же, как и в эпоху бронзы. Однако все более ясным становятся следы его антропогенного изменения. Резко возрастает количество растений, связанных с выпасом скота. Но наибольшее значение имеют находки пыльцы культурных злаков, которые начинают встречаться несколько ниже культурного слоя древнерусского селища XIII—XIV веков, т. е. раньше времени Куликовской битвы.

Здесь была найдена пыльца ржи, пшеницы и ячменя, а также сорной растительности, сопутствующей пашенному земледелию. Наиболее часто встречалась пыльца василька синего — типичного сорняка озимой ржи. Вся эта «пашенная» пыльца появляется как бы внезапно и в довольно большом количестве. Это указывает, что земледелие здесь развивалось не на местной основе, а было принесено русским населением, уже хорошо владевшим навыками сельскохозяйственной обработки земли. Пашня этого времени располагалась, вероятно, на пойме Непрядвы, где находились плодородные и легкие в обработке почвы.

Таким образом, археологические и палеоботанические исследования согласованно свидетельствуют о том, что район Непрядвы, заселенный русскими земледельцами в XIII—XIV веках, никак нельзя относить к «дикому полю», как это предполагалось до сих пор. Это открытие позволит в дальнейшем по-новому оценить некоторые события эпохи Куликовской битвы.

Но и теперь можно думать, что название Куликова поля произошло от слова «кулига», которое, по мнению выдающегося знатока русского слова Владимира Даля, означает вид кулика (птицы) и одновременно ровное, безлесное место, богатое травой, ягодами, **урожаем хлеба**. Ясно, что у В. Даля речь идет о пойменной кулиге: «Река дала кулигу, колен, образовав по одну сторону сухую кулигу, мыс, по другую — морскую заводь, пойменный лужок». При этом под «коленом» надо понимать речную меандру, а под «мор-

ской заводью» — старичный водоем. Оба этих элемента ландшафта были типичными для древней истории Непрядвы.

Таким образом, название Поля имеет не «птичью», а сельскохозяйственную основу, связанную с деятельностью древнерусских земледельцев. Первоначально оно относилось к пашне и косимым лугам на пойме Непрядвы, а в дальнейшем было перенесено на безлесные пространства правобережья этой реки, где и произошли основные драматические события битвы. Поля в прошлом, как и теперь, часто не имели собственного названия. Ведь даже Бородинская битва произошла на безымянном поле. Его можно назвать Бородинским, Семеновским или иначе, по названиям близрасположенных деревень.

К Дону Великому

Уже в начале лета 1380 года до Руси стали доходить слухи о предстоящем нашествии Мамая, который к этому времени захватил власть в Золотой Орде и кочевал где-то в низовьях Волги. Русский летописец сообщает, что он вознесся «гордостью свыше Батыя» и намеревался полностью поработить Русь: «Какие города нам лучше понравятся — тут и осядем, и Русью завладеем». Особую ярость Мамая вызывала первая победа русских войск в 1378 году на реке Воже, где был убит его приближенный Бегич.

Перейдя великую реку Волгу, огромные орды Мамая вторглись в восточноевропейские степи и стали кочевать в районе устья реки Воронежа — притока Дона. Он решил не торопиться и ждать здесь своих союзников — литовского князя Ягайло и князя Олега Рязанского. Но главная причина задержки была иной: Мамай ждал, когда русские земледельцы соберут урожай. Его приказ гласил: «Пусть не пашут ни один из вас хлеба, будьте готовы на русские хлеба». Это интересное свидетельство ясно говорит о том, что, несмотря на преобладание у монголо-татар скотоводства, они занимались выращиванием зерновых. Совсем недавно при раскопках золотоордынских городищ Актобе и Сарайчик в слое XIV века палеоботаники обнаружили пыльцу пшеницы, овса, ячменя и проса, что подтверждает представление о выращивании хлеба в местах постоянных поселений кочевников.

Самоуверенность Мамая дала Москве передышку и время для мобилизации общерусского войска. В июне были разосланы гонцы по всем княжествам Северо-Восточной Руси — «собирать всех людей в войско». И заклубились пылью дороги вокруг Москвы под мерной поступью полков, стекавшихся сюда со всех концов земли Русской. 27 августа великий князь Дмитрий Иванович двинул свои войска из Москвы в Коломну по трем дорогам, «ибо нельзя было вместиться на одной». На следующий день в Коломне состоялся общевойсковой смотр и каждому полку был назначен воевода.

Переправившись через главный южный оборонительный рубеж — реку Оку, русские вышли к верховьям Дона в районе устья

Непрядвы. Здесь Дмитрий Иванович должен был принять важное стратегическое решение: переходить ли Дон навстречу Мамаю или оставаться на его левом берегу, заняв выжидательную позицию. Драматизм возникшей ситуации состоял в следующем. Перейдя Дон и оставив его за своей спиной, русские войска отрезали себе путь к отступлению и в случае поражения обрекали себя на гибель. С другой стороны, они прикрывали свой тыл, загораживаясь Доном от Олега Рязанского, удар которого в спину нельзя было полностью исключить.

Решив перейти Дон, Дмитрий Иванович опирался в первую очередь на охватившую все войско непреклонную решимость сокрушить врага или умереть: «Или землю Русскую от пленения и разорения избавлю, или голову мою за всех положу, честная бо смерть есть лучше злого живота». Этот энтузиазм подкреплялся уверенностью в военной мощи собранных общерусских сил. Немаловажную роль сыграла постоянная русская разведка, благодаря которой русские хорошо знали местность и намерения противника. Часть сведений они могли получать от своих земляков, живших в ту пору в долинах Непрядвы и Дона. Пренебрегая разведкой, Мамай допустил серьезный просчет. Он был застигнут врасплох, так как благодаря быстрым действиям противника не получил времени для оценки «географии» места сражения.

Приказав переправляться через Дон, Дмитрий Иванович велел «мостить мосты и искать броды». Это распоряжение было вызвано необходимостью переправы огромного воинского обоза, а не самих воинов. Наши исследования показали, что уровень вод в Непрядве и Доне был в эпоху битвы низкий, меженный, как обычно бывает осенью на русских реках. Представление о том, что эти реки в ту пору были судоходными, не соответствует действительности. В 1389 году, через 9 лет после Куликовской битвы, состоялось путешествие митрополита Пимена в Царьград. Маршрут проходил по Оке и ее притокам к верховьям Дона. На Дону, в районе устья Непрядвы, путешественники оказались в мае. Но в этот период обычно высокого стояния вод в реке Дон был настолько мелким, что даже плоскодонные струги шли по нему незагруженными, а груз следовал сухим путем.

Переправа через Дон происходила 6 и 7 сентября. В это время Дмитрий Иванович с князьями и воеводами обозревал все русские полки с «высокого места» — скорее всего с высокого правого берега Дона. И увидели они, как «стяги их золоченые шумят, расстилаясь, как облаки, тихо трепеща, словно хотят промолвить, богатыри же русские и их хоругви точно живые колышутся, доспехи же русских сынов будто вода, что при ветре струится, шлемы золочены на головах их, словно заря утренняя в ясную погоду, светятся, яловцы (флашки. — *Н. Х.*) же шлемов их, как пламя огненное, колышутся».

Сколько же воинов собралось под русскими знаменами? Древние письменные источники донесли до нас на этот счет противоречивые

сведения: от явно фантастической цифры в 400 тысяч до 150 тысяч бойцов. Более реальное количество войска указал, вероятно, А. Н. Татищев, оценив его примерно в 60 тысяч человек. Ордынские силы определяются современными историками в 80—90 тысяч воинов.

Сцена гадания

Темный покров ночи опустился на Куликово поле. Наступила тревожная и для многих воинов последняя ночь их жизни. Летописец свидетельствует: «Осень была тогда долгая, и дни солнечные и светом сияющие, и теплота великая, была же в ту ночь теплота и тихость великая». Более точного и яркого описания типичного для Русской равнины «бабьего лета» трудно придумать. Именно осенью здесь наступают погожие, тихие и солнечные дни, связанные с проникновением сюда восточной периферии Азорского антициклона.

Глубокой ночью на Поле перед битвой происходило загадочное событие, известное под названием Сцены гадания, выявляющее некоторые важные для нас географические ориентиры. В этой сцене два главных участника грядущего сражения: великий князь Дмитрий Иванович и Дмитрий Михайлович Боброк — «воевода нарочит и полководец изящен и уздал зело». Выдержка и мудрость этого воеводы сыграют решающую роль на завершающем, самом трагическом этапе битвы.

Дмитрий Боброк предложил великому князю выехать в Поле, где по известным ему военным приметам он попытается предсказать исход сражения. Выехав в центр места будущей битвы, они огляделись вокруг. Одна из древних — Киприановская редакция «Сказания о Мамаевом побоище» — сообщает, что оба Дмитрия обратились в первую очередь в сторону ордынского стана. В той стороне услышали они «крики и стук великий, как будто на торг съезжаются, будто город строят», а еще дальше, в той же стороне, «зловеще выли волки».

Справа от них «был переполох великий среди птиц: кричали и хлопали крыльями и каркали вороны, и орлы клекотали на реке Непрядве». Потом обернулись они назад «на полк русский», и была там «тихость» великая, и от множества огней как бы занималась заря. Это было истолковано Дмитрием Боброком как одно из добрых предзнаменований. Из данного текста ясно, что Непрядва располагалась справа от участников Сцены гадания, когда они смотрели в сторону Орды. А это могло быть лишь в том случае, если они находились на правобережье этой реки. Если бы поле будущей битвы находилось на левобережье Непрядвы, река обязательно должна была оказаться по левую сторону от наблюдателей.

Казалось бы, все ясно: поле битвы располагалось на правобережье Непрядвы. Но сторонники «левобережной» концепции ссылаются на другие списки «Сказания о Мамаевом побоище», которые, по их мнению, приводят к противоположному выводу.

В основной редакции «Сказания» ориентировка в Сцене гадания дана следующим образом. Впереди наблюдателей располагался татарский полк, за которым выли волки; по правую сторону — карканье ворон и «трепет птичий великий»; по левую — «гроза велика зело», и далее «по реке же Непрядве гуси и лебеди крылми плещуще, необычную грозу подающие». Из этого контекста делается вывод, что Непрядва находилась слева от наблюдателей. В этом случае битва должна была происходить на ее левом берегу. Однако сочетание «по реке же» указывает не на левую, а на четвертую, не учтенную ранее сторону ориентировки. Такой стороной может быть только местность, находящаяся позади участников Сцены гадания. В этом случае они опять оказывались на правобережье Непрядвы.

Решающее значение при решении этого спора имеет еще одно место в тексте Киприановской редакции «Сказания», на которое почему-то не обращалось внимания: «Бе же то поле велико и чисто и **отлог** велик (выделено мной. — *Н. Х.*) имеа на усть реки Непрядвы». Такой великий отлог действительно имеется на правобережье, крутым спуском обрывающемся к Непрядве. У левобережья такого великого отлога к устью этой реки нет. Таким образом, даже письменные источники довольно определенно указывают, что битва происходила на водораздельных пространствах правого берега Непрядвы.

Такой вывод полностью подтверждается почвенно-растительной картой А. Л. Александровского, которая демонстрирует очень высокую залесенность левобережья Непрядвы в эпоху Куликовской битвы. В этом лесном районе, пересеченном к тому же густой сетью глубоких, крутостенных балок, никак не могла произойти грандиозная Куликовская битва.

Злая сеча

Едва забрезжив, рассвет возвестил о начале нового дня — 8 сентября 1380 года. Чутко дремавшие воины, скорее, почувствовали, чем увидели, что небо начало светлеть. Плотная мгла тумана окутывала Поле. Воины с трудом различали друг друга. Летописные источники дают редкую возможность проследить за волнующими событиями приближавшегося сражения с точностью до часа. Счет времени дня на Древней Руси начинался с момента восхода солнца, который в тот день произошел около 5 часов 30 минут.

К началу второго послерассветного часа (в 6 часов 30 минут) зазвучали сигнальные трубы. Сквозь разрывы метавшихся по Полю клочьев тумана воины наконец увидели свои полковые знамена. Загудела земля от топота тысяч бежавших к знаменам бойцов. Склонилась ковыль-трава, осыпаясь утренней росой.

Дмитрий Иванович с воеводами в последний раз объехал войска, крепя их дух и веру в победу. Вернувшись под черный великокняжеский стяг с изображением «Спаса нерукотворного», он передал свою одежду Михаилу Андреевичу Бренку, который с тех пор становится

как бы его двойником. Сам же великий князь решает сражаться как простой воин в передовых частях. Примерно в это время он отправляет своего двоюродного брата князя Владимира Андреевича и Дмитрия Боброка вверх по Дону, в засаду, которая затаилась в Зеленой дубраве.

Построение русского войска на Поле, согласно письменным источникам и традициям того времени, можно представить следующим образом. В передней линии находились Сторожевой и следовавший за ним Передовой полки. Во второй, главной линии, располагались Большой полк и полки Правой и Левой руки. За Большим полком находился общий резерв, а за левым флангом — Засадный полк.

Классическая схема подразделения основной массы войска на тело и два крыла в условиях сложного рельефа и сильной залесенности Поля претерпела, вероятно, некоторые изменения, которые нам еще не вполне ясны. Во всяком случае русские войска, находившиеся севернее балок Нижний Дубик и Смолка, должны были полностью перекрыть участок открытого поля шириной около 6 км. Составленная А. Л. Александровским почвенно-растительная карта показывает, что ширина наиболее удобного для битвы места не превышала 4 км.

К третьему часу после восхода солнца (7 часов 30 минут) туман начал редеть. Раздались команды, и русское войско «неспешно» двинулось вперед, навстречу врагу...

Результаты палеогеографических исследований позволяют восстановить ландшафтную панораму района поля битвы. Это был типичный ландшафт лесостепной зоны Русской равнины. Сглаженный холмисто-увалистый рельеф правобережья Непрядвы, расчлененный довольно густой сетью балок, был примерно таким же, как и в настоящее время. Ранняя осень: еще по-летнему зелены перелески дубрав, опоясывающих, пересекающих и как бы сжимающих Поле. Здесь растут вековые дубы, вязы и липы. Кое-где видна уже желтеющая береза. Только начинают краснеть листья рябины с гроздьями спеющих ягод. По окраинам, опушкам дубрав — липовая поросль, орешник и кустарники. Побуревшая, выгоревшая за лето степь оживлялась только волнующимися по ветру ковылями. Пашня на пойме Непрядвы безлюдна: урожай хлеба уже собран и обмолочен. На стерне — стаи перелетных птиц...

Сквозь редеющую пелену тумана выглянуло солнце, осветившее ряды русских полков. Свидетельство летописца: «И было то воинство светлым»; ярко блестели доспехи богатырей, белели светлые одежды, которые по традиции на Руси надевали люди в торжественные, а иногда и в трагические моменты своей жизни. Навстречу им, с южной стороны Поля, медленно вползала темная туча ордынского войска.

Что это — символическое сопоставление в цвете добра и зла, плод воображения поздних интерпретаторов картины сражения? Современные специалисты по древнему вооружению считают, что этот

образ мог иметь вполне реальные основания. Татары, испытывая недостаток в металле, часто использовали пропитанные в смоле темные кожаные доспехи. Только самые богатые ордынцы имели кольчуги, остальные отправлялись на войну без особой защиты тела, свидетельствует Гильон Биплан, лично видевший вооруженные орды. Обычное вооружение ордынца: сабля, кинжал, лук с колчаном и 20 стрелами, которыми они стреляли «без промаха» на 80—100 м.

Главная сила Орды заключалась в страшной мощи их первого ошеломляющего удара, наносимого массированной атакой конницы. В этот момент они буквально осыпали противника тучами стрел, нанося ему большой урон. Для наступательных действий Орды были типичны мощные фланговые охваты, прорывы в тыл противника. Но все эти испытанные приемы оказались малоэффективными на Куликовом поле. Здесь негде было развернуться коннице, так как фланги русских были надежно прикрыты долинами и залесенными балками. Русские полки образовали глубоко эшелонированную позицию и навязали Орде прямой бой, в котором получили преимущество.

Менее ясна картина расположения ордынских полков к началу битвы. Летописец замечает: «Погани же бредут обапол», что обычно переводится: «Поганые же идут с двух сторон поля». Однако В. Даль придает слову «обапол» несколько иные оттенки: близко, рядом, кругом, а также — попусту, напрасно, без пользы. Именно в этих значениях и надо понимать данное слово, так как ландшафтная обстановка заставляла ордынцев двигаться не по краям Поля, а скорее, через его неширокий безлесный центр. Это, вероятно, вызвало в их рядах замешательство и необходимость перегруппировки сил, что несколько задержало начало битвы.

В шестом часу от восхода солнца (11 часов 30 минут) «внезапно татарское войско быстро спустилось с возвышенности, но дальше не пошло, ибо не было места, где бы расступиться». Навстречу им с другой вершины сходил великий князь со своим войском. Склоны, по которым спускались оба войска, скорее всего, относятся к отрогам балок Нижний Дубик и Смолка.

В центре ордынского войска, ощетинившись копьями, шла закованная в латы генуэзская пехота, нанятая Мамаем, который чувствовал свою уязвимость в пешем бою. Осыпав русские полки тысячами стрел, ордынцы нанесли первый, страшный по силе удар. Он был отчасти смягчен стойкостью Сторожевого и Передового полков, которые все же были смяты и уничтожены. Под великим князем убили одного коня, затем другого. Изнемогая под ударами, он отступил к Большому полку. Напряжение битвы нарастало. Мамай пытался прорвать центр русского войска.

Открытое пространство Поля не могло вместить всех сошедшихся сюда воинов. Задние ряды напирали на передние. «И не только от оружия гибли люди, но и от великой тесноты задыхались и топтались конями. И не могли кони ступать, ибо везде были мертвые». Уже многие князья и воеводы погибли, и «удалые люди, как

деревья дубравные, клонятся к земле под копыта конские». Отдельные ударные группы ордынцев прорвались сквозь Большой полк, дважды подсекли великокняжеский черный стяг и убили стоящего под ним Михаила Бренка.

Нет ли противоречия в письменных источниках, где, с одной стороны, говорится, что поле битвы было «чистое и велико очень», а с другой — о великой тесноте во время сражения? Думается, что ошибки здесь нет. Открытые участки Поля шириной несколько километров, безусловно, можно оценить как «великие». Вместе с тем на отдельных участках Поля, в местах главных ударов, были сосредоточены огромные массы людей, что вызывало тесноту и давку.

В восьмом часу (13 часов 30 минут), изнемогая под натиском Орды, все еще держится на своих позициях Большой полк. Завязнув в центре, Мамай переносит главный удар на левое крыло русского фронта, где стояли храбрые белозерские дружины. С самого севера земли Русской пришли они на Куликово поле и все полегли здесь, не отступив ни шагу. Ордынцам все же удалось прорвать здесь фронт, и в образовавшуюся брешь Мамай бросил свои последние резервы.

К девятому часу (14 часов 30 минут) единого фронта на левом фланге русских уже не существовало. «И было видно, как в одном месте русский за татарином гонится, а в другом — татарин русского настигает. Смешалось все и перепуталось...» — свидетельствует автор «Сказания о Мамаевом побоище». Чаша весов все больше склонялась в пользу Орды. Мамай уже торжествовал победу и ждал о ней скорого известия. Но весть пришла иная: о неизвестно откуда появившихся свежих силах русских, решивших исход сражения в их пользу.

Звездный час Руси

Солнце понемногу клонилось к закату. Шел уже четвертый час непрерывной битвы. За трагическими событиями на левом фланге русских с волнением следили тысячи глаз бойцов Засадного полка, затаившегося в Зеленой дубраве. Здесь в течение всей битвы скрывался отборный полк численностью около 7 тысяч всадников. Контуры этой дубравы, остатки которой были вырублены в XIX веке, восстановлены теперь почвоведами. В северной части балки Смолки они обнаружили «пятно» серых лесных почв (площадью около 30 га), которое, вероятно, соответствует этой дубраве.

Сдерживая нетерпеливого князя Владимира Андреевича, Дмитрий Боброк ждал наиболее благоприятного момента для решающего удара. И этот миг наступил, когда увлеченные преследованием ордынцы обнажили свои тылы. Сигнал к атаке был дан природой, сообщает «Сказание о Мамаевом побоище», где вообще она часто одухотворена и постоянно сочувствует русским войскам. «Ветер южный потянул из-за спины нам... и солнце стало сзади», — свидетельствует очевидец, участник засады. До этого времени отмечалось, что русским трудно было сражаться потому, что солнце и ветер им в лицо. Солнце действительно в разгар сражения должно

было быть «в лицо» русским воинам, обращенным к югу. Затем Засадный полк по мере прорыва татар на север поворачивался в том же направлении. При этом солнце, естественно, оказалось позади наблюдателей. Примерно так же обстояло дело и с ветром, который в течение всего сражения дул в северном направлении. Изменилось лишь направление взгляда воинов в засаде, смотревших вначале на юг (встречный ветер), а затем на север (попутный ветер).

Еще одна интересная деталь. Письменные источники указывают, что князь Владимир Андреевич и Дмитрий Боброк ударили по ордынцам «с правой руки». Это оценивается некоторыми историками как указание на расположение Засадного полка не на левом, а на правом фланге русского войска. А при такой ситуации битва должна была происходить на левом берегу Непрядвы. Слабость такой позиции становится очевидной, если мы отнесем удар «с правой руки» не по отношению ко всему русскому фронту, а только к Засадному полку. Этот полк имел собственный фронт, ориентированный на запад, а его удар был нанесен направо, в северном направлении.

Вырвавшись из Зеленой дубравы, русские воины «словно соколы испытанные сорвались с золотых колодок... на ту великую татарскую силу... и были они как лютые волки на овечье стадо нападать и стали поганых татар сечь немилосердно». Неожиданный удар свежих сил ошеломил уже торжествовавших ордынцев. Паника охватила сначала их правый фланг, а затем перекинулась на все войско. И побежали татары дорогами «неуготованными», и многие были побиты, так как не было у них сил сопротивляться, ибо «кони их на побоище истомились».

Восемь дней «на костях»

Солнце все ниже опускалось к горизонту. Клубившаяся над Полем пыль медленно оседала, покрывая своим саваном мертвых и живых. Со всех сторон неслись стоны и крики. Князь Владимир Андреевич, вновь укрепив великокняжеский стяг, стал созывать оставшихся в живых воинов. Начались поиски Дмитрия Ивановича, которого вскоре нашли в дубраве под свежесрубленной березой «едва дышащим», «аки мертв». Доспехи великого князя были все иссечены, но сам он был цел и невредим. У него еще нашлись силы в вечерних сумерках объехать с князьями и воеводами Поле. И увидели они горы трупов, «как копны лежащие», и было то зрелище «страшное и ужасное очень». Наступившая ночь прервала печальный подсчет итогов битвы.

Наутро Дмитрий Иванович, «отдохнув от труда своего и от поту своего», восславил победу и возвеличил подвиг русского воинства. По современным подсчетам, во время Куликовской битвы погибло около 20 тысяч русских бойцов. Раненые в тот же день — 9 сентября — были отправлены домой. Началось погребение павших воинов, могилы которых до сих пор не найдены.

Эта тайна Куликова поля еще не разгадана. Правда, планомерные поиски захоронений воинов начаты лишь в последние годы. Эти поиски могут осложниться следующими обстоятельствами. Надо учитывать, что значительная часть оставшихся в живых русских воинов была ранена и пришлось в первую очередь заботиться об их спасении. В такой драматической обстановке трудно было осуществить захоронение в одной грандиозной могиле (которую и пытались найти на Поле) многих тысяч павших бойцов. Ведь для их перевозки со значительной территории Поля потребовались бы колоссальные физические усилия и несчетное количество обозных телег, большинство которых должно было сразу после битвы отправиться домой с ранеными.

Кроме того, письменные источники ясно сообщают, что процесс захоронения не был централизован: схоронили «сколько смогли и успели — о прочих же бог весть». Учитывая сложившуюся ситуацию, Дмитрий Иванович призывал лишь каждого схоронить своих погибших ближних. И дальше прямо говорится, что многие павшие воины остались непогребенными и этим был взят «грех на душу», который искупается лишь победой над Ордой.

И наконец, надо считаться с возможностью того, что и во многих небольших, рассеянных по Полю могилах останков воинов могло не сохраниться, если могилы не были достаточно глубокими. Грунт во многих местах Куликова поля довольно плотный, и у ослабевших воинов просто не было сил копать его на необходимую глубину. Вероятно, что во многих случаях груды тел погибших символически предавались земле, покрываясь небольшим ее слоем. В этих случаях останки должны были истлеть и не сохраниться до наших дней. Дальнейшие поиски позволят подтвердить или опровергнуть эти догадки.

Восемь дней стоял Дмитрий Иванович «на костях» на поле Куликовом. Пришло время возвращаться домой, в родные города и села, защищенные от нашествия Мамая. В Москву войска вернулись 28 сентября, где их ожидала восторженная встреча. Слава о том, что «Русь Великая одолела рать татарску на поле Куликовом», разнеслась до Дуная, Рима, Царьграда и других мест.

Но кроме радости был и плач великий по погибшим: «Оскудела с тех пор вся земля Русская воеводами и слугами и всем воинством, и поэтому страх был по всей земле Русской». Эти настроения имели серьезные основания: уже через два года на ослабевшую Русь напали орды хана Тахтамыша. Они обманом взяли Москву, опустошили окрестные земли и снова наложили на Русь тяжелое бремя — дань.

Несмотря на это, ордынцы теперь стали остерегаться открытого столкновения с русским войском и действовали больше хитростью и обманом. Русь после Куликовской битвы укрепилась верой в свои силы, что сыграло важную роль в ее окончательной победе над Ордой. Образ победы на Куликовом поле постоянно сопутствовал всей последующей истории нашего государства. К нему постоянно обращались русские люди в наиболее тяжелые моменты своей истории.

Судьба Куликова поля

После битвы район Куликова поля был временно покинут русскими земледельцами. Пашня на пойме Непрядвы была заброшена, что отмечается по исчезновению пыльцы культурных злаков в отложениях соответствующего времени. «В то пору на Рязанской земле около Дона ни пахари, ни пастухи не кличут, лишь вороны часто каркают над трупами человеческими», — свидетельствует «Задонщина».

Но местность не была долго безлюдной: при первой возможности русские земледельцы вновь и вновь возвращаются и обживают эти края. Можно только удивляться их стойкости и упорству, так как мирная жизнь здесь постоянно нарушалась набегами кочевников еще многие десятилетия. Об этих постоянных вторжениях даже в XVI—XVII веках свидетельствуют писцовые книги Епифанского уезда, в который входили земли Куликова поля. Так, в 1609 году уезд был «стерт с лица земли» и опустошен крымской ордой.

Только в конце XVII века началось окончательное и интенсивное заселение этого края. В 1674—1675 годах большие участки земель Куликова поля передаются во владение митрополиту и другим духовным лицам. Позднее здесь появляются крупные дворянские поместья. В районе Куликова поля распахиваются целинные степи и вырубаются многие лесные массивы. Это вызвало быстрое весеннее таяние снегов и резкое повышение уровня паводковых вод в Непрядве и Доне. В результате поймы этих рек стали нарастать небывало быстрыми темпами.

Обнаруженная здесь пыльца растений выявляет многочисленные признаки антропогенного изменения ландшафтов Поля. Отмечаются следы рубок дубрав и многочисленных пожаров. Увеличивается число не поедаемых скотом растений. В большом количестве появляются различные виды подорожника — свидетеля увеличения пешеходных троп и дорог. Существование пашни выявляется по находке пыльцы культурных злаков. При этом количество сорняков уменьшается в связи с совершенствованием агрикультуры.

Антропогенные изменения, таким образом, давно исказили естественное лицо ландшафтов Поля. Тем большую ценность представляют сохранившиеся здесь «островки» девственной растительности — природных реликтов эпохи битвы.

Речь идет в первую очередь о степном участке на южном склоне балки Нижний Дубяк, с описания которого был начат очерк. Проблема сохранения современных остатков былой растительности Куликова поля должна рассматриваться в широком, перспективном плане. Ведь эти реликты могут послужить ботаническим фондом для восстановления древних ландшафтов района, соответствующих эпохе битвы. Ясно, как важно использовать для этого именно местные экземпляры флоры, связанные своими корнями с прошлым, с той самой содрогавшейся от битвы землей, где «трава кровью залита была, а деревья от печали к земле склонились».

Ботаническую реставрацию надо начать на отдельных, наиболее представительных, ярких в природно-историческом отношении участках Куликова поля, в первую очередь на балках Нижний Дубяк и Смолка. Предлагавшиеся ранее проекты природной заповедности всего Куликова поля мало реальны, так как в этом случае пришлось бы изъять из сельскохозяйственного оборота более 1000 га освоенных земель. В этом нет необходимости и потому, что в эпоху битвы, как уже отмечалось, здесь существовало древнерусское население, занимавшееся земледелием и скотоводством.

Поэтому сейчас выдвигается новое предложение — проект «Куликово поле». Проект направлен на создание первого в нашей стране ландшафтно-исторического заповедника, сочетающего интересы дальнейшего развития хозяйства и туризма с охраной и восстановлением его древней природы. Пора обратить внимание на восстановление не только памятников древней культуры, но и памятников древних ландшафтов, особенно в таких исторически священных местах, как район Куликова поля.

Это вполне реальное дело потребует, конечно, еще большей консолидации исследований специалистов самого различного профиля. Но уже и теперь полученные палеогеографические материалы могут служить хорошей основой будущих реставрационных работ. Палеоботаниками уже установлен характер и состав лесов и степей эпохи битвы. Почвоведы выявили контуры исчезнувших дубрав, которые можно всстановить. Эти сведения позволят упорядочить лесопосадки на Куликовом поле, которые в последние годы велись без учета прошлого.

И когда седые перья ковыля, как символ умиротворенной, некогда «дикой степи», снова взметнутся и затрепещут во многих местах над полем Куликовым, мы выполним важную часть долга перед нашей памятью и перед памятью будущих поколений о великом событии истории нашей страны.

Всеволод Евреинов Николай Пронин

И НЕТ ЗАТИШЬЯ ПОСЛЕ БУРЬ...

ПОВЕСТЬ

Возможно ли вообразить безмятежнее картину: по глади морской темно-синего кобальта, подхваченные крыльями белоснежных парусов, наполняемые не сильным, но упругим пассатом от оста бегут, бегут корветы, легко рассекая зыбь и оставляя за кормой пенную струю. Так бы и скользить судам по Атлантике до самых бразильских берегов...

Но что это? Корабли убавили паруса, сблизились и вдруг окутались густым пороховым дымом. Залп. Второй. Третий.

— Флаг и гюйс поднять, матросам по вантам стоять! — звучит команда. Полощутся по ветру сине-белые андреевские флаги, вьются ленты вымпелов на гротах.

— Ур-р-ра! — катится над волнами, празднично иллюминованными ослепительными солнечными бликами.

Команда «Надежды» выстроилась на шканцах. Сюда с бака движется удивительная процессия. Впереди торжественно и важно выступает сам бог морской — Нептун. Дивятся матросы, во все глаза глядят. Не узнать в нем квартирмейстера Павла Курганова, даром что борода мочальная, а сколотый у плеча хитон из старой парусины скроен. Да зато трезубец на славу сработал кузнец корабельный Михайла Звягин. Таким трезубцем-острогой только рыбу бить! А корона медная жаром горит на полуденном солнце — куда тут и золоту твоему! А паче всего — больно уж вид грозен у божества морского, не подступиться! За ним поспешают «черти», сверх всякой меры перепачканные камбузной сажей. А уж что за рожи строит «нечистая сила» для устрашения православных — со смеху лопнешь. Этих-то, видать, можно веселия ради и за хвост веревочный подергать. Шум, крики, хохот.

Нептун все так же важно и невозмутимо приближается к офицерам, стоящим поодаль. Трижды стукнув трезубцем о палубный настил, вопрошает громово:

— Кто есть капитан судна сего? Какие люди и куда путь держат? Как осмелились потревожить меня в царстве моем?

Тихо стало на корабле. Только мачты скрипят да плещутся волны о борт. Вперед выступил высокий, худощавый, сероглазый офицер. Почтительно, но с достоинством поклонился квартирмейстеру, величаво опершемуся на трезубец и впрямь похожему на божество.

— Командую сим судном я, флота капитан-лейтенант и кавалер

Иван Федоров сын Крузенштерна. — Голос глуховат, но сразу набрал силу, разнесся по палубе. — Все мы россияне, а путь наш долог и многотруден, потому и просим тебя, владыка грозный морских пучин, даровать нам попутный ветер и счастливое плавание.

— Быть посему! — Чуть помедлив, стукнул опять трезубцем Нептун. — А теперь велю крестить всех, кто впервые в царство мое попал, по обычаю давнему.

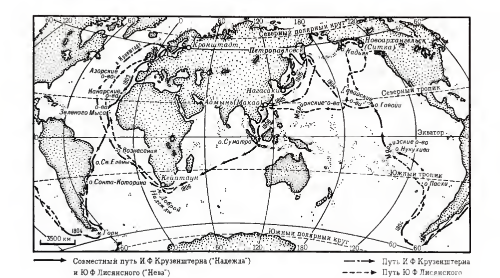
Только этого и ждали «черти». Со свистом и улюлюканьем подскочили они к матросам и одного за другим потащили к бочкам с забортной водой. На офицеров плескали из парусиновых ведер. И вскоре ни на ком, кроме капитан-лейтенанта, ходившего уже не раз в южное полушарие, сухой нитки не осталось.

«Нептуново действо» на славу удалось, готовились к нему заранее. Могло ли по-иному быть? Впервые суда под андреевским флагом пересекают «линию» — экватор. Впервые... А ведь уже не одно столетие испанцы, португальцы, голландцы, англичане, французы, моряки других наций моря и океаны под всеми широтами бороздят. Вокруг света уж ходили сколько раз. И сколько раз марсовый кричал торжествующе: «Земля!» Вот она, новая твердь на градусной сетке, охватывающей земную сферу. Карты, лоции... И все так же безгранично плещется голубая стихия, тают в морской дымке паруса. Вернутся ли со славой или... исчезнут навсегда?

Ну а российские первооткрыватели?.. «Просвещенная» Европа не признает за Россией исследования огромных пространств Сибири — просто-напросто неграмотные казаки гонялись за пушным зверем, вот и вышли ненароком на берега Тихого океана... Европа пристально смотрит на российских мореплавателей. Откуда, мол, вы, господа? Из города Санкт-Петербурга? Головой кивают почтительно, но в глазах усмешка. Да, молод город сей, столица государства Российского. Едва сто лет минуло. Молод и флот. Известно, в каких суровых обстоятельствах утверждалась прозорливая мысль Петра Первого, что великой державе «не можно быть без моря и флота». И рождался, и утверждал он свое право на жизнь в дыму и грохоте сражений. Победоносных сражений! Гангут и Гренгам, Чесма и Готланд, Роченсальм и Ревель, Выборг и Корфу гулким эхом прокатились по столицам европейских государств, заставили далеко различать гордый андреевский флаг в морских просторах.

Пришел черед и вояжу «около света». Но это только начало, что-то ждет их впереди?

Мысли возникали привычно, бежали неторопливо. Заложив руки за спину, капитан-лейтенант Крузенштерн, расхаживал по верхней палубе. С бака доносились то протяжные, то разудалые русские песни. Самые бойкие матросы пускались в пляс, отбивая крепкими пятками босых ног частую дробь. При спокойном море и ровном попутном пассате вахты были нетрудными. Служители-матросы, поглядывая окрест, вели неспешные беседы об удивительном, о далеких уж теперь родных берегах. А сегодня ради знаменательного дня Крузенштерн распорядился приготовить для них праздничный обед.

Кругосветное путешествие И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского

Крузенштерн подошел поближе послушать матросские разговоры. В одном месте рассуждали о том, что вот-де господа офицеры сказывали: достигли они самых жарких мест. Раньше-то многие опасались, каково будет в этаком сатанинском пекле? А вот, гляди-ка, уже и за «линию» спустились, а российскому матросу и здесь способно. Стало быть, обнадежиться можно: даст бог, все напасти на пути преодолеть удастся.

А эти двое беседуют о свечении моря. И так и сяк прикинь, трудно в толк взять. Будто и вода, а горит, и горит, а не жжет... Чудеса, да и только!

Крузенштерн усмехнулся про себя: еще бы не чудеса. С древнейших времен поражаются этому люди. А разгадать тайны природной не могут. Одни мужи ученые утверждают, что светится газ фосфорический, выделяющийся вследствие гниения разных органических остатков, другие авторитеты считают, что это останки рыб светятся, кои в морской воде не скоро истлевают. Иные полагали здесь действие электрических сил.

Но все сие лишь догадки. А вот Георг Генрих Лангсдорф, которого здесь, на корабле, все называют Григорием Ивановичем, зачерпнул с борта «Надежды» светящейся воды, процедил ее через слой опилок, прикрытых лоскутом материи. И что же? Вода перестала светиться! А на тряпице остались какие-то темные точки. Скорее их под микроскоп! Ба! Живые организмы...

А нынче вон ученые собрались в кружок, обсуждают, как предпочтительнее измерять температуру моря на разных глубинах: с помощью цилиндра медного — Гельсовой машины, изготовленной

умельцем Шишориным, или термометром Сикса, хоть и изобретенным два десятилетия назад, но еще для целей сих не употреблявшимся. Последнее обстоятельство трудно объяснимо. Ведь ежели не измерять температуру разных глубин, то, следовательно, мало что известно будет и о течениях морских. Простительно ли сие серьезным навигаторам?

Не сидят бездельно ученые мужи на «Надежде», и, чаять можно, многое откроется им за время плавания...

К обеду в кают-компании подали шампанское. Капитан-лейтенант поднялся с пенящимся бокалом в руке.

— Экспедиция наша, — начал он, — возбудила внимание Европы. И удача в ней необходима, ибо в противном случае соотечественники наши, может быть, еще на долгое время поостерегутся затевать подобные плавания. Завистники же России, вероятнее всего, порадуются такому неуспеху. Сегодня, в двадцать шестой день ноября сего тысяча восемьсот третьего года, сделали мы первый шаг к достижению цели. Пожелаем же предприятию нашему благополучного завершения. Государь император соблаговолил доверить мне руководство экспедицией, и я отдам этому все ниспосланные мне богом силы.

Крузенштерн осушил бокал и обвел взглядом сидящих за столом. Макар Ратманов, Петр Головачев, Фаддей Беллинсгаузен, другие офицеры. Лица сосредоточенны, задумчивы. Одних он знал по службе, потому и пригласил на корабль, — отменные офицеры. Других отобрал по рекомендациям — достойнейших из достойных. Преданно следят за каждым его движением совсем еще юные гардемарины — Отто и Мориц Коцебу. Сколько они увидят в вояже кругосветном! Он-то первый, да заботу надлежит теперь же простирать и о последующих...

Но вот капитан уловил холодный взгляд темных глаз статского советника Резанова. Наделен Николай Петрович большими полномочиями и окружил себя целой свитой. Правда, при распределении мест на корабле, коих было прямо-таки в обрез, пришлось ее поубавить. Оттого и вышел с Резановым круто посоленный разговор. Между ними пробежал холодок, вот и сегодня не пожелал он взглянуть на «Нептуново действо».

Но когда отобедали, подошел с решительным видом, пригласил в свою каюту. На корабле уже все успели заметить необыкновенное пристрастие Резанова к изящным безделушкам, в каюте их обилие просто поражало, там и сям разложены или расставлены усыпанные драгоценностями ларцы и табакерки. Едва вошли, Резанов, не приглашая садиться, обратился к капитану:

— Давеча за обедом вы изволили изъяснить, что получили высочайшее соизволение руководить судами и всей экспедицией. Так ли я вас понял?

Сдержанный по природе, Крузенштерн на сей раз так и вспыхнул:

— Совершенно так. На кораблях всех наций и флагов капитан есть лицо, коему подчиняется без изъятия весь экипаж. Тем же, кто

Художник В. Руденко

не несет на судне никакой службы, надлежит почитать себя пассажирами. Ничего иного допустить не может никто.

Резанов выдержал паузу. Потом взял какую-то шкатулку, вынул хрустящий пергамент и, вскинув голову, протянул Крузенштерну со словами:

— Полагаю, сего будет довольно, чтобы кончить наше объяснение.

Крузенштерн взял пергамент. Большая императорская печать. Божьей милостью император и самодержец всероссийский Александр I изъявлял свою волю. Выходило, что оба судна — «Надежда» и «Нева» — с офицерами и служителями поручаются целиком начальству Резанова. Но это же бессмыслица! Не может человек руководить тем, о чем не имеет ни малейшего понятия. Крузенштерн и заметить не успел, когда это рядом с Резановым появились лица из его свиты — поручик Толстой и надворный советник Фос. И сейчас все трое смотрели на Крузенштерна. Резанов с любопытством, Толстой откровенно ухмылялся, кукольное бело-розовое лицо Фоса не выражало ровным счетом ничего. Крузенштерн сложил пергамент, подал его Резанову и молча вышел. В голове стучала одна только мысль: «Нет, не жалует новый монарх своего флота. Знать бы наперед, не поднялся бы на борт „Надежды"».

Минуты трудные, может, решающие во всем плавании. Вот он, риф подводный! В такие минуты надо быть вместе с другом давним и соратником надежным.

Крузенштерн позвал денщика.

— Передать на «Неву» — лечь в дрейф, шлюпку на воду!

И пока мускулистые матросы мощными взмахами весел гонят шлюпку, которой правит Крузенштерн, к «Неве», самое время, Читатель, бросить ретроспективный взгляд на события, предшествовавшие экспедиции, ибо история всякого дела — это не мертвый груз бесполезных воспоминаний, а неотъемлемая часть его настоящего и будущего.

Весной 1788 года кадетов и гардемаринов Морского корпуса взбудоражила весть: война! Нет, не та, что идет с турецкими янычарами за тридевять земель. Вот-вот здесь, в Кронштадте, покажутся шведские суда и начнут яростную бомбардировку, а то и высадят десант. Балтийский флот отправился на Южный театр военных действий. Воспользовавшись этим, шведский король Густав III решил напасть на Россию и хвастливо заявил, что выгонит русских с берегов Балтики, а на памятнике царю Петру, изваянном французом Фальконе, велит высечь свое имя.

Силы на море оказались неравными. Спешно достраивались суда на верфях Адмиралтейства. В команды зачисляли и мастеровых, и писарей. В Кронштадт полетел высочайший указ: гардемаринов, включая и тех, коим остался год до выпуска, распределить на боевые корабли.

Пятнадцатилетний Юрий Лисянский попал на линейный корабль «Подражислав», семнадцатилетний Иван Крузенштерн — на «Мстислав». И после первых же сражений оба — мичманы с Георгиями 4-й степени. Молодые офицеры показали себя изрядно. Шведские корабли пылают, шведские капитаны отстегивают шпаги, сдаваясь. Виден уж и конец войне... Капитан «Мстислава» Муловский делится с мичманом Крузенштерном своими мыслями и планами. Перед началом войны все было готово для кругосветного плавания, поведал он своему внимательному слушателю. Назначены четыре корабля. Разработана и утверждена всеми инстанциями обширная программа. Для Муловского открытые океанские просторы, неизведанные пути куда милее, чем кровопролитные битвы.

Но шведы еще сражаются. Надо помешать соединиться двум вражеским эскадрам у острова Эланд. Дело жаркое. На «Мстиславе» сбита грот-мачта. Муловский подбегает посмотреть и в этот момент падает, сраженный ядром.

— Ребята, не отдавайте корабль! — только и успел сказать подхватившим его матросам.

Куда там отдавать! Шведов разбили и на этот раз. Немного не дожил капитан-бригадир до заключения мира. А Лисянский, Крузенштерн, многие другие выпускники Морского кадетского корпуса стали лейтенантами.

Колыбелью флота российского по праву называют это неповторимое учебное заведение. Восходит оно к знаменитой Математико-навигационной школе, что была расположена в московской Сухаре-

вой башне, и менее известной, но сыгравшей еще большую роль Морской академии в Петербурге. От их слияния и родился Морской корпус. В екатерининские времена учиться здесь было далеко не мед: в разбитые окна врывался ветер и кадеты затыкали окна подушками. Дрова частенько «забывали» завозить. Посиневшие от холода воспитанники тайно проникали в дровяные сараи флотского экипажа и по цепочке передавали полешки. А рацион... В животах урчало так, что иной раз и слов преподавателя не расслышать. Но вот учение... Базировалось оно на составленной самим Петром программе, весьма основательной, как и все, что делал сей просвещенный самодержец. В своем «Рогламенте» он изъяснял, что обучения надлежит поставить «на полном собрании математики, без которой яко без кореня». Кадеты (в старших классах — гардемарины) штудировали, кроме того, корабельную архитектуру, механику, фортификацию, грамматику, риторику, натуральную философию, право, историю, географию, такелажное дело, английский, французский, датский, шведский и итальянский языки, а сверх того занимались фехтованием и танцами. Все это надлежало «учить совершенно». Из стен учебного заведения вышли знаменитые мореплаватели Чириков, Гвоздев, Малыгин, Челюскин, Креницын, Хметевский, ученые Ногаев, Курганов...

Таких блестящих офицеров, как выпускники Морского кадетского корпуса, не было ни в одном флоте мира. Екатерина II решила подобрать из них особый гвардейский штат. В списки попали и Лисянский с Крузенштерном. Указ императрицы предписывал им отправиться в Англию в качестве волонтеров британского флота, дабы расширить и укрепить свое знание морского дела.

В заморской стороне с лейтенантов драли втридорога за все, а паче за то, «зачем не изъясняются „по-аглицки"». И служба давалась не просто. В такие переплеты попадали, что богу душу недолго было отдать. Но наука пошла на пользу. На белый свет посмотрели, увиденное на ус наматывали. Кроме Австралии, во всех частях света побывать довелось. Всякое видели, а больше плохого, тяжелого, такого, что и вообразить трудно. Разбой неприкрытый называли хищники двуногие приобщением «дикарей» к цивилизации.

Но были встречи и с учеными людьми, которые много расспрашивали о России. Накопились у моряков сведения о мировой торговле. Почему бы России не проложить свои морские торговые пути в Индию, Китай, Японию? Об этом думал и Муловский. Если вникнуть в суть дела, сам собой напрашивается вывод: такие торговые операции должны принести огромные выгоды. Надо будет, конечно, многократно увеличить численность торговых судов. Где взять знающих моряков? И это Крузенштерн продумал досконально. Надо брать в обучение не только дворян, но и молодых людей других сословий. А начало всему должно положить кругосветное путешествие. Так постепенно сложился стройный проект.

Свое «Начертание» Крузенштерн намеревался подать на высочайшее имя. Разумные, смелые предложения. Но как преодолеть кос-

ность чинов из Адмиралтейства и Коммерц-коллегии? По мнению высокопоставленных лиц, предложения эти «по одной новости своей подвержены великому противуречию». Ново — значит, неприемлемо! Но ветер событий уже дул в паруса задуманного предприятия. Чашу весов в его пользу склонила Российско-Американская компания, ее миллионные торговые обороты — дело не шуточное!

Фактический ее основатель — рыльский именитый купец Григорий Шелехов. Он убедил другого купца, Голикова, отправить экспедицию на «Аляскинскую землю, называемую Американскою... для производства пушного промысла, всяких поисков и заведения добровольного торга с туземцами». Особо привлекал своими пушными богатствами остров Кадьяк. Экспедиция блестяще удалась. Торговля пушниной приносила огромные барыши. Конечно, купцы нещадно эксплуатировали и русских добытчиков, и аборигенов острова Кадьяк. Но все же нельзя не отметить, что русские поселения благотворно влияли на местных жителей, постепенно приобщавшихся к культуре. На острове Кадьяк и в других местах по распоряжению Шелехова открыли русские школы, привились со временем различные ремесла, неизвестные здесь ранее.

После смерти Шелехова в 1795 году всю огромную власть в этих местах унаследовал его управляющий Баранов. А через несколько лет возникла Российско-Американская компания, которая получила привилегию вести торговлю, основывать промыслы и селения на Северо-Американском континенте.

Компания торговала пушниной, моржовой костью, китовым усом, древесиной. Но промысловики нуждались в продовольствии, промышленных изделиях. Приходилось доставлять из европейской части страны все вплоть до соли. Более четырех тысяч лошадей, надрываясь, тащили по сибирскому бездорожью тяжелую кладь. Пуд ржаной муки, за которую в Центральной России было плачено полтинник, после многотысячеверстного пути обходился уже в 16 раз дороже — в 8 рублей! Цена неслыханная в то время! А как доставлять корабельные канаты, якоря, такелаж для судов, строившихся в Охотске, на Камчатке, Кадьяке и в Ситке? Приходилось разрубать все это на куски, а потом на месте скреплять. А ведь о том, как решить подобные проблемы, как раз и говорилось в «Начертании» Крузенштерна. Вот почему столь энергично поддержал идею «околосветного» плавания один из учредителей Российско-Американской компании, влиятельнейший вельможа Николай Петрович Резанов, изъявивший желание сам принять в ней участие.

В начале XIX века на российском государственном небосклоне восходит звезда графа Николая Петровича Румянцева, сына известного екатерининского полководца. Образованнейший человек своего времени, собиратель исторических ценностей, владелец огромнейшей библиотеки, он сразу оценил проект Крузенштерна. В качестве министра коммерции дал проекту ход. Без всяких проволочек, деловито и энергично начались приготовления к экспедиции. Стало ясно: быть большому плаванию, осуществиться мечте смелых,

мужественных, любознательных. С кем же отправиться в путь, как не с Юрием Федоровичем Лисянским, храбрейшим из храбрых. Конечно же тот сразу дал согласие. Для начала Лисянский отправился за границу подобрать подходящие суда. С трудом удалось в той же Англии приобрести два корвета водоизмещением в 450 и 370 тонн. Имена им дали со значением: тому, что побольше, — «Надежда», поменьше — «Нева». И в самом деле, надежды на отправляющуюся с берегов Невы экспедицию были велики!

Закупил еще Лисянский пель-компасы, гигрометры, термометры, барометры фирмы Траутона, хронометры работы Арнольда и Поттингтона. Все самое новейшее и лучшее, что только можно было найти.

Крузенштерну хватало хлопот в Петербурге. Петербургская Академия наук пришла в движение. Академики наперебой составляли инструкции и рекомендации. Крузенштерна избрали членом-корреспондентом. А Российско-Американская компания старалась внушить, что в первую очередь важны ее планы и задачи. Правительство же решило возложить на экспедицию еще и дипломатические функции. Представитель компании Резанов был возведен в ранг посланника для установления торговых отношений с Японией.

7 августа 1803 года брандвахта в четырех милях от Кронштадта салютовала «Надежде» и «Неве», напутствуя и желая счастливого плавания. Настроение у всех было приподнятое, и даже, когда в Северном море суда накрыл жестокий шторм, это было воспринято лишь как первое и не очень серьезное испытание.

Ну а что же наша шлюпка с «Надежды»? Э, да она давно уже покачивается на волнах у штормтрапа «Невы». Крузенштерн прохаживается на шканцах с кудрявым улыбчивым круглолицым человеком в офицерской форме с Георгием на груди. Это и есть капитан-лейтенант Юрий Федорович Лисянский. Он оживленно жестикулирует, отвечая на вопрос начальника экспедиции, достаточные ли меры приняты против цинги. Услышав в ответ, что все «служители» получают по утрам разбавленный лимонный сок, а в обед лучшее тенерифское виноградное вино, Крузенштерн удовлетворенно кивает головой и советует разводить огонь в жилых помещениях, чтобы не чувствовалось сырости от частых тропических ливней. Матросы должны каждый день просушивать и проветривать постели, регулярно стирать белье и мыться сами.

— Здоровье служителей наших нахожу я в полной исправности, — отозвался Лисянский, — уповаю на то, что таковым оно пребудет до прихода нашего ежели уже не в самый Кронштадт, то по крайности в Камчатскую землю. Иное заботит, Иван Федорович, — помолчав, продолжал он, — семнадцать тысяч фунтов отвалили мы с корабельным мастером Разумовым за суда сии. Да за ремонт еще семь тысяч, хоть они и несколько лет не проплавали. И это лучшее, что предлагали. А поди ж ты...

Капитаны подошли к грот-мачте. Среди пятен плесени виднелись темно-коричневые участки: дерево начало гнить. Кое-где змеились угрожающие трещины. Не в лучшем состоянии оказался и фок. Крузенштерн долго смотрел, горестно вздохнул:

— Эх, эх... При сем случае счастье еще, что погода тихая, в шторм и потерять мачты недолго. В Бразилии, я чаю, найдем подходящие стволы.

Помолчали. Не хотелось Крузенштерну приступать к тягостной для него теме. Первым заговорил Лисянский.

— Вот что сказать хотел еще, Иван Федорович. Мыслю, что движение для команды столь же необходимо, как и покой. Того ради господам вахтенным приказываю всякий раз стараться занять людей подвахтенных таким образом, чтоб никому не оставалось времени для сна в часы дневные, ночью же не тревожить без самонужнейших обстоятельств. А сверх того, полагаю, надобно стоять служителям на три вахты, а не на две, сие утомительно чрезмерно в дальних походах...

Крузенштерн кивал головой согласно. Все так, все ладно, но мысли упрямо возвращались к недавнему разговору с посланником. Он взял Лисянского за локоть, отошел с ним к фальшборту и, глядя на волны, рассказал о предъявленной Резановым императорской рескрипции. Кто спорит, камергер Резанов — человек незаурядный, сам Шелехов выбрал его в зятья, а уж рыльскому купцу умения разбираться в людях было не занимать. Генерал-губернатор Петербурга граф Пален души не чаял в камергере. Действуя от имени наследников Шелехова, тот представил Павлу I проект организации Российско-Американской компании, который и был утвержден вкупе с уставом. На западный манер компания выпустила акции, ввиду ожидавшихся баснословных прибылей по тысяче рублей каждая. Ценные бумаги приобрели многие влиятельные при дворе лица и даже члены царской фамилии. И это все не могло не придать Резанову большой общественный вес. Сейчас он в ранге посланника должен осуществить важную дипломатическую миссию — наладить с Японией торговые отношения. Все так. Но поставить судьбу двух судов и всей экспедиции, план которой так долго вынашивал он, Крузенштерн, почитай что со дня гибели незабвенного Муловского, во власть этого человека... Не превысил ли Резанов в тщеславном рвении своем границ, придерживаться коих приличествует даже и важной персоне?

— Вот брат, Юрий Федорович, — закончил с горечью Крузенштерн, — оставили нам с тобой токмо что парусами управлять.

— Как?! — вскричал экспансивный Лисянский. — Таково распоряжение свыше?

— Да, за большой императорской печатью рескрипт сей только что трижды перечел.

— Возможно ли представить командующего столь важной экспедицией, который перед тем не видел почти моря? Ничего, кроме несчастного конца всех наших трудов, ожидать невозможно.

Художник В. Руденко

— О том и думаю. Давай-ка помыслим, Юрий Федорович, что долг наш предписывает.

— Нет опасности, которой бы перенесть я не согласился, лишь бы доставить чести русскому флагу новыми открытиями, — с горячностью проговорил Лисянский.

— Вот и я́ так мыслю. Не возвращаться же нам. Но терпения придется набраться преизрядного.

Корабли продолжали свой путь. Вахты сменяли одна другую, ученые все так же хлопотали, занятые своими наблюдениями. Чаще других появлялся на палубе «Надежды» рыжеволосый Лангсдорф. Повертев во все стороны острым носом, как бы принюхиваясь к ветру, торопливой прыгающей походкой спешил на шкафут, где висели в тени термометр и гигрометр, тщательно записывал показания приборов. Потом отправлялся в каюту препарировать морских животных, изготовлять чучела птиц. Ничто не ускользает от внимания ученого. Вылетели из кочана капусты в камбузе удивительные бабочки, поймали матросы громадного дельфина — Лангсдорф тут как тут. Счастливая улыбка озаряет его лицо, если удастся отыскать что-то новое. Он запрыгал, как ребенок, когда наловили маленьких ярко-красных рачков, придававших воде кровавый оттенок.

Наблюдая за Лангсдорфом, Крузенштерн все больше и больше убеждался: страсть его к наукам неистощима, ради них он забывал о хлебе насущном. Узнав об экспедиции, он бросил все свои дела, примчался из Гёттингена в Копенгаген и упросил взять его в качестве натуралиста. Соблазнительно нанять уже известного в научных кругах Европы человека, но ведь обязанности сии исполнял адъюнкт Петербургской Академии наук Вильгельм Тилзиус. Выход нашелся такой: содержание Лангсдорфа взяли на себя в равных долях капитан «Надежды» Крузенштерн и посланник Резанов. Но замечали на корабле: не ладят меж собой оба натуралиста. А на подходе к бразильским берегам Крузенштерн стал свидетелем их очередного объяснения. Ученые говорили спокойно, но вот донесся высокий голос Лангсдорфа:

— Вам не должно быть никакого дела до меня, господин Тилезиус, вы приняты в экспедицию в качестве естествоиспытателя и должны выполнять свой контракт. Вы получаете жалованье, я — нет, для меня научные занятия — моя добрая воля, прошу вас не считать меня своим подчиненным и не давать распоряжений.

Лангсдорф круто повернулся на каблуках и пошел было к себе, но, увидев Крузенштерна, направился к нему.

— Не сочтите за жалобу, — сказал он, — просто хочу знать ваше мнение. Можно ли считать меня обязанным выполнять распоряжения Тилезиуса на том только основании, что я волонтер экспедиции, а он лицо официальное? На его бесцеремонные приказания я ответил, что не считаю себя обязанным помогать ему.

— Я нахожу ответ ваш вполне разумным, — подумав, сказал Крузенштерн, — но позвольте все же заметить: природа столь обширна и многообразна, что, будь у нас в экспедиции и десять нату-

ралистов, всем нашлось бы дел по горло. Почему бы вам с Тилезиусом не договориться: вы берете на себя изучение одних видов живых существ, он — других, а при случае, может быть, придется и объединить усилия.

После этого разговора Крузенштерн по-иному взглянул на свой конфликт с Резановым. В России с трепетом ждут вестей об экспедиции, и сомневаться не приходится, что письма моряков ходят из дома в дом и зачитываются до дыр. Как же можно не служить своему делу честно и до конца?

А в один из ближайших вечеров, только упали стремительные тропические сумерки, из освещенной кают-компании полились чарующие звуки. На музыку, как на костер во тьме, потянулись люди со всего судна. Крузенштерн остановился в дверях. Лейтенант Ромберг самозабвенно вел партию первой скрипки, Резанов играл на второй, Тилезиус — на басе, Лангсдорф — на альте, астроном Горнер — на флейте. Концерт удался на славу. Музыке теперь стали часто посвящать вечера. Инструменты в руках музыкантов-любителей звучали все слаженнее.

Ну а для Крузенштерна его инструментом в общем ансамбле экспедиционной жизни служил секстан, которым он владел превосходно. Известно было на флоте: координаты, взятые им, смело можно уподобить измерениям Гринвичской обсерватории. При подходе к бразильскому острову Санта-Катарина Крузенштерн уточнил местонахождение многих географических пунктов на карте.

Изрядная часть пути позади. Перелистав записки английского путешественника — адмирала Ансона, Крузенштерн прочел, что тот потерял из-за болезней немало членов экипажа во время перехода через Атлантику. А вот на российских кораблях больных не оказалось вовсе.

Вспомнился и Лаперуз. Суда этого французского капитана тоже бросали якоря у острова Санта-Катарина, где стояли теперь «Нева» и «Надежда». Лаперуз был славный мореход, но дай бог избежать его участи... Губернатор острова португальский полковник дон Куррадо встретил моряков учтиво и обещал помочь сменить мачты на «Неве». Крузенштерн распорядился вести работы таким образом, чтобы сберечь силы обоих экипажей перед трудным переходом вокруг мыса Горн.

В тропическом лесу отыскали двадцатисаженные стволы красного дерева. С огромным трудом дотащили их до побережья. А надо было еще установить и оснастить мачты без каких бы то ни было механизмов. Работа шла весело, но затягивалась...

Ученым же это было лишь на руку. На острове Атомирис астроном Горнер оборудовал обсерваторию для наблюдений за небесными телами. Но главное — надо было проверить хронометры. Без оных не определишься, не проложишь курса в открытом море. На обоих судах экспедиции было по нескольку надежных хронометров. Но погрешности их хода постепенно нарастали, особенно в тропических морях.

Оба натуралиста и вовсе сбились с ног. Казалось, природа явила здесь свое изобилие. В лесу то и дело попадались еноты, броненосцы, агути. Трудно было привыкнуть к реву цепкохвостых обезьян-ревунов, пронзительным крикам пестрых попугаев. В мире пернатых удивительными для глаза моряков были не только они. Чего тут только не было — от крохотных колибри до громадных голошеих грифов. Реки кишели аллигаторами, зеленые джунгли — змеями, жабообразными земноводными. И всюду тучи бабочек самых разнообразных, часто причудливых форм и расцветок. А чуть стемнеет — в воздухе и на земле мириады светящихся точек.

Лангсдорф первое время жил на корабле, но вскоре с другими членами экспедиции переселился в поселок Дестерру на острове, а там и на континент перебрался в дом местного натуралиста Каллейры.

Вернувшись на остров, вместе с офицерами «Надежды» и астрономом Горнером предпринял шлюпочный поход вдоль побережья Санта-Катарины. Стремительно разрастались гербарии, коллекции членистоногих, насекомых, рыб. Где еще встретишь столь благословенную землю, чтобы можно было собрать такие редкости? Порой затрудняешься, к какому классу отнести тот или другой организм. Часто Лангсдорф советовался с Тилезиусом, пользовался его справочниками.

В самой чащобе ютились хижины индейцев, оттесненных сюда португальскими колонизаторами. Знакомясь с их обычаями, нравами, составляя словарь местного языка, Лангсдорф ужасался бедственному положению индейцев. А на побережье — картины, от которых просто щемило сердце. То и дело подходили корабли с живым товаром из Анголы и Мозамбика. С рабами обращались хуже, чем со скотом.

Моряки с «Надежды» и «Невы» усердно махали топорами, заканчивая плотницкие работы. И почти каждый день на дороге, ведущей в резиденцию губернатора — крепость Санта-Крус, появлялись поручик Толстой и надворный советник Фос. В крепостных стенах, вероятно, легче дышалось в полуденный зной. Возвращались они обычно с вечерней прохладой.

Но вот неразлучная пара появилась на берегу, когда матросы отдыхали в тени после обеда. Оба капитана обсуждали план предстоящих работ. Вдруг в стороне послышался шум, раздались громкие возгласы. Взглянув в ту сторону, Крузенштерн и Лисянский увидели, что поручик избивает тростью матроса Филиппа Харитонова, а тот тщетно пытается защищаться от ударов, закрыв голову руками. Фос со своим всегдашним бесстрастным выражением наблюдает за этой сценой, стоя поодаль.

Капитаны скорым шагом подошли к месту действия.

— За что вы бьете матроса? — спросил Крузенштерн гневно, одновременно перехватывая в воздухе трость, готовую опуститься на голову Харитонова.

Поручик, почувствовав, что трость в крепких руках, взялся было

за шпагу. Но ее резким движением вдвинул в ножны Лисянский.

Поручик попятился назад:

— Зачем матрос не тотчас принялся исполнять приказание, данное ему, — отнести подарок губернатора на корабль? Впрочем, какие тут могут быть объяснения? Извольте не мешать наказанию!

Только теперь Крузенштерн увидел, что у ног поручика валяется клетка с отчаянно верещащей обезьяной.

— У нас, господин поручик, на корабле нет телесных наказаний, — отчетливо проговорил Крузенштерн, все еще держа трость Толстого.

— То-то я вижу, — фыркнул поручик, — как идет работа. — Он указал на отдыхавших в тени матросов.

— Бездельники! — послышался голос Фоса. — Так мы никогда не двинемся с этого острова.

Крузенштерн не удостоил его ответом. Почувствовав на себе холодный взгляд серых глаз, Фос повернулся и зашагал прочь. Подхватив клетку с обезьяной, за ним пошел и Толстой.

Крузенштерн отшвырнул трость.

— Иди отдыхай, братец, — обратился он к Харитонову. — Сегодня много потрудиться придется. Ну, что скажешь? — повернулся он к Лисянскому.

Тот смотрел вслед удалявшимся фигурам. Глаза его уже смеялись.

— Эх, Иван Федорович, с огнем играешь. Фос-то надворный советник. Это по нашей морской службе капитан второго ранга. Мы же с тобой чином ниже...

— Вон и обезьяну ту можно в мундир обрядить, — не принял шутливого тона Крузенштерн, — что же с ней делать прикажешь?

Как ни торопились с ремонтом, а огибать мыс Горн пришлось в самое неблагоприятное время. И потому, когда покидали Санта-Катарину, капитаны договорились, что в случае, если буря разлучит суда, свидеться у острова Пасхи или у Маркизских островов.

Так и получилось. На широте мыса Горн их настиг шторм от зюйд-веста, который по свирепости превосходил бурю, трепавшую корабли в Северном море. А на гороподобные волны было страшно смотреть. На другой день вместо того, чтобы умягчиться, как уповали моряки, шторм не ослабил, а еще и усилил свирепство свое. При внезапных шквалах холод пронизывал до костей, угнетая всех чрезвычайно.

Корабли давно уже потеряли из виду друг друга, но хуже всего была открывшаяся в носовой части «Надежды» течь. Отныне она будет давать о себе знать в продолжение всего плавания. Проникавшая в трюм вода могла повредить грузы Российско-Американской компании. Зная, что у острова Пасхи даже осмотреть корабль не удастся, там нет для этого удобных бухт, отмелей, Крузенштерн приказал держать курс прямо на Маркизы.

Начиналась самая ответственная часть плавания. Что готовит им Тихий океан, чьи беспредельные просторы во многом еще загадка?

Каждую минуту может открыться неизвестная земля. Днем впередсмотрящий дежурит безотлучно на салинге, ночью — на бушприте. И как водится, тому, кто первым увидит землю, обещана завидная награда.

В апреле 1804 года корабль вступил в полосу юго-восточного пассата и ходко побежал по волнам. Крузенштерн попросил ученых взять на себя ежечасные наблюдения за атмосферным давлением, температурой и влажностью воздуха. Надобно было выяснить, зависят ли погодные условия от положения Луны по отношению к нашей планете, как утверждали некоторые ученые авторитеты.

Наблюдения вели поначалу Лангсдорф с Горнером. Но последний не выдержал столь большого напряжения: появились нервические боли. Лангсдорф же не сдавался. Три месяца кряду ежечасно прерывал ночной сон, чтобы сделать очередное наблюдение. Иной раз и вовсе не ложился, сидел со своими сетями на корме, ловил в кильватерной струе морских животных.

Куда ни обрати взор, везде масса интересного, неразгаданного. Ведомо всем: вода в море солона, горька. Да, но всюду ли соленость одинакова? Вряд ли... Но как в этом убедиться? Проводить каждый раз химический анализ воды возможно ли на корабле? Но ведь от количества растворенной в воде соли зависит удельная тяжесть жидкости. Вот удобный способ к определению солености.

Эти измерения на «Надежде» вели упорно. Пока пересекали Атлантику, соленость была одна, в Тихом океане она заметно снизилась.

А начальник экспедиции отложил пока в сторону научные книги. Сейчас иное заботит его. Мы видим Крузенштерна в его кормовой каюте погруженным в глубокие размышления. Предстоит встреча с полинезийцами — жителями островов центральной части Тихого океана. Какое описание плавания в Полинезию ни возьми, везде говорится, что островитяне нрава веселого, открытого, понятия о собственности у них совсем иные, нежели у европейцев. Оттого и случалось часто, что островитян считали воришками и оружие в ход пускали.

Крузенштерн решительно придвигает чернильницу. Отсвет приказа, который он сейчас пишет, распространится на многие годы вперед. Этим установленным раз навсегда правилам общения с аборигенами будут следовать в дальних вояжах своих экипажи судов флота российского.

«Главная цель пристанища нашего, — ложились на бумагу ровные строки, — есть налиться воды и снабжение свежими припасами... Я уверен, что мы покинем берег тихого народа сего, не оставив по себе дурного имени, человеколюбивыми поступками нашими постараемся возбудить живейшую к нам признательность, приготовить для последовательных соотечественников наших народ, дружбой к россиянам пылающий».

Далее Крузенштерн определяет четкий порядок меновой торговли, назначает ответственных за это лиц. И в заключение: «Наистро-

Художник В. Руденко

жайше подтверждается каждому... На берегу и корабле без особого приказания отнюдь не употреблять огнестрельного оружия».

Первым из Маркизских островов открылась Нукухива. Где здесь удобнее выгрузиться? Карты вопрошать о сем бесполезно: они молчат. Надо определиться самим.

Множество жизнерадостных маркизян будто только и ждали появления корабля. Вмиг завязалась торговля. Впрочем, какая это торговля? Маркизяне, как дети, радовались любому железному предмету. А взамен бери любые дары земли и моря. И ученые, и моряки с любопытством разглядывали островитян, знакомились с их жилищами, укладом жизни. Поразительные лодки: двойные, соединенные общей платформой пироги с балансиром, небольшие, не более пяти саженей в длину, а столь устойчивы на воде. И постройки: четыре столба, вкопанные в землю, перекладины. А стены из бамбуковых жердей, крыша из пальмовых листьев — вот и все строение, но в столь райском климате другого, пожалуй, и не надо... Одежды, почитай, никакой и нет на островитянах. Повязки на бедрах — и все. Разве что в дождь на плечи набрасывают нечто вроде длинных рогож. Но зато все тело изрядно татуировано до самых пяток.

А какова пища? Плоды хлебного дерева, кокосовые орехи, бананы: батат, корни таро. Рыба печеная, а чаще сырая. Обмакивают куски ее в морскую воду: соли на острове нет. Много диковинного. Сиди себе под пальмой, попивай прохладный сок ее плодов да заноси на память все увиденное.

А вот и паруса показались. «Нева» припожаловала. Лисянский заходил на остров Пасху и, хотя стоянка была по необходимости кратковременной, узнал столько интересного, что, пожалуй, не грех там остаться бы и на год... Крузенштерн только повздыхал, слушая обстоятельный рассказ капитана «Невы». На Маркизах невцев встретили столь же радушно.

Наступил день отплытия. Участникам экспедиции и верить не хотелось, что навсегда они покидают этот подлинный рай Южных морей. Записи же, которые они увозили, скоро станут просто бесценными, потому что уже спущен на воду корабль, который приведет сюда американский капитан Мак-Кормик, чтобы водрузить на Маркизах звездно-полосатый флаг и обильно пролить кровь островитян. Ну а потом наступит черед французских «цивилизаторов», которые превратят Нукухиву в центр своей миссионерской деятельности в Тихом океане. Отцы-проповедники начнут с фанатическим упорством искоренять местные обычаи и нравы, объявив их дикарскими. Впрочем, к тому времени большая часть маркизян погибнет от пуль колонизаторов или от завезенных европейцами болезней.

После недолгой остановки на Сандвичевых (Гавайских) островах, где не оправдались надежды пополнить запасы продовольствия, корабли экспедиции продолжали идти на север. Но пути их разошлись. Лисянскому надобно было вести «Неву» к острову Кадьяк, где была главная база Российско-Американской компании. Крузенштерн же еще в Петербурге получил предписание идти прямо к

Японским островам для выполнения дипломатической миссии. Но течь, течь, все та же носовая течь! Вода в трюмах прибывает, а там грузы, которых так ждут на Камчатке: железо, якоря, парусина, канаты, пушки, порох, свинец, ружья, сабли, пистолеты, медная и оловянная посуда, вина, табак, чай, сахар, мука, крупы и еще многое другое. Сколько они простоят в Японии, неизвестно, и, значит, риск потерять все это слишком велик.

Крузенштерн решает идти прямо на Камчатку, дабы выгрузить там все эти припасы, а потом уж следовать в Нагасаки. Но с этим решением не согласился камергер Резанов и в знак протеста заперся в каюте, почти не показываясь на палубе.

Когда миновали северную границу восточных пассатов, настали туманные дни. Шквалы рвали паруса. Здесь, к востоку от Японских островов, на картах изображались загадочные земли, якобы некогда открытые голландцами и испанцами. Последние нарекли эти земли Рика-дель-Плате и Рика-дель-Ори — «острова, богатые серебром и золотом». Названия сулили сказочные богатства. Вряд ли, конечно, их там можно было ожидать, но всякие земли, расположенные в этой части Тихого океана, очень занимали Российско-Американскую компанию, и потому министр коммерции Румянцев специальным письмом просил Крузенштерна попытаться отыскать острова. Поиски не увенчались успехом. Правда, им сильно мешали густые туманы и шквалистые западные ветры.

Июля тринадцатого дня открылся Шипунский берег Камчатки. А через два дня «Надежда» отдала якоря в Петропавловской гавани после месячного перехода от Сандвичевых островов.

Заснеженные сопки, березовые леса, черные скалы с рассевшимися на них крикливыми чайками отражала спокойная, как зеркало, гладь бухты. Три десятка домишек, обнесенных частоколом, — вот и вся крепостца. В бухте ни единого судна, лишь чернеют вытащенные на берег байдары. Но это своя, родная земля — Отечество. Никогда не видали «Камчатскую землицу» моряки с «Надежды», зато наслышаны о ней были гораздо. Век назад казачий пятидесятник Владимир Атласов со товарищи прошел ее впервые всю, до самого мыса Лопатки на южной оконечности. А немного спустя штурманы Иван Евреинов и Федор Лужин положили ее на карту с градусной сеткой. Крузенштерн вспомнил о долгих беседах в Ревеле со своим однокашником Яковом Берингом, внуком знаменитого командора, основавшего Петропавловск. Да и как было не вести эти беседы, если Яков Беринг в чине мичмана входил в состав несостоявшейся экспедиции Муловского. Жаль Берингова внука, не довелось ему увидеть Камчатку, погиб в турецкую кампанию...

Крузенштерн рассматривает берег в подзорную трубу и видит в крепостце необычайное движение: солдаты наводят на корабль пушки, подкатывают ядра. Что такое? Ах, да! «Надежда» — первый корабль из Европейской России в здешних водах. Неудивительно, что его принимают за иностранный корвет и готовятся к обороне.

Тотчас же на судне взвивается андреевский флаг. Солдаты в

крепостце восторженно вскидывают вверх надетые на штыки треуголки и отчаянно размахивают ими. Дождались-таки корабля с далеких берегов Балтики. Гремит пушечный салют — одиннадцать залпов. Не успевают затихнуть их раскаты, Крузенштерн приказывает ответить столькими же залпами корабельной артиллерии.

— Шлюпки на воду!

Всем не терпится сойти на родную землю, обнять соотечественников. Комендант крепости майор Крупский вытирает слезы. И тут неожиданно выступил на сцену Резанов. Облаченный в шитый золотом камергерский мундир, в блеске орденов Св. Анны и Мальтийского креста, он производил весьма внушительное впечатление. Вручая свои официальные бумаги майору, он заявил, что отстраняет от командования судном капитан-лейтенанта Крузенштерна и требует заключить его под стражу. Нет, не простил ему камергер, что поступил по-своему, повел судно в Петропавловск, минуя Японские острова.

Крупский долго читал пергамент, потом просто рассматривал его со всех сторон, видно, впервые держал в руках столь важный документ. Возвратив пергамент Резанову, он долго еще молчал, потом наконец произнес:

— Я немедля снесусь с губернатором Камчатки генерал-майором Кошелевым, полагаю, он примет правильное решение в таких необычных обстоятельствах. Пока же, не имея на то полномочий, не волен я заключать под стражу капитан-лейтенанта флота и кавалера. Да и, правду молвить, — Крупский неожиданно улыбнулся, — содержать под стражей кого бы то ни было здесь нет никакой надобности. — Майор обвел широким жестом окрестные сопки, бухту с замершей на ее зеркальной глади «Надеждой», грузы с которой матросы уже принялись перевозить на берег по распоряжению Ратманова. — Видите, господа? Бежать здесь некуда, да и не на чем.

Тягостное молчание, сменившее радостное оживление встречи путешественников, нарушил взволнованный голос Крузенштерна:

— В обстоятельствах сих не имею более ничего делать, как только отправить канцлеру Румянцеву и морскому министру Мордвинову мое прошение об отставке. С фельдъегерской почтой!

Он демонстративно удалился в дом майора Крупского. Но странное дело, несмотря на столь неприятное происшествие, вскоре опять послышались шутки, смех. А вечером в самом поместительном комендантском доме состоялось шумное застолье, начались танцы. Приход «Надежды» на Камчатку и моряки, и гарнизон крепости справедливо расценили как событие во всех отношениях знаменательное.

Праздничное настроение застал и спешно приехавший в Петропавловск из Нижнекамчатска генерал-майор Кошелев. Встревоженный сообщением Крупского, он очень спешил. Но здесь, в Петропавловске, вздохнул с облегчением. Умудренный житейским опытом, Кошелев сразу понял суть конфликта. Допущена ошибка! Двум лицам доверено решать судьбу столь важной экспедиции, и каждый

понимает свои права по-своему. И Кошелев постарался направить силы и энергию обоих руководителей на то, чтобы как можно лучше подготовиться к плаванию в Японию. Этому же посвятил и собственные помыслы. Туго, очень туго с продовольствием на Камчатке, но экспедиции нужна отменная провизия, особенно мясо. И Кошелев распорядился доставить в Петропавловск откормленных бычков. Он же рекомендовал черемшу и хвою как отличные противоцинготные средства.

Здесь, на Камчатке, произошел крутой поворот в жизни Лангсдорфа. Перед отправлением «Надежды» в Японию его пригласил камергер Резанов. Он приступил к делу со свойственной ему прямотой.

— Не смею ценить ваших ученых талантов. Но основательность ваша в заключениях вкупе с предприимчивостью особливо мне по душе приходится. Кроме природного немецкого владеете вы французским, аглицким, латинским языками. Сверх всех этих талантов вы и медик практический...

Лангсдорф поморщился, он не любил разговоров о своей особе и хотел было об этом сказать, но Резанов остановил его жестом.

— Все это я, господин Лангсдорф, говорю для того только, чтоб понятны стали мотивы моего предложения стать одним из членов дипломатической нашей миссии, на благополучный исход которой я уповаю. Ведь ежели торг с Японией открыть удастся, надобно будет там надежного и знающего человека оставить.

Лангсдорф колебался. Дипломатическая миссия! А как же быть с целыми ящиками собранных им коллекций? Кто сможет разобрать, распределить и классифицировать все это? Никто! Но какой-то тайный голос твердил, что именно поприще дипломатическое поможет ему в его будущих дальних странствиях, без которых истинному натуралисту не обойтись. Подумав, Лангсдорф согласился на предложение посланника.

Так волонтер экспедиции получил — пока еще неофициально — чин надворного советника и постоянное жалованье — три тысячи в год, словом, перешел на русскую службу.

...Разбиваясь с пушечным грохотом о борт, волны наносили страшные разрушения. Они сорвали левую кормовую галерею, и вода хлынула в капитанскую каюту, залив ее на три фута. Поплыли карты, книги, записи. Корабль с оголенными мачтами носило вблизи скалистых берегов. И вдруг настал полный штиль, даже небо прояснилось. «Вот он, глаз тайфуна», — подумал Крузенштерн. Он стоял у штурвала с четырьмя рулевыми. Все были крепко обвязаны страховочными линиями, чтобы не смыло в море.

Воспользовавшись кратковременным затишьем, Крузенштерн приказал поставить зарифленную штормовую бизань, дабы хоть немного держаться к ветру. Но возобновившийся шторм тут же сорвал ее. Мачты угрожающе раскачивались, и команда с топорами в

руках была готова обрубить ванты, если мачты рухнут. Потерявшую всякое управление «Надежду» несло прямо на скалы японского острова.

— Эх, поставить бы хоть стаксель, — проговорил Крузенштерн. Отдавать приказания было уже бессмысленно. Его с трудом слышали сквозь ужасающий рев ветра даже стоящие рядом рулевые.

Но вот двое из них, Филипп Харитонов и Ефим Степанов, цепляясь за что только можно, поползли к мачте. Как удалось им взобраться на рею и закрепить парус, одному богу известно. Тысячу раз их должно было унести в поднебесье и швырнуть в кипящие волны. Но вот парус закреплен. «Надежда» рванулась в сторону, словно норовистый конь, почувствовавший шпоры. Никто не успел заметить, как лопнул и исчез парус. Это произошло мгновенно. Но дело уже было сделано — корабль отвернул от скал и несся теперь в открытое море.

С рассветом жуткий вой стихии стал понемногу ослабевать, ветер переменился, тайфун унесся дальше к северу. Крузенштерн спустился в свою каюту и, не в силах даже собрать промокшие карты, тут же заснул крепчайшим сном.

Когда он снова появился на палубе, здесь уже вовсю кипела работа. Под руководством Ратманова повеселевшие матросы чинили, убирали, чистили. Перед прибытием в японский порт Нагасаки судну после опустошительного тайфуна надлежало придать должный вид.

У фальшборта стоял Резанов, зябко кутаясь в подбитый мехом плащ. Глаза на измученном лице лихорадочно блестели.

Крузенштерн подумал о том, что если им, морякам, привыкшим к штормам и шквалам, нелегко, то каково сугубо сухопутным людям. Но что значат эти испытания! Они позади, и вот теперь, чудом избежав гибели, корабль у берегов загадочной страны, о которой ходят самые невероятные рассказы. Ради таких вот мгновений можно претерпеть любые лишения, преодолеть даже неверие в собственные силы.

На палубе показался надворный советник Фос, имевший еще более измученный вид, чем Резанов. Ну этого-то жалеть нечего!

Крузенштерн подошел к нему и, указывая на работающих на палубе матросов, проговорил холодно:

— Господин Фос, вот эти самые служители, коих вы бездельниками почитаете, нынче спасли и вашу, и мою жизнь.

Обычно надутое высокомерием лицо надворного советника сейчас выглядело сморщенным, посеревшим. Он ничего не ответил, лишь оглянулся на Резанова. Тот подошел к Крузенштерну.

— Господин капитан, — быстро проговорил камергер, — прошу собрать на шканцах экипаж судна.

Через полчаса он появился на палубе вновь, уже затянутый в мундир. Перед строем моряков стояли офицеры. Корабль успели привести в порядок, палубу надраили до блеска.

Резанов остановился в нескольких шагах от моряков. Море все еще сердито швыряло вверх клочья пены, близкий берег напоминал

о себе лентами плававшей на поверхности морской капусты, протяжными и тоскливыми криками чаек.

— Россияне! — начал Резанов. — Обошедши вселенную, видим мы себя наконец в водах японских. Любовь к Отечеству, искусство, мужество, презрение к опасности смертельной — суть черты, изображающей российских мореходцев. Вам, опытные путеводцы, — повернулся он к Крузенштерну и другим офицерам, — принадлежит теперь благодарность соотечественников.

Нет, никакой напыщенности в этих словах не было. Посланник говорил искренне. Совместно перенесенные испытания сближают людей, в этом Крузенштерн убеждался не раз.

— Вам принадлежит благодарность соотечественников, сказал я, — продолжал посланник. — Этого мало. Вы стяжали уже ту славу, которой и самый завистливый свет лишить вас не в силах...

Надворный советник подал посланнику один из его изящных ларцов. В нем оказались медали на шелковых лентах. Резанов вручил их морякам.

И вот якоря «Надежды» покоятся на дне Нагасакской бухты. Россияне с любопытством рассматривают каждую деталь незнакомого пейзажа. Что их ждет в этой стране? Но увы! Японцы разрешают съехать на берег только посланнику со свитой. Их размещают в доме, огороженном со всех сторон, с единственным выходом прямо к морю. Стража неусыпна и неумолима.

Порох, ядра, личное оружие офицеров отобрано. Никому из экипажа не разрешается ходить на шлюпке по бухте, даже возле корабля. А голландские купцы чувствуют себя вольготно. Медленно текут дни, еще медленнее движется скрипучий воз переговоров: японские низшие чиновники докладывают обо всем высшим, не пропуская ни одной иерархической ступеньки.

Но можно наблюдать и с борта корабля, что делается на берегу и в гавани. А состояние атмосферы и воды всегда доступно измерительным инструментам. Впервые проводятся в Японии столь обширные и точные метеорологические наблюдения. Офицеры и ученые составляют словарь японского языка. Записана первая сотня слов, вторая, третья...

Лангсдорф живет на берегу, как и все члены посольства. Но о своих ученых трудах не забывает ни на минуту. Японец, доставляющий провизию, согласился приносить рыб, выловленных в здешних водах. Оказалось потом, что за долгие зимние месяцы ученый описал четыре сотни рыб, принадлежащих к полуторастам видам.

Восхитившись прочностью и плотностью японского шелка, Лангсдорф сразу же стал искать ему практическое применение. Недели упорного труда — и готов монгольфьер! Разложен костер из рисовой соломы. Наполняемый горячим воздухом пополам с дымом, шар стал расправляться, надуваться. И все увидели, что на боку его красуется российский герб — двуглавый орел. К неописуемому восторгу жителей Нагасаки монгольфьер взмыл в воздух. В другой раз шар отнесло ветром в море, его выловили и доставили хозяину япон-

ские рыбаки. Но третий запуск взбудоражил весь город. Шар упал на крышу дома, и оттуда повалили клубы дыма. Больших трудов стоило успокоить жителей, объяснить им, что это не пожар, просто вырвалось наружу содержимое шара. Много тревожных минут доставил этот случай Резанову, который всячески стремился избегать каких-либо конфликтов с местными жителями.

Но вот пришел день, когда японские чиновники-баниосы объявили, что все необходимые уведомления и приготовления сделаны. Официальное послание и привезенные посольством подарки могут быть отправлены в Иэддо — резиденцию императора. Вазы, сервизы, около сотни больших зеркал, ковры, атлас, парчу, сукно, фонари Кулибина и многие другие изделия русских заводов и фабрик свезли с корабля на берег.

Ответ императора оказался обескураживающим: он отказался принять подарки и запретил русским судам появляться в Японии.

Осень, зиму и часть весны простояла «Надежда» в порту Нагасаки. Приходилось возвращаться ни с чем. Только 16 апреля 1805 года освободились от жестокой неволи, как выразился в путевых записках Крузенштерн. Он решил возвращаться в Петропавловск другим путем, через Японское и Охотское моря. Теперь уже можно было целиком заняться гидрографическими исследованиями. Открытия... Открытия... Открытия... Исчезают «белые пятна» на карте этой части Тихого океана, наименее известной в то время. Пополняются этнографические записи экспедиции. Загадочный народ — айны, обитающие на Сахалине; жаль, нельзя здесь пожить подольше.

В Петропавловске Крузенштерна ожидала фельдъегерская почта. Министр коммерции граф Румянцев извещал капитана, что его прошение об отставке удовлетворено быть не может. Официальная бумага сопровождалась и частным письмом министра, в котором он не поскупился на лестные эпитеты.

Резанов со свитой перешел на один из кораблей компании, намереваясь направиться на остров Кадьяк. Оттуда приходили тревожные известия. Правитель всех поселений в Русской Америке Александр Баранов доносил, что индейцы напали на крепость Архангельскую, построенную в заливе Ситка, и полностью разгромили ее. Судьба поселенцев неизвестна...

Но почему индейцы напали на крепость? Это казалось странным. Следуя еще давнишним наставлениям Шелехова, Баранов обращался с местным населением гуманно, вел взаимовыгодную торговлю...

Как-то там Лисянский? Не отвлекли бы его эти трагические события от исследовательских задач. Сам же Крузенштерн поторопился выйти из Петропавловска для изысканий в море. Все отошло на задний план, когда он занялся наконец своим основным делом. С удовлетворением видел, как осуществляется обширный план, намеченный учеными. Составлена опись западного и северного побережий Японских островов, исправлены многие ошибки Лаперуза, на значительном расстоянии прослежено побережье Сахалина, открыты

и нанесены на карту многочисленные мысы и бухты, в Курильской гряде обретены четыре островка, за свое коварство названные «каменными ловушками».

Конец лета 1805 года застал «Надежду» опять в Петропавловской бухте. И снова надо менять характер своей работы, снова превращаться в купцов... Крузенштерн дал знать Лисянскому, что место встречи кораблей на сей раз — китайский торговый порт Кантон. И после очередного ремонта корабли с грузом мехов вышли из бухты.

...Больше года не виделись капитаны. И когда наконец обнялись, за чаем и ромом было каждому о чем рассказать, событий разных проистекло немало... Но главное, что интересовало Крузенштерна, — это положение дел в Русской Америке. Лисянский очень ярко описал свою встречу в заливе Ситка с армадой Баранова. Он плыл на бриге «Ермак» во главе целой флотилии байдар и лодок. Местное население пришло на помощь русским поселенцам. Сражение было коротким. На месте разрушенной возникла новая крепость — Новоархангельская, ставшая главной в Русской Америке. Как потом оказалось, зачинщиками всех беспорядков были американский пират Барбер и капитан английского судна. Они всячески разжигали алчные инстинкты одного из индейских вождей, пообещав отдать ему все купленные русскими шкуры бобров и много-много огнестрельного оружия. «И тогда ты будешь главным вождем, — говорили они, — во всем бассейне реки Медной, и у залива Якутат, и близ Чугацкой бухты...» А среди тех, кто ворвался в крепость и устроил там побоище, было немало моряков с английского корабля. Чтобы не быть узнанными, они нарядились индейцами, покрыли лица графитом и утыкали волосы орлиными перьями, как делали индейцы тлинкиты, вступая на тропу войны. Все это были старые трюки, еще времен англо-французской войны в Канаде.

Много рассказывал Лисянский о поразившей его величественной красоте суровой северной природы Аляски. Он, как всегда, занимался астрономическими, географическими наблюдениями, изучал и описывал жизнь кадьякских, ситкинских племен. О плавании же с грузом мехов в Кантон Лисянский поведал скупо, в нескольких словах, а между тем во время этого перехода «Нева» не раз оказывалась на краю гибели, попадая в жестокие штормы.

В октябре, когда спустились к 20° северной широты, корабль налетел на коралловую банку. Надо было действовать быстро и решительно. За борт полетели запасные стеньги, пушки, к которым привязали поплавки, чтобы они не пошли ко дну. С большим трудом снялись с мели. Но налетевший шквал снова бросил «Неву» на острые кораллы. Моряки и тут не потеряли присутствия духа. Неутомимо продолжали облегчать корабль, пока тот не обрел плавучесть.

А потом «Нева», как и «Надежда», испытала ярость тайфуна. Ураганный ветер так клонил корабль, что подветренный борт временами уходил в воду по самые основания мачт. Когда спешно убирали паруса, грот-стаксель-штоком выбросило за борт трех матросов,

которые тут же исчезли в кипящей пене, но, к счастью, очередная волна выбросила моряков на шкафут, им успели бросить конец, и волна схлынула с палубы, лишившись добычи.

Рассказал Лисянский об открытии большого низменного острова, но умолчал, что по настоянию всего экипажа этой частице суши в океанском просторе присвоено его имя.

Крузенштерн в свою очередь поведал о неудаче посольства, о своих изысканиях в Тихом океане.

Из Кантона «Надежда» и «Нева» отправились домой вместе. Теперь путь лежал по «накатанной», оживленной дороге. То и дело встречались суда под самыми различными флагами. Совместное плавание двух капитанов продолжалось только до южной оконечности Африки. В густом тумане суда потеряли друг друга из виду. Миновав грозные широты, Лисянский направил бег корабля прямо на север. Погода стояла отличная, ветер бодро посвистывал в снастях, провизии запасли предостаточно, больных на борту не было... Сто сорок суток бежала «Нева» без остановки до самого Портсмута. А оттуда до Кронштадта — уже и рукой подать.

5 августа 1806 года кронштадтская брандвахта салютовала «Неве», а через две недели и «Надежде», и звуки пушечных выстрелов отдавались в сердцах моряков слаще самой нежной музыки. Среди толпы встречающих лица знакомые и незнакомые. Весь Петербург был взволнован. Шутка ли, обойти вокруг света! Вмиг офицеры обоих кораблей сделались кумирами салонов, желанными гостями в любом доме. Но... вести светские пустые разговоры? Нет-нет, поскорее в родительские гнезда, обнять наконец родных и близких. Лисянский уехал в Малороссию, в Нежин, Крузенштерн — на мызу Асс близ Ревеля.

Однако отдыхать долго не пришлось. Той же осенью отправлялась новая «кругосветка». Адмиралтейству потребовались справки, советы, рекомендации. Крузенштерн теперь подолгу жил в Петербурге, а потом и вовсе перебрался в столицу. Здесь он и заканчивал первую часть книги о путешествии. Приступил к второй. Так уж получилось, что в первый свой визит к графу Румянцеву пересказал ему содержание начальных глав книги, во второй и третий — последующих. И вот — очередное приглашение.

Как всегда, не без внутреннего волнения подошел к дворцу на Английской набережной, вступил под сень четырехколонного дорического портика, охраняемого грозными львами. Мажордом встретил у зеркальных дверей, приняв треуголку и шпагу, проводил по мраморной лестнице на второй этаж и затем через анфиладу торжественно-холодноватых парадных покоев в кабинет хозяина.

Румянцев встретил в узорчатом халате с кистями. Кружевные манжеты и воротник тонкого полотна. Холеные пальцы усыпаны перстнями. Увидев гостя, Румянцев встал из-за стола, за которым писал, снял очки, усадил капитана в вольтеровское кресло, сел рядом.

— Ну-с, милейший Иван Федорович, побеседуем. А там у меня и сюрпризец уж припасен. О каких краях поведать изволишь?

Два дня разбирал Крузенштерн свои записи о Камчатке. Несколько месяцев провел он в Петропавловске. Пожалуй, и не одну главу займет Камчатка в книге.

— Даже и самое имя Камчатка произносится ныне со страхом и ужасом, — начал Крузенштерн. — Две причины тому усмотреть можно. Первая — чрезмерное отдаление земли той от главных благоустроенных мест России, а вторая — скудность и суровость природы. Всякий представляет себе, что это царство голода и холода, одним словом, совершеннейшая бедность во всех видах. Но может ли быть великое отдаление причиной бедственного положения Камчатки? До порта Джаксон и Новой Голландии англичанам нужно добираться не менее пяти месяцев, но за двадцать лет они сделали это место цветущим... А климат? Что ж, зима в Европейской России столь же продолжительна. В этом отдаленном крае вызревают хлеб и многоразличные овощи. В Петропавловске все офицеры заготавливают их сколько потребно со своих огородов, а в Нижнекамчатске и по берегам реки Камчатки почва столь хороша, что приносит ржи в восемь, а ячменя в двенадцать раз больше посева. Мы получали оттуда не только картофель и репу, но и огурцы, латук-салат, прекрасную капусту...

Румянцев слушал со вниманием. Да-да, все доводы капитана разумны, он приводит цифры, говорит о том, что и откуда можно завозить на Камчатку, и не из-за тридевяти земель, а тут же, по соседству. Выходит, на Камчатке надлежит разводить все виды скота, строения нужны крепкие и прочные, и оные дешевле возводить из кирпича, нежели из привозного лесу. И о рыбных богатствах края вел речь Крузенштерн, и о пушных, и о минеральных источниках, весьма здоровье укрепляющих. Но осуществимы ли прожекты сии? Чиновники бесчестны и корыстолюбивы, купцы невежественны и алчны. Некому блюсти интересы государственные. Румянцев прошелся по комнате, мягко ступая по ковру, опять сел в кресло напротив капитана, заговорил о Русской Америке.

— Россия, вышедши на тихоокеанские просторы, обеспокоила успехами своими могущественные государства, имеющие там свои собственные интересы. Обеспокоила, — повторил саркастически Румянцев. — А что державы сии? Воюют, все воюют в своих колониях, то англичане с французами, то янки с англичанами из-за канадских провинций, а все вкупе — с индейцами. А карты посмотреть — одни пятна белые. Земли обширнейшие, не токмо не заселенные, но и не проведанные вовсе. Знаешь ли, милейший Иван Федорович, когда Квебек основан? Двести лет назад. Маккензиева книга вышла сейчас в Петербурге. Прошел Маккензий со своей партией от озера Атабаски по реке Пис-Ривер и другим путям водным до Ледовитого моря и Тихого океана в 1792 году только. А наш-то Григорий Шелехов, Колумб российский, достиг американского берега куда как ранее и без кровопролития, шума и реляций основал там остроги

и поселения. Так что ж? Узнал некий Ледиард, американец, о богатствах пушных на островах, Прибыловым открытых, устремился все выведать доподлинно. Хитростию проник в Петербург, добрался до Иркутска, потом до Якутска, еле восвояси выдворили...

Камердинер принес кофе. Румянцев стал задумчиво его прихлебывать. Крузенштерн последовал примеру графа, наслаждаясь ароматом напитка.

— Ну раз о Российско-Американской компании заговорили, так вот тебе еще новости, Иван Федорович, — хозяин кабинета сделал несколько глотков, отставил чашку и приложил к губам салфетку. — Доброхот твой, камергер Резанов, отбыв с Камчатки в Русскую Америку, провел с Лангсдорфом зимовку тяжелейшую в Новоархангельске. Умирали там с голоду люди. Восемнадцать человек земле предали, остальные еле ноги волочили. Правильно рассудил ты, Иван Федорович, и на Камчатке, и в Русской Америке заводить надобно и пашню, и огороды... Да пока суд да дело... Решил Резанов отправиться в южные земли американские. И это ход верный: испанцы-то богатейшие колонии там имеют. Отбыла в конце зимы «Юнона» из Новоархангельска в Калифорнию.

— Чем же дело кончилось и кончилось ли?

— Резанов-то не зря наследником Шелехова считается. Унаследовал не только богатство рыльского купца, сильно, впрочем, молвой преувеличенное, но и планы его обширные, государственного размаха планы. В Сан-Франциско тамошним властям сообщили мы, что посланник российский туда направлен. Встретили Резанова хорошо. С губернатором де Аррилагой договорился он о поставке большой партии продовольствия. А паче всего об основании поселения российского на землях калифорнийских.

Спасши Новоархангельск от голода, поспешил камергер в Петербург. Да, видно, не соразмерил сил своих с принятым на себя грузом. Не довелось ему добраться до столицы. Расхворался в дороге, а в Красноярске совсем слег. Там и похоронили камергера. Но, как говорится, слаб человек, да велики дела его.

Крузенштерн склонил голову, услышав столь печальную весть. Давно уже отошли для него на задний план личные взаимоотношения с этим человеком. Сейчас он искренне сожалел о безвременной кончине камергера. Большая потеря для компании, да и для всего великого дела освоения заокеанских земель.

— Ну а что же наш бравый Лангсдорф? — с тревогой спросил Крузенштерн. — Знаю, пустился он в большое путешествие по Камчатке. Вестей давненько от него никто не получал. Меня уж и из Германии о судьбе его запрашивали.

— Как же, как же, известно: едет в Петербург и везет в собой в двух кибитках шестнадцать больших и малых ящиков коллекций разных. А что в ящиках тех, наберемся терпения — узнаем. А теперь ждет тебя, Иван Федорович, тот самый сюрприз, о котором я говорил давеча.

Румянцев поднялся с кресла, Крузенштерн последовал за ним.

Они поднялись на пол-этажа, в библиотеку. Какая-то особая мягкая тишина и покой обволакивают в этом помещении. В высоких шкафах за стеклами поблескивали золотом увесистые фолианты на многих языках, на почетном месте покоились рукописные и старопечатные книги. В последнее время на столах в библиотеке появились карты и даже лоции. Большой искусно гравированный французский глобус отсвечивал медным боком.

Крузенштерн оглядел обширное помещение. Навстречу поднялся моряк в мундире лейтенанта с прямыми темными волосами, вьющимися бакенбардами и густыми бровями над проницательными серыми глазами.

— Василий Михайлович! — воскликнул приятно пораженный Крузенштерн.

— Лейтенант Головнин делит свои симпатии между двумя морями — соленым и книжным. Право, затрудняюсь сказать, какому отдает предпочтение, — проговорил Румянцев, явно любуясь эффектом своего «сюрприза». — Во всяком случае из моей библиотеки его можно извлечь разве что силой.

А Головнин, отложив томик Дидро, раскрытый на середине, шагнул к капитану второго ранга и, несмотря на разницу в чине и возрасте, порывисто обнял Крузенштерна.

— Что говорить обо мне, когда здесь первый кругосветный плаватель...

— Ага, догадываюсь теперь, кто назначен командиром «Дианы»!

— Шлюп получился превосходнейший! — с удовольствием сказал Головнин. — Всю зиму переделывали из обыкновенного транспорта-лесовоза. Всего триста тонн, девяносто футов длины, строен на Свири, а сейчас уже на Кронштадтском рейде вооружаем его. Ставим четырнадцать шестифунтовых пушек, четыре карронады по восемь фунтов и столько же фальконетов.

— Европа вся вооружена до зубов, — серьезно сказал Крузенштерн, — сия артиллерия, я чаю, нелишней окажется, хоть экспедиция твоя токмо что научная.

Он долго смотрел на Головнина. Встречались они редко, но зато наслышан был Крузенштерн о доблестном флотском офицере предостаточно. Моложе его на семь лет, Головнин был в Морском корпусе первым по успехам в своем выпуске, а потом еще год совершенствовался в гуманитарных дисциплинах и иностранных языках. Отменную свою храбрость показать успел в сражениях, кои вела в Северном море эскадра адмирала Ханыкова, и в качестве волонтера в английском флоте. В общем повторялся путь, пройденный им, Крузенштерном. А теперь вот и плавание «около света».

Граф Румянцев, сославшись на дела, деликатно оставил офицеров обсуждать все детали предстоящего «Диане» дальнего пути.

— Польза всякого путешествия прежде всего в том, чтобы примечать все, что случится видеть нового и поучительного, — слова Крузенштерна звучали не менторски, а скорее раздумчиво. Головнин

внимательно смотрел на капитана второго ранга. Он приехал в Петербург из Англии уже после возвращения «Надежды» и «Невы». Последнюю стали сразу же готовить к новому плаванию на Камчатку и Кадьяк, «Надежду» же пришлось поставить на прикол. В пару к «Неве» назначили было «Диану», да слишком много переделывать пришлось на транспорте. Лейтенант Леонтий Васильевич Гагемейстер ушел на «Неве» один.

А в голове Крузенштерна сразу всплыло все то, о чем только что беседовал с Румянцевым. Чтобы успешно освоить дальние владения России, им, морякам, надлежит составить гидрографию северной части Тихого океана, этим займется он сам, то же посоветует и Головнину.

— В плавании моем успел я убедиться, сколь ненадежны карты Тихого океана.

— О да, — подхватил Головнин, — не раз, не два доводилось мне видеть за кордоном карты, снабженные надписями «вернейшая», «полнейшая», «новейшая». И что же? На поверку-то выходило, что имеют они величайшие, непростительные погрешности. А сие губительно для мореходов. Все достоинство карт таких разве что в завитушках замысловатых. Много дивился я, как это разрешают картами такими торговать?

— Вот и у меня были такие же атласы. Потому и полагал я своей обязанностью, — продолжал Крузенштерн, — составить подробные описания земель и островов, не отмеченных на карте, определять их точные координаты. И напротив того, все земли, не найденные мной, несмотря на тщательные поиски, отправлял я в страну мифов, где им надлежит пребывать. Для науки нет ничего дороже истины. Собирал сведения, касающиеся не только морского дела, но и другого самонужнейшего и любопытного, а паче всего жизни и обычаев народов, на мало известных землях обитающих.

Заговорили о том, что, заботясь об оснащении экспедиции, нельзя забывать: судьба ее решается людьми. Заметив твердый черный переплет «Записок» адмирала Ансона, Крузенштерн снял книгу с полки.

— Сей английский лорд полагает, что цинга проистекает от самого воздуха морского. На кораблях адмирала, даже крейсирующих у берегов, служители умирали как мухи.

— Известно мне это совершенно, — отозвался Головнин, — жестокое обращение и дурная пища — вот истинные болезни флота британского. Известно мне также, что на «Невс» и «Надежде» мало кто и страдал недугами, и это за три года-то! Примеров сему не отыскал я за всю историю кругосветного мореплавания!

Вошел хозяин дома и, пояснив, что «званых обедов не дает», пригласил «запросто откушать чем бог послал». Обед затянулся, и не столько из-за обилия блюд, сколько по причине бесед содержательных. Мысли обедающих, как стрелки компаса, все время возвращались к тем отдаленнейшим берегам Отечества, о которые разбивались валы Восточного океана. Крузенштерн говорил о том, как

нужно картографам заняться Шантарскими островами, Амурским лиманом, побережьем Охотского моря. Потом перешел к северным берегам Русской Америки.

— Так и сяк прикидывали мы с Лисянским. И вот что выходит. Никто не может здесь помочь лучше... алеутов...

Головнин даже поперхнулся, а Румянцев со стуком отложил вилку:

— Каким же способом полагаешь, милейший Иван Федорович, обучить сих туземцев?

— А их и обучать не нужно, искуснее мореплавателей, чем алеуты со своими байдарами, в краю этом не найти. Мыслится мне большая байдарная экспедиция под началом вот такого расторопного и бывалого морского офицера, как лейтенант сей, — Крузенштерн указал глазами на сидевшего рядом Головнина. — Результаты должны быть отличнейшими при самых малых затратах. Вот дело по силам Российско-Американской компании.

Граф Румянцев только недоверчиво качал головой, глаза лейтенанта зажглись любопытством. А Крузенштерн говорил уже о другом.

— Много думаю я о неудаче посольства в Японию, надо возобновить наши усилия. Невероятно, чтобы японское правительство не понимало, как важно жить в хороших отношениях с Россией.

И опять, как и всегда, расчеты, выкладки. «Надежда» вышла из Нагасаки с грузом риса и соли. Эти и другие продукты можно оттуда поставлять на Камчатку и в Русскую Америку. Япония же — необъятный рынок для пушнины.

...Здесь, на Английской набережной, не слышалось ни стука карет, ни криков разносчиков. Только шумела листва под порывами ветра с реки. Вместо того чтобы идти к перевозу, моряки, повинуясь безотчетному желанию, зашагали вдоль набережной, любуясь невской перспективой и красками погожего летнего дня, уже угасающего.

— Сколько мы беседовали нынче о нашем с Лисянским плавании, — проговорил Крузенштерн, отвечая собственным мыслям, — а вроде бы и разговора не начинали. Поведать многое еще предстоит.

Густые брови лейтенанта сдвинулись и разошлись. Он улыбнулся, погладил себя по бакенбардам и проницательно взглянул на собеседника.

— Пока живешь, исчерпать себя не можно, так полагает французский философ Дидро, коего я сегодня изрядно почитал. Ну а касательно плавания... Я чаю, даже и потомки наши будут обращаться к нему вновь и вновь. Слишком большие пласты жизни русской оно затрагивает.

Головнин следил за парусом, удалявшимся вниз по течению. Мыслями он уже был там, в Кронштадте, на борту «Дианы».

Константин Бродский

В ЦЕНТРАЛЬНЫХ КАРАКУМАХ

ОЧЕРК

В моем домашнем архиве хранится интересный документ — пожелтевший лист бумаги, исписанный арабской вязью. Сверху листа — штамп ЦИК Туркменской Советской Социалистической Республики, внизу подпись председателя ЦИК тов. Карпова. Это так называемый «Открытый лист», по-восточному «фирман», — указ местным властям оказывать всемерное содействие биологу Каракумской экспедиции К. А. Бродскому, то есть мне, тогда еще студенту 3-го курса и полноправному участнику правительственной экспедиции в пустыню Каракумы.

Насколько я помню, за время, прошедшее с 1927 года, ни одно издание для широкого читателя не осветило работу этой экспедиции, и мне думается, что в век научно-технической революции интересно поделиться воспоминаниями о том, как проходили научные исследования в Каракумах шестьдесят лет назад.

Экспедиция организовывалась в трудных условиях. Прошло всего десять лет со дня Великой Октябрьской социалистической революции. Советская власть утвердилась на всей огромной территории России, но в Средней Азии она сталкивалась с особыми трудностями: изоляция от Центральной России, религиозная и племенная рознь, хозяйственная разруха, а главное, непрекращающиеся сражения с бандами басмачей, получавших помощь из-за границы. И несмотря на это, заботясь о развитии экономики края, ЦИК Туркменской ССР решил отправить в Каракумы комплексную экспедицию биологов и почвоведов. Главной задачей экспедиции было изучение типов водоемов в пустыне. Основываясь на результатах исследования водной фауны колодцев и временных водоемов, требовалось решить вопросы о происхождении вод, длительности жизни этих

водоемов и дать их характеристику. Параллельно с этим ставились задачи и для ботаников, почвоведов, специалистов по наземной фауне.

В экспедиции участвовали известные ученые — профессора первого в Средней Азии и Казахстане университета (САГУ): Даниил Николаевич Кашкаров — знаток фауны млекопитающих, мой отец Абрам Львович Бродский — специалист по фауне одноклеточных-простейших и водной фауне; преподаватели: зоолог Курбатов, почвоведы Скворцов и Францкевич. Общие идеи о необходимости изучения водного режима всего тогдашнего Туркестана разрабатывались почвоведом Николаем Александровичем Димо, но он в экспедиции не участвовал.

Ученые, которых я назвал, оказались в Ташкенте в 1920 году, покинув Москву для организации университета, созданного по декрету В. И. Ленина. Переезд из Москвы был совершен в трудных условиях — на поездах, впоследствии получивших название «поездов науки» или «Ленинских поездов». С первых же дней пребывания в Ташкенте профессора и преподаватели будущего университета активно включились в работу. Так, уже в год приезда в Ташкенте состоялась экспедиция на Аральское море; в последующие годы ученые каждое лето проводили в экспедициях, причем единственным видом транспорта являлась лошадь, поскольку никаких дорог в тех местах тогда не существовало, а были лишь древние караванные тропы.

К времени Каракумской экспедиции весь ее научный состав имел опыт почти семи лет путешествий. А, например, мой отец, типичный «кабинетный ученый», уже в 1922 году писал, что он хорошо освоил верховую езду, а главное, сложную процедуру вьючения животных, что он может это делать не хуже природных кочевников — казахов. Да и сам я начал экспедиционную деятельность с 1920 года, когда мне было всего 13 лет.

Уже в апреле на базе экспедиции в Ашхабаде началась подготовка к предстоящему сложному путешествию. Сложен был даже первый этап подготовки — выбор маршрута. Надо было рассчитать все расстояние в километрах, согласовать их со временем караванного хода (примерно 3 км в час), и все это увязать с временем, потребным для перехода от колодца к колодцу. Последнее было труднее всего: приходилось больше гадать, где расположены эти колодцы, ибо хороших карт не было, а если на имевшихся источники воды и были обозначены, это вовсе не означало, что мы их действительно там найдем. Они могли быть засыпаны или, что еще хуже, испорчены басмачами (в Туркмении их называли колтоманами). Но все же удалось наметить план будущего пути.

Активность колтоманов нам пришлось учитывать серьезно. Они могли напасть на караван, поскольку с территории Афганистана и Ирана часто переходили нашу государственную границу и совершали набеги на местных жителей и советские учреждения. У колтоманов было хорошее оружие английского происхождения и хорошие

кони. Их вождь Джунаид-хан еще не был обезврежен и действовал весьма активно. Словом, экспедиции пришлось основательно вооружиться. Кроме дробовых ружей для отстрела птиц и зверей все ее участники, и учсные и проводники-туркмены, получили винтовки-трехлинейки и револьверы системы «наган». А также достаточное количество патронов.

Важным делом был и подоор караван-баши — главного лица экспедиции, погонщиков верблюдов (тюякеш) и рабочих. Начали с караван-баши, и наш замечательный Анна-Ураз очень хорошо справился с подбором тюякеш и рабочих из туркмен, хотя племенные традиции, такие, как пережитки кровной мести, серьезно затрудняли его задачу. Но Анна-Ураз хорошо знал свое дело. Выходец из бедной семьи, он показал себя умелым помощником. Он был чабаном (пастухом) у богатого бая и, кочуя со стадами, изучил всс тропы и колодцы в пустыне, а после революции не раз оказывал большую помощь отрядам Красной Армии в их борьбе с колтоманами. А нам Анна-Ураз помог подобрать восемь тюякеш и четырех рабочих, а также лошадей, ослов и верблюдов. Последних нам пришлось купить не менее тридцати — целый караван. Верблюды должны были везти бочонки с водой — шестьдесят штук по три-четыре ведра каждый.

Когда все было собрано и сложено под навесом караван-сарая, наша экспедиция ничем не отличалась от больших торговых караванов, ходивших в древности по Великому шелковому пути.

Научная база в Ашхабаде разместилась в краеведческом музее с чудесным садом-парком перед ним, в котором росли кипарисы и масса цветов. Особенно нас поразили огромные агавы-юкки с жесткими остроконечными листьями. Забегая вперед, скажу, что, когда мы вернулись, эти древовидные вечнозеленые растения выбросили большие, выше человеческого роста, цветочные стрелки, усаженные крупными белоснежными цветами.

Директор музея Билькевич, много сделавший для познания фауны Туркмении, был уже в преклонном возрасте, но все еще полон энергии и, судя по массе черепков, разложенных на огромном столе в подвальном помещении музея, увлекался археологией. Это было вполне понятно: рядом с Ашхабадом расположена Ниса — резиденция древних парфянских царей.

В самом городе я осмотрел любопытные каменные бани очень старой постройки, любовался павлинами в саду мечети бабитов. Само появление этой мечети в старом Ашхабаде интересно. Религиозная секта бабидов, возникшая в XIX веке в Иране, подняла антифеодальное восстание; оно было подавлено, и приверженцы этой секты, изгнанные из Ирана, обосновались в Ашхабаде.

Но всего интереснее был настоящий восточный базар, где в лавчонках, да и прямо под открытым небом выставлялась масса туркменских изделий, начиная с обуви и туркменских халатов и ковров до самых причудливых украшений с полудрагоценными камнями и обилием бирюзы. Много было и различных конских украшений: сбруя с накладным серебром, уздечки с бирюзой и раковинками

Художник Е. Кузнецова

каури. Особенно меня привлекли чарыки — местная обувь, веками приспособленная для ходьбы по сыпучему песку. Сделаны они из целого куска мягкой кожи, со вздержкой из ремешка по верхнему краю и очень похожи на мокасины североамериканских индейцев. Чарыки не вязнут в песке и, затянутые сверху, не пропускают песок внутрь. Я решил купить их, и потом они мне очень пригодились, особенно когда пришлось много идти пешком по сыпучему песку барханов. Приобрел я и толстые шерстяные носки-джурабы, что предохранило мне ноги от потертостей их стременами, и, конечно, плетку (камчу) и пчак (нож) с арабской вязью на клинке, в ножнах, разукрашенных цветными ремешками. Кожу туркмены дубили специальным дубильным растением — тараном, и она приобретала от этого красный цвет, почему все изделия из кожи, включая и чарыки, были красные.

Наконец 21 апреля наш караван вышел из Ашхабада. Апрель — весенний месяц даже в Каракумах, и не было той жары, какая стоит с мая по сентябрь, когда совсем нет дождей и температура в тени поднимается до 50°, а почвы — до 80°. Караван построили в походном порядке — впереди верблюд Анна-Ураза, за ним, ступая в затылок друг другу, растянулись остальные. По бокам каравана едут всадники, одни на лошадях, другие на ослах. Весьма колоритную фигуру представляет наш завхоз Никифоров: он едет на осле, длинные ноги завхоза чуть не волочатся по песку, над головой он держит огромный зонт. Последний арык с водой, последняя свежая зелень люцерны, последний взгляд на тающий в дымке белоснежный

хребет Копет-Даг. Берем направление на север, и вот уже начинаются пески, так называемые незакрепленные барханные. Они безжизненны, и только во впадинах между барханами встречаются редкие злаки и осока. Они вовсю зеленые, но жизненный цикл у них короткий. Они эфемеры. Их рост и развитие скоро закончатся, образуются семена, а стебли и листья засохнут. До следующей весны, когда обилие влаги снова вернет их к жизни.

Кое-где попадается серая пустынная полынь и темно-зеленые кустики гармалы — травы дервишей. В то время я не раз видел, как на восточных базарах дервиши расхаживали перед лавками торговцев, размахивая половиной кокосовой скорлупы, подвешенной на медной цепочке. В скорлупе на углях дымились стебли гармалы, издававшие резкий характерный запах. Дым этот должен был способствовать щедрости торговцев. Зная это, они давали дервишу кто кусок лепешки, а кто бросал ему медную монету.

Скоро мы стали замечать и активную жизнь исконных обитателей песка. Тут и там во множестве бродили жуки-чернотелки, оставлявшие на поверхности бархана цепочки ажурных следов; к вечеру появилась масса навозников. Очевидно, их обилие было связано с весенним временем года. Медленно шествовали по песку крупные черные жуки — медляки Фауста. При приближении человека они принимали угрожающую позу, высоко задирая заднюю часть тела. Часто встречалась чернотелка стернодеса с белыми продольными полосами на черном фоне надкрыльев и чернотелка пистеротарса. Если я брал ее в руки, она издавала резкий звук, за что у туркмен получила название «зик-зик». Интересно, что этот звук получается от трения голеней о надкрылья. Чернотелки живут везде, где есть песок, независимо от присутствия там человека или скота, а вот навозники концентрируются только в местах, где есть навоз, который служит пищей им и их личинкам. Поэтому было неудивительно, что они собирались во множестве около нашего каравана, и я сразу обратил внимание на обилие крупного навозника — священного скарабея, того самого, которого так почитали древние египтяне. Уже с раннего утра эти жуки кругами летали над барханами в поисках помета, и если находили его, то моментально делали из него шары и спешно укатывали в разных направлениях. В укромном месте жук закопает шар и отложит в него яйцо. И развивающаяся личинка будет надолго обеспечена пищей. Часто на владельца шара нападали другие скарабеи, возникала драка, но, так или иначе, шар вскоре исчезал с поверхности песка. Иногда скарабеи во время своих поисковых полетов задевали за лицо, и ощущение было такое, как будто в вас бросили какую-нибудь железку.

Кроме скарабеев встречалось много других навозников, и все они страшно досаждали нам, слетаясь вечером массами на костер и попадая в чай и суп.

Из позвоночных часто попадались ящерицы, в основном ушастые круглоголовки, непрерывно расправлявшие свои кожаные перепонки на голове и закручивавшие в кольцо хвост.

В первый день нашего путешествия было пасмурно, и жгучее солнце, закрытое облаками, совсем не казалось страшным. Копет-Даг давно уже скрылся за горизонтом, и мы шли по твердой, как асфальт, древней караванной тропе, исхоженной верблюдами на протяжении сотен, а может быть, и тысяч лет. Впоследствии она потерялась в песках, но пока ее хорошо было видно. Пройдя пояс барханов, мы оказались среди пухлых солончаков. Соль выступала белым налетом на почве, местами он был такой толщины, что походил на снег. В этих солончаках лошади проваливались почти до щеток на ногах, верблюды же со своими «подушками» шли спокойно.

Вечером мы организовали свою первую ночевку в пустыне. Прямо на бархане был поставлен брезентовый тент, под ним сложили патроны, порох, инструменты и прочие ценные вещи. Расставили деревянные складные кровати, рядом разместили вьючные ящики и бочонки с водой. Привязали лошадей и дали им ячменя, а верблюды разбрелись в поисках кустиков гармалы и верблюжьей колючки.

Перед закатом солнца, пользуясь свободным временем, ученые принялись ловить пустынную живность для коллекций, а когда стемнело, зажгли фонари «летучая мышь» и стали заносить дневные наблюдения в записные книжки и дневники.

Первое утро в пустыне. Погода все еще милостива к нам. 7 часов, температура воздуха 20°, песка — 22°.

Навьючены верблюды, оседланы лошади. В путь! Вчера мы прошли пояс барханов и пухлые солончаки, а сегодня попали в бугристые пески. Бугры сложены почти все из незакрепленного песка, только у основания встречаются редкие кусты селина и верблюжьей колючки, а во впадинах — эфедры и гармалы.

Тихо, не жарко. Медленно идет караван, и мы не подозреваем о том, какие сюрпризы готовит нам погода. Это выяснилось лишь к двум часам дня, когда вдруг поднялся сильный ветер, очень скоро превратившийся в настоящий ураган. Верхушки барханов начали «дымиться», песок тучами летел по ветру. Было видно, как мгновенно создавались и быстро исчезали целые гряды песка. Яркое солнце, ненадолго выглянувшее из-за облаков, померкло и превратилось в мутный, еле заметный светлый кружок; стало темно. Защитные очки-консервы мало помогали — песок летел в глаза, рот, уши.

Ветер не прекращался весь день и всю ночь. Попытка поставить палатки ни к чему не привела — их моментально сорвало ветром. Только выждав, когда ветер временно немного стих, мы укрепили наветренные края палатки мешками с ячменем. Верблюды лежали, вытянув шеи, плотно закрыв ноздри и глаза. Только к полудню следующего дня ветер успокоился, переместившийся во время урагана песок совершенно изменил окружавший нас рельеф — где были барханы, теперь появились впадины, а в бывших впадинах возникли новые барханы.

Пришлось заняться ликвидацией последствий урагана — удалять песок, проникший всюду — в одежду, в фотоаппараты, в ящики с приборами, в записные книжки. Долго чистили оружие — у винтовок из-за песка не вынимался затвор, у наганов не проворачивался барабан.

После утомительного дневного перехода в ауле Артык-Ходжа мы впервые увидели типичный колодец Каракумов. Тщательный осмотр его воочию убедил нас, как многовековая народная мудрость позволила в условиях безводной пустыни накопить и сохранить воду, используя не грунтовые засоленные воды, а весеннюю пресную. Мы с интересом рассматривали устройство колодца. Чтобы не осыпались глина и песок, он был обложен изнутри толстыми стволами саксаула. По краям «сруба» вбито два кола, на их перекладине укреплено деревянное колесо с желобом для шерстяного аркана, к концу которого привязан кожаный мешок — бурдюк вместимостью не менее 3—4 ведер. Воды в нашем колодце было мало, ее слой не достигал и полуметра, но она была пригодна для питья, хотя и солоновата. Мы сфотографировали и обмерили колодец, с помощью шелкового сита профильтровали колодезную воду и собрали все ее живое население. Последующий анализ планктона покажет, как долго сохранялась вода в колодце, какого она происхождения и качества и какую роль играют грунтовые и паводковые весенние воды в балансе колодца. Немало расскажет планктон и о прошлом пустыни. Пополнив водой наши уже опустевшие бочонки, мы двинулись дальше.

Местность мало менялась: все те же слабо закрепленные песчаные бугры, к растениям добавились солянки и ковыль. Кругом летали или копошились с навозными шарами скарабеи, а однажды я заметил быстро исчезнувших за кустами селина двух саксаульных соек. Эта интересная птица — типичный представитель фауны пустыни и относится к семейству вороновых. Сойка очень ловко бегает по песку, помогая себе короткими взмахами крыльев. Питается она насекомыми, но иногда склевывает и скорпионов, предварительно отрывая у них последний хвостовой членик с ядовитой железой. Черный хвост и черные пятна на крыльях выдают ее на фоне песка, но зато она ловко прячется в кустах и быстро бегает.

Между барханами все чаще и чаще стали попадаться глинистые площадки-такыры с одинокими кустиками верблюжьей колючки. Почва на их поверхности растрескалась, и образовались многоугольники. Обычно она очень твердая, но тогда еще не совсем просохла от весенних дождей, и наши лошади оставляли на ней следы. Поверхность такыра казалась безжизненной, но я нередко видел на ней гнезда крупных рыжих муравьев-фаэтонов. Их гнезда торчали как большие кучи земли, вынесенной из-под глинистой корки такыра.

На одном из такыров мы обнаружили временный водоем — «кхак», обнесенный полуразрушенной глиняной стеной — дувалом. В этот водоем туркмены собирали весеннюю дождевую воду.

Бугристые пески со скудной растительностью

Лагерь готовится к походу

Позже мы встретили и другие типы временных водоемов, в частности «куйму». Это мелкий водоем, скорее лужа, где вода сохраняется почти до конца мая. Пресной водой из «куйм» и «кхаков» наполняются колодцы. Если в нем уже есть соленая вода, то пресная, как более легкая, плавает поверх соленой. Такие колодцы засыпают песком и отрывают тогда, когда истощится вода в «куймах» и «кхаках».

Сейчас в Каракумах пробурено много артезианских скважин, дающих хорошую пресную воду, но древние способы собирания и хранения воды кое-где сохранились и местами используются до сих пор.

К концу мая, а зачастую и гораздо раньше вся вода в «куймах» и «кхаках» высыхает, и дно их превращается в твердую, раскаленную под лучами горячего солнца глиняную корку. Казалось, что в таких условиях никакая жизнь невозможна. Однако, фильтруя воду через планктонную сеть, мы нашли там большое видовое разнообразие коловраток, ракообразных — циклопов, дафиний и жаброноговхироцефал. Встретились и личинки комаров. За короткий весенний период личинки превращаются в куколки, и вскоре из них вылетают взрослые насекомые, переживающие сухой и жаркий период года и последующую зиму в почве, в растениях, в щелях камней. Планктонные организмы переживают это время внутри оболочки, очень похожей на яйцо. Насколько совершенно это приспособление, показывает следующий пример: мой коллега по институту в Ленинграде получил по почте в конверте щепотку сухой пыли со дна высохшего водоема из пустыни Сахары. Он залил эту пыль водой, и через некоторое время в ней ожили ветвистоусые ракообразные, родственные нашим дафниям. Таким же способом я «оживлял» и прокаленную солнцем, твердую, как камень, глину со дна временных водоемов Каракумов.

Обилие жизни в водоемах и колодцах важно и интересно для ученых, но весьма неприятно для потребителей воды. Иной раз, наклонившись над бочонком, чтобы набрать воды во фляжку, я отшатывался при виде сплошной массы кишащих там жаброногов величиной с половину спички.

В одном из встреченных нами аулов, в Кара-Мурате, мы застали картину тогдашнего быта туркмен в пустыне. Даже первые впечатления говорили о том, что в ауле сохранился еще феодальный строй и сословные различия: кто побогаче, жил в хороших юртах, победнее — в примитивных шалашах. У первых было много скота, особенно курдючных овец. Мы поинтересовались, надолго ли хватает аулу весенней воды в «кхаке». Оказалось, что запас этот не так мал — воды для 1000 овец хватало на 20—30 дней. Потом аул снимается с места и откочевывает к своему родовому колодцу, до поры до времени засыпанному песком.

Так от колодца к колодцу, от «кхака» до «куймы», мы продолжали свой путь. Пасмурные дни кончились, начало палить солнце, и уже утром почва нагревалась более чем на 40°.

Появились в большом количестве насекомые. Вечером на свет костра их летело так много, что они буквально засыпали людей, сидящих у костра, падали в чай. На такырах начали попадаться термитники двух видов: закаспийского термита и туркестанского. Гнезда первых возвышались над поверхностью такыра в виде довольно крупных холмов и были хорошо заметны издали. Разрез показал, что они пронизаны ходами и камерами. При температуре поверхности почвы в 33° в термитниках уже на глубине в 10 см было 25°, а на сорокасантиметровой глубине всего 21°. Гнезда туркестанского термита мало выдавались над поверхностью такыра и не были так заметны, как закаспийского.

Не менее интересны на такырах гнезда муравьев, похожие на маленькие вулканчики высотой до 20 см. Вокруг кратера в гнезде шла кольцевая воздушная камера, защищавшая верхнюю часть гнезда от перегрева. На разрезе кроме обычных ходов виднелись зерновые камеры, где хранились запасы семян растений. Больше всего этих камер с запасами было на глубине 30—50 см, глубже 60 см они исчезали.

Солнце продолжало раскалять песок, доставалось и нам. Температура воздуха в тени достигала уже 37°. Целый день, сидя в седле, мы находились под горячим солнцем, и от него некуда было деться. В седельной сумке — куржуме всегда была фляжка с водой, но она предназначалась только на вечер. В начале нашего путешествия мы после долгого перехода по неопытности садились отдыхать прямо на песок, но тут же вскакивали: он был раскален. Скоро мы догадались снимать верхний слой сантиметров на 15—20, под ним оказывался прохладный и даже сырой песок.

Наше монотонное движение с «верблюжьей скоростью» по барханам, такырам и бугристым пескам иногда прерывалось сильным и внезапным ветром, поднимавшим тучи песка. Сразу темнело, и трудно было сказать: что было хуже: жгучее солнце или ветер с песком вперемежку. Кроме того, наше оружие приходило в негодность и его надо было каждый раз тщательно чистить.

Иногда на верхушке бархана неожиданно появлялась фигура пешего туркмена. Как уверяли наши проводники, это были соглядатаи Джунаид-хана, оценивавшие наши силы и вооружение. Если бы мы поймали такого разведчика, мы не смогли бы доказать, что это колтоман, а не бедный пастух, ищущий овец, отставших от отары...

Девятый день в песках. Запасы воды в бочонках почти кончились, а остатки испортились, и в ней развилась всякая живность. Хуже всего было с лошадьми, без воды они могли погибнуть, в то время как верблюды могли еще терпеть. Но шли верблюды все тяжелее. Уже не раз некоторые ложились в пути, а поднимать их стоило больших трудов. Решили, так и не дойдя до колодцев, сделать остановку. После короткого отдыха, дав не более четверти ведра воды лошадям, мы снова пустились в путь, пытаясь скорее дойти до колодцев Мамет-Яр. Местность не изменилась: все те же бугристые пески и такыры, но чаще стали встречаться изящные, высотой от

полутора до трех метров деревца песчаной акации. Их серебристая крона, как ажурное кружево, совсем не давала тени. Появился в большом количестве белый саксаул, много кустиков солянки и два вида каллигонума; один был в цвету, другой еще собирался цвести.

На пути к колодцам Мамст-Яр встретили дождевую яму, где сохранилось немного воды, но она была буро-желтого цвета, непрозрачная и с сильным аммиачным запахом. Пить ее нельзя было, нельзя было и поить лошадей. Так ни с чем мы двинулись дальше. Постепенно такыры стали встречаться реже, а пески стали менее закрепленными. Непрерывно дул сильный ветер, хотя даже слабому достаточно пяти минут, чтобы совершенно сгладить следы каравана на поверхности барханов. Очевидно, опытный караван-баши ориентировался в пути не столько по местным знакам или следам, сколько по положению солнца, а ночью — звезд.

С трудом, но мы все же дошли до колодцев Мамет-Яр. Напоили животных и наполнили свои бочонки.

Всего мы насчитали в Мамет-Яре 19 колодцев, но только в восьми из них вода была пригодна для питья. Она стояла на большой глубине — не менее 20—25 м ничтожным слоем в 10—15 см и имела резкий запах сероводорода. По словам местных жителей, запаса воды было достаточно только для того, чтобы напоить один раз 100 верблюдов и 1200 овец. Остальные колодцы были либо без воды, либо прикрыты колючей травой — знак того, что колодец не действует.

Мы оказались свидетелями того, как местные жители достают здесь воду из колодцев. Туркмен на длинном аркане опускал в колодец мешок из шкуры барана емкостью 3—4 ведра, растянутый на крестовине, а назад его вытаскивал верблюд, которого мальчик вел прочь от колодца; в другой раз мы видели, как ту же операцию проделывали четыре туркмена. Вокруг колодца толпились верблюды, их поили из небольших деревянных колод. Как нам сказали, верблюдов и овец поят не чаще чем один раз в 2—3 дня.

На самом такыре стояли юрты и два глинобитных дома с потолочными балками из стволов песчаной акации. Возраст этих домов, очевидно, был солидным, так как их стороны, обращенные к преобладающим западным и северо-западным ветрам, были сильно разрушены. Когда-то эти постройки были обитаемы, но мы застали их пустыми.

Мы снова в пути. Погода становилась все хуже: солнце накаляло песок, все металлические вещи были так горячи, что их нельзя было взять в руки, но больше всего мешал нашей работе непрерывный сильный ветер. Когда мы для изучения почвенной фауны делали так называемый почвенный разрез, ветер бросал песок прямо в лицо, а во время работы у водоемов насыпал песок в банки, на планктонную сеть. Только к ночи ветер немного стихал, однако ночи были очень душными.

Колодцы Кумли, хотя и были обозначены на карте, оказались засыпанными песком. Повезло только нашим зоологам — они

нашли у колодцев интересную и довольно редкую птичку — пустынного воробья. Гнездится он только на небольшом участке Каракумов и характерен для барханных песков с редкой растительностью из песчаной акации и саксаула. Из трех подвидов этого воробья в Каракумах встречается подвид Зарудного. А мне удалось поймать тератосцинка, или сцинкового геккона, ночную ящерицу с огромными глазами и коротким хвостом. Днем я ее ни разу не видел: она боится солнца и в жаркий день может быстро погибнуть.

Через девять часов непрерывного хода по пескам мы добрались наконец до колодцев Иербент. Люди, лошади и верблюды так устали, что еле доплелись до места ночлега. В нескольких из 11 колодцев Иербент мы нашли годную для питья воду и наполнили наши совершенно опустевшие бочонки.

Здесь мы увидели и конкретные следы проникновения Советской власти в Центральные Каракумы — у колодцев Иербент располагался настоящий магазин — кооператив. Перед входом в юрту в виде прилавка были сложены ящики с мануфактурой, чаем, сахаром, пиалами, чайниками, керосином и даже папиросами. Были книги, среди них сборник стихов на туркменском языке туркменского поэта XVIII века Махтумкули. Товары доставлялись сюда очень редко караванами верблюдов, но это уже было начало изменения в быте жителей пустыни.

Снова мы занялись исследованиями почвенной фауны, сбором насекомых и изучением фауны в колодцах. Вечером я собрал большое количество скорпионов. К их постоянному присутствию в лагере мы давно уже привыкли, так же как и к фалангам. Вечером, когда в палатке зажигали фонарь, они бегали по брезенту палатки и по сидящим за работой людям, как по неодушевленным предметам.

Я пополнил свою коллекцию крупной зеленовато-золотистой златкой юлодис и серым долгоносиком. Я почти всегда находил их на ветвях саксаула, где температура воздуха была несколько ниже, чем на песке. Под кустом, где сидели златка и долгоносик, встретился и молодой варан, при мосм приближении он страшно раздулся и начал яростно бить хвостом.

Особенно нам запомнились колодцы аула Тендерли. Запомнились тем, что ни в одном из 22 колодцев не оказалось ни капли воды. А ведь за год до этого известный геолог академик Дмитрий Иванович Щербаков писал: «В Тендерли 20 колодцев, около них 12 кибиток». Увы, кибитки исчезли, такыр стал необитаем...

Седьмого и восьмого мая испытали особенности континентального климата. После жаркого дня ночь была такой холодной, что рано утром я с удивлением обнаружил в бочонках настоящие льдинки; на вьючных ящиках и на брезенте лежал иней. Температура ночью упала ниже нуля, а в 6 часов утра на почве она была всего 4°. Как мы убедились, пустынные животные не испытали такого резкого перепада: температура, измеренная в норке навозника на глубине всего в 15 см, была равна 20°.

Идем все дальше на север. Состояние растений меняется: осока-

илак уже плодоносит, и ее плодики, как оранжевые пузырьки, покрывают стебли. Мелкими темно-вишневыми цветками начинает цвести песчаная акация. Мелкими бледно-розовыми цветками цветет кандым (каллигонум).

С вершины бархана на расстоянии 25—30 км на севере мы впервые увидели останцы твердых горных пород — Топ-Джульба, почти не разрушенные дождями и ветром, они возвышались как монументы.

Не добравшись до останцов, остановились на ночевку в ложбине, где оказалась целая колония пустынных грызунов — полуденной песчанки. В результате столь неосмотрительного выбора места для ночевки мы подверглись нападению неисчислимого множества клещей. Пришлось перенести лагерь в другое место. Мы и раньше имели дело с клещами: стоило кому-либо, идя по бархану, остановиться, как через несколько секунд он мог заметить на ровной поверхности песка спешащих к нему со всех сторон насекомых.

Как я уже упомянул, в колодцах Тендерли мы не смогли пополнить свои запасы воды, в бочонках ее оставалось совсем немного, а главное, на жаре вода начала сильно портиться. У останцов Топ-Джульба, куда мы добрались на следующий день, тоже никакой воды не было. Положение создавалось угрожающее.

Двинулись к поворотному пункту нашей экспедиции — аулу Шиих, считающемуся столицей Каракумов, где, как нам говорили туркмены, живет большой ишан. Перед аулом мы впервые попали на плоскую, усыпанную щебнем террасу, где росли редкие деревья черного саксаула, кусты кандыма и чахлая полынь. Так странно было после бесконечного сыпучего песка ступить на твердое плато.

Понимая, что на нас лежат определенные дипломатические обязанности, сделали визит вежливости к ишану — как-никак важное духовное лицо, весьма почитаемое тогда туркменами, наставник, имеющий своих учеников-мюридов. Ишан держал себя вежливо, но настороженно и даже враждебно, так что никакого полезного разговора у нас с ним не получилось. В других юртах туркмены были гораздо приветливее, угощали нас сквашенным верблюжьим молоком — чалом и охотно беседовали с нами. Поблагодарив за угощение и подарив разные мелочи детям, мы обследовали водоемы на такыре. От «кхака» размерами примерно 60 на 70 м и глубиной около метра к колодцу шла канавка с симметрично расположенными по ее краям кучками глины. Посередине «кхака» оставалась прямоугольная площадка из глины, показывающая, что «кхак» специально вырыт на такыре туркменами. От скота он был обнесен низкой глиняной стеной — дувалом, вход в него запирался четырьмя перекладинами из стволов саксаула. В «кхаке» еще сохранилась вода весенних дождей, она была красно-бурого цвета и кишела дафниями, циклопами и жаброногами. Обследовали колодец: вода в нем оказалась совершенно пресной, без какого-либо запаха, температура воды всего 13°, а на почве термометр в это же время показал более 50°. Глубина колодца была небольшая, не более 7 м, а слой воды — с

полметра. Все это показывало, что колодец был в хорошем состоянии.

С ближайшего песчаного холма нам открылся горизонт: к востоку и северо-востоку тянулись все те же бугристые пески, а на север и северо-запад расстилались шоры (солончаки) и ряды останцов, протянувшихся сплошной линией на горизонте. Похоже было, что мы приблизились к уступу Каракумской пустыни, или чинку, ограничивающему Каракумы с севера. Дальше наш путь лежал к знаменитому серному останцу Чиммерли.

По пути мы обследовали останцы Кош-Аджи. Это была целая система куполообразных и конических, соединенных перемычками бугров, покрытых сыпучими и закрепленными песками, а местами и щебнем. Встречались выходы песчаника и часто попадался кремень. Некоторые камни и их обломки, покрытые пустынным загаром, были так искусно обработаны ветром и песком, что напоминали кружево. Весенние дожди сильно размыли останцы и образовали у их подножия террасы, в разрезе которых видно было чередование слоев серого песчаника и зеленой пластичной глины. В толщах песчаника одного из останцов были многочисленные пещерки и ниши. В одной из таких ниш я обнаружил колонии маленькой пчелы Родошковского. Ее норки располагались так скученно, что этот участок стены из известняка был похож на соты. В норках и около них суетилось множество крупных муравьев — фаэтонов. Многие из них были испачканы цветнем; часто я видел их держащими в челюстях кусочки цветня — очевидно, фаэтоны грабили бедных пчел. Когда пчела улетала, фаэтоны забирались в норку, так что вернувшаяся пчела не могла попасть в свое жилище и улетала прочь. Целые колонии были покинуты пчелами, а у подножия холма я обнаружил много гнезд фаэтонов.

Среди барханов встречались глубокие котловины, местами покрытые мхами и лишайниками. В этих котловинах лежали старые полусгнившие стволы саксаула. Это были термитники туркестанского термита.

Как известно, большинство видов термитов — обитатели тропических стран, у нас в стране они встречаются только в Средней Азии, и в частности в Фергане, но больше всего их в Туркмении. Термиты часто повреждают деревянные строения, причем, избегая дневного света, выедают деревянные предметы внутри, оставляя нетронутой внешнюю оболочку. После сильного землетрясения 1948 года в Ашхабаде оказалось, что потолочные балки многих домов были сильно повреждены термитами. Здесь же, в пустыне, термиты не только не приносят вреда, но участвуют в почвообразовании, вынося на поверхность почву с глубины.

Выбравшись из лабиринта останцов, мы оказались у подножия серного бугра Чиммерли, или Чимберли. Дожди сильно размыли его, и местами обнажились слои желтого, серого, зеленоватого и даже темно-красного песчаника. С восточной и южной сторон эрозионные борозды шли сплошь от вершины бугра до его основания и продол-

жались на окружавшем его такыре. На самом бугре росли редкие кустики солянки. На корнях одного из них мы нашли интересное растение — паразит цистанхе с толстыми чешуйками вместо листьев на сочном стебле. Оно цвело, и его цветки издавали тонкий и приятный запах. На склонах бугра кусты кандыма-каллигонума уже плодоносили, а ведь только недавно мы видели цветущий кандым — так коротка в пустыне активная жизнь растений. Вершина бугра была покрыта налетом серы, попадались и куски песчаника с серым песком и даже целые куски кристаллической серы. Ощущался сильный запах сернистого газа. В двух местах на склонах мы обнаружили ямы, где Д. И. Щербаков пробовал делать выплавку серы.

По гипотезе геологов Ферсмана и Щербакова, сера накопилась в результате химических процессов в осадочных породах, богатых сульфатами, что было возможно только в особых климатических условиях пустыни. Запасы серы в серных буграх Каракумов не могли остаться без промышленного использования, и всего через полтора года после нашей экспедиции в районе серных бугров недалеко от Дарваза начал работать серный завод, затем были построены еще два завода. Более 30 лет они давали высококачественную натуральную серу, но с открытием недалеко от железной дороги Гаурдакского месторождения выплавка серы в Центральных Каракумах прекратилась, а в Гаурдаке был построен целый серный комбинат.

В мае 1959 года недалеко от того места, где мы были, ударил газовый фонтан, позднее дали газ еще несколько скважин, а потом забили и нефтяные фонтаны. Но тогда, в 1927 году, мы и не подозревали, по каким богатым подземным кладовым путешествуем.

Кончилось наше продвижение на север, пора было и в обратный путь. Было уже 15 мая, и жара становилась все сильнее и сильнее, в час дня температура почвы поднималась до 60°. Люди и животные очень устали.

Жара все усиливается. 16 мая на поверхности почвы температура была днем 64°. Проводя температурные измерения на поверхности почвы и в подпочвенном слое, мы и раньше установили, а теперь пришли к убеждению, что подавляющее большинство обитателей Каракумов, в частности жуки и все, кто роет норки в песке, живут как бы в термостате, то есть при постоянной невысокой температуре. Если на поверхности песка 60 и более градусов, то на глубине всего 10 см — не более 24°.

Снова трудности с водой. Проходим колодцы, где ожидаем найти воду, но ее нет. А почва нагревается уже до 68—70°, воздух (в тени) — до 38—40°. Жара не спадает и к вечеру, ночи стали душными и жаркими, нет ни малейшего ветерка.

Мы уже месяц в песках, и положение нашей экспедиции становится серьезным. Болен Анна-Ураз, болен и сменивший его Анна-Кули. Очевидно, это результат плохой воды.

Хорошую воду мы надеялись найти в колодцах Чур-Чурли. До них оставалось всего часа два караванного хода, но люди и животные так устали, что пришлось сделать короткую остановку. Не дойдя до

колодцев, мы наткнулись, на наше счастье, на такыр Гельдыбай, где нашли воду.

Вероятно, в связи с усилившейся жарой на горизонте все чаще стали появляться миражи. Они всегда были одинаковыми: огромное озеро, в котором отражались деревья, похожие на пирамидальные тополя. Казалось, природа старается сыграть с нами злую шутку: миражи появлялись тогда, когда было особенно жарко и хотелось пить.

До населенных мест оставалось еще не менее 120—130 км, а судя по карте, после такыра (Чур-Чурли, откуда мы только что вышли) нам мог встретиться лишь один колодец Багыт (или Бахт); была ли там вода, этого мы не знали. На верблюдах было больше больных, чсм бочонков с водой; пришлось ввести строгий рацион и людям, и животным.

Сидеть на лошади, медленно идущей за верблюдами, делалось все труднее: седло раскалено, снизу жаром пышет песок, сверху обжигает безжалостное солнце. Но скоро случилось худшее: пали две лошади, остальные еле брели, ослы не в состоянии были нести всадников. Пришлось идти пешком и нести винтовку, сумку, бинокль и прочие вещи. Вот когда я оценил достоинства туркменских чарыков, только в них можно было идти по сыпучему песку, Верблюды стали часто ложиться, и поднимать их приходилось с большим трудом: сказалась большая тяжесть груза, который они несли непрерывно более месяца без серьезного отдыха. Обстановка в экспедиции требовала быстрого возвращения в Ашхабад.

Пришлось применить переменный способ движения. Участвовали в нем все, кроме двух туркмен-тюякеш при верблюдах. Часть всадников на оставшихся еще более крепких лошадях выезжала на несколько километров вперед, затем останавливалась, и половина всадников продолжала путь пешком, а часть, оставшаяся на лошадях, поджидала пешеходов, идущих сзади.

А вокруг нас были все те же бугристые, а местами и грядовые пески. Во впадинах между буграми еще виднелся жалкий покров из пожелтевших и закончивших созревание осок и злаков. Лишь зеленели отдельные деревца саксаула и сверкали на солнце серебристые кроны песчаной акации. Из животных активны были одни ушастые круглоголовки, а из жуков — стернодесы, но и они, когда солнце поднималось над горизонтом, исчезали, зарывшись в песок. Наши коллекции хотя и медленно, но пополнялись. Зоологи ухитрились положить в банку со спиртом песчаного удавчика в том положении, когда он обвил своими кольцами ящерицу-круглоголовку. Жуков — перепончатокрылых, двукрылых, у нас уже были тысячи, ими были заполнены все специальные ящики, а пробирок и банок с планктоном набралось больше сотни. Немало было и банок с ящерицами и тушек птиц. О гербарии я не говорю, его вез специальный верблюд.

24 мая мы добрались до Ашхабада, проделав более чем за месяц путь в 600 км. Древний способ передвижения с караваном верблюдов

позволил нам не только хорошо исследовать фауну, флору, водоемы и почвы Центральных Каракумов, но и почувствовать на себе, что такое пустыня.

Как приятно снова было встрститься с гостеприимным директором музея Билькевичем и оказаться в саду музея, где пышно зацветали огромные юкки! А потом начались хлопоты по упаковке собранных в пустыне коллекций, продаже верблюдов, лошадей, ослов, и самое грустное — расставание с нашими верными и стойкими спутниками и помощниками туркменами. Особенно мы сдружились с караван-баши Анна-Уразом и Анна-Кули.

В результате нашего путешествия в Каракумы впервыс была подробно исследована фауна почв и водоемов, изучены многие виды млекопитающих, птиц, рептилий, насекомых и растительности Центральных Каракумов.

Большое значение имсло обнаружение моим отцом в грунтовых водах Каракумов живых морских многокамерных корненожек — свидетелей некогда бывшего на территории Каракумов обширного морского водоема, соединявшегося с древним Средиземным морем.

Даниил Николаевич Кашкаров, используя свои материалы, создал схему связи млекопитающих, птиц и рептилий с условиями жизни в пустыне и вместе с известным ботаником, крупным специалистом по растительности Средней Азии Е. П. Коровиным, тоже профессором Среднеазиатского университета, опубликовал схему жизни в пустыне. Работа Кашкарова «Экологический очерк позвоночных Центральных Каракумов» вместе с работой Коровина «Жизнь пустыни» вошла в научные сводки и учебники по экологии. Почвоведы и ботаники дали тоже много нового для понимания условий жизни в пустыне Каракумы.

Многое сейчас изменилось там, ведь со времен нашей экспедиции прошло шестьдесят лет. Пробурены артезианские скважины, проведен Каракумский канал, построены поселки, совхозы и даже города, развилась газовая и нефтяная промышленность. Вместо караванных троп пролегли асфальтированные автомобильные дороги. В Репетекском заповеднике и в других местах Каракумов проводятся стационарные наблюдения за жизнью пустыни и опыты по закреплению песков, а в Ашхабадс создан специальный Институт пустынь. И я счастлив тем, что наша экспедиция внесла свой вклад в дело освоения и развития этого района нашей страны.

Олег Ларин

ПОЙДЕМ-УВИДИШЬ...

ПОВЕСТЬ

Правильно говорят о Пинеге: к ней привязываешься сразу, расстаешься с грустью и запоминаешь навсегда. Вспоминаются слова одного бывалого северянина. Лет двадцать назад, задолго до того, как приехать в эти места, я расспрашивал его о здешнем житье-бытье. Почему-то многие люди, никогда не бывавшие на Севере, представляют этот Север бесконечно огромной, стылой и безжизненной пустыней, где само время, кажется, отброшено далеко назад. Что-то подобное представлялось тогда и мне... Северянин выслушал мои вопросы с глубоко запрятанной улыбкой. «Не губите себя! — воскликнул он, выбрасывая передо мной руку-шлагбаум. — Не ездите вы на Пинегу! Иначе всю оставшуюся жизнь не будете знать покоя. Ни во сне, ни наяву!»

Тогда я не очень-то понял значение его слов, сорвался с места и поехал. Потом еще и еще... И вот теперь каждый раз, услышав слово «Пинега», я останавливаюсь как бы с разбега, и в памяти начинают оживать ошеломительные восходы и закаты на фоне синих лесов, люди в замасленных робах, белая ночь над белой летящей рекой, всегда звучащая музыка Севера.

Карабкаясь по лесистым склонам, пинежские деревни утверждают себя монументальными срубами изб с крутыми бревенчатыми взвозами, с бойкими коньками на крышах, с теремковыми ставенками и узкими «косящатыми» оконцами. Будто в хороводе, к реке сбегают ломаные линии прясел и изгородей, чем-то напоминающие древнерусский алфавит. Тесными рядами стоят за околицей амбары «на курьих ножках», наполовину вросшие в землю черные баньки, скрипят колодцы-«журавли». По реке бесшумно скользят осиновки — лодки, похожие на струги древних новгородцев, с высоко вздернутыми носами. В некоторых домах можно встретить узорчатые прялки, вальки, веретена, медные братины, а иногда и старинную книгу в переплете из телячьей кожи — видно, не добрались до нее

еще археографы Пушкинского дома... Здесь не увидишь асфальта, совсем недавно сюда пришло телевидение и железная дорога, к счастью, очень редки здания из стекла и бетона. И первое впечатление таково, что жизнь здесь течет степенно и размеренно, как часовой механизм, заведенный исстари.

Но это обманчивое впечатление. Пинежье подновилось в последние годы, увеличилось население, вырос экономический потенциал края. Словом, жизнь здесь идет таким же ходом, как и всюду на русском Севере. В тайге работают трелевочные трактора, и лесовозы вывозят серую пупырчатую елку и медноствольную сосну. Пинежье — один из крупнейших лесозаготовительных районов Архангельской области. На полях, укрытых от арктических ветров, зреют урожаи кормовых трав, ячменя, овса, картошки... Тишина древних сел озвучена треском моторных лодок на реке, звонкой декламацией есенинских строк из раскрытых окон школы: «Тихо дремлет река, темный бор не шумит...» А рядом, в конторе совхоза или лесопункта, обсуждают планы лесозаготовок, решают судьбу богатой пинежской поймы...

Давно я не был на Пинеге. Давно не слышал крутую и протяжную северную речь, которую без всякого преувеличения можно бы положить на ноты. Давно не видел своих пинежских друзей и знакомых: как они там, что нового в их жизни? Правда, некоторые приезжали ко мне в Москву, со многими я переписывался. Но письма — это не в счет: что можно узнать в куцых строчках поздравительной открытки?.. И вот когда я увидел разложенные веером полторы сотни слайдов, выполненных одним столичным фотографом, недавно побывавшим на Пинеге, и не узнал многих своих знакомых... я понял, как давно не был там. И принял решение: в дорогу, срочно собирайся в дорогу!..

Синий лес, белая вода

Что такое весенняя ночь на Пинеге? В сущности это и есть утро. Медленное, праздничное, нескончаемое утро, которое встречают, не дожидаясь восхода. Море белого, жемчужного света накатывается волнами вездесущей, рвущейся ввысь музыки. Куда ни посмотришь, нет ни единой тени — все скрадывает слепящий и ровный свет. Кажется, что солнце не ушло за горизонт, а вселилось в хмурый безлюдный лес, спящую реку, в плывущие по реке бревна. Еле слышен щебет просыпающихся птах. Разбежавшись с высокого берега, падает в реку ручей, и там, где он упал, клубится розовый пар...

Наш путейский катер стоял у впадения Пинеги в Северную Двину, и я видел белую летящую реку, синие леса за рекой и льдины, похожие на груды грязного хлопка. Еще несколько дней назад они бились в причальные стенки, стонали и лязгали, как товарный состав со ржавыми тормозами, вставали на дыбы, с отчаянием заламывали

Художник И. Гансовская

к небу ноздреватые истаявшие бока, а потом обессиленно падали, разбивались и плыли дальше.

Ночью в каюте я просыпался от этих звуков и выходил на палубу слушать реку. В сиянии белой ночи она выглядела непрерывно движущимся конвейером, и только темные смерчи куликов и уток да прошлогодние бревна, уткнувшиеся в берега, нарушали привычные цвета половодья.

Вздрогнув всем телом, как застоявшийся конь, наш катер развернулся против течения и вошел в устье Пинеги. Он шел прямо по льдинам, утюжил их своим днищем, и те, сшибаясь лбами, с затяжным стоном погружались в воду и с шумом выныривали из-под кормы, как мертвецы у Гоголя. Инженер-гидрограф Епифанов, «король здешних вод», заставлял маневрировать судно вдоль берега, выбирая подходящий зазор между крупными льдинами, чтобы не повредить корпус. Время и река торопили нас.

Дело в том, что большинство населения Пинежья живет вдоль берегов, и только река позволяет снабжать села, деревни и поселки необходимыми товарами, техникой, горючим, строительными материалами, удобрениями. Все это доставляют пинежанам караваны судов из Архангельска и Котласа. Раз в году, едва схлынет ледоход, более ста грузотеплоходов, танкеров и буксиров с баржами заходят в Пинегу и по большой воде следуют до самых верховьев. Каждый лесопункт, каждый совхоз знает, какой груз и на каком судне нужно встречать. На всю эту операцию река предоставляет не более двадцати дней: пропустит теплоходы, даст им возможность разгрузиться — и навигация закрывается до будущей весны. Следом за возвращающимися судами движется молевая древесина и буквально наступает на пятки последним караванам.

Этим караванам мы прокладываем путь — обставляем фарватер створными знаками, ставим на мелях вехи. Однако у реки свой график, часто не совпадающий с графиком речного пароходства, и поведение ее непредсказуемо. Пинега течет согласно своей природе, как текла, быть может, сотни веков назад, еще в доледниковый период, и нет ей никакого дела до людских забот и грузопотоков. Уж кто-кто, а Епифанов знал ее неуправляемый характер.

— Разве это река?! — охотно откровенничал со мной Григорий Яковлевич. Капли пота на его лице смешивались с каплями первого дождя. — Вот где она у меня сидит! — И ребром ладони он хлопал себя по шее. — Двадцать навигаций здесь провел, и всякий раз — как впервые. Попробуй довериться этой воде, ослабь внимание! Не река — а тысяча и одна ночь...

Через час рация принесла добрую весть: в прибрежной тайге началось таяние снегов и уровень воды в верховьях поднялся на метр. Так что Ваймуши, Юбру, Дарданеллы, Чуши, Крест, Пьяный (название пинежских перекатов. — *О. Л.*) мы пройдем почти безболезненно. Команда путейского катера при этом известии заметно повеселела. Однако с лица Епифанова не сходило угрюмое выражение. Он стоял за штурвалом, шарил биноклем по серо-стальному полотну

реки, по ее лесистым берегам, будто искал разгадку одному ему известной тайны, и предпочитал помалкивать. Вода совсем очистилась ото льда, течение стало свальным, стремительным, и наш 75-сильный мотор реагировал на него натужным, всхлипывающим кашлем.

Солнце вставало на работу, свежее и умытое. Проснулись кулики на болотах и с дикими криками, макая в воду кончики крыльев, принимались гонять в салочки. Вот Пинега выгнула свое тело у плеса, и катер вошел в узкое, как ущелье, речное ложе с отвесными гипсовыми скалами. Гидрограф сказал, что пинежские гипсы составляют полосу длиной несколько десятков километров, но они редко выходят на поверхность и потому невыгодны пока для промышленных разработок.

Он передал штурвал капитану, раскрыл передо мной внушительный альбом под названием «Лоцманская карта реки Пинега» и на одном из листов показал местонахождение судна.

— Скоро будет Занаволочье, — предупредил Епифанов. — Лично для меня — самое опасное место на реке. Белая веха потянет катер влево под самый берег. И сразу, почти под прямым углом, начнется поворот с узким проходом. Не дай бог встретиться здесь с самоходкой — беды не оберешься! Грунты — песчаные, раскидистые, течение — сумасшедшее, почти десять километров в час. — Он указал пальцем на вытянутую светло-голубую полоску вдоль фарватера, означающую мели и перекаты. — Когда дно жидкое, хуже не придумаешь. А если оно твердое, каменистое, то получше. Здесь и течение не такое свальное, и риску поменьше.

Лоция была составлена с великим тщанием и дотошностью. Более подробной карты видеть мне еще не приходилось. На ней можно было найти любой ориентир, не боясь ошибиться на двадцать — тридцать метров. Масштаб позволял разглядеть даже такие места, где я когда-то ночевал, разводил костер, удил рыбу и где выкупался в холодной воде, неосторожно садясь в резиновую лодку.

И все же, несмотря на свою дотошность, лоция о многом умалчивала, вернее, просто не знала. Например, как преодолеть Ваймушинские перекаты, где вязкое, засасывающее дно и резкие перепады уровней и под каким углом пройти Занаволочье. Все эти карты, инструкции, правила, служебные предписания в сущности ничего не значат, если капитан обделен личной интуицией, смелостью, инициативой. Кто знает, может быть, прав один писатель, когда сравнивал речного капитана с... поэтом. И тот и другой творят по божественному наитию и способны расслышать в хаосе чувств одно точное слово. Если сердце в нужный момент не шепнет речнику этого точного слова-действия, он может искать себе другую работу...

— О навигации семьдесят седьмого года слышали? — спросил у меня Епифанов, по-прежнему не отрываясь от горизонта. — Вот была работенка! Из-за резкого спада воды судов двадцать «обсохло», и весь груз мы на малых катерах тащили. Баржи приходилось буквально сплавными бревнами подпихивать. И нигде ни одной про-

машки не дали. Уже потом, когда итоги подводили, капитаны говорили: если бы понадобилось повторить операцию «Пинега-77», все бы сделали то же самое...

Что и говорить, тяжела 20-дневная судовая обстановка на Пинеге, напряжен и подчас мучителен труд пинежского речника. А ведь когда-то был еще тяжелее. Когда-то река была отрезана от цивилизации, и «появление первого парохода весной, после ледохода, приветствовалось как вестник из другого мира», писал американский публицист Альберт Рис Вильямс. В начале 20-х годов он плыл на тихоходном колеснике «Курьер». Допотопное судно, дубасящее воду лиственничными плицами, люди встречали криками «ура», в воздух летели шапки, а в некоторых церквах даже били в колокола.

Много воды утекло с тех пор, изменилась психология людей. И все же, несмотря на цивилизованный быт и телевидение, люди остаются людьми. Гудок нашего «Путейского» ободряюще действовал на стариков, срывал с уроков младших школьников, и те мчались наперегонки к реке. Еще бы: первый теплоход за долгие-долгие месяцы зимы!..

— Когда встречать караван? (Обычно это спрашивали управляющие отделениями совхозов.)

— На какой барже аммиачная селитра? (Это, конечно, агроном.)

— Снегоходы «Буран» будут? (Сельский механизатор, он же в свободное время охотник-любитель.)

— А детские «гэдээровские» коляски? (Молодая мать.)

— А кофточки из натурального льна пятьдесят шестого размера? (Кладовщица, эдакая богиня плодородия.)

У пристани в селе Сура нас нагнала вереница судов во главе с буксирным теплоходом «Генерал Ватутин». Как пчелиная матка, он был облеплен баржами всех систем и калибров, и на одной из них высились штабеля красного кирпича. Ревниво оберегая глазами ценный груз, какой-то хозяйственник допытывался у Епифанова:

— Интересно, куда это «генерал» пойдет?

— В соседний район, в Горку, — отвечал гидрограф.

— Восемьсот тонн кирпича — ого-го! — хозяйственная душа не могла спокойно взирать на эту гору стройматериалов. — Это ведь три домика можно собрать двухквартирных и еще на детсад останется... Жалко, очень жалко!

— Что «жалко»? — не понял Епифанов.

— Капитана жалко, — с хитроватым подвохом заметил хозяйственник. — Все равно ведь на мель сядет. Там, дальше, такие мели пойдут — ого-го! А я бы, к примеру, кирпич принял и оприходовал бы по накладной. А?..

Григорий Яковлевич впервые за время плавания рассмеялся:

— Не дождешься!.. Василий Егорович Шпикин там капитаном, тридцать лет плавает.

— А-а-а... все ясно, — с сожалением вздохнул человек и пошел к другому судну: может быть, там что-нибудь перепадет.

Уже выйдя из Суры, мы увидели «Ватутина» в действии. Заметив

самоуверенный ход волжского танкера, Шпикин предупредил его по-хорошему: не зарывайся, мол, парень, а то наплачешься — Пинега суеты не любит!.. Но капитан с замашками лихача-гастролера, привыкший всюду брать нахрапом, посмеялся над ним по рации: всякий «утюг» учить меня будет! Однако Шпикин и виду не подал, что обиделся: «Послушай-ка, «Кострома», я ведь здесь двадцать восемь навигаций провел. Если с грузом сядешь — под суд угодишь, и я первым пойду в свидетели»... Послушался-таки лихой волгарь, совершил маневр левым бортом и благополучно подстроился в кильватерную колонну.

Вот уже сутки наш «Путейский» шел без остановок. Прошлой ночью мы оторвались от первого каравана, возглавляемого «Генералом Ватутиным», чтобы подготовить для него речную обстановку, и на полных парах устремились к Горке. Ближайший водомерный пост сообщил угрожающие уровни паводка: 17 мая — 417 сантиметров, 18-го — 431, 20-го — 445 сантиметров.

При последней цифре Епифанов даже подскочил: «Ну и дела, ну и приключения!» В его жизни это была одна из самых рекордных отметок. Больше всего гидрограф опасался за пойму: «Вот где будет работенка! При такой воде все знаки, должно быть, унесло!»

Я несколько раз бывал в верховьях Пинеги, но о пойме слышать не приходилось. Речка как речка, течет в высоких цветочных берегах, трава по поясе, жаворонки в небе, кой-где осина, ива, березняк; на горизонте бродят идиллические стада, а в тихих омутах удят рыбу деревенские ребятишки — окуня, сорогу, ельца.

Пойма открылась неожиданно. Я даже не сразу сообразил, что это и есть то самое место, о котором говорил гидрограф. Помню, летом здесь были крутые откосы, увенчанные густыми шапками зарослей, и смотреть на них приходилось задрав голову.

Мы плыли среди этих зарослей, и казалось, что наша дорога сейчас упрется в них, остановится и мы окажемся в тупике. «Путейский» лавировал среди ольхи и ивы. А кругом острова, острова! По колено в воде стояли скрюченные деревья-подростки с клочьями грязной пены, трещали нижние ветки — била, заливала их наша волна. На первый взгляд все оставалось на своих местах — и вода, и кусты, и деревья. Но где Пинега, где фарватер?

На одном из островков, где посуше, мы вбили столб, укрепили на нем два белых щита. Один обращен назад — к створу, который уже пройден, другой нацелен вперед, на избушку, — там предстоит новая работа.

Если раньше я чувствовал себя узником леса, то теперь не на чем было остановить взгляд. Он тонул в сумасшедшем разгуле полой воды. Она не пощадила ни створы, ни совхозные поля с нежными заплатами озимых. Там, где раньше бродили стада, плавали ящики, бревна, сорвавшиеся с причалов лодки и даже сани. Залитый по кабину, стоял старенький «Беларусь» — памятник нерадивому трактористу. И кругом змеилось множество течений с резкими перепадами высот. В одном месте они сливались в единый плотный жгут, а

в другом расходились в стороны, образуя пенные воронки. Иногда казалось, что катер плыл в гору.

Серое небо опрокинулось, смешалось с водой, нахлестывал мелкий ситничек. По разливу, как пьяный разбойник, гулял ветер и делал с судном что хотел: рвал снасти, тащил на мели, захлестывал борта. Волны шли скачками, сминая друг друга, они были похожи на взлохмаченные гривы лошадей. С надрывом ревел мотор, и дважды на большой скорости мы врезались в берег. С оглушительным звоном лопнуло стекло в рубке.

Речники во главе с Епифановым ловко орудовали топорами и баграми, и после нас по пенному извилистому следу оставался стройный коридор белых и красных вешек. По этому коридору — фарватеру — караваны судов придут в Горку.

Мужиково: третий сюжет

— Ну что... пофантазируем? — по-свойски подмигнул мне Анатолий Мысов. Он переминался с ноги на ногу, выказывая всем своим видом полную готовность ехать, двигаться, лететь куда глаза глядят. Зимний охотничий сезон у него давно окончился, а весенний еще не начался — нечем заняться вольному человеку! Поэтому мое появление в верхнепинежском поселке Палова Анатолий расценил как возможность встряхнуться, развеяться, повеселить, распотешить душу. Куда только подевалась его былая степенность и спокойная рассудительность!

— Предлагаю три сюжета, — бодро сказал Мысов, на ходу влезая в телогрейку. — Изюгу-избушку помните? Мы там с вами как-то ночевали, отсюда не больше десяти километров. Встали и пошли! Печку потопим, пофантазируем, а? Вы как? У меня таких избушек по Пинеге штук пять разбросано. И самая дальняя — Васюки. Может, слышали? Это ж работа такая — охота, у-у-у! На две тыщи пушнины в год должен сдать рыбкоопу — это норма. А когда и в какие сроки — это уж моя забота. Я сам себе начальник и подчиненный: бог-отец, бог-сын, бог — дух святой.

— Ну а второй сюжет? — поинтересовался я.

— Мишу подымать будем, — шепотом сообщил Анатолий и оглянулся на дверь. — Спит больно сладко и все чихает и кашляет. Мне одному не управиться.

— Кто это — Миша? — не понял я, тоже почему-то переходя на шепот. — Сосед ваш или родственник?

— Медведь, — без тени улыбки уточнил охотник. — Залез, понимаешь, в завалящую берлогу и хоть бы хны. Совсем не боится человека! И где место выбрал для спячки — в километре от дороги! Прямо на делянке устроился. — Он выбежал в жилую горницу и снял со стены ружье. — Я вас вторым номером поставлю и шестнадцатый калибр с двумя жаканами выдам, а сам с собаками подымать пойду. Будем лечить его от насморка. Вы как?

— Нет, — не согласился я. — Пускай себе спит.

— Нет так нет, — охотно согласился Анатолий и повесил ружье на место. — Тогда Мужиково! Решено и подписано — едем в Мужиково к Старцеву. Посидим, пофантазируем, а? Он вам столько всего порасскажет, у-у-у!

— Так ведь умер Василий Васильевич, — сказал я. — Вы сами мне об этом писали.

Мысов развел руками:

— Василий Васильевич — это отец, а Иван Васильевич — его сын. Вот к сыну-то и поедем. Он там целый поселок выстроил, Белореченск называется. Белореченск тире Мужиково — это кому как нравится... Ну, встали и пошли!..

Тринадцать лет назад, когда я впервые побывал в Паловой, Анатолий плавал мотористом рыбинспекции, обслуживал самый дальний участок реки. Я хорошо запомнил его узкую, похожую на пирогу лодку, «впряженную» в двадцать лошадиных сил мотора «Москва». Сколько таких суденышек сделал Мысов за свою жизнь, он и сам не помнил. А ведь не простая эта лодка — осиновка! Ее еще называли долбленка, душегубка, стружок. Выдолбленная из цельного осинового дерева, она была на редкость маневренной и легкой, несмотря на семиметровую длину. Стружок уверенно обходил мели и травянистые заросли, и, когда надо, моторист одной рукой, без всякого напряжения затаскивал его на берег.

Район Мужиково, куда мы тогда плыли, представлял собой богатую и почти нетронутую лесозаготовительную зону. Лесоразработка велась в основном вблизи реки, что же касается дальних боров и чащ, то они оставались пока вечной собственностью природы. Добраться туда можно было потаенными тропами и только в зимнее время... С берегов Северной Двины и пинежского верховья придет бетонная магистраль. От нее в разные стороны разбегутся лесовозные времянки, они-то и приведут к нетронутым борам. А центром нового лесопромышленного района станет местечко Мужиково, где вырастет большой поселок.

Мы миновали одну излучину, другую, и передо мной открылся крохотный угор посреди тайги, дружная стайка избушек и амбаров, ломаная линия изгородей. Все здешнее население Мужиково спешило нам навстречу: Василий Васильевич Старцев, его жена, сестра жены и две лохматые собаки.

По дороге в избу я спросил у старика, как он живет здесь, чем занимается круглый год. Ведь какие нервы нужны, чтобы не впасть в отчаяние посреди пурги и зверья, когда только дым из трубы, да лай собак, да подслеповатое оконце с тусклым мерцанием керосиновой лампы напоминает о присутствии человека. Мужиково — последний населенный пункт на реке, дальше уже никто не живет.

— Дальше все лес да бес, — весело балагурил Старцев. — От них и кормимся. (Под «бесом» он подразумевал птицу и зверя.) И что один недодаст, у другого добудем. — Он показывал свои запасы

солений, варений и маринадов, запечатанные в трехлитровые банки, и это доставляло ему удовольствие.

— А зимой не скучно? — допытывался я.

— Некогда скучать-то. Эвон какая обширность разработана! Сиди и гляди — все сыт будешь. Рыба — та сама в руки просится. Пушнины сей год на тысячу рублей сдал, и все боле белка и куница... А зимой я книжки почитываю, — сказал он с гордостью, — с экспедициями разными облетываю. У нас ведь тут дорога будет. А мост через речку, сказывают, совсем рядом поставят. В-о-н у тех амбаров...

Мы пили чай в старцевской избе, а внизу густо, застывающей лавой катилась река, лениво ворочаясь на перекатах. Переменчиво и неуловимо мерцали дальние леса за рекой, влажная луговина с желтыми купальницами — розами северных широт, и было так тихо, звеняще и тревожно тихо, что не верилось: неужели еще есть на свете такая тишина?..

...Уже в автобусе, который курсирует между Белореченском и Паловой, отвозя и забирая школьников, я почувствовал, что новая встреча с Мужиково будет в высшей степени неожиданной. Когда машина остановилась посреди леса, Анатолий сказал: «Все, встали и пошли!» Я смотрел и не верил глазам своим: какое красивое и ухоженное место! Еловые куртины — и тут же рядом коттеджи; березовые рощицы — и стройные ряды брусчатых домиков, все уютные, ладные, затейливые, а между ними — дощатые тротуары. И никаких сараюшек, опилок, изломанной, измочаленной древесины по обочинам. Каждое жилище было поставлено с таким учетом, чтобы защититься при случае от стылых ветров и снежных заносов. Бетонное полотно дороги осталось в стороне, там же, за лесом, разместились пилорама, нижний склад, котельная и другие службы нового лесопункта. Архитектура поселка вырастала из местности, а не навязывалась ей извне. Чувствовалось, что проектировщик не ошибся, поставив дома именно там, где они просились. Все постройки вошли в живой организм природы и срослись с ней воедино.

Поселок был удобен и современен, но мне не хватало в нем угодных сердцу избушек и амбаров, прилепившихся к берегу реки. Ведь память человеческая всегда хватается за знакомые ориентиры.

По утоптанной тропинке, мимо жилых домов и контор мы вышли к тому самому угору, где я фотографировал когда-то хозяина Мужиково с собаками, и очень обрадовался, что все оказалось на своем месте — и замоховевшие амбары на «курьих ножках», и две избушки с подслеповатыми оконцами, и ряды полуобвалившейся изгороди. Чуть в глубине выделялся свежим тесом недавно поставленный дом, где жил Старцев-сын с семьей, а справа размахнулись опоры железобетонного моста через реку. По нему катились тяжелые лесовозы со штабелями разделанной древесины.

Во внешности Ивана Васильевича не было ничего примечательно-

го, да и ростом не вышел, а голос такой трубный, раскатистый.

— Жонка, принимай гостей! Ставь самовар... щи ставь. Историческое дело!

Был он весь нараспашку, весь от души, весь из острых граней и крутых, необъезженных страстей — быстрый, горячий, импульсивный. Подумалось о том, как больно, должно быть, достается от него людям с вялым, разлинованным мышлением и какое воодушевление испытывают молодые плотники, работающие с ним вместе на строительстве. Потому что именно молодым нужен такой наставник. А ведь образования-то всего четыре класса.

Еще в Паловой Анатолий рассказал мне такой случай. Весной 1949 года на Пинеге образовался гигантский залом древесины. Хозяином при молевом сплаве всегда является река, и тут она решила испытать терпение людей. Вовремя пустить лес в реку — это искусство сплавщика. Если начать окатку бревен раньше срока, то бревна по стремнине примчатся к запани и будут давить на нее огромным своим весом, помноженным на скорость течения. А если немного промедлить, то лес разнесет по заводям, посадит на песчаные мели — прощай высокосортные балансы, брус, штакетник. Чутье сплавщика — это чутье крестьянина-сеятеля, знающего положенное время.

Но тут случилось так, что в узкой горловине застряло сразу двадцать тысяч кубометров. Река желтого леса, выплескивая воду на берег, растянулась на добрых два километра. И затор все ширился, разбухал: хаотичными рядами бревна залегли до самого дна, громоздились наверх. Опытные сплавщики сбивались с ног, пытаясь выцарапать из завала опорные деревья, чтобы сдвинуть бревенную массу с мертвой точки. Инженеры леспромхоза мобилизовали всю имеющуюся технику, опутали залом металлическими тросами, с натугой ревели трактора — все напрасно... И тут вышел самонадеянный парнишка-сплавщик и сказал: надо взрывать! «А потери? — спросил его начальник Антипин. — Мне под суд идти неохота». «Потери... они, конечно, будут, — согласился парень. — Но я все рассчитал, глядите». — И он показал, в каких местах нужно заложить аммонал и сколько. Взрыв огромной силы потряс реку, и бревенная «конница» понеслась к генеральной запани Печки. Потери, как потом выяснилось, составили около десяти процентов. В боевых условиях за такую операцию полагался бы орден: как-никак стратегическую смекалку проявил человек. Но Ваньке Старцеву вручили кирзовые сапоги, и он был счастлив.

Анатолий все пытался подзудить его, чтобы он сам рассказал эту историю, но Ивану Васильевичу припоминались какие-то смешные казусы, которые с ним тогда приключались, — и как он «напужался», «оплошался», и как растерялся, и какой нагоняй получил от начальства. Долго не утихал его громоподобный рык, заглушаемый раскатами смеха. И при каждом удобном случае он не забывал вставить: «Историческое дело!»

После обеда Иван Васильевич повел меня в новый поселок. И

повел в обход, окольной, одному ему известной тропинкой, по которой в детстве он гонял коней на водопой.

— Здесь часовня когда-то стояла староверская, — говорил на ходу Старцев. — Старухи мужиковские в ней когда-то моленья устраивали. Деньги здесь хранили, свечи, хоругви, иконы... А там мы бруснику брали. Ведрами брали, двуручными корзинами. Брали, брали — и не могли набраться. Историческое дело! — Голос его на свежем воздухе потерял свою ударную силу, и все же стайка синиц предусмотрительно перелетела на другую березу.

— А вон там коттеджик стоит зеленый — видите? Моя, между прочим, работа. Первый дом нового Мужиково. — Так же как и я, он еще не освоил нового названия — Белореченск, хотя и считался его первожителем и первостроителем.

— А с чего все началось? — спросил я у Старцева.

— В семьдесят четвертом году я работал техником-лесоводом и жил в Паловой. А как батька умер, меня сюда призвали. До этого здесь не одна экспедиция проработала — и из Гипролестранса, и из Архлесстроя, и бетонка с Северной Двины была почти построена.

В мае баржи пришли по большой воде, выгрузили мы трактора, горючее, стройматериалы. И Мовсесян Рафаил Багдасарович собственной персоной пожаловал, управляющий Архлесстроя. «Давай, — говорит, — Старцев, забивай колышки, размечай поселок. Оформим тебя мастером Пинежского стройучастка». Историческое дело! Я — что, я — не против! «Только, — говорю, — сначала дорогу на Палову прорубить надобно, четырнадцать километров с половиной, ежели по прямой. Без этой дороги нам никак нельзя. Хватит жить раками-отшельниками, как доселе здесь жили. Где кончается дорога, там и жизнь кончается...» А Мовсесян сердитый, голос у него громкий — весь в меня: «Дороговато выйдет, товарищ Старцев, не потянем, пожалуй». А я ему: «Надо потянуть, Рафаил Багдасарович. Дорого стоит дорога, а бездорожье обойдется вам в тысячу раз дороже. Сельсовет где? — спрашиваю. — В Паловой! Школа-восьмилетка где? Тоже в Паловой! Так что эти четырнадцать километров вам сама жизнь планирует». Убедил начальника!

Вскоре получили мы бульдозер, и я дал направление дороге. А потом и дома стали строить, пилораму. Первые девять домов — под моим началом! И хоть проекты были утвержденные: что, как и на каком месте, я все по-своему учинил. Изыскатели тут с грунтами маленько напортачили, и проектировщики на них положились. А я гляжу — почвы-то для фундаментов не больно крепкие, сыпуны какие-то хлипкие: не устоит тут дом, поплывет. И вот нашел другое место, где печина была — крепкая такая порода, — и там дома решил ставить. И себе дом тоже поставил. Рядом с батькиной избой, где на свет появился, и живу теперь там в подчинении матриархата, — заключил он с привычной ухмылкой. — Историческое дело!

Мы подошли к пилораме, и на нас обрушился разнобойный гул механизмов. Ивана Васильевича обступили молодые парни, уважи-

тельно хлопали его по плечу. («Когда на работу, Васильич?» — «Ну вы даете, ребята! Я ведь только неделю как в отпуске».) Несколько человек прошлись взглядом по моему лицу и одежде и взглядом же спросили у Старцева: кто, мол, такой, откуда? И мой сопровождающий каждый раз по-разному — в зависимости от обстоятельств и игривого настроения — представлял меня то фельетонистом, то фининспектором, то следователем по особо важным делам. Такой уж человек Иван Васильевич: не мог жить без куража. И всюду его наметанный глаз находил досадные перекосы, помарки, недоделки. «Расплодили, понимаешь, узких специалистов, не продыхнешь! — бурчал он себе под нос и тут же кидался исправлять допущенную небрежность. — Сплошь да рядом механики, электрики, операторы, а поставить телегу на колеса некому. Пилу развести — ищи ветра в поле!»

За свои пятьдесят с небольшим лет Старцев освоил пять специальностей, начинающихся со слова «лес»: лесоруб, лесовод, лесник, лесоустроитель, лесосплавщик. О том, что он является первоклассным плотником, можно не говорить — поселок тому свидетель. При необходимости Иван Васильевич может заменить шофера, тракториста, столяра, электромонтера, конюха, печника, дояра. Кроме всего прочего природа одарила его такими патриархальными навыками, как умение пахать конным плугом, вить веревки, гнуть лошадиные дуги, чинить сбрую, шить валенки, перегонять смолу, вязать рыбацкие сети и делать лодки-осиновки. Много ли еще осталось таких искусников?

Иван Васильевич проголосовал проходившему мимо самосвалу, и мы залезли в кабину.

— Сейчас, пожалуй, в контору наведаемся. Потом, если с транспортом повезет, на делянку смотаемся — посмотрите, как лес добывают, — размышлял он вслух. — Новую ТЭЦ видели, что на берегу? Обязательно сходим! И на стройплощадку заглянем — это само собой... Поселок у нас здоровущий, только на один фонарь меньше, чем в Москве... А вечерком у омута посидим, может, на уху что попадется. Вы как — не возражаете?..

Где топор гулял

Глубоко зарываясь носом, дрожа корпусом, катер двигался вдоль правого берега, распахивая одну излучину за другой. Река была звонкой и бесконечно разнообразной: она то лавировала среди глухих синих лесов, то выводила на редкие пожни с тихими озерцами и копешками сена, выстреливала древними, похожими на лохматых леших лиственницами, обнажалась кирпично-красными береговыми отвесами. Из дымчатого полумрака зарослей тянуло терпким запахом прелого листа, влажным мхом, горько-сладкой черемухой.

Но вдруг берега расступались, и сквозь зубчатую стену деревьев открывались холмы и пригорки с зеленеющим ячменем. И на каждом пригорке — деревенька. Окруженная кольцом изгородей и

пряслами, она приглашала к себе черными баньками и амбарами на «курьих ножках», заманивала узкими тропками и вертикальными дымами, бившими из печных труб.

Такое впечатление, что поставили деревеньки специально для того, чтобы приветливо встречать всех «плавающих и путешествующих». Они словно втянуты в движение реки и составляют вместе с ней одно неразрывное целое. Убери с дороги эту стайку амбаров, эту дивную деревянную хоромину с коньком-охлупнем — речной пейзаж омертвеет, заглохнет, и мы лишимся чего-то вечно дорогого, непреходящего. Легко себе представить обессиленного, облепленного прожорливым комарьем путешественника, который долго плывет на лодке, окруженный дремучими лесами, покорно следуя всем речным извивам и поворотам. Но душа его упрямо стремится вперед, к человеческому жилью. И когда сквозь расступившиеся заросли вдруг покажется на взгорье двускатная крыша, за ней колодец-«журавль» и пылящее за околицей стадо, только тогда он почувствует, сколь велика его радость и какова сила притяжения у этой неказистой на вид деревеньки. Пейзаж без человеческого присутствия не может надолго владеть душой путешественника. Увидел дымок над крышей, услышал скрип колодца — и словно выпрямился, взбодрился. Остро волнуют звуки и запахи жилья!

Не забуду, как я однажды побывал в брошенной пинежской деревушке. Самое интересное, что люди покинули эти дома совсем недавно и даже не успели вывезти с собой остатки мебели и домашнего скарба. Так, в одной избе я нашел связку вполне приличных одеял, мотки овечьей шерсти, самовар, подвешенный к потолку мешочек сахарного песка, а во дворе — длинный штабель наколотых дров. В застекленном шкафчике хранились даже сервизные чашки и пузатый заварной чайник с оранжевыми розами по бокам.

Должно быть, не один век смиренно и тихо жила себе эта лесная деревенька-невеличка, распахивала поля, ставила стога, копила детей. А теперь вот разметало ее вихрем на все четыре стороны!.. Особенно, что поразило меня, — прирожденное умение старых мастеров-древоделов использовать рельеф местности, умение привязать ее «пейзажные возможности» к общему архитектурному замыслу. Причем замысел этот осуществлялся не на бумаге, а прямо на земле, без черновиков и уточнений. Неграмотный, но ушлый на выдумку архангельский мужик углядел, кажется, все складки местности и особенности климата — розу ветров, направление поверхностного стока, как поднимаются пары от реки, на какой глубине залегают грунтовые воды. Бессистемная на первый взгляд застройка была глубоко продуманной в практическом отношении. Кузница, например, стояла на отшибе, загороженная от жилья стеной осинника, чтобы глохли в нем удары металла о металл и запахи угольной пыли. Видно, борьбу с шумом и грязным воздухом пинежские крестьяне начали задолго до нынешней кампании. Точно так же они поступили с баньками, расположив их уступами, одна над другой, на крутом берегу Пинеги, подальше от домов, но поближе к воде...

— Ну что, друг сердечный? — раздался вдруг чужой голос. — Приворачивай, беседовать будем.

Я резко обернулся. На высоком крыльце ближней избы, на самодельном жернове сидел небритый человек в телогрейке и чинил рыбацкую сеть. Из-под его мохнатых бровей располагающе синели глаза.

— Аким Паромов, — запросто представился мужчина и встал. Здоровался он церемонно и основательно, несколько раз с силой встряхнул мою ладонь, словно изучая по рукопожатию, что я за человек. — Случайно, не искусствовед будете?

— А почему вы так решили? — заинтересовался я. — Может быть, просто турист...

— Нет, не турист, — с ходу определил Паромов. — Видом, простите, не вышли... Я почему вас сразу-то не окликнул? — спросил он, заглядывая мне в глаза. — Проверить вас хотел, думал, грешным делом, вы жилье наше ломать станете или еще что учудите. Туристы — они ведь, сатаноиды, костры в домах запаливают, банки-бутылки кругом разбрасывают, сараи на дрова разбирают. Пойдем, я вас чаем напою...

Он привел меня в чистую, натопленную горницу, налил из термоса кипятка.

— Здесь и ночевать будете, — решил за меня Аким Паромов. — Раздевайтесь, разоболочайтесь, сейчас картошки начистим, консервы откроем. Отогреем, развеселим душу.

Пораженный неслыханным гостеприимством, я сидел на пуховой перине, обложившись подушками, и старался выведать у собеседника, что это за деревня такая странная...

— А ничего странного и нет, — охотно объяснил Паромов. — Сезонное поселение — и все тут. Как сенокос начнется, так люди и повалят. Народу, как в Китае, соберется! Каждый год так. Травы здесь больно богатые, пахучие... А так большую часть года дома пустуют...

— И зимой тоже? — допытывался я.

— Зимой тоже иногда захаживаем, — улыбался Аким. Медное лицо его с капельками пота на лбу выражало усталое довольство и благодушие. — Зимой-то мы все охотники. Чаи гоняем, радио слушаем, с собаками разговариваем. А надоест в одиночку, встал на лыжи — и домой. Просекой тут всего двенадцать километров до дому-то, а рекой так больше будет, все двадцать набежит...

— И здесь всегда так жили — сезонно?

— Нет! — сказал Аким. — Оседлая была деревнюшка, с колхозом, натуральное хозяйство вели. Много здесь скота держали. А потом поразъехались все: кто в леспромхозе робит, кто в отделении совхозов, а кто и в город подался. Но деревнюшку в обиду не даем. Я вот давече крышу в избе перекрыл. Пойдем-ка покажу...

Чего только не было в этой хоромине! Под одной крышей располагались изба-зимовка, изба-летница, проходной заулок — чулан, светелка, поветь, подполы, клети, кладовки — в два этажа дом! Пере-

ходя из одного помещения в другое, я невольно думал: а не придется ли нам в будущем разгадывать секреты русских плотников? Передо мной была постройка, вобравшая в себя многовековой строительный опыт. Ведь суровый климат вынуждал крестьянина строить так, чтобы в холодное время можно было работать, не выходя из дома. Все было под боком, под одной крышей — и слесарная мастерская, и загоны для скота, и огромная, как клубный зал, поветь с запасом сена на всю зиму. Когда-то здесь, на повети, сушились веники, хранились жернова для помола муки, ткацкий станок, плуг с бороной, старенький сепаратор, прялки. Здесь же хозяева делали грабли, направляли косы, сбивали масло, плели корзины, рыбацкие сети, мыли, красили и сушили шерсть. А внизу, под двойным полом, находились хлевы и стойки для скота, и через специальное отверстие сено сбрасывали овцам, коровам или лошади кому сколько требовалось. Не дом, а маленькое предприятие по производству мяса, шерсти и молока!

Работая, «как мера и красота скажут», народные зодчие создали дом-уникум, дом-личность. Все в нем было по-богатырски прочно и по-хозяйски разумно, целесообразно.

— Я вот, к примеру, какой-никакой, а маленько плотник, — нарушил молчание хозяин. Его взгляд скользил по седым, выбеленным ветрами бревнам, по их рубленым, без малейшей зазубрины, торцам. — Многим помогал дома ставить, с разными мастерами якшался, выучку у них проходил. И прямо я вам скажу, без утайки: мне такую домину ни за что не сладить. И товарищам моим тоже, хотя иной может с три короба набрехать. Не обучены мы хоромному строению. Рубим вместо домов кишки какие-то — и ладно. Ни виду, ни тепла!.. Не-е-т! — решительно заявил он. — Выпало у нас ремесло из рук. Видать, уж никогда и не подымем.

— Ну, это вы зря! — возразил я, вспомнив, как в селе Сура любовался строительством новой избы, как золотились на солнце десять срубленных венцов из толстенных, остро пахнущих смолой бревен, которые держались на высоком бетонном фундаменте. Тут же, на участке, были разбиты грядки с луком и редиской, стояли полиэтиленовые теплицы с помидорами. Отдельно на земле лежали готовые наличники — целая гора наличников с резными узорами. На фоне темных, испытанных жарой и стужей сельских построек новый сруб смотрелся как нарядный щеголь. И работало на нем четверо мастеров.

Паромов выслушал меня с иронической улыбкой.

— Так то избу рубили, а не дом! Понимать надо! — воскликнул он. — Настоящий дом — этот, к примеру, — он из двух самостоятельных изб состоит, и каждую отдельно ладили. А соединяет их передызье — сени, по-вашему. Обе избы на подклети подняты, и под ними подполы и погреба оборудованы. А не хочешь подполы и кладовки иметь — можно на их месте жилые комнаты соорудить и окошки прорезать. У меня ведь тоже нижняя комната есть, да нынче я ее старыми вещами занял. Для жилья места и так хватает. — Он

снова воодушевился, вошел в прежнюю роль. — А парадные окошки на одиннадцатом венце рубили, и на третьем этаже светелку делали с выходом на балкон. А балкон-то весь прорезной был, над ним еще, под самой кровлей, райский сад рисовали. Живопись, может, и не ахти какая, а весело. Цветы там всякие, виноградные гроздья, утки. А по бокам львы чудные стоят, вроде как сад сторожат. — Аким рассмеялся. — Для кого, может, и львы, а по мне дак больше на котов смахивают. Есть, знаете ли, такие коты, которые мышей не ловят, а все норовят на старой печи отлеживаться...

Раньше-то как работали? — продолжал он. — Все брусья, все доски и лемехи — да что там лемехи! — все узорочье одним топором наводили. Как будто пилочкой пропиливали или лобзиком каким. На Пинеге у нас сказывали: «Не можешь сделать топорища — не можешь и жениться». Топор всему делу голова!..

У русской избы полторы тысячи лет истории. Этот тип жилья прошел много стадий развития, совершенствовался десятками крестьянских поколений и к началу нашего века достиг совершенства. Что здесь лукавить: несмотря на обилие серийных проектов, в северной деревне ничего лучше избы пока не придумано. Высятся по берегам Пинеги эти деревянные мавзолеи с гордыми коньками и еще долго будут вызывать чувства преудивления и гордости. Такими мне запомнились дома Ф. М. Ширяева в Городецке, М. Я. Дунаевой и М. Е. Южаковой в Явзоре, И. А. Белоусова в Верколе и многие другие пинежские постройки, которые могут служить своего рода учебным пособием для начинающих архитекторов. От этих хором веет несокрушимой мощью, дивной теремковой красотой. Задираешь голову, чтобы охватить дом в целом, в совокупности всех его деталей, но взгляд выхватывает то кружево резьбы под крышей, то задиристый крюк-«курицу», что держит деревянный водосток, то замоховевшее кровельное покрытие, а то растительный орнамент из сказочных полудеревьев-полуцветов, в который «вмазана» птица счастья Сирин. Но самое удивительное конечно же — конек-охлупень, венец, так сказать, плотницкого творения, что застыл на стыке стропил и скатов. Иногда у него очень правдиво вырезаны голова, шея, уши, но чаще всего изображение довольно приблизительное и схематичное: стоишь, закинув голову, и недоумеваешь — то ли гусь это, то ли тетерев, то ли какая-то анатомическая диковинка...

Какое удовольствие было бродить по широченной паромовской повети! Сквозь прохудившуюся крышу бил тонкий и длинный лучик солнца — совсем как бельевая веревка! — а вокруг было разбросано столько всяких непонятных вещей, что голова шла кругом. Вещи, они ведь, как губки, обладают свойством впитывать в себя время, и, если человек проявит к ним интерес, могут приоткрыть свою тайну: для чего они, кому и как долго служили...

Вот узкий, похожий на заостренный с двух сторон карандаш, челнок, важная деталь ткацкого станка. Аким сказал, что этими станками пинежане уже не пользуются, а челноки кое-кто приспособил себе под пепельницы... Вот разнокалиберные туеса, от стакана до

двухведерной кадушки, — посуда прочная, стерильная, непромокаемая, ничего в ней не гниет, не киснет и не преет. Не случайно крестьянин, уходя в поле, брал с собой эти емкости из бересты: в любую погоду питье в них всегда оставалось холодным... Вот блеснула ржавчиной медная братина с загнутой ручкой: в старинные народные праздники из нее поочередно распивали домашнее ячменное пиво, усаживаясь по кругу. Напиток ядреный, терпкий, приятный, но совсем безалкогольный...

«Не потеряет ли многовековая избяная Русь с индустриализацией строительства своих национальных черт, своего неповторимого сложившегося облика? — этот вопрос все чаще задают себе и социологи, и архитекторы, и искусствоведы. — Может быть, эти ,дома стали анахронизмом и компрометируют наш космический век?..» Конечно же нет. Не умерла еще изба! И по всей видимости, не скоро еще умрет, хотя споры о том, каким быть сельскому дому, не утихают по сей день.

В свое время долго спорили, какие жилища нужно создавать в Нечерноземье — брусчатые, щитовые, железобетонные или же из панельных конструкций на основе древесины. Проекты предусматривали и водопровод, и канализацию, и теплофикацию, различались по количеству комнат в квартире и количеству квартир в доме. По правде говоря, эти споры не дошли до жителей Пинеги. Стратегию сельского зодчества они решали собственными руками и собственными средствами — правда, без канализации и теплофикации. И получилось в общем недурно: дерево — отличный строительный материал. Чтобы по-настоящему оценить такое жилье, нужно побывать в нем в 40-градусный мороз или же в сезон осенних дождей: сруб прочно держит тепло, лишен духоты, сырости и сквозняков. И, несмотря на малые размеры, кажется широким и светлым. Об этом умении расставлять домашние вещи так, чтобы не скрадывать пространства, а, наоборот, высвобождать его, писал когда-то знаменитый американский архитектор Райт. Но архангельский мужик понял это задолго до Райта. Ведь ему нужно было работать в доме, много двигаться, входить и выходить на улицу, и все вещи и инструменты должны были быть под рукой.

Все-таки не прав оказался Аким Паромов, когда говорил, что «у пинежан выпало ремесло из рук». Нет, не разучились они чувствовать дерево, обращаться с ним, не утратили приемы обработки. Целые улицы новехоньких, с иголочки двухквартирных домов из бруса, которые я видел в Суре, Пиринеме, Карпогорах и других пинежских селах, совсем не портят деревенский антураж. Да и его собственное жилище в поселке лесопункта смотрится как картинка. Конечно, паромовский дом нельзя сравнить с теми теремами, чьи фото украшают монографии о деревянном зодчестве, но в целом это довольно внушительное и прочное деревенское жилье, которое не только опирается на прошлый опыт, но и учитывает потребности 50-летнего мужчины и его многочисленных детей, которые знают, что такое городские удобства.

К избе на приличествующем отдалении был прирублен теплый туалет, имелась застекленная веранда площадью метров двадцать, прекрасно оборудованный гараж для мотоцикла (и для будущих «Жигулей» тоже!), просторная баня с предбанником, куда он провел радио, даже проход к дому был выложен бетонной плиткой... Да, чуть не забыл — в сенях у Паромова стояли ярко выкрашенные наличники с тонким узорочьем и готовый к отправке наверх конек, вытесанный из цельной еловой плахи, — предмет особой гордости хозяина.

У того, кто строит свой дом, прочные корни в земле. И не случайно районное отделение Госбанка выделило Акиму Паромову крупный кредит с погашением в течение десяти лет, лесничество выписало хороший лес, обеспечило специальной машиной для разделки древесины под вагонку и половую доску. А с постройкой дома ему крепко помогли отец, родственники и соседи: теперь через два участка строится его товарищ — и Аким подрядился к нему в помощники...

Нет, не умерла изба!

Похвала диалекту

Во время поездки я чутко прислушивался к тому, как говорят люди. Мне кажется, есть какая-то связь между характером северного человека, укладом его жизни и окружающей природой. И язык пинежан — не исключение. Музыка их речи созвучна шороху вековых сосен, она вплывает в глаголицу прясел и изгородей, в царство дерева и топора и чувствует себя там на месте. Люди на Пинеге начинают говорить резко, высоко, как бы «скорострельно», а заканчивают неожиданным распевом, с удвоением гласной в конце предложения, после которого хочется поставить вопросительный знак. Удивительный говор на Пинеге! И такой симпатичный, простодушный и открытый, что даже ругательства в устах северянина звучат почти как добрые напутствия.

Впрочем, не всегда. Вспоминается в связи с этим одна любопытная сценка на перевозе у старинного села Кушкопала, в тридцати километрах от того места, где родился, вырос и недавно был похоронен выдающийся наш писатель Федор Александрович Абрамов.

Спорили два человека — командированный из Архангельска и здешний лодочник-перевозчик, верткий, увилистый мужичонка, ёрник и балаболка. Одному нужно было срочно переправиться на тот берег, другой от этого упрямо отлынивал, выдвигая сотни «объективных» причин. Кто из них оказался прав, кто виноват, я так и не понял, потому что слух мой был настроен на волну нечаянно обострившегося спора, извергавшего такие перлы народного красноречия, что я тут же схватился за карандаш. И вот что мне удалось записать: «адом брать», «драть ад» или «открыть ад» («Чё ад-то дерёшь, чё ад-то открыл на меня?») — значит, криком отстаивать свои интересы, чрезмерно громко говорить, возмущаться действи-

ями собеседника. «Адамов череп» — лысая голова; «черствая пята» — неуклюжий, неповоротливый человек; «артюшка» — простак, глупец; «багры» — руки; «базанить» — хулиганить, ругаться...

Надо думать, читатель уже догадался, что все эти слова и обороты я выудил у верткого на язык мужичка-перевозчика, неплохого в сущности человека, должность которого в силу многих нервных причин как бы располагала к обильному и образному словотворчеству. Но и командированный — надо отдать ему должное — тоже оказался докой по этой части. Как я заметил по его говору, он был коренной, пинежский, но за долгие годы жизни в городе успел набраться расхожего лексикона и поначалу очень уж старался, чтобы из него не выскочило какое-нибудь простецкое словцо. Однако, как он ни пытался подменить свой словарь безликими, «дистиллированными» оборотами, он, сам того не замечая, отвечал лодочнику языком своей родной деревни. И отвечал с достоинством и бесстрашным задором, как бы давая понять, кто он такой и откуда род свой ведет. Просто к нему вернулось то прошлое, которое, живя в Архангельске, он пытался безуспешно забыть. И словечки этот командированный выковыривал иной раз похлестче, чем поднаторевший в словесных баталиях перевозчик... «Арапа заправить» — значит, обмануть, ввести в заблуждение; «сто верст до небес и все лесом» — то же самое, что пообещать и не сделать. «Басалай», «балахрыст» — бездельник, пустозвон, проныра; «графский лёжень» — лентяй; «дать балдыша» и «с тычка на тычок положить» — побить, поколотить, устроить взбучку и т. д. ...

Вспоминается еще тихая светлая ночь, когда я плыл на плоту по Пинеге. Река потускнела, словно отыгралась за день. Рыба только играла у берегов, оставляя бесчисленные круги, да переговаривались, шептались сплавные бревна, когда сталкивались у бонов. И только сильный женский голос нарушал этот дремотный покой:

— Ми-ша-а-а... пар-ни-ч-о-о-к!

У самой воды стояла пожилая крестьянка и звала «парничка» Мишу: бросай, мол, рыбалку, иди домой, ужин на столе, да и спать пора; иди скорее, пока не попало...

Этот голос забирал все речные звуки, шорох плывущих деревьев, дробился на множество гласных, которые, растекаясь, замирали в береговых чащах. Слово было незнакомое, и я решил записать его в блокнот, чтобы спросить потом у сведущих людей. И вдруг застыл в изумлении: так ведь это же мальчик! Конечно, мальчик. «Парничок» — значит, маленький парень.

Когда, какой человек придумал это слово и выпустил его в мир? Почему оно жило прежде и почему теперь, услышав его, я ощутил сладкую, щемящую радость?.. Потом-то я понял: это было постижение Родины, какой-то крошечной ее сути — древнего, но уже обмелевшего родника русской речи. И еще я подумал о том, что, хотя у родника не те возможности, да и силы не те, он прародитель, основа всего живого. Представьте, что станет с рекой, если пересохнет хотя

Художник И.Гансовская

бы один источник, который питает ее? Мы потеряем что-то очень важное, исконное, как потеряли, забыв первородное слово «парничок»...

Вот такие случайные в сущности житейские сценки и положили начало моей многолетней коллекции северной народной лексики, которую я из года в год пополнял, приезжая на Пинегу, Мезень, Печору. Иной раз попадались слова-уникумы, слова-памятники. Не важно, что некоторые из них были зафиксированы далевским и другими словарями; важно было убедиться в том, что они попрежнему живы и с неодолимым напором несутся по течению времени.

Слова рождались и умирали, как люди. Иногда мелькали на поверхности и тут же исчезали, прочно оседали на дно, превращались в окаменелость, а иногда возрождались после многовековой спячки, неузнаваемо преображались, заново переосмысливались. Загадочна жизнь слова — и в особенности здесь, на Архангельском Севере, говоры которого сильно сохранили древнюю систему речи. Сформированные изолированно, среди лесов и болот, говоры эти позволяют заглянуть в глубокую историю нашего языка, который запечатлен в новгородских письменных памятниках XIII—XVI веков.

Однажды на берегу Пинеги мне удалось услышать такую фразу: «Стираю, стираю, да все не могу отстирать-то, все эко синё». Наверное, хозяйка, подумал я, обронила белье в синюю краску и теперь мучается. Однако мои догадки рассыпались в прах, когда в Москве я заглянул в сборник статей «Слово в народных говорах русского Севера»: оказалось, «синё» никак не связано с современным пониманием синего цвета. Этого слова нет ни в одном словаре, и только древние летописи проливают свет на его происхождение: синий — значит, черный, грязный, неопрятный, неряшливый. Так иногда говорили о грязнулях: «Синя эко сажа». По каким-то причинам это слово выпало из литературного языка, но сохранилось и живет на Пинеге, среди потомков древних новгородцев.

Или слово «лешак». В представлении суеверных старух, это страшный «нечистый» дух — обитатель глухих суземий. Когда-то «нечистого» старались не поминать, чтобы не накликать беды («Уж лучше матюкнуцца, нежели лешакнуцца»). Однако сейчас при изменении всего уклада жизни роль «лешака» как пугала почти утрачена. Одна из пожилых пинежанок в верховьях реки называла лешаками тех, кто уже успел побывать на ее излюбленных грибных и ягодных местах. Другой местный житель, в прошлом охотник-промысловик, ругал этим словом медведя, с которым чуть ли не нос к носу столкнулся в зарослях малинника. А в доме пугливой староверки-начетчицы, жившей на окраине деревни Кучкас, лешаком оказался я сам: в этом, по-видимому, была повинна моя густая, всклокоченная борода.

Из множества слов, услышанных мной на Пинеге — впрочем, не только на Пинеге, но и вообще на русском Севере, — хотелось бы выделить несколько любопытных диалектизмов, смысл которых раскрылся для меня с самой неожиданной стороны.

«Негодяй» — человек, не годный для службы в армии.
«Забава» — возлюбленный, возлюбленная.
«Дворянин» — мужчина, который после свадьбы поселился в доме жены (слово почти утрачено).
«Ухажер» — работник на скотном дворе.
«Заседатель» — засидевшаяся в девках молодка.
«Американка» — неодобрительное выражение по отношению к женщине, которая не держит слова.
«Тыква» — человек, который всюду сует (тычет) свой нос.
«Наложница» — сборщица налогов.
«Побирушка» — специальная лопатка для собирания ягод.
«Баобаб» — белый гриб.
«Баба-Яга» — старая одинокая женщина.
«Беседа» — праздничное дневное гулянье.
«Стебель» — часть руки, предплечье.

Вообще, прежде чем принять новое слово и расцветить его новыми значениями и смысловыми оттенками, северные говоры как бы испытывают его на разрыв и на сжатие, подгоняют под себя, приручают, как норовистую лошадь, адаптируют по своим непредсказуемым законам и, если это слово по душе, отправляют его в жизнь. Слушай, впитывай, запоминай!

Чрезвычайный медведь

Рейсовый катер шел вдоль берега на малой скорости. Подрезая лесистый берег, Пинега в этом месте выворачивала крутую излучину, течение неумолимо подтачивало песчаный откос, и деревья, обнажив корни, все ниже и ниже клонились к воде, почти окунали в нее свои верхушки. Мелкая зыбь далеко вытягивала их отражения. Притихшая, наигравшаяся за день река одевалась в млечный туман.

Берег был совсем рядом, и он ударил без предупреждения — один раз, другой, третий. Ударил как из засады! Прокатился раскатистой трелью, заглушив перестук мотора, помолчал немного и снова рассыпал нежно-малиновую дробь: пуль-пуль-пуль...

Я посмотрел на пассажиров, они разом умолкли, навострив уши. А тот, на берегу, сделал короткую передышку, собрался с духом и выдал самое что ни на есть нотное коленце с переходом в пронзительный раскат и свист.

— Слышите? Соловей! — громко сказал я, но голос у меня слегка дрогнул. Еще бы: услышать эту птаху где-нибудь под Москвой — и то сколько радости! А тут была Пинега, 65-я параллель, и до Полярного круга каких-нибудь полторы сотни километров. «Соловьев на Севере нет, и птичьего весеннего щебета совсем не слышно», — писал М. М. Пришвин, путешествовавший здесь в середине 30-х годов. Что касается «щебета», тут писатель, конечно, преувеличил — ведь и у Гоголя «редкая птица долетит до середины Днепра». Ну а соловья на Пинеге он просто не слышал. Да и я его прежде никогда не слышал, хотя приезжаю сюда в десятый раз.

— Какой-такой соловей?! — резко возразил мой сосед, по всей видимости, коренной пинежанин, стоявший у бортовых поручней. — Не было у нас соловьев и неоткуда им взяться. Приполярье!

— Должно быть, леший с нами заигрывает, — пошутил кто-то.

— Нетипичное явление! — непререкаемо изрек третий.

— А вот и нет, — раздался голос справа, и я увидел длинного парня в очках и модном джинсовом костюме. По внешности типичный отпускник или турист, подумал я, и наверняка с высшим образованием, такой у него ученый и независимый вид. — Настоящий российский соловей! Товарищ правильно сказал... Появились на Пинеге соловьи, мало, но появились. А все весна виновата — глядите, как шпарит! Вот они теплом и обманулись.

Он прислушался к отдаленным раскатам дроби и профессорским жестом поправил очки на переносице — очень ловко это у него получилось.

— А что касается «нетипичности»... — повернулся он к своему соседу. — Вот вы скажите мне: когда медведь в клуб приходит — это типично или нетипично?

Тут все разом зашумели, загалдели, заперебивали друг друга — вихрь любопытства пронесся по палубе: какой там соловей, все забыли о нем! Медвежьи истории — это ритуал, любимейшая услада для пинежского уха, и, кто слаще зальет, нафантазирует, наплетет с три короба, того и больше слушают. Была такая профессия на поморском Севере — враль, сочинитель небылиц. Рыбаки охотно брали его с собой на промысел. И получал враль сразу два пая: один — за работу, другой — за сказки.

— Ну вот, слушайте! — сказал парень, окидывая глазами собравшуюся вокруг него толпу пассажиров. — Решил медведь прийти в клуб. Народ-то туда не ходит, у всех телевизоры дома — от стула не оторвешь, а Михаил Иванович взял да пожаловал. Мало того, афишу еще на стенке прочитал, какой фильм сегодня. А шел тогда, помнится, «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен». Хорошая картина! Миша подумал: «Какой я посторонний?» — и открыл дверь. А там ребятишки местные в биллиард играли. Заметили медведя — и давай ему кием в морду тыкать. И что самое удивительное — не испугались ведь! Никогда не видели зверя в натуре, оттого и страха не было. Вот и все. А Миша повернулся и ушел. Обиделся, должно быть...

Многих разочаровал такой быстрый финал, но народ все прибывал и прибывал, и слушатели требовали продолжения. Слово взял коренной пинежанин, скорый на слово мужичок с черными обильными волосами, козырьком спадавшими на лоб.

— Это еще что! — веско заявил он. — Вот у нас случай был — это да. На митинг медвѐдь пришел...

— Ну-ну, ты это, полегче, — раздались голоса. — Ты ври давай, да не завирайся, — предупредили его.

— Да нешто я вру? — обиделся рассказчик. — Как все было, так и скажу, лет двадцать назад. Мы на дальней пожне робили, у

Федоркиной избушки — она и посейчас стоит. Кто хочет — пусть проверит... Ну и вот. Приехал к нам управляющий отделением совхоза Музыко и давай попрекать: то не так, это не эдак. План не выполняете, и все такое прочее. А я бригадиром был и говорю: «По пище и коса свищет». Он, конечно, в ругань: такой-сякой-разэтакий, дармоед и бездельник! «Собирай, — говорит мне, — народ на митинг, буду речь говорить». А чего нас собирать-то, мы все в аккурат туто-ка: тридцать два косца и еще две бабы-поварихи... А Музыко — он весь такой тараканистый, руки длинные, гребучие, а лицо будто жирком смазанное. Упитанный мужик! Но говорить мастак был: не хочешь, а заслушаешься. Особливо о будущем...

— Ты нам музыку-то не заливай, — перебил кто-то из слушателей. — Ты про медведя давай!

— Будет, будет про медведя, — пообещал черноволосый. — Дай с Музыкой управиться. Вот народ-от пошел — слова не дадут вымолвить! Ну да ладно... А зрение у этого Музыки — как у горного орла. Вблизи-то ничего не видит, чем люди живут, что есть у них, а чего нету, а насчет будущего — о-о-о! Хлебом не корми... светлые горизонты... снежные вершины... как по книге читает!.. Ну и вот, говорит он нам, значит, говорит, руками себе подмахивает, а мы, стало быть, стоим, как пеньки, и слушаем. Только сердце иной раз ёкнет да в животе захолодеет...

Тут Ванька Шонбин в бок меня тырк: «Чё это, — говорит, — Музыко варежку разинул?» Гляжу я, и верно: рот у него раскрыт и челюсть дергается. И слов никаких не слыхать, не выходят из него слова-ти. Должно быть, немочь какая. И глаза у него остановились, сейчас в обморок грянется... Обернулся я, значит, а у избушки — едри-т твою навыворот! — медведь стоит. У-у-у, громила! Облокотился эдак о дверной косяк и ножку отставил — Музыкой кабыть заслушался. Здоровящий такой медведь, заматерелый, пудов на сорок. Постоял-постоял, повалил евоный мотоцикл, нужду малу на него справил — и в лес. Не утек, нет — с гонором пошел. Вот и вся музыка...

История настолько воодушевила слушателей, что каждый в меру своих способностей принялся извлекать из памяти смешные и курьезные случаи, героем которых непременно оказывался он сам, рассказчик, а медведь при этом играл второстепенную роль, служил своего рода фоном, на котором протекали его собственные подвиги. Но, честно говоря, не было в этом творчестве острого сюжета, юмора, не хватало эффектной концовки. После каждой такой истории слушатели все мрачнели и вздыхали: скучно, мол, живется нынче на Пинеге, скучно... Гуляет зверь по тайге, озорует, а трогать нельзя. А ведь когда-то пинежский медведь славился на всю Россию, об этом даже в старых книгах говорилось. Его мясо содержало большое количество сала, иногда до восьми пудов. Разделанные туши везли обычно в Петербург или Москву и там выгодно сбывали на окорока, шкура тоже стоила немалых денег.

Хорошо бы, конечно, размечтался один из пассажиров, выхлопо-

тать лицензию на отстрел зверя, взять с собой верного напарника и вместе двинуть по медвежьему следу, но где для этого время выкроишь и товарища опытного сыщешь — повывелись нынче удалые охотники, мелкий пошел народец, да и сменная работа не позволяет...

И снова Пинега раскручивает свои километры. Вновь сошлись в разгульной пляске берега, прыгает катер на быстром течении, касаясь днищем песчаной мели. Стряхнув ночную усталость, медленно встает солнце... Вот река делает плавный выгиб, и берега ее при этом напоминают красно-зеленую вазу, в которую налита бирюзовая влага. На желтой песчаной излучине мелькают комья куликов и уток. Простор накладывается на простор.

Но принцип реки неумолим: вперед и дальше, на новые места, к новым встречам! Как бы ни хороши были люди, с которыми виделся в пути, но ехать дальше — великое наслаждение. И в сердце постоянное ожидание новизны: а что там, за тем поворотом?.. И как десять лет назад, я повторяю про себя: «Пинегу открывать нельзя, Пинега должна открыться сама...»

Игорь Зотиков

В СТРАНЕ МУРАВЬИНЫХ ЛЬВОВ

ПОВЕСТЬ

Я в жизни ни разу не буду, наверно,
Скакать на коне по степям аравийским.

Михаил Светлов

Железная и теплая, крашенная черной краской палуба с тиснеными крупными пупырышками, чтобы не было скользко, дрожала крупной дрожью. На этой-то палубе, там, где она простиралась поперек всей средней части большого волжского парохода, мы и разместились среди других палубных пассажиров. Четыре длинных тюка, в которых находились две видавшие виды байдарки, четыре набитых больших рюкзака и куча всяческих картонных коробок. В рюкзаках были двё палатки, надувные матрасы, одеяла, простыни, полотенца, свитера, рубашки, штормовки; завернутые в них металлические, обливные кружки, ложки, сковороды и кастрюли; коробки с медикаментами и рыболовными принадлежностями; в ящиках — запасы еды: крупы, вермишель, бутылки с подсолнечным и банки с топленым маслом, пакеты с концентратами и пряностями, пластиковые пакеты с солью. Там же нашли себе место два топора, бинокль, разобранное одноствольное ружье типа «зе-ка», и самый необходимый инструмент: плоскогубцы, кусачки, куски резины и баночки с клеем для починки байдарок, нитки-иголки. В одной из коробок находились два походных примуса, пока что пустые железные банки для бензина. Части из перечисленных вещей, правда, уже не было в рюкзаках и коробках. Надувные матрасы, еще не надутые, были расстелены на железном полу, покрыты сверху одеялами, а на них сидели и лежали шесть человек: двое мужчин, две женщины и

двое мальчиков восьми и десяти лет. Рядом лежали связанные в два пучка и обернутые материей раскладные удочки. Несколько часов назад эта компания, покачиваясь под тяжестью грузов, перебралась с берега на пароход, который отплыл от пристани Волгограда и шел теперь вниз по Волге в сторону Астрахани. Мы приближались к цели путешествия — пристани Черный Яр, к которой должны были приплыть завтра утром. А пока в середине большого ковра из одеял была расстелена клеенка, а на ней лежал огромный, только что разрезанный сочно-красный, полный черных семечек арбуз, и вся компания жадно уплетала его, складывая арбузные корки и сплевывая семечки в миски. Это был уже не первый арбуз. Загорелый, жилистый человек средних лет с жесткими, черными, коротко подстриженными волосами в когда-то белой майке и тренировочных синих брюках сидел на коленях перед арбузом и большим, острым охотничьим ножом отрезал все новые и новые куски. Лицо его выражало радостно-удовлетворенное чувство человека, который угощает всех чем-то таким, о чем они без него и понятия бы не имели. И для этого имелись основания. Ведь Леня, так звали этого человека, потратил много сил, чтобы все мы оказались на дрожащей железной палубе. Это он, Леня, уговорил свою жену Женю, а потом и меня, и мою жену провести вместе отпуск на берегу Ахтубы — старого русла Волги, где-то на полдороге от Волгограда до Астрахани.

— Ты когда-нибудь ловил на удочку судаков вот такого размера? — спросил он меня однажды месяца полтора назад и показал размер рыбы, которую я конечно же никогда не ловил. — Ты будешь ловить их там сколько пожелаешь, — говорил Леня. — А ты ловил на спиннинг вот таких жерехов? — и он раскрывал свои руки еще шире.

— Нет, никогда. Да я и не видел ни разу жерехов. Да и спиннинг ни разу не держал, — отвечал я.

— Не знаешь, что такое жерех? Ну уж про шелеспера-то ты слыхал? Это и есть жерех. А спиннингом пользоваться я тебя научу за один день, — говорил Леня.

— А ты видел настоящих, диких черепах? — продолжал он.

— Нет, — отвечал я уже с интересом.

— Да там черепах размером с тарелку видимо-невидимо, — продолжал Леня, увлекаясь, чувствуя, что уже заинтересовал.

— Поедем, Валь, а? — спросил я жену.

— Кстати, бычьи сердца ты, Игорь, наверное, тоже не пробовал? — продолжал Леня.

— Бычьи?..

— Ну, конечно, бычьи! Так называются помидоры, по форме и размерам напоминающие сердце быка. Вкуснее этих помидоров не бывает... — продолжал Леня тоном волшебника, объясняющего тайну одного из своих секретов.

— А какие там пляжи, песок белый-белый, ни одного человека на целые километры. А вода — как шелк.

— А теплая? — спросила Валя подозрительно.

Художник Е. Кузнецова

— Конечно, теплая. Это же юг. Каспийское море рядом. Даже вечером влезешь в воду — как парное молоко.

Эта была последняя капля. Мы с женой решили принять предложение Лени и Жени и провести с ними отпуск на реке Ахтубе.

На следующий день только и разговоров было — о поездке. Валя все говорила о чистых и пустынных пляжах, шелковой воде, теплой, как парное молоко. Я молчал, мечтал о том, что, может быть, мне удастся поймать самому на удочку хотя бы одну большую, по-настоящему большую рыбу, такую, чтобы она весила килограмма два (может, даже три, неуверенно говорил я себе в мечтах), чтобы она сопротивлялась, гнула удочку, когда ее вытаскиваешь, а потом мощно изгибалась бы в руках, когда ее снимаешь с крючка. Весь многолетний, с детства, опыт рыбной ловли говорил против такой возможности. Пескари, ерши, плотва, маленькие подлещики и окуни ловились, бывало, но настоящая, большая рыба — никогда. Хотя и известно было, что она существует. Иногда я видел одну-две такие крупные рыбины у какого-нибудь рыбака. Иногда кто-нибудь из друзей по дороге на рыбалку клятвенно обещал, что мы поймаем такую рыбу. Но на другой день выяснялось, что клева именно в тот раз не было. «Вчера ловилась и, я уверен, завтра будет ловиться, оставайся на завтра. А сегодня, видишь, ветер, волна. И давление упало. А рыба чувствует. Оставайся на завтра». Но я твердо знал: и завтра будет то же. Наверное, и здесь то же получится. А с другой стороны, ведь мы едем на месяц. Вдруг хотя бы раз повезет. Мне ведь хотя бы раз поймать большую рыбу. А кроме того, мне очень

хотелось встретить вдруг настоящую, живую черепаху, дикую, а не убежавшую от какого-нибудь мальчика с соседней дачи. «Нет, надо ехать, надо ехать, пока Леня не сказал, что он пошутил, что всего этого не существует...»

Не ясно еще было, что делать с сыном, но у Лени и Жени тоже был сын, и мы приняли решение взять детей с собой. Ведь теперь нас будет четверо взрослых, как-нибудь уследим за ними, да и ребятам вдвоем будет веселее. Решили ехать в конце июля, чтобы застать время созревания астраханских арбузов и таинственных бычьих сердец. Собственно, лето-то уже началось, поэтому сборы были поспешные. Отец, большой любитель рыбной ловли, торжественно вытащил из чехла и подарил мне свой старый, длинный двуручный спиннинг, показал, как им пользоваться, и однажды я потратил все воскресенье, пытаясь забрасывать спиннингом привязанный к леске грузик на лугу перед домом в деревне, где каждое лето проводил отец. Получалось не очень хорошо. После каждого третьего броска блесна падала в траву слишком рано, а может, катушка вращалась слишком быстро, но получалось так, что с катушки сматывалось слишком много лески, больше, чем то, что могла утащить за собой блесна, и излишняя, размотавшаяся с катушки леска безнадежно запутывалась в длинную, свисающую со спиннинга «бороду». На разматывание ее уходило иногда полчаса, а то и больше.

Мое настроение передалось и Саше. В свои десять лет он уже поймал много пескарей и плотвичек, но оказалось, что и он мечтает о своей большой рыбе. Пришлось и ему купить маленький спиннинг, и он тоже начал закидывать грузик на том же лужке и тоже делать свои борозды. А потом начались покупки по длинным спискам, которые составили мы с Леней, и сборы в дорогу. Женщины заказали билеты на поезд до Волгограда, и вот мы здесь, на теплой и железной, дрожащей палубе огромной многоэтажной лодки, плывущей в ночь по черной, гладкой, как бы масляной воде. Всего и прошла-то с момента отъезда из Москвы одна ночь и один день, а кажется, что уже ничего не существует, кроме этой великой реки и этих странных палубных пассажиров, разношерстно и непритязательно одетых мужчин, женщин и детей с какими-то мешками и узлами, которые входят и выходят по скрипучим деревянным сходням на песок у тихих пристаней с маленькими яркими базарами, от которых вверх идут пыльные дороги к далеким селениям-городкам на склоне огромного обрыва-берега, правого высокого берега этой реки. Куда едут? Зачем? Так же, как и мы, сидят на расстеленных пальто и куртках, пьют чай. У большого, как в бане, крана с деревянной ручкой, над которым написано «Кипяток», всегда стоит кто-нибудь, наливая кружку или чайник.

Не ярко, но горячо, не по-московски светило солнце на каком-то не очень голубом, в белом мареве небе, несмотря на то, что было еще вроде и рано. Девять часов утра. Пароход шел дальше. Немногочи-

сленные пассажиры уехали или ушли по пыльной широкой дороге к видневшимся вверху домикам. А мы оттащили наши пожитки метров на сто в сторону от плавучей пристани и, стоя у быстро несущихся мощных потоков воды, смотрели вдаль. За нашими спинами гора высокого берега, впереди еле возвышается над водой тоненькая зеленая полоска противоположного берега. И такой маленькой, беспомощной показалась наша группа и все наше, казалось, мощное оснащение на берегу этой реки-великана. «Там, за низменным, заросшим лесом берегом, и течет наша Ахтуба. Добираться туда будем уже сами, на байдарках», — сказал Леня. Он был уже здесь один раз. Кроме того, он великий рыбак. Да и идея поездки его. Поэтому он командор нашей экспедиции, командор по праву. Там, на той стороне, где мы собираемся остановиться лагерем, нет поблизости селений, поэтому первое, что мы с Леней должны сделать, — подняться в поселок и купить хлеба буханок десять — пятнадцать, купить наконец обещанных бычьих сердец, залить бензином привезенные для этого баки. Мы освободили рюкзаки, выложив на прибрежный песок их содержимое, и пошли вверх по уже пустынной дороге. И чем выше мы поднимались, тем яснее становилось, как могуча, велика здесь была река. Еще с обреза воды мы видели — далеко у самого того берега плывущий вниз крошечный танкер-нефтевоз. Сверху, от поселка, мы увидели еще один, но теперь стало ясно, что он плывет не у того берега, а скорее у нашего, но, несмотря на это, все-таки так далеко, что выглядел он крошечным.

В поселке меня постигло первое разочарование. Бычьих сердец не было. Мне объяснили, что это лето в здешних местах особенное. Дуют холодные сильные ветры. Поэтому бычьи сердца будут позднее.

Я принял эту новость без удивления. Конечно, так и должно было быть. Так же случится и с рыбой. Собственно, слово «рыба» было у нас запрещенным словом. Мы решили — чтобы не спугнуть возможную удачу — никогда не произносить это слово, заменив его начальной буквой «Рэ». Дети с восторгом приняли эту игру. «Папа, ты все-таки думаешь, что мы поймаем хоть одну большую Рэ?» — спрашивал меня Саша снова и снова, проверяя, не забыл ли я наши правила.

— Да, Леня, если с Рэ случится то же, что и с бычьими сердцами, — это будет ужасно, — говорил я.

— Не бойся, хотя бы одна большая Рэ тебе гарантирована, — утешил он.

— А мне кажется, что это может случиться. Ведь нам же сказали, что лето сейчас необычное, никто не помнит такого. То же получится и с Рэ. Все будут говорить, что в прошлом году она ловилась, будет ловиться в следующем, а в этом (потому что я приехал за Рэ) она почему-то не клюет. Это же так обычно для меня.

И вот собраны байдарки, рассован в нос и корму, и по бокам и под себя, весь объемистый багаж. Посажены на передние сиденья дети и на средние — женщины, и мы с Леней, засучив повыше брюки, сталкиваем наши утлые суденышки на глубину, с тяжелым чувством сталкиваем. Над рекой ветер и даже у берега — жесткая волна, а между далекой полоской противоположного берега и нами лишь немного синего — у нашего берега, а дальше — много-много белого на грязном серо-синем фоне. Неужели там барашки на волнах? Эх, сколько бы я сейчас дал, чтобы не переправляться по такой воде! Но делать нечего, Леня плавает на байдарках много лет. Раз он, правда мрачновато, сел в свою глубоко осевшую, подхваченную течением лодку, значит, и мне пора.

И мы поплыли, решив плыть прямо поперек реки, а не бороться со сносом. Отошли метров пятьсот и вдруг поняли, почему на воде барашки. Мы вышли из ветровой тени высоченного берега, и ветер здесь гулял вовсю, срывал и бросал на нас пену с гребней, байдарка скрипела и наклонялась, податливо пропуская очередную волну, которая почти заливала через борт. Решили повернуть чуть против течения. Тогда волна не будет бить в борт, мы встрстим ее носом.

— Папа, можно я влезу поглубже в нос лодки? И накрой меня чем-нибудь с головой, — вдруг захныкал сын.

— Конечно, можно. Валя, накрой его с головой непромокаемым фартуком лодки.

Сын ухитрился найти себе пространство в, казалось, заполненном до предела носовом отсеке, влез туда почти целиком и, не дожидаясь Валиного фартука, стал вдруг с головой накрываться одеялом, которое было подложено под его сиденье.

«Страшно стало маленькому, а всдь ни разу не попросил — давайте вернемся», — мелькнула мысль. Это потому, что верит, целиком доверяется мне. Знает, что ничего плохого не произойдет, если он с папой. Эх, если бы он знал, как не уверен сейчас в этом его папа. Он, папа, верит Лене. Пока. Ну а что, если и Леня думает сейчас ту же думу?

Лодка стала чуть-чуть неправильно по отношению к волне, накренилась, и край волны, пробегая от носа к корме, перелился через бортик по всей его длине, сразу намочив часть вещей. На дне появилась вода.

— Ой, — вскрикнули в один голос и Саша, и Валя.

— Греби ровнее! Не качай лодку! — неожиданно для себя рявкнул я громко на невиноватую Валю, и стало вдруг спокойно на душе: что было, то уже было — не воротишь. На этой волне все равно не развернуться обратно. Значит, надо грести, держать лодку и следить за волной, не оглядываясь, не прикидывая, сколько отъехали от этого и осталось до того берега. Сколько осталось, столько и осталось. У нас теперь только один берег.

Не раз и не два еще волна перехлестывала через борт, но ни Саша, ни Валя уже не кричали «Ой». Саша лежал не шевелясь, закутав голову уже мокрым одеялом. Да и Валя удивила. В обычных усло-

виях она бы, наверное, ответила на мое рявканье. Да еще как! А тут — гребет себе и гребет, старается. Ни слова в ответ. И тут показался идущий вниз танкер. С берега он казался таким маленьким, а на самом деле был большим и, как будто, шел прямо на нас. А нам ведь ни свернуть, ни изменить скорость нельзя. Но судно прошло мимо, не задев даже волной.

Трудно сказать, сколько прошло времени, но наступил вдруг момент, когда мы с Валей поняли, что волна стала меньше, слабее стал ветер, ярче засветило солнце, а берег, который словно и не приближался, оказался совсем рядом: невысокий обрывчик, а на нем редкое широколиственное мелколесье. Вода подмывала берег, и многие деревца с корнями уже осыпались в воду. Еще минут через двадцать мы нашли небольшую бухточку, заводь, оставшуюся от когда-то пристававшего сюда, по-видимому, парома. От пологого здесь берега в глубину уходила заросшая редкой травой песчаная дорога, скрываясь в редких и невысоких деревьях. Почти одновременно пристали наши лодки к берегу. Лениного сына также не было видно на переднем сиденье. Вместо него тоже был лишь бугорок какого-то мокрого тряпья. «Ребятки!» — крикнули мы весело и беззаботно, и только после этого бугорки зашевелились, и появились щурящиеся от яркого света ребята. Ясно, что мы не поехали сразу дальше. Байдарки были вытащены наполовину и привязаны. Мы с Леней быстро разожгли два примуса, женщины начали готовить обед, а мужская компания отправилась искать жилье, чтобы уточнить, где мы сейчас находимся. Компания с удовольствием шла по тропинке вдоль дороги. Так ярка была листва, и так горяч песок тропинки. Вот впереди крохотная старица — длинное и узкое озерко. Дорога идет вокруг, а тропинка прямо к озеру. Через него переброшены два бревна среди водяных растений. И вдруг Леня остановился, прижал палец к губам, призывая к осторожности и молчанию. Мы остановились.

— Смотри, — прошептал он и показал вперед. Я смотрел, смотрел, но ничего не увидел. — На бревно смотри, на бревно.

Я присмотрелся к бревнам. Одно из них напоминало перекинутую через озерко нитку огромных бус. Зеленоватые, круглые, похожие на блюдца, вытянутые в цепочку с одного берега на другой, как бы приклеенные к тонкому бревну.

— Что это? — спросил я тоже шепотом.

— Черепахи...

Так вот как на воле выглядят черепахи! И так много сразу!

— Ребята, смотрите, черепахи! — возбужденно зашептал я подходившим мальчикам.

— Ура, черепахи! — закричали Саша и Алеша и побежали к бревнам. И вдруг «блюдца» словно отклеились от бревна. Каждое из них наклонилось вправо или влево и, соскользнув с бревна, плюхнулось боком в воду: «плюх, плюх, плюх». Когда мы подбежали к воде, уже ничего не было, только взбаламученный ил дна в разных местах позволял думать, что тут, может быть, в него зарылись чере-

пахи. Вдруг в одном месте, довольно далеко от бревна, быстро, как лягушка, рывками проплыла под водой большая темная тень и врезалась в ил, подняв мутное облачко. Мы с Леней бросились туда, замочив брюки, стали босыми ногами топтать дно. Ноги глубоко вязли в жидкой грязи, но никаких признаков черепахи уже не было. Однако как все изменилось сразу. Значит, все-таки существует, по-видимому, эта страна чудес, о которой рассказывал в Москве Леня.

Когда перешли озерцо, увидели среди деревьев маленький покосившийся деревенский домик, плетеный забор. У плетня развешивала на веревке белье худенькая женщина в длинном платье и белом платочке.

Услышав громкие крики бегущих впереди нас детей, женщина повернулась к нам и молча ждала, когда мы подойдем.

— Здравствуйте, — сказали мы.

— Здравствуйте, — ответила женщина, оказавшаяся совсем древней старушкой. — Ах, господи, никак люди, — запричитала она, до конца вдруг осознав наш приход. Потом она пригласила нас в чистую горницу и принесла ребятам по кружке парного молока (был уже полдень, и она только что подоила корову), а потом пошли разговоры. Оказалось, что это остров, так как со всех сторон его окружают протоки, что здесь когда-то была целая деревня, но потом ее признали неперспективной и предложили всем выехать, отрезали радио и электричество, сняли паром, и все жители переехали жить и работать в Черный Яр, только они со своим стариком остались и будут здесь доживать свой век, хотя и грозятся их дом снести насильно.

— Ах, жалко, что старика нет, он ушел сено ворошить. Как бы он обрадовался, с вами бы поговорил. А то ведь слово человеческое не слышим. Редко кто здесь появляется. Только на сенокос приезжают.

Мы купили у старушки огурцов, меда и скоро уже, веселые и довольные, вернулись к лодкам, где нас ожидал обед. Часа через полтора мы снова изо всех сил гребли против течения, стараясь держаться как можно ближе к берегу, где течение менее сильное. Из разговора со старушкой Леня выяснил, что остров оканчивается километрах в семи. Именно там от Волги отходит на восток протока, которая километров через десять впадает в Ахтубу, отделяющую этот остров от «материка» с востока. Именно в эту протоку и вел нашу «флотилию» Леня.

Трудно достались нам эти семь километров. Гребли против течения и против ветра. Зато как все изменилось, когда мы увидели вдруг песчаный мыс, у которого течение раздваивалось, вода уходила не только влево, где были мы, но и вправо. Это и была та протока. Она оказалась тоже широкой. Глаз с трудом различал отдельные стволы деревьев на том берегу. Но эта ширина была такой маленькой по сравнению с Волгой. Даже ветра здесь почти не было. Не было и волны. Да и поплыли мы уже по течению, вниз по протоке. Как только прекратился ветер, стало тепло.

Байдарки легко неслись по течению. Леня перестал грести, предоставив это Жене, а сам отвязал спиннинг и начал забрасывать его время от времени, но без результата. Потом он достал бинокль и стал внимательно осматривать водную гладь. Я тоже последовал его примеру, отвязал спиннинг, сложил его, привязал грузило и блесну и, изловчившись, забросил в веселую зеленовато-золотистую воду.Но оказалось, что бросать спиннинг, сидя в байдарке, гораздо труднее, чем стоя на траве. А тут еще мешают Валя и Саша: их можно зацепить при броске. Короче говоря, хорошего броска не получилось, блесна упала недалеко, катушку я вовремя не притормозил пальцем, и получилась «большая борода». Лодка медленно шла вперед под слабыми гребками Вали и Саши, блесна волочилась где-то у дна, иногда подергивая при зацепах, по-видимому, за донные водоросли, а я занялся ее распутыванием. Но вот беспорядочный комок лески ушел в воду, за блесной, я начал, не торопясь, крутить катушку, наматывая на нее леску. И тут произошел сильный, резкий зацеп. Удилище спиннинга изогнулось, и я, чтобы не сломать его, начал снова отпускать леску, скомандовав гребцам, чтобы перестали грести. Блесна вроде бы освободилась от зацепа, и снова оказалось возможным, хотя и с трудом, крутить катушку, вытягивая леску. По-видимому, на конце ее все же висел большой кусок водорослей или коряга. Лодка уже не двигалась, а место, в котором уходила в воду леска, вдруг начало быстро перемещаться, так, как будто «коряга» поплыла быстрее лодки. Потом вдруг «коряга» как бы сорвалась, и я почти выбрал леску, она уходила в воду почти уже вертикально. И вдруг опять могучий рывок, да такой, что катушка вырвалась из рук и стала быстро разматываться, бить ручкой по пальцам, треща трещоткой. И в этот момент я увидел в воде толстую грязно-темно-зеленую, размытую и увеличенную слоем воды спину, а потом силуэт огромной рыбы, делающей в воде широкие «мертвые петли», то уходящей в глубину, под лодку, то проносящейся почти у самой поверхности воды.

— Я поймал что-то! — заголосил я на всю реку.

— Папа поймал что-то! — вторил звонко Саша, подпрыгивая на своем сиденье. Он выпустил из рук весло, оно сползло в воду и медленно поплыло по течению.

— Не вытаскивай ее в лодку без сачка! Не вытаскивай без сачка! — вопил Леня. Его лодка подошла сбоку, и он уже протягивал приготовленный им сачок.

Но оказалось, большую рыбу вставить в сачок не так просто. Передняя половина ее вылезала из сачка, и когда мы всей командой наконец подцепили ее, то, наполовину на блесне, наполовину подсаженная сачком, она перевалилась нехотя через борт и плюхнулась в лодку. Но борьба еще не кончилась. Рыба мощно билась на дне лодки, иногда подпрыгивая выше бортов. Леня помогал советами: «Успокой ее! Дай ей чем-нибудь по голове! Да осторожнее, сам на крючки не поймайся!» Совет был не лишний. Рыба глубоко проглотила блесну, так что тройника крючков не было даже и видно. Но

наши блесны имели по тройнику на каждой стороне, и, когда рыба билась, казалось, она размахивала острыми зазубренными крючками. Но вот я поймал рыбу у себя между ногами, зажал ее изо всех сил, ведь она была такая скользкая, и открыл ей огромный рот, думая, как же достать блесну.

— Палец ей в рот не суй, палец в рот не суй! — командовал возбужденно Леня. — Добирайся к крючкам со стороны жабр, со стороны жабр!

Наконец блесна извлечена из наполовину разорванной головы. Рыба перестала биться и лишь вздрагивала на испачканных кровью моих коленях. Но только часть этой крови была рыбья. Кровь сочилась и из ссадин на суставах пальцев, кожа на которых была содрана ударами катушки, бешено вращавшейся, когда я упустил ее. Кровь сочилась и из колотых ран на пальцах. Но это все были мелочи. Я облизал руки, даже не думая о них. Вот и сбылось! Вот я и поймал свою самую большую Рэ. Теперь мне уже некуда больше спешить. Незачем называть рыбу — «Рэ». Даже если я ничего подобного больше не поймаю — поездка, по крайней мере для меня, уже оправдалась, вряд ли я увижу еще что-то новое.

Я еще не знал тогда, что впереди нас ждало много неожиданностей. А пока я, уже спокойнее, передал большую, толстую, как бревно, щуку Саше: «На, посмотри, сынок, только не суй ей пальцы в рот. Ее зубы сделаны так, что даже у мертвой они словно засасывают внутрь твой пальчик».

— Мы будем делать из этой щуки уху, — сказал кто-то моим голосом с выражением неандертальца, принесшего хобот мамонта в пещеру, где оставались голодные женщины и дети.

— Вообще-то в этих местах местные жители не считают щуку за рыбу. Для них она вроде большой лягушки, — произнес вдруг Леня совсем нерадостно, яростно забросив страшно далеко свой спиннинг.

— Кстати, Саша, а где же твое весло? — И мы помчались догонять весло, уплывшее уже далеко-далеко.

— Выбирайте место для ночлега на левом берегу, а я еще поохочусь, — крикнул Леня нам вдогонку. И действительно, солнце уже клонилось к закату. Мы подплыли ближе к берегу, который и здесь представлял собой невысокий, метров пять, обрыв, а наверху виднелась высокая трава и редкие небольшие деревья. Но вот обрыв снизился в одном месте до пологого спуска к воде. По нему легко затащить наверх байдарки, не разгружая полностью их. А рядом прибитое к берегу огромное дерево с массой сухих сучьев.

— Готовый материал для костра. — И я решительно направил лодку к берегу. Когда через час с лишним к берегу подплыла лодка Лени, наша байдарка была уже на берегу. Рядом стояла палатка, весело полыхал костер, а на примусе кипела уха. Оказалось, что и Леня не терял времени даром. Он привез с собой десяток рыбок величиной с большую селедку, но странной, не виданной мной формы.

— Она называется «чехонь», — сказал Леня.

— Раз у вас уже есть уха, хотя и из щуки, — сказал Леня, — чехонь мы зажарим.

Я еще не знал тогда, что жареная свежая чехонь — лакомство, которое пробовали немногие. Многого я еще не знал тогда, а поэтому отнесся к сообщению спокойно:

— Чехонь так чехонь. Жарить так жарить. Кстати, а почему ты сказал, что ты охотился, а не ловил ее?

И Леня рассказал мне, что, когда он смотрел в бинокль, он высматривал на воде такие места, на которых была заметна своеобразная рябь, что ли, и словно бы пар или пена у воды. Это были места, где стадо чехони напало на стадо мальков, плавающих у поверхности.

— Понимаешь, они в этот момент заняты тем, что глушат мальков ударами хвоста по воде, а потом хватают их. В этот момент они так увлечены, что забывают об осторожности, и к ним можно незаметно подплыть на байдарке и закинуть блесну даже в край пятна, где вода кипит от брызг, фонтанчиков и выскакивающей мелюзги. И если ты попадешь туда и сразу, не давая блесне утонуть, начнешь ее вытягивать, то почти наверняка кто-нибудь ее схватит. Тогда надо, чтобы не вспугнуть стаю, потихоньку отплыть в сторону, оттаскивая с собой добычу. Потом надо осторожно вытащить ее в лодку и снова подкрадываться за второй рыбой. Какая же это рыбная ловля? Это же охота. Она мне напоминает охоту на китов с гарпуном, только в миниатюре. Это состояние рыбы называется «бой». Я тебе рассказал про «бой» чехони. Но так же бьют и жереха. На жереха мы будем охотиться только на «бою».

В этот вечер мы закатили «рыбный пир». Подавались щучья уха, жареная чехонь, хлеб черноярский и мед волжский. Быстро, по-южному стемнело. Одно было плохо: невероятные полчища комаров напали на нас. Спасали лишь диметилфталат да дым костра. Непонятно даже было, чем же питалась вся эта армада до нас? Ведь вокруг никого не было. И вдруг мы поняли, что вокруг нас есть еще люди.

Надрывный звук мотора — и через минуту маленькая лодка с гоночными обводами уже уткнулась в песок, где мы вытаскивали байдарки. Из моторки вышел человек и быстро вошел в круг костра. Темные брюки заправлены в резиновые сапоги. Ковбойка, старенькая телогрейка. На голове кепка. Белобрысый, лет двадцати шести, худой, но, чувствуется, жилистый малый.

— Здравствуйте. Рыбнадзор. Кто такие? Что делаете? — спросил он довольно холодно, озираясь по сторонам. Мы рассказали, кто мы, откуда, как решили провести здесь отпуск, порыбачить и покупаться. Парень выслушал. Спросил вдруг: «Рыбу ловили?» Мы рассказали о нашей щуке и чехони, пригласили присоединиться к празднику первой рыбы.

— Нет, спасибо. Кстати, а вы тут на корявого случайно не собираетесь? — спросил парень подозрительно.

— Корявого? А что это такое? — в свою очередь спросил я.

— Неужели не знаете, что такое корявый? А еще рыбак! — удивился парень. И он рассказал, что кличкой «корявый» называют здесь рыбаки его величество осетра.

— Вот что, ребята. Рыбу удочкой и спиннингом вы ловить можете, раз приезжие. От этого вреда нет. Но только чтобы сетей не было. И держитесь дальше от «корявого». Как можно дальше от этого греха. А завтра плывите в другое место. На Ахтубе стоять можете долго, а здесь переночевали — и не задерживайтесь. А сетка у вас есть? — вдруг прямо спросил парень.

— Какая сетка? Да я сам ихтиолог, знаю, что можно, что нельзя! — обиделся Леня, отошел и быстро вернулся с удостоверением. — Вот, видишь, ихтиолог и работаю в Институте рыбного хозяйства.

Парень внимательно прочитал удостоверение, вернул с уважением.

— А я, пожалуй, чайку у вас выпью. Все-таки вы свой, тоже рыбник, — сказал он и улыбнулся.

— Какого чайку! У нас уха, чехонь жареная. Сыр, еще из Москвы, колбаса... И вообще у нас праздник.

— Пожалуй, сырку и колбаски можно. — И парень снял телогрейку, бросил ее на траву у расстеленной клеенки и сел на нее на колени. Но прежде чем снять телогрейку, он вынул из ее кармана большой черный наган, похожий на игрушечный, и осторожно переложил его в карман брюк. Ребята смотрели во все глаза круглыми от восторга глазами. Наступила неловкая пауза.

— Вы даже не представляете, сколько всякого опасного народа здесь иногда попадается, — сказал парень, словно извиняясь.

Ужин продолжался. Парня звали Николаем. Служил на флоте. Демобилизовался. И тут кто-то из друзей познакомил его с ребятами из рыбнадзора. И те предложили ему поработать в их системе. Думал, что это так, временно. А вот работает уже пять лет. Чего только не перевидал за это время! Ведь браконьер всякий попадается. Несколько раз за оружие приходилось браться.

— Но больше так, на испуг, — смеется он. — Последнее время стало трудно. Женился, а тут ночные дежурства, уходишь, как в море, на несколько дней из дома. А бросить трудно. Дело-то благородное. Каждый раз напоминает об этом и ритуал выхода на дежурство. Выстроит начальник: «Приказываю выступить на охрану рыбных богатств Советского Союза...» — даже мурашки по коже, так задевает.

Коля прислушался вдруг, мы тоже. В тишине вечерней реки слышался звук, напоминавший монотонно, неспешно работающий мощный тракторный мотор.

— Это наш катер рыбоохраны идет. Только он такой тихоходный и шумит. Поэтому все браконьеры его за полчаса слышат.

Мотор трещал все громче и громче, а потом, казалось, все заполнилось этим звуком, и вдалеке появились сначала огни, а затем и

черный силуэт похожего на буксир катера. Коля побежал к своей лодке, и через секунду оттуда взлетела в воздух белая ракета. Катер чуть повернул и пошел прямо на нас. На его темной надстройке вспыхнул и погас, а потом зачастил вспышками яркий огонь, световая азбука Морзе. Коля из своей лодки тоже ответил миганием. Вскоре он поднялся к нам.

— Сейчас катер подойдет сюда. Мы тут постоим часик, дадим возможность браконьерам, если они есть сегодня в этих местах, забросить подальше свои донные удочки. Ведь «корявого» они ловят на донки, забрасывая их чуть ли не на середину протоки. Только там он берет. А потом мы бросим за корму специальные кошки с крючками и пойдем по протокам к Ахтубе. Будем тралить, рвать и вытаскивать браконьерские снасти. Вы бы посмотрели, сколько оборванных лесок и снастей остается на наших кошках после каждого траления. А вам мой совет — плывите завтра вниз по течению, пока не увидите, как протока раздваивается и часть ее отходит влево.

Этот рукав впадает в Ахтубу километрах в десяти отсюда. Вот на мысу, где раздваивается протока, и советую поставить палатки. Там можете жить сколько хотите. Ну мне пора, спасибо за угощение. — Коля побежал к катеру, который уже уткнулся в берег.

На другой день мы гребли прогулочным стилем и все же довольно быстро доплыли до места, где наша протока сильно расширилась, превратившись в огромный плес, в разных концах которого даже без бинокля видны были пятна «боя» чехони или жереха. Наши лодки держались левого берега, и вдруг он кончился. Нас подхватило и понесло вправо, к середине, мощное течение. В плес вливалась с востока быстрая и, чувствуется, глубокая река.

Мыс, образованный раздвоением протоки, представлял собой огромный пустынный пляж, покрытый белым песком. А за песком был невысокий, в несколько метров, обрывчик и дальше как будто роща: несколько десятков редко стоящих, огромных раскидистых деревьев. Вот оно, место, где бы хотелось остановиться, чтобы хоть в мыслях побегать, полежать на песке, искупаться в быстрых и чистых струях, погулять по какой-то «итальянской» — напросилось сравнение — роще.

— Давайте остановимся здесь, — предложил Леня.

За те сутки, что мы провели на реке, погода переменилась. Ветер по-прежнему дул с востока, откуда-то из казахстанских степей, и был уже сухой, горячий. Поэтому, как только пристали, все, не сговариваясь, сбросили одежду. Взрослые полезли купаться, а дети с визгом начали носиться по твердому мокрому песку у обреза воды. Оказалось, что дно реки у пляжа очень мелкое, ровное, без ям и тоже песчаное. Долго-долго шли мы, пока не погрузились по-настоящему в воду, и тут я вспомнил, как Леня называл ее в Москве. Вода действительно была мягкая, шелковая. Это сравнение напрашивалось потому, что течение было быстрое и какое-то турбулентное, завихренное

и вода все время как бы дотрагивалась, гладила различные части тела, как свободная шелковая рубашка, обдуваемая ветром. Да! Здесь было хорошо, безопасно и для купания ребят.

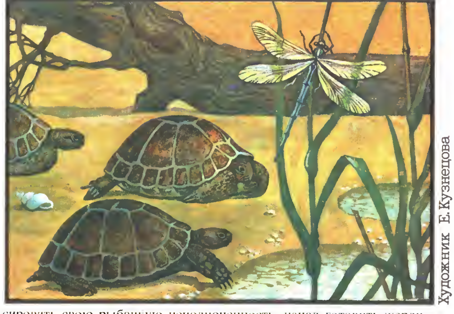
Место в роще под огромными деревьями, по виду дубами (это и оказались дубы) было занято. На поляне горел костер, стояли палатки и старенькая «Волга» с московским номером. Поэтому мы решили разбить лагерь среди редких кустов ивы на самом краю обрыва. Ведь ребята будут весь день на пляже, а с края обрыва, не отрываясь от лагерных дел, всегда можно держать детей в поле зрения. Да и место на срезе обрыва очень хорошо продувалось ветром, а это вселяло надежду, что там не будет комаров. И опять началось: выбрать место, поставить палатку (каждый ставил палатку для своей семьи), перетащить все грузы. Выбрать место для примусов, там будет кухня; кроме того, надо сделать из палок и плавника самодельные стол и скамейки рядом со столом — это будет столовая. Короче говоря, в этот обед у нас не было рыбы к столу. Женщины приготовили еду из консервов, и тут же выяснилось, что место мы выбрали неудачное. Слишком редкая трава была у края обрыва, а в основном просто живой песок. Он попадал в суп, второе, в чай — везде был песок. Но мы не передвинулись на другое место. Неудобство песка искупалось песком: даже делая повседневные работы по лагерю, мы были одновременно и на пляже и на реке. К вечеру в первый день нашей оседлой жизни Леня повел нас сначала искать низинные болотистые места, где можно было, перерыв массу земли, накопать немного червей. Зато потом оказалось, что с обрывистого берега в стороне от пляжа, в рукаве, уходящем в Ахтубу, на одного червяка ловилось штук по пять-шесть широконьких и плотненьких «тарашек», похожих по размерам на известную всем вяленую тарань. Обеспечив шесть ртов жареной таранью на ужин, Леня сказал:

— А что, если нам сегодня поймать большого сома?

— Как — большого сома? А разве это можно? — даже остановился я от удивления.

— Конечно, можно. Я тут присмотрел одно бучило. Мне кажется, там большая глубокая яма под водой. Там наверняка стоит большой сом. Будем ловить его на лягушку. Пойди поймай мне хорошую лягушку. — И Леня показал, какого размера лягушка, по его мнению, хороша для большого сома, который сейчас стоит на дне ямы. Я тут же пошел ловить лягушку.

— Ура! Мы идем ловить лягушку для большого сома! — радостно крикнули ребята мамам, которые чистили тарань к ужину, и мы побежали к местному болотцу. Опять с разных веток и коряг спрыгивали, «отклеиваясь» от них, коричнево-зеленые черепахи, но сейчас нам было не до них. Мы ловили нужную Лене лягушку. Наконец Саша, Алеша и я поймали по «хорошей» лягушке и пришли на берег, где Леня готовил снасть и лодку к отплытию. Жара спала, женщины, утомившись за день, крепко спали. Поэтому Леня уехал «ловить сома» один. Я остался с ребятами и, чтобы как-то скомпен-

Художник Е. Кузнецова

сировать свою рыбацкую неполноценность, начал готовить жерлицы — намотанные на рогульки пятиметровые куски толстой лески с проволочными поводками на концах, к которым были приделаны по три больших крючка.

— Ура! Папа тоже поймает завтра щуку! — завопил Сашка, помчавшись вперед.

— Ура! У нас будут завтра и сом, и щука, — завизжал, бросившись за Сашей, Алеша.

Конечно же они не успокоились, пока не разбудили обеих женщин и не сообщили им эту потрясающую новость.

На следующее утро мы с Леней встали очень рано, спустили в воду обе лодки и поплыли в разные стороны — он к своему бучилу, я к пяти жерлицам, которые поставил-таки вчера под красиво нависающими над быстрой водой кустами метрах в двухстах ниже нашего пляжа. Чувствовалось, что там глубоко у самого берега, и почему-то место это ассоциировалось с рыбой. Три жерлицы оказались нетронутыми. «Все правильно, — думал я, снимая их и бросая в лодку, — ведь чудес на свете не бывает».

А четвертую жерлицу я сначала не мог найти. Потом увидел ее почти под водой: ветка, к которой она была привязана, надломилась и непонятно как держалась. И леска размотана. «Неужели?» Да, я опять поймал, и большую. Даже втаскивать в лодку побоялся и, плюнув на последнюю жерлицу, осторожно повел на буксире рыбину к себе домой. Когда подгребал к пляжу, увидел Леню. Греб он медленно, осторожно, оглядываясь все время назад.

«А что, если и у него...»

Да, у него на буксире, только уже на кукане — крепкой бечеве, продетой через рот и выпущенной с другой стороны через жабры, — волочилось темное толстое «бревно» с метр длиной. Сом!

Женщины и дети еще спали, и мы решили сохранить добычу живой. Мою матерую щуку (это была опять щука) осторожно, с помощью сачка Лени отбуксировали по песку отмели на берег, освободили от крючков и тоже посадили на отдельный кукан. А потом вбили булыжниками в песок дна два толстых и высоких кола метрах в пяти друг от друга, сделали на конце бечевок-куканов петли и набросили их на колья. Ребята, да и женщины тоже не поверили, когда проснулись, что их ожидают две большие живые рыбы.

— Мы их приручим, мы их приручим! — кричали ребята, когда вся компания пошла смотреть улов. Но вот и колья. Сначала даже показалось, что наши рыбы убежали. А потом увидели: вот они стоят, чуть шевеля плавниками, головами против течения, слегка натянув бечевки. Почти черные обе, большие, даже какие-то опасные, особенно сом с его огромной головой, ртом во всю голову, усами.

— Папа, подари мне твоего сома, он такой хороший, я буду с ним гулять, — взмолился Алеша.

— Я тоже хочу гулять со своей кошечкой. Я даже имя ей придумал — Мурка! — закричал Саша. А ведь неплохое имя, подумалось. Действительно, щука с ее немигающим взглядом хищника, с поперечными полосами на боках и мягким, как бы помахивающим хвостом чем-то напоминала кошку. Особенно в контрасте с сомом, похожим по сравнению с ней на большого дворового пса.

— Я тоже имя придумал — Кусака! — закричал Алеша.

— Лень, а не перекусают эти звери ребят? Ведь они такие здоровые, что даже подходить страшно, — спросила Женя.

— Не бойся. Им теперь не до кусания, — сказал Леня, снял петлю поводка Кусаки с кола и передал его Алеше: — На, прогуляй его. Только не отпусти.

Я тоже передал поводок Саше, и ребята гордо зашлепали по колено в воде вдоль берега пляжа.

Постепенно жизнь наша вошла в размеренное русло. Утро начиналось с того, что мы с Леней на одной из лодок мчались на другую сторону протоки, на остров, где, как оказалось, в глубине длинного извилистого залива одиноко жил со своей «старухой» лесник — крепкий, бородатый мужик лет пятидесяти. Там мы брали свежее молоко, иногда яйца и сметану. Ведь у лесника была корова, куры, утки, а дети его выросли, жили в Черном Яру, приезжали к отцу раздва в месяц проведать. Он всегда шел провожать нас до маленькой самодельной пристани. Мы садились на борт одной из его больших, длинных, похожих на пирóги лодок с установленным в центре почти корабельным мотором и еще полчаса разговаривали «за жизнь» и только потом отправлялись обратно. К этому времени вставали и

женщины, бежали к воде окунуться и встретить нас. Наши примусы безнадежно засорились песком и перестали работать на второй день пляжной жизни, поэтому мы разводили костер, и женщины готовили на нем кашу с молоком и еще что-нибудь, варьировавшееся ото дня ко дню. К моменту, когда был готов завтрак, вставали дети. После завтрака женщины мыли посуду, младшие мужчины прогуливали Кусаку и Мурку, а старшие готовились к рыбной ловле или отдыхали, загорали на пляже, но вблизи лагеря, чтобы помочь женщинам, если будет надобность. Собственно, это был не совсем отдых. По очереди мы внимательно осматривали в бинокль все открывавшееся перед нами водное пространство. Но не только, вернее, не столько красота плеса привлекала нас. Мы искали, боялись пропустить «бой» жереха или чехони. А пока «боя» не было, второй заботой у нас были «муравьиные заботы». Все началось с того, что в первый же день мы обнаружили, что склон нашего обрывчика и песок, покрытый редкой травой, на котором стояли наши палатки, был населен муравьями. Рыжими муравьями, которые деловито бегали по своим муравьиным дорогам. Мы хотели уже переехать куда-нибудь, но оказалось, что, во-первых, муравьи были везде, а во-вторых, эти муравьи нас не кусали. Мы занимались своим делом — они своим. Но часто, отрываясь от наблюдения за ребятами и плесом, мы разглядывали муравьиную жизнь, которая кипела на невидимых тропинках. И вот, лежа на редкой траве у палаток и рассматривая песок и жизнь на нем очень близко, я вдруг обнаружил странное явление. В некоторых местах в песке были небольшие, сантиметров пять диаметром, воронки с очень крутыми стенками, такими крутыми, что, когда я дотрагивался до них травинкой, песок начинал осыпаться по стенкам воронки. И вдруг из этой воронки в меня брызнул заряд из песчинок, потом другой. Я присмотрелся и увидел, что на самом дне лунки сидит кто-то маленький и черный и стреляет струями песка вверх, на поверхность. Конечно же он и лунку себе выкопал таким способом и поддерживает ее в этом состоянии от естественного осыпания. Но зачем?

— Лень, отвлекись, посмотри-ка!

Леня, лежащий рядом и тоже разглядывавший муравьев, чуть придвинулся.

— А-а, и у тебя тоже. Это же муравьиный лев. Гроза муравьев. Смотри внимательно и потерпи немного.

И я стал смотреть. Мой лев восстановил глубину воронки, которую я ему чуть засыпал, и, перестав стрелять, сидел неподвижно засыпанный наполовину в песке на дне. А вокруг по поверхности все бегали муравьи, суетясь, иногда отбегая в сторону и останавливаясь как бы в рассеянной забывчивости. И вдруг один из них словно по рассеянности побежал в сторону от тропинки, где бегали другие его коллеги, и так же по рассеянности, не заметив обрывчика, угодил на край склона лунки. Песок под ним стал медленно оползать, а муравей вдруг начал работать лапками изо всех сил, и казалось, что он вот-вот вылезет. Но в этот момент кто-то на дне

выстрелил зарядом песка, да так точно, что угодил прямо в муравья, и тот чуть соскользнул вниз. Чуть, но это «чуть» было больше, чем то, на которое он перед этим, казалось, поднялся. И опять муравей засуетился, пополз вверх по осыпающемуся склону, и черный кто-то опять по-снайперски стрельнул в муравья песком и опять попал, и опять муравей, потеряв равновесие, сорвался сразу на два своих корпуса вниз.

«Да что же это он делает? Надо помочь муравьишке!, — подумалось. А потом: — Зачем? Пусть они сами разбираются в своей жизни...» И мы с Леней, не вмешиваясь, следили, как муравей, совсем обессилев или упав духом, перестал бороться, докатился почти до дна, и оттуда высунулась черная мохнатая «лапа», схватила муравьишку и утащила в ставший зыбким песок. И только сейчас мы увидели, как много таких же свежих, с острыми краями лунок на пути муравьишек. Даже страшно стало.

— Есть! — крикнул вдруг Леня, оторвавшись от бинокля, и вскочил. — Кажется, жерех бьет, поехали... — И мы побежали к лодкам, в которых наготове лежали спиннинги, блесны, сачки.

Две лодки мощными рывками быстро шли по сверкающей воде против течения. Легко гнать вперед пустые байдарки. А сейчас они были пусты. Правда, на передних сиденьях у меня сидел Саша, а у Лени его жена Женя, но их вес не в счет.

— Игорь, Саша, когда будем подплывать к «бою» — не разговаривайте. Только шепотом. И смотри веслом не звякни, — говорил второпях Леня. — И еще — подходить будем снизу. Первым — я. Ты смотри, учись. Когда сделаю знак — пойдешь ты.

Я приотстал, и Леня оказался впереди, а еще впереди — пока еще далекое пятно маленькой битвы на воде: беспорядочно выскакивающие мальки, брызги, белые клочья пены, взмахи черных хвостов. Мы не рассчитали, поэтому пришлось перестать грести, дать возможность лодкам скатиться по течению. Оказалось, что пятно, в котором жерехи уничтожали, били стаю мелкоты, не двигалось по течению. Поэтому довольно быстро мы оказались ниже его и уже потом, осторожно, стараясь не звякнуть, не плеснуть веслом, начали подходить к пятну снизу. Когда подошли метров на сто, Леня дал мне знак подождать, и мы с Сашей стали лишь чуть подгребать, чтобы нас не сносило течение. Леня поднял, подготовил свой спиннинг, а гребла теперь уже только Женя. Лодка ближе, ближе к пятну, наконец перестала приближаться. Леня забросил спиннинг. Блесна попала хоть и не в центр, но в место, еще кипящее фонтанчиками. Леня резко махнул назад удилищем, но оно изогнулось, так как блесна уже зацепилась за что-то, а Женя перестала грести, и их лодка поплыла боком вниз по течению. А Леня за это время уже подтянул леску настолько, что было видно, как конец ее носится вправо и влево и что-то большое и серебристое выскакивает временами из воды все ближе и ближе к его лодке.

— У меня есть! Теперь давай ты!

И мы с Сашей начали подкрадываться. Но у нас дело шло хуже.

Саша не мог еще держать лодку, когда я бросал. А я сам сначала не мог попасть куда надо, а когда попадал — никто не хватал мою блесну. Негромкий окрик дал нам понять, что наше время истекло. Наступила опять очередь Лени. И опять они с Женей элегантно подошли к стае, и с третьего броска их лодка опять покатилась вниз по течению с добычей. Только после того, как Леня скатывался вниз уже с шестой рыбиной, мне вдруг тоже повезло, я поймал своего первого, хоть и небольшого жереха, и мы поплыли домой. Только через несколько дней я понял то неуловимое, что недорассказал мне Леня или я не понял из его рассказа. Однажды, когда мы с Сашей приближались-подкрадывались к «бою», мной овладело вдохновение, что ли. Я знал, что сейчас я поймаю. Я смело, легко забросил блесну, попал ею в бурлящий котел «боя» и сразу рванул удилище в подсечке. И... удилище согнулось от того, что кто-то еще невидимый потянул его на себя и в сторону. Так, значит, вот как надо ловить: резко выдергивать блесну сразу, как только она упадет на воду, не дожидаясь, клюнет или не клюнет рыба. Пусть она, увидев, что только что упавшая на воду блестящая «рыбешка» снова уходит вверх, сама бросится за ней и, хоть и на лету, поймает тройной крючок.

Мы скатились вниз по течению, сняли рыбу и снова вернулись, и мой прием опять сработал. Опять изогнулось удилище под сопротивляющейся пленницей.

— Саша, давай теперь ты попробуй. Только сначала послушай внимательно, я тебе объясню секрет.

Через несколько минут мы снова подкрались, и теперь уже я сдерживал лодку в течении. Саша ловко забросил свой маленький спиннинг, и, как только его блесна хлопнулась в воду, подняв невидимые среди других брызги, он резко махнул удилищем на себя, и... затрещала быстро катушка, вырвавшись из слабых пальчиков, разматывая леску вслед уходившей в глубину рыбине. Сашка ловил, ловил рожќи-ручки катушки, но они только били его по пальцам. Но вот он поймал их и молча, без крика начал с трудом накручивать леску на барабан. Вот уже совсем рядом ходит из стороны в сторону огромная по сравнению с мальчиком рыба.

— Саша, давай я помогу тебе вытащить, а то сорвется.

— Нет, я сам! Я сам! — это уже почти навзрыд. И потом по-мужски: — Ты только помоги мне с сачком, папа...

Когда рыба уже была вытащена и мощно барахталась на дне лодки, там, где было место снятого среднего сиденья, мальчик, повернувшись назад на своем сиденье, долго еще держал ее, не давал ей высоко прыгать своими избитыми и сколотыми в кровь пальчиками.

— Ну что ж, теперь давай еще одну! — крикнул я весело. И вдруг сын взглянул на меня какими-то незнакомыми, грустными, почти старческими глазами: «Нет, не надо больше ловить сегодня. Поедем домой». А потом уже по-детски, капризно-нетерпеливо: «Ну поедем же домой скорее! Устал я, папа!»

Пришел день, когда мы стали думать о том, что нужно пополнить запасы хлеба. Наши соседи, у которых была карта местности, рассказали нам, что если плыть вверх по Ахтубе, то километров через двадцать пять можно доплыть до села Владимировка, где есть магазины, больница, базар и, конечно, можно купить хлеба. Еще раз сверившись с картой, мы решили, что можем, переправившись на ту сторону Ахтубы, дойти туда и пешком, сэкономив при этом километров десять. И мы с Леней начали готовиться к хлебному походу. Освободили рюкзаки, научили женщин, как пользоваться нашим одноствольным ружьем — на всякий случай, чтобы им было не страшно, закололи нашу «скотину» — сома Кусаку. Щука Мурка умерла предыдущей ночью, и было ясно, что сом, даже если его и выпустить, уже не жилец. Сом был пожарен, но ребята отказались его есть, и часть его оставили на утро, чтобы мы хорошо позавтракали. Но это было ошибкой.

На другой день мы встали рано, Женя перевезла нас на ту сторону, и мы пошли по чуть холмистым лугам, заросшим в низинках кустами и невысокими деревьями. Ни человека, ни звука. Только небо. И в то же время присутствие человека повсюду. Луга тщательно скошены. Кое-где стоят аккуратные стога, видны следы машинных колес. Поднялось и начало палить солнце. И тут я почувствовал, что мне плохо. Ноги не слушались, начало мутить, а потом вырвало раз, прошел метров двести, дошел до стога — второй. Прошел еще немного, до кустов, — третий. Желудок расстроился, в глазах темно. Вот тут-то я и вспомнил, что оставленные куски сома показались нам утром подозрительными, слишком теплая была ночь. Леня не стал его есть, а мне показалось, что ничего: не пропадать же добру.

Не знаю, сколько я прошел, шагая, как пьяный, держась за Леню, когда — о счастье! — впереди показался огромный, крытый сеном шалаш, около него стояли скамьи, сидели люди. Кое-как добрел до него и лег в его тень. Как сквозь сон слышал, Леня что-то говорил людям про вчерашнего сома, которого я съел утром, про то, что идем за хлебом. Помню заботливое лицо пожилого небритого мужчины, который заставил меня встать.

— Плохо твое дело, паря. Пей воду. Пей воду, — повторил он, приставляя к губам железную кружку. Зубы стучали о нее крупной дрожью. И опять рвало и рвало. — Вот что, паря, ты иди за хлебом, а товарища твоего здесь оставь. Мы присмотрим. Есть у нас для него кой-какое зелье.

Тот же человек обнял меня, дал выпить еще кружку чего-то горячего, душистого, ввел в шалаш с утрамбованным земляным полом, бросил в угол охапку сена: «Ложись, паря. Оклемывайся». Я рухнул на подстилку лицом вниз, стараясь, чтобы под животом было теплее, было побольше сена — и все. Отключился. Потом опять пришел в себя оттого, что страшно замерз. Зубы лязгают, слышу, кто-то вошел в шалаш: «Надо бы накрыть парю, а то его трясет всего», — и что-то тяжелое, негнущееся, но толстое, теплое упало на меня,

накрыв с головой, оставив непокрытыми только ноги. И все. Опять отключился. Снова пришел в себя или проснулся от голосов, оттого, что кто-то ходил в шалаше, иногда задевая мое негнущееся «одеяло». Лежу в той же позе. Руки, ноги затекли, но какое-то чувство говорит: выздоровел. Пошевелился, сдвинул с головы двуслойную рогожу — циновку. Чуть светлеет, и по влажной сырости и холоду ясно: рассвет. Встал на четвереньки, потом в рост. Ноги дрожат, но держат твердо.

— А-а, ну вот и оклемался. Иди чай пить. Скоро трактор придет с прицепом. Тебя во Владимировку прихватим.

За столом сидел тот же мужчина, еще три немолодые женщины в белых платочках пили чай с хлебом и сахаром, наколотым мелкими кусочками. Улыбаются как знакомому. Подвинулись на скамейке, дали место. Через некоторое время приехал с телегой трактор, привез еще людей. Они, оказывается, кончали здесь убирать сено. Прощаясь, не знал, как и благодарить. А они только: «Не стоит благодарности. Пустое». Так и уехал, не узнав имен тех, кто помог, накормил, напоил, дал ночлег, ни разу не спросив даже, как звать, откуда, зачем здесь. Удивительно. И хорошо.

Пока доехали, совсем пришел в себя. Купил рюкзак хлеба и к вечеру уже кричал через Ахтубу: «Ле-ня! Ва-ля! Же-ня!» Наконец радостные крики, и из-за мыса выскочила байдарка, в ней Леня. Он рассказал, что, оставив меня в шалаше, добрался до села, купил хлеба и заторопился попасть домой до ночи более короткой дорогой. Он был уверен, что я полежал в шалаше немного, а потом вернулся домой. Можно представить, как он волновался, когда и ночь прошла, и день, а меня все не было. И можно представить, сколько слов наговорила ему за это время Валя. Поэтому мое возвращение вылилось в веселый праздник.

Через несколько дней наши соседи с машиной уехали, и мы перенесли свой лагерь на их место — чудесную поляну с густой, теперь скошенной травой. Палатки поставили недалеко от огромного, раскидистого дуба. Погода опять изменилась, небо все сильнее затягивало облаками, хоть было по-прежнему тепло. Воспользовавшись нежаркой погодой, мы начали исследовать окрестности, а не только сидеть у воды или спасаться в тени кустов от беспощадного солнца. Оказалось, что за чистой «итальянской» рощей расположена полоса маленьких озер-болотцев, полных диких уток, уводящих подальше от нас цепочки еще маленьких утят. На каждой коряге, торчащей из воды, по-прежнему сидели и грелись юркие, чуткие черепахи. Кто сказал, что они неповоротливые? И все же ребята постепенно раскусили их секреты, научились подкрадываться, бросаться вперед опрометью. И в нашем лагере всегда жили одна-две Тортиллы.

Далеко, правда, мы ребят от себя не пускали. Во многих местах лужайка под дубами и особенно небольшие, заросшие кустами, заваленные сухими сучьями низинки были как будто перепаханы чем-то. Дерн был перевернут корнями вверх. В один из наших походов за

молоком мы спросили старого лесника об этом странном явлении, и он рассказал, что по окрестностям бродят стада одичавших за лето свиней местной породы, полусвиней-полукабанов. Ранней весной редкие здесь жители выгоняют их за пределы своих деревень — вывозят на острова, образованные протоками, и все лето до холодов они живут где хотят, уходят иногда очень далеко, а к зиме, когда становится трудно с пищей, голод гонит их к жилищам человека или человек сам их находит вместе с подросшим за лето приплодом. «Мужику вреда от них никакого, а за ребятишками следите, как бы грех не случился. Правда, сытые они теперь, но кабан и есть кабан. С него не спросишь», — предупредил лесник. Поэтому лекции на тему: «Берегись кабана и как от него спасаться» препровождали каждую отлучку ребят из лагеря, которые теперь, когда мы несколько оторвались от воды, участились. Ребята, правда, восприняли это по-своему. У каждого из них теперь были самодельные луки и легкие стрелы из лозы, и они неутомимо упражнялись, стреляя в дуб-великан, как бы отражая нападение свиней или охотясь на кабанов, которых пока никто из нас в глаза не видел. Рассказал нам лесник и еще одну новость. Мы знали, что, если идти от берега на восток, миновав нашу рощу и серию низин и озерков-болот, за ними начинается уходящая до горизонта, покрытая редкой травой и полынью, выжженная кое-где солончаковая степь-пустыня. «Но, — сказал лесник, — если идти в этом же направлении, держась берега, то там можно встретить великолепные сады фруктовых деревьев: яблони, груши, сливы. Когда-то там тоже жили люди, были большие колхозные сады, но укрупнение колхозных усадеб при сокращении их числа сделало в мыслях начальства эти сады невыгодными. Люди ушли, а сады остались и почти не одичали. И сейчас самое время сбора яблок и груш».

На другой же день я взял с собой пустой рюкзак, ребята — луки и стрелы, и мы трое отправились на поиски мифических садов. Леня отправился на лодке на рыбную ловлю. Женщины предпочли остаться дома. Позаниматься хозяйством и искупаться. Через час поисков мы нашли эти сады. Все было так, как говорил лесник. Породистые, раскидистые, с толстыми ветками на высоте метра яблони. Элегантные сливовые деревья, ветвистые груши. Одно оказалось трудным — выбрать, какие же сорта яблок, слив или груш мы хотим. Мы трое ходили от дерева к дереву, я тряс его, плоды сыпались щедрым дождем, мы пробовали их и никак не могли решить, какие лучше. Ребята и я были очень увлечены этим занятием. Вдруг я услышал позади себя какое-то слишком уж аппетитное чавканье, даже похрюкивание. Я обернулся. Сзади меня в трех шагах стояла огромная, хотя и поджарая свинья и, широко открывая рот с мощными желтыми клыками, уплетала натрясенные мной яблоки. Добродушные глаза ее контрастировали с дикой внешностью — густая грязно-коричнево-серая шерсть, торчком стоящая на холке, длинный кабаний нос, не похожий на нос свиньи. А рядом бегали и тоже жевали яблоки с десяток совсем уж не поросят, а маленьких

юрких зверьков с густой светлой шерстью, покрытой поперечными коричневыми полосами, с длинными, как у маленьких слоников, носами-хоботками. Пожалуй, только хвостики у них были поросячьи. Быстро осмотрелся: Саша и Алеша спинами ко мне и выводку с интересом обсуждали что-то.

— Ребята, свиньи пришли. Быстро на деревья!

По тону моему они поняли, что это не шутка, и пулями взвились на две ближайшие яблони: «Папа, иди к нам, что же ты?» И я из педагогических соображений, конечно, тоже влез на дерево рядом. Какими храбрыми стали ребята, оказавшись на деревьях. Они швыряли в свинью и поросят яблоками, жалели, что свои луки и стрелы оставили впопыхах на земле. А свинья с поросятами быстро подъели все, что мы натрясли, и, добродушно похрюкивая и повизгивая, весь выводок удалился.

«То густо, то пусто» — закон всех обществ, материальное благосостояние которых основано на охоте, рыболовстве и собирании даров дикой природы. Вот так же было и у нас. В тот вечер в добавление к судакам, которых неожиданно для себя и для нас начали ловить наши женщины на удочку в двух метрах от берега, прямо в том месте под обрывом, где они мыли посуду, у нас был обильный фруктовый стол, яблоки, запеченные на сковороде, свежие фрукты, салат из фруктов и, наконец, кастрюля компота.

Я уже говорил, что удивительная бескрайняя степь-пустыня уходила от нас на восток. Но ведь рукав, вытекавший из протоки возле нашего пляжа, тек туда же. Это навело нас с Леней на мысль сесть в лодку, пройти вверх по этой реке часика два-три, а потом высадиться и побродить по берегам, посмотреть, что там. И мы ходко погнали свою пустую лодку против быстрого течения. Раза два мы видели места, где шел «бой» жереха, пробовали подкрадываться, и Леня даже поймал двух. Река чуть-чуть петляла, и в зависимости от поворотов то один, то другой берег представлял собой или широкий пустынный песчаный пляж, или невысокий обрывчик, но, что делается дальше, не было видно. Мы уже думали остановиться, когда заметили на правом берегу небольшой шалаш. Конечно, мы тут же пристали, вылезли на берег и оказались у края той же безбрежной равнины. Но это была не бесплодная пустыня. Насколько хватал глаз, вперед, вправо и влево среди подсохшей уже зелени листьев лежали на земле большие и маленькие, зеленые и полосатые арбузы. Это была огромная, без конца и края бахча. Рядом на телогрейке в тени шалаша лежал сторож-старик. Мы поздоровались, тоже присели в тенек, разговорились. И вдруг я замолчал. Рядом с шалашом, под небольшим навесиком, где лежали какие-то мешочки, по-видимому с продуктами, стоял ящик красных, мясистых, похожих на большие сердца помидоров.

— Дедушка, неужели это бычьи сердца? Я никогда их не пробовал. Угостите одним.

— А бери сколько хочешь, этого добра сейчас сколько угодно. Самый сезон для помидоров.

Кончилось дело тем, что мы подарили дедушке консервы и сыр, который взяли с собой, а дед дал нам целую сумку помидоров.

— Дедушка, мы тут двух жерехов поймали. Еще совсем свежие. Может, возьмете?

— Жерехов? Давно не пробовал такой рыбы. У нас ведь рыбу почти не ловят. Все в поле работают. А в магазине только мороженая, привозная, из окиянов. Какая это рыба? Нету у нее вкусу.

Мы просидели у старика, пока не спал жар, не стало темнеть, а когда уходили уже, он сказал:

— А арбузов-то, арбузов что ж не возьмете, ребяток и женушек побалуйте.

Конечно, мы не отказались. Возвращались уже почти в полной темноте.

Жизнь шла своим чередом, хотя стиль ее и изменился несколько. Теперь уже главным местом активности был не сам пляж. Ведь женщины уже загорели до такой черноты, что дальнейший загар не мог ничего дать, только ухудшал дело, кожа начинала шелушиться. Да и пляж был теперь несколько в стороне. Полянка с великаном дубом обрывалась в воду довольно крутым спуском метров в пять. Чуть ниже по течению часть берега когда-то обвалилась в воду, образовав в нескольких метрах от этого места островок метров десять длиной и метра три шириной. Вот на этом спуске у воды и на этом островке проводили мы теперь много времени. Охота на жерехов начала надоедать, хотя мы и занимались ею, для того чтобы взять с собой в Москву засоленные тушки. А с островка прекрасно ловились и тарань, и окунь, и язь, которых мы теперь предпочитали крупной рыбе. И кроме того, сидя на острове или на спуске к воде, с поляны можно было наблюдать за Орлушей. Так мы назвали большого серого с белым орлана, который часто сидел на вершине сухого дерева рядом с тропинкой, по которой мы спускались к воде. Орлуша всегда был на месте, когда чистили рыбу, и стоило бросить в воду подальше комок внутренностей или голову, как раскрывались огромные крылья, и, выставив вперед голову и длинные, с раскрытыми когтистыми пальцами ноги в серых штанах из перьев, орлан планировал, нет, скорее парашютировал на добычу, хватал ее, окуная лапы, а иногда и голову в воду, а потом, медленно махая крыльями, улетал далеко в сторону и, делая большой круг, возвращался на свое дерево уже без добычи. Особенно орлан любил, когда ему бросали пищу в лёт. «Орлуша!» — кричал ему кто-нибудь, и одновременно я или Леня бросали вверх, в сторону воды, голову крупной рыбы или целую рыбешку помельче. И неподвижный, казалось, сонный орлан вдруг, оттолкнувшись от сука, так что качались все ветки, летел вниз камнем, на лету чуть расправлял крылья и с непонятно как набранной большой скоростью догонял уже падающую вниз добычу, хватал ее когтями еще в воздухе. И опять, расправив во всю ширь огромные крылья с, казалось, редкими, торчащими как бы порознь перьями, начинал неторопливо махать ими, делая свой большой круг.

Когда Орлуша сидел, слегка нахохлившись, на своем любимом высохшем суку, он был очень похож на таких же орланов, которых все мы столько раз видели в Московском зоопарке. И все же мы смотрели на него с чувством, отличным от того, что возникало в зоопарке. Ведь наш орлан принадлежал лишь самому себе, и то, что он делал, он делал по своему желанию и, даже принимая от нас подачки, оставался царем местного неба. Когда тяжелая тень его вдруг проскальзывала по нашей поляне, а потом через некоторое время на страшной высоте начинала кружиться над нами на неподвижных крыльях хищная птица — мы знали, что это наш Орлуша, и были страшно горды знакомством с ним.

Наступил день, однако, когда число зачеркнутых дней в маленьком календарике, который мы сами себе сделали, подсказало нам, что наше время пребывания здесь подошло к концу. И какой-то переключатель повернулся в голове, и если еще вчера мы принадлежали этому миру безраздельно, то сегодня мы были уже здесь гостями. И мысли наши были заняты тем, как собираться, как добираться до парохода, даже тем, что в первую очередь надо сделать, когда вернемся домой. Наши друзья из рыбнадзора сказали нам, что они могут взять нас с собой, когда будут утром возвращаться на свою базу из очередного ночного дежурства по «охране рыбных богатств СССР». Ведь снова переплывать Волгу на перегруженных байдарках, с детьми нам не хотелось, хотя никто ни разу и не сказал об этом друг другу, только подумали, вдруг опять в день нашего возвращения будет сильный ветер. По-видимому, даже на детей та переправа произвела сильное впечатление. Это я почувствовал по тому, как Саша однажды, глядя на Орлушу, парящего в небе, спросил: «Папа, наш Орлуша очень хорошо летает. Как ты думаешь, а он Волгу может перелететь?»

В последний день нашей жизни у дуба-великана, когда палатки были сняты, разобраны и запрятаны в чехлы байдарки, уложены многочисленные коробки, которых совсем не уменьшилось, так как в них в пластиковых пакетах-мешках лежали в крепком рассоле специальным образом, по-Лениному, «пластованные», то есть разрезанные на две дольки вдоль хребта, но с нетронутым животом, золотистые от жира тушки жерехов и чехони, мы пошли в последний раз искупаться. И когда возвращались, поняли вдруг, какой родной нам стала поляна, и дуб, и прилетевший Орлуша. Катер запаздывал. Мы сидели в тени дуба на скамейках за не покрытым уже клеенкой самодельным столом, за которым теперь будут сидеть другие люди, и разговаривали о том, что конечно же на будущий год мы вернемся сюда. Об этом же мы говорили и с лесником и его «старухой», когда прогуливались с ними утром, обменивались адресами. Дети серьезно верили в это, но мы, взрослые, были слишком взрослы, чтобы не знать, что почти наверняка этого не произойдет и мы не вернемся сюда никогда.

Но вот и катер. Большой работяга — бывший буксир. Он

уткнулся носом в берег, и по деревянной доске-сходне с набитыми перекладинками-порожками мы втащили вещи, сложили их на корме. Звякнул машинный телеграф, зашумела вода под винтом, отрабатывавшим задний ход. Потом опять звонок «Полный вперед», и вот уже остался за кормой и дуб с поляной, и ослепительно блестевший на солнце плес с пятнами жереховых «боев», и вдруг не очень далеко от нас высоко, весело выпрыгнуло из воды длинное, выгнутое дугой, покрытое сверху темными зазубринами с острым, как бы срезанным сверху носом-клювом, большое животное. Тускло сверкнув светлым брюхом на солнце, оно тяжело плюхнулось в воду, подняв фонтаны брызг. «Корявый играет», — сказал один из матросов восхищенно.

Катер рыбнадзора довез нас до своей базы, «затона», на низком левом берегу Волги. Вечерело. Усталая команда ушла по домам, тепло простившись с нами. Уже новая смена уйдет через час в ночной дозор. Рейсовый теплоход на Волгоград должен был прийти только утром, и какие-то люди, тоже не спросив ничего, открыли нам дверь пустовавшей на дебаркадере комнаты и разрешили в ней переночевать. На другое утро мы проснулись поздно, но до прихода теплохода было еще много времени. Я вышел на берег и пошел по твердому у воды песку пляжа, который, казалось, простирался до горизонта. Впереди, неизвестно как вытащенный туда, стоял подпертый с боков толстыми бревнами остов большого судна с широкими, округлыми, светло-красными от сурика бортами. Дул не сильный, ровный ветер. Занимавшая все пространство справа вода не была спокойной, гладкой. Уже высоко стояло солнце на безоблачном небе. И вдруг меня как толкнуло что-то: конечно же я видел все это. Я видел на картине это изысканное сочетание желтого, но какого-то блеклого песка до горизонта и светло-синей, но тоже не яркой, а какой-то приглушенной, как окончание современных песен, воды, уходящей в необозримую даль, желтовато-синей полосы высокого противоположного берега. Видел я где-то и это голубое и не голубое, блекло-белесоголубое, в мареве небо, и не очень яркое, размытое солнце на нем. И этот широкий, чуть по диагонали мазок красного, но тоже не яркого, а приглушенного, сдержанного красного с примесью... трудно сказать чего, но так гармонично вливающегося в картину. И я вспомнил: конечно же Левитан и Репин, их «Свежий ветер» и «Бурлаки». Я когда-то удивлялся, как они додумались до такого утонченного сочетания красок. А это, оказывается, просто Волга. И ведь недаром Левитан нарисовал в «Свежем ветре» лодку с красным, тоже сдержанно-красным, парусом. А наверное, такого цвета парус и был на самом деле, ведь Волге середины лета так идет этот цвет. И тут же представились челны Стеньки Разина. Где-то здесь они ведь тоже ходили.

Далекий пароходный гудок поторопил. Прощай, удивительная, какая-то замкнутая сама на себя страна жереховых «боев», диких черепах, «ручных» орланов, муравьиных львов. Страна таинственного, охраняемого людьми «корявого»...

Савва Успенский

ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ ВАРИАНТУ

ОЧЕРК

Для охотоведов-норильчан, сотрудников Института сельского хозяйства Крайнего Севера, Таймыр — нечто вроде громадного опытного поля или вивария, где лабораторными животными служат песцы, стада диких северных оленей, а в последнее время и овцебыков. Работы охотоведам хватает во все сезоны, но особенно много ее бывает летом, тем более в годы, когда они в очередной раз подсчитывают на полуострове диких оленей, определяют половой и возрастной состав стад (эти данные затем используются для разработки норм добычи животных). Учеты ведутся с воздуха, одновременно с нескольких «Аннушек» — как всюду называют безотказный самолет Ан-2. В 1966 году участвовать в подсчетах оленей довелось и мне, а моими компаньонами в большинстве полетов были Лев Николаевич Мичурин и Виталий Зырянов.

Ухоженныс бородка и усы, негромкий голос, «хорошие манеры», как говорилось в старину, придают Льву Николаевичу облик кабинетного ученого. Но это только внешне. Он опытный полевик, талантливый натуралист. Мичурин даже признанный лидер (не по должности, а по существу) среди своих коллег. А это немало. Каждый из здешних охотоведов — яркая индивидуальность, каждый и полевик, и натуралист. Мичурин недавно защитил кандидатскую диссертацию. Но конечно, дело не в этом: у некоторых сотрудников тоже диссертации на подходе. Есть во Льве Николаевиче что-то неуловимо привлекательное, располагающее. Отсюда, должно быть, и его лидерство. Виталий Зырянов молод, в институте он недавно, но явно «пришелся ко двору». Не случайно в кругу охотоведов его ласково зовут Витюшей.

Полет продолжается уже не один час. Гул мотора то пропадает — ко всему привыкаешь, к гулу тоже, то вдруг «прорезается», выводит какую-то нехитрую мелодию. Для лучшего обзора и фотографирования в самолете есть три иллюминатора («блистеры» — как говорят летчики). У переднего справа сидит Мичурин, слева — я, сзади, у двери, — Зырянов, перед ним на сиденье самые разные фотоаппараты. Витюша занимает в институте должность старшего лаборанта, но слывет чуть ли не лучшим фотографом.

Под самолетом проплывают бурые увалы, зеленеют низины, синеют озера, мелькают белые точки: на увалах это совы, в низинах — куропатки, над озерами — чайки. На воде озер темные пят-

нышки — табунки гусей. Олени то подолгу не видны, то встречаются большими стадами. Светлые в эту пору, они появляются под самолетом каждый раз неожиданно. Показывается сначала кучка животных, потом их становится больше, больше, и вдруг сразу стадо заполняет всю тундру до самого горизонта. Мчатся галопом крупные рогачи-самцы, мчатся важенки-оленухи, не отстают от матерей рыжеватые телята.

Мичурин подает знаки мне, Зырянову и наполовину втискивается в пилотский отсек; теперь уже он дирижирует полетом.

Самолет снижается, тень его на земле стремительно растет, перегоняя оленей, мчится вдоль края стада. Кажется, что до меня доносится хриплое дыхание, треск и топот множества копыт, дрожь самой тундры. Животные шарахаются к центру стада, и оно все больше уплотняется. Этого-то и добиваются и Мичурин, и пилоты.

Но вот тень уменьшается, самолет набирает высоту. Виталий, сменяя аппараты, без конца фотографирует. Только так, уплотнив стада до предела, и лишь с такой высоты, можно уместить его в кадр или хотя бы в несколько кадров. Ну а собственно подсчет — дело будущего. Охотоведы займутся этим зимой. Они вооружатся лупами и будут пересчитывать точки на фотографиях.

Съемка заканчивается. Местоположение стада и направление его я наношу на карту. Самолет снижается, выходит на прежний курс, дописывает очередной галс. До следующего стада — передышка. Мичурин подсаживается на соседнее сиденье. Закуриваем.

Действительно, у него и глаз наметан, и здешнюю тундру он знает.

— Наверное, к выводку идет, — показывает он куда-то вдаль. Всматриваюсь и с трудом различаю в той стороне волка. Мичурин не проглядит ни песцового норовища, ни гнезда белой совы. Он провожает взглядом «росчерки» тракторов и вездеходов, отмечает на карте груды брошенных железных бочек.

— Приметы цивилизации, — кивает он головой. И они, мне кажется, сильно его тревожат.

— Смотрите, — говорит Лев Николаевич, — нганасаны живут здесь столетия, может быть, даже тысячелетия, а ведь тундру не запакостили. — И он прав. Разве что заметишь на горизонте чум да цепочки холмиков из дерна в местах постоянных охот нганасанов на оленей.

Больше всего «наследила цивилизация» вдоль Пясины и по ее притокам. Здесь особенно много гусеничных следов — и старых, в низинах они уже превратились в овраги, и свежих.

— Этих в прошлом году не было. Этих — тоже, — замечает Мичурин.

Чем дальше к востоку, тем реже встречаются крупные стада оленей, но зато тундра принимает все более первозданный вид. Кажется даже, что и звери, и птицы начинают все меньше бояться самолета. И уж совсем тундровой «целиной» смотрится междуречье Логаты и Верхней Таймыры, восточный предел сегодняшнего марш-

Художник В.Горячев

рута. Отсюда полетим все той же «целиной» к северу, сначала вдоль Верхней, а затем вдоль Нижней Таймыры.

Пройти, проплыть или хотя бы пролететь таким путем — моя давняя мечта. Ведь это путь великого русского естествоиспытателя Александра Федоровича Миддендорфа. И вот теперь вроде открывается возможность почтить его память, как бы увидеть Таймыр его глазами.

Лишь бы не подвела погода! Лишь бы не навалился туман, не заставил вернуться с полпути на базу!

С трудом верится, что это путешествие могло совершиться, принести такие результаты без малого полтораста лет назад, когда еще и в помине не было ни авиации, ни радио, а сам Таймыр выглядел на картах большим белым пятном.

Но начну по порядку. Речь идет об экспедиции Петербургской Академии наук во главе с профессором А. Ф. Миддендорфом (позже он станет членом Академии наук и даже будет избран почетным академиком). Экспедиции предстояло исследовать на Таймыре «качества и количество органической жизни», то есть найти здесь ее пределы, рубежи, решить задачу, по тем временам почти равнозначную обнаружению жизни на других планетах. Естественно, что районом исследований был избран именно Таймыр — участок континента, наиболее выдвинутый к северу и отдаленный от теплых океанов — Атлантического и Тихого. Не считая местных жителей и

казаков, время от времени помогавших ученому, спутниками его были лишь лаборант, лесничий и топограф.

В конце апреля 1843 года, почти через пять месяцев после выезда из Москвы, путешественники достигли селения Коренного-Филипповского на реке Боганиде, на Таймыре. Здесь они построили лодку, отсюда в конце мая выступили к северу. Две недели пришлось добираться до Верхней Таймыры. Дальше им предстоял путь по реке, по сути дела путь в неизвестное. Вокруг расстилался в полном смысле слова край непуганых птиц. «Увидя нашу лодку... — пишет Миддендорф, — самки гаг-гребенушек, несмотря на шум от весел, с любопытством стали слетаться и, громко крякая, спустились рядом с нами на воду. Ясно заметны были любопытство и удивление, которое в них возбуждали лодка и сидевшие в ней лица».

Лишь в конце августа экспедиция вышла к заливу, который потом получил название залива Миддендорфа. Путь сюда был тяжел: позади остались пороги, шторма, ледяные заторы. Но гораздо больше испытаний ждало людей на обратном пути. Еще на Нижней Таймыре шторм повредил лодку. На озере путь преградил лед, пришлось прорубаться через него топорами. А вскоре лед заставил путешественников бросить лодку. Дальше пошли пешком, груз везли на санках. Затем кончилось продовольствие. Наступил голод. Крепчали морозы...

Миддендорф решился отправить спутников на юг за помощью, а сам с коллекциями остался в тундре, без палатки, без продуктов. Восемнадцать дней провел он у устья Верхнсй Таймыры, в снежной яме, был уже на грани гибели, когда пришла помощь. Его разыскали и привезли в Коренное-Филипповское местные ненцы.

Таймырское путешествие Миддендорфа вошло яркой страницей в историю исследования полярных стран. Перечитывая дневники ученого, невольно задумываешься: в чем заключался залог его успеха? Немаловажно, конечно, что был он в расцвете сил — Алсксандру Федоровичу исполнилось в то время двадцать восемь лет. Был он не новичок на Севере, хорошо тренирован, многое мог сделать своими руками. Как писал один из его современников, «Миддендорф с наслаждением мог пролежать по целым ночам в лапландских болотах, подкарауливая водяных птиц, а как пешеход был в состоянии утомить самого крепкого моржебойца. Умел он собственными руками построить лодку, умел и управлять ею и, будучи превосходным стрелком, знал, что не уйдет от его пули дичь, подпустившая на нужное расстояние». И все же главным здесь мне кажется его преданность науке, идее, фанатизм и одержимость ученого.

Зримыми результатами Таймырской экспедиции стали ящики с геологическими образцами, более восьми тысяч гербарных образцов растений, около пятисот зверей в шкурах и столько же в спирте, сотни тушек птиц, экземпляров рыб, беспозвоночных животных. Результатами ее были тщательные наблюдсния за таймырскими животными и растениями, за погодой, климатом, условиями залегания в грунте мамонтов, даже за бытом местного населения.

Миддендорф не ограничился исследованиями на Таймырс. Отсюда он направился в Якутск для изучения вечной мерзлоты, затем предпринял поездку на крайний восток и юго-восток Сибири — к Охотскому морю, к Амуру, в Забайкалье. Снова путешественники увидели Москву лишь в марте 1845 года. Почти тридцать лет заняла у Миддендорфа обработка собранных наблюдений и образцов. Наконец появился на свет многотомный научный труд — «Путешествие на север и восток Сибири», — труд, не потерявший своей ценности, интереса и в наши дни.

Погода не подвела, и полет по пути Миддендорфа состоялся. Конечно, нельзя было рассчитывать на встречу следов, каких-то вещественных доказательств пребывания здесь этой экспедиции; давно уже нет на Таймыре и селения Коренного-Филипповского, но природа, ландшафты с тех пор, конечно, мало изменились.

Вначале летим на запад вдоль Логаты, одного из главных притоков Верхней Таймыры. Река эта пропиливает гряды увалов— берега ее возвышенны, «яристы», под самолетом появляются плотные стайки краснозобых казарок. Когда она вырывается на равнину, начинает сильно петлять, в долине ее образуется кружево озер, озерков, стариц. Исчезают казарки, но появляются стаи и выводки гусей, то ли гуменников, то ли белолобых. Возникли было островки и даже обширные острова кустарников, но река вгрызается в очередную гряду холмов, и кустарники пропадают.

Иногда показываются олени, хотя и не такими большими стадами, как у Пясины, и главным образом самцы. Вслед за очередным табунком на махах мчится волк. Потом снова табунок, и несколько оленей отстают от него. Видно, что два последних оленя на бегу хромают, отстают все больше и самолет их быстро перегоняет.

— Этими займутся волки, — говорит о калеках Мичурин. Вообще-то он противник крайностей в отношении к волку. Накануне он рассказывал мне, что уже несколько лет при каждом удобном случае собирает остатки волчьих пиршеств, а потом тщательно их исследует. Как оказалось, почти две трети оленей — жертв хищников были или уродами, или больными. Вспомнил он и о последствиях кампании по истреблению этих зверсй. С 1960 по 1965 год с самолетов удалось отстрелять на Таймыре около тысячи хищников. Урон от них, конечно, сократился, но случилось и непредвиденное. Количество оленей, поражснных разными болезнями, за это же время возросло с двух процентов до тридцати, и впервые за многие годы наблюдалась их массовая гибель.

— Бороться с волками нужно, но — с умом, — заключил свой рассказ Лев Николаевич. А в 1969 году всс это он изложил на Международном конгрессе биологов-охотоведов и очень заинтересовал своим докладом слушателей.

Показались последние колена Логаты. Где-то здесь Миддендорф со спутниками спускал на воду «Тундру», как они назвали лодку, отсюда начинался их водный путь.

Долетаем до Верхней Таймыры и поворачиваем на северо-восток. Соединившись со своим притоком, река заметно полнеет, меньше петляет. Как признак ее «солидности» на ней появляются острова. Слева все ближе подступают склоны гор — каменные россыпи, скалы. Беднеет животный мир: и гуси и олени исчезают. Даже с самолета видно, как скудеет растительность. В распадке лежит сугроб нестаявшего снега и на нем черное пятно. Наверное, это камень, но бередит мысль, будто там яма, бывший приют ученого. Конечно, мысль нелепая, хотя действительно ненцы нашли Миддендорфа, обессилевшего от голода, где-то неподалеку от этих мест. Приходит и такая мысль: здесь и летом-то не очень проживешь охотой. А тогда, зимой, что можно было добыть?

Река заканчивается дельтой с большими островами, со многими протоками. Дельта незаметно превращается в залив озера. Открывается беспредельная водная гладь. Озеро Таймыр смотрится большим и на картах, но в действительности это целое море: с южного берега не видно берегов — ни северного (до него километров пятьдесят), ни тем более восточного, до которого больше двухсот километров. Ветер сегодня, по тундровым понятиям, небольшой, но по озеру гуляют бурунчики, на прибрежную гальку накатываются волны. Переправляться через него на лодчонке и сейчас не просто. А в шторм? А каково было Миддендорфу и его спутникам пробиваться через замерзшее озеро топорами?

В озеро впадают много рек, вытекает же лишь одна — Нижняя Таймыра. Она берет начало в северо-западной оконечности озера, смело прорезает при своем рождении горы Бырранга, оставляет здесь обрывистые кручи, а затем, будто вздохнув после тяжкого труда, широко разливается, обтекает несколько островов. К одному из них путешественники приставали, Миддендорф окрестил его островом Бётлингка по имени русского академика — первого исследователя якутского языка, и это название сохранилось на картах до сих пор. Еще одно расширение, и Нижняя Таймыра мчится в каньоне, стиснутая крутыми, скалистыми берегами. Против такого течения на веслах не очень-то выгребешь!

Опять расширение, водовороты на воде, и снова сужение, обрывы того самого Мамонтового яра, где ученому посчастливилось найти почти полный скелет мамонта. А вот и конец реке — расширение, но теперь это уже Таймырская губа Карского моря, Северный Ледовитый океан. Посередине губы виднеется большой остров. Миддендорф присвоил ему имя своего учителя академика Бэра. Путешественники приставали и к этой суше, даже провели на ней несколько дней. На острове еще стояла ветхая изба, сложенная участниками Великой Северной экспедиции. Маршрут Миддендорфа сомкнулся здесь с маршрутами Дмитрия Лаптева, Семена Челюскина.

Дальше к северу по мелям ходили крутые волны. На воде показалась шуга, и с каждым днем все гуще шел снег. К тому же кончались сухари, а надежды на рыбную ловлю не оправдывались. Отсюда путешественники повернули назад, на юг.

Заканчивался и наш маршрут по следам экспедиции Миддендорфа. Путь этот, даже на самолете и лишь в одну сторону, показался мне очень долгим.

Отсюда, от Таймырской губы, мы полетели прямо на базу, на Пясину.

* * *

На базе летчиков ждали и гостиница, и столовая. Охотоведы ютились по соседству, в пустующем до осени домике охотника. Здесь обедали, собирались в полеты и вчерне обрабатывали уже собранные материалы. А между полетами много говорили, спорили, и разговор шел главным образом о том, что нужно охранять здешнюю природу, по-хозяйски использовать ее богатства.

В один из таких «земных» дней, когда по всему Таймыру ползли туманы, Мичурин обнародовал свои подсчеты. Выходило, что трактор или вездеход за каждые три километра пути «съедает» гектар оленьих пастбищ. Дороги на Таймыре длинные. Трактористы и вездеходчики не любят водить машины по старому следу, по уже распаханной тундре, а каждый раз норовят идти параллельным курсом, по целине. Тракторный и вездеходный парк здесь с каждым годом растет, и на «распашку» тундры машин выходит все больше. Пастбища, значит, сокращаются. А если они и восстанавливаются, то очень медленно. «Доходы» в общем никак не покрывают «расходов».

Григорий Дмитриевич Якушкин встряхивает шапкой курчавых волос и со свойственной ему горячностью тоже поминает «капитанов» тракторных походов недобрым словом. Поминает он и геофизиков-сейсмологов: «Ведь бывает, что рвут заряды в самых рыбных местах. Сколько же рыбы зря переглушат, да и все живое распугивают».

Вступает в разговор Борис Михайлович Павлов. Хотя с его лица не сходит застенчивая улыбка, говорит он о вещах невеселых — о сокращении площадей оленьих пастбищ, о том, что на Западной Таймыре путь мигрирующим к югу оленям кроме железной дороги преградил теперь и газопровод. Олени не решаются перейти через преграды, подолгу толкутся перед ними, становятся легкой добычей браконьеров, а то и, обессилев, погибают. Тревожит его и судьба краснозобых казарок: от года к году сокращаются их гнездовья.

— Бедная Арктика, — не отрываясь от плиты (он сегодня за повара) как бы заключает Болеслав Борисович Боржонов.

Мичурин, Якушкин, Павлов, Боржонов — охотоведы с большим стажем и опытом, «корифеи», как их шутя называют в институте. Их даже объединяет какое-то внешнее сходство, и это несмотря на то, что Мичурин, Якушкин и Павлов сухощавы, поджары, Боржонов же, наоборот, «в теле». Что же касается мнений (конечно, по производственным проблемам), взглядов, то здесь «корифеи» едины. И уж, конечно, все они патриоты Таймыра, патриоты Севера. С ними солидарна, с них берет пример молодежь, охотоведы того поколения, к которому принадлежит Виталий Зырянов.

Идет разговор о том, что на прилавках норильских магазинов мясо диких оленей выглядит непривлекательно, что покупатели от него часто отворачиваются. А ведь это деликатес. Не случайно кое-где за рубежом, как диетический продукт, оленина стоит намного дороже любого другого мяса. Вспоминают о традиционном промысле оленей местными жителями — на переправах через реки, «на плавях». Рассуждают о том, что в нем есть рациональное зерно, что такой промысел, конечно, в более усовершенствованном виде стоило бы здесь возродить. Говорят о необходимости постройки специальных переходов для оленей через газопровод и железную дорогу, о том, что охотничья инспекция на Таймыре слаба, что не справляется она с браконьерами.

— Что ни говорите, парни, а нужен у нас заповедник, — снова как бы заключает Боржонов.

— Нужен и промхоз, — добавляет Павлов.

Мысль о том, что на Таймыре нужен заповедник, появилась, конечно, не сейчас. Его организация планировалась еще в предвоенные годы, назывался даже конкретный год создания — 1943. Но тогда шла война, и было не до него.

Вскоре после войны за организацию этого заповедника выступили известный тундровед профессор Борис Анатольевич Тихомиров и зоолог Василий Михайлович Сдобников. Они были участниками Таймырской экспедиции, работали на озере Таймыр и в его окрестностях и именно здесь рекомендовали теперь создать заповедник. Но их идея не осуществилась. Зато созрело новое предложение. Оно родилось в 1966 году, в стенах Института сельского хозяйства Крайнего Севера, конечно, не без активного участия институтских охотоведов. По существу оно-то и обсуждалось тогда в охотничьей избе.

В какой части Таймыра жизнь и богаче, и разнообразнее?

— Конечно, на Пясине, на Пуре, — рассуждали и «корифеи», и молодежь.

В какой части Таймыра находятся основные гнездовья краснозобых казарок, места отела и летние пастбища диких оленей?

— Конечно, на Пясине, на Пуре!

В какой части Таймыра природа находится в особенно угрожаемом положении?

— На Пясине, на Пуре!

Заповедник — это учреждение, это люди. Конечно, разумнее всего расположить его «тылы» в таком большом и современном городе, как Норильск. Отсюда и прямое сообщение с Дудинкой (окружным центром), с Красноярском (краевым центром), с Москвой. Здесь есть и банк (сотрудники ведь должны получать зарплату!), и магазины, школы и больницы, конечно, электричество. Здесь могут быть созданы нормальные условия для жизни людей и для анализа собранных ими материалов. В таком случае на Пясину, на Пуру будет и легче попадать, люди будут тратить меньше времени на дорогу к местам полевых работ.

Да что долго говорить! Все ясно! С норильчанами вполне был согласен и я. Предложения института нашли поддержку в Красноярске, в Москве. Дело, казалось, уже близилось к завершению. Но тут выступил в защиту своей давней идеи профессор Тихомиров. Как человек авторитетный и активный, он привлек немало союзников, в том числе из ученых, и организация заповедника была приостановлена.

Шли годы. Велись споры, где быть заповеднику — на западе или в центре Таймыра, на Пясине и Пуре или на Логате и Верхней Таймыре, включая самый северный в мире лес на острове Ары-Мас.

Чтобы разобраться в спорах, на Таймыр не раз выезжали специальные экспедиции. Участник одной из них Феликс Робертович Штильмарк даже увековечил историю создания Таймырского заповедника в интересной книге*. Споры прекратились с организацией в 1971 году госпромхоза (государственного промыслового хозяйства) «Таймырский», когда его деятельность распространилась на большую часть Западного Таймыра, в том числе и на Пясину и на Пуру. В запасе оставался лишь «центральный вариант».

В 1979 году заповедник здесь наконец родился. Он располагался в правобережье Верхней Таймыры, на той самой тундровой «целине», которую мы с Мичуриным видели в 1966 году с самолета, а его площадь составляет 1300 тысяч гектаров. Пока это самый большой заповедник в СССР и один из крупнейших в мире. На севере он выходит к озеру Таймыр и включает склоны гор Бырранга, на юге отдельным участком его дополняет лесной остров Ары-Мас.

На севере заповедника растительный покров занимает не больше трети поверхности почвы. Здесь мало цветковых растений, даже мхов, зато бросаются в глаза разноцветные накипные лишайники. Южнее распространены кочкарные, мохово-кустарничковые, а местами и кустарниковые тундры — поросли карликовой березки и ивняков. Здесь гнездится немало краснозобых казарок и их «опекунов» — сапсанов, гнездятся и собираются на линьку другие виды гусей, размножаются гагары и гаги-гребенушки, несколько видов чаек и многочисленные кулики, куропатки, лемминги, песцы, обычны олени, волки, в реках и озерах немало рыбы — сигов, лосося-гольца — словом, есть все, что и должно быть в здешних тундрах. И видовой состав животных, и особенности их биологии в этой части Таймыра изучены не очень-то хорошо, и это одна из первоочередных задач сотрудников заповедника.

К сожалению, не все зачинатели этого дела увидели плоды своих трудов. В 1970 году безвременно скончался Лев Николаевич Мичурин, ушли из жизни и Василий Михайлович Сдобников, и Борис Анатольевич Тихомиров. Они беззаветно отдавали себя изучению, освоению и охране живой природы Севера. Заповедник — их детище, как бы памятник им.

---

* *Штильмарк Ф. Р.* Свидание с Таймыром. Красноярск, 1979.

Лидия Чешкова

«БЕРЕГ, Я-ОСТРОВ...»

ОЧЕРК

Отдаляются, скрываясь в дымке, гряды береговых скал. Наш БГК — большой гидрографический катер — чуть покачивается на волне. Я стою в рубке рядом с капитаном и смотрю на убегающую к горизонту солнечную синь.

— Редко наше море бывает таким, — начинает разговор Виктор Дмитриевич Свотин, не снимая рук со штурвала. — Я по Баренцеву уже больше двадцати лет хожу, так только и помню — шквалы, шторма, ливни... А вы, значит, на Айновы, к орнитологам?

Я молча киваю, мне хочется послушать капитана.

— Вот, скажу я вам, люди, — и в голосе Свотина отчетливо слышится восхищение. — С ранней весны и до глубокой осени сидят на этих островах. Ну, летом студенты на практику приезжают, а так — никого! Только море да птицы... Помню, как-то в ноябре подошли мы к острову, прожектора зажгли — берега не видно. Высадились кое-как, а Юра, лесник, — он уже один на острове оставался — выбежал из домика и кричит: «Быстрее говори, зачем приехал. Некогда мне, понимаешь, некогда, работа ждет!» — Свотин улыбнулся. — И Иветта Павловна, скажу я вам, тоже большой занятости и строгости человек. Как-то много лет назад взял я яйцо гаги, так Иветта Павловна жестоко меня тогда пропесочила, до сих пор помню...

Так, слово за слово капитан Свотин заочно познакомил меня с Иветтой Павловной Татаринковой, научным сотрудником Кандалакшского заповедника, кандидатом биологических наук, и Рюриком Григорьевичем Чемякиным, лесником того же заповедника.

— Вот и Айновы, — капитан внимательно вглядывался в две узенькие, еле различимые полоски, темнеющие на кромке воды и неба.

Постепенно острова становились отчетливее, выпуклее, словно спины двух плывущих китов. Вскоре большая «спина» превратилась в зеленую плоскость, на которой выросли домик и маяк; завиднелся и неширокий пролив, разделяющий острова.

Матросы спустили шлюпку. По тропинке от домика к берегу спешила женщина в штормовке, она и ухватила конец, брошенный из шлюпки, притянула нас к берегу.

— С приездом, — просто и приветливо сказала Иветта Павловна, будто мы были давно знакомы. И тут же обернулась к двум серым пушистым птенцам, которые пытались ухватить клювами голенища ее резиновых сапог.

— Это Кузя и Люся, птенцы серых гусей. Знакомьтесь, — улыб-

нулась Иветта Павловна. — На острове таких больше не встретишь... В этом году здесь впервые загнездились серые гуси, но гнездо бросили. Я подложила яйца чайкам. Когда птенцы вылупились — увидели меня. А кого они первыми увидят, того и считают родителями. Вот и ходят за мной...

Мы шли к домику, и нас сопровождали, переваливаясь, Кузя и Люся.

На бревенчатой стене домика, рядом с окном, за которым кустились помидоры и вились плети огурцов, была прибита табличка: «Кандалакшский Государственный заповедник. Кордон Айнов». Здесь, на самой западной и самой отдаленной точке заповедника, нам предстояло провести несколько дней.

День первый. «И есть еще мыс Робинзонов...»

— Ну, как дела в Кандалакше? — спросила Иветта Павловна, когда мы, согревшись чаем после морского июльского ветра, сидели в маленькой кухне-столовой. Рюрик Григорьевич (или Юра, как он просил себя называть), подложив в печь поленца, тоже присел к столу.

Мы с Сашей Роговым, фотокорреспондентом, начали охотно вспоминать свои встречи в Кандалакше, в дирекции заповедника, на кордонах, понимая, как давно оторваны эти люди от дома и товарищей, многие из которых так же, как и они, работают на островах.

Дело в том, что владения Кандалакшского заповедника — это несколько материковых участков в районе Белого моря и острова. Около пятисот островов. Они разбросаны по Кандалакшскому заливу Белого моря, а три архипелага находятся в Баренцевом море — Семь островов, Гавриловские и Айновы. Почти семьдесят процентов площади заповедника — морская акватория. Главное направление его исследований — орнитология. Собственно, заповедник и был создан в 1932 году для охраны водоплавающих птиц, и прежде всего гаги обыкновенной. Гагачий пух, как известно, ценится издавна.

Мы вспоминали Василия Ивановича Вощикова, лесника на острове Анисимов, старейшего работника заповедника. Только на время войны расстался он с Белым морем: воевал в пехоте, дошел до Австрии и снова вернулся на свои острова... Рассказали, как встретил нас Василий Иванович, сухонький старичок в выцветшей рубашке.

— Опять корреспонденты? Покоя не дают.

— Недавно навещали? — Мы ощутили неловкость.

— Дак трех годов не прошло, как гостевали...

При этих словах наши хозяева улыбнулись, а Юра сказал:

— Узнаю Вощикова. Я у него на кордоне свою первую зиму провел.

— А на острове Ряжков были? Как там Бианки, Леночка Шутова? — спросила Иветта Павловна.

Виталий Витальевич Бианки и его лаборантка интересовали Иветту Павловну не случайно. Исследования орнитологов в Белом

море во многом смыкаются с работой их коллег на Баренцевом: один объект наблюдений — птицы морских побережий.

— У них горячая пора, как и у вас, наверно... — ответила я, вспомнив плавание с орнитологами по Кандалакшскому заливу, от одного заповедного острова к другому.

— Да, — отозвалась Иветта Павловна. — К тому же их «владения» как бы дважды заповеданы: они входят в водно-болотные угодья, имеющие международное значение как места обитания водоплавающих птиц. Так же как залив Матсалу в Балтийском море, дельта Волги, озера Иссык-Куль и Ханка, залив Сиваш в Азовском море...

Так мы сидели и неторопливо разговаривали под шум дождя и почему-то совсем не чувствовали себя на отрезанном от мира острове. Пробегаю глазами корешки книг на стеллажах в соседней рабочей комнате: Вернадский «Биосфера», Куллини «Леса моря. Жизнь и смерть на континентальном шельфе», «Основные вопросы генетики»... Юра следит за моим взглядом, молча попыхивая сигаретой, и чувствуется, что ему хочется вернуться к столу, где стоят весы, разложены папки и тетради.

— А вот и солнышко проглянуло... — говорит Иветта Павловна, давая понять, что разговорам конец. Она поднялась, сняла с гвоздя штормовку и бинокль.

Иветта Павловна шла работать, и мы попросили взять нас с собой: острова мы еще не видели.

Тропа вела в глубь острова, к маяку. Не успели пройти несколько десятков метров, как наткнулись на потемневший сруб колодца. Рядом стояла вешка.

— Этот колодец, — заметила Иветта Павловна, — еще печенгские монахи рыли. Они приплывали сюда на лето — охраняли гаг, заготавливали сено. Дно колодца выложено камнями. Летом, в жару, бывает, кружками приходится воду черпать, а к весне среди сугробов только и найти его можно что по вешке...

Единственная тропка на острове была проторена среди высоких густых трав. Качались на ветру налитые колосья волоснеца; в низинах поднимались гигантские зонтичные; на лугах, похожих на пестрый ситец, цвели иван-чай, герань, гвоздика, ромашки, дрема красная. В приозерных впадинах ярко зеленели сырые осочники и болотное разнотравье. Но вот тропа чуть поднялась на холм — и сразу открылись заросли папоротника, зеленые подушки вороничника, усыпанные черно-сизыми ягодами...

Вспомнилось: Айновы острова часто называют «полярным оазисом». Они в отличие от многих других островов Баренцева моря испытывают сильное влияние Нордкапской ветви теплого Гольфстрима. И все-таки это было Заполярье... Чего-то привычного не хватало в пышном и красивом убранстве островной земли, и я не сразу поняла, что не было деревьев. Никаких. Ни одного. Только травы по пояс...

Художник А. Жукова

Мы шли, как сказала Иветта Павловна, посмотреть западную колонию тупиков. Там дежурила практикантка Лиля Петрашкевич.

Миновали маяк, и тропа незаметно стала спускаться к морю. Вот уже видна дощатая будочка. Это наблюдательный пункт. В таких же будочках на других концах острова работают сейчас Марина Голышева и Лена Морозова, тоже студентки-практикантки из Петрозаводска. Неподалеку от берега тропа исчезает, и мы прыгаем через глубокие колдобины, густо поросшие травой. Иветта Павловна сдержанно смеется:

— Это тупики поработали. Они роют в земле длинные ходы-норы и откладывают в них одно-единственное яйцо. Сейчас там уже птенцы. А птенцы перед вылетом несколько дней выходят ночью из норы и тренируются, делают разминку. А вот и сам тупик...

Небольшая черно-белая птица с громадным красным клювом, похожим на топорик, пикирует с высоты и тут же скрывается в траве.

— Корм принесла, — говорит Иветта Павловна.

Из будочки выходит белокурая девушка в спортивном котюме. Медленно идет по берегу, приподнимая и осматривая разложенные на камнях сетки-ловушки.

— Не ловятся тупики, — первое, что говорит Лиля, когда мы подходим к ней.

— Терпение, Лиля, терпение, — Иветта Павловна слегка коснулась рукой плеча девушки. — Запомните: без наблюдений, а значит, без терпения орнитология существовать не может. Здесь контроль-

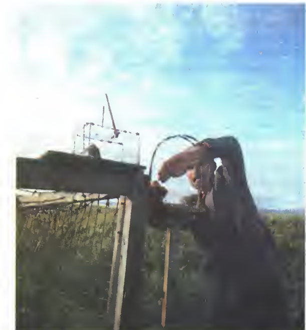

Две узкие полоски сушн с мвяком и сторожкой лесннка встречают всякого, кто морем прибывает иа Айиовы острова

Лучшая морошка растет на Айновых островах, которые за тысячелетия существования из квменио-песчаной плиты стали плодородиой, удобренной рвстениями и птицамн природиой грядкой

На островах орннтологу иа работу ие хватает и 24 часов в суткн — тысячн птиц живут здесь в летнюю пору

Букет луговых цветов — память тому, кто лежит здесь, иа заповедиой земле, иа крайней северо-западиой точке Отечества, среди просторов сурового моря остатками боевого самолета, на котором еще видны русские буквы, цифры...

ные норы, — Иветта Павловна повернулась в нашу сторону, — в них мы каждый год отлавливаем тупиков, помечая цветными метками для последующих наблюдений, измеряем. Красный роговой чехол на клюве тупика ежегодно сменяется, и количество бороздок на нем с возрастом увеличивается. Узнав закономерность этого увеличения, можно будет по клюву определять возраст птиц, — Иветта Павловна объясняла обстоятельно, как, видимо, привыкла говорить со студентами.

Саша Рогов, инженер и изобретатель, внимательно выслушал Татаринкову, потом осмотрел сетки, что-то начертил на песке и тут же предложил сделать такую ловушку, что вся западная колония завтра будет у Лили в руках. Студентка повеселела, улыбнулась, и они вместе с Иветтой Павловной пошли в будочку посмотреть тетрадь наблюдений.

Потом мы сидели в зарослях сухой прибрежной травы и наблюдали за птицами. Неумолчный шум наполнял просторное небо. Носились чайки, кричали, хохотали, дрались. Степенно плавали у берега гаги с выводками. Быстро и коротко взмахивая крыльями, кружились, словно в карусели, над берегом и водой тупики.

— Смотрите! — Иветта Павловна протянула мне бинокль. — Видите, в клюве у тупика рыба? Наблюдайте, что будет дальше...

За тупиком погнался поморник, пытаясь отнять добычу. Через несколько минут тупик выпустил рыбу. Поморник попытался подхватить ее на лету, но промахнулся. Рыба упала на землю, и поморник тут же потерял интерес к преследуемой птице и рыбе. И начал высматривать другую жертву.

— Поморник никогда не поднимет упавшую рыбу, — заметила Иветта Павловна. — На это есть чайки. Но посмотрите, сколько тупиков спокойно пронесли рыбок в норы, пока поморник гонялся за одним!

— Наблюдения — ваша главная работа на острове? — спросила я.

— Наша задача, если говорить о ней в широком плане, — многолетний контроль за состоянием природных биоценозов. Контроль, который осуществляется главным образом с помощью наблюдений. «Летопись природы», которую мы ведем постоянно из года в год, — вся строится на наблюдениях. Но конечно, у каждого есть и своя тема. Рюрик Григорьевич занимается воробьиными, я — чайками. Как вы понимаете, в основе наших научных материалов тоже лежат наблюдения.

Вечерело. Блекло, но не темнело небо. Ровный серебристый отсвет его ложился на воду, и казалось, что наш остров плывет к пылающей тучке на горизонте, в которую пряталось солнце.

Обратно Иветта Павловна повела нас через остров к восточному берегу. Мы пробирались сквозь густые травянистые заросли, шли по берегам синих озер, и хозяйка острова на ходу рассказывала, что на этом клочке земли есть озера: Большое, Среднее и Малое, Северное и Западное и озеро Недоступности, спрятавшееся среди болот, и дв·

Лужи — пресные ванны в каменных берегах, там всегда много гнезд и птиц, а бухта, возле которой стоит домик, носит название Ключевая из-за обилия пресных источников, и есть еще мыс Робинзонов, с которого хорошо просматривается Малый Айнов...

Наконец Иветта Павловна остановилась и тихо произнесла:

— Есть на острове и Памятник.

Мы огляделись и в густом пестром разнотравье заметили остов самолета. Проржавевшая рама фюзеляжа, пушка, погнутые, пробитые пулями лопасти пропеллера. На деталях двигателя выбиты цифры и русские буквы...

Чайки беспокойно носились над нами, и Иветта Павловна, отведя рукой листья папоротника, нашла рядом с покореженным металлом затаившуюся птицу. Крупный серый птенец чайки (по-местному — чебарь), оставаясь неподвижным, таращился на нас бусинками глаз. Иветта Павловна прикрыла птенца травой, Саша поднял лопасти пропеллера и установил их так, что теперь они были видны издалека. Мы вставили крупные ромашки в пулевое отверстие и молча постояли, думая о том, кто погиб на этом острове лет сорок с небольшим назад...

Вернувшись на кордон, я долго изучала карту острова при немеркнувшем свете неба. Карта была нарисована на белой стене печки в комнате практиканток. Желтая береговая полоса, зеленое поле с синими пятнами озер, красный маяк и домик...

Пришли с наблюдений Марина, Лена и Лиля. Мы рассказали им про самолет (девушки приехали несколько дней назад), и Марина поставила жирную точку у восточного берега, чтобы завтра побывать там.

День второй. «Растите и прилетайте».

Сегодня нам предстоит обойти по берегу весь остров. Для Иветты Павловны это рабочий обход, который она совершает примерно раз в три дня в любую погоду, для меня — продолжение знакомства с островом.

Саша остался мастерить ловушку.

Мы шли по берегу, прыгая с валуна на валун. Галька сыпалась из-под ног, коварно пошатывались каменные плиты. Иветта Павловна ухитрялась на ходу осматривать в бинокль горизонт, море, близкие волны, на которых качались птицы, узкую полоску береговых камней, тоже усеянную птицами. Иногда, приостанавливаясь, она доставала блокнот из кармана штормовки и делала записи. «Что вы записали сейчас?» — полюбопытствовала я, когда мы задержались возле небольшой бухточки, где плавала гага с тремя гагачатами.

— Записала, что встретила знакомое семейство...

— Вы знаете каждую птицу «в лицо»?

— «В лицо» не знаю, — улыбнулась орнитолог, — но по окольным признакам — этот берег, количество птенцов и так далее — вижу, что это та семья, за которой мы наблюдаем с весны.

И Иветта Павловна рассказала ее историю.

...В один из апрельских дней гага скромной рыжевато-бурой расцветки смело выбралась на берег, еще покрытый снегом, и отыскала под выступом скалы удобное место для гнезда. Оно находилось неблизко от моря, и добираться до него птице, привыкшей плавать, было нелегко. Но она шла, уверенная, что там птенцы будут в большей безопасности. Гага выскребла лапками ямку, устлала ее травой и собственным пухом, выщипав его из груди. Дом для ее будущих детей был готов. Гаге предстояло провести в нем почти целый месяц, насиживая яйца. Она отлучалась редко и ненадолго, в последний же день, перед самым появлением птенцов, вообще не сходила с гнезда — сидела без корма, тогда как нарядный гагун беззаботно проводил время в стае таких же «холостяков».

Трое птенцов — темно-бурых пуховичков — появилось в этом гнезде. Немногим более суток просидели они в «колыбели», и вот уже мать повела их к морю...

Сейчас птенцы окрепли, подросли. Но мать по-прежнему не спускает с них глаз. Стоит одному птенцу свернуть в сторону, как она начинает беспокоиться: «Ко-ко-ко», и он плывет обратно. Птенцы опускают голову в воду, ныряют, плавают выводком между камнями — учатся добывать корм, мелких моллюсков, ракообразных. Две чужие взрослые гаги подплыли к семейству — мать спокойна. Но вот закружились над гагачатами чайки. Одна села рядом с птенцом. Мать приподнялась над водой, как бы накрыла птенцов собой, заурчала, вытянула клюв, заурчали и другие гаги. Чайка улетела...

Орнитологи знают, что только часть птенцов гаги выживает. Они часто гибнут в гнезде, на пути к морю, в волнах прибоя, от четвероногих и пернатых хищников. Но к счастью, теперь к их гибели не причастен человек. Далеко в прошлом остались разбойничьи набеги на гагачьи колонии, когда без всякого контроля стреляли птиц, собирали пух и яйца. В 1931 году было принято решение запретить охоту на эту птицу по всей территории нашей страны. Главной задачей работников Кандалакшского заповедника стали охрана и восстановление местной популяции гаги обыкновенной. И конечно, изучение этой крупной морской утки. Сделано немало. На основе длительных и кропотливых наблюдений, путем кольцевания, авиаучетов удалось установить, что гага живет в среднем лет восемь, гнездится ежегодно, начиная с двух-трехлетнего возраста. Орнитологи проследили недалекие маршруты птиц на зимовки и время их возвращения, разработали способ борьбы с паразитами птиц, установили, в какие сроки можно собирать пух и сколько его следует брать с гнезда.

За годы охраны местная популяция значительно увеличилась. Но ученые отмечают, что численность ее то вдруг возрастает, то неожиданно падает. Что касается Айновых островов, Татаринкова объяснила это явление так:

— Мы довели количество гаг на островах до двух тысяч и очень радовались этому. А потом птиц стало меньше. Видимо, иссякли кормовые запасы и они ушли в другие места. Восстановится корм у

берегов — и птицы вернутся. Похоже, эти колебания естественны. Но чтобы быть уверенным, что это так, надо обследовать и другие острова Баренцева моря, даже Вайгач и Новую Землю. К сожалению, подсчета гаг на всех точках Баренцева моря пока нет. Кстати, об изучении питания гаг. Как узнать, чем питаются птицы? Классический способ — убить и посмотреть, что в желудке. Мы же пытаемся узнать по помету. Сейчас приготовили 150 проб, повезем в лабораторию, в Кандалакшу...

Кажется, я слишком надолго задержала Иветту Павловну у бухты со знакомым ей семейством. Ведь нам предстоит пройти семь километров — окружность острова, но каких километров! И мы снова прыгаем по камням...

Мы уже подходили к дому, когда я заметила Юру. Он сидел на «мартышкиной вышке» — так называли орнитологи хрупкое сооружение из жердей, которое сколотил сам Юра, — и рассматривал в бинокль окрестности. Увидев нас, он спустился и тихо обронил:

— Гнезда обошел. Опять много птенцов из-за дождя погибло.

Мы прошли в дом, Юра разложил на столе таблицы и стал наносить пометки. «В этих таблицах, — пояснял он, — судьба всех воробьиных нашего острова. Когда прилетели, где расположены гнезда, когда птенцы вывелись, кто погиб от шторма, кто после дождя...» Я просматривала тетради, лежащие на столе, заполненные бисерным почерком, разрисованные схемами, графиками, диаграммами, и невежественное сомнение зародилось во мне: для чего весь этот ворох мелких и мельчайших фактов? Видит ли орнитолог за ними большую цель, возможное открытие?

Юра, уловив в моих глазах вопрос, усмехнулся в рыжую с проседью бородку и тихо сказал:

— Факты — это все. Я, например, задался целью узнать пол птицы, не вскрывая ее. По размеру киля, предплечья и другим данным, и сейчас разрабатываю эту методику...

Потом Юра говорил о том, что на стыке орнитологии с другими областями знаний — медициной, экологией, сельским хозяйством, авиацией — рождаются сегодня интересные и практически ценные рекомендации, что, он уверен, нет ненужной работы, если делать ее хорошо, и что «все эти мелочи» (при этих словах Юра потряс стопкой тетрадей) непременно понадобятся, когда мы всерьез будем вынуждены поддерживать здоровье планеты. «Природу надо знать, чтобы она была и сегодня, и завтра, — заключил Юра и улыбнулся: — А теперь пойду кольцевать горного конька. Как раз полночь».

Мы спустились по тропинке к Ключевой бухте. Было непривычно тихо. Я огляделась: нигде — ни в небе, ни в море — не было видно птиц. Свет дня и тишину ночи вобрала в себя эта островная белая ночь...

На береговых камнях сидели студентки и Саша; по их приглушенному, невеселому разговору я поняла, что новая ловушка не сработала и упрямые тупики по-прежнему не ловятся...

Юра шел вдоль берега, шел уверенно — он точно знал, где нахо-

дится нужное ему гнездо. В нем, по словам Юры, птенцы уже подросли, их можно кольцевать, и делать это удобнее ночью, когда родителей нет в гнезде — меньше будет шума. Около камня, покрытого желто-зеленой подушкой родиолы, Юра остановился, поставил на попа пластмассовый ящик, разместил в нем весы, зажег спиртовку, положил инструменты, коробочку с цветными пластмассовыми метками. Тихонько раздвинул траву около камня, достал птенца. Спеленал его бинтом, положил на весы, потом размотал бинт, быстренько промерил штангенциркулем крохотное тельце, зажал горячим пинцетом цветную полосочку на лапке и осторожно опустил в гнездо. А когда закончил кольцевать всех птенцов, сказал: «Ну, братцы, растите и прилетайте».

День третий. «Действительно необитаемый остров».

Сегодня мы плывем на Малый Айнов. В пути Юра рассказывал, что сегодня ему приснилось, будто штангенциркуль... умирает. «Я ему делаю искусственное дыхание, а он глаз не открывает. Проснулся в холодном поту». Мы посмеялись, а Иветта Павловна заметила:

— По суткам работаешь, вот и во сне с ним расстаться не можешь.

Над островом стоял разноголосый птичий гам. Ступая по каменным плитам, покрытым, как ковром, жирными скользкими водорослями, минуя полосу белых огромных камней, попадаем в заросли гигантских папоротников и иван-чая. Они скрывают нас с головой, и, продираясь сквозь них, мы с трудом поднимаемся по крутому берегу к скалам. Там, под козырьками выступов, — гнезда птиц.

Скалы в белых потеках, остро пахнет птичьим пометом. Юра и Иветта Павловна, позвякивая связками металлических колец, лезут под самые козырьки. Изредка переговариваются.

— Смотри, впервые у моевки птенцы выросли...

Птенцы моевок сидят в гнездах из сухих водорослей: белая грудка и головка, серые крылышки.

— Бакланята...

Черный, как сажа, птенец. Он не дается орнитологам, уходит еще глубже под скалу. Юра почти вполз в расщелину. Достал. Руки у Юры в пуху, в помете. Мгновение — и металлическое кольцо охватывает ногу птицы. Бакланенок скрывается в гнезде.

— Хохлатые бакланы занесены в Красную книгу СССР. Здесь они загнездились недавно, несколько лет назад. Гнездятся только там, где нет людей, — говорит Иветта Павловна. — Малый Айнов — действительно необитаемый остров...

Эти романтические, казалось бы, слова — «необитаемый остров» почему-то напомнили мне о практических заботах орнитологов, которые они высказывали в один из вечеров. А говорили они о том, что заповеднику очень нужно морское суденышко, чтобы ходить по Баренцеву морю и следить за жизнью птиц на островах; что надо бы заповедовать и некоторые участки акватории, окружающие эти острова, — природа-то неделима, и жизнь птиц очень тесно связана

с жизнью прибрежных вод; что кроме орнитологов на островах нужны и ботаник, и ихтиологи, и геолог. Потому что необитасмые острова — это во многом еще не прочитанная книга природы...

Возвращаясь, я думала о предстоящей встрече с девочками-студентками. Что там сегодня у Лили? Как ее тупики?

...Лиля пришла домой поздно. Молча бросила под стол сумку, повалилась на кровать.

— Не буду, не буду ими заниматься никогда! — сквозь слезы повторяла она.

Марина и Лена раскрыли ее сумку: там, запутавшись в сетке, сидели два тупика. Девочки быстро надели куртки, шапки и вышли во двор. Я вышла следом. Марина, старшая, стала заниматься птицами — мерить и кольцевать. Лена записывала. Тупики шипели, долбили своими «топориками» кожаную перчатку, но Марина аккуратно и крепко держала птиц.

— Как же быть с Лилей? — спросила я, когда мы вернулись в дом. — Ведь ее практика только началась...

— Я ей помогу, — спокойно сказала Марина. — Возьму с собой на отлов куликов, а когда он кончится — будет это скоро, — пойдем вместе ловить тупиков. Здесь навык нужен. Вдвоем проще. А ловушек разных для отлова тупиков орнитологи вообще-то много перепробовали, сети оказались самыми удачными...

Наутро Лиля ушла на берег с Мариной. А тем временем Иветта Павловна сидела у рации и настойчиво повторяла: «Берег, берег, я — остров...» Она хотела выяснить, будет ли сегодня катер. Ответ был коротким: «Ждите».

И вот мы на борту катера. Долго смотрим, как машут нам на прощание пятеро стоящих на берегу. Острова снова превращаются в зеленые полоски, и только долго-долго блестит на солнце крыша кордона. Но вот и это яркое пятнышко сливается с солнечной рябью моря...

Виталий Кривенко

РЕЛИКТЫ ДРЕВНЕГО ТЕТИСА

ОЧЕРК

Литая гладь изумрудно-зеленой воды простиралась до горизонта. Едва видневшийся в знойном воздухе дальний берег не бросался в глаза и не нарушал иллюзию морской дали. Таким мы увидели озеро Маныч-Гудило после долгого пути по всхолмленной степи, когда наш «газик» поднялся на возвышенное место.

На следующий день, когда мы с егерем Николаем Стасенко отправились в первое путешествие, Маныч был иным. Свежий восточный ветер гнал крупную рябь по озеру. Теперь цвет воды не имеет ничего общего с вчерашним изумрудным. Насупившийся Маныч стал грязно-серым. За ходко скользящей по волнам дюралевой лодкой «Казанкой» с подвесным мотором тянулся белесый след. Незаметно ветер разбросал тучи, и Маныч опять заискрился под ярким майским солнцем. И тогда перед нами возник остров Птичий.

Над всей землей возвышались гнезда, на которых грациозно стояли белоснежные колпицы и серые цапли. Все пространство между колпичьими гнездами было заполнено черноголовыми хохотунами, издалека их колония напоминала пестрый живой ковер. Позади длинной шеренгой высились на гнездах розовые пеликаны! Изредка то поднимались, то опускались серебристые чайки.

Птицы уже забыли про неподвижных людей и не обращали на них внимания. Колпицы, медленно поворачивая головы, созерцали суету чаек. Свежий ветер играл их косичками на голове. Иногда сильным ударом клюва колпицы атаковали близко пролетающих серебристых чаек, после чего сердито щелкали своим клювом-лопаткой. Серые цапли продолжали по-прежнему стоять на гнездах, вытянувшись во весь рост. Серебристые чайки не рисковали подлетать к ним близко: сильный острый клюв цапли — это слишком серьезно! Чуть в стороне, медленно взмахивая крыльями, проплыли в воздухе пять пеликанов и легко опустились в центре пеликаньего городка.

Казалось, сквозь глубину тысячелетий мы перенеслись в далекий, загадочный третичный период, когда пространство от Монголии до Западной Европы занимало море Тетис. Вот таким оно и было — теплым, огромным, с неповторимым царством птиц, заполнявшим бесчисленные лагуны и острова. Позднее Тетис стал уменьшаться и распался на ряд отдельных водоемов. Усилившееся поднятие Центрального Кавказа разделило один из них — единый морской бассейн — на Кавказскую и Азово-Черноморскую области. Связь

между ними осуществлялась через пролив, сохранивший черты моря Тетис. Так появилась долина Маныча с цепью больших озер и реликтовой фауной птиц.

А вот новое волшебство. Черноголовые хохотуны разом взмывают ввысь, и на их месте, словно из-под земли, вырастает огромное стадо белоснежных птенцов. Оказывается, взрослые птицы прикрывали своих малышей от палящих лучей солнца.

Отрывистые глухие крики парящих хохотунов сливаются с резким, пронзительным похохатыванием серебристых чаек. Наконец черноголовые хохотуны успокаиваются и вновь, подобно живому ковру, располагаются на земле. Угомонились даже серебристые чайки, рассевшись по колонии. Птичий город вновь жил своей жизнью.

Розовые и кудрявые пеликаны, черноголовые хохотуны, колпицы, кулики-шилоклювки и ходулочники — древнейшие птицы, в массе населявшие побережья Тетиса. С тех пор их внешний облик совсем не изменился, а вот численность катастрофически снизилась. Еще в XIX — начале XX века эти птицы были обычными на многих южных водоемах от дельты Дуная до Балхаша и Зайсана. Сейчас же их гнездовья можно пересчитать по пальцам. Усиление засушливости климата, наблюдающееся с начала текущего столетия, а также изменение ландшафтов по-разному отразились на животном мире. Одни виды оказывались в более благоприятных условиях, другие, лишившись типичных мест обитания, попадали в критическое положение. Особенно много видов животных оказалось на грани исчезновения в последние десятилетия, когда человек стал особенно интенсивно осваивать девственные территории, превращая их в пахотные земли, места выпаса скота, промышленные и гидротехнические комплексы. И тогда остро возникла проблема охраны редких и исчезающих видов животных.

Для того чтобы изучить главные причины, обусловливающие падение численности птиц, выявить наиболее важные места их обитания в период размножения и миграций, оценить общую численность тех или иных видов, мы и начали работу на Маныче.

...Осторожно продвигаюсь по острову Птичий. Страница за страницей заполняется дневник. Пересчитаны гнезда всех птиц, количество яиц в кладках и число птенцов, описаны особенности растительного покрова в зависимости от видов птиц, предпочитающих селиться в тех или иных растительных группировках. Эти данные помогут проникнуть в тайны процветания птичьих сообществ и послужат основой для разработки мер по их охране.

Такой была наша первая встреча с легендарным Тетисом.

А на следующий год, когда мы вновь приехали сюда, остров Птичий исчез, а с ним и колония птиц. Уровень воды в озере резко поднялся и затопил сушу. Весь день мы бороздили северную часть озера, но не нашли ни одной колонии. Куда же они делись? Завтра нужно обследовать дальнюю, южную часть озера.

Около полуночи, когда мы укладывались в палатке, сильный восточный ветер-астраханец погнал по Манычу огромные вздымающи-

еся гребни. В лунных бликах волны яростно ударялись о берег и глухо откатывались назад. Забравшись в спальный мешок, прикидываю: на «Грифе» — резиновой лодке с подвесным мотором «Вихрь» завтра нечего и соваться. Пойдем на новой дюралевой лодке «Прогресс» егеря Николая Стасенко. «Прогресс» — пятиметровая устойчивая посудина, и на ней можно надежно ходить при большом волнении. Мотор поставлю свой, на него я надеюсь, не подведет.

Рано утром под рокочущий прибой спешно завтракаем. Экипируем «Прогресс», стоящий на берегу, всей экспедицией. Самое сложное — отплыть. Столкнуть катер с земли нам помогают все, кто был на егерском кордоне. Но на воде, в накатывающихся на берег гребнях, мы должны справиться втроем: охотоведы Владимир Любаев, Юрий Козин и я.

Несмотря на общие усилия, волна вышвыривает катер почти на берег, и в этот самый последний момент гребцам удается вырваться на несколько метров вперед. Набегающая глыба воды опять кидает катер на берег. Однако мало-помалу мы продвигаемся вперед,и, чем дальше отходим, тем ритмичнее и увереннее движения гребцов.

Наконец можно заводить мотор. Корма катера то глухо проваливается вниз, то резко вздымается вверх. Несколько рывков стартера, и «Вихрь», взревев, пускает голубую струю дыма.

Теперь все внимание на волны. Огромные серые глыбы с пенящимися гребнями, словно спины динозавров, одна за другой атакуют катер слева. «Прогресс» хорошо стоит на волне, но от каждой обрушивающейся водной громады часть воды врывается в лодку, окатывая всех с головы до ног. Свинцовые густые тучи низко стелются над Манычем. Сквозь мокрую одежду прокрадывается холод, и мы начинаем коченеть. Скорее бы добраться до острова, походить хоть немного, обсушиться.

Наконец-то впереди показался крошечный клочок суши. Крутые, обрывистые берега, на которые яростно обрушиваются белесые волны. Нет, не показалось: большое стадо пушистых птенцов хохотунов разгуливает по острову. Лишь с западной части полого спускающаяся земля пригодна для схода птенцов на воду. Это и решило выбор поселенцев. Видны еще гнезда колпиц, серых цапель и серебристых чаек. Но нас больше всего интересуют хохотуны. В нынешнем году помимо переписи населения мы начинаем кольцевание птенцов. Без него невозможно разработать международные меры охраны птиц на путях миграций и на зимовках — в Иране, Индии, странах Средиземноморья и Экваториальной Африки, куда улетают наши подопечные.

Быстро, в течение пяти — восьми минут, в центре острова выстраиваем из кольев и сетей тридцатиметровой длины загон. «Детский сад» хохотунов с родителями отступил к самой воде, а часть птенцов даже вошла по колено в воду.

Обходим с двух сторон малышей, и вот их пушистая живая масса потянулась в глубь острова. «Поджимая» то справа, то слева, мы

направляем послушное стадо к ловушке. Большинство птенцов заходит точно в загон. Лишь небольшое количество рассыпается в стороны, да кое-кто в самом начале, не пожелав идти за собратьями, так и остается у берега.

Смыкаем крылья загона, и наши пленники оказываются в небольшом, полностью изолированном дворике. Теперь нельзя терять ни минуты. Нужно постоянно смотреть, чтобы птенцы не сбивались в кучу и не могли бы подавить друг друга. Ведь их в загоне не менее полутысячи! Двое из нас принимаются кольцевать. Третий следит, чтобы малыши не скучивались и не давились в карманах загона. Он же подает кольца и записывает первый и последний номера каждой сотенной связки.

Вечностью кажется ползание по загону. Спина онемела. Кольцевание — не простое дело, как представляется на первый взгляд. Птенец, выхваченный из кучи, сначала отчаянно пищит. Потом, когда его прижмешь к себе, чтобы удобнее было кольцевать, он успевает один-два раза сильно клюнуть. Наиболее крупные птенцы клюют до крови, отчего постепенно наши руки покрываются кровоточащими ссадинами. Дело считается законченным, когда кольцо на ноге хохотуна сдавлено плоскогубцами, а сам он перенесен через стенку загона и бережно опущен на землю.

Многоголосый хор взрослых хохотунов, сидящих плотной стаей в пятидесяти метрах от загона, четко ориентирует малышей, и, опущенные на землю, они стремглав несутся только в одном направлении — к родителям.

По числу колец на сотенных связках мы следим, как продвигается дело. Начали пятую связку, значит, кольцуем пятую сотню. Птенцов в загоне заметно поубавилось. Подходит к концу второй час работы. Нужно поторапливаться. И вот через пятнадцать минут на пятьсот шестьдесят шестом кольце все закончено. Через полчаса, дружно налегая на весла, покидаем колонию. Отсветы заходящего солнца еще играли на белоснежном оперении птиц, но на поверхности острова уже лежала густая тень.

Довольные итогами дня, берем курс на северо-запад, на кордон. День за днем будем узнавать все новое и новое о жильцах манычских птичьих городов. Вот, например, очень нужно нам найти черноголовых чаек. Они очень похожи на черноголовых хохотунов, ну точная копия — только по размеру раза в три меньше. Черноголовые чайки — южные птицы и населяют побережья Средиземного моря. Лишь на востоке гнездовой области они проникают в нашу страну и гнездятся в Черноморском заповеднике. А в прошлом году черноголовые чайки загнездились в долине Маныча, то есть в тысяче километров к северу. Это была сенсационная находка.

Теперь, через год, не давала покоя мысль: случайность ли прошлогодняя находка или средиземноморские гости вновь окажутся на Маныче?

Назавтра решаем обследовать долину Маныча на восток по суше. Почти весь следующий день наш крытый грузовичок громыхает по

давно не езженной дороге, пока не упирается в берег залива. Здесь, судя по карте, снова начинаются острова. Отсюда мы и намерены продолжить обследование. Вечереет. С отмели снимается стайка морских голубков — розоватых маленьких чаек. Интересно! Морские голубки — спутники черноголовых чаек. Вновь затеплилась надежда найти средиземноморских странниц.

В последних отблесках дня в далекой степи замечаем еще одну низко летящую стаю морских голубков. От залива, у которого мы стоим, не видно основной части Маныча, она скрыта возвышением рельефа. Совершенно ясно, что голубки летят к озеру. Птицы возвращаются с кормежки, где вылавливали насекомых. А вот еще одна стая, чуть в стороне от нас, летит из глубины степи. Ближе, ближе... Да ведь это черноголовые чайки! Выпускаю из рук спальный мешок, который держал с тех пор, как увидел голубков, и бросаюсь вслед за пролетавшей стаей. Бегу долго, сознавая смешную бесполезность своей выходки, но останавливаюсь лишь тогда, когда с возвышения открывается густеющая синева Маныча. Долго вглядываюсь в заволакивающуюся гладь озера, вдыхая терпкий запах полыни, разнотравья и соленой воды. Где-то там таится еще одна загадка Маныча. В полной темноте медленно возвращаюсь обратно.

Раннее утро. Огромный солнечный шар еще касается краем озера. Чуть с фиолетовым оттенком крупные волны катятся навстречу. Ярко-оранжевый «Гриф» легко прыгает с гребня на гребень. В этой части Маныч намного у́же, чем на западе, не более двух с половиной километров, и акватория хорошо просматривается. Однако перед глазами только рябая синь озера. Дружный возглас спутников: «Остров!» — заставил посмотреть вправо. Действительно, вдалеке виднелся небольшой клочок суши. Проглядывавшие там белые пятна наводили на мысль, что он обитаем. Ближе, ближе. Навстречу нам уже летят серебристые чайки. Среди зарослей прошлогодней лебеды виднеются гнезда колпиц с насиживающими птицами. После мягкого толчка «Грифа» о берег остров как бы взрывается облаком многосотенной стаи колпиц. Описав полукруг, птицы скрываются. Так настороженно нас не встречала еще ни одна колония. Вероятно, сказывается то, что эта часть Маныча не входит в территорию заказника и поэтому птиц часто беспокоят люди. Нужно не задерживаться долго на этом месте и дать колонии возможность успокоиться.

Спешно принимаемся за работу — перепись птиц. Стараясь не пропустить ни одного метра земли, быстро диктую увиденное, а один из моих помощников — охотовед Владимир Любаев — ведет запись. Сто семнадцать гнезд колпиц, двенадцать — крякв и серых уток, сорок два — серебристых чаек — таков итог нашего обследования безымянного островка.

И снова «Гриф» мчит нас по Манычу. Где же черноголовые чайки? Пошел второй час, когда впереди почти под самым берегом мы увидели остров, усеянный птицами. Плотной тысячной стаей они вдруг легко взмывают ввысь. Однако прямиком не проехать. Широ-

кая полоса частой беловатой ряби говорит о том, что остров защищен от нас мелью.

Долго огибаем мелководье, затем минуем еще большой безжизненный остров. Наконец открывается заветный уголок Маныча. Где-то там должен быть маленький клочок суши с загадочными поселенцами. Вот он! Совсем низкий, чуть выглядывающий зеленый островок, пестрящий птицами.

Наше вторжение вызывает гнев огромной колонии чайконосых крачек, закружившихся с сердитым стрекотанием. Но сейчас нам не до крачек. Движемся к центру островка. Вот она, колония черноголовых чаек! Более тысячи птиц выбрали для гнездования самую возвышенную часть острова, покрытую зеленым ковром невысокой растительности. Теперь не назовешь черноголовых чаек средиземноморскими гостьями — эти птицы стали полноправными членами манычских птичьих сообществ. Несомненно, обследованный сегодня участок долины уникален и здесь следует организовать заказник.

Много загадок и незабываемых впечатлений было связано и с изучением пеликанов. В течение четырех лет эти сказочно розовые птицы гнездились на островах озера, а на пятый год исчезли. Почему? Не причиной ли тому наши посещения? Оставалась надежда обнаружить их в самой дальней, восточной части долины. Туда мы и отправились на поиск пропавших птиц. Моросил мелкий дождь. «Прогресс», ритмично вздрагивая от ударов встречных волн, бежал на восток. Вдруг на горизонте, чуть вправо, едва проступило белое пятно. Лебеди? Пеликаны? Не разобрать. Кажется, все-таки пеликаны. Снова идем в сторону загадочного пятна... Теперь в бинокль отчетливо видно огромное скопление розовых пеликанов на небольшом островке. Гнездовая колония, или просто отдыхающие птицы? Посовещались, решили не осматривать остров, а лишь приблизиться метров на триста.

Скопление занимало не менее ста метров. Такого большого мне еще не доводилось видеть. Многие сидели на гнездах. Значит, гнездовая колония. Среди розовых пеликанов изредка встречались кудрявые. Начинаю считать с левого края. Пятьдесят, сто, сто пятьдесят — глаза слезятся от напряжения и бокового ветра, но останавливаться нельзя — собьешься... двести пятьдесят, триста шесть птиц! Затем отдельно считаю кудряшей. Пятьдесят два! В следующий миг все скопление пеликанов на глазах порозовело, каждая птица как бы высвечивалась изнутри. Это лучи солнца, пробившись сквозь тучи, сказочно преобразили колонию. Казалось, специально в этот день природа преподнесла нам чудо: смотри, человек, как прекрасен мир, в суете своей ты часто забываешь об этом! Тотчас же солнечный свет пропал, отчего вид колонии стал будничным.

И тут наши планы нарушил сильный дождь. Хорошо, что мы не подошли близко к острову и не потревожили птиц.

Под усиливающийся дождь и ветер добрались мы в тот вечер до кордона, а когда в спешке причаливали «Прогресс» и переносили в дом фотоаппараты и бинокли, начался страшный ливень. В трех

шагах многотысячные струи сливались в сплошной, шквальный поток воды.

Сидя в теплом и сухом доме, я мысленно представил себе, как сейчас пеликаны, слегка раскрыв крылья, мужественно защищают от дождя свои кладки. Ливень продолжался более часа.

Наутро умытая приманычская степь ярко зеленела до горизонта. Серое, но начинающее синеть зеркало озера было непривычно спокойно. Правда, воздух еще не прогрелся, и мы, готовясь к отплытию, поеживались от утренней сырости.

Прежде чем наведаться к вчерашним пеликанам, решили осмотреть ряд соседних островов, заселенных утками, а затем уж, когда солнце подсушит землю, заняться старыми знакомыми.

В середине дня мы возле пеликанов. Легкие взмахи крыльев — и розовые гиганты, завидев медленно приближающуюся лодку, взмывают в небо.

Пока мои спутники причаливают лодку и достают фотоаппараты, начинаю осматривать колонию. На небольшом возвышении острова метров десяти в диаметре вижу немудреные пеликаньи гнезда: едва заметные возвышения из сухих веточек лебеды и бурьяна вперемешку с землей — вот и все! В пониженном центре гнезда — два, изредка три белых, шероховатых яйца размером с гусиное. Кладки видны все сразу. Их двадцать четыре. На втором бугорке — двадцать два гнезда. В глубине острова — еще микроколония. Но что это? Мертвенным холодом повеяло от кладок, лежащих на сырой земле. Неужели пропали? Догадка верна. Во время вчерашнего ливня гнезда, расположенные на этом пологом участке, оказались подтопленными. Долго ли держала в своих тисках холодная дождевая вода зарождающуюся жизнь — сказать трудно. Ясно одно — сорок две кладки редчайших птиц мертвы. Так вот почему розовые пеликаны выбирают всегда для гнездования самые возвышенные участки островов! Практический урок человеку на будущее. Ведь ливневые дожди на Маныче — явление обычное. Логика подсказывает: на островах, где гнездятся розовые пеликаны, человек может соорудить из земли три-четыре искусственных возвышения и спасти птиц от возможного бедствия. Ведь в разработке стратегии охраны редких видов птиц заключалась основная цель наших многолетних наблюдений. Поиски колоний, перепись, кольцевание не только захватывающие экспедиционные моменты, это этапы познания закономерностей манычских птичьих сообществ. Из года в год следили мы за изменением уровня воды в озере, за сменой растительности на островах, за влиянием ее на птичье население.

В итоге все сложилось в единую целостную картину. Как правило, на голой или слабо заросшей поверхности острова гнездились черноголовые хохотуны, розовые пеликаны, крачки, кулики-шилоклювки. Когда через год-два земля зарастала злаками, осоками, разнотравьем, к прежним поселенцам присоединялись черноголовые чайки и утки. Но вот среди этого зеленого ковра появляются безобидные на первый взгляд пятна лебеды, которая постепенно

захватывает все пространство, покрывая остров высокими, густыми зарослями. И тогда розовые пеликаны, черноголовые хохотуны, шилоклювки, черноголовые чайки исчезают. На их месте поселяются колпицы, кудрявые пеликаны, серые цапли, которые строят гнезда из сухих стеблей лебеды. Со временем остров покрывается отжившим, щетинистым панцирем лебеды и становится не пригодным для гнездования всех видов птиц. И что же тогда — тупик жизни на Маныче? Нет! На помощь приходит мудрый гидрологический режим озера. Уровень воды повышается. Низкие острова затопляются совсем, а высокие становятся ниже. Соленая манычская вода обрушивает на них каскады соленых брызг и быстро разделывается с неугодной растительностью. При последующем понижении уровня воды острова принимают изначальный облик — стадию открытых стаций. Поскольку манычские острова различны по размерам, высоте и профилю берегов, их исчезновение под водой и обновление растительного покрова происходят не сразу в один год, а постепенно. Так при максимальных подъемах воды наиболее высокие острова, доселе не пригодные для гнездования, становятся небольшими и пологими. Сюда и перемещаются гнездовья птиц.

В итоге получалось, что на каждом острове после расцвета жизни наступает ее угасание. Величайшим феноменом этого процесса является обновление как жизненного пространства, так и сообщества птиц. При этом обновление жизни на разных островах происходит во времени поэтапно. Умение моделировать динамику манычских экосистем поможет человеку сохранить реликты древнего Тетиса.

Т. Кейхилл

В «САДУ ЭДЕМА»

Царственные особы, живущие в «Саду», были по крайней мере вдвое сильнее меня. Во всяком случае вызови я их гнев, от меня осталось бы мокрое место. Впрочем, я был гость, возможно не очень желанный, но терпимый, поскольку соблюдал установленные правила: вел себя тихо, не мозолил глаза и вообще «знал свое место». В последний день моего пребывания в «Саду», когда я случайно наткнулся на семью аборигенов, ее глава и патриарх Ндуме лишь тяжело вздохнул, как бы говоря: «Опять ты?» Нет, он не нахмурился сердито, только слегка сдвинул брови да поджал губы. И все-таки резкая морщина, прорезавшая лоб, придала его лицу свирепое выражение. К счастью, теперь я уже знал, что это всего лишь признак некоторого раздражения, смягченного любопытством.

Поэтому, согнувшись в три погибели, я немного продвинулся вперед. Лицо Ндуме прояснилось. Теперь можно было коротким ворчанием, как это принято среди его сородичей, вежливо поприветствовать патриарха. Кажется, все сделано правильно, поскольку тут же раздалось басовитое ворчание — Ндуме удостоил меня ответным приветствием. Некоторое время никто из нас не двигался. Потом он сел, а я лег в мягкую густую траву. Легкий ветерок с гор приятно освежал наши лица. Пялиться друг на друга считается у аборигенов бестактным, поэтому мы оба старательно отводили глаза в сторону. Когда я украдкой посмотрел на патриарха, то увидел, что он принял классическую позу мыслителя: оперся правой рукой на колено, поддерживая ладонью тяжелый подбородок. Очевидно, им овладело задумчивое настроение. Я улыбнулся, следя за тем, чтобы ненароком не показать зубы — это считается здесь оскорбительной дерзостью. Ндуме улыбнулся в ответ, вежливо поворчал и встал на четвереньки. Затем приблизился ко мне, чуть улыбаясь и по-прежнему устремив взгляд куда-то в заросли, как и подобает хорошо воспитанной особе. Должное впечатление от его безукоризненных манер несколько нарушали лишь отчетливо проступавшие под блестящей черной шерстью бицепсы размером с хорошую дыню.

От Ндуме исходил резкий, кисловато-сладкий мускусный запах. Вытянув руку, он мог бы коснуться меня. Вместо этого мой визави слегка склонил голову набок, как делает человек, пытающийся разгадать какую-то хитрую загадку. «Сад» стало заволакивать туманом, и мы, человек и горилла, теперь уже не стесняясь, в упор разглядывали друг друга сквозь волнующуюся кисею. Из-под тяжелых, выдающихся надбровий на меня смотрели внимательные корич-

Художник А. Грашин

невые глаза. Смотрели так, что я почувствовал себя вне реальности времени, словно между нами невесомо струился не туман, а тысячелетия.

Все это происходило в национальном парке Руанды, который называется «Сад», видимо по аналогии с «садом Эдема», и занимает 40 квадратных миль на склонах вулканической горной цепи Вирунга. Здешние леса — последнее прибежище Ндуме, Мрити, Мтото, Брута, Пикассо и их сородичей, горных горилл, которых осталось на всем земном шаре не более двухсот. Я приехал в эту крошечную центральноафриканскую страну, запасшись соответствующим альпинистским снаряжением, поскольку высота Вирунги достигает 15 тысяч футов. Однако оказалось, что гориллы обитают на 5 тысяч футов ниже и поэтому вся моя амуниция ни к чему. Зато я недоучел, что, хотя «Сад» находится неподалеку от экватора, на высоте 10 тысяч футов здесь и холодно, и мокро. Про здешние частые ливни мало сказать: «Льет, как из ведра», точнее будет: «Поливает, как из пожарного брандспойта».

Сами гориллы-аборигены не обращают на дождь внимания. Распорядок дня у них составлен так, чтобы ухватить максимум солнца. Часов тринадцать они проводят в своих гнездах — огромных люльках, сплетенных из ветвей. Потом несколько часов кормятся, в середине дня час-другой дремлют, затем опять до самого сна занимаются поисками еды. Ее, кстати, в здешних лесах хватает, так что

проблемы с питанием у горилл нет. Единственное, чему они, безусловно, были бы рады, — это лишнему солнечному деньку.

Под горячими лучами, брызнувшими в просветы между облаками, туман заклубился и стал быстро подниматься. Это послужило Ндуме сигналом, что пора кончать аудиенцию. Он повернулся и направился в лес: воздух согрелся, настало время полуденной сиесты. Поскольку я уже достаточно хорошо зарекомендовал себя, мне было милостиво позволено наблюдать, как одиннадцать членов его семейства устраиваются на отдых. Двое малышей по году с небольшим и два четырехлетних подростка улеглись на лужайке. Но почти тут же один из подростков поднялся, подтянул к себе лиану и стал обрывать с нее листья, отправляя их себе в рот. Очевидно, это был непорядок. Кто-то из малышей схватил его сзади за шерсть и потянул на место. Проказник растянул губы в беззвучной улыбке, а на мордашке появилось выражение такого удовольствия, какое бывает у общепризнанного сорванца, когда ему удается отмочить какую-нибудь шутку во время урока.

Самый старший из подростков, шестилетний Пикассо, залез на тоненькое деревце и оттуда изучающе разглядывал меня. Деревце начало медленно сгибаться, но горилла не обращала внимания. Наконец раздался треск, ствол переломился, и Пикассо полетел в густую траву. Кстати, я так и не смог выяснить: то ли гориллы плохо определяют, выдержит ли их вес дерево, то ли им доставляет удовольствие такой необычный способ спускаться на землю. Во всяком случае взрослые обезьяны тоже нередко попадали в положение Пикассо.

Интересно, что глава семейства, казалось, не замечал проделок своих отпрысков. Он разлегся на просторной платформе, образованной нижними ветвями раскидистого дерева, и блаженствовал, подставив солнцу ноги и грудь. Одна его рука расслабленно свешивалась почти до земли. Этим не преминул воспользоваться другой малыш. Подпрыгнув, он ухватился за руку и моментально взобрался отцу на живот, где и растянулся, словно на мягкой перине. Вскоре рядом появился братец, затеявший дружескую потасовку. Фыркая от смеха, малыши катались по груди и животу Ндуме, который лишь широко зевал, показывая внушительные желтые клыки.

Деревья вокруг были увиты лианами, усыпанными крупными желтыми цветами. Над нами синело безоблачное небо, внизу в изумрудной оправе зелени сверкало на солнце озеро Нгези. Вдаль уходила цепь массивных вулканов. И мне показалось, что каким-то чудом я перенесся в рай, каким он был до появления Адама. О если бы можно было остановить течение неумолимого времени! А главное, отвратить то, что уже надвигалось на этот «сад Эдема», придавая идиллии горький привкус трагической обреченности. Примет этого вокруг было много, стоило только приглядеться. У Ндуме, например, культя вместо кисти на правой руке говорила о том, что

он, видимо, побывал в ловушке браконьера. Их жертвой, вероятно, стал и его предшественник, такой же патриарх Стилгар.

И все-таки основную опасность для дальнейшего существования горилл представляют не браконьеры, а сложившиеся у местного населения традиции хозяйствования. Коренным населением окрестностей Вирунги были пигмеи тва, жившие охотой. Затем их покорили земледельцы хуту, которые считали леса своим врагом и стали сводить их, освобождая место для полей. В X веке с севера пришли кочевники тутси, подчинившие себе здешние племена. Тутси не трогали леса, но зато не давали расширять хуту их поля, поскольку им самим нужна была земля для пастбищ. Однако в 1959 году земледельцы хуту подняли восстание и отобрали власть у скотоводов. После этого вновь началась вырубка девственных лесов. В 1969 году почти половина национального парка была передана местным крестьянам под посевы. И вот итог: численность горных горилл сократилась более чем вдвое, с 450 до 200.

Если наступление на леса Вирунги будет продолжаться, гориллы обречены. Опасность эта отнюдь не иллюзорная. Уже сегодня шамбы, крестьянские фермы-хутора, подступили вплотную к кромке леса. В один из последних дней моего пребывания в «Саду» я был свидетелем весьма характерного и тревожного эпизода. Ндуме выбрал для кормежки участок леса всего в 100 ярдах от опушки. Сверху, со склона горы, эта зеленая перемычка казалась слишком узенькой и ненадежной. А за ней крестьяне копали в полях картошку. С веселым смехом носились дети, перекликались женщины, убиравшие пиретрум. Я видел, как Ндуме вышел на прогалину, сел там и долго вглядывался в бессчетные шамбы, подступившие вплотную к его родному дому.

Ранним майским утром я рассматривал шесть огромных гнезд, черневших в ветвях деревьев. Это была «спальня» одного из горильих семейств, условно названного «Группой № 13». От «спальни» в чащу леса уходил хорошо заметный след, нечто вроде тропинки, которая могла бы остаться, если бы десятка два людей на четвереньках пробирались гуськом через подлесок. Марк Кондиотти, зоолог, занимающийся проблемой сохранения горных горилл, объяснял, как выслеживать обезьян в тропическом лесу. Оказалось, что в принципе это не так уж трудно, достаточно самому согнуться в три погибели и отправиться по зеленому туннелю.

Вскоре мы оказались в зарослях бамбука. Сквозь высокую траву впереди, в зеленых трепещущих сумерках темнели несколько фигур, издали похожих на медвежьи. Марк дважды громко откашлялся. У зоологов это называется ДГВ — «двойная горловая вокализация». Гориллы издают такой звук с помощью быстрого вдоха и выдоха. Дело в том, что обезьяны передвигаются медленно и любое быстрое перемещение может быть воспринято ими как угроза. Поэтому, прежде чем перейти на другое место или приблизиться к сородичу,

они предупреждают об этом с помощью ДГВ. Я рассказываю о такой мелочи, чтобы показать, как важно зоологу знать их, если он хочет добиться успеха, изучая жизнь диких животных.

На этот раз мы искали главу семейства Мрити, а наткнулись на Мтото, очаровательную трехлетнюю обезьянку. Заметив нас, она начала гулко колотить себя в грудь. Потом искоса взглянула в нашу сторону. Мы улыбнулись, конечно же не показывая зубов.

Мтото встала и заковыляла подальше, продолжая бить себя кулаком и время от времени оглядываясь, чтобы проверить, насколько мы напуганы ее устрашающим поведением. Весила обезьянка фунтов тридцать. Когда она стала перелезать через наполовину поваленные стволы бамбука, один из них сломался под Мтото, и горилла шлепнулась на землю. Я думал, что она испугается и начнет визжать. Ничего подобного: обезьянка преспокойно лежала в траве, глядя в небо. Казалось, этот отдых был давно запланирован, а теперь появился и предлог поваляться в траве.

В тучах появились просветы, в зеленый полумрак вонзились яркие солнечные лучи, словно где-то высоко над лесом вспыхнули десятки прожекторов. Для Мтото это было сигналом, что пора присоединиться к остальным членам семейства. Гориллы явно уже насытились и теперь двигались с такой ленивой расслабленностью, что я понял: наступило время сиесты.

Мрити мы нашли сидящим на травянистом склоне. Увидев нас, он что-то недовольно проворчал, четыре раза ударил ладонями по земле, потом поднялся и направился в глубь зарослей бамбука, уводя за собой все семейство. Было видно, что гориллам не хотелось покидать солнечную прогалину, но ослушаться Мрити никто не посмел.

Мимика у горилл настолько красноречива, что на лице можно легко прочитать все их чувства. Например, если они чем-то обрадованы, то улыбаются; недовольны — хмурятся. Прибавьте к этому движения бровей, глаз, губ, и вы получите такую гамму оттенков, какой может позавидовать профессиональный актер. Я говорю об этом с уверенностью, потому что провел много часов в каких-нибудь десяти футах от обезьян и за это время узнал около сорока особей. Характеры у них разнятся не меньше, чем внешность, хотя у отдельных групп есть и общие черты. Так, подросткам свойственны смелость, любопытство и проказливость. Взрослые ведут себя более сдержанно. Бетховен, предводитель «Группы № 5», — могучий, преисполненный достоинства старец. Напротив, Брут похож на несовершеннолетнего преступника, у которого дурашливость и трусливая злоба написаны на лице. Кстати, он — единственная горилла в «Саду», которая нападает на людей (несмотря на это, я решил познакомиться с ним).

Мне очень нравился Мрити, как, впрочем, и большинство других отцов семейств. Правда, установлению дружеского контакта мешало одно обстоятельство. Этот самец предпочитает жить в зарослях бамбука. Некоторые зоологи считают, что такой сумрачный мир, где

видимость затруднена, делает животное более агрессивным по отношению к чужакам. Мрити дважды атаковывал меня. Правда, один раз он бросился и тут же остановился, так что было ясно: обезьяна и не думала всерьез нападать на меня. В подобных случаях Мрити придерживается одной и той же тактики. Он прыгает вперед футов на восемь, потом хватается за бамбуковый ствол и старается наклонить его в сторону противника. Часто вершина ствола застревает в ветвях, и ему это не удается. Зато на собственную голову Мрити сверху сыплются листья и всякий сухой мусор, что, конечно, не может доставить большого удовольствия. Словом, не могу сказать, что эта горилла способна вселить в вас ужас.

Вообще же, когда взрослый самец яростно колотит кулаками землю, это вселяет должное почтение, и проходит несколько минут, пока у вас вновь возникнет желание следовать за ним. Второй раз, когда мы встретили Мрити, он издал серию кашляющих ворчаний. Это было предупреждение.

— Он все еще никак не может успокоиться после стычки с другой семьей несколько дней назад, — объяснил Марк. — Попробуем еще раз, и, если он уйдет, лучше оставить его в покое.

О стычке рассказала Розалинда Авелиаг, одна из сотрудниц Марка. В тот день она пошла, чтобы понаблюдать за «Группой № 13». К ее удивлению, Мрити не позволил своему семейству, как обычно, кормиться в бамбуковой роще, а повел его к участку, где обитала другая семья.

Пробираясь через заросли, Розалинда услышала впереди громкий рев. Она поспешила на звук, но, когда вышла на поляну, там никого не было. Лишь примятая трава да капли крови свидетельствовали, что здесь недавно происходила потасовка. Неподалеку от этого места, на каменистой гряде, она обнаружила сбившихся в кучу горилл из «Группы № 13». Внизу сидело второе семейство. Вдоль гребня расхаживал Мрити, колотя себя в грудь и грозно рыкая. Его противник отвечал ему тем же, правда, с достаточно безопасного расстояния.

Никто точно не знает, чем была вызвана эта стычка. Но Марк полагает, что тут скорее всего замешана Ийчо, игривая восьмилетняя горилла, пользовавшаяся особой симпатией у Мрити. Возможно, она захотела перейти в другую семью, и вожак отправился туда, чтобы вернуть ветреную подругу. Из этого можно сделать вывод, что любовь и ревность не чужды и обезьянам.

Сегодня мы уже многое знаем о жизни горилл. И главная заслуга в этом принадлежит доктору Диане Фоссей, которая 13 лет, до своего отъезда из «Сада», изучала их. Именно она первая доказала, что считавшихся исключительно свирепыми обезьян можно приучить к присутствию человека. Благодаря ее публикациям в представлении людей «дикое чудовище» превратилось в «деликатного гиганта». Особенно умиляли публику фотографии, на которых Диана и громадный самец Диджит, вожак «Группы № 4», чуть ли не пожимали друг другу руки. Ну прямо-таки Бог и Адам. Увы, после

того, как в 1978 году Диджит погиб, защищая свое семейство от браконьеров, они истребили его почти целиком. Так что идиллия оказалась недолговечной, причем отнюдь не по вине горилл.

И кто знает, только ли злобный характер движет Брутом, который нападает на людей и наверняка поплатится за это жизнью. Был пасмурный день, когда зоолог Конрад Авелинг, фотограф Ник Николз и я отправились знакомиться с этим «нарушителем спокойствия». Последний раз его видели на склонах вулкана Карисимби на высоте приблизительно 10 тысяч футов. Несколько часов мы продирались через заросли высоченной крапивы, пока наконец не вышли в разреженную рощу. Справа ветви деревьев нависали над глубоким каньоном, который с высоты казался устланным зеленым ковром. Откуда-то снизу доносилась дробь тамтама, перекликавшаяся с раскатами грома за вершиной Карисимби. Словом, обстановка заранее настраивала на соответствующий лад перед встречей с хозяином здешних мест.

После недолгих поисков мы обнаружили самое большое из когда-либо виденных мной гнезд. В этот момент разверзлись все хляби небесные, и шум ливня заглушил и раскаты грома и дробь тамтама. В сердце невольно закралась тревога. Гориллы терпеть не могут дождь, который действует им на нервы. А Брут не отличался покладистым характером и в солнечные дни. Трудно сказать, что испортило его. Многие годы он жил неподалеку от шамб, и местные крестьяне за небольшую плату водили любопытных туристов посмотреть на громадную гориллу. Конечно, никто из них не имел ни малейшего представления о том, какие приемы выработала доктор Фоссей, чтобы приучить обезьян к присутствию людей. Экскурсанты вели себя шумно, оскорбительно, невежливо, а чуть что пускались наутек. Возможно, в конце концов у Брута лопнуло терпение, и он обозлился на весь род людской. Хотя этот вожак и сменил место обитания, он и теперь еще приходит посидеть у границы парка, хотя отнюдь не предается молчаливому созерцанию. Брут злобно ревет, глядя на шамбы, и люди в них трепещут при громовых раскатах, доносящихся из леса.

...След был запутан настолько хитро, что мы раз за разом возвращались на прежнее место. Часа через четыре наше терпение кончилось. Правда, Конрад хотел обследовать еще одну тропинку, но Ник и я, промокшие до нитки, спрятались под громадным гнездом и отказались идти дальше.

Из оцепенения нас вывел высокий пронзительный звук, словно кричал гигантский петух фунтов четыреста весом. Выше по склону, где должен был находиться Конрад, бешено заплясали верхушки кустов, будто кто-то громоздкий ломился через них. Тембр звука резко упал, теперь он напоминал ослиный рев. Нам показалось, что там слышны и другие голоса. «Конрада калечат!» — закричал Ник, и мы бросились на выручку, с трудом продираясь сквозь густые заросли. Навстречу неслась невообразимая какофония, напоминавшая шумовое оформление схватки львов или по крайней мере

леопардов. Сатанинское эхо, несшееся из каньона, еще больше подстегивало нас.

Мы облегченно вздохнули, если только это можно сделать после бега с препятствиями по крутому склону, когда увидели Конрада целым и невредимым. Ярдах в пяти от него бесновался Брут. Позднее мы восстановили картину происшедшего. Брут сидел в зарослях чертополоха, пережидая ливень. Иногда дождь ввергает горилл в такую депрессию, что они даже не ищут укрытия: сидят и дрожат на открытом месте, из носа у них течет, а потоки воды хлещут по голове. Когда Конрад стал приближаться к исстрадавшемуся Бруту, тот решил отплатить ему за все. Словно разъяренный дьявол, устремился он навстречу зоологу: рот широко раскрыт в яростном реве, грозные клыки, казалось, готовы разорвать противника, мокрая шерсть прилипла к телу, подчеркивая мощную мускулатуру.

Во время предыдущих встреч Брут представал передо мной лишь темным силуэтом, с ворчанием и проклятьями — насколько это можно сказать об обезьяне — удалявшимся в чащу. Не изменил он себе и на сей раз. Разве что свое неудовольствие он выразил еще громче да позволил вдоволь полюбоваться своим злобным оскалом.

Вдали над Карисимби тучи разошлись, и в солнечных лучах вулкан вспыхнул оранжевым светом.

— На этот раз он остановился, — сказал я, с укором взглянув на Конрада.

— Конечно, — согласился он. — Возможно, Брут знаком с выводами Шаллера. — Конрад явно старался обратить в шутку мой намек на то, что нельзя так рисковать. Дело в том, что Шаллер, первый из зоологов занявшийся изучением горных горилл в 1960 году, пришел к выводу, что они никогда не нападут на человека, если тот не обращается в бегство.

Что же, может быть, Шаллер и прав. Мне бы хотелось этого. И было бы совсем неплохо, если бы Брут действительно знал о табу, а главное, помнил о нем, когда, сидя у границы «Сада», ревом предупреждает обитателей шамб внизу о своем праве на существование. Пусть этот рев будет не просто выражением злобы и вызова.

Никто не в состоянии сказать, выживут ли гориллы. Исследователи считают, что, если принять необходимые меры, с браконьерами можно покончить и тогда район Вирунги останется в целости и сохранности. Тогда будет надежда, что когда-нибудь другие зоологи напишут о потомках Ндуме, Мрити, Брута, о «деликатных лесных гигантах», живущих рядом с человеком.

Перевод с английского
Н. Максимовой

Владимир Дукельский

ИЗ СПИСКОВ ИСКЛЮЧИТЬ...

ОЧЕРК

Весной 1862 года в Кронштадте ожидали возвращения из трехлетнего плавания клипера «Опричник». Собственно говоря, он мог бы прийти и зимой, но ледовая обстановка не позволяла сделать это.

Майские восточные ветры выгнали лед из Финского залива, заголубела вода, однако клипер в порту не появился. Для военного корабля обстоятельство весьма странное. Может быть, командир «Опричника» решил переждать зиму в каком-нибудь из западных портов Балтийского моря или даже в Англии? Но в таком случае, почему ни он, ни представители военно-дипломатической службы России не известили об этом? При любом, запланированном или незапланированном, заходе в порт командир корабля письменно уведомлял об этом адмиралтейство.

Однако последний доклад командира клипера капитан-лейтенанта Селиванова был от 10 ноября 1861 года. В нем он уведомлял, что перед длительным переходом из Батавии (ныне Джакарта) к мысу Доброй Надежды он зашел в порт для пополнения припасов, осмотра судна и небольшого отдыха экипажа. Ведь «Опричнику» предстояло сделать «прыжок» через весь Индийский океан без заходов в промежуточные порты. Целесообразность такого маршрута была основана на многолетнем плавании парусных судов, в том числе и русских. Ведь начиная с первой половины XIX века «посылка на Тихий океан военных кораблей из Балтийского моря на один-два года представляла в тех условиях единственную возможность защиты русских интересов на Тихом океане»*.

Кроме того, практика подсказывала оптимальное использование господствующих ветров, всех гидрометеорологических данных. Именно поэтому для кораблей, идущих в Европу, наиболее целесообразным являлся путь от Явы на юго-запад.

Итак, по времени «Опричник» давным-давно должен был где-то объявиться. Может быть, командир корабля по известным только ему причинам изменил маршрут и пошел севернее, зайдя в какой-либо из портов Индии? Но тогда англичане, зорко следящие за побережьем этого огромного полуострова, не преминули бы сообщить об

* Морской атлас. Том III. Военно-исторический. Часть 1. Изд. ГШ ВМФ, с. 481.

Художник А.Кузнецов

этом всему миру, поскольку отношения между Россией и Англией в тот период были весьма напряженными.

Поначалу, учитывая медлительность почты (телеграф только-только начал распространяться по земному шару), русское Морское министерство особого беспокойства не проявило. Не пришел пока, придет позже.

Одним из первых недоумение отсутствием «Опричника» в Саймонсбее (у мыса Доброй Надежды) выразил командир французского корвета «Лаплас». Дело в том, что «Лаплас» вышел из Батавии практически одновременно с «Опричником», но из-за неисправности материальной части прервал свое плавание и зашел на Кокосовые острова, где и простоял некоторое время. Его командир был уверен, что еще раз встретится с русским кораблем у мыса Доброй Надежды или по крайней мере узнает, когда «Опричник» миновал Африку. Но отсутствие каких-либо сведений о русском корабле насторожило командира «Лапласа», своими опасениями он поделился с представителями портовых властей.

Между тем и в России росла тревога за судьбу корабля. Новый 1862 год, увы, ничего не принес.

Волновались не только официальные лица, волновались за судьбы своих мужей, отцов, братьев и родственники, ожидающие их уже четвертый год. Морское министерство находилось в Петербурге, семьи офицеров проживали в основном там же или в Кронштадте, поэтому неудивительно, что число обеспокоенных посетителей Адмиралтейства росло. Они настоятельно добивались ответа: где «Опричник»?

Чиновники министерства утешали их ссылками на «различные случайности, неизбежные на море», но, сдается, сами не очень верили этому.

Наконец, когда все реальные сроки, по убеждению Морского министерства, прошли, приняли решение предпринять широкий официальный розыск пропавшего без вести корабля.

Пропавшего без вести... Трагичен смысл этой фразы, даже с годами не теряющей своего горького оттенка. Точка не поставлена, только многоточие. Обманчивая надежда, что хоть лучик вдруг высветит тайну.

Трагична судьба человека, пропавшего без вести. До самого конца дней своих родные и близкие не будут иметь покоя. Тем более трагична судьба пропавшего без вести корабля.

В разные времена в море исчезли тысячи кораблей. Но в наш технический век вычислить последние курсы корабля легче. Дело в том, что современные подводные и надводные корабли незримыми нитями прочно связаны с берегом. Тут и пополнение припасов всех видов, тут и развитая радиосвязь, тут и наблюдение за кораблями всеми видами технических и иных средств. Прошел установленный с перестраховкой срок, не прибыл корабль в пункт назначения — исключай его из списков.

С парусниками было посложнее. Арифметический метод: количе-

ство тонн топлива разделить на количество дней — здесь не подходил. Парус автономен. Имей Колумб паровые суда уровня середины XIX века и используй только паровую машину — не видать бы ему Америки, как и Магеллану не обогнуть бы земной шар. Под парусом корабли могли плавать месяцы и годы, пополняя нехитрый запас продовольствия и пресной воды по пути следования.

Вот почему проследить судьбу судна в XIX веке труднее, и это справедливо и по отношению к «Опричнику».

Итак, «Опричник» не прибыл. Странно. Ведь никаких оснований для тревоги вначале не было. Ничто ни в его прошлом, ни в настоящем не предвещало катастрофы. Корабль был построен сравнительно недавно, в 1856 году, на старейшей судостроительной верфи России в Архангельске. Весной того же года заложили серию однотипных клиперов: «Джигит», «Стрелок», «Наездник», «Разбойник», «Пластун» с тактико-техническими данными, вполне отвечающими требованиям того времени и классу судна: водоизмещение — 615 тонн, длина около 50 метров, ширина более 9 метров, вооружение — 6 орудий. Корабли строились как винтовые. На них предполагалось поставить машины Ижорского завода мощностью 150 сил. (Для сравнения можно указать, что современный рейдовый катер водоизмещением двадцать тонн имеет двигатель такой же мощности и более.)

Малый запас угля позволял использовать машину только периодически: при входе и выходе судна из порта, штилях, в штормовых условиях. Основным движителем при трансокеанских переходах оставался парус. И на состояние парусного вооружения всегда обращали самое пристальное внимание.

14 июля 1856 года под руководством поручика Василевского строительство «Опричника» было закончено, и в ту же осень он пошел в Кронштадт.

На переходе 30 октября в районе мыса Нордкап клипер попал в жестокий шторм от норд-веста и выдержал его с честью. «Корабль соответствует своему назначению и способен бороться со всеми прихотями моря» — так был аттестован «Опричник» после этого перехода.

«Способен бороться со всеми прихотями моря...» Значит, погодных ограничений для данного класса и типа корабля не имелось. Например, об однотипном «Наезднике» в заключении комиссии говорилось: «Имеет хорошие морские качества. Спускался и приводился в крепкий ветер прекрасно, и не один всплеск не попадал на палубу, когда он переходил галфинд и крутой бакштаг. В полветра, при свежем ветре воды вливалось немного; редко и весьма ненадолго она превышала карлингсы». Далее в отзывах указывалось, что клиперы этого типа «очень устойчивые»: «Клипера свободно разрезают воду, не претерпевают ударов в носовую часть и на волнение всходят легко».

Как видим, характеристика отличная. Правда, она относится к более позднему времени, а пока же «Опричник» в Кронштадте. Идет

повседневная служба, с учениями, тревогами, стрельбами, выходами в море. Проверяется и осваивается машина.

Вскоре поступает распоряжение готовиться к длительному плаванию. Корабль будет находиться в отряде капитана 1-го ранга А. Попова, человека сурового и требовательного, в прошлом одного из помощников адмиралов П. Нахимова и В. Корнилова. Отметим, что Попов выведен в повести К. Станюковича «Вокруг света на «Коршуне»» под фамилией Корнева.

Словом, в скором будущем предстоит переход на Дальний Восток и боевая служба в Тихом океане. Тут и все виды обеспечения далекого Приморского края и американских владений России, связанных с центром только морским путем, тут и решение военно-дипломатических задач и охрана русского побережья, тут и постоянная готовность к ведению боевых действий в условиях оторванности от России, когда решение принимает сам командир корабля, тут и плавания от Камчатки до Сан-Франциско и от Шанхая до Гонолулу.

...24 июля 1858 года выдалось солнечным и маловетреным. «Опричник» под командованием капитан-лейтенанта Федоровского заранее вытянулся из гавани и стоял на Большом рейде в ожидании «добро» на выход. Отвалили последние шлюпки с провожающими, выбран якорь, задымила машина. Крепостные орудия отсалютовали «Опричнику», помахали платками провожающие. Разлука на целых три года... А корабль уже зажил походной жизнью. Заступили вахты, а подвахтенные все еще не уходили с палуб. Вот миновали траверз Толбухина маяка — западной оконечности острова Котлин. Финский залив встретил небольшой волной, стало чуть покачивать.

Переход на Тихий океан прошел вполне благополучно, служба там шла нормально. Посещали порты Японии, заходили в русские поселения Приморья, пересекали и Тихий океан. Уже два года как на корабле ни одного больного. Правда, одно ЧП все же случилось: 29 сентября 1859 года при следовании «Опричника» из Хаккодате (о. Хоккайдо) в Николаевск вахтенный начальник мичман Тихенгаузен, стоя на крыше рубки, стремительной волной был сброшен за борт. Матрос Титов немедленно оказал помощь: сбросил спасательный круг, быстро спустили шлюпку, но человека не обнаружили... Спустя неделю, 7 ноября, при возвращении в Хаккодате корабль попал в тайфун в Японском море. Ветер от зюйд-оста, барометр падает. К шести утра он показывал 740 мм. Командир корабля, определив, что судно находится в правом полукруге тайфуна, идущего на норд-вест, грамотным маневрированием ушел от встречи с центром тайфуна. Правила расхождения с тайфунами или вращающимися штормами, как их тогда называли, командиры знали твердо.

Несмотря на то что удалось избежать центра тайфуна, неправильное громадное волнение било клипер со всех сторон, он беспрерывно черпал всем подветренным бортом. Оказались поврежденными бомутлегарь, изорвало фор-стаксель. Но корабль сумел выдержать и этот весьма суровый экзамен.

Вскоре Федоровского отозвали в Россию для принятия фрегата, а командование «Опричником» принял опытный моряк капитан-лейтенант Селиванов. Служба продолжалась: вояжи в порты Японии, Китая, Николаевск, бури, штормы, штили...

Наконец 1861 год подошел к финишу. Вот и долгожданный приказ: возвратиться в Кронштадт. Идти самостоятельно. Командир и экипаж «Опричника» рассчитывали к весне будущего года быть дома. Перед отправлением в далекое плавание «Опричник» зашел в Шанхай. Там произвели необходимый ремонт такелажа и рангоута. Нашлись работы и по механической части: сделали ревизию котла, очистили его от соли, заменили 106 дымогарных трубок, проверили машину. Таким образом, предпоходная подготовка производилась весьма тщательно.

План перехода был прост: из Шанхая в Батавию, затем, как уже говорилось, «прыжок» через Индийский океан до южной оконечности Африки. Это самый длинный участок пути, в 5190 миль, который предстояло преодолеть без заходов. Далее, в зависимости от обстановки кратковременная стоянка в одном из портов Атлантического океана, а там... уже и дом видно!

В рапорте из Батавии, о котором уже упоминалось, Селиванов докладывал о готовности судна к переходу. Никаких сомнений в том, что «Опричник» не сможет выполнить задачи из-за состояния корабля, экипажа или по другим причинам, не было. Таково последнее донесение командира «Опричника». В Кронштадт корабль не прибыл. Он не прибыл ни в один порт.

В июне 1862 года, спустя семь месяцев, было наконец сделано распоряжение о розыске «Опричника». Из заграничных портов надеялись получить хотя бы отрывочные сведения о нем.

16 июля капитан 1-го ранга Шварц, находившийся в Англии, донес, что, по данным Ллойда, «Опричник» покинул Батавию 11 декабря (далее все даты по новому стилю. — *В. Д.*).

Консульства в Кейптауне и Австралии сообщить ничего не могли. Тогда Гидрографический департамент Морского министерства, непосредственно занимающийся розыском, обратился к русским официальным представителям — агентам, как их тогда называли, с просьбой собрать выписки из метеорологических журналов иностранных судов, которые могли в тот период находиться в районе предполагаемого курса «Опричника». Отсутствие прямых сведений попытались заменить подробным анализом или, выражаясь современным языком, смоделировать всю обстановку по району плавания.

Капитан-лейтенант Федоров, русский представитель в Голландии, проявив незаурядное упорство и настойчивость, сумел добыть выписки из судовых журналов девяти судов, проследовавших примерно в то же самое время от острова Ява до мыса Доброй Надежды. По полученным документам удалось воссоздать обстановку в Индийском океане, пусть не полно, но с определенной степенью достоверности. Удалось установить, в частности, что барк «Зваан» 25 декабря выдержал в Индийском океане ураган и при этом его команда

наблюдала судно, держащее курс прямо в центр вращающегося шторма!

Кроме того, из документов французского корвета «Лаплас», о котором уже упоминалось, явствовало следующее: «Русская канонерская лодка (т. е. клипер. — *В. Д.*) «Опричник» вышла из Батавии во вторник 10 декабря (по Ллойду, 11-го), а корвет «Лаплас» — 11-го. По выходе из Зондского пролива 12 декабря в 7 часов утра наблюдал «Опричника» под парусами. Зондский пролив прошли ночью и взяли курс на зюйд-вест 45°, и первый обсервованный пункт в полдень был в широте 7°53′ зюйд и долготе 101°20′ ост (от Парижа). Русское судно было вблизи и при этом держало ближе к северу, с тех пор его не видели».

Следовательно, исходная точка для анализа есть. За конечную точку Гидрографический департамент решил принять место «Зваана» на 25 декабря, указанное в донесении его капитана. Но прежде чем сообщить координаты этой точки, неплохо полистать судовой журнал «Зваана»:

«21 декабря ш-19°24′ зюйд, д-79°11′ ост, ветер ост-зюйд-ост 4—5 баллов, видимость хорошая. Наблюдается трехмачтовое судно, идущее одним курсом с «Звааном»...

25 декабря ш-22°8′ зюйд, д-68°23′ ост, ветер ост-норд-ост 10—11 баллов, море очень бурное, видимости нет. Я (капитан. — *В. Д.*) полагаю, что центр урагана от судна к весту. Я хочу заранее привестись к ветру и лежать правым галсом, чтобы ураган прошел западнее нас».

Что интересно в этой записи? Во-первых, что и 21 и 25 декабря наблюдалось какое-то трехмачтовое судно (клипер «Опричник» — трехмачтовый), во-вторых, грамотные действия капитана купеческого судна, сравнительно легко определившего положение корабля по отношению к урагану и принявшего верное решение по расхождению с его центром.

Непонятным представляется, почему капитан неопознанного судна шел на явное самоубийство в центр шторма? Если это был «Опричник», почему его командир, опытный моряк, поступил так опрометчиво? Ведь два года назад при встрече с тайфуном в Японском море командование действовало совершенно правильно. Сменили командира? Но Селиванов был грамотен не менее Федоровского, имел большой опыт плавания в восточных морях.

И снова выписка из судового журнала «Зваана»: «В полдень 25 декабря мы видели судно (барк), бегущее на фордевинд на вест-теньвест». Если перевести эту запись на современный язык, то неизвестное судно шло на запад, в центр урагана. Судно наблюдалось дважды, 21 и 25 декабря. Но было ли это одно и то же судно? Увы, точного ответа журнал не дает, по силуэту же можно и ошибиться.

Итак, примем, как и Гидрографический департамент, место «Зваана» на 25 декабря за конечную точку пути «Опричника» и измерим расстояние. Оно окажется равным 2250 милям. Следовательно, и за 13 суток (по Ллойду, за 12 суток), с 12 по 25 декабря, «Опричник»

должен был покрыть это расстояние. Суточный переход составил бы 172 мили со скоростью 7—8 узлов. Такое вполне допустимо.

Значит, «Опричник», и все ясно? Нет, пожалуй, не все. Во-первых, капитан-лейтенант Федоров просмотрел журналы еще восьми судов, находившихся примерно тогда в этом районе. Никаких указаний на ураган в них не обнаружено. Во-вторых, еще раз проанализируем скорость корабля. Сама по себе величина 7—8 узлов для серийного клипера далеко не предельная. Они ходили со скоростью и 10, и 11 узлов. Но заданной скоростью 7—8 узлов надо было идти две недели. Возможно ли это? Да, в общем возможно. Но при условии, что все время дует хороший, попутный, достаточно сильный, но не штормовой ветер.

А между тем именно в декабре в северной части Индийского океана наблюдаются муссоны с запада, которые могут задержать движение кораблей на двое-трое суток.

В качестве примера приведем данные об одном американском судне, которое расстояние в 180 миль от Зондского пролива до меридиана 100° прошло за 6 суток! Конечно, это не эталон, но пример показателен. Задержки случались.

Гидрографический департамент не ограничился анализом гидрометеообстановки. Специалисты проанализировали переход более ста американских и голландских судов на декабрь 1861 года. Удалось выяснить, что их суточный переход был меньше, чем у «Опричника», и составлял 138 миль.

Можно возразить, что «Опричник» — судно военное, для него скорость — это элемент боевой мощи; однако корабль шел со значительным грузом товаров, полученных на Камчатке, с полными запасами продовольствия, боеприпасов и т. п. Гидрографический департамент установил: только 14 судов из 124, прошедших Зондским проливом, способны были выдержать такой темп, чтобы оказаться в точке, указанной Звааном», через 13 суток.

Конечно, «Опричник» погиб. Но где и когда и каковы возможные причины его гибели? Может быть, пожар или взрыв? Такие примеры есть. Корабль этого же отряда клипер «Пластун» возвращался домой с Дальнего Востока. И 18 августа 1860 года в 17 час 8 мин в Балтийском море, т. е. «дома», взорвался и за несколько минут затонул. Шедшие рядом корабли спасли часть команды, но причина взрыва так и осталась неизвестной.

Неизвестно и то, что случилось с «Опричником». Корабль пропал без вести, и Морское министерство в 1862 году исключило его из списков. На корабле погибли: командир капитан-лейтенант Селиванов, старший офицер лейтенант Куприянов, лейтенанты Де-Ливрон и Суслов, мичман Карякин, корпуса флотских штурманов прапорщик Карякин, корпуса инженер-механиков прапорщик Иванов, врач Голомицкий. Унтер-офицеров 14 и 73 человека рядовых.

В память об «Опричнике» в Летнем саду Кронштадта стоит скромный каменный памятник, а в Приморском крае есть бухта Опричник, названная так в честь посещения ее погибшим клипером.

Е. Леонтьев

ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ С «ОПРИЧНИКОМ»?

(комментарий к очерку «Из списков исключить...»)

История морских катастроф знает немало кораблекрушений по самым различным причинам, начиная от навигационных ошибок и до так называемых непреодолимых сил природы, как числит их морская юридическая практика.

Подавляющее количество кораблекрушений происходило и происходит на глазах очевидцев, при свидетелях, что всегда облегчает анализ происшедшего и позволяет делать из него более или менее верные выводы.

Формула «пропал без вести» относится к случаям очень редким, и только к кораблям или судам, в силу неизвестных причин не пришедших в порт назначения и вообще никуда не пришедших (по современному морскому праву — в течение трех месяцев). Достаточно упомянуть, что в русском флоте с 1713 по 1862 год, т. е. к времени исчезновения клипера «Опричник», из 304 случаев кораблекрушений только два корабля считались пропавшими без вести: яхта «Миюс» на переходе из Херсона в Смирну в 1782 году и транспорт «Курил» в Беринговом море в 1850 году, а в английском флоте с 1793 года по 1870 год из 461 корабля — всего пять, т. е. примерно один процент!

В предлагаемом очерке автор подвергает сомнению анализ комиссии, расследовавшей причины «исчезновения» «Опричника», и выводы о возможной его гибели в урагане 25 декабря 1861 года. В самом деле, чем же можно объяснить гибель еще совсем не старого корабля, управляемого опытным командиром, с умелой и сплававшейся командой, с исправными такелажем и рангоутом, имевшем очень хорошие мореходные качества? Невольно возникают «сто тысяч почему?».

Ошибки навигационного характера, особенно при неблагоприятной погоде, часто приводят к кораблекрушениям, но гибель корабля, так сказать, «в чистом виде», только от морской стихии, случается значительно реже и, как правило, в условиях бурной погоды. При неравномерной и стремительной качке смещаются грузы, ломается рангоут, в результате сильного крена ураганная волна гуляет по палубе, вышибая люки и круша все на пути.

В итоге — потеря остойчивости, сотни тонн воды в корпусе и как печальное следствие — удар колокола в страховой компании Ллойда. Впрочем, это относится только к торговым судам, военные корабли не страхуются.

Какая же судьба постигла клипер «Опричник»? Для выяснения этого попробуем рассмотреть случившееся с палубы клипера, поскольку его гибель в океане несомненна и, следовательно, отпадают все причины, кроме стихийного бедствия.

Известно, что «Опричник» был хорошо подготовлен к океанскому плаванию. Неприспособленный для перевозки грузов корабль не мог, конечно, принять груз на верхнюю или жилую палубу, его достаточно плотно уложили в трюмах вместе с корабельными запасами. Значит, можно исключить смещение груза, который к тому же размещался ниже ватерлинии, а считать остойчивость клипера, даже при сильном вол-

нении, достаточной. Таким образом, можно предположить следующую весьма вероятную версию гибели «Опричника».

Мы знаем, что скорости ветра в тропических ураганах достигают 70 — 100 м / с (около 35—50 миль в час), а потому можем представить, какие разрушения производит такой ветер, с какой силой он давит на все, что «попадается ему под руку». Попав в ураган, «Опричник», вероятнее всего, уже не нес никаких парусов. Но даже «голый» рангоут с паутиной снастей имеет значительное сопротивление. Поэтому не исключено, что во время сильнейшего порыва клипер получил предельный динамический крен под ветер, был залит водой при сильном волнении и ушел на дно со всем экипажем. Так прочность парусного вооружения обратилась во вред кораблю.

Косвенно эту версию подтверждают два обстоятельства: во-первых, отсутствие каких-либо обломков «Опричника» (какие обломки, если он не был разбит ураганом, а потоплен им!), во-вторых, случай в 1857 году с 84-пушечным линейным кораблем Балтийского флота «Лефорт», который во время поворота через фордевинд, имея только марсели в 4 рифа, получил сильный шквал с большим креном на левый борт и в считанные минуты опрокинулся. Это случилось в Финском заливе. Что же говорить об Индийском океане!

Возможна, но маловероятна еще одна версия: встреча клипера с «волной-убийцей», явлением нечастым, которое встречается в юго-западной части Индийского океана. Такая суперволна способна сломать и потопить современное стальное крупнотоннажное судно, а не только миниатюрный (по нашим масштабам) деревянный парусник.*

Установить место гибели клипера, очевидно, нельзя. Но можно допустить, что 25 декабря со «Звеана» был виден именно «Опричник». Дело в том, что русские военные клиперы имели трехмачтовое парусное вооружение типа «барк», т. е. на фок- и грот-мачтах несли прямые паруса, а на бизань-мачте — косой парус. Это довольно резко отличало их от английских и американских торговых клиперов, ходивших этим же путем, но имевших на всех трех мачтах прямые паруса. Коммерческие же барки были гораздо тихоходнее клиперов, затрачивали на переход через океан больше времени и не могли считаться хорошими ходоками.

Что могло заставить командира «Опричника» пойти в центр урагана — неизвестно: то ли роковая ошибка в выборе курса на расхождение с ураганом, вызванная усталостью (такие ошибки случаются и в наше время), или другие причины — нам уже не узнать. Но даже если «Опричник» выскочил из урагана 25 декабря «сухим», то он мог погибнуть и несколько позже — с 24 декабря 1861 года по 8 января 1862 года его ждали на пути четыре зафиксированных судовыми документами урагана.

Итак, завесу таинственности, окружающую исчезновение клипера русского флота «Опричник», можно лишь приоткрыть, рассматривая немногие крупицы известных фактов и более или менее реальных предположений. Истинная же причина гибели корабля навсегда похоронена в океане.

---

* Такие волны возникают при наложении внезапно усилившегося юго-западного ветра на мертвую зыбь со стороны Антарктиды. При высоте 15—18 м они имеют очень крутой подветренный склон с глубокой впадиной. Судно «проваливается» и накрывается гребнем.

Игорь Подколзин

В МОРЕ «ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ»

ОЧЕРК

Море поблескивало, словно осыпанное рыбьей чешуей. Из него всплывало солнце, и под его лучами холодный ночной туман превращался в воду, которая ручейками сбегала по черным бортам.

28 апреля 1921 года пароход Добровольного флота «Кишинев» отвалил от причала мыса Эгершельд во Владивостоке, вышел в бухту Золотой Рог и взял курс на Чифу. В вахтенном журнале значилось: кроме сорока двух человек команды на судне находятся восемьдесят шесть пассажиров-китайцев, два американца и сорок семь компрадоров— своего рода десятников, ведающих перевозкой грузов и рабочих.

На траверзе маяка Муравьева-Амурского повернули в Японское море. Команда и пассажиры занимались своими делами.

К вечеру засвежел норд-ост. Зарябила неоглядная ширь. От берегов Японии покатилась крутая, в белых пенистых барашках волна. Закачало.

Расположившиеся было на палубе со своим немудреным скарбом пассажиры засуетились, начали спускаться в душную, глубокую яму трюма, где и разлеглись вповалку на настилах из шершавых, неструганых досок.

Когда стемнело, низкие, дымчато-тревожные тучи разразились ливнем. Длинные струи захлестали по желтым облупленным надстройкам, забарабанили по палубе. Густая сырость перевалила через комингсы люков и поползла туда, где, прикрытые чем попало, прижавшись друг к другу, лежали люди.

Глухие удары волн сотрясали корпус. В твиндеке скрипело, ухало и переливалось. Стонали страдающие морской болезнью. Кислый запах грязной одежды и человеческих тел заполнил все уголки темного помещения.

На рассвете ветер стих, прекратился дождь. Потеплело.

Старший помощник капитана Александр Бочек, светловолосый, молодой, больше напоминающий учителя, чем моряка, заканчивал составление судовых документов.

В дверь настойчиво постучали.

— Да, да! Входите!

В каюту ввалился судовой врач Киселев. Задыхаясь, взволнованно выпалил:

— Беда, Сан Палыч! Чер-те что творится!

— Дух переведите. Бежали, что ли?

— Э-э!.. Бежал, летел — какая разница! Беда, понимаете ли, на судне.

— Да что случилось? Успокойтесь.

— Успокоишься тут на веки вечные.

— Да что с вами? Садитесь. Выпейте воды. — Старпом придвинул к врачу графин.

— Значит, так, — осушив стакан, сказал Киселев. — Такое дело...

Утром врач совершал обычный санитарный обход. Он медленно поднялся по трапу, щелчком швырнул за борт окурок. Тут же боязливо огляделся, помянув недобрым словом никчемные, как он считал, флотские порядки, запрещавшие выбрасывать что-либо за борт.

Внимание его привлекли два человека, одетых в застиранные синие хлопчатобумажные куртки. Они пытались втащить в ватерклозет беспомощно повисшего на их плечах товарища. Киселев неторопливо приблизился.

— Пьяный? — спросил он, покачиваясь с носков на каблуки, заложив руки за спину. — А может, опиума накурился?

— Нет, капитана, нет, — затараторили китайцы, стреляя глазами по сторонам. — Укачался мало-мало. Рвет его. Задыхается.

— Чего же вы его трясете, ему покой нужен. Ну-ка!

Киселев протянул руку и за подбородок повернул голову мужчины. На почерневшем остроскулом лице резко выделялись мутные глаза. Нижнюю, закушенную до крови губу покрывала розоватая пена.

— Да он болен! Ну-ка, положите его.

Китайцы опустили человека на палубу. Лекпом пощупал пульс — его не было.

— Он без сознания. У него шок. Эй, вахтенные!

К Киселеву подбежали матросы.

— В лазарет. Живо. Помогите им.

Больного отнесли вниз и уложили на покрытую простыней кушетку. Он почти не дышал. Судороги в дугу сгибали тело. Спустя полчаса он умер. Врач, сверив симптомы, установил диагноз — легочная чума...

Киселев сидел, беспомощно опустив руки. По вискам из-под фуражки бежали тонкие струйки.

— Почему сразу не доложили?

— Сомневался. Шутка ли, такая напасть. А вдруг не то. Чума вообще вещь дрянная, а уж на море... — Врач безнадежно развел руками.

— Кто еще знает о случившемся?

— Никто вроде бы, — неуверенно протянул лекпом, — разве санитар? Хотя вряд ли он понял, но кто ведает...

— Пойдемте к капитану. Самое главное, чтобы паники не было.

Художник В.Родин

Но на маленьком судне трудно что-либо утаить. Переполох уже поднялся. Видно, сболтнул санитар с перепугу или из желания покрасоваться — дескать, вот мы с доктором что обнаружили. Страшная фраза «черная смерть» передавалась из уст в уста.

Труп и вещи умершего облили керосином и спустили за борт. Трюм продезинфицировали. Едко запахло карболкой. Капитан приказал изолировать приятеля чумного от прочих пассажиров и ежедневно проводить медицинское обследование.

«Кишинев» окутала напряженная настороженность.

Однако время шло, а ничего страшного не происходило.

Постепенно паника улеглась. Жизнь вошла в обычную колею. Карантинный китаец чувствовал себя превосходно. С аппетитом уплетал сдобренный сметаной флотский борщ, лукаво посмеивался, что-то напевая под нос. Считал — ему исключительно повезло: за те же гроши, что и товарищи, не ютится в вонючем трюме, а как господин расположился в чистой каюте, да еще и кормят бесплатно.

Транспорт миновал Цусимский пролив. Вошли в Желтое море и повернули на Чифу. О происшедшем почти забыли.

За обедом в кают-компании второй механик, о мнительности которого ходили анекдоты, расправляясь с отбивной, ворчал:

— Надо же. Выдают аттестаты медицинские всякому. А я еще к нему прошлым разом как к доктору обращался.

— Вы о ком? — приподняв голову от тарелки, спросил капитан Гросберг.

— О знахаре нашем. Тоже мне — врач медузий. Упившегося вусмерть «ходю» за чумного принял.

— Иногда ошибается и медицина. Лучше недосолить, чем пересолить. Вернее, я хотел сказать, что меры профилактики... — попробовал защититься доктор.

— А ты не ошибайся. Не пересаливай! — перебил механик. — Я, может, после такого места не нахожу, кусок в горло не лезет. А у меня жена, дети. Шутка ли — чума! За такие фокусы недолго и звания лишить.

— Ну, знаете! — обиделся лекпом. — В вас просто говорит недостаток общего развития. — Он вытер салфеткой рот и поднялся из-за стола.

— Смотри какой грамотный! — взъярился механик. — Развился-разрезвился! Раньше плавали без разных там врачей-докторов, и ничего, обходились.

— Не говорите глупостей! Как вам не стыдно! — одернул механика капитан.

В одиннадцать часов, когда до пункта назначения осталось совсем немного, грянул гром среди ясного неба — обнаружилась чума еще у одного пассажира. Он умирал. Его жалкие пожитки перенесли на палубу. Поставили охрану, чтобы никого не подпускала.

Капитан собрал офицеров судна.

— Мы приняли чрезвычайные меры, сообразуясь с возможностями, — сказал он. — Основное — не допустить распространения заболевания, локализовать его.

— Господи! Вода же кругом. Что делать-то? — второй механик всплескивал короткими ручками. — Как мухи, все концы отдадим. А у меня семья, детишки малые.

— А у других — котята? — вспылил штурман. — Заткнулись бы, слушать противно.

— И не слушай, — окрысился механик. — Сам заткнись. За прокладкой вон лучше следи.

— Тише, тише! — капитан постучал ладонью по столу. — Главное, дисциплина, никакой растерянности. Скоро придем в порт.

— Придешь тут, — сказал механик. — Рыбам на закуску.

— Прекратите! — Гросберг сдвинул мохнатые брови. — И вообще хватит болтать — отправляйтесь по своим местам.

Неожиданно дверь салона распахнулась.

— Китайцы! На охрану набросились! Больного отымают! Дерутся, — матрос перевел дух. — Зарезать грозятся. Много их.

— Всем на палубу! Быстро!

Капитан и офицеры, толкая друг друга, бросились к выходу.

Наверху компрадоры отмахивались андшпугами от наседавших. Толпа колыхалась, вопила, ругалась и бурлила, как на базаре. Несколько человек, вооруженных ножами, пытались напасть на компрадоров сзади. Поодаль, сгрудившись над обнаженным по пояс больным, стояли китайцы и дергали его за руки и за ноги, намеревались бритвой вскрыть вену.

— Что вы делаете?!
— Разойдись! Марш в трюм!
— Отнимите у них человека.

Моряки стали отпихивать «врачевателей». Началась свалка.

— Капитана! У него не чума. — Вперед выскочил длинный, худой китаец. — Вот он, — ткнул пальцем в благообразного старичка в черной островерхой шапочке, из-под которой торчала тощая, засаленная косичка, — наш лекарь. Он ему дурную кровь выльет.

— Мы вам выльем!— кричали матросы. — А ну, катись отседова!

Кое-как навели порядок. Китайцы, бормоча ругательства, нехотя отступили. Больной был без сознания.

После полудня «Кишинев» подходил к Чифу. Навстречу вырулил беленький катерок. На борту, похлопывая полированным стеком по коричневым крагам, облокотился о рубку карантинный врач-англичанин. Круглый, как колобок, одет в кремовый чесучовый костюм и белую панаму. Он запрокинул голову и, улыбаясь во весь рот, полный золотых зубов, прокричал капитану, которого знал еще по Владивостоку, где когда-то служил в той же должности:

— Как поживаете, кэп? С благополучным прибытием! — Он передвинул сигару в уголок рта. — Все ли здоровы? Как там Россия-матушка?

— Здравствуйте. Мне не до шуток, мистер Саймор, — ответил Гросберг. — На борту больной. Предполагаем чуму. Его следует незамедлительно эвакуировать в больницу. Прошу сделать это поскорее.

— У вас чу-у-ма? — сигара чуть не вывалилась из губ англичанина. — Вы серьезно, или это ваш большевистский юмор?

— Совершенно серьезно. Нам нужна срочная помощь.

Врач забарабанил стеком по крыше рубки и что-то сказал высунувшемуся оттуда рулевому. Затем повернулся к Гросбергу и крикнул:

— К причалам не швартоваться! Отойдите на рейд и встаньте на якорь. Я приму меры. Гуд бай!

Катер описал вокруг судна дугу, оставил в воздухе голубоватый дымок и полным ходом помчался к берегу. Бравый доктор будто сделался меньше. Несколько раз испуганно оглянулся. Выплюнул сигару и скрылся в рубке.

Пароход стал на рейде на якорь. Слух о происшествии, очевидно, уже распространился по порту — рыбачившие неподалеку джонки подняли бамбуковые паруса и опасливо отплыли подальше.

К вечеру свалился еще один китаец. Команду переместили в носовые помещения, а пассажиров — в корму. Твиндеки окурили серой. Судно окуталось едким запахом. Из порта сообщили: на следующий день заболевших переправят в город.

Рано утром оба больных умерли. Через час к «Кишиневу» снова приблизился катер. На нем, закутавшись в черный блестящий плащ,

стоял доктор. Куда девалась вся его жизнерадостность! Лицо до бровей закрывала марлевая маска. Приподняв ее край, он крикнул капитану:

— Передайте мне пассажиров-американцев!

— А остальные?

— Потерпят! Скоро пришлем гробы для умерших. Проведите дезинфекцию. К вам подниматься не буду, — добавил он, словно оправдываясь. — Начальство запретило, я у них единственный медик. В общем обходитесь своими силами.

— Трюмы мы обработали. Когда заберете остальных пассажиров?

— Возьмем, возьмем. Я веду переговоры с властями. Положитесь на меня, кэп.

— Неужели там не понимают, что́ грозит людям?

— Не знаю. Я доложил, думаю, скоро примут меры. Не лезьте на рожон, Гросберг, лучше себя берегите, чума не фунт изюма. Счастливо. — Англичанин помахал рукой.

— Трус и ничтожество, — сказал ему вдогонку Гросберг.

Раскаленное добела солнце припекало. Мрачная толпа китайцев вылезла наверх и грозно придвинулась к носовым надстройкам. Суровые, угрюмые лица. Плотно сжатые губы. Поблескивающие глаза.

Китаец-знахарь сложил руки рупором, прошепелявил:

— Капитана! Не уберешь мертвый люди, худо будет. Мы не хотим умирай!

— Прошу спуститься вниз и не мешать нам, — ответил Гросберг.

Его слова утонули в угрожающих криках. В руках у китайцев засверкали ножи. На мостик полетели бутылки и палки.

Капитан облокотился на поручни.

— Успокойтесь. Мы подвергаемся одинаковой опасности и делаем все возможное. Ступайте отдыхать. Не мешайте нам. Бочек, наведите порядок.

С большим трудом старшему помощнику и матросам удалось оттеснить взбунтовавшихся на ют. Наступила тягостная, повисшая на тонюсенькой ниточке тишина. Чуть задень — оборвется. Загрохочет вокруг, забурлит, покатится лавиной...

Снова появился катерок. Увидев англичанина, китайцы облепили борта. Перевесившись, размахивали руками, кланялись и умоляли о помощи.

— Сейчас подойдет баржа! — крикнул врач. — Перегрузите пассажиров, мы отправим их на остров Кентукки в пяти милях отсюда, пусть там посидят.

— Как быть с умершими? Вы представляете, что на такой жаре...

— Сообщу потом, — пообещал доктор.

В сумерках действительно пришлепала грязная и обшарпанная

баржа. Пассажиры по шторм-трапу перебрались на нее. Моряки снабдили их продовольствием, отдали и случайно оказавшиеся на судне палатки. Но к этому времени уже скончалось еще несколько человек. Трупы лежали там, где их застала смерть. Зрелищс было жуткое. В темных, узких коридорах и высоких, как залы, опустевших твиндеках чернели застывшие в разнообразных позах скрюченные тела.

Наступила ночь. Никто не сомкнул глаз. Когда засерело, подошел катер. Он остановился так далеко, что с большим трудом можно было расслышать голос доктора:

— Кэп! Команда должна убрать трупы сама!

— Но куда их деть? За борт?

— Ни в коем случае. Понесете строжайшую ответственность.

— Так куда же? Вокруг вода. — Гросберг вышел из себя. — Не по воздуху же.

— Сожгите в топках.

— Горловины узки, тело туда не пройдет.

— Разрубите на части.

— Что-о-о?

На борту возмущенно загудели.

— Не привередничайте. Это же не белые.

— Я категорически протестую. Это святотатство. У нас нет лекарств и дезинфицирующих средств. По международным законам вы обязаны оказать нам помощь. Я требую! Слышите, требую!

— Требую! — передразнил англичанин. — Не устраивает — ждите и не морочьте мне голову. Подумаешь, нежности. — Он пожал плечами. — Вам же добра желаю по старой дружбе.

Прошел день, вечер. Казалось, портовое начальство решило бросить «Кишинев» на произвол судьбы. Выжидает, когда экипаж справится с эпидемией сам или погибнет до единого человека. Ночь тянулась бесконечно. Никто не спал. По мостику нервно ходил капитан. От крыла до крыла. Вперед — назад. Звук шагов гулко отдавался по судну.

На востоке заалело. Из-за пустынного, расположенного к югу от Чифу островка Кентукки поднялось оранжевое солнце. Посапывая паром, от причала отвалил портовый буксиришка — доставил 11 гробов и немного извести. Доктор сообщил капитану:

— Уложите мертвецов в гробы, залейте раствором. Пришлем плашкоут, на него все перегрузите. Его отбуксируют в открытое море и сожгут вместе с грузом. Как и что делать — ваша забота.

— Дайте хотя бы карболки. У нас же ничего не осталось.

— Больше ничем помочь не могу, — англичанин развел руками. — Действуйте, кэп. Да хранит вас господь.

На полубаке выстроилась команда. Гросберг, держа руки за спиной, прошелся вдоль молчаливой шеренги. Остановился. Выпрямился, окинул людей взглядом и объявил:

— Нужны пять человек. — Помолчал, покусывая губы. — Будем

тянуть жребий. Все без исключения, я тоже. Кому достанется — пойдет на уборку. Согласны?

В ответ ни звука. Стало очень тихо. Лишь за кормой гомонили чайки.

— Не согласны, — прозвучало как выстрел. — Не согласны, Герман Мартынович! — Вперед шагнул Бочек, самый молодой офицер «Кишинева». — Никак не согласны.

— Интересно. — Гросберг нахмурился. — У вас другое предложение?

— Да, другое, если позволите.

— Говорите. У нас сейчас одна судьба. Давайте без чинов и рангов.

— Я предлагаю идти только добровольно. Никаких жребиев. Дело весьма серьезное, и его следует выполнить добросовестно, а не шаляй-валяй. Из-за малейшей небрежности или трусости могут погибнуть все. Я далек от подозрений, но всякое бывает, каждому дорога жизнь.

— Хорошо, — согласился Гросберг. — Но добровольцев возглавлю я.

— Нет, товарищ капитан. — Бочек повернулся к команде. Он был бледен, но голос звучал твердо:

— Капитаном рисковать нельзя. Он отвечает и за судно, и за каждого из нас. Кто со мной? Мне требуются четверо, и лишь добровольно. Подумайте, не торопитесь.

— Я пойду, — кочегар Лацит, белокурый и синеглазый, вытер паклей измазанные машинным маслом руки и шагнул из строя.

— И мы, и мы, — к старпому потянулись похожие, как близнецы, рулевые Соколов и Жильцов.

— Меня прихвати, Александр Палыч. — Стармех, седой гигант Лясин, «дед», как его звали на судне, прокосолапил и положил руку на плечо Бочеку. — Вместе, так всегда вместе, сынок.

— Спасибо. — Бочек обернулся к Гросбергу. — Вот теперь все как положено, Герман Мартынович.

Вид его, вся маленькая фигурка выражали такую решимость и уверенность, в словах была такая непреклонность, что строй подался вперед, будто хотел получше рассмотреть своего старпома.

— Я не разрешаю! — сказал вдруг Гросберг. — Я еще пока капитан и не позволю... — У него перехватило дыхание.

— Мы и не собираемся спрашивать у вас разрешения, Герман Мартынович, хотя вы действительно наш капитан. Но вы же сами сказали: без чинов и рангов. А посему не обижайтесь, мы идем одеваться. Пошли, ребята.

Пятерка смельчаков облачилась в длинные, до пят, сшитые из простыней халаты. Это убранство дополняли очки с респираторными масками, резиновые сапоги и брезентовые рукавицы. Сверху натянули коротенькие, как будто детские, пропитанные чем-то желтым накидки. Началась смертельно опасная работа.

Длинными железными крюками извлекали с первой и второй

палуб скрюченные и почерневшие тела. Укладывать их в гробы было трудно— мешали неестественные позы окоченевших трупов. Люди скользили в лужах хлорки и порой сами сваливались на тех, кого собирались отправить в последний путь. От раскаленной палубы струился удушливый зной. Из твиндеков тянуло тошнотворным густым смрадом.

На плашкоут прыгнул Лацит — принимать опускаемых на тросах умерших. Сделали уже половину этой адской работы, когда, поскользнувшись, кочегар не удержался и упал в воду.

— Алекс! Алекс! — Бочек бросился на помощь. — Держись!

Но лишь жирные разводы радужной пленкой расползлись по поверхности. Кочегар так и не вынырнул. Очевидно, падая, ударился головой обо что-то и потерял сознание, а тяжелая «амуниция» потянула на дно...

Погрузку закончили. Плашкоут отбуксировали в открытое море. Долго в сгустившейся ночи, отгоняя ее черноту, багровым факелом полыхал зловещий костер. С ужасом взирали моряки на это сатанинское зрелище.

Утро наступило чистое и розовое. Будто и не было никакой трагедии. Команда дезинфицировала и мыла транспорт. Четверо храбрецов, осунувшиеся и поседевшие, сидели на карантине в одиночных каютах. Проходя мимо, матросы замедляли шаги, говорили шепотом, прикладывая палец к губам, старались не шаркать по палубе. Все гадали — заболеют или пронесет.

Через пять дней власти разрешили «Кишиневу» покинуть Чифу и следовать на Родину. Правда, они не забыли прислать капитану счет на 1436 китайских долларов. В нем рядом с пунктами: за лечение, постели и одежду стояли поражающие каннибальским цинизмом слова: «За дрова и керосин для сожжения умерших...»

Юрий Юша

ДВА РАССКАЗА

Ту беременную акулу поймали на закате солнца. Оно окрасило багровым цветом нависшие над горизонтом облака, и огневые предзакатные блики играли в стеклах иллюминаторов исследовательского судна «Орион», дрейфовавшего в море Фиджи с научной аппаратурой за бортом.

Выловил акулу инженер экспедиции Владя Данилец, и на него сейчас с восхищением поглядывал Алексей Семейкин, практикант мореходки. А Данилец, коренастый, крепко скроенный и невозмутимый, широко расставив свои сильные ноги-тумбы, отдыхал в сторонке после борьбы с огромной рыбиной.

Кому же еще, как не ему, поймать эту трехметровую хищницу! Владю все знали как страстного рыболова. Каких только крючков Алексей у него не видел! И большие тунцеловные с яркими стеклянными глазками для привлечения рыбьего внимания, и маленькие заглотыши на ставриду, и тройные, как якорные кошки, крючья на корифену, и разноцветные японские кальмарницы, и, наконец, выкованные самим Данильцом большие акульи крючки на стальных тросиках с вертлюгами. Владя никогда не прозевает рыбалку. Лишь судно ляжет в дрейф для научных исследований — он уже на корме со своим заветным деревянным чемоданчиком, в котором аккуратно разложены всевозможные рыбацкие принадлежности. Откроет его — и чародействует, что-то нашептывая под нос, словно оракул. Несколько минут — и снасть готова.

И никогда Владя не оказывался, как говорят рыбаки, в пролове. То надергает на обед кальмаров всей команде, то вытащит красавицу золотую макрель, то подтянет к борту манту. Вот недавно Алексей наблюдал, как у него часа три ничего не ловилось, но Данилец упорствовал, менял снасти и все-таки изловчился — вытянул из морских глубин зубастую акулу.

А с акулами у Влади особый счет. Он рассказывал Семейкину, как однажды встретился с двумя под водой, нырнув за кораллом на барьерном рифе. И хотя они его не тронули, но Данилец столько страху натерпелся и наглотался воды с перепугу, что теперь не может не мстить им за пережитый ужас и унижение.

Владя всегда сам разделывал рыбу. Вот и сейчас, держа в левой руке сигарету, он орудовал острым широким ножом с наборной рукояткой, знакомым всему экипажу «Ориона». Акула была уже поделена. Плавники и хвост — на суп для любителей, зубастые челюсти Данилец великодушно даровал Алексею, чтобы тот сделал из них сувенир, а печень, как всегда, шла на жаркое с картошкой для заступающей в ночь вахты, в которой числился и сам Владя.

Но пока хищница была еще живая. Она временами упруго била хвостом и разевала треугольную пасть, такую белую снаружи и изнутри, будто она была выстлана ватманской бумагой. Глядя на акулу, поверженную, но не посрамленную, молодой моряк убеждался воочию, насколько эта прожорливая тварь может быть опасна в воде для незащищенного человека.

Всего час назад акула привычно плавала в своей стихии, и Алексей увидел ее, когда она, лениво шевеля плавниками, подплыла к тросу, на котором лебедкой поднимали драгу. Огромная тупорылая рыбина деловито обнюхала стальной канат, сделала широкий круг и ткнулась в канат мордой еще раз, как бы проверяя на прочность.

Это был прекрасный экземпляр акульей породы более трех метров длиной, с белесым старым шрамом на широкой тупой голове, напоминавшей большую совковую лопату. Хищница плавала около судна степенно и величаво, чувствуя себя полноправной хозяйкой и владычицей. Темная лоснящаяся спина, белое, как манишка, брюхо, которое акула показывала на крутых разворотах, и побелевшие, видимо, от старости кончики плавников, словно манжеты, выглядывавшие из рукавов, придавали ей вид затянутого во фрак джентльмена. Вокруг акулы, будто бравые матросы в тельняшках, увивались ее верные прислужники — три юркие полосатые рыбы-лоцмана. А неподалеку от этой живописной группы суетливо шныряли, словно бульварная шпана, несколько крикливо-ярких золотых макрелей. Низко над водой носился кругами, кося вниз то одним, то другим глазом, фрегат с могучими, косо изломанными крыльями. Это было обычное окружение матерой хищницы — прихлебатели, кормящиеся с ее стола.

Когда акула второй раз подплыла к туго натянутому тросу, идущему из четырехкилометровой глубины, Владя забросил крючок с насаженным на него кальмаром. Акула среагировала быстро. Приманка еще погружалась, когда в глубине мелькнуло белое брюхо прожорливой рыбины, и капроновый фал, оканчивающийся куском стального троса с крючком, натянулся. Данилец намотал фал на утку. Началась изнурительная для рыбы борьба. Алексей и еще один матрос встали рядом с Владей, готовые прийти ему на помощь.

Алексей невольно напрягся и раскраснелся от охватившего его волнения. Он и робел, и жалел акулу, и стеснялся этой своей робости и жалости, стараясь скрыть свои, как он считал, постыдные для него — рослого и сильного парня — переживания от товарищей.

Между тем Данилец действовал спокойно и со знанием дела. Он, стараясь избегать резких рывков, постепенно подтягивал мечущуюся рыбину к борту, подматывая фал на утку. Рыболов предусмотрительно сбрасывал несколько раз фал с утки, когда акула особенно энергично начинала бесноваться, но потом снова упорно укорачивал толстую капроновую леску. Наконец минут через двадцать рыба затихла. Тогда потребовалась помощь.

Алексей с приятелем — длинным и худым матросом Толей — подтянули акулу к борту настолько, что страшная, с немигающими

глазами голова ее более чем наполовину приподнялась из воды. Голова мощно, с придыханием хрипела, напомнив Алексею звуки горна деревенской кузницы.

И эти неуместные здесь, в океане, звуки, и широченная белесая пасть, со скрежетом кусающая стальной трос, были ужасны. Акулий рот и мощные челюсти, высекавшие из троса искры, поразили воображение молодого моряка. Никогда прежде он не видел и не представлял себе ничего подобного. Острые, как бритвы, треугольные зубы располагались на челюстях в семь рядов. Этих треугольничков Алексей насчитал потом во рту хищницы более двухсот.

Акульи зубы — это нечто особенное и ни с чем не сравнимое. Они располагаются на суставах и могут подниматься и опускаться, выдаваться вперед и западать, точно живут своей обособленной жизнью. Вся поражающая воображение акулья пасть чрезвычайно пластична. Упругие хитиновые челюсти могут изгибаться по всем направлениям. Благодаря этому акула может как бы вывернуть свой рот наизнанку, выставив вперед все свои зубы. Вот почему, на удивление китобоев, хищница шутя выгрызает в абсолютно гладком и твердом, как железо, боку кашалота чрезвычайно ровные, круглые лунки. Более совершенного и страшного для всего живого режущего инструмента Алексей и представить себе не мог.

Он с помощью Толи едва удерживал в метре от своего лица дергающуюся на леске акулью голову и рад был бы бросить ее, но боялся осуждения Данильца. А тот, не торопясь, как будто даже лениво и тем не менее точно и расчетливо опустил по натянутому струной фалу петлю-удавку, которая соскользнула по обтекаемой голове до передних плавников. Владя крепко затянул петлю под жаберными щелями. На этой удавке они втроем и вытянули хищницу на борт судна. Перевалившись через фальшборт, рыба гулко шлепнулась о палубу и затрепыхалась, изгибаясь стальной пружиной. Все, кто был вокруг, бросились врассыпную, с опаской поглядывая на акулу издали.

Жила она долго. Ее могучее, совершенных форм тело более часа не хотело расставаться с жизнью. Чувство страха в душе Алексея уступило место невольному восхищению. Трехметровый веретенообразный корпус огромной рыбины с каплевидной головой был плотно сбит, упруг и чрезвычайно подвижен. Извиваясь на жесткой деревянной палубе, акула била вертикальным, похожим на двухлопастное весло хвостом и загребала широкими ластовидными плавниками. Когда рыба затихла, Алексей осмелился провести по ней ладонью. Акулья кожа была жесткой и шершавой, словно наждачная бумага. Матрос вспомнил, что жители Океании используют ее для шлифовки своих деревянных идолов и ритуальных масок.

Акула была бы прекрасна, если бы не этот жуткий белый рот, не эти зеленоватые, под цвет океана, глаза, даже здесь, на палубе «Ориона», исполненные неукротимого чувства собственного превосходства над всем живущим.

— Акула, бытует мнение, за всю свою жизнь ни разу не останав-

Художник А. Жукова

ливается, — сказал Толя. — Если она перестает плыть, то камнем идет на дно и в конце концов задыхается. Ведь акула не как все рыбы — у нее нет плавательного пузыря и жаберной мускулатуры. Вода омывает ее жабры самотеком только при движении. Я читал об этом.

К беспомощно распластанной на палубе акуле подошел электрик Николай Петухов. В правой руке он держал пожарный багор с острым и длинным наконечником. Алексей недолюбливал электрика и смотрел сейчас на него неприязненно. Этот человек любил насмехаться над новичками на судне. Шутки его были грубы и злы. То он, как бы нечаянно, скамейкой под коленки ударит, то, подкравшись сзади, гаркнет над ухом какую-нибудь команду, то незаметно в суп перцу насыплет. Алексей подозревал, что и к акуле электрик подошел, чтобы поглумиться. Так оно и вышло. Петухов часто и беспорядочно втыкал в рыбу острие багра, выкрикивая:

— У-у, хищница! У-у, людоедка!

И вдруг акула, конвульсивно содрогаясь всем своим мощным телом, начала рожать. На мокрой и скользкой палубе появился один акуленок, потом второй, третий... Это были точные копии своей родительницы, только очень уменьшенные, в ладонь длиной. Акулята энергично извивались на деревянном палубном настиле, разлетаясь в разные стороны.

Алексею стало до слез жалко израненную, все еще живую рыбу и ее детенышей. Он схватил оцинкованную ванну, в которой ученые

промывали образцы пород, поднятые со дна, наполнил ее водой из пожарного рожка и стал собирать туда акулят. Их оказалось двадцать один. Заодно матрос отодрал от палубы и бросил в ванну трех черненьких рыбок-прилипал, которые путешествовали на боку акулы по морям-океанам, живя ее подачками. Акульи мальки беззаботно и жизнерадостно плавали в ванне, а прилипалы присосались к ее стенкам.

— Ой какие хорошенькие! — воскликнула буфетчица Таня, склонившись над ванной. — Давайте их выпустим.

— Ты что? Попадись ты им, когда подрастут, — они тебя пожалеют? — С этими словами электрик ловко выхватил одного акуленка из ванны и с размаху шлепнул его о палубу.

Малек дернулся и затих. Электрик наклонился за вторым. Однако Алексей неожиданно оттолкнул его и тихо, но решительно сказал:

— Не тронь!

Молодой матрос был на голову выше электрика и вид имел в этот момент грозный и неприступный. Электрик стушевался. Но тут же снова схватил выпавший из рук багор.

И тогда вмешался Данилец, который до этого времени молча наблюдал за происходящим и курил одну сигарету за другой. Он подошел к электрику и веско произнес:

— Не изгаляйся! Отойди!

Владя забрал у Петухова багор, ополоснул его в ванне и повесил на место, на пожарную доску у лебедки. Затем он, не торопясь, подошел к еще живой акуле со своим широким ножом на красивой наборной рукоятке и, тщательно примерившись, вонзил его в левый бок под плавник, нащупывая лезвием акулье сердце. И все увидели, когда Владя его нащупал: жизнь в акуле внезапно остановилась, как останавливаются часы, у которых лопнула пружина. Умело и аккуратно вырезав у огромной туши хвост, плавники, печень и челюсти, Владя деловито, по-хозяйски подошел к ванне с акулятами.

— Яблоко от яблони недалеко падает. Этих тоже надо к ногтю, — заявил он и опустил в ванну руку, чтобы поймать акуленка, но тут же резко выдернул ее из воды. С укушенного, словно разрезанного ножом, указательного пальца в ванну капала кровь. Учуяв ее, маленькие хищники заметались как бешеные.

— Ничего, сейчас откусаетесь у меня, — сказал Владя.

Он туго обмотал кровоточащий палец носовым платком и натянул на руку брезентовую рабочую рукавицу, которая акулятам была не по зубам. Вытащив из ванны малька, Данилец прижал его к палубе и резким взмахом ножа отсек голову.

И в это время на палубе появился начальник экспедиции.

— Опять акулу изловили, да еще с акулятами? — укоризненно обратился он к Данильцу. — Я же просил вас прекратить лов акул. Ведь в пищу мы их не употребляем. Это варварство — лишь ради печени губить таких совершенных животных.

— Но ведь они — хищники! Столько рыбы пожирают! И человека не пощадят — только попадись им, — возразил Данилец.

— А вы видели, как корифены плавают рядом с акулами и не боятся их? — интригующе спросил начальник экспедиции.

— Рыба — она рыба и есть. Глупая, потому и не боится. Но я сам видел, как акула гонялась за корифенами, — стоял на своем Владя, пытаясь достать из ванны очередного малька.

— Гонялась? Что ж, не спорю. Но вряд ли поймала. Все здоровые и сильные обитатели моря легко увертываются от акульих зубов, которые страшны лишь для ослабленных. Поедая больных и старых рыб, акулы выполняют тем самым роль морских санитаров.

— Ну а человека? Ведь эта тварь слопает любого.

— И тут вы не правы, Данилец. Море для человека не его стихия, он в ней не живет. Это во-первых. А во-вторых, акулы нападают на людей в исключительно редких случаях, и элементарные меры предосторожности полностью исключают для них перспективу быть укушенным акулой. Так что тут проблемы не существует.

В это время Данилец наконец-то нащупал в ванне акуленка. Но расправиться с ним не успел. Начальник экспедиции подошел к Владе вплотную и гневно сказал:

— Немедленно прекратите это свинство! Отпустите мальков!

Пользуясь замешательством Данильца, Алексей схватил ванну и выплеснул ее содержимое за борт. Затем оторвал от стенок прилипал и тоже выбросил в море. И на душе у него стало легко и весело. Молодой моряк с ликованием наблюдал, как акулята, оказавшись в родной стихии, бросились врассыпную и исчезли в глубине. А рыбки-прилипалы сразу метнулись к борту судна и прилепились к нему своими широкими присосками. «Теперь будут питаться отходами с нашего камбуза», — подумал Алексей, искренне радуясь такому исходу дела. И он уже по-другому посмотрел на Данильца, который стоял с недовольным и даже злым видом. Чтобы не сказать ему что-нибудь обидное, Алексей отвернулся.

Панцирь морской черепахи

«Орион» проводил гидро- и биологические изыскания среди атоллов и рифов Кораллового моря.

Тихий океан заштилел. Белое солнце выжимало последние капли смолы из нового дощатого настила палубы. Легкая просинь небес, казалось, спаялась с остекленевшей синью океана. Жара стояла удушающая.

В салоне капитанской каюты тихо и уютно ворковал кондиционер, обвевая благодатной прохладой разгоряченные лица участников экспедиции. Капитан собирал командиров: первого помощника, старпома, стармеха и начальника экспедиции с заместителем.

Последним явился на совет глава научного состава доктор биологических наук Вячеслав Иванович Гущин. Он был в шортах и расстегнутой до пояса влажной рубашке. Вытирая клетчатым платком свою крупную облысевшую голову, начальник экспедиции по-свойски спросил капитана:

— Ты что, Петрович, по поводу вчерашнего ЧП протрубил сбор?

— Совершенно верно, — отозвался наш капитан Казимир Петрович Красковский. — Иначе не назовешь как «чрезвычайное происшествие». Сейчас старпом обо всем доложит. Прошу, Николай Иванович.

— Вчера, в девятнадцать часов двадцать минут, — начал старпом, — боцман Деменок доложил мне, что, придя на стук и треск, раздававшиеся в коридоре нижних жилых помещений команды, увидел, как научный сотрудник Шевцов ломал дверной замок своей каюты, в которой закрылся его сосед по каюте старший электрик Курносов. Шевцов бил по двери топором, снятым с пожарной доски, и перебранивался с Курносовым, требуя впустить его. Боцман отобрал топор у научного сотрудника и приказал электрику открыть дверь. Войдя в каюту, Деменок увидел на столе пачку перевязанных шпагатом целлофановых пакетов. Курносов развязывал их и бросал пакеты по одному в открытый иллюминатор. Научный сотрудник Шевцов из-за спины боцмана схватил пакеты и убежал в лабораторию.

Я тотчас вызвал к себе обоих скандалистов, чтобы разобраться в обстоятельствах дела. Шевцов объяснил, что эти пакеты нужны ему для упаковки каких-то образцов, а Курносов сказал, что выбрасывал их, так как научный сотрудник захламлял ими каюту. Доложив о случившемся капитану, я по его приказанию расселил Шевцова с Курносовым, поменяв местами электрика с мотористом Будыто. Вот и все.

— Не понятно, — задумчиво произнес начальник экспедиции. — Для упаковки образцов у нас достаточно специальных контейнеров, заготовленных еще в институте. И все делается по инструкции.

— Мне тоже не ясно, — подхватил стармех, — зачем электрику нужно было развязывать пакеты, когда он мог их все сразу выбросить в море через иллюминатор. Поддразнивал, что ли, Шевцова? Я полагаю, что они повздорили из-за какого-то пустяка, возведя его в принцип.

— Мне кажется, стармех прав, — сказал заместитель начальника экспедиции, загорелый до черноты, высокий худощавый человек. — Пустяк мог послужить поводом для ссоры, а затем вступил в действие психологический фактор замкнутого пространства. Но сейчас меня интересует — что это за пакеты? Я занимался материально-технической подготовкой экспедиции и никаких целлофановых пакетов для образцов в рейс не брал.

— Это использованные пакеты из-под порционных фасованных продуктов, — пояснил старпом. — Буфетчица Ирина собирала их по просьбе Шевцова.

— Вот что, Николай Иванович, — обратился капитан к старпому, — что-то не разобрались вы толком, в чем суть. Ну-ка вызовите боцмана и буфетчицу.

Старпом включил общесудовую трансляционную установку.

— Боцману Деменку и буфетчице Синельниковой явиться в каюту капитана, — строгим голосом произнес он.

— Вот результат вашей затеи расселить по каютам вперемежку команду судна и научный состав экспедиции, — сказал заместитель начальника экспедиции, глядя на первого помощника капитана. — Да, да, Игорь Михайлович, разнородность занятий, интересов, психологическая несовместимость. Я предупреждал.

— Не говорите мне о какой-то надуманной психологической несовместимости, Олег Владимирович. Я в нее не верю. Интересы у нас, моряков и ученых, общие — итоги рейса. Этот инцидент еще ни о чем не говорит. Разберемся. Кстати, — не удержался первый помощник от соблазна подпустить шпильку начальнику экспедиции. — Вот вы, Вячеслав Иванович, давно обещаете прочитать для команды популярную научную лекцию о ваших работах и все никак не соберетесь. А морякам было бы весьма полезно послушать вас.

— Я категорически на стороне первого помощника, — вмешался капитан. — Давно уже — и не ваша экспедиция первая — мы практикуем для сплачивания всего коллектива совместное поселение. Польза такой меры доказана временем. Кроме того, это диктуется необходимостью оптимальной организации борьбы за живучесть судна и спасения людей в аварийных ситуациях.

— Я вполне согласен с вами, — поддержал капитана Гущин. — Мой заместитель несколько недопонимает сути дела. А лекцию обязательно прочту. Завтра же. И Олег Владимирович прочтет. И другие. В общем научпоп мы наладим. Это дело нашей чести.

Тут раздался негромкий, осторожный стук в дверь. На пороге появилась буфетчица Ирина Синельникова.

— Можно? — робко спросила она, смущаясь перед скоплением судового начальства.

— Пожалуйста, Ира, садитесь вот сюда, — приветливо указал ей на стул капитан.

Следом вошел боцман Деменок, которого на судне любовно называли Егорычем. Этот крупный, несколько располневший старый моряк с добрым славянским лицом тяжело дышал и на ходу застегивал пуговицы форменной куртки.

— Что там с дверью каюты? — обратился к нему Красковский. — Большое повреждение?

— Не очень, Казимир Петрович, — с готовностью ответил боцман. — Прямо с утра Николай, то есть плотник наш, отремонтировал, елка-палка. Облицовочный материал у нас нашелся. В общем дверь как новая, елка-палка.

— Хорошо, — сказал капитан. — У меня, Ирочка, к вам вопрос будет. Шевцов с Курносовым, говорят, повздорили из-за каких-то пакетов целлофановых, которые якобы вы им давали. Вы ничего нам не скажете по этому поводу?

— Ну, недели две назад Шевцов зашел на камбуз, когда я накрывала столы, и спросил, мол, бывают ли у нас целлофановые пакеты

из-под провизии и куда мы их деваем? Я сказала, что бывают из-под огурцов, овощного и мясного рагу, специй и что мы их выбрасываем в отходный бак, а потом за борт. Ну, Толя, то есть Шевцов, все расспрашивал, сколько этих пакетов набирается. Даже взял карандаш, бумажку и сел за стол, подсчитал. Шестьдесят—восемьдесят штук в день. И попросил, чтобы я пакеты собирала и ему отдавала. А мне жалко, что ли? Я и собирала. Даже мыла. А вчера Володька, то есть элсктрик Курносов, говорит, ты пакеты мне отдавай, а не Шевцову. А я говорю, дудки — Толя первый попросил. И вообще я терпеть не могу Курносова, придиристый такой, кого хочешь из терпения выведет.

— Надо же, из-за паршивых пакетов передраться, елка-палка, — не утерпел боцман. — Не верится что-то. Я думаю, из ревности, из-за тсбя, Ирочка, поцапались. Ты, елка-палка, Анатолию все глазки строишь, а Володька-то наш от тебя без ума. Всем известно.

— Скажете тоже! — покраснела Ирина. — Вовсе не из-за меня. И я так думаю, что не из-за пакетов даже. Многие говорят, пакеты совсем ни при чем, — многозначительно добавила буфетчица и замолчала.

— Это кто же говорит, Ирочка, если не секрет? И в чем, потвоему, суть дела? — спросил первый помощник капитана.

— Моторист Будыто говорит. Панцирь черепахи Шевцов с Курносовым не поделили. Вчера в конце дня плавали на шлюпке, поймали черепаху и потом потрошили ее на шлюпочной палубе. Чуть до драки не дошло. Спросите у Петра, у моториста Будыто то есть. Он видел.

— Ладно, Ирочка, — сказал капитан, — вы свободны. А вы, боцман, останьтесь. Стармех, вызовите Будыто.

— Он на вахте. — С этими словами старший механик подошел к столу и, сняв телефонную трубку, набрал номер. — Андрей, подмени Будыто у главного двигателя. Пусть он зайдет в каюту капитана.

— Послушайте, старпом, — сказал капитан, — до сих пор я смотрел сквозь пальцы, когда вахтенные штурманы, и вы в том числе, разрешали на шлюпке ловить черепах, но теперь, видимо, придется запретить это дело.

— Но, Казимир Петрович, — возразил старпом, — мы даем такое разрешение, когда судно в дрейфе и шлюпка под бортом для нужд биологов. Им разрешено собирать всякую живность. Опять же панцирь красивый и суп для команды...

— Я разрешил отлов нескольких черепах, так сказать, в интересах науки, — вмешался в разговор начальник экспедиции. — Но их препарирование находится у нас на уровне самодеятельности.

— При чем здесь наука, Вячеслав Иванович! — сказал с иронией старший механик. — Я скажу прямо. Черепаха — это редкая во всех отношениях, замечательная штука. Какой панцирь! Какой сувенир из Южных морсй! Я сам себе такой добыл. Сверху оливково-зеленый с белесым ободком по краю, а снизу желтоватый, под слоновую кость,

темнеющую к ластам. А какой черепаховый суп, братцы, я едал на острове Тофуа! Аборигены готовили по-своему, «кумаори» называется. Хотите расскажу, как это делается?

Никто не возражал. Все знали стармеха как знатока Южных морей Тихого океана, проплававшего здесь уже добрых два десятка лет, и мастера рассказывать о разных необыкновенных приключениях и экзотических вещах. И даже Гущин простил ему его иронию.

— Кумаори готовится в земляной печи, которая, как вам известно, в большой чести у местных жителей. Но печь делается не совсем обычно. Роются две ямы соответственно размерам черепахи — в тот раз попалась метра на полтора в диаметре. Так вот, одна яма узкая, другая широкая, и разделяются они тонкой перемычкой. В узкую яму ставится на ребро черепаха, а в широкой разводится огонь и раскаляются камни. Когда жару достаточно, перемычка рушится и черепаха валится спиной на раскаленные камни. Ее покрывают пальмовыми листьями и засыпают песком. Все садятся вокруг и ждут. Наступает момент, когда из-под песка начинает веять непередаваемым ароматом. Он все сильнее и сильнее, а аппетит все больше и больше.

Наконец яму вскрывают и нижнюю — теперь она сверху — часть панциря спиливают. Приступаешь к трапезе с дрожью в руках. Бульон — божественный, белое мясо тает во рту!

— Во излагает, елка-палка, аж слюнки текут! — не удержался боцман.

— И панцирь, и черепаховый суп — все это, конечно, замечательно, но к делу не относится, — резюмировал капитан и, обратившись к Гущину, попросил: — Сформулируйте, пожалуйста, почетче свое научное кредо в отношении черепах. Что это за изучение их на «уровне самодеятельности»? Если есть научная необходимость, будем добывать их и исследовать, как положено, регламентированно, в интересах дела, а не на суп и сувениры.

— Видите ли, Казимир Петрович, — осторожно начал начальник экспедиции, — дело в том, что с этим вопросом не все до конца ясно. Я хочу его вынести на заседание нашего ученого совета, которое состоится через два дня. А суть в том, что часто встречающиеся на нашем пути черепахи ведут себя необычно. Во-первых, черепахи из породы бисса — а это именно они — здесь не должны бы появляться. Они обитают в прибрежных водах на глубине до шести метров, где питаются в основном водорослями зостеры и талассии. Медузы и моллюски им служат лишь в качестве прикорма. Во-вторых, они не должны бы так легко даваться в руки. Несмотря на свою медлительность, биссы очень чутки и осторожны, они уходят на глубину и затаиваются при малейшей опасности.

Правда, черепахи совершают дальние миграции к местам кладки яиц, иногда до тысячи миль и более, и тогда их можно встретить далеко в открытом море. Но это случается не часто, и осторожности биссы отнюдь не теряют.

В общем явление, с которым мы встретились, требует проработки. А как вы знаете, Казимир Петрович, нашей научной программой

Художник А. Жукова

допускается внеплановое исследование необычных и неожиданных экологических ситуаций в океане. По нашему с вами усмотрению. Я думаю, на ученом совете мы и решим, заниматься нам черепашьей проблемой или нет.

— Хорошо, — согласился капитан, — а теперь вернемся к нашим баранам. Петр Игнатьевич, — обратился он к мотористу Будыто, который вошел в каюту несколько минут назад, — что вы нам можете сказать о вчерашней ссоре научного сотрудника Шевцова и старшего электрика Курносова? И присядьте, пожалуйста, вон на тот свободный стульчик.

— А что я могу сказать? Я стоял и смотрел, как Шевцов разделывал черепаху. Так это ловко у него получается. Длинным скальпелем вынимал через шейное отверстие в панцире внутренности и рассматривал. Я у борта стоял в сторонке, курил и, о чем Шевцов с Курносовым переговаривались, толком не разобрал. А потом на высоких нотах заспорили, тут я все слышал. Шевцов говорит: «Я тебе, как другу, о своем открытии рассказал, а ты, подлая душа, вон что надумал. Не сделаешь этого». А Курносов отвечает: «Сделаю! Нам еще два месяца в этом районе плавать. Мнс панцири нужны!» А Шевцов в ответ: «Не будет тебе панцирей, бессовестный ты человек. И этот тебе не отдам. Лучше вон Петру подарю». На меня, значит, показывает. А Володька-то Курносов за грудки Шевцова хватает, и в драку. Я вмешался, разнимаю. Курносов — бугай здоровый, раза в два поболе будет Шевцова. Схватил он панцирь — и ушел. Ничего с ним не поделаешь.

До панцирей он очень охоч. В вентиляционной шахтс уже семь штук припрятал. Там и место укромное, и воздухом их протягивает, подсушивает. Ребята говорят, зачем тебе столько, хоть бы поделился по-братски. Куда там, самому, говорит, нужны на сувениры.

— Ну я покажу ему панцири! — воскликнул старпом.

— И от работы стал отлынивать, — сокрушенно сказал стармех, — чуть какая остановка, так Курносов сразу на верхний мостик, все в море черепах высматривает. Пора его приструнить.

— С Курносовым все ясно, а с Шевцовым не совсем, — подвел итог капитан. — Ну-ка, старпом, вызовите обоих.

— Ну, Курносов, елка-палка, проявил себя, — сказал боцман. — Я и раньше замечал за ним рваческие замашки: в Сингапуре жевательной резинки накупил сверх всякой меры, ребятам рассовывал, чтобы таможенный досмотр пройти. Теперь вот панцири, елка-палка, ни у кого нет, а у него, глядь, целая партия.

— А что же Шевцов? — задумчиво задал риторический вопрос начальник экспедиции. — Он толковый и добросовестный научный работник. Видать, натолкнулся на какую-то проблему с этими злополучными черепахами.

— Ну, с Шевцовым вы разберетесь сами, как-никак он ваш подчиненный, — сказал капитан и обернулся к первому помощнику. — А вот Курносова, Игорь Михайлович, мы упустили. Семь панцирей успел припрятать! И почему я только сейчас узнаю про эти

сверхнормативные закупки жевательной резинки? А, Игорь Михайлович?

— Все поставим на свои места, Казимир Петрович, — заверил первый помощник. — Подключим общественность, комсомольцев...

Один за другим в каюту вошли Шевцов и Курносов. Широкоплечий, чернобровый и краснощекий старший электрик был спокоен и самоуверен. Шевцов волновался и нетерпеливо порывался начать разговор:

— Я должен объяснить все по порядку...

— Ну что ж, объясняйте, коль вам не терпится, — согласился капитан. — Но я вам подкину первый вопрос в качестве ориентира вашего повествования. Что это за пакеты вы собирали в своей каюте и в чем суть ваших разногласий с Курносовым?

— Начну с самого начала. Я, так сказать, обратил внимание на необычное поведение и, так сказать, физическое состояние черепах местной породы бисса.

— А нельзя ли прямо, конкретно ответить на вопрос? — поморщился капитан, многозначительно поглядывая на часы.

— Нет. Прошу меня выслушать, так как все, о чем я буду говорить, так сказать, взаимосвязано.

— Ну, ладно, валяйте.

— Так вот, биссы нам попадались какие-то больные, так сказать, полудохлые. Я их вскрывал и тщательно обследовал внутренние органы. Ничего особенного, все в норме. Девять черепах изучил. И вдруг меня осенило. Я обратил внимание на одну деталь, которой раньше, так сказать, не придавал значения. В содержимом желудков всех вскрытых девяти животных были комочки целлофановых пакетов. Они, так сказать, как внутренние панцири, перекрывали желудочные пилорусы, и черепахи гибли от непроходимости пищеварительного тракта. А глотают черепахи целлофан весьма охотно, принимая его, так сказать, за плавающих медуз, которые служат им излюбленным лакомством. Я подсчитал, что только на нашем судне в день, так сказать, выбрасывается за борт шестьдесят — восемьдесят пакетов. Стал их собирать, чтобы выбросить, так сказать, в мусорницу на берегу.

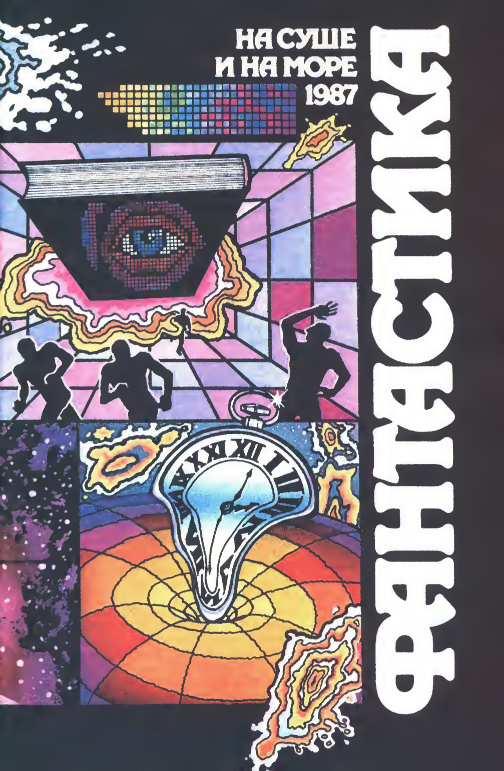
— А Курносов, значит, решил на этом деле поживиться, елка-палка, — догадался боцман.

— Ты вот что, Шевцов, — сказал начальник экспедиции, — ты срочно составь мне короткую научно обоснованную записку об этих своих исследованиях. Мы эту проблему поставим в ЮНЕСКО.

— Сукин ты сын, Володька! — возмутился боцман. — Люди благородное дело затевают, а ты... ты, елка-палка, позоришь нашу команду. Вот тебе мой сказ: принесешь панцири ко мне в такелажку. Все до единого, понял? Отдадим их нашей подшефной школе и в краеведческий музей.

— Принесу, Егорыч! — ответил весь красный Курносов. — Ну их к богу в рай эти панцири...

НА СУШЕ
И НА МОРЕ
1987
ФАНТАСТИКА

ФАНТАСТИКА

Борис Рахманин	**ПИСЬМО**
Сергей Павлов	**АМАЗОНИЯ, ЯРДАНГ ВОСТОЧНЫЙ**
Сергей Смирнов	**ДЕНЬ СЛЕПОГО ВОЖАКА**
Алан Нурс	**СХВАТИ ТИГРА ЗА ХВОСТ**
Роальд Дал	**МЕСТЬ ЗЛЕЙШИМ ВРАГАМ**

Борис Рахманин

ПИСЬМО

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Где-то на нашей Земле, а может, не на Земле — на другой, специально оборудованной для этого планете живет старенький, со взлохмаченными седыми космами Почтмейстер. Неважно — где он живет, важно — когда он живет, ибо в том-то и смысл его существования, что ему доступны и прошлое, и будущее. О настоящем заботиться ему не надо, настоящим временем, сегодняшним, нынешним, или, как говорят, текущим, ведают обычные почтальоны. Вам необходимо, например, послать письмо другу-современнику. Напишите и бросьте его в синий почтовый ящик. Через несколько дней оно будет доставлено по указанному на конверте адресу. Ваш друг нетерпеливо разорвет конверт и улыбнется, узнав, что вы живы и здоровы, чего и ему желаете.

Но что делать, если вам вздумалось написать в прошлое, в самое начало века, в 1914 год, скажем, чтобы поздравить с днем ангела бабушку, которой в то время было только десять лет? Никто, никто не прислал ей в этот день в сиротский дом на берегу Волги доброе слово. Некому это было сделать. А вы, человек, которому исполнилось десять в конце века, догадались об этом и страстно захотели ее обрадовать. И пишете ей письмо. Не сомневайтесь, оно обязательно дойдет. Напишите на конверте: «В прошлое» — и опустите в тот же синий почтовый ящик. Письма с такими адресами: «В прошлое», «В будущее» — поступают к Почтмейстеру, а уж он знает способ доставки их по назначению. Не сомневайтесь — есть такой Почтмейстер. А если бы его и не было, то следовало бы такую должность учредить и подыскать для нее соответствующую кандидатуру. Собственно говоря, именно так в свое время и поступили. Несколько лет состоял на этой должности африканец Боббу Симон, самый длинноногий почтальон на земном шаре. Он так белозубо улыбался, вручая письма и газеты, что невольно начинали улыбаться и те, кто их получал. Хоть письма были не всегда приятными. А газеты... Газеты — это листва, опадающая с дерева жизни. Пока кружатся — еще несут что-то, полны свежих воспоминаний об уходящем дне, а легли на асфальт — и точка, плоские тени прошлого, отживших, полузабытых ситуаций. Боббу Симон вышел в отставку. Где-то он сейчас? Жив ли? Улыбается ли еще? Из числа наиболее старательных почтальонов планеты был избран и назначен Почтмейстером Франсуа Фуке. Тот, что изобрел систему почтовых ящиков с номерами квартир в подъезде. До него почтальонам всего мира приходилось разносить письма и газеты по этажам, подниматься по лестницам и в лифтах. Представляете, сколько времени тратилось,

как болели у бедных почтальонов ноги? А теперь во всем мире введена система ящиков внизу. Вы спускаетесь утром, отпираете свой ящик ключом, забираете почту и, поднимаясь в лифте, уже читаете. Просто и гениально. Ушел от нас и Франсуа Фуке. Не в отставку, нет. Прошептал: «адью!» — и... Таскает сейчас тяжелую сумку с почтой в лучшем из миров. На этот раз назначен был Почтмейстером Гавриил Васильевич Петухов. О нем-то и пойдет речь. Гавриил Васильевич тоже по-своему был человеком популярным. Помните? «Кто стучится в дверь ко мне с толстой сумкой на ремне? Это он, это он — ленинградский почтальон». Как видите, даже стихами был он воспет, скромный труженик на поприще доставки корреспонденции. Из стихов можно сделать вывод, что почтальоном он служил еще в те времена, когда нужно было стучаться в каждую дверь.

Все основания имелись у Петухова, чтобы стать Почтмейстером. Синклит, определяющий достоинства каждой кандидатуры на этот пост, ни секунды не колебался. Ведь Петухов разносил почту и в осажденном Ленинграде. Брел по сугробам, из которых порой торчала чья-то грозящая пальцем застывшая рука; тащил за собой санки, нагруженные сумкой с письмами. О-хо-хо, вряд ли даже белозубый Боббу Симон смог бы вызвать хоть какое-то подобие улыбки у людей, долго не открывавших на настойчивый стук почтальона дверь. Да и сам Боббу Симон — смог бы он улыбаться в продутом февральскими ветрами, холодном и голодном городе на Неве? Смог бы он улыбаться, вручая закутанным в разные тряпки, в одеяла больным людям извещения о сложивших голову сыновьях? Отпрыск Петухова — Георгий, Гоша — тоже был в то время на передовой, где-то не очень далеко от дома. Но писем не слал. Не слал... Всеми силами сопротивлялся рассудок Гавриила Васильевича страшной тревоге. А вот супруга его Тамара, та наоборот... Она была мужественнее его, теперь-то он это понимает. «Только бы без вести не пропал, — говорила она угрюмо, — этого я не перенесу. Если уж суждено Гоше погибнуть — так на глазах товарищей, в бою. Чтоб все знали, где его могила, куда прийти поклониться ему, принести астры». Петухов сердился: «Что ты, ей-богу, несешь? Поклониться, астры... Наш мальчик воюет, ему не до писем». «Только бы без вести не пропал, — повторяла она, словно в забытьи, — он человек, солдат, сын мой, кровь и плоть моя, как же это — без вести? Как снег растаял? Как лепесток осыпавшийся истлел?» Да, Тамара была мужественнее его. Надо же, ведь женщина, мать, а... Сам-то он, Петухов, точному, не подлежащему сомнению факту, похоронке, заверенной ротным писарем, предпочитал эту неопределенность. Она давала ему хоть какую-то надежду, отдаляла возможную трагедию. «Нет, нет, просто ему не до эпистолярного жанра сейчас, не до писем Гоше... Огонь, смерть кругом...»

К тому же, если быть точным, не только траурными извещениями была набита сумка Петухова-старшего. Несмотря ни на что, люди писали друг другу о том, о сем, беспокоились о здоровье, сообщали

новости: «Были на премьере очень веселой оперетты о моряках-балтийцах...»; «Ходили в пятницу к Неве, по воду. Бомбы пробили во многих местах лед, хорошо, не нужно долбить проруби...»; «Слышали по радио сообщение об отважном летчике Александре Бессонове. Неужели — ваш Саша? Поздравляем!..» Были и другие письма. Кому-то предлагали срочно явиться на призывной пункт, имея при себе кружку, ложку, полотенце и смену белья; кого-то просили немедленно вернуть в библиотеку задержанный сверх положенного срока второй том А. С. Пушкина. Но больше — что поделаешь? — было присланных с передовой одинаковых скорбных пакетов. И всякий раз, получив в почтовом отделении, в бюро доставки толстенькую пачку этих пакетов, Петухов, быстро-быстро, судорожно сдерживая дыхание, просматривал адреса на них, нет ли знакомого, его собственного адреса. Нет! Ну и слава богу! Ну и... Радость эта казалась нечистой, украденной у кого-то, кто-то другой, значит, получил вместо него бумагу с черной траурной каймой по краю. Не выдерживая иной раз жестокого напряжения этих минут, Гавриил Васильевич опускался на пол, на землю, где стоял, — ноги подкашивались — и громко, навзрыд плакал. Медленно шли мимо него люди, поглядывали, вздыхали, не спрашивали, что случилось. Мало ли чего не случалось в ту пору! Что бы ни случилось — не удивишь.

Однажды, вернувшись домой с работы, жены он не застал. То есть она была, но... Заострившийся, неподвижный, будто вырезанный из бумаги профиль жены на фоне темного ковра показался таким бесплотным. «Тамара! Тома!..» Опоздал!..

Шли дни, он разносил почту. Долго не знал, что волосы у него стали совсем белые. В зеркало долго не гляделся. Кстати говоря, впоследствии, когда обсуждалась его кандидатура на пост Почтмейстера, седина его тоже сыграла свою роль. Кто-то из синклита, самый молодой, перечисляя его достоинства, добавил: «Учтите и седину, придающую нашему кандидату весьма благообразный, почтенный вид. Он же вылитый Хронос! Это, знаете ли, производит...» Гавриила Васильевича долго, как школьника, подвергали в тот день перекрестной экзаменации. Вот некоторые из великого множества вопросов:

— Имеет ли право Почтмейстер написать и вручить или передать через кого-то письмо самому себе, своим родственникам или друзьям, живущим в прошлом или в будущем?

— Нет, — опустил он седую голову, — это главное условие работы Почтмейстера, пункт первый. Все прочие люди могут, а Почтмейстер...

— А почему? Знаете?

— Знаю... Вооруженный возможностью проникать в любое время... То есть... Короче, любое использование им своего долга в личных целях может пагубно отразиться на действительности, нарушить причинность происходящего...

Они переглянулись. Помолчали.

— Вы могли написать своей жене, своему сыну раньше, при Франсуа Фуке, — сочувственно сказал самый молодой, — почему вы этого не сделали?

Гавриил Васильевич не ответил. Лишилось бы смысла избрание его Почтмейстером, если бы ответил.

— Я — за! — порывисто поднял вдруг руку самый молодой. Подняли руки и остальные. Один, правда, воздержался. «Есть основания опасаться, что Петухов нарушит пункт первый...»

Утром, чуть свет, Почтмейстер просыпается. «Будут ли поступления? — первое, о чем думает он, еще не раскрыв глаза. — Надеюсь, будут». Письма, которые люди разных веков шлют друг другу, Почтмейстер в каком-то смысле считает адресованными и себе. Ведь для того, чтобы узнать, кому, в какое время они посланы, Почтмейстеру ничего другого не остается, как прочесть их. Почтмейстер — это Время в образе человека. А для Времени секретов нет. Почтмейстер радуется вместе с теми, кто радуется, и огорчается ничуть не меньше, чем те, кто делится с друзьями и родственниками своими нерешенными проблемами. Некоторых авторов он уже узнает по почерку, с волнением и сочувствием следит, например, за перепиской влюбленных, которые разделены восемью столетиями, но остаются тем не менее верными друг другу. Не сочтите, что пустое любопытство движет старенькимПочтмейстером, что любит совать нос не в свои дела. Ему можно. Умывшись и слегка пригладив щеткой взлохмаченные седые космы, он немедленно включает телевизор — утренняя программа «Новостей» дает массу информации! — и, шаркая шлепанцами, спешит к двери, выходит на крыльцо. Так и есть! Его уже дожидается объемистый бумажный мешок. Почтмейстер тащит его внутрь. Ого, тяжеленький, не сглазить! Телевизор тем временем уже согрелся, ощутив живительный ток электрической энергии, и, погудев чуточку, заголубел, заполыхал. Убрав звук — все происходящее на экране и без того понятно, — Петухов вскрывает мешок ножницами, и на стол высыпается груда разноцветных и разномастных конвертов, какой-то металлический цилиндр, свиток березовой коры... Поглядывая на экран, Почтмейстер сортирует конверты на две стопки: в прошлое и в будущее. Свиток бересты и цилиндр он откладывает в сторону. Потом, когда Почтмейстер ознакомится с содержанием писем, он рассортирует их еще раз, теперь уже на несколько стопок, — по векам, годам, месяцам, дням. Но сперва следует позавтракать. Он готовит себе яйцо всмятку и кофе. Завтракает он на кухне, а в раскрытую дверь виден кабинет — телевизор, стол, а на столе две стопки писем. Та, что в прошлое, всегда повыше. Прошлое — было. Там остались конкретные люди, корни остались, потому мы и связаны с ними больше. А будущего, как ни крути, еще не было, оно мечта. Не каждый достаточно четко представляет себе, что это такое. Но пишут, пишут. Вон какая стопка возвышается. Может, на десяток всего писем меньше, чем в прошлое. Соотношение вполне нормальное. «Почитаем, почитаем, — предвкушая радость общения с густо исписанными листками,

улыбается Почтмейстер, — интересно, нет ли каких-нибудь вестей об экспедиции Христофора Колумба, три каравеллы которого — «Санта Мария», «Пинта» и «Нинья» — в поисках кратчайшего пути в Индию должны вот-вот открыть новую часть света? А что интересного пишет своему молодому коллеге почтенный профессор Суходол? Уже в преклонном возрасте, почти восьмидесятилетний, он написал как-то себе самому, молодому, сообщил, что в расчет момента количества движения микрочастицы, обусловленного ее движением в сферически симметричном силовом поле, вкралась ошибка. Нужно изменить соотношение. Младший научный сотрудник Суходол ошибку исправил и написал профессору в будущее, что весьма благодарен ему за помощь. Завязалась переписка. Старый Суходол предложил молодому одну весьма любопытную задачу. Тот ее принял. «Справился ли парень? — прихлебывая чай, гадал Почтмейстер. — Надеюсь, что да. Вообще-то, — думал он, — такой метод научного сотрудничества очень перспективен. У Суходола-профессора — опыт; рука, как говорится, набита, накопился и систематизирован большущий материал, а у Суходола — младшего научного сотрудника — мозг, способный на озарения, молодой острый ум, дар, смелость...»

Завтрак окончен. Пощелкав блестящими ножницами, Почтмейстер берет первый конверт. Силуэт дилижанса с четверкой лошадей. Адрес: «В прошлое» написан по-английски. Но Почтмейстер знает все языки мира, древние и новейшие, мертвые и живые. Он бегло читает клинопись, без словаря разбирается в эсперанто. «В прошлое?..» Гм... Нет, это письмо, — чувствую, — может чуть-чуть подождать. А вот это... Адрес: «В будущее». Почтмейстер осторожно разворачивает свиток бересты. Какой он хрупкий, чуть сожми — и рассыплется в прах. Осторожно, осторожно... Так, так, так! Едва заметные царапины на бересте, старославянские буквы. Так, так, так! «Я, раб божий Олскса, — шевеля губами, переводит Почтмейстер, — посылаю сию берестяную весть сыну своему Ондрею, чтоб прочел ее, когда исполнится ему пятнадцать лет. А коли не сможет прочесть, коли темным вырастет — стыд и срам. Стыдно мне будет, отцу его. Помни, сын, завет отцовский. Знай грамоте!»

«Вот она, необратимая тяга к свету, — качает белой головой Почтмейстер, — что было бы с родом славянским, не выполни Ондрей завета? А он, судя по всему, выполнил. Бересту эту Ондрею вручу в собственные руки, пусть вслух прочтет, приятно будет послушать», — решает Петухов. «Ну, что там у нас дальше?» — он берется за металлический цилиндр, но в этот момент вниманием его полностью овладевает телевизор. Что-то весьма интересное возникло на экране, кажется имеющее непосредственное отношение к его работе. А вот и диктор на первом плане появился. Почтмейстер торопливо повертел колесиком, усиливая звук.

«Огромное пространство Певческого поля, — сыплет скороговоркой диктор, — заполнено десятками тысяч людей. Здесь и пожилые, и юноши, и дети. Они будут петь. От всей, как говорится, души,

от всего сердца затянут они все вместе песню, которая как бы адресована в прошлое...»

«Понятно, — кивает головой Почтмейстер, — в прошлое. Но почему же «как бы»? Ох уж эти мне дикторы, эти репортеры!..» — а сам торопливо достает с полки небольшой служебный магнитофон. «Начали, поют!» Будто усиливающийся с каждым мгновением рокот океанского прибоя, зазвучали голоса тысяч и тысяч людей.

Пусть в день минувший, где земля в огне горит,
Вот эта песня через время долетит...

Подавив вздох, старый Петухов кивает лохматой головой. «И никаких таких «как бы», — думает он, следя за движением магнитофонной пленки, — именно туда, в сорок первый...»

Тогда солдат за миг до смерти, может быть,
Узнать успеет, что он вечно будет жить...

«Понятно, все понятно, — кивает седой головой Почтмейстер, — за миг, значит, до смерти? Что ж...»

А многотысячный хор между тем звучит над неоглядным Певческим полем, достигая небес, и — удивительно! — каждый из многих тысяч голосов людских, сливаясь один с другим, тем не менее явственно различим. Да, да! Вот детский, чуть картавый голосок, вот надтреснутый, старческий, вот исполненный резковатой мужественности басок молодого человека...

Чернеют в поле свежей пахоты пласты.
Ты жив, солдат, сбылись твои мечты...

Вот уж и Почтмейстер, пытаясь предугадать слова, предуловить мелодию, тоже включился в песню.

Зажегся вновь былой огонь в твоей крови.
Солдат, ты слышишь? Встань! Встань и живи!..

...Давно мелькают на экране кадры другого сюжета: обгоняя друг друга, мчатся по шоссе велосипедисты. А Почтмейстер, забыв обо всем, невидяще уставился в замерший магнитофон. Спохватился вдруг, захлопотал, снова к металлическому цилиндру потянулся. Ну-ка... Ан нет — и на этот раз его отвлекли. Задергался вдруг, залился нетерпеливым звоном колокольчик, висящий на входной двери. Старик ищет шлепанцы, находит их под столом, спешит открыть. Это посыльный с Главпочтамта, робот, похожий на стиральную машину.

— Извините, Почтмейстер. Не знаем, как быть. Необычный случай. К нам поступила телеграмма.

— Так! Так! Так! — Гавриил Васильевич водит носом по приклеенным к бланку бумажным полоскам с японскими иероглифами. Адресовано в 1945 год. «Дорогая Агати умоляю тебя немед-

ленно уезжай вместе дочуркой из города не ближе ста километров предупреди смертельной опасности друзей родственников всех жителей Хиросимы молю богиню солнца Аматерасу надежде что эта телеграмма успеет вовремя любящий тебя муж».

— Неужели успеете? — взволнованно мигает разноцветными лампочками своих датчиков добросердечный робот. — Хиросима... Ведь это произошло так давно!

— Надо успеть, — говорит Почтмейстер. — Нельзя не успеть.

Пугая велосипедным звонком встречных собак, укатил на своих колесиках робот. Почтмейстер возвращается к столу, снова принимается за письма, но не тут-то было. На этот раз от работы его отвлек севший на подоконник раскрытого в сад окна почтовый голубь. В клюве у него пергамент, перевязанный ленточкой. Так, так! Из двенадцатого века. А, знакомый почерк! Это Тристан. «...Я на коленях буду молить благородного короля Корнуолла, а ты припади к стопам правительства своей земли, чтобы они разрешили нам воссоединиться вопреки препонам времени. Не жить мне без тебя на этом свете, любимая. Вновь и вновь перечитываю твои письма, всматриваюсь в твое прекрасное лицо — какой великий живописец изобразил тебя столь искусно, хоть воспользовался одной лишь серой краской?! — любуюсь тобой и чувствую: мы рождены друг для друга. Завтра я буду драться в твою честь на турнире с рыцарем Эдмондом Этербери. Фехтовальщик он отважный, но в исходе поединка не сомневаюсь, любовь делает меня вдесятеро сильнее...»

Настала и очередь странного металлического цилиндра. Что-то выгравировано на алюминиевом округлом боку: «Послание потомкам от коллектива швейной фабрики им. Восьмого марта. Вскрыть и прочесть через сто лет». «Ясно, — добродушно улыбается Почтмейстер, — небось рапортуют потомкам о перевыполнении квартального плана пошива женских брюк...» Он не стал распиливать ножовкой цилиндр, дабы удостовериться в своем слегка ироническом предположении. Таких посланий только за минувшую неделю он передал в Будущее целых четыре. И содержание у всех было примерно одинаковым. Гидромонтажники отчитывались перед будущими поколениями за перегородившую реку плотину; нефтяники — за нефтепровод, протянувшийся через половину земного шара, подобно меридиану; столяры и плотники деревообрабатывающего комбината рассказывали о новых образцах мебели, освоенной ими за рекордно короткий срок. «Приложим все старания, дорогие потомки, — писали они, — чтобы отечественная полированная стенка из трех секций — с баром, платяным шкафом, нишей для телерадиоаппаратуры и с небольшой, выполненной в стиле «ретро» полкой для книг — отвечала самым высоким мировым стандартам. Просим вас обратить внимание, дорогие потомки, что книжная полочка будет у нас застеклена с целью большего выявления декоративного фактора художественной литературы...» Не менее торжественным слогом щегольнули и строители нового жилого дома. В день сдачи объекта они обратились с коллективным письмом к жильцам, которые здесь

будут когда-то жить, и от всей души пожелали им уюта, света и тепла.

Почтмейстер снова взялся за письмо с силуэтом дилижанса. «В прошлое». Он быстро пробегает взглядом по строчкам: «...отвратительный воздух... Химические концерны... Смог... Транспорт... Постоянная головная боль... Удушье... И решила попытать счастья... Нельзя ли отдохнуть месяц, другой в вашем благословенном восемнадцатом веке?.. По крайней мере приезжать изредка на уик-энд?..» Почтмейстер взглядывает на подпись. «Увы, миссис Саймон, — бормочет он, — послать в прошлое письмецо — это еще куда ни шло, но проехаться туда... Увы, потерпите, миссис. Лет через сто пятьдесят, двести, не больше, это станет возможным. Суходол на правильном пути, его молодость хорошо сработалась с его старостью, так что начало новой теории будет положено, не сомневайтесь! А пока — путешествовать во времени дано только мне. Но я ведь не отдыхать в тот же восемнадцатый век отправлюсь, мне необходимо доставить ваше письмо. Согласитесь, моральное право у меня есть?»

Следующее письмо... Следующее... Еще одно... «Здравствуй, бабушка! К тебе обращается твой внук Алик Лагода. Не удивляйся этому письму. Когда ты вырастешь большая и выйдешь на пенсию, у твоего сына Пети тоже будет сын — это я. И ты мне однажды расскажешь, что сидела в Татьянин день на подоконнике, смотрела на улицу, по которой прохаживался городовой с настоящей саблей, и что у тебя было очень неважное настроение. Потому что, хоть ты звалась Татьяна, никто тебе в этот день не пожелал успехов в работе и в личной жизни. И я решил тебе, бабуля, написать. Поздравляю тебя, бабуля! Живи долго-долго, доживи, пожалуйста, до конца этого века и расскажи мне, получила ли ты мое письмо. С пионерским приветом — Алик Лагода. Твой внук, ученик 4-го класса «В» 132 средней специальной школы для художественно одаренных детей».

Почтмейстер растроган, смеется. «До чего же смекалисты эти пионеры! Ну, вот, последнее наконец! Эге...» Последнее письмо оказалось ответом из Будущего на недавнее послание строителей жилого дома. Быстро отреагировали! То хмурясь, то улыбаясь, Почтмейстер перечитывает его дважды. «М-да-а-а... Вот так история! Что ж, доставлю, пусть ознакомятся. Но будет ли польза? Объект сдан. С глаз долой — из сердца вон. Как же быть? Надо что-то придумать...»

Но вот обе стопки писем уже разобраны, к конвертам пришпилены одинаковые бумажки с точным обозначением века, года, дня. Это, чтобы не терять потом зря дорогого времени. И так уж за полдень перевалило. Почтмейстер наскоро стряпает себе обед — молоко с овсяными хлопьями, бутерброд с сыром и огурец. И полстаканчика минералки. Подкрепившись, раскладывает по разным отделениям сумки письма и бережно достает из ящика те самые, дающие ему возможность управлять временем часы. Они смонтиро-

ваны в старинном серебряном корпусе «Павла Буре». С чего начать? С Хиросимы! На удивительных часах имеется огромное количество всевозможных стрелок. Гавриил Васильевич умело настраивает их, нажимает рифленую кнопку — и тут же оказывается в Японии 1945 года. Прямо перед ним узкий палисадник, цветы, кривая невысокая вишенка, усыпанная созревшими, ярко-алыми, точно лакированными ягодами. Бутылочка привязана к ветке, кружатся пчелы. Наверно, в бутылочке сладкая вода. Кучки плодородной земли чернеют в глубине палисадника, а за ними — крохотный аккуратный домик с мутно-прозрачными стенами из промасленной бумаги. Молодая женщина в деревянных сандалиях и пестром кимоно с очень широкими рукавами вышла из домика, посмотрела, кланяется. Почтмейстер тоже поклонился. Она снова поклонилась. Тогда и он снова поклонился. Она подошла ближе. Сузив на всякий случай глаза, вежливо улыбаясь, он протянул ей телеграмму. Она ахнула, отшатнулась.

— Не пугайтесь, уважаемая госпожа, — снова поклонился он, — ничего страшного! Прочтите, прошу вас, и распишитесь в получении. Вот здесь.

— Я думала... Господин Куроцу уже два месяца не писал, и я подумала... Я испугалась, что он... Хвала богине солнца, мой муж жив, — улыбнулась она, прочитав текст, — но зачем он пугает нас? Мы дома, а он на войне, среди огня. Да и как я могу уехать за сто километров, — оглянулась женщина на дом, — маленькая Исикари уже неделю больна, у нее жар. Я четыре дня не выходила на работу, уважаемый господин хозяин шелковой фабрики был очень сердит за это, меня уволили. А ведь он и есть один из наших родственников. Хороша бы я была, приди к нему с этой телеграммой. Он засадил бы меня за решетку. Уехать? Разве я могу уехать, господин? Посудите сами, у меня осталось всего семь иен. Но ничего, мы дома. А родные стены, — кивает она на стены из промасленной бумаги, — это лучшая крепость. Главное, чтобы господин Куроцу остался жив и здоров, а уж мы...

Почтмейстер только вручает письма. И телеграммы. Ни на что больше его удивительные часы оснований ему не дают. Он не в состоянии помочь господину Куроцу, выжившему в огне войны, дожившему до старости и пославшему в Прошлое эту отчаянную телеграмму. «Я только Почтмейстер, — думает он, — обеспечил своевременную доставку, а большего сделать не...не... Не взыщите, — думает Почтмейстер. — Я... Я бы... Если бы это было возможно... Для себя, например, я меньшего хочу... Всего лишь написать жене, что Гоша... что он... Поскольку похоронки на него так и не было, может, он жив? Можно было бы и самому Гоше написать, узнать, где он, как... Но нельзя, не имею права...» — поклонившись еще раз в ответ на бесчисленные поклоны госпожи Куроцу, Почтмейстер уходит. Он бредет среди бумажных домиков-шкатулок — как недолго, но как ярко будут они пылать! — усыпанных ягодами вишен, в ветвях которых гудят заблудившиеся, пьяные от

сладкой воды пчелы. Почтмейстер поглядывает на небо, со страхом ждет... Снежные вершины конусовидных гор, медленным хороводом плывущие вокруг города, едва заметны в бледно-голубом воздухе, как бы парят в нем, вот-вот спустятся на землю. «А ведь мог же я, мог написать Тамаре или Гоше раньше, при Фуке, мог же... — казнился Гавриил Васильевич, — мог бы, если бы верил... если способен был бы поверить в Почтмейстера. Каким же я был пнем, дубиной! Все это сказочки, думал, мифы, фольклор... Выжившим из ума опасался себе показаться, пустым мечтателем. Значит, мало любил Гошу и Тамару, если свои собственные сомнения и опасения поставил выше их счастья. Ничем, ничем нельзя пренебрегать, если желаешь послужить другому человеку, ни самым малым и скромным деянием, поклоном, улыбкой, кивком, ни самой немыслимой, сумасшедшей сказкой! А вдруг... Вдруг сказка эта поможет? — у старика защемило сердце, остановившись, он потер ладонью левую сторону груди под пиджаком. — И надо же, чтобы именно мне, Фоме неверующему, доверили мою нынешнюю должность... Вот как наказала меня судьба...» Вздыхая, он переводит стрелку на часах, нажимает на кнопку... И оказывается в 1914 году, в большом купеческом городе на берегу Волги. Окраина... А вот и серый, с узкими окошками дом, где помещается приют. А вот и Таня. Бледная, худая. Как свечечка. Сидит на подоконнике и невидящим взглядом всматривается в кирпичный брандмауэр дома напротив. Медленно ходят по двору, развешивают на веревках полотенца еще несколько девочек с одинаково заплетенными косицами, в одинаковых серых платьях и неуклюжих тяжелых башмаках.

— Эй, старик! — Почтмейстер оглядывается. Его манит к себе городовой. — Подойди! Кто таков?

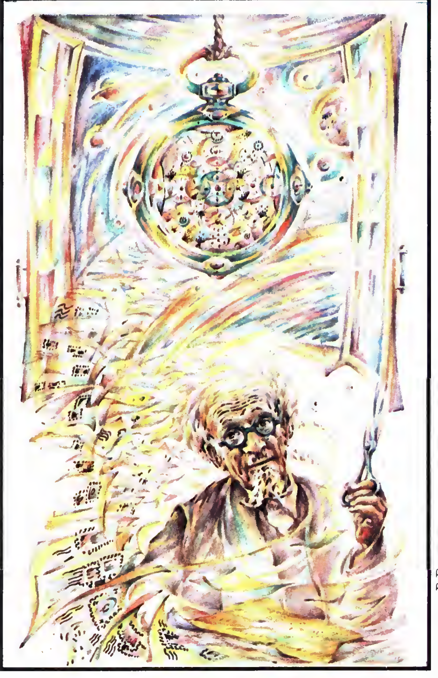
— Девочка, — торопливо окликает Гавриил Васильевич одну из сирот. — Ты Таню Лагоду знаешь? Нет? Ах, да, это она по мужу Лагодой будет. Ну, вон ту девочку, на подоконнике? На, передай ей письмецо. Поздравь ее от имени и по поручению... От ее внука... — Почтмейстеру следовало тут же перевести стрелки и нажать на кнопку, но он растерялся почему-то, забыл вдруг все инструкции, часто, тяжело дыша, держась за сердце, бежит по вымощенной булыжником улице вниз, к реке. Сзади свистки, топот сапог.

— Эй, образина! Босяк! Стой, говорят!..

В ужасе чувствует Почтмейстер на своем затылке сивушное хриплое дыхание. Но тут он вспоминает о часах, о кнопке...

«Уфффф!..» — держась за сердце, несколько минут стоит с закрытыми глазами. Отдышался чуть, осмотрелся... Англия, восемнадцатый век! Какая-то сухопарая дама с выпирающими под платьем на спине лопатками — похоже на маленькие крылья — поливая из лейки куст с не совсем еще распустившимися розами, жалуется на что-то лениво помогающему ей джентльмену с квадратными очками на длинном сизом носу. Почтмейстер ищет в своей сумке адресованное крылатой даме письмо и прислушивается.

— Было бы бессмысленно, Джеймс, пытаться в наше время уло-

художник В.Роганов

вить нежный аромат роз. Хвала богу, что мы еще можем ими любоваться по крайней мере. С тех пор как по всей Англии мчатся эти смрадные паровозы, а по Темзе, изрыгая тучи дыма, движутся паровые корветы, воздух у нас оставляет желать лучшего. Мало паровозов и пароходов, так некий янки наводнил мир еще и автомобилями! Запах керосина и нежный аромат роз никогда не уживутся вместе, Джеймс!

Как назло, по улице в этот самый момент, грохоча двигателем и стреляя синими выхлопами дыма, катит автомобиль. Он очень похож на дилижанс, силуэт которого украшает найденный наконец в одном из отделений сумки конверт. Но только на дилижанс без лошадей. Или с лошадьми, но невидимыми.

— Подумать только! — восклицает дама. — По нашему богоспасаемому городу уже носится чуть ли не пять или даже шесть этих чудовищ! Я убеждена, Джеймс, что в будущем люди откажутся от услуг техники, они поймут — я верю в это, Джеймс! — что чистый воздух куда приятнее. О, как бы я хотела перебраться отсюда в будущее!

...К Изольде Гавриил Васильевич попадает во время вечерней дойки. Десятка два мосластых коров, черные носы которых похожи на маскарадные маски с прорезями для глаз, ожидая своего череда, невозмутимо что-то жуют. Почтмейстер прихлебывает из эмалированной кружки парное теплое молоко и следит за тем, как меняется у девушки по мере чтения лицо. Вот она улыбается, вот покраснела, вот испуганно сдвинула белесые бровки... Наверно, дочитала до того места, где говорится о поединке.

— Чокнутый! — восклицает Изольда. — Опять драку с каким-то рыцарем Эдиком затеял! Ох, плохо он кончит, не своей смертью помрет... — Она кусает губы, вот-вот расплачется. — Я должна быть с ним, — говорит она твердо, — я должна на него положительно воздействовать!

Почтмейстер кивает девушке, он с ней целиком и полностью согласен. Тристан и Изольда должны быть вместе. Но как же это сделать?

— Думаете, не добьюсь? — запальчиво восклицает она. — Не думайте! Съезжу в центр, напишу там объяснительную записку...

— Изольда, а как вы с ним познакомились, с Тристаном? Я еще тогда не работал, не знаю...

Пристраиваясь к вымени очередной буренки, она рассказывает:

— Да как... Просто... Прочитала книжку одну, «Тристан и Изольда», в нашей школьной библиотеке брала. Я хоть два года уже как школу закончила, а книжки из школьной библиотеки беру, там книжки интересные, ни одной занудной. Ну, прочитала. И так мне этот Тристан понравился, прямо сил нет. Настоящий рыцарь!.. — Она покраснела. — Прямо, как чумовая стала. Гляжу и ничего не вижу. Ну, влюбилась, короче говоря, а первая любовь знаете какая сильная? Взяла и написала в двенадцатый век. У литературных героев всегда ведь прототипы есть, верно? Мы это еще в восьмом

классе проходили. Ну, и написала. Так, мол, и так. Прошу вас, Тристан, отписать мне, если сочтете возможным, соответствует ли ваша биография содержанию романа и правда ли, что у вас с женой вашего непосредственного короля, то есть с Изольдой, несчастная любовь? И фото свое вложила. Я как раз сфотографировалась перед этим для Доски почета, симпатичная получилась, вот и... Подписала, конечно. «На память от Изольды Конопушкиной. Смотри на копию, не забывай оригинал». И что же вы думаете? Недели не прошло — ответ. Так, мол, и так. Очень, мол, вашему письму рад, и все такое... А насчет королевы — авторский, мол, домысел. Она, мол, уже старенькая, лет под сорок, и зовут ее вовсе не Изольда, а Маргарет. Так что сердце мое свободно... За первым письмом второе, третье... Всего я получила за год сто двадцать три письма.

Почтмейстер кивнул.

— Около шестидесяти доставил вам я. Скажите, — улыбнулся он, возвращая ей пустую кружку, — как, по-вашему, кто же послужил прототипом для образа Изольды?

Задумавшись, девушка пожала плечами.

— Понятия не имею.

— А что, если это вы?

Она подняла на него расширившиеся от удивления глаза.

— Я?!

— Ну да! О любви Тристана к Изольде, то есть к вам, таинственной королеве из другого времени, наслышан был, вероятно, весь Корнуолл. Как-то, конечно, эта история трансформировалась... Ну, менялась в соответствии с тогдашними представлениями. Всякий рассказывал ее на свой лад. Что-то ушло, что-то забылось, что-то добавилось... А потом на основе всего услышанного автор и написал эту книгу... А?

Лицо ее медленно залилось розовой краской, глаза заблестели. Гипотеза Почтмейстера пришлась ей, как видно, по душе. Ничего не ответив, Изольда продолжала работать. Ловко, споро вымыла теплой водой вымя очередной буренки, похлопывала ее, успокаивала. Чмокали присоски, поднимался в стеклянном цилиндрическом сосуде уровень молока.

— Хотите еще кружечку? — она вздохнула. — Все равно мы встретимся с ним, вот увидите! Или он к нам, или я — туда... Одна моя подружка вышла замуж за болгарина. Тоже познакомились по переписке. Живет сейчас в Софии. Что тут особенного?

Ответ, пришедший строителям нового жилого дома от будущих жильцов, Почтмейстер решает доставить прямо на объект. Хитер Почтмейстер — придумал же! Он попадает сюда как раз в момент, когда на торжественной летучке по случаю сдачи дома зачитывается то самое письмо. Письмо только зачитывают, только-только утверждать собираются, а он уже ответ принес. На трибуне сам старший прораб участка, мужчина с лицом кирпичного — как и положено истинному строителю — цвета. Оросив горло глотком воды из графина, старший прораб делает последний, эффектный аккорд:

— Чтобы и через десять, и двадцать, и даже сто лет жили бы поживали вы в этих стенах из крупнопанельных блоков! — с подъемом читает он текст письма. — От всей души желаем вам, дорогие будущие квартиросъемщики, уюта, света и тепла! Да здравствует... — тут он замечает у дверей улыбающегося Почтмейстера. — Вам что, товарищ? У нас заседание, подождите в коридоре!

— Я принес вам ответ.

— Какой ответ? — Старший прораб сердится. Чтобы остыть, заставляет себя сделать большой глоток воды. — Вы мешаете, гражданин!

Собравшиеся начали оглядываться. Кто хмурит чело, кто улыбается. «Дед-Мороз без бороды и усов!» — со смехом восклицает какой-то паренек с забрызганными известкой щеками. Все смеются. Старший прораб стучит ладонью по гулкой трибуне.

— Внимание, товарищи! Я заканчиваю... «Да здравствует...» Гражданин, повторяю — выйдите! В чем дело? Почему вы улыбаетесь? Какой такой ответ вы принесли?

— Ведь вы адресуете это письмо в будущее, так? — говорит ему через весь зал Почтмейстер. — А я вам доставил ответ оттуда. У меня есть возможность оперировать временем. Вот я и принес ответ раньше, чем вы отослали письмо, чтобы вы успели хоть что-нибудь доделать, а то...

— Что-о? Доде... Да вы что?! У нас... Мы... Мы дарим людям... Это... Ключи от счастья, можно сказать! Мы...

— Дед! — восклицает в глубине зала паренек с известковыми веснушками. — А ну, зачитай! Интересно!..

Собравшиеся его поддерживают.

— Читай, дед!

— Погромче, папаша!

Почтмейстер торопливо раскрывает пакет. Читает: «...желаете нам «уюта, света и тепла»? Издеваетесь? О каком уюте может идти речь, когда паркет выгнулся, будто испуганный кот? О каком тепле, если в батареи центрального отопления поступает только холодная вода? (Правда, в туалетный бачок поступает зачем-то только горячая!) А свет? Щелкнешь выключателем в гостиной, свет вспыхивает на кухне, щелкнешь в ванной — горит на лестничной площадке, врубишь торшер — зажигается люстра, причем в соседней квартире...»

Немая тишина стоит в маленьком, спешно оборудованном для торжественной летучки зале. Лиц не видно, так низко все опустили головы.

«Значит, — думает Почтмейстер, — если постараться, если выработать в моем скромном деле некоторую стратегию, я не только смогу доставлять письма, но и... Уж больно красноречиво молчат эти люди. Что-то происходит сейчас в их душе, что-то такое, мучительно им необходимое...»

...Одно-единственное письмо у него осталось. Магнитофон, в котором до поры до времени молчит кассета с коричневой пленкой.

«За миг до смерти...» Нет, Петухов не забыл, что должен доставить бойцу сорок первого года песню, адресованную ему из Будущего. Для вмонтированного в корпус «Павла Бурэ» хитроумного устройства преград в этом смысле нет. И все же... «За миг до смерти...» Легко ли, сами посудите, Гавриилу Васильевичу выполнить такое задание? Уже было нечто подобное сегодня, когда в Хиросиме побывал. А тут — у себя ведь, в России. Это еще больнее. Вот и отложил напоследок. Ему казалось, что таким образом он отдалит гибель бойца. Иллюзия, конечно, но...

Почтмейстер в который уже раз нынче вздохнул, напружинился, сильно, до отказа нажал на рифленое колесико всемогущих часов. И мгновенно оказался на том самом поле. Когда-нибудь, через десятки лет, в наше время, оно станет цветущим, бархатно-зеленым, усеянным многоцветными звездочками диких гвоздик, маков и васильков. С трех сторон будет его тогда окружать светлый дубовый лес, а с четвертой — серебристо-лиловое пространство реки. Люди сюда будут собираться, чтобы погулять, подышать, чтобы попеть хором. А сейчас... Грохочущий раскат взрыва встретил Почтмейстера, резко ударила в лицо горячая пыльная волна. Еще взрыв, еще... Поднялись и осыпались гигантские пурпурно-черные кусты земли, огня, дыма. Слева, из-за косогора, натужно скрежеща гусеницами, выползали танки, а за ними, пригибаясь, крались тускло-зеленые фигуры. Но против кого?.. На кого движется эта злая силища? Гулко прогремел винтовочный выстрел. Как же Почтмейстер сразу не разглядел... Окоп. Несколько неподвижных тел вокруг. Еще один выстрел... Значит, кто-то из них жив! Ага, вот он! Вон тот, с краю. Выстрелил и сразу уронил голову в желтый песок бруствера... Ранен? Придерживая магнитофон — мешал бежать, Гавриил Васильевич достиг окопа, неловко потоптавшись, спрыгнул вниз. Солдат был весь в крови.

— Сынок, сынок... — повторял Почтмейстер, пытаясь хоть как-то помочь ему. Повернул чуть, взглянул в лицо. И отшатнулся. Это был... Да, да! Это был он, Гоша...

— Сынок! — вскрикнул Почтмейстер. — Так ты жив?! Жив!..

Солдат со стоном открыл глаза. Взгляды их встретились.

— Отец.. — проговорил солдат. — Послушай...

«Узнал! Неужели узнал?..» Почтмейстер не подумал в эту минуту, что нарушил... нарушает главную заповедь своей службы, пункт первый. А если и всплыло что-то об этом в краешке сознания, так ведь нечаянно, нечаянно он здесь. Не знал...

— Отец... Ты местный?..

«Нет, не узнал. Я же седой стал, старый...»

— Вот, — со стоном выговорил солдат, — вот, отец, возьми... Туда... — ладонь его с усилием раскрылась, и на песчаное дно окопа выкатился золотисто сияющий винтовочный патрон. — Нашим...

Гавриил Васильевич снова заглянул в лицо сына.

— Сынок! Ты жив? Сынок, это же я, твой папа! Я письмо тебе

принес, письмо! Послушай!.. — торопливо нажал на клавишу магнитофона:

Солдат, не властен над тобою смертный сон,
Любовью нашей ты для жизни воскрешен...

Где-то далеко-далеко, на этом же поле, на этом же месте, но через десятки лет, взявшись за руки, пели тысячи людей. И безмерная сила их чувства вот-вот, казалось, и в самом деле сотворит чудо из чудес.

Совсем рядом с грохотом взметнулся и неохотно рассыпался черно-алый куст снарядного разрыва. Танки рычали уже перед самым окопом. Даже не целясь, держа автоматы у правого бока, поливали огнем поле тусклые серо-зеленые фигуры.

— Не смейте! Прочь! — хрипло закричал Почтмейстер, переваливаясь через бруствер. — Назад, я вам говорю! Назад, нелюди!.. — Он встал на ноги, шагнул навстречу танку и, размахнувшись, будто гранату, швырнул теплый, работающий магнитофон в смердящее гарью, неотвратимо наползающее чудовище. Разлетелись пластмассовые осколки. Но песня, но тысячи и тысячи голосов, пробившихся сюда через десятилетия, продолжали звучать как прежде, возносясь к низким осенним облакам. Ничто не могло заглушить их, ни надсадный рев танковых двигателей, ни стрельба, ни снарядные разрывы.

Смеются дети, весь в цветах и в пчелах сад...

Яростно грохоча, танк прошел сквозь Гавриила Васильевича, не причинив ему вреда. Не мог, как бы ни старался. Не по зубам ему было преодолеть невидимую броню времени. И сразу изменилось что-то, сместилось. Будто выключили... Почтмейстер стоял хотя и на том же самом поле, но на сегодняшнем, нынешнем — на зеленом, неописуемой красоты Певческом поле среди тысяч и тысяч людей — молодых, старых, — вдохновенно и согласно певших песню:

...Восходит солнце, значит, вечно жив солдат!

Что-то теплилось, резало ладонь, было что-то в руке у него, у Петухова, что-то принес, вынес он из прошлого. Позеленевший, хрупкий, осыпающийся черной окалиной винтовочный патрон. Вот, значит, как расправились с этим мужественным золотистым сплавом годы. Почтмейстер близоруко подносит патрон к глазам, осматривает. Не лежит ли что-то внутри проржавевшего, почерневшего от времени латунного конверта? Старческими, не очень послушными, не очень сильными пальцами он захватывает шершавую, все еще острую пулю, дергает, расшатывает. Пуля поддается, идет, идет... Так и есть! Внутри, в гильзе, желтеет свернутая бумажка. Осторожно, сдерживая дыхание, старик разворачивает ее. Рыжеватые — уж не кровью ли начертаны? — неуклюжие, скачущие буквы. Слабеющей рукой начертаны: «Живые, пойте о нас!» Так вот оно что!

Письмо!.. Письмо в завтра. То есть в сегодня. Ну что ж, это по его части. Он не подведет. Доставит. Уже доставил. «Живые, пойте о нас!» Живые, вы слышите?

Тысячи и тысячи людей на Певческом поле, глядя перед собой повлажневшими глазами — словно не в пространство глядели, а во время! — все пели и пели песню, адресованную бойцу.

Солдат, ты слышишь? Встань! Встань и живи!

И казалось, что вот-вот, еще бы капельку, да, капельку любви вложить в эти слова, еще бы крупицу веры — воскурится солдат из-под их ног, из песчаной почвы сизым таким дымком, туманом, что ли. Потом завьется, закрутится пар этот, уплотнится, обретет черты... Откроет солдат глаза, поведет ими. «И как же, — произнесет смущенно, — я долго спал!..» Да, да, еще бы капельку, малую капельку любви, крохотную крупицу веры...

...Посылая весточку другу-современнику, вы — это бывает — от полноты чувств хотите порадовать и человека, который аккуратно и вовремя доставит ваше письмо. И вы пишите тогда прямо на конверте: «Привет почтальону!»

Когда соберетесь однажды написать в Прошлое или в Будущее, если захотите вступить в переписку с собственными воспоминаниями или мечтами и если у вас при этом окажется хорошее настроение, не сочтите за труд, черкните тогда прямо на конверте: «Привет Почтмейстеру!» Ему будет очень приятно.

Сергей Павлов

АМАЗОНИЯ, ЯРДАНГ ВОСТОЧНЫЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Самое приятное время поселковых суток — утро. Когда спортивная разминка веселит твое гибкое и легкое здесь, как у ребенка, тело. Когда колючие струи душа смывают остатки смутной тревоги, навеянной за ночь какими-то неосознанными сновидениями. Когда спокойно завтракаешь, наблюдая сквозь прозрачную стену кафе эволюцию слитка солнечного золота на громоздкой вершине Олимпа. Лавина света постепенно сползает на спины хребтов высокогорной Фарсиды...

Не успел я поднести кофейную чашку к губам — в нарукавном кармане зашелся писком инфразонник и голос пилота предупредил:

— Вадиму Ерофееву — Артур Кубакин. Первый ангар, старт в семь ноль ноль, борт номер триста тринадцать.

Взглянув на часы, я, обжигаясь, сделал глоток (кофе был превосходный) и помчался в экипировочную первого ангара. Кубакину удалось приучить здешних спецов и ученых ценить его веское слово. Если Кубакин сказал «Старт в семь ноль-ноль», то пассажир обязан был знать, что в семь ноль-ноль-одна Кубакин запросто мог улететь в столицу без пассажира. Все наши пилоты стремились Кубакину подражать, и мы, которые не пилоты, слишком часто оказывались в зависимости от их предполетного настроения.

Парни из команды шлюзового обеспечения сноровисто втиснули меня в эластично-тугие доспехи высотного костюма — ни вздохнуть, ни охнуть, — с отвратительным скрипом застегнули входной шов термостабилизирующего спецкомбинезона («эскомба» — на местном жаргоне) и рывком затянули металлизированные ремни.

— Диспетчерская — Ерофееву! — рявкнул под потолком зонник внутрипоселковой связи. — Ерофеев, срочно зайдите к главному диспетчеру.

Я уклонился от готового опуститься на мою голову гермошлема, сказал в потолок:

— Ерофеев — Можаровскому! Адам, я уже в застегнутом эскомбе, а через три минуты выход в шлюз.

— Чья машина?

— Аэр Кубакина.

— Кубакин подождет. Беги сюда, дело срочное.

— Да что же это, — произнес я в полном недоумении, — раздеваться мне, что ли!..

Художник Ю.Авакян

— Не надо, — сказал Можаровский. — Беги так, чего особенного!

Я разозлился:

— Беги сам, если нужно. Чего особенного!

Мое недовольство Адам игнорировал. Прежде чем диспетчерская вырубила связь, я услышал, как он сказал там кому-то: «Идет Ерофеев, идет».

Чертыхнувшись, я велел содрать с себя эскомб и поспешил наверх в высотном костюме.

Коридор, эскалатор с поворотом налево. Лифт, коридор, второй эскалатор с поворотом направо. Эскалатор без поворота и верхнее фойе с живописным «земным уголком». В «уголке» — клейкая зелень березы, вольера, в которой орали от тесноты у кормушек желтые попугайчики, эффектно подсвеченный круглый аквариум, в котором недавно сдохла последняя рыбка. Я остановился перевести дыхание. На дне аквариума бурлил султан воздушных пузырьков аэрации.

Верхний куб нашего гермопоселкового здания-пирамиды — царство диспетчеров и связистов. Мимоходом я заглянул в безлюдный кабинет Можаровского и, никуда уже не заглядывая, направился прямо в диспетчерский зал. Меня угнетало предчувствие: что-то случилось на буровой и долгожданный мой отдых в столице опять пропадет.

С этим предчувствием я вошел в зал. У западной секции обширного пульта диспетчерского терминала стояло человек восемь.

Можаровский сидел — рыжая его голова пылала пожаром на фоне светящегося экрана сектора Амазонии. Когда я вошел, он зачем-то выключил экран, и все уставились на меня.

— В чем дело? — спросил я.

— Да вот, понимаешь... — проговорил Адам, освобождая кресло.

Я оглядел траурные физиономии расступившихся передо мной операторов, приблизился к пульту вплотную. На панели сектора Амазонии бесполезно мигали светосигналы автоматического вызова на связь. Буровая не отвечала. Едва я вытянул руку с намерением включить экран, операторы, словно опомнившись, отошли и рассредоточились по своим рабочим местам. Это меня испугало. Вдруг вспомнился сегодняшний сон. Во сне я переходил покрытое мокрым снегом русло горно-таежной речушки, и где-то выше по руслу с треском и грохотом лопнул ледяной затор. Уйти из-под вала высоко подпруженной талой воды у меня практически не было никаких шансов... Черт с ним, с отдыхом, лишь бы скважину не запороли.

— Почему молчит буровая? — спросил я.

Вопрос был нелеп. Можаровский, естественно, не ответил.

— Ты сядь, Вадим, сядь, — мягко посоветовал он, и эта мягкость испугала меня еще больше.

Я путался в светящемся разноцветье кнопок и клавишей — никак не удавалось «выловить» позицию с нужной картинкой, на экране мелькали обрывки цветных синусоид. Главный диспетчер смотрел на мои неумелые руки и, похоже, думал о чем-то своем. Наконец посоветовал:

— Набирай команды последовательно.

Я попытался набрать полную грудь воздуха, чтобы в самой что ни на есть резкой форме высказать свое отношение к происходящему, но тугие тяжи высотного костюма вытолкнули воздушный излишек обратно. Гнев прошел. Я стал набирать команды последовательно. Главный диспетчер ногой выкатил из-под пульта коробку для аварийных аккумуляторов, сел на нее.

Экран показал общий вид гермопоселка нашей комплексной экспедиции: среди каменистых холмов, кое-где припорошенных красным песком, черно-белое здание-пирамида все в золотистых и багрово-огненных отблесках — и зеркально-розовые, как елочные шары, резервуары водогазовой централи жизнеобеспечения, гофрированные полуцилиндры складов. Вид был живописный, но мне сейчас нужно было совсем другое. Мне был нужен диспетчерский пункт моей буровой. Точнее, буровой восточного ярданга Амазонии. Еще точнее — пятой марсианской буровой с индексом *Р*-4500. Как старший прораб пятой *Р*-4500, я хотел знать, что там сейчас происходит. Судя по выражению веснушчатой физиономии Можаровского, ничего хорошего там сейчас не происходило. А ведь до этого дня наша 5-*Р*-4500 была самой благоприятной из всех марсианских разведочных скважин глубокого бурения.

Помогая мне, Адам тронул несколько клавишей — на экране промелькнула оранжевая пустыня, и вдруг возникло изображение диспетчерского помещения буровой. За пультом никого не было, хотя там должна была быть Светлана Трофимова. Обязана быть. Даже отсюда видно, что на табло диспетчерского таймера еще не истекла последняя минута контрольного времени сеанса связи.

— Алло, Трофимова, Светлана! — позвал я и посмотрел на Адама.

Можаровский понял мой взгляд.

— С ней ничего не случилось, — сказал он. — Впрочем... — Он подал знак кому-то за моей спиной: — Женя, еще разок проясним ситуацию.

Оператор-связист Женя Галкин, которого я систематически обыгрываю в бильярд, приблизился к главному, быстро взглянул на меня сверху вниз круглыми, как у птицы, глазами. Адам, повернувшись на своей коробке к Галкину боком, ко мне лицом, проникновенно спросил:

— Женя, ты когда включил канал на *Р*-4500? Вспомни с точностью до минуты.

— Точно по графику, ровно в шесть сорок пять.

— Как долго буровая не отвечала?

— Минут семь. Я перевел канал в режим автоматического вызова на связь и зафиксировал позицию вот с этой картинкой. — Женя кивнул на экран. — Трофимова появилась минут через семь. Волосы в беспорядке... В спешке выпалила то, что вы уже знаете, и убежала.

— Повтори для Вадима, он не знает.

— Вот дословно: «Извини, Галкин, здесь такое творится!.. Песков всех нас вампирами обозвал и Айдарова чуть не убил!»

— Песков... Айдарова?! — промямлил я ошарашенно. — Вы что, парни!.. Разыгрываете меня, что ли?

— Погоди, это не все, — обронил Можаровский. — Кроме всего прочего, Женю потряс ее смех.

— Ну... не совсем смех, — робко возразил Женя. — После своего торопливого сообщения Трофимова странно так хохотнула и сразу выпорхнула из диспетчерской. На ее руке и белом халате была свежая кровь...

«Хохотнула, выпорхнула, — мысленно повторил я как в гипнотическом трансе. — Свежая кровь!..» Меня передернуло.

— В каком месте халат был в крови? — спросил Можаровский.

— Собственно... несколько пятен. На пальцах, на рукаве и... вот здесь, на груди. — Галкин показал где. — И пятно на щеке. У меня сразу так... подозрение, что она не в себе.

— Кто? — выдохнул я.

— Трофимова.

— Конкретнее, — потребовал Адам. — Что значит «не в себе»? Умом тронулась? Или, может быть, навеселе?

— Может быть...

— Спирт у тебя на буровой имеется? — тихо спросил Адам. — Эй, старший прораб буровых работ, я тебя спрашиваю.

Я словно опомнился. Обвел взглядом стены, чтобы легче было взять себя в руки. Процедил:

— Навеселе, говорите?

Женя Галкин неуверенно развел руками. Можаровский пристально смотрел на меня.

— Ну вот что, — сказал я, чувствуя неприятное натяжение кожи на собственных скулах. — Я больше трех лет с ними работаю и уж как-нибудь каждого знаю. Кстати, Песков и Карим Айдаров — друзья. А насчет Светланы Трофимовой... это вы бросьте! За такое я ведь... и врезать могу.

Я поднялся. Галкин неуверенно отступил. Главный диспетчер, обратив ко мне побагровевший затылок в завитках рыжих волос, повел рукой над пультом сектора Амазонии. Красиво повел, музыкальной рукой маэстро над мануалами органа в старинном соборе. В Воскресенском, скажем, соборе музейного городка Новый Иерусалим. Великое Внеземелье, даже не знаю, в какой точке эклиптики сейчас этот Новый Иерусалим!

— А вот сюда, старший прораб, взглянуть хочешь? — прошипел маэстро Адам, и от мерзкой его интонации глаза мои непроизвольно сузились, а кожа на скулах натянулась до хруста. — Сядь, разговор не окончен.

Сектор Амазонии ожил: организованно вспыхнули и погасли командные группы светосигналов. На экране сменилась картинка. Я узнал интерьер бурового зала, сел. И вовремя.

В глубине как всегда хорошо освещенного рабочего зала нашей *Р*-4500 белели накрытые цилиндрическими кожухами громоздкие барабаны для проходческих шлангов, лоснились блеском инструментальной стали аккуратно укрепленные на стендах буровые наконечники, мигали табло температурного и газового контроля. Я перевел взгляд ближе — на устье скважины. Точнее, на агрегат обеспечения герметизации забитого в устье скважины обсадного стакана. Проходческий шланг глянцевым телом питона свисал с желобчатого обода верхнего блок-балансира и, плотно обжатый сальником гермокольца, исчезал в направляющей, откуда начинался его четырехкилометровый путь по вертикали в промерзшие недра планеты. Двух секунд мне было достаточно, чтобы понять: проходки нет, буровая простаивает. О том же свидетельствовала индикация бурового процесса: в левом нижнем углу экрана светились нули. А в правом — рдела расползшаяся на серебристом полу рабочего зала глянцевитая лужа...

Уяснив наконец, что собой представляет эта ужасная лужа, я беспомощно оглянулся. Галкин ушел. Главный все так же сидел на коробке, но смотрел куда-то в сторону от экрана. Они уже это видели. Вот, значит, в чем дело...

Словно желая подчеркнуть масштабы несчастья, кто-то оставил возле кошмарной лужи залитый кровью халат. Когда я увидел этот

Художник Ю.Авакян

халат, мне показалось, будто вокруг меня внезапно исчез воздух — дышать стало нечем. Что ж это она говорила: «Песков Айдарова чуть не убил»?! Судя по размерам лужи, Песков Айдарову голову оторвал, не иначе...

Почти невидящими глазами я попытался всмотреться в синий кружок, который сиял возле воротника брошенного халата. Нет, на таком расстоянии букв не видно... Хотел попросить Можаровского дать увеличение на экран, но мне помешали. Пульт скрипнул звукосигналами столичного вызова, и чей-то голос напористо произнес:

— Центр — сектору Амазонии. Ну, как у вас? Нового что?

— Ничего, — ответил, взглянув на меня, Адам. — Пятая по-прежнему не отвечает. У вас что?

— Бригада медикологов в сборе. Перед стартом интересуются последними новостями.

«Значит, реаниматоров вызвали», — обреченно подумал я.

— Все по-прежнему, — повторил Адам. — Ничего нового.

— А кто сегодня на пятой сменный мастер бурения?

— Вадим, кто у тебя там сменный? — переадресовал вопрос Можаровский.

— Фикрет Султанов, — проговорил я деревянным ртом. — А при чем сменный, если за все отвечает прораб! Я буду на буровой раньше реаниматоров.

— Нил, когда медикологи вылетают? — осведомился Адам.

Длинная пауза. Можаровский не выдержал:

— Нил! Берков!

— Аэр медикологов стартовал, — донеслось из столицы. — Прорабу — мои соболезнования. Ну что, конец связи?

Мне было плевать на соболезнования Нила Беркова. Я разглядывал синий кружок на пропитанном кровью халате и ждал, когда Можаровский освободится. Покосившись в мою сторону, он пояснил:

— Я тут с перепугу инициативу на себя взял — медиков без твоего ведома вызвал.

— Правильно сделал. Дай-ка увеличение на экран. Вот здесь... — Я тронул место у своего плеча, где на спецхалатах бурильщиков в синем кружке обозначены инициалы владельца.

— Уже смотрели, — сразу понял Адам. — Инициалы «эн пе». — Он дал на экран увеличенное изображение белых букв на синем фоне: «Н. П.» — Видишь?

Я не ответил. Я ожидал увидеть инициалы Айдарова.

— Очевидно, халат Николая Пескова. Других «эн пе» на буровой как будто нет?

— Других нет. — Я встал. Голова у меня шла кругом.

Плохо помню, как я добирался до экипировочной и как парни из команды шлюзового обеспечения снова натягивали на меня эскомб. Все происходящее почему-то казалось мне странным действом, не имеющим ко мне отношения. Ощутив на лице холодную кислородную маску, я сделал несколько глубоких вдохов и только после этого

осознал, что в жизни моей наступает крутой поворот. Я уже не буду прорабом. Снимут к чертовой бабушке. Я уже не буду работать на буровой. Отстранят. Теперь меня объявят персоной нон грата и предложат убраться с Марса первым же рейсовиком. Или, хуже того, вообще прихлопнут служебную визу во Внеземелье. Но самое страшное — если умрет Айдаров.

Я еще надеялся, что реаниматоры успеют. Чаще всего они успевали. С этой мыслью и этой надеждой я промчался на подвесном сиденье вдоль шлюз-потерны, состыкованной напрямую с гермолюком машины Кубакина.

Шлюз-тамбур аэра был открыт, я беспрепятственно проник в кабину. В розовом полумраке горбатились мягкими глыбами пять пассажирских кресел. Впереди отливали блеском металла амортизаторы двух пилотложементов. Я сел в ложемент второго пилота, зафиксировался и посмотрел на Артура. Его ложемент находился слева от моего и чуть впереди.

— Здравствуй, — сказал Кубакин скучающим голосом. Лицевое стекло его гермошлема было поднято, а кислородная маска, опущенная на поворотных фиксаторах, оранжевой плошкой висела под подбородком.

— Привет, — сказал я и тоже поднял стекло. Маску опускать не стал, потому что в кабинах здешних аэров постоянно ощущается характерный для Марса «букет» неприятных запахов.

— Когда садятся в ложемент второго пилота, у первого обычно спрашивают разрешение, — заметил Кубакин.

Это верно, обычно спрашивают. Первыми здороваются с пилотом и очень вежливо заручаются разрешением сесть в ложемент, лететь в котором удобнее, чем в кресле, потому что лучше обзор.

— На буровую, — отрезал я. — Пулей!

Несколько мгновений пилот разглядывал меня в зеркало заднего вида. Я тоже уставился в его желтые, как у кошки, глаза. Он шевельнул рукоятками управления на концах желобчатых подлокотников. Гулко захлопнулся гермолюк, машину тряхнуло, с шипением сошлись створки шлюз-тамбура. Кубакин вызвал на связь транспортного диспетчера:

— Выполняю рейс первый столичный. Прошу старт.

— Отменяется, — сказал диспетчер. — Выполняйте первый на пятую *Р*-4500, Амазония, ярданг Восточный. Старт разрешаю.

Рывок вдоль ствола катапульты, шумный выхлоп. Я зажмурился от обилия дневного света, хлынувшего в кабину сквозь прозрачную выпуклость блистера. Невыносимо тонко ныл мотор, грудь сдавливало тяжестью ускорения, впереди ничего, кроме светло-желтого неба, не было видно.

В бортовых бунках со звонким шелестом сработали механизмы синхронного наращивания плоскостей, и в обе стороны, как всегда неожиданно, выметнулись, блеснув на солнце, очень длинные, розовые, по-чаячьи изогнутые крылья. Корпус поколебало судорогой аэродинамической встряски, тяжесть исчезла. Артур Кубакин, накре-

нив машину, заложил глубокий вираж, и слева по борту вдруг вынырнула вздыбленная под крутым углом обширная горно-вулканическая страна. Дымящаяся под невысоким утренним солнцем вулканическая страна, ландшафт которой выглядел первобытно и мрачно. Мрачный ландшафт, мрачное настроение. Мрачный пилот.

Я пытался представить себе, как все это могло случиться на буровой. Не знал, что и думать. Тракам моего воображения было просто не за что зацепиться. Кровавую стычку как следствие «неуправляемой ссоры» (гипотеза Можаровского) я начисто исключал, потому что своих людей знал лучше, чем собственные пять пальцев. Насмешник и шутник-задира Карим Айдаров в принципе мог бы вспылить. Резкий жест, резкое слово... Но Коля Песков, голубоглазый добряк богатырского телосложения, в роли героя «неуправляемой ссоры» совершенно не смотрится, хоть так его поверни, хоть этак. Скорее он напоминает слона, который, по выражению Светланы, «готов безропотно таскать на себе бревна тягот геологоразведочного бытия все двадцать пять часов в сутки». Не совсем, правда, безропотно, поскольку Песков очень болезненно переживает любую несправедливость и в этом смысле бывал иногда мнительным и капризным, как девушка. Ссор избегал. В драках не участвовал. Не в последнюю, разумеется, очередь потому, что на буровой 5-*Р*-4500 драк отродясь не бывало. Кроме того, Песков и Айдаров друзья. Пять лет работают вместе, и делить им, кроме забот о глубоком бурении в здешних условиях, нечего. Но это с одной стороны. С другой — страшный халат Николая, ужасная лужа, сорванный радиосеанс. «Извини, Галкин, у нас тут такое творится! Песков Айдарова чуть не убил!» Чушь какая-то!.. Конечно, ранить или даже убить можно чисто случайно. Для Карима и для меня это, впрочем, слабое утешение...

На маневр разворота ушел весь запас высоты, и теперь наш розовокрылый аэр низко летел над западным склоном Фарсиды. Даже слишком низко, пожалуй. По причине сильной разреженности атмосферы Марса здешние авиаторы— изумительные мастера бреющего полета. Кубакин — мастер из мастеров. Он же постоянный лидер соревнований по экономии полетного энергоресурса. Чем ниже — тем экономичнее полет наших птиц. Я стал смотреть на быстро мелькающие под носовой частью блистера верхушки скалистых бугров. Черные базальтовые глыбы, полузасыпанные песками цвета ржавчины и глинистой пылью цвета битого кирпича. Экономя энергоресурс, Кубакин, похоже, готов был вспороть базальты Фарсиды опорными лыжами: перед носом аэра на неровностях склона уже трепетала, словно добыча в когтях у орла, крылатая тень.

Пружинно вздрогнув, машина качнулась с крыла на крыло. Кабина дернулась и резко накренилась вправо, а слева по борту — под самым изгибом крыла — иззубренным лезвием промелькнул гребень стены обрыва.

— С ума сошел?! — крикнул я, хватаясь за подлокотники ложемента.

Артур не ответил. Я чувствовал, как все его существо излучало сквозь оболочку эскомба флюиды непримиримости.

— Если я тебе в тягость, так хоть себя пожалей!

— Ремень застегни, — отрезал пилот.

То ли мой окрик подействовал, то ли Кубакин и в самом деле решил себя пожалеть, но аэр постепенно выровнял крен и набрал безопасную высоту. Теперь мы шли над сильно кратерированной местностью, изрезанной извилистыми каньонами. В каньонах зловеще курился туман. Гигантские ступени застывших миллиард лет назад потоков лавы придавали ландшафту вид таинственный и романтический. Мне, к примеру, они чертовски напоминали черные руины каких-то странных ступенчатых крепостей... Низменные места здесь все еще утопали в утреннем тумане, сумрак, густые тени преувеличивали глубину провалов и кратерных ям. А дальше, на западе, уже ясно просматривалась более пологая волнистая равнина, левее по курсу вспученная оранжевыми увалами, правее — отдельными группами черно-красных скалистых холмов.

В шлемофоне заныл сигнал вызова. Сквозь свист мотора пробился голос главного диспетчера:

— «Чайка» триста тринадцать, на связь!

Одним движением Кубакин вскинул на лицо кислородную маску, чтобы плотнее «сел» внутри гермошлема ларингофон.

— Я — «Чайка», бортовой номер триста тринадцать, Кубакин.

— Вадим... слышишь меня? — спросил Можаровский.

Не знаю, какие нервные силы управляют термодинамикой моего организма, но в этот момент я похолодел от макушки до пят.

— Что?! — выдохнул я. — Карим?..

— Нет-нет! — спохватился Адам. — Буровая по-прежнему не отвечает, все как было.

Термодинамический эффект сработал в обратную сторону — мне стало жарко и душно. Я очень боялся вестей с буровой.

— Все как было, — повторил главный. — Где вы там? Успели скатиться с Фарсиды?

— Пересекаем Ржавые Пески подножия.

— Зону аккумуляции эолового материала? — уточнил Адам.

— Если угодно, — ответил я и, слегка удивленный его лексической осведомленностью в области ареоморфологии, глянул вниз, на извилистые узоры дюнного поля. Вдруг догадался: он ловит наш «зайчик» на включенной там у себя автокарте маршрутного сопровождения. Я предложил: — Хочешь картинку?

— Нет. Есть сообщение: медики выруливают на буровую с юга. Сейчас они на широте горы Павлина. Вы опережаете их, по моим расчетам, на десять минут.

«Лучше бы наоборот», — подумал я. Думать о предстоящей работе реаниматоров на буровой было равносильно пытке. Я постарался отвлечься.

— Спасибо за информацию.

Навстречу неслись и с бешеной скоростью исчезали под днищем кабины волнистые гряды пропитанных ржавчиной и припорошенных инеем дюн. Царство Ржавых Песков. С ледовой шапки марсианской арктики к подножию колоссального горного вздутия, называемой Фарсидой, ежедневно стекают студеные ветры и волокут сюда все, что им удается содрать по пути с равнинных просторов Аркадии и Амазонии. Даже небо здесь розовое от постоянно взвешенной в воздухе красной пыли. Я смотрел на прыгающую по верхушкам дюн трепетную тень аэра и уже не ждал от главного ничего, кроме обычной формулы прощания, как вдруг он огорошил меня вопросом:

— Вадим, сколько людей у тебя сегодня на буровой?

— Ты как будто не знаешь?!

— Сменные мастера Фикрет Султанов и Дмитрий Жмаев, — невозмутимо стал перечислять Адам. — Бурильщики Николай Песков, Карим Айдаров, инженер-коллектор Светлана Трофимова...

— Не ошибись, их пятеро на буровой.

— Вот мне и хотелось бы знать, чем каждый из них должен был заниматься в шесть сорок пять утра.

— Я сам ломаю голову над этим.

— Ты гадаешь, что могло там с ними случиться, — возразил Можаровский, — а я спрашиваю: чем каждый из них обязан был заниматься перед утренней связью?

— В шесть тридцать дневная вахта меняет ночную. Принимает скважину, проверяет оборудование в рабочем зале, актирует результаты бурения...

— Извини, Вадим, кто бурил ночью?

— Султанов, Песков.

— Значит, на смену пришли Айдаров и Жмаев? Кстати, как это у вас происходит? Под звуки курантов все четверо встречаются в рабочем зале?

Я помедлил с ответом.

— Встречаются пятеро.

— Что, и Трофимова тоже?

— А с чем же ей, по-твоему, выходить на связь?!

— Понятно.

— Светлана должна быть в курсе всех производственных дел на буровой.

— Понятно, — повторил Адам. — Значит, ты вправе предположить, что утром все пятеро членов твоей команды общались в рабочем зале?

— Да. По крайней мере так бывает обычно.

— Результа́т их сегодняшнего общения — лужа крови, «чуть не убитый» Айдаров и затяжное молчание буровой... Послушай, Вадим, не странно ли, что в этой луже плавает халат Пескова?

— Странностей хоть отбавляй.

— Если Трофимова сказала правду, было бы куда логичнее увидеть в луже халат Айдарова, верно?

— Светлана лгать не станет, — отрезал я.

— Тогда почему халат не Айдарова?

— Наверное, потому, что никому и в голову не пришло раздевать прямо в зале тяжело раненного человека. Куда логичнее поскорее доставить его в каюту.

— Судя по размерам натекшей лужи, с ускоренной доставкой что-то не получилось, — резонно заметил Адам. — Выходит, чтобы снять халат с пострадавшего, время у них было.

— Пострадавшим считаешь Пескова?

— И Айдарова, — добавил главный. — Обоих. Такая обширная лужа крови на одного — слишком много, черт побери!

— По-твоему, Песков чуть не убил Айдарова, а Айдаров — Пескова? — пробормотал я, плохо соображая в этот момент.

— Айдаров — вряд ли. Давай припомним, что говорила Трофимова. «Извини, Галкин, здесь такое творится! Песков нас всех вампирами обозвал и Карима Айдарова чуть не убил!» Сам видишь, мог ли Пескова Айдаров.

— Ну а... кто же Пескова?

— Остальные.

— Остальные?! — Мне показалось, я схожу с ума. Остальные — это Светлана, серьезный, уравновешенный Дмитрий и мудрый Фикрет — наш ветеран, мой надежный помощник. — Но Пескова-то за что?!

— Мотив пока неизвестен, — высказал соображение главный (я даже представил себе, как он там пожал плечами и дернул рыжей, как марсианский пейзаж, головой). — Однако в сообщении Трофимовой есть очень странный намек: Песков их всех вампирами обозвал. Всех, заметь!

— Заметил. И чего в этом...

— Может быть, и ничего, — перебил Можаровский. — А вдруг он знал, что говорил?

— Бред какой-то!..

— При тебе он когда-нибудь ругался такими словами?

— Песков никогда не ругается — он по натуре своей не агрессивен. Вампиров, вурдалаков и упырей при мне он ни разу не поминал ни в какой связи. И что из этого следует?

— Только то, что сообщила Трофимова. Кроткий, как голубь, Песков взбунтовался один против всех. Ты склонен Трофимовой верить? Мы — тоже. Опираться будем на голую логику.

— А если Песков просто спятил, как вы тогда вместе с ней, голой логикой, выглядеть будете?

— Насчет Пескова — спятил он или нет — можно только строить догадки, — сухо возразил Адам. — А вот насчет Трофимовой... Ее изумивший Галкина «портрет» запомнил? Чего молчишь?

Логическая западня захлопнулась. Я молчал от ошеломления, непонимания, страха. Не далее как вчера я оставил на абсолютно благополучной буровой пятерых совершенно нормальных людей. И

Художник Ю.Авакян

не просто людей — товарищей своих, друзей, с которыми бок о бок... все эти годы. Перед сном, во время вечернего сеанса связи, я долго разговаривал со Светланой. Она была, как всегда, мила, остроумна. Нам бывает скучно друг без друга, хотя, когда мы вместе, я очень устаю от той иссушающей сердце неопределенности, устранить которую почему-то не в силах ни я, ни она... И вот сегодня ни свет ни заря «благополучная» буровая обернулась притоном обезумевших убийц!..

— Адам, а может, все они чем-нибудь отравились?

— Годится. Но что это меняет?

— По сути ничего, ты прав. Нашу беседу слышит еще кто-нибудь?

— Естественно. Кубакин, например.

— Кубакин — ладно, свой человек. Еще кто?

На этот раз уже главный помедлил с ответом.

— Нашу беседу координируют из столицы.

— А!.. — сказал я. — Привет Гейзеру Павволу.

Есть у нас на Марсе оракул такой, на всякий случай. Работает системным аналитиком и прогностиком. Когда возникает нужда, он и его коллеги просчитывают нестандартные ситуации. Это чтобы повысить степень нашей готовности к любым неожиданностям. Ну спасибо, парни, повысили — все поджилки трясутся...

— Вадим, — окликнул меня Можаровский. — Куда исчез?

— Никуда. Стараюсь взять себя в руки.

— И еще не забудь взять в руки оружие. После посадки пилот выдаст тебе пистолет из бортового сейфа.

— Сам придумал?

— Мы так решили. Для твоей безопасности на буровой.

— Идите вы... со своим решением.

— Это мне идти. Гейзер Паввол отключился. Его, между прочим, на совещание вызвали.

«Вот как! — подумал я. — Весь Марс на ноги подняли».

Впереди, над волнистой линией близкого здесь горизонта, вспыхнул солнечный зайчик. Блеснуло коротко, но светло и ясно — будто вспыхнуло на солнце чистое зеркало. Это уже верхушка здания буровой. Вернее, антенна системы спутниковой связи «Ареосат», похожая на маленький зеркальный парус. Через две-три минуты машина сядет, и я наконец узнаю, в каком состоянии раненый. Или раненые, если их действительно двое.

— Кубакин! — позвал Можаровский.

— Слушаю! — быстро откликнулся тот.

— Артур, Ерофеева без оружия из кабины не выпускать!

Я встретил в зеркале желтые огоньки глаз пилота.

— Иду на посадку, — предупредил он не столько, надо думать, меня, сколько диспетчера.

Аэр с головокружительным креном вошел в разворот над оранжевым, мягковсхолмленным «блином» пустыни.

— Жди Ерофеева, — напутствовал пилота Можаровский, —

кабину не покидай. Вадим, будь осмотрителен, действуй без риска. До связи, прораб!

Я пытался высмотреть на вираже приметный здесь ориентир — группу линейных борозд выдувания. Группу неглубоких ветровых долин. То, что мы называем ярдангами. Пока я соображал, где их искать, вставший дыбом «блин» западной Амазонии закатился куда-то назад и, неожиданно вынырнув из-под слепящего солнца, ухнул вниз. Меня слегка замутило, я впрыснул в респиратор дыхательной маски мятный аэрозоль. Машина выпрямилась и, клюнув носом, пошла на снижение вдоль прямолинейной, как городской проспект, долины — центральной в группе из трех чисто вылизанных ветрами долин — ярдангов, разделенных между собой узкими грядами.

Исполосованное тенями ложе ярданга с бешеной скоростью уносилось под днище аэра, а впереди вырастало в размерах черно-белое с золотистыми отблесками здание буровой, охваченное с тыла тремя рядами зеркал гелиоустановки. Заранее освобождаясь от ремней, я ощупывал взглядом стены стремительно вырастающей трехступенчатой пирамиды. Не знаю, что я ожидал увидеть. Не было заметно никаких странностей, буровой комплекс выглядел обыкновенно. Впрочем, бодрости мне это не добавило.

Излишек площади несущих плоскостей аэра со скрежетом втянулся в бортовые бунки. Опустив стекло гермошлема, я ждал посадочного толчка. Свист мотора сменило шипение тормозной воздушной струи, и, как только амортизаторы приняли на себя удар опорными лыжами, я вскочил и, пригнув голову, чтобы не стукнуться о потолок, кинулся к выходу. В шлюз-тамбуре меня остановил закрытый люк.

— Артур, в чем дело?

— Возьми оружие, — сказал Кубакин.

— Открой немедленно, время идет!

— Возьми оружие, — спокойно повторил пилот.

Я повернул обратно и минуту наблюдал, как сложно отпирается кодированный оружейный сейф.

— Пользоваться хоть умеешь? — запоздало осведомился мой мучитель, подавая мне глянцево-черный паллер в желтой и тоже лоснящейся глянцем кобуре. — Полезная штуковина.

Кобуру я не взял. Выхватил из нее тяжелый паллер, щелкнул предохранителем и приставил ствол к гермошлему Кубакина:

— Люк открывай! Живо!

Он отшатнулся в испуге:

— Что ты... спятил?!

— Нет. Но пальцем чувствую, спуск у этой полезной штуковины очень мягкий.

— Иди, иди куда хочешь, выход открыт!

Я воткнул паллер в кобуру, которую Кубакин все еще держал в руке: — Спрячь в сейф до следующего раза.

— Совсем ненормальный!.. — бросил мне в спину пилот.

Больше никаких недоразумений с выходом не было — люк

открылся. Я спрыгнул на хрусткий, обындевелый грунт и поспешил к зданию буровой. У входа в шлюз обернулся. Приподнятые крылья аэра были плавно изогнуты на концах, как хвостовые перья птицы-лиры. Вдольярданга висела в воздухе рыжая муть.

Пока автоматика накачивала в шлюзовой тамбур мутный от снежной пудры и глинистой пыли воздух, я раздумывал, что мне делать после термальной и моечной обработки. Раздеваться в экипировочном отсеке не стоит. Во-первых, это непозволительно долго. Во-вторых... В общем раздеваться не надо. И гермошлем не стоит снимать — лучше сохранить за собой преимущества автономного дыхания. На всякий случай.

В клубах пара стал расширяться светлый прямоугольник прохода в экипировочную. Сердце забилось чаще. Мне казалось, в этом отсеке меня ожидает нечто ужасное. Вперед!

Ничего не случилось. Экипировочная была безлюдной и в полном порядке.

Стараясь ступать бесшумно, я выскользнул в коридор и быстро добрался до лестничного фойе. Отсюда на второй ярус вела винтовая лестница. Там — жилые каюты. Я надавил ногой на первую ступеньку — мягким сиянием озарилась вся лестница, и зеркала отразили глянцево-розовый блик на моем гермошлеме. Впервые в этом фойе стоял человек в полной гермоэкипировке. Я отпустил ступеньку и двинулся дальше по коридору до поворота в рабочий зал. Сплошного освещения в коридорах первого яруса не было — меня сопровождала скользящая световая волна. Впереди — мрак. И сзади. И кромешная тьма в боковых проходах. Согласно опасениям Можаровского, я на каждом шагу мог встретиться с упырем. Я понятия не имел, как должна выглядеть эта нежить по фольклорным канонам, и старательно не доверял подозрительным теням. А впрочем, согласно логике Можаровского и Паввола, здешние упыри злодействуют под личиной моих подчиненных...

На повороте в рабочий зал я задел ногой какой-то предмет. Меня прошибла испарина. Это был заляпанный красными пятнами башмак кого-то из бурильщиков. Прочный такой башмак на толстой подошве... Второй находился далековато от первого — шагах в десяти. Мне стало до мерзости неуютно. Однако я заставил себя войти в переходный тамбур и заглянуть в хорошо освещенный зал через квадратный иллюминатор. Кошмарная красная лужа была на месте. И халат. Новый ракурс позволил мне разглядеть на полу то, чего со стороны следящего телемонитора не было видно: испачканный кровью и еще черт знает чем респиратор и кровавые отпечатки рифленых подошв. Переступив с ноги на ногу, я с ужасом вдруг ощутил, что пол в тамбуре липкий.

Почти не разбирая дороги, я вернулся в фойе. Меня мутило. Мне казалось, подошвы моих башмаков оставляют на ступеньках лестницы кровавый след. Я снова впрыснул в дыхательную маску мятный аэрозоль. Во мне крепла уверенность: жуткое происшествие на буровой — результат общего отравления всей бригады. Но чем?!

Лестница кончилась. Я стоял в холле жилого яруса. Двери кают четко очерчены по периметру белыми валиками пневмоуплотнителей. Ноги сами привели меня к двери каюты Айдарова, рука нажала кнопку сигнала. Никто не откликнулся. Я потянул дверь на себя, отвел в сторону. Вошел в залитый светом салон, убедился, что откликаться здесь некому. Заглянул в бытотсек и в спальню. Обычные чистота, порядок...

В свое жилище я просто заглянул с порога и, бегло осмотрев соседнее — жилище Дмитрия, отворил дверь каюты Пескова. Охвативший меня в этот момент страх неизвестности оказался напрасным — и здесь ничего ужасного не было. В салоне, однако, был беспорядок: надувное кресло опрокинуто, журналы разбросаны, штатив столика так основательно прогнут книзу, что овал столешницы касался пола. «Падал он тут, что ли?..» — подумал я о хозяине. Он или не он, но кто-то был здесь несколько минут назад — на полу еще не просохло темное пятно от разлитой воды. Рядом валялся бокал. Чуть дальше — сифон. Возле сифона что-то блестело. Вглядевшись, я узнал разорванную платиновую цепочку Светланы. Быстро поднял свой недавний подарок, сжал в кулаке.

В каюте Светланы я подошел к столу, взял бокал и, нацедив воды из сифона, стукнул бокалом о лицевое стекло. А, черт! Я протер забрызганное стекло и почувствовал, что уже устал от нервного напряжения. Где раненый? Где все? Что произошло в каюте Пескова?.. Я стукнул по крышке стоящего на столе фотоблинкстера — крышка пружинно откинулась, блеснули зеркала отражателей. Над зеркалами возникло стереоизображение Аэлиты.

Все мы на пятой *Р*-4500 хорошо знали эту единственную в наших окрестностях базальтовую скалу — останец на вершине круглого, плотного, словно медью облицованного холма. Песков первый разглядел в этой скале... нет, сначала не Аэлиту. Сначала просто Ее. Он же повел знакомиться с Ней своего друга Карима. И пошло по цепочке: Айдаров показал марсианку Диме, тот — Светлане, Светлана — Фикрету. Наш ветеран ничего особенного не разглядел и загорелся желанием испытать чары этой скалы на мне. Увы, мне долго не хотелось тратить время на пустяки. Но однажды, вдруг обнаружив, что никто, кроме Фикрета, не приглашает меня посмотреть на занятную горку (даже Светлана ходит туда одна!), я почувствовал себя уязвленным, вывел из гаража вездеход и, форсируя двигатель, покатил по следам паломничества буровиков. Одного взгляда на вершину холма мне было достаточно, чтобы соединить случайные в сущности формы выветривания в одно прелестное целое, — я сразу увидел Ее... Изящно опершись руками и грудью на глыбу дикого камня, Она глядела вдаль с выражением живого и наивного любопытства на очень молодом, немного курносом лице. На Нее приятно было смотреть — как на красивого и чуточку шаловливого веселого ребенка. Казалось, тронь Ее базальтовую голую пятку — и над холмами зазвенит заливчатый девичий смех. У меня побежали мурашки по коже... Я вынес из вездехода фотоблинк-

стер и торопливо, пока не накрыли пустыню стремительные здесь лиловые сумерки, запечатлел марсианочку в объеме двенадцати единиц кассетного кристалла. На третий день после моего шального визита скалу взорвали. Изыскательская группа энергетиков, ровняя площадку под опорную гелиостанцию для грядущих энергетических нужд Амазонии, напрочь снесла с холма половину останца. В тот вечер Песков закрылся в каюте и не вышел на смену. А две недели спустя мне, как прорабу, был из столицы разнос: за каким, дескать, лешим вы включили в требование по срочной грузодоставке пять букетов бессмертника и куда теперь девать этот присланный с Земли ящик? Оставшееся время сеанса связи я изъяснялся в основном междометиями. Я понятия не имел о «нелегально» затребованных пяти букетах и действительно не знал, что делать с ящиком. Вмешалась Светлана. «Ящик разбейте о голову начальника изыскательской группы, — посоветовала она столичному функционеру, — а бессмертник отправьте к нам на буровую, как и указано в комплектной ведомости доставки технологического груза. У меня все». У нее все! «Напрасно ты надерзила столице, начальство мне этого не простит». — «Ну... как-нибудь. Пострадаешь за Аэлиту». — «Нет Аэлиты! Понимаешь? Взорвали! Для кого теперь эти бессмертные веники?!» — «Для нас!» — выкрикнула она мне в лицо и выбежала из диспетчерской. Вечером я долго вызывал ее по звуковому каналу внутренней связи. Разговора не получилось. Она пропела мне из своей каюты грудным контральто: «И тех страдальцев не забудь, что обрели венец терновый, толпе указывая путь — путь к возрожденью, к жизни новой...»* Последние слова утонули в рыданиях. Она сама утонула в рыданиях. «О, черт! — подумалось мне тогда. — Пустынный, пыльный, сухой, морозный ярданг, а какие здесь страсти бушуют!..»

Я разжал кулак, выпустил платиновую цепочку на стол и покинул каюту.

Мне оставалось осмотреть жилище Фикрета. Вдруг в отдалении прозвучал женский смех. И вроде бы голоса... Я подкрутил на темени гермошлема регулятор усилителя слышимости и шагом разведчика прокрался в фойе, откуда вела наверх винтовая лестница. Ничего не было слышно, кроме шороха моих осторожных шагов.

В какое из двух помещений третьего яруса заходить в первую очередь, выбирать не пришлось: дверь в диспетчерскую была закрыта, а из распахнутой двери, ведущей в лабораторию, призывно падал свет... Я переступил порог.

За пультом лабораторного терминала сидела Светлана. Двое в белых халатах прильнули к ней с обеих сторон, обняв за плечи. Светились экраны, мерно пощелкивал рентгеноструктурный анализатор.

— Вот вы где!

Двое из этой троицы вздрогнули и обернулись (Светлана продол-

* Стихи А. Н. Плещеева.

жала смотреть на экраны). Не сразу я узнал Дмитрия Жмаева и Карима Айдарова: халаты и лица их были испачканы кровью. На глазах Айдарова красовалась лиловая карнавальная полумаска...

Несколько секунд мы оторопело разглядывали друг друга. Я машинально поднял лицевое стекло. Издав торжествующий вопль, они внезапно бросились ко мне с протянутыми красными руками. Я попятился. Они ухватили меня и с громкими возгласами потащили на середину лаборатории. Ошеломленный нападением, я почти не сопротивлялся, но уже прикидывал, кому и куда нанесу первый удар. В суматохе я очень близко увидел испачканное лицо Айдарова, оскал белых зубов и по-сумасшедшему острый блеск глаз. То, что я принимал за карнавальную полумаску, оказалось лиловым разливом чудовищных подглазных синяков. Крепко сжав меня с двух сторон, Айдаров и Жмаев в каком-то радостно-безумном возбуждении пытались кружиться, пританцовывали и оглушительно орали, призывая Светлану включиться в этот дьявольский хоровод. Я не мог понять, чего они от меня хотят, но успел отшатнуться, когда Светлана вдруг поднесла к моему лицу колбу, наполненную свежей кровью. Изловчившись, я оттянул кислородную маску и рявкнул что было мочи:

— Прекратить эйфорию!!

Рявкнул я просто от страха, не ожидая, что крик мой подействует. Но он подействовал. Безумцы отпрянули, Светлана выронила колбу. Сосуд, глухо звякнув, стукнулся об пол, и часть его содержимого выплеснулась мне на ноги. Ломким от возбуждения голосом я спросил:

— Что здесь происходит?!

Все трое молча переглянулись. Мне показалось — с недоумением.

— Кто вас избил, Айдаров?

Карим ощупал свои «фонари» красными пальцами.

— Пустяки, — сказал он. — Это Коля резко так от меня отмахнулся. Нам представлялось, что ни одно лицо на буровой не станет резко возражать против традиционного обмазывания...

— Николай рассеял это заблуждение, — добавил Жмаев.

Я переводил взгляд с одного на другого. Я их боялся. Обоих. Мне очень не нравился шалый блеск в их глазах. И синевато-серые глаза инженера-коллектора в этом смысле мне тоже не нравились. И аномальная растрепанность ее выбившихся из-под лабораторной шапочки волос...

— Не сердись, Вадим, — сказала она и, небрежно встряхнув волосами, уронила шапочку на пол. — Мы нашли то, что не искали и о чем никто из нас не мечтал, ну и... слегка обалдели от радости.

— Это заметно.

— Не сердись. Нас теперь на руках носить надо.

— Это я вам почти гарантирую. — Я взглянул на часы. Если Адам не ошибся в расчетах, аэр медикологов уже здесь.

— На руках, — настаивала Светлана. — Всех! И тебя.

— Уж как меня понесут, вы себе даже не представляете.

— Тебя — впереди. Как знамя.
— А можно узнать, с чего это у вас такая радость?
— О! Наша скважина первой на этой планете нефть дала!
Я подумал, что ослышался.
— К-какая еще нефть?..
— Хорошая нефть, малосернистая. Состав и плотность мы уже определили. — Она кивнула в сторону терминала: — Иди взгляни. Данные там, на экранах.

Абсурд. Я не двинулся с места. Нефть на мертвой планете под двухкилометровым панцирем мерзлых пород — полный абсурд. Вода и жидкая углекислота — пожалуйста, хоть целое море. Но нефть!.. Это немыслимо. Сотни геологоразведочных скважин на Марсе пробурено, в том числе четыре глубокие, и ни малейших нефтепроявлений! Да их и не ждали. Никто никогда здесь прогноза на нефть не давал.

— Где Песков? — спросил я. — Где Султанов?
— Ты хотя бы понял, что я сказала?
— Не волнуйся, Светлана, не надо. Спокойно...
— Да какое тут, к черту, спокойствие?! — удивилась она. — Нефть! Понимаешь? Большая химия Марса! Индустриальное производство хозяйственных и строительных материалов прямо на месте! Сырье для пищевых синтезаторов! Почва для планетарной фитокультуры!..
— Не спорю, — вставил я. — Открытие нефти, безусловно, превратило бы Марс в объект немедленной колонизации. Но... увы.

Я развел руками, и возбуждение в глазах Светланы угасло. Пригладив волосы, она направилась к выходу.

— Нефть у твоих ног, — бросила она мне у порога, и ее каблучки зацокали по ступенькам винтовой лестницы.

Я решился на неприятный эксперимент: нагнулся, окунул палец в лужицу и понюхал эту кроваво-красную жидкость. Специфический запах нефти буквально парализовал меня. Айдаров и Жмаев с белозубыми улыбками на жутких лицах стояли поодаль и, видимо, ждали развязки. В голове у меня словно бы что-то перевернулось наоборот — вдруг стало понятно, что произошло сегодня на буровой. Я медленно отстегнул перчатки и, ощущая легкое головокружение, начал снимать с себя гермошлем.

— Кровельный пласт проткнули, а там — горизонт под давлением, — рассказывал Дмитрий, помогая мне раздеваться. — Нефть на самоизлив пошла. Фикрет глазам не поверил: нефть на нефть не похожа.
— Не растерялся наш ветеран, — вставил Карим, — нас с Димой по тревоге вызвал, Колю окриком из шока вывел, и они вдвоем эту струю перекрыли.
— Тут и мы подоспели, — продолжал Дмитрий. — А когда стали физиономии друг другу нефтью мазать, у Николая нервный срыв случился...

— Высотный костюм оставьте на мне, — сказал я. — Только тяжи ослабьте... Так, спасибо. Где Николай?

— В каюте Фикрета, — ответил Карим.

— Фикрет его там успокаивает, — пояснил Дмитрий.

— Главное — нефть дали! — Карим улыбнулся страшным лицом. — Автономию Марсу, считай, обеспечили.

— Автономию, говоришь? — Я поднял колбу с остатками нефти, снова понюхал. — Струйку дали — и уже автономия?

— Фонтан! — многозначительно сказал Айдаров.

С колбой в руке я сбежал по лестнице на второй ярус. Голова немного кружилась. Нефть — она кому угодно голову вскружит. Спрыгнув с последней ступеньки, я увидел Светлану. Она стояла, опершись спиной о дверь своего жилища, и смотрела куда-то мимо меня. И непонятно было, чего — или кого? — она ждала. Бесшумно открылась и закрылась дверь каюты Султанова — наш ветеран вышел в холл. Тоже со следами ритуального обмазывания на лице. Мы обменялись рукопожатиями. Я спросил:

— Что с Николаем?

— Плохо ему, — сказал Фикрет и зачем-то потрогал себя за большой, испачканный нефтью, печально опущенный нос. — Разговаривать со мной не желает. Разве я виноват, что на Марсе красная нефть?!

Слово «нефть» он произносил без гласного звука и без смягчения на конце. Получалось что-то вроде «н-фт».

Я глубоко вдохнул струящийся из горлышка колбы специфический аромат и поинтересовался:

— Интуиция тебе что подсказывает? Нефти много?

— Думаю, да. Только нюхать ее... не советую.

Я и сам уже ощутил, что марсианская нефть оказывает на меня какое-то странное наркотическое действие.

— У меня до сих пор голова не на месте, — пожаловался Фикрет.

— Слышишь топот внизу?

— Кто это?..

— Бригада реаниматоров. Встречай, разбирайся.

Светлана быстро прошла в каюту Султанова — бесшумно открылась и закрылась дверь. В нашу сторону Светлана и не взглянула — как будто нас с ветераном здесь не было. Мы с ветераном выпали из сферы ее интересов.

— Теперь все станет на свои места, — добавил я, уходя.

— Вадим... куда? — растерянно спросил Фикрет.

— В диспетчерскую. Из-за фонтана мы совсем забыли про Гейзера и Адама. Фонтан, конечно, не гейзер, но в функциональном смысле они адекватны.

Я рассмеялся, вылил содержимое колбы себе на голову и побежал вверх по ступенькам.

Наверху я почувствовал, как нефть течет у меня по щекам.

Сергей Смирнов

ДЕНЬ СЛЕПОГО ВОЖАКА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Свиязи — птице, дважды в год преодолевающей без отдыха путь между Индией и полярной Сибирью.

Завтра — последний день месяца Верности, День Слепого Вожака. На рассвете, когда солнечный луч коснется вершины Большой Ели, самая старая птица, Мать Стаи, развернет крылья и, потянувшись клювом к небу, возьмет высокий и горький напев великой Песни Поминовения. И тогда вся Стая, заплескав у земли крыльями, поднимется ввысь и, дружно откликаясь на зов птицы, оставшейся на земле, замкнет в небесах один круг — круг памяти о тех, кто не вернулся на родные гнездовья, кого сломили в Пути болезни и ветры. И, опускаясь вниз, навстречу Матери Стаи, все мы на одном ударе крыльев запоем Песнь о Героях, спасавших Стаю и Долг ценой своей жизни.

А к полудню к нашим гнездовьям прилетят старики из Стай, вернувшихся раньше нас. Они споют молодым о своих Героях. Они расскажут о Ледяном Пере, который вел свою Стаю в великий небесный холод. Выстроив птиц узким клином, он защитил их крыльями и, промерзая каждым перышком, дотянул Стаю до родного озера. Он первым ударил воду крыльями — и в тот же миг рассыпался весь на тысячу сверкающих льдинок. Они расскажут о Победителе, который вывел Стаю из урагана на сломанных крыльях, и о других прекрасных и отважных птицах, забывавших в день испытания о боли и смерти.

Я вновь спою молодым о Слепом Вожаке.

Он передал мне перед смертью зов Вожака Стаи, и с того дня я сам — Вожак и хранитель песни о его славе.

Мое имя — Кольцо. В молодости я попал к вам, людям, и вы оставили на мне свою отметину, по которой меня когда-то начали окликать в Стае.

Теперь нас немало таких на свете. Колец. Но вы, люди, даже если всех нас пометите железными кольцами, никогда не раскроете великой тайны полета. Как ни вглядывайтесь в небеса нам вослед — вам не разгадать ни единого знака, что вычертит в вышине Стая: осенью — исполняя Долг, а весной — Верность. Вы, люди, — полуслепые, вы видите лишь половину света. И дана вам природой лишь половина жизни, в другой же половине, над землей, — и не в

утробах железных рыб, а на собственных крыльях — вам отказано.

Когда, замерев на земле и подняв головы, глядите вы нам вослед, что видите вы в нашем полете? Ничего, кроме взмаха крыльев.

Но нет, не одни холода поднимают нас в небо и гонят далеко к теплу и не одно весеннее солнце и новая пища возвращают нас на старые гнездовья. Нет, и солнце, и земля готовят тепло и новую пищу только к нашему прилету: вот в чем правда. И не звезды, не метки внизу, на земле, указывают нам верный путь. Ведет нас свет Белых Ключей, вам, людям, недоступный.

Он, свет Белых Ключей, заставляет наши сердца биться в один удар и подниматься на крыло силой единого строя.

Вам, людям, чуждо это осеннее томление и счастье великого Пути. Когда наступает месяц Долга, у разных птиц он — свой, мы начинаем томиться внутренним огнем, и радостная тоска собирает нас в один, бьющийся неодолимой силой, готовый взвиться до самого солнца вихрь. Мы ждем тайного дня. Он придет — и с первым лучом солнца от земли, от каждого гнезда потянутся ввысь струи света, свиваясь на верхних ветрах в Белый Ключ, в тропу, уводящую нас от дома к месту зимовья.

Сама земля призывает нас подняться в небеса. Два месяца в году весь небосвод мерцает и переливается радужным сплетением Белых Ключей, указующих Стаям исполнение Долга и Верности. Два месяца в году биение наших сердец и крыльев так же необходимы земле, как биение наших сердец — нашей собственной жизни. Мы, птицы, — малые капли великого океана бытия, но в наших перелетах кроется тайная животворная сила земли. Без перелетов замолкнут на ней живые голоса и не станут прорастать семена. И вот, чтобы не перестала земля родить живое, чтобы красота не перестала быть красотой и, быть может, само Солнце не перестало светить, в День Перелета должны мы подняться на крыло и, следуя по Белому Ключу, любой ценой достичь другого конца светлой тропы.

...В дальнем краю, за страной Крылатых Гор, в долине есть озеро. На его берега привел нас в ту осень Белый Ключ. Мы провели положенный срок на южной воде, слишком пахучей и слишком сладкой, чтобы ею можно было радостно утолить жажду, особенно после долгой дороги.

Мы дождались месяца Верности и стали собираться в обратный путь... Уже захватывал сердце огненный трепет, уже вздрагивали по ночам крылья, наливаясь перелетной силой. Но дни проходили за днями, а Белый Ключ все не появлялся.

И вот однажды утром у нас на глазах с соседних озер поднялись две Стаи.

Первую мы невольно проводили глазами, даже не ответив на клич прощания, и, лишь когда скрылась она из виду, тогда вдруг охватило нас смятение: нет, не готовились еще соседи к перелету, делая пробные круги, но уже уходили в Путь по своему Белому Ключу. В страхе замерли мы, пристально, до боли вглядываясь в

Художник Ю. Авакян

небо: мы не видели Белого Ключа, что увел Стаю Весельчака, так звали Вожака соседей.

Часом позже поднялась на крыло другая Стая... И вновь Белый Ключ остался незрим для наших глаз.

Наш Вожак — в ту пору им был Остроклюв — крикнул, когда Стая пролетала над озером:

— Где ваш Белый Ключ? Мы не видим его!

Вожак улетавших, казалось, не понял Остроклюва, он был удивлен другим событием, и сам ответил вопросом:

— Почему медлите? Ваш Белый Ключ поднялся первым среди озер!

Известие так поразило нас, что даже лишило сил поддаться панике. Мы сбились в растерянную толпу у берега и лишь испуганно озирались по сторонам, с трудом осознавая, что ужаснее беды, случившейся с нами, не найдешь ни в небесах, ни на земле. Мы ослепли! Мы не видим Белые Ключи!

Но страх потерять дорогу домой — не самый великий страх: мы добрались бы, пристроившись к собратьям. Мы испугались больше смерти иного: наш Белый Ключ останется пустым, он не будет согрет нашим дыханием... И померкнет свет дня... и реки остановятся, и не распустятся цветы на земле... если не будет исполнена Верность Стаи — перелет по небесной тропе.

Случается, гибнут Стаи в ураганах, холодах и над вашими ружьями — и не меркнет свет: земля крепка всеми летящими над ней

птицами. И даже гибнущие Стаи на одну лишь крупицу, но все же исполняют Долг или сохраняют Верность, ибо одного лишь вдохновения взлета на Белый Ключ уже достаточно, чтобы потекла по нему через небеса живительная сила светоносной крови. Но Стая, что не поднялась на Белый Ключ, подобна Изгоям, ослепленным силой больших городов и забывшим о перелетах: она несет земле боль, губит леса и воду, хотя и не вашей силой холодного разума, но черной силой ослепленного сердца.

Нашей Стае не было больше места на земле. Кто предал ее страшному проклятию?

— Вода, — сказал Остроклюв. — Мы были ротозеями. Вода стала другой, и мы не ушли в тот же день. Нас погубила беспечность.

Это была правда. В месяц Долга Белый Ключ привел нас на чистую воду. Но вскоре вы, люди, построили на дальнем берегу новое мертвое гнездовье, пустившее в небо темные дымы, а в воды озера — тихую отраву. Она ослепила нас.

Страх и отчаяние охватили Стаю. Но в тот миг, когда мы уже потеряли всякую надежду, послышался голос Слепого.

Среди нас он был самым молчаливым. От рождения он не видел света и поднимался в небо в середине Стаи. Однако мы оставляли ему лучшую пищу, и сам Вожак чтил его: он во сто крат лучше остальных чуял опасность, особенно вас, людей: по слуху — шепот и дыхание, а по запаху — ваш пот, табачный дым и масляный дух ружей.

Слепой говорил тихо, и не было в его голосе уверенности. Он боялся, что ему не поверят... Он поведал нам, что всю жизнь узнавал Белые Ключи по запаху, подобному тонкому аромату молодой сосновой смолы, и всю жизнь это скрывал, заметив, что остальным, зрячим, это чувство неведомо.

Остроклюв первым прозрел наше спасение и радостно взмахнул крыльями:

— Отдаю тебе зов Вожака! — воскликнул он. — Слепой! Поднимай Стаю немедля, пока Белый Ключ не закрылся.

У нас не осталось времени раздумывать и тратить силы на пробные круги.

Слепой, нежданно став Вожаком, несколько мгновений растерянно шевелил крыльями и кружился по воде. Но Остроклюв подбодрил его:

— Смелее, Слепой Вожак! Веди Стаю по запаху. В небе о дерево не ударишься.

Собравшись с духом, новый Вожак тронулся вперед по прямой, забил крыльями, вода отпустила его, последние брызги, мерцая, разлетелись в стороны... И он устремился ввысь. За ним, спешно выстроившись в крыло, взмыла в воздух вся Стая.

Странный это был перелет. Мы не видели перед собой протянувшейся вдаль светлой тропы, и казалось нам порой, что новый Вожак и есть среди нас единственный зрячий, а мы, остальные, с покрытыми мраком глазами летим за ним следом в неведомую бездну.

Крылья Слепого Вожака бились с ровным и спокойным свистом. Мы с тревогой вслушивались едва ли не в каждый их взмах: что, если Слепой устанет лететь Ведущим... Сбейся он хоть на миг с Белого Ключа — и мы пропали.

Остроклюв, летевший по правое крыло от Вожака, порой окликал его, подбадривая. И мы слышали от него в ответ неизменное:

— Свет на крыле! — И голос его не терял силы и бодрости.

Какой свет видел он, слепой?

Миновал день, а следом — ночь. Навстречу потянул хлесткий, порывистый ветер, и тогда Остроклюв и Прыгун вытянулись впереди Слепого на два взмаха и прикрыли его. Белый Ключ тек точно на север, не опускаясь и не дыбясь волнами, и двое Ведущих, следя за Вожаком, почти на сбивались с его лета.

Ни о какой передышке нам нельзя было и подумать...

Внизу проплыла страна Крылатых Гор, мерцая голубыми и прозрачными, как лед, вершинами. По ночам мерцали во тьме над нами снега далеких небесных вершин, и, осыпаясь с них, крохотные льдинки, никогда не долетавшие до земли, касались наших крыльев и тихо звенели, ломаясь и сверкая радужными искрами. Потом на востоке, по правое крыло, растекались кольцами по краю земли огненные родники, поднималось Солнце, следуя по своему Белому Ключу, и, перелетев через вершину Горы Мира, опускалось вниз, блистая ослепительно золотыми перьями.

Так миновали еще одна ночь и еще один день.

На исходе третьего заката мы услышали впереди гул: крохотная вдали, как черная дробинка, навстречу Стае неслась железная рыба.

В небесах в пору перелетов нет опасности страшнее ваших железных рыб. Они губят Стаи и силой своего утробного огня разрывают течение Белых Ключей, и потому, летя над землей, железные рыбы ранят саму землю, отравляют ее кровь губительнее, чем мертвые гнездовья.

С ревом четырех огромных глоток на крыльях железная рыба стремительно приближалась. Настал роковой миг, когда мы поняли, что она не минует стороной: ее крыло перекрывало наш Путь.

Уступить ей дорогу означало потерять Белый Ключ!

Крылья еще сами собой несли нас вслед за Слепым, но страх уже гнал наши души прочь, и казалось, что они, словно птицы, поднятые с гнезд внезапным выстрелом, суматошно и бесцельно хлопают крыльями где-то далеко в стороне.

— Слепой! — крикнул Остроклюв. — Она летит прямо на нас! Сворачивай влево! Делать нечего, будем добираться на ощупь... Иначе — гибель.

— Свет на моих крыльях! — вновь ответил Слепой своим загадочным заклинанием, и в голосе его не послышалось ни единой ноты страха. — Я отдаю зов тому, кто увидит его. Свет поведет вас по Белому Ключу. Улетайте в сторону и следите за мной... Остроклюв, уводи Стаю!

Твердый голос Слепого вдруг успокоил наши сердца. Остроклюв

повел нас в сторону и вверх, и спустя несколько мгновений мы увидели этот неравный поединок. Мы видели в бескрайнем небе над бескрайней землей маленькую слепую птицу, не уступившую ни взмаха на своей дороге огромной, как скала, ревущей огненными пастями железной рыбе.

Уже не страх, а горечь перехватывала дыхание.

Мы видели, как одна из огненных пастей поглотила Слепого, и позади нее вылетел стремительный фонтан пылающих перьев. Мерцая и вспыхивая, они летели вперед по Белому Ключу. Они должны были гаснуть, но казалось, не гасли... И чудилось: эти легкие искорки вытягиваются вдаль светлыми струями и далеко, у горизонта, свиваются с тающим сиянием северного края заката.

— Я вижу! — вскрикнул я невольно, не сдержавшись. — Я вижу Белый Ключ!

Я сам испугался своих слов...

— Ты — Вожак! — услышал я крик Остроклюва. — Веди Стаю!

И так повел я птиц по следу тех призрачных огней, страшась, что мерещатся мне они от отчаяния. Но пылающие перья Слепого, чудясь ли, вправду ли не погаснув, привели Стаю на родные гнездовья.

Родная вода очистила наши глаза: спустя лето, в новый месяц Долга, мы, ликуя, увидели Белый Ключ Стаи, но отныне мне, Вожаку, и всем моим птицам Белый Ключ видится тропой, выстланной из пылающих перьев Слепого.

Завтра — последний день месяца Верности, День Слепого Вожака. Этот день придет в миг, когда первый луч Солнца, подобный огненному перу, пронзит небо от края и до края. Завтра Солнце озарит землю в честь Слепого Вожака, никогда не видевшего его золотого света.

Алан Нурс

СХВАТИ ТИГРА ЗА ХВОСТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

В универмаге было полно народу. И что им всем надо, когда сезон уже кончился? Просто удивительно, как они смогли ее заметить в этой толпе. Продавщица была занята на дальнем конце прилавка, а на ближнем эта дама тоже не бездельничала. Она брала товары и не спеша складывала их в сумочку. Кирни несколько минут наблюдал за ней с возрастающим беспокойством. Наконец он решил позвать заведующего другой секцией.

— Посмотри вон на ту женщину, — небрежно шепнул он. — Можно подумать, это ее собственный магазин!

— Воровка? А чего же ты ждешь? — спросил другой. — Сейчас мы с ней побеседуем...

Кирни поскреб в затылке.

— Да ты последи за ней немножко. Что-то тут не то...

Они стали смотреть. Женщина стояла у прилавка с хозяйственными товарами, перебирая все подряд. Вот она взяла три формы для выпечки и опустила их в сумочку. Туда же отправились две большие кастрюли и толкушка для картофеля. Потом еще маленькая плошка и две кастрюльки. Потом большая алюминиевая сковородка.

Второй заведующий не верил своим глазам.

— Да здесь на целый магазин хватит! А кладет-то она это все в дамскую сумочку! Кирни, но ведь это невозможно туда впихнуть!

— Вот именно, — сказал Кирни. — Пошли.

Они зашли с боков, и Кирни тихонько взял ее под локоть.

— Нам необходимо поговорить, мадам. Прошу вас пройти со мной.

Женщина равнодушно взглянула на них, пожала плечами и послушно зашла в маленький кабинет рядом с торговым залом.

— Не понимаю, что все это значит...

— Мы следим за вами уже пятнадцать минут.

Кирни взял у нее из рук сумочку, расстегнул, заглянул внутрь... Потряс... И растерянно протянул сумочку своему коллеге.

— Джерри, погляди.

Джерри поглядел. Когда он попробовал что-то сказать, слов у него просто не нашлось.

Сумочка была пуста.

Фрэнк Коллинз поставил машину под окнами Института физики и через несколько минут, предъявив отпечаток пальца, встретился у дверей лаборатории с Эвансоном.

— Хорошо, что приехал, — мрачно приветствовал его Эвансон.

— Слушай, Джон, что это за история с дамской сумочкой? Может, это ты так шутишь?

— Нет уж, — ответил Эвансон. — Какие там шутки. Сам сейчас увидишь.

Он провел Коллинза в лабораторию. Тот с опаской косился на сверкающие панели с кнопками, огромный генератор и усилители, реле с массой трубок и проводов.

— Не пойму, зачем я тебе понадобился. Я же инженер-механик.

Эвансон прошел в маленький кабинет за лабораторией.

— Ты еще и спец по экстренным случаям. Познакомься, это исследовательская группа.

Исследовательская группа состояла из некоторого количества очков, халатов и сутулых спин. Коллинз кивнул им и поглядел на стол. Там лежала черная сумочка.

— Ну и что, обыкновенная сумочка, — сказал он, беря сумочку в руки.

— Легкая.

— Что в ней?

— А мы-то думали, ты нам скажешь, — ехидно ответил Эвансон.

Коллинз раскрыл сумочку. Внутри она была какая-то странная, очень темная, а по краю шла тусклая металлическая окантовка. Коллинз перевернул сумочку и потряс. Ничего.

— Не суй туда руку, — предупредил Эвансон. — Это небезопасно. Один попробовал и лишился часов.

Коллинз оторвался от сумочки. На его круглом лице было написано живейшее любопытство.

— Откуда это у вас?

— Из универмага Тэйлор-Хэйден. Пару дней назад два продавца там поймали воровку. Она стояла у прилавка с кухонными принадлежностями и все подряд запихивала в эту самую сумочку. Они ее прищучили, а когда попробовали вытрясти из сумочки наворованное, ничего не вышло. Один залез туда рукой и потерял там часы.

— А к вам она как попала?

Эвансон пожал плечами.

— Ты ведь знаешь, что после окончания войны в семьдесят первом создали Психологическую службу. И с тех пор всех магазинных воришек обязательно отправляют туда. Ее тоже направили на обследование, и они привели ее в чувство. Эта дама вспомнила, кто она, но про сумочку ничего не знает. А служба переслала сумочку нам. Сейчас увидишь почему.

Эвансон взял со стола алюминиевый метр и начал одним концом засовывать его в сумочку. Метр вошел сначала на всю глубину

сумочки, а потом... просунулся и дальше, но на дне сумочки не появилось ни малейшей выпуклости!

Коллинз вытаращил глаза.

— Господи, как это?!

— А вот так. Может быть, он уходит в четвертое измерение. Или еще куда-нибудь. Я не знаю.

— Чепуха!

— А куда, по-твоему, он девается?

Эвансон вытащил метр и положил его на стол.

— И еще одно, — добавил он. — Как мы ни старались, мы не смогли вывернуть эту штуку наизнанку.

Коллинз заглянул в темное нутро сумочки и осторожно поскреб ногтем металлическое кольцо. Появилась блестящая царапина.

— Алюминий, — протянул он. — Окантовка алюминиевая.

Эвансон взял сумочку и посмотрел.

— Дело в том, что она воровала только алюминиевые вещи, — сказал он. — Мы и позвали тебя, потому что ты хороший механик и все знаешь про металлы. Мы уже три дня бьемся. Может, у тебя что-нибудь получится.

— А что вы делали?

— Пихали туда все что придется. Просвечивали эту штуку чем только можно. И никакого результата. Хотелось бы знать, куда девается все, что туда попадает.

Коллинз бросил в сумочку алюминиевую пуговицу. Пуговица пролетела сквозь алюминиевое кольцо и исчезла.

— Слушай, — спросил Коллинз, — а как это вы не смогли ее вывернуть наизнанку? Почему?

— Понимаешь, это геометрическая форма второго порядка.

Эвансон не спеша зажег сигарету и продолжил.

— Например, сфера или просто резиновый мячик — это геометрическая форма первого порядка. Тело такой формы можно вывернуть наизнанку через маленькую дырочку, проделанную в его поверхности. А вот автомобильную камеру так не вывернешь.

— Почему это?

— Потому что в ней есть дырка. А дырку сквозь дырку никак не протащишь. Даже если это совсем крохотная дырочка.

— И что? — продолжал недоумевать Коллинз.

— То же самое с этой сумочкой. Мы думаем, что она обернута вокруг куска другой Вселенной, четырехмерной. Если попытаться протянуть ту Вселенную сквозь нашу, бог знает что получится.

— Но резиновую камеру можно вывернуть. Конечно, она уже не будет сама на себя похожа, но все-таки она вся пролезет сквозь дырку.

Эвансон с сомнением взглянул на сумочку.

— Может быть, и так. Геометрическая форма второго порядка под напряжением. Тут только одно препятствие. Это уже вообще будет не внутренняя трубка, а неизвестно что.

Эвансон сунул в сумочку четвертый за время разговора алюминиевый предмет и устало покачал головой.

— Не знаю, в чем тут дело. Что-то ведь забирает весь этот алюминий.

Он засунул в сумочку деревянную линейку. Линейка тут же выскочила обратно.

— Видишь? Этой штуке нужен только алюминий и больше ничего. У того детектива были на руке армейские алюминиевые часы и два золотых кольца. Пропали только часы.

— Давай поиграем в угадайку, — неожиданно предложил Коллинз.

— Как это? — удивился Эвансон.

— А вот так, — улыбнулся Коллинз. — Что уж там в этой твоей резиновой камере, не знаю, но ясно, что оно любит алюминий. Так? Вокруг отверстия сумочки алюминиевое кольцо. Похоже на ворота, верно? Но ворота эти маленькие, и алюминия сквозь них проходит мало. Им, наверное, надо гораздо больше.

— Кому это им?

— Ну, этому неизвестно чему, которое берет алюминий и выталкивает обратно дерево.

— А зачем?

— Можно сделать предположение. Наверное, они строят другие ворота. Большие.

Эвансон молча уставился на Коллинза.

— Не сходи с ума, — наконец выговорил он. — С чего ты...

— Я же просто думаю вслух, — пожал плечами Коллинз.

Он поднял с пола стальной метр и засунул его одним концом в сумочку.

Эвансон с недоумением смотрел на старания Коллинза.

— Им же это не нужно. Видишь, стараются вытолкнуть.

Коллинз продолжал нажимать изо всех сил. Неожиданно из сумочки появился другой конец метра — метр изогнулся крючком. Коллинз молниеносно схватил его и принялся тащить метр на себя за оба конца сразу.

— Осторожнее! — закричал Эвансон. — Ты же заставляешь их Вселенную подчиняться нашей геометрии!

Им даже показалось, что дно сумочки прогнулось внутрь.

Тут один конец метра вырвался из руки Коллинза так, что тот отлетел к стене. В руках у него был совершенно прямой метр.

— Эвансон! — возбужденно закричал он. — Ты можешь притащить сюда лебедку?

Эвансон озадаченно поморгал и кивнул.

— Отлично, — резюмировал Коллинз. — Кажется, я знаю, как можно зацепить их Вселенную.

Художник Ю. Авакян

* * *

Длинную трехдюймовую стальную балку ввезли в лабораторию на тележке. Один конец балки был на шесть дюймов покрыт алюминием и загнут крючком.

— Лебедка готова? — возбужденно спросил Коллинз.

Эвансон ответил, что да.

— Тогда надевайте сумочку на конец балки.

Загнутый конец исчез в сумочке.

— Ты что собираешься делать? — забеспокоился Эвансон.

— Раз им нужен алюминий, пусть получают. Понимаешь, если они действительно строят новые ворота, то хорошо бы за них зацепиться и вытянуть это отверстие к нам в лабораторию. Они, наверное, сразу присоединят алюминий на этой балке к тому, что уже использован в постройке. А мы за него зацепимся, и им придется либо тут же обрубить балку, либо открыться в нашу Вселенную. Ясно теперь?

Эвансон задумался.

— А если они не сделают ни того ни другого?

— Да куда они денутся? Если мы потянем через сумочку сегмент их Вселенной, то их геометрия подвергнется чудовищному давлению. Их Вселенная вывернется наизнанку.

Коллинз начал ворочать балкой в сумочке. Лебедка заскрипела.

— Прибавь, — скомандовал он механику.

Эвансон кисло покачал головой.

— Мне что-то непонятно... — начал было он.

Но тут балка зазвенела, неожиданно натянувшись.

— Держи! — заорал Коллинз. — Зацепили!

Лебедка громко скрипела. Мотор выл. Стальная балка начала медленно, по миллиметру, выползать из сумочки. Каждые десять минут один из техников мелом делал отметку возле отверстия сумочки.

Фрэнк Коллинз нервно задымил трубкой.

— Я это понимаю так, — сказал он. — Эти существа проковыряли в нашу Вселенную маленькую четырехмерную дырочку. Потом они как-то загипнотизировали эту женщину, чтобы она добывала для них алюминий, а они построили бы из него отверстие побольше.

— Но зачем? — спросил Эвансон и налил из термоса кофе.

Было уже поздно, здание опустело. Только у них в лаборатории надрывно выла лебедка.

— Кто знает? Может, им нужен еще алюминий? Какова бы ни была причина, ясно, что они хотят проникнуть в нашу Вселенную. Может быть, их собственный мир в опасности. А может быть, они нам настолько чужды, что мы вообще не в состоянии понять их мотивы.

— А зачем же нам их зацеплять? — упорствовал Эвансон.

— Ну как ты не понимаешь? Если мы втянем кусок их Вселенной

в нашу, они не смогут пользоваться отверстием. Оно будет закупорено. А чем больше кусок, который мы втащим, тем большее напряжение будет испытывать структура их Вселенной. Тут уж им придется не сладко. Мы будем хозяевами положения. Им придется поделиться с нами своими знаниями. Может, мы тоже хотим строить отверстия в их мир и изучать его! А если они не согласятся, мы просто разрушим их Вселенную.

— Но ты ведь даже не знаешь, что они здесь делают!

Коллинз пожал плечами и сделал на балке еще отметку. Балка мерно гудела.

— Нельзя было так рисковать, — с досадой сказал Эвансон. — Я не имел на это права. Я разрешил тебе все это под мою личную ответственность, на основе наших данных... Хотя каких там данных! Их, можно сказать, нет!

Коллинз выколотил трубку.

— Другого-то у нас ничего не получается.

— А я говорю, что это неверные данные. Я считаю, что надо немедленно отпустить эту балку и подождать Чалмерса. Он будет утром.

Коллинзу тоже было не по себе. Когда он зажигал новую трубку, руки у него дрожали.

— Не можем мы ее теперь отпустить. Натяжение слишком большое. Как, интересно, ты предлагаешь открутить эти болты? Даже если резать ее автогеном, все равно меньше чем за двадцать минут не управиться. А когда эта балка лопнет, она разнесет весь институт.

— Но ведь опасность такова, что...

Эвансон кивнул на лебедку. Лоб у него был в испарине.

— Ты же поставил на карту нашу собственную Вселенную!

— Да заткнись ты! — зло оборвал его Коллинз. — У нас уже нет выбора и времени на разговоры тоже. Мы уже начали, и все тут. Когда схватишь тигра за хвост, деваться некуда, остается только держать покрепче.

Эвансон взволнованно ходил по комнате.

— А не кажется тебе, — вдруг спросил он, — что преимущество-то на стороне тигра? Ты подумай, если все пойдет в обратную сторону, что они сделают с нашей Вселенной!

Коллинз пустил дым к потолку.

— Ну так слава богу, что мы первые...

Он не окончил фразу, и Эвансон увидел, как его лицо медленно белеет.

Эвансон обернулся по направлению его взгляда и охнул. Термос с грохотом покатился по полу. Они беспомощно смотрели, как вторая меловая отметка вползает обратно в сумочку.

— То есть это мы думали, что первые, — прошептал Эвансон.

Перевод с английского
Натальи Никоновой

Роальд Дал

МЕСТЬ ЗЛЕЙШИМ ВРАГАМ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

— Ну, Найп, мальчик мой, теперь, когда все позади, я считаю своим долгом сообщить вам, что с работой вы справились отменно.

Адольф Найп истуканом стоял на ковре перед письменным столом мистера Болена. Похоже, никакого восторга он не испытывал.

— Разве вы не рады?

— О, да, мистер Болен...

— Читали, что пишут утренние газеты?

— Нет, сэр, не читал.

Сидевший за столом потянул к себе сложенную газету и стал читать вслух:

«Завершена сборка большой электронно-вычислительной машины, изготовленной по заказу правительства. На сегодняшний день это, очевидно, самая быстродействующая ЭВМ в мире. Назначение ее — удовлетворять возрастающие потребности науки, промышленности и управленческого аппарата в быстрых математических подсчетах, которые в прошлом, при использовании традиционных методов, были бы физически невыполнимы или требовали бы неоправданно больших затрат времени. «Скорость, с которой работает новая машина, — заявил Джон Болен, глава фирмы инженеров-электронщиков, которая была главным подрядчиком, — можно представить себе на таком примере: задачу, на решение которой у математика ушел бы целый месяц, машина решает за пять секунд. За три минуты она может произвести расчеты, которые, будучи записанными на бумаге, заняли бы полмиллиона стандартных листов. Для проведения всех подсчетов, которые разбиваются на четыре основных арифметических действия — сложение, вычитание, умножение и деление, — машина пользуется электрическими импульсами, вырабатываемыми со скоростью миллион в секунду. Сфера ее практического применения необъятна...»»

Мистер Болен бросил взгляд на грустное вытянувшееся лицо своего подчиненного.

— Неужели вы не гордитесь этим, Найп? Неужели вы не довольны?

— Разумеется, доволен, мистер Болен.

— Думается, нет нужды напоминать вам, сколь велик был ваш личный вклад, особенно в первоначальные наметки. Собственно,

можно сказать, что без вас и некоторых ваших идей этот проект, возможно, до сих пор был бы на чертежных досках.

Адольф Найп неловко переступил с ноги на ногу и посмотрел на белые ручки шефа — пальцы нервно теребили газетную вырезку, расправляя ее, разгибали, разглаживали оставшиеся от скрепок кривые линии. Адольфу не нравились руки этого человека, не нравилось и лицо с крошечным ротиком и тонкими синюшными губами. На него было неприятно смотреть, когда он разговаривал, шевелилась только нижняя губа.

— Что с Вами, Найп? Вы обеспокоены?

— Нет-нет, мистер Болен. Нет.

— Может, хотите на недельку в отпуск? Пойдет вам на пользу. Вы его заслужили.

— Ах, даже и не знаю, сэр.

Старший из мужчин ждал, глядя на этого высокого худого парня, который так развязно стоял перед ним. Странный юноша, даже разогнуться не может, все время сутулится, неряшлив, на пиджаке пятна, волосы свисают на лицо...

— Возьмите отпуск, Найп, он вам необходим.

— Хорошо, сэр, раз вы так хотите...

— Возьмите неделю, две, если надо. Поезжайте куда-нибудь в теплые края, на солнышко. Поплавайте. Расслабьтесь. Отоспитесь. Потом возвращайтесь, и еще раз поговорим о будущем.

Адольф Найп доехал автобусом до своей двухкомнатной квартиры, бросил на диван пальто, налил себе виски и сел за стол к пишущей машинке. Мистер Болен был прав. Разумеется, прав. Только он не знал и половины истины. Он, вероятно, полагал, что тут не обошлось без женщины. Стоит молодому человеку захандрить, все почему-то думают, что это из-за женщины.

Он подался вперед и стал читать вставленную в машинку незаконченную страницу. Она была озаглавлена «На волосок от смерти» и начиналась так: «Ночь была темная и бурная, ветер свистел в кронах деревьев, дождь лил как из ведра...»

Адольф Найп отхлебнул виски, ощутив горький привкус солода. Струйка жидкости потекла в горло и осела где-то в верхней части желудка — сначала холодная, потом все теплее и теплее, она согревала внутренности. Впрочем, черт с ним, с мистером Боленом, да и с великой электронно-вычислительной машиной тоже. Черт с...

И в этот миг глаза и рот его стали медленно приоткрываться, вроде как от удивления: он поднял голову и замер, вперив в противоположную стену взгляд, в котором, пожалуй, было больше изумления, нежели торжества. Взгляд этот застыл и оставался неподвижным сорок, пятьдесят, шестьдесят секунд... Затем постепенно все его лицо странным и таинственным образом преобразилось, удивленное выражение сменилось довольной миной, сначала едва заметной, но становящейся все явственнее, пока наконец лицо не засияло неистовым восторгом. Впервые за долгие месяцы Адольф Найп улыбнулся.

— Ну конечно, — сказал он вслух, — это же смех, да и только. — Он снова улыбнулся, приподняв верхнюю губу и странно-чувственным манером обнажил зубы. — Идея восхитительная, но до того неосуществимая, что о ней думать не стоит.

Но с этой минуты Адольф Найп не мог уже думать ни о чем другом. Идея буквально захватила его, сначала потому, что в ней он увидел возможность — какой бы бесконечно далекой она ни казалась — самым что ни на есть дьявольским образом отомстить своим злейшим врагам. Уже с одной этой точки зрения он праздно тешился ею минут, наверное, десять или пятнадцать, затем вдруг поймал себя на том, что рассматривает ее на полном серьезе, как практическую возможность. Он взял бумагу и сделал несколько предварительных набросков. Но мало чего добился. Он чуть ли не сразу обнаружил, что столкнулся со старой истиной: машина, сколь бы изобретательна она ни была, не способна мыслить самостоятельно. Ей под силу только те задачи, которые могут быть выражены математически, причем с одним, и только одним, правильным ответом.

В этом состояла основная трудность. Обойти ее казалось невозможным: мозга у машины быть не может. Но с другой стороны, у нее может быть память, разве не так? У их собственной ЭВМ память была великолепная. Благодаря обыкновенному превращению электрических импульсов, пропускаемых через столбик ртути, она была в состоянии запоминать по меньшей мере 1000 чисел разом, извлекая одно из них именно в тот момент, когда это нужно. Нельзя ли в таком случае создать на этом принципе секцию памяти почти неограниченного объема?

Ну так как же?

И тут вдруг его осенила одна яркая, но простая истина, а именно: в английской грамматике правят законы чуть ли не математические по своей строгости!

Если задать слова и смысл высказывания, тогда, следовательно, будет только один правильный порядок расположения этих слов.

Ан нет, подумал он, это не совсем так. Во многих предложениях есть несколько равноценных позиций для слов и фраз, каждая из которых может оказаться грамматически правильной. Но какого черта! Сама-то теория в основе своей верна. Стало быть, само собой разумеется, что машину, собранную на манер электронного компьютера, можно настроить так, что она станет располагать вместо чисел слова в соответствующем порядке, согласно правилам грамматики. Дайте ей глаголы, существительные, прилагательные, местоимения, накопите их в памяти в качестве словарного запаса и устройте так, чтобы их можно было извлекать по первому требованию. После чего задайте машине сюжеты, и пускай себе строчит предложения.

Теперь Найпа было не остановить. Он взялся за дело немедленно и в течение последующих нескольких дней работал не покладая рук. По гостиной были разбросаны листки бумаги: формулы и подсчеты, списки слов — тысячи и тысячи; сюжеты рассказов, необычно разбитые и подразделенные на части; огромные отрывки из «Тезауру-

са» Роже; страницы, заполненные мужскими и женскими именами; сотни фамилий из телефонной книги; мудреные чертежи линий проводки, электросхем, выключателей, термоэлектронных ламп; чертежи машин для перфорирования маленьких карточек отверстиями разных форм и невиданной электрической пишущей машинки, способной отстукивать по 10 тысяч слов в минуту. А также нечто вроде щитка управления с набором кнопок, на каждой из которых стояло название какого-нибудь известного американского журнала.

Он трудился исступленно, расхаживал по комнате среди разбросанных бумаг, потирал руки, разговаривал вслух сам с собой, а иногда, лукаво скривив нос, отпускал целую обойму отборнейших ругательств, в которой почему-то непременно мелькало словечко «редактор». На пятнадцатый день непрерывной работы он собрал бумаги в две большие папки и потащил их — чуть ли не бегом — в контору «Джон Болен инкорпорейтед», инженеры-электрики». Мистер Болен обрадовался его возвращению.

— Боже мой, Найп! Ну вот, совсем другой вид. Хорошо отдохнули? Куда ездили?

«Как был уродом и неряхой, так и остался, — подумал мистер Болен. — Ну почему он не может расправить плечи? Ни дать ни взять согнутая палка».

— У вас совсем другой вид, мой мальчик.

«Интересно, чему это он лыбится? Каждый раз, когда я его вижу, мне кажется, что уши у него стали еще больше».

Адольф Найп вывалил папки на стол.

— Взгляните-ка, мистер Болен! — вскричал он. — Вы только взгляните на это!

И изложил свою теорию. Раскрыв папки, он подтолкнул к удивленному человечку чертежи. Говорил он больше часу, все разъясняя и растолковывая, а кончив, отступил назад, раскрасневшись и затаив дыхание в ожидании приговора.

— Вы знаете, что я думаю, Найп? По-моему, вы чокнулись.

«Смотри поосторожнее, — сказал себе мистер Болен. — С ним надо держать ухо востро. Ему цены нет, этому парню. Если бы только не выглядел так ужасно, с этой его вытянутой лошадиной мордой и огромными зубами. А уши какие громадные — прямо как лопухи».

— Но, мистер Болен! Она будет работать! Я же доказал вам, что она будет работать! Этого-то вы отрицать не можете!

— Успокойтесь, Найп. Успокойтесь и послушайте меня.

Адольф Найп смотрел на своего хозяина, ненавидя его с каждой секундой все больше и больше.

— Эта идея, — произнесла нижняя губа мистера Болена, — весьма оригинальна. Я бы даже сказал, блистательна. Она лишний раз подтверждает мое мнение о ваших способностях, Найп. Только зачем относиться к ней так серьезно? В конце концов, мой мальчик, какой нам от нее прок? Кому, черт побери, понадобится машина, которая умеет сочинять рассказы? И вообще — какие в ней деньги? Вы мне растолкуйте.

— Позвольте сесть, сэр?

— Конечно. Садитесь.

Адольф Найп примостился на краешке стула. Пожилой мужчина следил за ним своими сторожкими карими глазами, гадая, что же будет дальше.

— Я хотел бы объяснить вам, мистер Болен, если позволите, как я до всего этого додумался.

— Валяйте, Найп.

«Надо как-то его ублажить, — напомнил себе мистер Болен. — Парню действительно цены нет — он, можно сказать, гений. Для фирмы он стоит своего веса в золоте. Достаточно взглянуть на эти бумаги. Такой штуковины никогда еще не было. Удивительная работенка. Совершенно бесполезная, разумеется. Никакой коммерческой ценности, но она еще раз доказывает, сколь дорог ее создатель».

— Это будет нечто вроде исповеди, мистер Болен. Мне кажется, она объяснит, почему я всегда был таким... неуемным, что ли...

— Можете не стесняться, Найп. Ведь я здесь для того, чтобы помочь вам, — вы это знаете.

Молодой человек крепко сжал руки на коленях и стиснул локтями бока. Казалось, его вдруг прошиб озноб.

— Понимаете, мистер Болен, если по-честному, моя работа здесь мне не очень нравится. Я знаю, я силен в ней и все такое, но душа у меня к ней не лежит. Это не то, чем мне хотелось бы заниматься.

Брови мистера Болена подскочили, будто на пружинах. Он притих и напрягся.

— Видите ли, сэр, всю жизнь мне хотелось стать писателем.

— Писателем?!

— Да, мистер Болен. Можете мне не верить, но все свободное время, какое у меня только было, я посвящал сочинению рассказов. За последние десять лет я написал их сотни в буквальном смысле слова. Пятьсот шестьдесят шесть, чтобы быть точным. Где-то по одному в неделю.

— Бог мой, мил человек! И на кой же черт вам это понадобилось?

— Я только и знаю, сэр, что испытываю в этом потребность.

— Какую потребность?

— Творческий зуд, мистер Болен. — Каждый раз, поднимая глаза, он видел губы мистера Болена, которые становились все тоньше и тоньше.

— Могу ли я спросить, Найп, что же вы делаете с этими рассказами?

— В том-то и беда, сэр. Их никто не хочет покупать. Написав рассказ, я каждый раз пускаю его по кругу, в один журнал за другим, только и всего, мистер Болен. А редакторы отправляют их назад. Это страшно гнетет.

Мистер Болен расслабился.

— Я очень хорошо понимаю ваше состояние, мой мальчик. — Его голос прямо-таки сочился сочувствием. — В тот или иной период нашей жизни мы все через это проходим. Но теперь... теперь, когда у вас есть доказательство... определенное подтверждение... самих экспертов, редакторов, что ваши рассказы... как бы это сказать... успехом не пользуются, пора оставить это дело. Забудьте об этом, мой мальчик. Просто забудьте, и все.

— Ну нет, мистер Болен! Нет! Это неправда! Я ведь знаю: мои рассказы хороши. Боже милостивый, да вы бы сравнили их с той писаниной, что печатают некоторые наши журналы! Честное слово, мистер Болен, какой только дряни в них не увидишь! Причем буквально каждую неделю! Господи, это-то и сводит меня с ума!

— Минутку, мой мальчик...

— А вы вообще читаете журналы, мистер Болен?

— Вы меня простите, Найп, но какое все это имеет отношение к вашей машине?

— Прямое, мистер Болен, самое непосредственное! Я вам вот что скажу: я просмотрел многие журналы и пришел к выводу, что каждый из них тяготеет к какому-то особому, своему типу рассказа. Писатели — те, что добились успеха, — знают об этом и соответствующим образом подделываются.

— Минутку, мой мальчик, успокойтесь, пожалуйста. Боюсь, так мы ни до чего не договоримся.

— Пожалуйста, мистер Болен, выслушайте меня до конца. Это страшно важно. — Он помолчал, чтобы перевести дух. Он был

сильно возбужден и, разговаривая, размахивал руками. Его вытянутое зубастое лицо с огромными оттопыренными ушами прямо светилось энтузиазмом, а во рту было столько слюны, что он выплевывал ее со словами. — Как видите, установив на моей машине регулируемый координатор между сюжетной памятью и памятью слов, я в состоянии выдать любой тип рассказа простым нажатием нужной кнопки.

— Да, я знаю, Найп, знаю. Весьма занятно, но какой в этом прок?

— А вот какой, мистер Болен. Рынок ограничен. Мы должны быть в состоянии поставлять необходимый материал в любое время, когда только пожелаем. Это обыкновенный бизнес. Сейчас я смотрю на это с вашей точки зрения — как на коммерческое предложение.

— Мой дорогой мальчик, какое же тут может быть коммерческое предложение? Нет-нет! Вы не хуже меня знаете, во сколько обходится создание одной такой машины.

— Да, сэр, знаю. Но при всем уважении к вам я не уверен, что вы знаете, сколько журналы платят писателям за рассказ.

— Ну, и сколько же?

— До двух с половиной тысяч долларов. А в среднем выходит около тысячи.

Мистер Болен даже подпрыгнул.

— Да, сэр, это правда.

— Невероятно, Найп. Смехотворно!

— Нет, сэр, это правда.

— Вы пытаетесь втолковать мне, что журналы выплачивают такие деньги человеку за... только за то, что он нацарапает какой-то рассказ? Боже милостивый, Найп! А что вы еще скажете? Писатели, должно быть, все миллионеры!

— Вот именно, мистер Болен! Тут-то и настает очередь машины. Послушайте минуточку, пока я расскажу вам кое-что еще. У меня все рассчитано. Толстые журналы помещают примерно по три больших рассказа в каждом номере. Теперь возьмем пятнадцать наиболее значительных журналов — тех, что выплачивают самые высокие гонорары. Есть среди них и ежемесячники, но в основном это еженедельники. Таким образом, каждую неделю покупается около сорока рассказов. Это сорок тысяч долларов. А с нашей машиной, когда она у нас заработает на всю катушку, мы сможем прибрать к рукам почти весь этот рынок!

— Мой дорогой мальчик, вы сошли с ума.

— Нет, сэр, честное слово, все, что я говорю, — правда. Неужели вы не видите, что мы задавим их одним только объемом? Эта машина может выдать рассказ в пять тысяч слов, уже отпечатанный и готовый к отправке, за тридцать секунд. Как же писатели смогут конкурировать с нею? Я вас спрашиваю, мистер Болен, как?

Тут Адольф Найп заметил, что выражение лица босса слегка изменилось: ярче заблестели глаза, ноздри расширились, лицо стало

Художник Ю. Авакян

холодным, чуть ли не застывшим. Он быстро продолжал:

— В наши дни, мистер Болен, у товара, сделанного вручную, нет никаких шансов. Он не может конкурировать с массовым производством — вы это знаете. Ковры, стулья, туфли, кирпичи, посуда... да что угодно — все теперь делают машины. Качество, возможно, хуже, но это не имеет значения. Стоимость продукции — вот что главное. А рассказы — ну, это всего лишь еще один продукт, такой же, скажем, как ковры или стулья, и всем наплевать, как вы их производите, лишь бы у них был товарный вид. Мы будем производить их оптом, мистер Болен! Загоним в угол всех наших соотечественников-писателей! Мы монополизируем рынок!

Мистер Болен выпрямился в своем кресле. Он подался вперед всем телом — локти на столе, лицо настороже, карие глаза устремлены на говорящего.

— И все же я по-прежнему считаю, что это неосуществимо, Найп.

— Сорок тысяч в неделю! — вскричал Адольф Найп. — Даже если мы скостим цену вполовину и будем зашибать по двадцать тысяч, все равно это миллион в год! — И мягко добавил: — Может быть, вы заработали миллион в год на сооружении старой ЭВМ, а, мистер Болен?

— Но я серьезно, Найп. Вы действительно полагаете, что рассказы станут покупать?

— Послушайте, мистер Болен. Кто, к чертовой матери, захочет читать рассказы, написанные по старинке, когда можно будет за полцены покупать совсем другие? Резонно, нет?

— А как вы их будете продавать? А если вас спросят, кто их сочинил?

— Мы учредим собственное литературное агентство и будем распределять их через него. А фамилии писателям придумаем какие пожелаем.

— Не нравится мне это, Найп. По-моему, это попахивает надувательством, разве нет?

— И еще одно, мистер Болен. Когда вы запустите машину, появятся возможности получать всевозможные весьма ценные побочные продукты. Взять, к примеру, рекламу. Производители пива и тому подобной дряни готовы в наши дни платить бешеные деньги, лишь бы только известные писатели ставили свои имена на их продукции. Господи боже мой, мистер Болен! Не о детской же забаве мы толкуем! Это большой бизнес.

— Не зарывайтесь, мой мальчик.

— И еще. Если бы вы того пожелали, нам ничто бы не помешало поставить и ваше имя под несколькими лучшими рассказами.

— Господи боже, Найп! И зачем бы мне это?

— Ну, не знаю, сэр, да только некоторые писатели живут в большом почете — как, например, мистер Эрл Гарднер или Кэтлин Норрис. Нам ведь все равно будут нужны имена, и я, понятное дело, подумываю о том, чтобы подписать один-два рассказика своей

фамилией, чтобы поднабраться на первых порах известности.

— Писатель, а? — сказал мистер Болен, как бы размышляя. — Вот бы удивились приятели в клубе, увидев мою фамилию в журналах... в хороших журналах.

— Вот именно, мистер Болен.

На мгновение взгляд мистера Болена устремился в голубые дали мечты, и он даже улыбнулся. Но тут же взял себя в руки и принялся перелистывать лежавшие перед ним расчеты и чертежи.

— Одного я не понимаю, Найп. Откуда берутся сюжеты? Машина же их не может придумать.

— А мы их вводим в машину, сэр. Это вообще не проблема. Сюжеты есть у всех. Вон в той папке слева от вас их записано сотни три или четыре. Вводите их прямо в сюжетную память машины.

— Продолжайте.

— Есть и множество других тонкостей, мистер Болен. Вы увидите их, когда внимательно изучите проект. Например, есть один трюк, к которому прибегает чуть ли не каждый писатель, — вставить в каждый рассказ хотя бы одно длинное словцо с туманным смыслом. Чтобы читатели думали, будто автор страшно мудр и умен. Поэтому и моя машина будет делать то же самое. Специально для этой цели там припасена целая куча длинных слов.

— Где?

— В словарной памяти, — сказал Найп.

Возможности новой машины они обсуждали большую часть дня. В конце концов мистер Болен заявил, что ему еще нужно подумать. Наутро он излучал спокойное воодушевление, а через неделю уже был ярым сторонником идеи.

— Что надо сделать, Найп, так это заявить, будто мы строим еще одну вычислительную машину, только нового типа. Это поможет сохранить тайну.

— Вот именно, мистер Болен.

А через полгода сооружение машины было закончено. Она занимала отдельный кирпичный корпус на задворках здания фирмы и теперь, когда была готова к действию, никому, кроме мистера Болена и Адольфа Найпа, подходить к ней не разрешалось.

Настал волнующий миг: двое мужчин — один приземистый и толстый, другой высокий, худой, зубастый — стояли в коридоре перед щитом управления и готовились выпустить свой первый рассказ. Их окружали стены, разделенные на множество ниш, и на стенах этих размещалась проводка, плавкие предохранители, выключатели и громадные стеклянные электронные лампы. Оба мужчины нервничали, мистер Болен то и дело перескакивал с ноги на ногу, он был совершенно неспособен устоять на месте.

— Ну, какую кнопку? — спросил Адольф Найп, оглядывая ряд небольших белых дисков, похожих на клавиши пишущей машинки. — Выбирайте, мистер Болен. Тут много журналов на любой вкус — «Сэтердэй ивнинг пост», «Коллиерс», «Лейдиз хоум джорнел» — какой пожелаете.

— Боже правый, мальчик! Откуда я знаю? — Он подпрыгивал так, словно мучился крапивницей.

— Мистер Болен, — серьезно сказал Адольф Найп, — да понимаете ли вы, что сейчас одним движением своего пальчика вы способны превратить себя в обладателя самого разностороннего на нашем континенте литературного таланта?

— Послушайте, Найп, займитесь, пожалуйста, делом... без всяких предварительных замечаний.

— Ну что ж, мистер Болен. Тогда мы... позвольте-ка вот эту. Ничего.

Он протянул руку и нажал кнопку с набранной мелким черным шрифтом надписью: «Женщина сегодня». Резко щелкнуло, и, когда он убрал палец, кнопка так и осталась вдавленной, ниже уровня остальных.

— Журнальчик выбрали, — сказал он. — А теперь — оп-ля!

Он протянул вверх руку и дернул какой-то переключатель на панели. Комната тут же наполнилась громким жужжанием, потрескиванием электрических разрядов и перезвоном многочисленных быстро снующих рычажков. И почти тут же из прорези в правой части контрольной панели стали выскакивать и падать в подставленную корзину листы бумаги в формате кварто. Выскакивали они быстро, по штуке в секунду, и не прошло и полминуты как все кончилось. Бумажный поток иссяк.

— Вот и все! — закричал Найп. — Вот он, наш рассказ!

Они схватили страницы и принялись читать. Первая начиналась так: «Аивлкортуеклноастивм васиенролвдкеробааааноoo, перцоумсуй...» Они посмотрели другие страницы. Стиль везде был приблизительно одинаков. Мистер Болен зашелся криком, молодой человек пытался успокоить его.

— Ничего страшного, сэр, честное слово. Нужна лишь пустячная наладка. Что-то где-то не так законтачено, только и всего. Не забывайте, мистер Болен, в этом зале больше миллиона футов проводки. Нельзя ожидать, что все сразу же пойдет как по маслу.

— Она никогда не заработает, — сказал мистер Болен.

— Терпение, сэр, терпение.

Адольф Найп принялся искать неисправность и через четыре дня объявил, что все готово для новой попытки.

— Она никогда не заработает, — талдычил мистер Болен. — Я знаю, она никогда не заработает.

Найп улыбнулся и нажал кнопку выбора журнала с пометой «Ридерз дайджест». Затем потянул на себя переключатель, и снова комнату наполнило волнующее жужжание. Из прорези в корзину выскочила одна страничка машинописи.

— А остальные где? — вскричал мистер Болен. — Она остановилась! Она сломалась!

— Нет, сэр, не сломалась. Она в полном порядке. Это же для «Дайджест», разве вы не видите?

— На этот раз начало было такое: «Немногиеещезнаютчтооткрыто новоереволюционноелечение способноеразинавсегдаизбавить людейотсамой страшнойболезнинашего времени». И так далее.

— Тарабарщина какая-то! — завопил мистер Болен.

— Нет, сэр, все прекрасно. Неужели вы не видите? Просто машина не отделяет слова, это легко исправить. Но заметка-то, вот она. Смотрите, мистер Болен, смотрите! Все на месте, кроме знаков препинания.

Так оно на самом деле и было.

При очередной попытке несколько дней спустя все было безупречно, даже пунктуация. Первый рассказ, который они создали для известного женского журнала, оказался солидным фабульным сочинением об одном парне, мечтавшем вырасти в глазах своего богатого работодателя. Этот парень, говорилось в рассказе, устроил так, что один его друг якобы с целью ограбления остановил дочь богача, когда та направлялась в машине домой. А парень, случайно оказавшийся поблизости, вышиб пистолет из руки своего друга и спас девушку. Девушка была переполнена благодарностью. Но ее отец заподозрил неладное. Он устроил парню грубый допрос. Парень раскололся и во всем признался. Тогда отец, вместо того чтобы вышвырнуть парня из дома, заявил, что восхищен его находчивостью. Девушка была в восторге от его честности и... внешности. Отец пообещал сделать его главным бухгалтером, девушка вышла за него замуж.

— Великолепно, мистер Болен! Как раз то, что надо!

— По-моему, пошловато, мой мальчик.

— Нет, сэр, это ходкий товар, настоящий бестселлер!

Вдохновленный, Адольф Найп тут же сделал еще шесть рассказов — за столько же минут. Все они, кроме одного, который почему-то вышел несколько непристойным, казались вполне сносными.

Тут уж мистер Болен успокоился. В одной конторе в центре города он согласился учредить литературное агентство во главе с Найпом. Недели через две это было устроено, после чего Найп разослал по почте первую дюжину рассказов. Под четырьмя из них он поставил свою фамилию, под одним — фамилию Болена, для других же просто выдумал имена. Пять из этих рассказов были сразу же приняты. Тот, под которым стояло имя мистера Болена, вернули с припиской редактора отдела литературы: «Работа выполнена искусно, но, на наш взгляд, рассказ не совсем получился. Мы хотели бы посмотреть другие сочинения этого автора».

Адольф Найп добрался на такси до своей фабрики и создал еще один рассказ для того же журнала. Он снова поставил под ним фамилию мистера Болена и немедленно отправил его почтой. Этот рассказ журнал купил.

Потекли денежки. Найп постепенно наращивал выработку и через полгода производил уже по тридцать рассказов в неделю, причем около половины из них сбывал.

В литературных кругах у него стало складываться имя плодовитого и пользующегося успехом писателя. У мистера Болена тоже, но не такое уж хорошее, хотя он об этом не знал. Одновременно Найп в качестве многообещающих молодых писателей сколачивал компанию из десятка «мертвых душ». Все шло прекрасно.

Тогда было решено реконструировать машину, с тем чтобы она могла писать не только рассказы, но и романы. Мистер Болен, жаждавший теперь больших почестей в литературном мире, настаивал на том, чтобы Найп немедленно занялся разработкой этой сложнейшей проблемы.

— Я хочу написать роман, — твердил он. — Я хочу написать роман.

— И напишете, сэр. И напишете. Но пожалуйста, наберитесь терпения. Переделка предстоит весьма сложная.

— Все говорят, что мне следует написать роман, — вскричал мистер Болен. — Ни днем, ни ночью не дают мне проходу всякие издатели, просят меня перестать баловаться рассказами и создать что-нибудь действительно стоящее. Роман — вот единственное, что идет в счет, — так они говорят.

— Да будем мы писать романы, будем, — ответил ему Найп. — Причем столько, сколько захотите. Только, пожалуйста, наберитесь терпения.

— Послушайте меня, Найп. Чего мне хочется, так это создать серьезный роман, чтобы им зачитывались, чтобы о нем говорили. Мне-таки порядком поднадоел тот тип рассказов, под которыми вы ставите мое имя. Собственно говоря, порой мне кажется, что вы смеетесь надо мной.

— Смеюсь над вами, мистер Болен?

— Все лучшее вы приберегали для себя, вот что вы делали.

— О нет, мистер Болен, нет!

— Вот почему на сей раз я хочу быть железно уверен, что создам умную, первоклассную книгу. Зарубите это себе на носу!

— Послушайте, мистер Болен, я сейчас мастерю щиток управления, который позволит вам написать любую книгу, какую пожелаете.

И это было правдой, ибо в течение последующих двух-трех месяцев гений Найпа не только приспособил машину для сочинения романов, но и создал удивительную новую систему управления, которая давала автору возможность в буквальном смысле слова заранее выбирать любой тип сюжета и любой стиль письма, какие он только пожелает. На этой штуковине было столько циферблатов и рычагов, что она напоминала приборный щиток огромного самолета.

Сначала, нажав одну из основных кнопок, «писатель» принимал первоначальное решение, какой роман писать: исторический, сатирический, философский, политический, романтический, эротический, юмористический или обыкновенный. Затем, из второго ряда основных кнопок он выбирал тему: армейская жизнь, жизнь первых переселенцев, мировая война, расовая проблема, покорение Дикого

Запада, сельская жизнь, мемуары о детстве, мореплавание, жизнь на дне моря и многие, многие другие. Третий ряд кнопок давал возможность выбрать стиль: классический, причудливый, пикантный, хемингуэевский, фолкнеровский, джойсовский, женский и так далее. Четвертый ряд предназначался для действующих лиц, пятый — для объема и так далее и тому подобное — десять длинных рядов кнопок для предварительного выбора.

Но и это было еще не все. Управлялся и сам процесс творчества (который занимал около пятнадцати минут на роман), для чего автор должен был тянуть на себя или нажимать целую батарею отмеченных регистров, как на орга́не. Таким образом был он в состоянии непрерывно модулировать или смешивать 50 разных переменных качеств, таких, скажем, как волнение, удивление, юмор, пафос и таинственность. Многочисленные циферблаты и датчики на щитке точно показывали ему, сколь далеко он ушел в своей работе.

Наконец, был еще вопрос страсти. Тщательно изучив книги, которые последний год были в верхней части списка бестселлеров, Адольф Найп пришел к выводу, что именно она служит наиболее важным ингредиентом, магическим катализатором, благодаря которому скучнейший роман каким-то образом имел шумный успех, во всяком случае финансовый. Но Найп знал и то, что страсть — штука сильная, способная вскружить голову, и распределять ее надо с умом, в соответствующих пропорциях в нужных местах. А чтобы достичь этого, он придумал один независимый регулятор, состоявший из двух чувствительных скользящих юстирующих устройств, приводимых в движение ножными педалями вроде газа и тормоза в автомобиле. Одной педалью регулировалась концентрация страсти, которую надо было ввести, другой — ее напряженность. Было совершенно ясно, что писать романы по методе Найпа (и это был единственный недостаток) — все равно что одновременно пилотировать самолет, вести автомобиль и играть на органе. Но это нисколько не тревожило изобретателя. Когда все было готово, он с гордостью провел мистера Болена в машинный зал и принялся объяснять, как управлять новым этим чудом.

— Боже милостивый, Найп! Мне этого никогда не осилить! Черт возьми, парень, да ведь гораздо легче написать роман самому!

— Скоро привыкнете, мистер Болен, уверяю вас. Через пару недель вы сможете управлять ею почти не задумываясь. Это все равно что учиться водить автомашину.

Впрочем, это оказалось не так легко. Но после нескольких часов тренировки мистер Болен начал приобретать навыки, и наконец както поздно вечером он повелел Найпу приготовиться к выпуску первого романа. Настал решающий миг — толстый коротышка нервно скорчился на «водительском» сиденье, а высокий зубастый Найп возбужденно суетился вокруг него.

— Я намерен написать важный роман, Найп.

— Уверен, что напишете, сэр. Уверен, что напишете.

Одним пальцем мистер Болен осторожно нажал нужные кнопки предварительного выбора.

Основная кнопка — сатирический.

Тема — расовая проблема.

Стиль — классический.

Действующие лица — шесть мужчин, четыре женщины, один ребенок.

Объем — пятнадцать глав.

В то же время он не упускал из виду три органных регистра с пометами «мощь», «загадочность», «глубина».

— Вы готовы, сэр?

— Да-да, я готов.

Найп потянул рубильник. Огромная машина загудела, послышался низкий зудящий звук от движения смазанных машинным маслом пятидесяти тысяч винтиков, штоков и рычагов, затем раздалась быстрая барабанная дробь электрической пишущей машинки, поднявшей резкий, почти невыносимый стрекот. В корзину полетели машинописные страницы, каждые две секунды — штука. Но от этого шума и от возбуждения мистер Болен, которому приходилось играть на регистрах и следить за счетчиком глав, индикатором темпа и датчиком страсти, ударился в панику. Он реагировал точно так же, как реагирует учащийся на водителя — слишком нажимал обеими ногами на педали и не отпускал их, пока машина не остановилась.

— С первым романом вас, — сказал Найп, вынимая из корзины громадную кипу отпечатанных страниц.

Все лицо мистера Болена покрылось бусинками пота.

— Уф! Ну и работенка! — выдохнул он.

— Но вы с ней справились, сэр. Вы с ней справились.

— Дайте-ка взглянуть, Найп! Как он читается?

Он принялся за первую главу, передавая каждую прочтенную страницу молодому человеку.

— Боже мой, Найп! Что это такое? — Тонкая синюшная рыбья губа мистера Болена слегка шевелилась, произнося слова, его щеки постепенно раздувались. — Но, послушайте, Найп, это же возмутительно!

— Должен сказать, сэр, действительно довольно пикантно.

— Пикантно! Да это просто мерзость! Я не могу поставить свое имя под такой писаниной!

— Совершенно верно, сэр. Совершенно верно.

— Найп! Уж не сыграли ли вы со мной какую-нибудь грязную шутку?

— О нет, сэр. Нет!

— А очень похоже.

— А вам не кажется, мистер Болен, что вы чересчур давили на педали дозировки страсти?

— Дорогой мой мальчик, ну откуда мне знать?

— Почему бы вам не попробовать еще разок?

И мистер Болен произвел второй роман, и на этот раз все шло по плану.

Менее чем за неделю машинопись была прочитана и принята одним восторженным издателем. Найп тут же ринулся вдогонку с романом под своим именем, затем для ровного счета сделал еще дюжину. «Литературное агентство Адольфа Найпа» приобрело известность как большой коллектив многообещающих молодых романистов. И снова потекли денежки.

Именно тогда молодой Найп стал проявлять подлинный талант к большому бизнесу.

— Послушайте, мистер Болен, — заявил он. — У нас по-прежнему слишком большая конкуренция. Почему бы нам просто не поглотить всех других писателей в стране?

Мистер Болен, который теперь щеголял в вельветовом пиджаке бутылочного цвета, а волосы отпустил так, что они на две трети закрывали ему уши, состоянием дел был вполне доволен.

— Не понимаю, о чем вы, мой мальчик. Нельзя же вот так просто взять и проглотить писателей.

— Еще как можно, сэр. Точно так же, как поступил Рокфеллер со всеми нефтяными компаниями. Просто выкупите их, а если не станут продаваться, то задавите. Чего проще!

— Ох, Найп, поосторожнее. Поосторожнее.

— Вот тут у меня списочек, сэр, пятидесяти наиболее известных наших писателей. Я намерен предложить каждому из них пожизненный контракт с оплатой. От них же требуется сущий пустяк — всего лишь обязаться никогда больше не писать ни слова, ну и, разумеется, позволить нам ставить их имена под нашими собственными сочинениями. Ну, как?

— Они никогда не согласятся.

— Вы не знаете писателей, мистер Болен. Согласятся, вот увидите.

— А как же жажда творчества, Найп?

— Это все мура. Что их действительно интересует — как и любого другого — так это деньги.

В конце концов мистер Болен неохотно согласился попробовать, и Найп, сунув в карман список литераторов, отправился в большом «кадиллаке» с шофером наносить визиты.

Прежде всего он поехал к человеку, стоявшему в списке первым — весьма крупному, замечательному писателю, — и без труда попал в дом. Он изложил свое дело и показал чемодан с образцами романов, а также контракт, который этот человек должен был подписать и который гарантировал ему столько-то в год до скончания его дней. Писатель вежливо выслушал Найпа и, решив, что имеет дело с сумасшедшим, твердо указал на дверь.

Второй писатель, поняв, что Найп не шутит, набросился на него с тяжелым железным пресс-папье, и нашему изобретателю пришлось пуститься наутек по саду, а вслед ему летел такой поток отборнейших поношений и ругательств, какого он еще сроду не слыхал.

Но Найпа было не так-то просто обескуражить. Он был разочарован, но отнюдь не смятен, когда отправлялся в своем большом автомобиле на поиски нового клиента. Им оказалась женщина, известная и популярная писательница, толстые романтические книги которой в миллионах экземпляров расходились по всей стране. Она любезно приняла Найпа, угостила его чаем и внимательно выслушала.

— Все это звучит весьма заманчиво, — сказала она. — Но мне, понятное дело, трудно вам поверить.

— Мадам, — ответил Найп, — едемте со мной, и вы увидите все собственными глазами. Моя машина ждет вас.

И они уехали, а через какое-то время удивленную даму провели в машинный зал, где обитало чудо. Найп увлеченно объяснил, как оно работает, а чуть погодя даже разрешил даме сесть на «водительское» кресло и поупражняться.

— Ладно уж, — вдруг сказал он, — хотите создать книгу прямо сейчас?

— О да! — вскричала она. — Пожалуйста!

Она была весьма компетентна и, казалось, знала, чего именно хочет. Сама сделала предварительный выбор, после чего выдала длинный романтический роман, полный страсти. Прочитав первую главу, она пришла в такой восторг, что тут же подписала контракт.

— С одной разделались, — сказал потом Найп мистеру Болену, — причем с довольно крупной.

— Славно сработано, мой мальчик.

— А вы знаете, почему она его подписала?

— Ну и почему же?

— Дело не в деньгах. Денег у нее навалом.

— Тогда почему?

Найп осклабился, оттопырив верхнюю губу и обнажив длинный ряд бледных десен.

— Просто потому, что машинное сочинение лучше ее собственных, и она это поняла.

После этого Найп мудро решил сосредоточить свои усилия только на посредственностях. Всех же, кто стоял выше — а их было так мало, что особой роли они не играли, — соблазнить было явно не так легко.

В конечном счете после нескольких месяцев работы он убедил заключить контракт около семидесяти процентов литераторов, внесенных в его список. Легче всего оказалось уламывать людей постарше, тех, кто уже поисписался и пристрастился к спиртному. Больше всего хлопот доставляла молодежь: эти были бранчливы и задиристы, подчас бросались в драку, когда Найп пытался подкатиться к ним.

Но в целом начало было неплохое. За последний год, как установлено, половина всех романов и рассказов, опубликованных на английском языке, выпускалась Адольфом Найпом на его Великом Автоматическом Грамматизаторе.

Вас это удивляет?

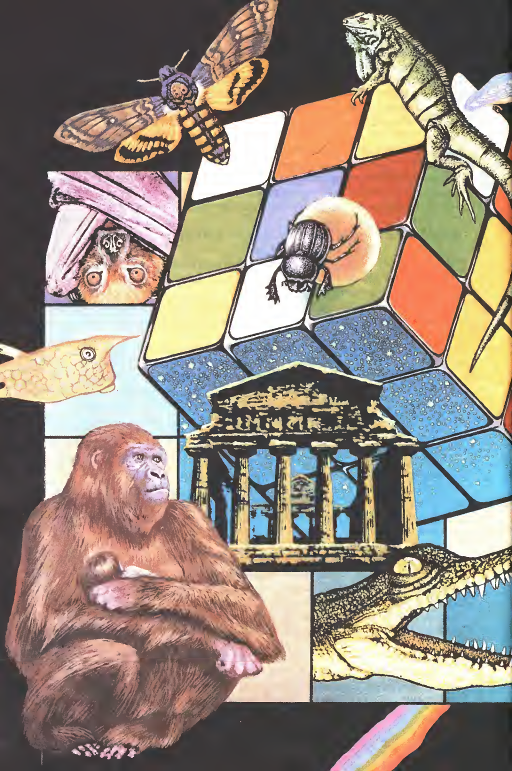
Сомневаюсь.

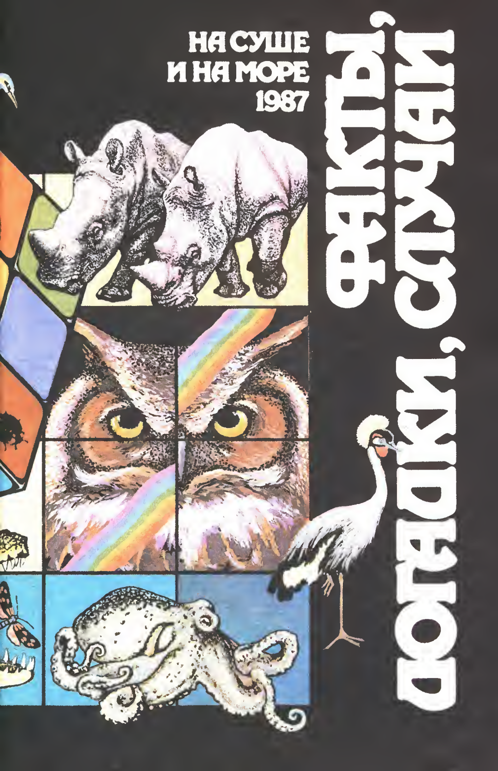
И ведь худшее еще впереди. Сегодня, как поговаривают, уйма народу торопится свести дружбу с мистером Найпом. А для тех, кто никак не решится поставить на контракте свое имя, гайки закручиваются все туже.

Сейчас, в этот самый миг, я сижу и слушаю, как в соседней комнате плачут девять моих голодных детей. И чувствую, как моя рука воровато подбирается все ближе и ближе к золотому листку контракта, лежащему против меня на столе.

Господи, дай нам сил, сделай способными уморить голодом детей наших!

Перевод с английского
В. Постникова, А. Шарова

НА СУШЕ
И НА МОРЕ
1987
ФАКТЫ, ДОГАДКИ, СЛУХИ

ФАКТЫ. ДОГАДКИ. СЛУЧАИ...

Александр Миловский	УСТЮРТ ПРИОТКРЫВАЕТ ТАЙНУ
Валерий Гуляев	НИКАРАГУА ДО КОЛУМБА
Виктор Дыгало	ЭСКАДРА СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ
Владимир Устинюк	ПРИТЯЖЕНИЕ ГЛУБИН
Генриетта Алова	ПОЛЕТ ПО ЗВЕЗДАМ?
Олег Красницкий	ПАНТЕОН АТЛАНТИКИ
Всеволод Карпов	КОШКА НА РУСИ
Анна Левина	СЛОНОВИЙ «УНИВЕРСИТЕТ»
Марина Николаева	КАК БЫЛ НАЙДЕН МОНИТОР
В. Саянин	РУБИНОВАЯ ГОРА
Борис Силкин	ЗАРУБЕЖНАЯ НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
Герман Малиничев	КОРОТКО О РАЗНОМ

Александр Миловский

Устюрт приоткрывает тайну

ОЧЕРК

Поездки на Устюрт я ждал давно. И не только потому, что хотелось увидеть один из самых труднодоступных и не освоенных человеком районов нашей страны, где краткая вспышка жизни весной быстро пресекается испепеляющими лучами солнца, а зима с лютыми морозами и гуляющими ветрами делает его еще менее гостеприимным. Побывав несколько лет назад в Бадхызском заповеднике и побродив по его балкам и оврагам вместе с тогдашним директором Валерием Кузнецовым, отдавшим много сил и времени изучению куланов, джейранов, леопардов и других редчайших ныне животных Средней Азии, я был увлечен его надеждой найти считающегося давно исчезнувшим на территории нашей страны гепарда. Основания для такой надежды давали поступавшие изредка сигналы о том, что кто-то видел промелькнувшего зверя или его свежие следы. Почти все они исходили из Устюрта, ставшего, судя по всему, последним прибежищем гепарда, и Кузнецов старался по возможности проверить каждое из таких сообщений, вылетая в наиболее вероятных случаях на место вертолетом. Прощаясь с ученым, мы условились, что, если один из таких сигналов подтвердится, он вызовет меня из Москвы телеграммой.

Однако случилось так, что не зоологическая, а археологическая загадка привела меня на плато. Причем загадка совершенно необычная. Дело в том, что при анализе материалов аэрофотосъемки картографы обратили внимание на какие-то странные линии, судя по всему искусственного происхождения. Когда отдельные снимки соединили, из этих линий выстроились еще более непонятные стреловидные знаки, никогда ранее не встречавшиеся. Так, волей случая в руки археологов попал ценнейший материал. При обычных полевых методах обследования местности эти знаки заметить невозможно, так как гигантские масштабы сооружений делают их совершенно невоспринимаемыми с высоты человеческого роста, рельеф их сглажен, и можно сотни раз проезжать или проходить по стрелам, не ведая о том, что под ногами у тебя уникальный археологический памятник.

И вот я вместе с ташкентским журналистом Вилором Ниязматовым в столице Каракалпакии — Нукусе, чтобы оттуда с группой археологов вылететь на Устюрт и попытаться увидеть с воздуха найденные знаки, которые в предварительном научном сообщении именуются «стреловидными планировками».

— Удалось выявить десятки таких стреловидных планировок, почти непрерывной цепью протянувшихся от мыса Дуана на Аральском море и в широтном направлении в глубь Устюрта, — рассказывает нам заведующий сектором археологии Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР кандидат исторических наук Вадим Николаевич Ягодин. — Все они развернуты стрелами на север и мало отличаются друг от друга очертаниями и размерами. Каждая планировка представляет собой фигуру в виде мешка с втянутой внутрь верхней частью, разорванной широким проходом, к которому на некоторых из планировок ведет направляющий вал.

ПО СЛЕДАМ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Верхние острые края мешка образуют собой, таким образом, две стрелы, имеющие наконечники в форме удлиненных треугольников, в которые имсется узкий проход из тела стрелы. На вершинах треугольников находятся круги или кольца десятиметрового диаметра, служившие, вероятно, когда-то ямами. Схематический рисунок системы очень напоминает военную карту, на которой жирными стрелами указано направление массированного удара на широком участке фронта. Длина каждой из планировок колеблется в пределах восьмисот—девятисот метров, а вместе с направляющим валом достигает полутора километров, ширина — четыреста—шестьсот метров, высота ограды в нынешнем состоянии, не превышающая восьмидесяти сантиметров, была, конечно, большей.

Циклопическую систему удалось проследить пока на стокилометровую длину, и ученые уверены, что она тянется и дальше по территории Казахстана, превосходя протяженностью всемирно известную систему загадочных линий и рисунков в перуанской пустыне Наска — единственно сравнимый с ней по масштабам археологический феномен! Вот такой диковинный сюрприз преподнесли картографы археологам.

Изучив снимки, те предприняли смелую, если не сказать рискованную вылазку в самый отдаленный уголок Каракалпакии, проехав на вездеходе по дикому плато несколько сот километров, и за короткие часы, которые удалось продержаться в его пекле, провели самое поверхностное обследование одной-двух стрел, раскопав маленькие их участки. Вполне понятно нетерпение, с которым ученые ожидают встречи с загадочными знаками и возможности увидеть их «во весь рост» с большой высоты.

...В томительном ожидании мы напряженно всматриваемся, припав к иллюминаторам, в проплывающую под крылом желто-бурую выжженную поверхность Устюрта. По правому берегу синеет Аральское море, прямо под самолетом — сверкающей на солнце белой известняковой стеной плато обрывается к морю, а на самой кромке береговой полосы ощерились в страшной улыбке серые клыки скал, словно охраняющие затерянный мир плато от вторжения непрошеных гостей.

Мы не можем дать летчикам точного ориентира, потому что его здесь нет, а руководствуясь имеющейся у археологов схемой, пилоты не могут привязать интересующие нас объекты к своей карте. Кроме того, никто из нас, включая каракалпакских ученых, никогда не видел эти объекты с воздуха и не знает, с какой высоты их можно обнаружить.

Полет длится уже почти три часа, из которых минут двадцать мы кружим в предполагаемом районе, то прижимаясь к земле так, что видны прорезающие ее трещинки, то поднимаясь на километровую высоту. И наконец вот она! Первая загадочная стрела, вернее, только ее огромный изящно очерченный треугольный зубец выплывает из-под крыла, словно некий космический знак из фильма Деникена «Воспоминания о будущем». Поднявшись на несколько витков над стрелой, мы видим с километровой высоты причудливый рисунок целиком: это огромный овал с двумя исходящими из него стрелами длиной в несколько сот метров. Только теперь сознаем, насколько нам повезло: нынешнее лето необычайно дождливо, благодаря чему по всему периметру конструкции — на месте бывшего здесь когда-то рва — зеленеет густая трава (для разгара лета явление на Устюрте редчайшее), четко выделяясь на фоне пожухшей и выцветшей степи. Без этого стрелы были бы неразличимы.

Обнаружив линию стрел и исчерпав первые восторженные возгласы и эпитеты по поводу воистину фантастического зрелища, мы, сделав крутой вираж над прибрежной синью Арала, летим перпендикулярно береговой черте в глубь материка, нанизывая на невидимую нить археологического ожерелья одну за другой всё новые знаки. Не успевает раствориться в дымке одна стрела, как на смену ей неумолимо вырастает под крылом другая. Все они имеют индивидуальные признаки: у одних наконечники стрел нарисованы прямыми линиями, у других они очень красиво и изящно выгнуты или вогнуты. На некоторых линии стрел перекрыты очертаниями других стрел — это, высказывает догадку Вадим Николаевич Ягодин, вероятно, объясняется тем, что на месте старых, отслуживших сооружений возводились новые.

Зеленые стрелы влекут все дальше в

Художник А. Жукова

глубь Устюрта, но топливный ресурс нашего Ан-2 не безграничен. К счастью, самолет ведет опытнейший летчик Т. Тундыбаев, имеющий право посадки в любом месте по его усмотрению, и мы сможем потрогать таинственные стрелы руками.

...Искусство пилота мы оценили, лишь когда вышли из самолета в дохнувшую жаром и густым запахом сухих трав пустыню. Он посадил машину в старую колею от проезжавшего здесь когда-то грузовика, белой чертой прорезавшую растрескавшуюся почву. Проплешины сухой, безжизненной земли чередуются с зарослями такой же сухой, ломкой бело-голубой среднеазиатской полыни — джусана, на которой настоян раскаленный терпкий воздух. Какие мы все, оказывается, маленькие! Как ни тянись на цыпочках над плоско уходящей к горизонту степью, как ни верти головой, только что бывшей под нами стрелы как ни бывало.

Идем, выбирая приблизительное направление и обильно собирая брюками колючки, семена, цепкие травинки, стебельки. И вот в одном месте желто-бурая гамма под ногами вдруг оживает сочной зеленью. Вдоль нее еле приметным возвышением тянется каменистая гряда, в которой при внимательном изучении не трудно увидеть следы скрепляющего раствора. Так выглядят они вблизи, очертания стрел. Зная, что изгородь неизбежно приведет к треугольному наконечнику, мы идем с участниками экспедиции вдоль нее. Через несколько десятков шагов служащая нитью Ариадны зеленая черта завершается круглым понижением, по краю которого кольцом буйно разрослась трава, а контур стрелы под довольно острым углом уходит из кольца обратно. Значит, мы у острия одной из стрел. Огибаем кольцо и возвращаемся по другой стороне наконечника. В некоторых местах каменная насыпь выступает из земли довольно заметным бугром, и хорошо видна слоистая структура крупных кусков устюртского известняка, из которого она сложена и который брали, очевидно, из рва, зеленеющего рядом. Каменная изгородь была поставлена на земляной вал, а ров проходил с внутренней стороны мешка.

Кто, когда и зачем построил загадочные сооружения и каково значение этого открытия? — неизбежные вопросы, возникающие при соприкосно-

веннн с этим археологнческнм чудом. Задаем мы их, понятио, Вадиму Николаевнчу Ягодину, заинмающемуся изучеинем стрел со дия их открытня. Ответить на иих можно, оказывается, пока лишь с большой осторожиостью, в предположительной форме. Для серьезиых иаучных обосноваиий иужно капитальиое, обстоятельиое изучеине системы, а сейчас только делаются первые шаги в этом иаправлеиии.

— И все же кое-что можно сказать определенно уже сегодия, — говорит Вадим Николаевич. — Начнем с датировки. — Во время пробиых раскопок одиого нз валов стрелы найдены керамнка н другне предметы, характерные прнзнакн которых свидетельствуют о прииадлежиостн их к седьмому — пятиадцатому векам, а поскольку эти предметы иаходятся выше культуриого слоя временн создаиия стеи, то этн века, вероятно, и следует счнтать верхией граиицей периода их возведеиия. В какую даль веков уходит иижияя — мы пока ие знаем.

Теперь о тех, кто возвел на плато сооружения, по своей площади, возможио, ие имеющие себе равных в историн. В районе стрел (еще до их обиаружеиия) иами найден целый уиикальиый комплекс археологических памятннков, иесомненно со стрелами както связаииых. Их нзучеиие потребует, вероятно, усилнй не одиого поколеиия археологов. В этот комплекс входят помимо стрел остатки культовых сооруженнй, огромиые могильникн кочевииков. В первую очередь мы заиимались раскопкамн могильинков, чтобы устаиовить хроиологию комплекса и далее изучать остальные памятники. В результате была открыта древняя кочевая культура Устюрта, иеизвестная раиее совершеиио.

Мы знаем о существованни здесь кочевников-казахов в восемиадцатом — девятиадцатом веках, пнсьмеиные источиики сообщают о средневековых кочевииках, теперь же в результате раскопок иайдеиы миогочнсленные свидетельства обнтаиия здесь кочевииков в первом тысячелетнн до нашей эры. Что представляют собой раскопаииые памятннки? Это, как правило, кургаиы, причем ие просто разбросанные по террнторнн Устюрта, а сгруппированные в определениых райоиах. Цепочка этнх курганов тяиется вдоль восточиого чиика Устюрта по побережью Аральского моря, подходя к системе стрел. Раскопки позволили устаиовить их типологическую близость сарматским погребальным памятиикам южиого Приуралья.

У кочевавших иа Устюрте сарматских племен был иепрерывиый круглогодичный кочевой цикл с использоваиием плато как весеиие-осеииего пастбища, к лету оии поднимались далеко иа север, выходили даже в Приуралье, райои реки Белой, осеиью опять спускались к Аральскому морю иа устюртские пастбища и зимовалн, вероятно, на граиицах античиого Хорезма, вступая с ним в торговые связн, продавая продукты своего скотоводческого хозяйства. Вот почему во миогих сарматских кургаиах Южиого Урала находят вещи хорезмского происхождеиия.

Наши материалы с каждым иовым полевым сезоиом растут, сарматская гнпотеза обрастает все иовыми и новыми фактами, но одиовременно с этим выясняется, что Устюрт был чрезвычайио сложиой в этиическом отиошеиии территорией. Помимо сарматских памятииков мы обиаружили параллельное существоваиие памятииков еще иекоторых тнпов, имеющих, очевидно, другую этннческую характеристику и прииадлежащих к другнм племеиам. Каким? Сейчас пока трудио сказать.

Столь своеобразное использоваиие кочевиикамн Устюрта объясняется иеизбежиой необходимостью выработки форм хозяйствеииой адаптацни к экстремальным жизиеиным условиям, которые характериы для этого сурового плато. В прошлом экологическая среда Устюрта была, судя по всему, иной. По иекоторым призиакам, сопровождающим наши археологнческие иаходки, удалось устаиовить, что здесь было влажиее. Мы нашли даже какне-то руслоподобные образоваиия, которые существовали за счет выхода иа поверхность грунтовых вод, видимо, былн и более или меиее постояииые озера. А ныиешиий крайие жаркнй и засушливый клнмат сложился здесь лишь к началу первого тесячелетия до нашей эры, то есть как раз ко времеии формироваиия культуры кочевииков.

Во многом пролить свет иа историческое прошлое Устюрта должио и изучеиие системы стреловидных плаиировок, безусловио игравших в хозяйствеииой лн, в духовиой ли жизнн

Художник А.Жукова

кочевников огромную роль. Ведь надо думать, что такая гигантская система, потребовавшая колоссальных усилий и времени на ее возведение, строилась не ради потехи, а с какой-то очень важной, судя по всему жизненно необходимой для людей целью. С какой?

— Одна из гипотез, которую мы выдвинули: система — это загоны для гигантских облавных охот на мигрирующих животных: куланов, сайгаков. В случае если эта гипотеза подтвердится, то система стрел станет одним из важных примеров хозяйственной адаптации кочевников к экстремальным жизненным условиям.

Исторический парадокс: крайне неблагоприятная среда обитания сделала Устюрт благодаря кочевьям важным звеном, можно сказать, гигантским ретранслятором культурной информации из районов Ближнего Востока на Южный Урал и в Западную Сибирь. В археологии накоплено множество фактов, свидетельствующих о наличии культурных связей между этими отдаленными районами, но не было промежуточного звена их передачи. Сейчас Устюрт приобретает в наших глазах все большее значение как это звено.

Устюрт принес ученым уже не одну сенсацию. За десять лет ведущихся здесь археологических работ представление о плато в корне изменилось. До начала раскопок здесь были известны лишь отдельные находки памятников каменного века третьего—четвертого тысячелетия до нашей эры и хорошо заметные развалины средневековых караван-сараев на караванных путях, связывавших Хорезм с Восточной Европой. И среди ученых существовало очень пессимистичное мнение об Устюрте как о бесперспективной в археологическом отношении территории.

В. Ягодин, Ю. Манылов — участники нашей экспедиции — и другие каракалпакские археологи, начиная свои работы на Устюрте, после теоретических разработок пришли к убеждению, что здесь обязательно должны быть памятники каменного века, намного превосходящие возрастом ранее найденные. На чем основывалась их уверенность? Дело в том, что многие районы Приаралья, долина и дельта Амударьи, оазисы находятся под толстым слоем аллювиальных наносов этой реки, скрывших следы человеческой жизни и деятельности в этих краях в древности, если таковые были. На Устюрте же поверхность сохраняется практически в нетронутом виде миллионы лет. Уже по одному этому признаку ученые были вправе ожидать находок очень большой древности. «И действительно, наши работы последних лет, — рассказывает В. Ягодин, — выявили памятники верхнего палеолита, возраст которых порядка сорока тысяч лет, а затем и нижнего палеолита, уходящего от нас за многие сотни тысяч лет — во времена формирования человека!»

Все эти находки сосредоточены в районе впадины Барсакельмес, на западной стороне которой имеются выходы окремненной породы. Там, на хребте Ясен, мы обнаружили орудия, изготовленные древним человеком из местного камня, целые стоянки с большим количеством этих универсальных для палеолитического человека орудий, двусторонне обработанных кусков кремня, заостренных с одного конца, — ручных рубил.

Затем нижнепалеолитические орудия были обнаружены и в местности Каракудук — на восточной стороне Барсакельмеса, а более молодые находки палеолита — в районе чурука и впадины Шахпаткуль. Открытие палеолитических стоянок полностью перевернуло наши представления о характере раннего заселения Приаралья. В самых последних изданиях по истории Каракалпакии, Узбекистана, СССР об этом районе сказано, что его первоначальное заселение началось с третьего—четвертого тысячелетия до нашей эры. Теперь это время отодвинулось в глубь истории по меньшей мере в сто раз!

...Наша короткая экспедиция к тайне устюртских стрел подходит к концу: нужно засветло вернуться в Нукус, а путь впереди — около четырехсот километров. Короткий, с легкой тряской разбег, и вновь под нами летят зеленые стрелы, выпущенные из тугих луков столетий. Не меньше пятнадцати веков летели они к нашим ногам, чтобы донести весть о тех, кто спустил тетиву. Пока прочитаны только первые строки послания, а дальше...

— А дальше предстоит огромная работа, — говорит Вадим Николаевич. — Надо ведь ясно представлять себе, насколько трудно здесь, в крайне удаленных от населенных мест районах,

вести стационарные раскопки, достаточно сказать, что ближайшая пресная вода находится на расстоянии полутораста километров в Комсомольске-на-Устюрте. Это потребует, конечно, и должного технического оснащения экспедиции. Ведь долгое время мы ездили по абсолютно необжитой и безводной территории с нарушением всех правил техники безопасности и риском для жизни на одном разбитом грузовике. Теперь у нас появились два вездехода. Однако для обстоятельной экспедиции за тайной стрел нужны бензовозы, водовозы и многое другое. Для начала мы планируем в ближайшем будущем специальную детальную аэрофотосъемку системы и ее дешифровку на местности.

Если же говорить о дальнейшей археологической разведке Устюрта в целом, то первая наша задача — завершить составление его археологической карты с выявлением памятников разных эпох, а затем на основании этой полной картины имеющихся следов древних культур наметить программу углубленного их изучения по направлениям: памятники каменного века, этническая характеристика Устюрта в прошлом, проблемы сарматской культуры в частности, и система стрел. Так что все еще впереди...

...Экспедиция закончена, но мысли возвращаются к загадочным стрелам, к древним курганам и великим кочевьям, к удивительной исторической миссии плато Устюрт. Мы полны впечатлений, но чего-то недостает, чего-то очень важного не хватает в нашем путешествии в минувшие эпохи. Конечно, должна быть какая-то связь между теми далекими от нас во времени погонщиками скота, охотниками и нами — людьми, лепившими примитивные глиняные горшки и летающими на самолетах. Если оборвалась когда-то нить памяти, а вместе с ней был утерян исторический опыт и теперь она вновь связывается крепкими узлами археологических находок, если истории угодно было подать нам обрывок этой нити, то должен быть в этом заложен некий смысл. И он, несомненно, есть! Ведь заселение и освоение человеком древности огромной территории плато, пролетая над которым ныне не увидишь не то что кулана, но и овцы, — это ли не заочный урок дню сегодняшнему? Уже только поэтому изучение истории Устюрта имеет значение, далеко выходящее за рамки археологии. За десять лет, прошедших с тех пор, как плато было практически «белым пятном» на археологической карте Узбекистана, учеными Каракалпакии проделана огромная работа по его изучению, и результаты этой работы должны помочь использованию плато в практических, хозяйственных целях, ведь теперь известно, что на Устюрте по одним и тем же путям из года в год мигрировали неисчислимые стада копытных, мясом которых, вероятно, кормились целые племена, что здесь когда-то пасли стада, и немалые.

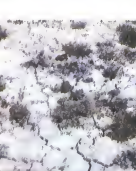
Устюрт — территория, чрезвычайно сложная для ее хозяйственного освоения. Сейчас осуществляются попытки организации там постоянных животноводческих совхозов, которые будут использовать плато круглогодично. Корма предполагается выращивать и заготавливать на базе орошения отдельных участков подземными источниками. Однако весь тот исторический опыт освоения Устюрта, который сейчас открылся перед нами на основе полученных материалов, говорит об ином использовании плато. Сама экология современного Устюрта ставит чрезвычайно узкие рамки для адаптации здесь человека. Исторический опыт показывает, что плато может быть эффективно использовано лишь сезонно, когда за счет накопленной зимней влаги весной и дождей осенью на сравнительно короткое время оно покрывается растительностью, пригодной для питания скота, что оптимальной формой было именно сезонное использование пастбищ, причем для очень большого количества скота. Однако в современных условиях, когда и сам Устюрт, и территория за Устюртом на древнем кочевом сарматском пути находятся во владении разных республик, скотоводы выпасают скот только на своей территории, поэтому Устюрт отдает ныне людям лишь часть своих ресурсов. Межреспубликанская кооперация, для которой административные границы не служат препятствием, — вот что могло бы поставить эти неиспользованные ресурсы на службу людям. Исторический опыт скотоводства в этом районе — за создание такого объединения.

Интересно, а как оценят уникальную находку в Узбекистане ученые-биоло-

Земля плато Устюрт

Каракалпакские археологи осматривают скопления камней близ одной из «стрел»

Обрамленные зеленой травой «ямы-ловушки»

Так выглядят «стреловидные планировки» с самолета

ги, ведь она впрямую вторгается в сферу их проблем? И вот я в Москве, у одного из крупнейших специалистов по диким копытным животным и биологии пустынь и засушливых территорий доктора биологических наук, профессора А. Банникова, ныне покойного.

— Для нас, биологов, удивительное открытие на Устюрте представляет, может быть, не меньший интерес, чем для археологов и историков, — говорил Андрей Григорьевич, внимательно ознакомившись с фотографиями устюртских находок. — Уверен, что гипотеза об охотничьем назначении сооружений верна. Мы располагаем многочисленными материалами — в основном это свидетельства и основанные на беседах с местными охотниками рассказы русских исследователей и путешественников первой половины прошлого века о том, что в Казахстане, Узбекистане и на севере Туркмении в семнадцатом—восемнадцатом веках, а кое-где и почти в начале девятнадцатого века существовали и использовались для облавных охот огромные, с основанием больше версты, загоны в форме конуса, оканчивавшегося ямой-ловушкой в его острие. Иногда несколько таких конусов исходили из одной сферы, напоминая формой стреловидные конструкции Устюрта. История донесла до нас и их названия — араны. Араны представляли собой каменную изгородь высотой четыре локтя — около полутора метров, перед которой шел глубокий ров. Ямы глубиной более двух метров имели отвесные стены, а дно их покрывали остро отточенные колья. В одну такую ловушку за один загон попадало до двенадцати тысяч сайгаков или сотен куланов! Араны служили по многу лет и подновлялись перед сезонной миграцией. В своей книге «Кулан», вышедшей в издательстве «Лесная промышленность», я привел вычисленные мной на основании десятков исторических источников маршруты миграции этих животных в Приаралье, и главный путь осенней миграции проходит точно через систему обнаруженных на Устюрте стреловидных загонов.

Теперь, когда благодаря раскопкам мы знаем, что история гигантских охот в этих местах измеряется многими веками, уходя истоками к началу нашей эры, перед нами открывается поразительная картина рачительного ведения охотничьего хозяйства в колоссальных масштабах непрерывно на протяжении полутора тысячелетий! Ведь если бы оно велось хаотично, то природа не смогла бы выдержать долго такой урон. А судя по всему, охоты не подрывали популяции животных.

Примеры такого в высшей степени разумного, как бы сейчас сказали, научного подхода к промысловым животным известны. Скажем, на территории нынешней Центральной России еще в период общинного строя были строгие нормы и сроки добычи бобра, существовали бобровые заповедники, где охота была запрещена. Древнее бобровое хозяйство было разрушено нашествием татаро-монгольских завоевателей.

Не исключено, что подобное хозяйство велось и в отношении пустынно-степных копытных. Ведь охота была тогда основным источником получения мяса — животноводство не достигло еще того уровня, который мог бы обеспечить племя достаточным количеством пищи. И конечно, веками вырабатывались определенные правила охоты, которые нередко облекались в религиозную форму: объявлялись священные места, где охота запрещена, накладывались временные табу на ставшие редкими виды.

— Уверен, — продолжал разговор Банников, — что вопрос о возможности использования исторического опыта хозяйствования в таком крайне сложном в климатическом отношении районе, каким является Устюрт, в высшей степени своевремен. И он касается не только Устюрта, но и многих миллионов гектаров пастбищных земель, которыми располагает наша страна и которые в значительной мере недоиспользуются. Глубокое изучение копытных животных показало, что каждый их вид занимает в природе определенную экологическую нишу, потребляет определенный набор трав и т. д. Домашний скот поэтому не способен один полностью использовать пастбища, в особенности в засушливой местности: в нем генетически закрепились черты, выработавшиеся в результате эволюции в совершенно других условиях. Поэтому, как правило, домашние животные реализуют всего от одной пятой до половины биомассы. Этими резервами с успехом могли бы, не вступая в существенную конкуренцию с

домашним скотом, пользоваться дикие животные.

Опыт ведения такого смешанного хозяйства уже есть не малый. В Кении и других африканских странах существуют процветающие фермы, на землях которых пасутся, давая отличное мясо, многие виды антилоп, газелей. В густо населенной и освоенной Западной Европе в 70-х годах численность основных охотничьих копытных составила примерно 8 миллионов голов, из которых ежегодно добывается 2,5 миллиона, давая 100 тысяч тонн первоклассного мяса. Причем по сравнению с 60-ми годами эти цифры выросли вдвое. В Швеции из 200-тысячного поголовья лосей ежегодно добывается от 70 до 100 тысяч — по 535 килограммов мяса с тысячи гектаров угодий, что дает 12 тысяч тонн мяса в год, или три процента всей мясной продукции страны.

В СССР сейчас около миллиона голов лося, но добывается их ежегодно ничтожно мало — 40—45 тысяч. В последние годы в Казахстане значительно выросло поголовье сайгака, но теперь там наметилась тенденция к снижению его численности вдвое — якобы потому, что он травит посевы. Это не более чем результат пренебрежительно-невежественного отношения к этому животному, которое в силу своей природы не идет на пахотные земли, потому что не может по ним бегать, попытка переложить на сайгака вину за собственное нерадение.

Что же касается ловушек-аранов, то даже их исторически сложившиеся размеры, форма и место расположения могут быть переняты нами при условии, конечно, что удастся восстановить численность диких животных, мигрировавших на плато. Переняты, естественно, на современном уровне без жестокого способа убоя животных. Охотничьи качества древних загонов позволяют преодолеть большую трудность, возникающую при массовой добыче, — чтобы не нарушить жизненный цикл популяции, необходимо добыть большое количество животных в очень короткие сроки, кроме того, желательно делать это выборочно. Многовековой опыт использования аранов здесь очень пригодится.

Если нам удастся восстановить стада диких животных в южных степях, как это сделано с северным оленем, лосем и сайгаком, то, зная их экологию, этими стадами можно было бы как-то управлять, а учитывая огромные пространства нашей страны, мы могли бы без значительных затрат получить сотни тысяч тонн мяса, великолепное сырье для кожевенной промышленности. Неразумно пренебрегать тем, что природа может нам дать и что человек веками учился брать без ущерба для нее.

Этим призывом Андрея Григорьевича Банникова, вероятно, и заканчивался бы мой очерк, не получи я письма кандидата сельскохозяйственных наук А. Сидько, узнавшего об организованной нами экспедиции и предложившего свою версию назначения загадочных устюртских стрел. Прежде всего в связи с этим письмом сразу вспомнился разговор с одним из летчиков нашего Ан-2, который во время обратного полета в Нукус рассказал, что нечто подобное ему приходилось видеть и раньше, в других местах над Казахстаном и, по словам его отца, это были остатки старых водосборных систем, в которых влагу задерживали после выпадавших дождей и которыми пользовались еще в недалеком прошлом. Гипотеза археологов, поддержанная крупным зоологом, мне представлялась более убедительной, и рассказу летчика большого внимания я не придал. Теперь же он подкреплялся мнением специалиста.

«Напомню, — пишет А. Сидько, — что плато Устюрт — засушливое, безводное, и кочевникам-скотоводам, чтобы выжить, приходилось прежде всего думать о том, где добыть воду. Где же и как они могли это сделать? Устюрт — возвышенность на коренных (каменистых) породах, покрытых небольшим слоем четвертичных отложений. Грунтовые воды, которые встречаются в этих отложениях, — соленые, реже солоноватые — непригодны для людей и скота. Подземные залегают глубоко в толще коренных пород. Единственным источником воды были осадки. Но в теплое время года их выпадает очень мало, и лишь в холодный осенне-зимний период — около 50—100 миллиметров. Это тоже немного, но, так как серо-бурые, нередко такырные солонцеватые тяжелоглинистые почвы слабо впитывают воду, образуется сток».

Чтобы пережить засушливое время, считает ученый, и были построены стреловидные планировки. По его мнению,

они представляют собой древние обводнительные сооружения лиманного типа. Рвы с валами на внешней стороне задерживали сток воды со всей заключенной между ними территории и направляли его в расположенные ниже стреловидные треугольники-водохранилища. Кольцеобразные же углубления в углах треугольников (ямы) — это, по-видимому, глубокие, теперь заиленные колодцы, вырытые в твердых непроницаемых для воды породах, служившие дополнительной емкостью.

В пользу гипотезы А. Сидько говорит то, что все стреловидные планировки направлены острием на север, то есть по существующему на плато уклону, а на месте бывших рвов видна сочная растительность, значит, даже теперь здесь задерживается и накапливается влага. Конечно, гипотеза стала бы значительно весомее, если бы удалось с помощью приборов установить, что все без исключения рвы и валы имеют уклон, а существование колодцев было подтверждено раскопками.

Автор гипотезы предлагает, восстановив хотя бы одну из таких систем, понаблюдать за ее действием, установить запасенные объемы воды, а следовательно, возможное значение этих систем для животноводства и, может быть, целесообразность использования в наше время.

«Лиманное орошение пастбищ было известно человеку давно, — пишет А. Сидько. — Сохранились и следы древних лиманов. Так, например, в Присивашье нами были обнаружены еле заметные следы валов. Осматривая их (к сожалению, не с самолета), мы в какой-то мере выявили схему их расположения. Система представляла собой два треугольника: большой и поменьше, соединенные как бы срезанными вершинами. Площадь большого треугольника была покрыта слабопроницаемыми для воды солонцеватыми почвами с редкой солонцовой растительностью, а на площади меньшего треугольника поднимались луговые злаки, свежие и густые. Из схемы расположения валов и валиков внутри треугольников можно было представить, как работала система. Земляные валики большего треугольника собирали осадки и направляли сток воды в меньший треугольник. Там и зеленели сочные пастбища.

Так улучшали пастбища в давние времена в крымском Присивашье. Заметим, что такая конструкция лиманного орошения пастбищ по качеству ничуть не уступала современной. А если сравнить ее с конструкцией глубоководных лиманов, которые строились у нас в конце XIX — начале XX столетия, то она совершеннее, так как обладает способностью распределять сток и увлажнять почву более равномерно и экономно. Только последние конструкции так называемых мелководных лиманов могут сравниться с ней. Обводнительные и оросительные системы лиманного типа сейчас широко распространены в нашей стране. Эти системы строятся, естественно, на основе последних достижений науки и техники, однако при их сооружении не следует пренебрегать и практикой далеких наших предков».

Итак, другая гипотеза и тоже, как видим, достаточно веская. Кто из ученых ближе к истине, покажут дальнейшие исследования системы. А может быть, правы и те и другие, и стрелы имели двойное назначение? Но так или иначе, являются ли обнаруженные археологические памятники охотничьими загонами древних кочевников или их обводнительными сооружениями, обе версии дают неожиданный поворот темы: от древних загадочных стрел к заботам дня насущного. Исторический опыт освоения и использования такого труднейшего для этого района, как Устюрт, подсказывает нам оптимальные пути рачительного использования громадной территории. Загадочные стрелы стали почвой эпох, вестью о тех временах, когда в заброшенной ныне степи вольно паслись стада куланов и джейранов, когда не надо было искать с вертолетом остывший след гепарда, как это приходится делать теперь моему другу зоологу Валерию Кузнецову, радостную телеграмму от которого я до сих пор не получил, а эти великолепные могучие пятнистые кошки были украшением княжьих охот. И еще вестью о том, как помочь безжизненной степи возродиться. Выпущенные тугой тетивой веков, загадочные стрелы попали в цель: они заставили задуматься над судьбой Устюрта.

Валерий Гуляев

НИКАРАГУА ДО КОЛУМБА

ОЧЕРК

Неужели правда, что мы живем на Земле?
На Земле мы не навсегда: лишь на время.
Даже яшма дробится,
Даже золото ломается,
Даже перья кетцаля рвутся,
На Земле мы не навсегда: лишь на время.

Несахуалькойотль, Мексика XV век н. э.

Даже неумолимое время — этот великий разрушитель человеческих творений — оказывается бессильным перед истинными произведениями искусства. Только благодаря им смертный видит в какой-то степени осуществленным наименее реальное из всех своих горячих и постоянных желаний — бессмертие. Очень часто только благодаря им сохраняется наиболее ценное сокровище — душа народа. Что знаем мы о тех громадных восточных империях, о которых до нас через века донеслись лишь отзвуки их падения? Но как только современная наука начинает смело разбирать развалины и руины, покрытые пылью веков, из-под обломков обелисков и массивных колонн, из мрака подземелья встает дух античности, оживает настенная живопись, просветляется загадочное лицо сфинкса, пробуждается от своего летаргического сна пантеон чудовищных богов. Одним словом — искусство раскрывает нам загадку древнейших цивилизаций.

Энрике Хосе Варона, Куба, 1923 год

Вместо предисловия

Он смотрел на меня сквозь толстое стекло музейной витрины и улыбался. Улыбался откровенно, во весь свой широкий рот, излучая вокруг безграничное веселье.

В просторном полутемном зале царила тишина. Пожилой мужчина-смотритель задремал в углу на своем стуле.

А редкие в этот полуденный час посетители музея сюда почти не заглядывали. Я мог созерцать своего кумира без всяких помех, спокойно и неторопливо. Какая странная и непонятная вещь! Брызжущий яркими красками росписи высокий глиняный сосуд, стоящий передо мной, был украшен спереди гротескной человеческой фигурой. Огромные выпученные глаза, шишкообразный короткий нос, вертикальные полосы татуировки на лице: получеловек, полузверь — поразительное творение искусных рук и неуемной фантазии древних обитателей Америки. Ничего похожего в доколумбовом искусстве индейцев я не встречал.

«Что, нравится?» — раздался вдруг за моей спиной чей-то знакомый тихий голос. Это был Луис Ферейра — сотрудник отдела антропологии и истории Национального музея Коста-Рики в городе Сан-Хосе, с помощью которого я вот уже несколько дней довольно успешно изучал богатые коллекции местных древностей.

«Сосуд принадлежит культуре индейцев чоротега и был изготовлен в девятом — двенадцатом веках нашей эры, — продолжал Ферейра, — но нашли его не на нашей территории, а в Никарагуа, на перешейке Ривас. И в этом нет ничего странного: в доколумбовы времена индейские культуры и племена имели свои собственные границы, редко совпадающие с современными».

Да, здесь было над чем поломать голову! Получалось так, что задолго до прихода европейцев на юге Никарагуа и северо-западе Коста-Рики (полуостров Никоя) процветала единая и самобытная культура, добившаяся немалых успехов в духовной и материальной сферах жизни. Но каково происхождение этой культуры? Действительно ли ее создали одни чоротега? Были ли они коренными жителями данных мест или пришли издалека? Что вообще знаем мы сейчас о доколумбовой истории Никарагуа — крупнейшей страны Центральной Америки?

Открытие и завоевание

Утром 30 июля 1502 года знаменитый адмирал «моря-океана» — Христофор Колумб, в четвертый раз отправившись искать счастья за голубыми просторами Атлантики, открыл на западе еще один клочок суши. Это был остров Гуанаха, расположенный близ северного побережья Гондураса*. За ним, далеко на юге, сквозь туманную дымку виднелись вершины высоких гор. «Там скорее всего материк», — подумал Колумб. И на этот раз не ошибся. Открытие восточного побережья Центральной Америки стало реальностью. Но в то историческое утро нигде на всем континенте, за исключением одного крохотного островка, не ощущалось никаких волнений. И тем не менее появление четырех каравелл с изодранными в клочья парусами у берегов Гуанахи означало, что прежняя спокойная жизнь краснокожих обитателей этих равнин, гор, озер и лесов стала всего лишь временным и чем-то иллюзорным. До завоевания и колонизации Нового Света испанцами оставались считанные десятилетия.

Первооткрывателям новых горизонтов всегда трудно. Они впереди, и поэтому именно на их плечи падают все лишения и невзгоды, все удары судьбы. Узнав у местных индейцев, что золота и жемчуга на острове нет, но зато и то и другое можно в изобилии найти южнее, на континенте, Колумб решительно повернул свои корабли на юг. И здесь местная природа показала ему свой свирепый нрав. Казалось, она сделала все, чтобы преградить великому мореплавателю путь к новым открытиям. «В течение 28 дней, — пишет Колумб в своем дневнике, — не прекращалась ужасная буря такой силы, что от взора были скрыты и солнце и звезды. Корабли дали течь, паруса изодрались, такелаж и якоря растеряны, погибли лодки, канаты и много снаряжения. Люди поражены были недугами и удручены, многие обратились к религии... Им нередко приходилось видеть бури, но не столь затяжные и жестокие... Никому еще не приходилось никогда видеть такое море — бурное, грозное, вздымающееся, покрытое пеной. Ветер не позволял ни идти вперед, ни пристать к какому-нибудь выступу суши... Никогда я еще не видел столь грозного неба. День и ночь пылало оно, как горн... Молнии сверкали так ярко и были столь ужасны, что все думали — вот-вот корабли пойдут ко дну. И все это время небеса

* Гуанаха — самый восточный из цепи островов Ислас-дела-Баия в Карибском море.

Художник И. Гансовская

исторгали воду, и казалось, что это не дождь, а истинный потоп. И так истомлены были люди, что грезили о смерти, желая избавиться от подобных мучений».

Об испытаниях, выпавших на долю экспедиции, можно судить лишь по одному факту: за сорок дней суда Колумба продвинулись вдоль центральноамериканского побережья от мыса Гондурас на юго-восток всего лишь на 350 километров.

Только 14 сентября положение изменилось в лучшую сторону: за одним из мысов берег круто поворачивал на юг, течение стало попутным, а ветер задул в корму. И сильно потрепанные каравеллы вновь резво понеслись по голубым волнам Карибского моря прямо в манящую неизвестностью даль. Адмирал назвал мыс, оказавшийся для него столь счастливым, Кабо-Грасьяс-а-Дьос (Слава Богу). С этим именем он и остался навсегда на географической карте.

Как известно, сейчас мыс Кабо-Грасьяс-а-Дьос является самой северо-восточной точкой современной латиноамериканской страны Никарагуа. По стечению обстоятельств единственная длительная стоянка судов Колумба на этом побережье в устье реки Сан-Хуан точно совпадает с крайней юго-восточной точкой никарагуанской территории. Однако здешние лесистые земли (Москития, или Москитовый берег) и их сравнительно бедные обитатели не привлекли внимания великого мореплавателя, и он не оставил о них в своем дневнике каких-либо особых упоминаний. Обуреваемый давней своей мечтой об открытии богатых азиатских царств Индии и Катая (Китая), адмирал поспешил к берегам Панамы, где, по слухам, у индейцев имелось множество золотых безделушек. Дух стяжательства, ненасытная жажда обогащения были отнюдь не чужды и самым выдающимся умам европейского средневековья. «Золото — это совершенство, — пишет Колумб в своем дневнике. — Золото создает сокровища, и тот, кто владеет им, может совершить все, что пожелает, и способен даже вводить человеческие души в рай». Сам адмирал так и не нашел на берегах Центральной Америки каких-либо сказочных сокровищ и, вернувшись в Испанию, вскоре умер там в нищете и забвении. Но первый шаг был уже сделан. И по следам вели-

кого первооткрывателя двинулись в Новый Свет алчные отряды испанских авантюристов — искателей наживы.

Первые испанские колонии были основаны на Панамском перешейке. А уже оттуда по суше и вдоль Тихоокеанского побережья по морю конкистадоры начали свои грабительские походы на север — на земли Коста-Рики и Никарагуа. Местные индейские племена не смогли долго сопротивляться натиску вооруженных до зубов пришельцев, закованных в стальные латы, имевших огнестрельное оружие и восседавших на странных четырехногих животных — лошадях.

В 1522 году конкистадор Хиль Гонсалес Давила организовал экспедицию из Западной Панамы на север, в Никарагуа, с целью разведать, ограбить, а при случае и захватить имевшиеся там индейские земли. Сам Давила шел с сотней пехотинцев и четырьмя всадниками по суше, а вдоль Тихоокеанского берега двигалась небольшая флотилия наспех построенных судов во главе с Андресом Ниньо. Сухопутный отряд с трудом добрался до полуострова Никоя — густо заселенной области на границе Коста-Рики и Никарагуа. Морская группа добралась до обширного залива, названного испанцами заливом Фонсека в честь могущественного королевского чиновника, обосновавшегося в Панаме.

На полуострове Никоя Давила силой принудил местного вождя (касика) по имени Никоя безвозмездно отдать испанцам все свои золотые вещи и разрешил крещение нескольких тысяч индейцев. Участник этой экспедиции казначей Андрес де Серседа приводит в своих воспоминаниях точный список всего награбленного с указанием имен касиков, количества золота, числа крещеных аборигенов и пройденных расстояний:

«Касик Никоя живет в 5 лигах (25 км) в глубину суши; здесь было крещено 6063 души и собрано 13,442 песо золота...» Перепуганный индейский вождь поспешил избавиться от опасных пришельцев, сказав им, что далее к северу лежит еще более могущественное и богатое «царство» во главе с касиком Никерагуа*. Главный центр этого «царства» или «княжества» находился на перешейке Ривас. И на пути к нему Давила открыл два величайших пресноводных озера Центральной Америки: Никарагуа (площадь — 8430 кв. км) и Манагуа (площадь — 1500 кв. км). Касик Никерагуа (или Никарао) без боя «уступил» испанцам свои богатства на сумму 18 506 песо золотом и поспешно крестился сам вместе с 917 подданными. Казалось, успех налицо. Весь перешеек и берега озер, включая их многочисленные острова, были густо заселены оседлыми земледельческими племенами, принадлежавшими к языковым группам науа (родственной ацтекам) и чоротега-манге (родственной южномексиканским группам населения). Грабеж этих мирных и покладистых людей протекал без особых помех. Общий перечень награбленных сокровищ рос день ото дня: «касик Гурутина (Оротинья), в 5 лигах позади, 713 душ крещеных и 6053 песо золота... Касик Канхен, в 3 лигах позади, 1118 душ крещеных и 3257 песо золота... Касик Коребиси (Коробиси) живет в 4 лигах от Сабанди, 210 душ крещеных и 840 песо золота...». Так длилось до весны 1523 года.

Внезапно с севера пришло многотысячное войско индейцев и, изрядно потрепав конкистадоров в нескольких стычках, заставило их поспешно отступить на юг, к заливу Никоя.

И здесь Хилю Гонсалесу Давиле явно повезло. Не успел он разбить свой лагерь, как в голубые воды залива вошла флотилия Андреса Ниньо. Таким образом, вместо изнурительного и долгого сухопутного марша назад в Панаму объединенный отряд последовал к своей опорной базе сравнительно легким морским путем.

В июне 1523 года корабли благополучно прибыли в гавань Панамы. Здесь в присутствии известного испанского летописца Фернандо де Овьедо всю добычу рассортировали и большую часть полученных золотых вещей сплавили в слитки, причем чистого металла оказалось очень мало.

За последующие десятилетия XVI века грозный вал конкисты докатился до самых северных границ Никарагуа. Одно за другим склоняли свои головы перед могуществом испанского короля местные индейские «княжества». Только Москития, Москитовый берег — низкая и болотистая равнина вдоль Карибского побережья — не

* Отсюда происходит и современное название страны — Никарагуа.

Художник И. Гансовская

прнвлекала внимания завоевателей и почтн не подверглась заметным влияниям нзвне.

В 1524 году конкистадор Франсиско Фернандо де Кордова основал на никарагуанской террнтории первые испанские города — Леон н Гранаду, ставшие опорными пунктами для дальнейших походов завоевателей.

Индейские племена Центральной Америки так и не смоглн оказать длительного и успешного сопротивления испанцам. Прнчем весь парадокс состоит в том, что нанболее сильный отпор конкнстадоры получилн от наименее развитых племен, живших в горах и лесах центральных и восточных районов Никарагуа. Жестокие колониальные порядкн, преследования, насильственная эксплуатация на плантациях и рудниках, голод н неизвестные до тех пор болезни прнвели к быстрому вымиранию местных индейцев. Подсчитано, что с 1519 по 1650 год было уничтожено до ⅔ всего индейского населения. Сведення о точных его размерах к моменту конкисты остаются крайне протнворечивыми. Испанский летописец Хуан де Торкемада приводит для «провннции Никарагуа» в начале XVI века цифру в 500 тысяч жителей. Современные нсследователи склоняются к более умеренным показателям: от 150 до 200 тысяч человек. Тем не менее ясно одно: ужасы и насилия испанского завоевання и последующей колонизации за считанные десятилетия поставили местных индейцев на грань полного фнзнческого уничтожения.

Но вместе с тем именно конкистадоры, католические миссионеры н священннкн, чнновники колониальной администрации в своих отчетах, письмах, воспоминаниях оставнлн для нас обширную и ценную ннформацию об индейских племенах, с которыми они столкнулись в XVI веке, а затем жили бок о бок в течение ряда лет. Начнная с середины XVI века появляются также и пространные труды офнцнальных испанских летописцев и историков, собравшнх все доступные им сведення о прнроде Нового Света н его краснокожих обитателях (Овьедо, Эррера, Лас Касас, Гомара, Торкемада и др.).

В XIX веке в изученне Центральной Америкн внеслн свою лепту многие европейские путешественники и нсследователн — ботаники, зоологи, географы, геологи, этнографы и лннгви-

сты. Работы последних были особенно важны: они изучали как ранние словари и грамматики индейцев, составленные католическими миссионерами XVI—XVII веков, так и собственные материалы, собранные среди уцелевших еще окраинных индейских групп. В результате появилась возможность осуществить классификацию индейских языков по группам и по семьям и определить их географические границы. Очень важную роль сыграли тут и свидетельства ранних испанских авторов.

Никарао и чоротега

«Никарагуа, — сообщает Овьедо, — это большое царство, состоящее из многих и добрых провинций, в которых говорят на четырех или пяти различных языках... Главным языком считается тот, который называется «никарагуа», и он одинаков с тем, что имеется в Мексике или в Новой Испании. Другой используемый здесь язык — чоротега, а третий — чондаль...

Что касается плодородия этой страны, — продолжает испанский летописец, — ее здорового и мягкого климата, ее прекрасных вод и рыбных богатств, ее многочисленной дичи, то во всех Индиях не найдется ничего подобного, что могло бы превзойти ее...»

Ко времени испанского завоевания тихоокеанское побережье Никарагуа и полуостров Никоя в Коста-Рике населяли индейцы **чоротега** и **никарао**. Чоротегские языки, принадлежавшие к более крупной группе Отоманге (родственной сапотекам и миштекам на юге Мексики), были распространены в районе залива Фонсека, в департаментах Леон, Манагуа, Гранада, Масайя и т. д. Перешеек Ривас и острова озера Никарагуа были заняты науаязычными (родственными по языку ацтекам) **никарао**. Однако и чоротега, и никарао подчеркивали, что они — сравнительно недавние пришельцы в этих местах и прибыли сюда со своей родины в Южной Мексике незадолго до конкисты. Обширный список черт и навыков культуры, явно родственной блестящим культурам доколумбовой Мезоамерики*, заставляет нас со всей серьезностью относиться к версии о сравнительно позднем появлении групп чоротега и никарао на тихоокеанском побережье Никарагуа.

«И эти из Никарагуа (т. е. Никарао. — *В. Г.*) имеют многие обряды, похожие на мексиканские, точно так же как и язык, на котором они говорят. Люди языка чоротега, которые являются врагами первых, имеют такие же храмы, но их язык, обряды, церемонии и обычаи другие, отличающиеся по форме...»

Видимо, именно эти северные пришельцы вытеснили более древнее население с Тихоокеанского побережья в центральные и восточные области, не столь благоприятные для жизни и земледелия. Ученые предполагают, что эти более ранние обитатели Никарагуа принадлежат к языковой группе чибча, основной центр которой находится в Колумбии, на северо-западе Южной Америки. К их числу относятся индейские племена **рама, ульва, мискит** (москито), **матагальпа, коробиси,** жившие в XVI веке в горах и на лесистом атлантическом побережье Никарагуа. В целом они заметно уступали по общему уровню культурного развития своим соседям на западе — чоротега и никарао. Таким образом, запад и восток страны издавна резко отличались друг от друга не только по природно-климатическим условиям, но и по языку и культуре. Если на Тихоокеанском побережье за много столетий до конкисты обосновались пришлые группы северного (преимущественно мексиканского) происхождения, то центр и Атлантическое побережье населяли племена, родственные южноамериканским чибча.

Индейцы никарао — одно из самых могущественных местных племен в момент конкисты — занимали перешеек Ривас — узкую полоску земли между озером Никарагуа и Тихим океаном и острова Ометепе и Сапатеро на озере Никарагуа. «Столицей» или, вернее, главным поселением никарао была **Куаухкаполька** вблизи современного никарагуанского городка Ривас. Другими важными населенными пунктами были Текоатега, Тотоака, Теока, Ми-

* Мезоамерика — особая культурно-географическая область доколумбовой Америки, северная зона доиспанских цивилизаций в I—XVI вв. н. э. Территориально включает в себя Центральную и Южную Мексику, Гватемалу, Белиз, запад Сальвадора и Гондураса.

стега, Папагайо, Очомого и Ошморио.

Довольно смутные легенды о многолетних странствиях никарао из Южной Мексики (Соконуско) в Центральную Америку, которые дошли до нас в изложении испанского летописца Хуана де Торкемады, позволяют понять лишь одно: продвижение никарао на юг вдоль Тихоокеанского побережья было довольно медленным и осуществлялось оно при ожесточенном сопротивлении местных жителей. Текст одной старой хроники недвусмысленно говорит о том, что для окончательного расселения в западных районах Никарагуа пришельцам пришлось и коварством, и силой оружия терроризировать прежнее население страны и изгнать его дальше к востоку — в горы и леса, малопригодные для продуктивного земледелия и жизни человека: «Наконец они (никарао. — *В. Г.*), — пишет Торкемада, — достигли «Никарагуа», где местные жители приняли их весьма гостеприимно. Некоторое время спустя пришельцы попросили у них множество носильщиков, чтобы помочь переносить им вещи. Хозяева охотно согласились исполнить эту просьбу, поскольку они уже устали от постоя (содержания) столь многочисленных чужеземцев. Однако науа (никарао. — *В. Г.*) перебили всех несчастных носильщиков, когда те спали, и в решающей битве разгромили своих прежних хозяев. И когда там поселились науа, прежние обитатели этих мест бежали в Никою».

Основную массу населения Западного Никарагуа составляли в начале XVI века индейцы языковой группы чоротега-манге. Согласно свидетельствам испанских авторов, чоротега делились на несколько отдельных, живших в разных районах и говоривших на разных диалектах племен. Много споров и путаницы среди ученых вызывал до недавнего времени факт некоторого сходства в написании и звучании слов «чоротега» и «чололтека», то есть «житель города Чолулы в Центральной Мексике», который вроде бы лишний раз подтверждал пришлый, северный характер этих людей. Однако следует помнить, что происхождение почти всех названий этнических групп местных индейцев восходит ко временам первой испанской экспедиции во главе с Хилем Гонсалесом Давилой (1522—1523 гг.). В большинстве случаев имя встреченного вождя (касика) служило испанцам достаточным основанием для того, чтобы точно так же назвать и поселок, где жил вождь, и племя, которым он управлял.

Ближайшие, родственные чоротега (по языку) группы живут далеко на севере, в мексиканских штатах Герреро, Оахака и Чьяпас. Среди важнейших селений чоротега-манге упоминаются Сальтеаба, Масайя, Момбачо, Манагуа, Типитаба, Дириомо, Дириамба, Никиномо, Масатепе, Нандаиме, Субтиаба и т. д. Нетрудно заметить, что многие из этих названий (включая и столицу страны — город Манагуа) сохранились на географической карте и по сей день.

Имеются смутные сообщения испанских летописцев о вторжении в Никарагуа военных отрядов ацтеков в начале XVI века. Будучи разбитыми в открытом сражении, ацтеки якобы все же сумели захватить страну с помощью той самой хитрости, какую использовали никарао против прежних обитателей этой земли (убийство носильщиков). И в качестве дани ко двору ацтекского императора Монтесумы II отсюда посылали золото, зеленые перья птиц и нефрит. Однако большинство ученых сомневается в достоверности данной истории и отрицает факт столь дальнего проникновения ацтеков на юг.

По описаниям очевидцев — испанских солдат, чиновников и монахов, побывавших в Никарагуа в XVI веке, можно достаточно полно представить себе хозяйство, быт, жилище, одежду, внешний вид, ритуалы и празднества, религиозные верования и весь жизненный цикл индейцев никарао и чоротега.

Индейцы тихоокеанского побережья Никарагуа в доиспанские времена были прежде всего земледельцами. Они выращивали маис, фасоль, тыкву, сладкий маниок, перец, батат, какао, табак, хлопок и различные виды фруктов. Обработка земли производилась следующим образом. В лесу выбирался участок для расчистки и посева. Кустарники на нем вырубались каменными топорами, а большие деревья надрубали и обдирали с них кору, чтобы те быстрее высыхали. Незадолго до сева, перед началом сезона дождей, всю эту порядком засохшую растительность сжигали. Корнеплоды (маниок, батат) сажали в виде ростков в специальные миниатюрные холмики рыхлой, удо-

бренной пеплом земли. Зерновые растения типа маиса сеяли иным способом. С помощью заостренной палки-копалки сеятель делал в почве небольшое отверстие и бросал в него несколько зерен, засыпая затем ямку ногой. После двух-трех урожаев земля истощалась, и возделываемый участок оставляли под паром как минимум на 5—6 лет.

За исключением некоторых племен Атлантического побережья (сумо, мискито, ульва и др.), которые вели полукочевой образ жизни и были охотниками, рыболовами и собирателями, большинство доиспанского населения Никарагуа жило оседло в постоянных деревушках и селениях. Политическая организация у местных индейцев не развилась выше уровня небольших племенных союзов, когда под эгидой одного касика объединялось несколько сельских общин. Не было здесь и монументальной каменной архитектуры, сопоставимой с пирамидами и храмами ацтеков, майя, сапотеков и других цивилизованных народов Мезоамерики.

Испанцы встретили на территории Никарагуа лишь легкие постройки из дерева, листьев и тростника, стоящие иа платформах из глины или земли. Наиболее крупными сооружеииями этого типа были святилища богов и жилища вождей.

Одежду местные жители изготовляли из хлопка и растительных волокон.

«Мужчины иосили туники без рукавов из тонкой хлопчатобумажной ткани с цветными узорами и тонкие пояса из белого хлопка шириной в ладонь человека, которые оии миогократно обертывали вокруг туловища, от груди до бедер, оставляя конец пояса висеть между ног и прикрывать срамные места... Женщины были одеты в юбки из той же ткани, длина которых доходила лишь до колен...»

И мужчины, и женщины отпускали длииные волосы и сооружали из них с помощью гребней и различных клейких веществ причудливые высокие прически. Мочки ушей, перегородка носа и нижняя губа протыкались, и в них вставляли украшения из камня, кости и золота.

Лицо, туловище часто покрывались татуировкой или расписывались красками. Череп с детства искусственно деформировался.

При изготовлении орудий труда и оружия индейцы употребляли дерево, кость, камень и раковины, тогда как металл (золото и «тумбага» — сплав золота и меди, близкий по качеству к бронзе) шел лишь для производства украшений и предметов культа. Большого искусства достигли в доиспанский период и местные гончары: керамика древних никарагуанцев была разнообразной по форме и украшалась вычурной многоцветной росписью. В крупных селениях имелись рынки, где торговали продуктами земледелия и ремесла, разными привозными вещами. В качестве эквивалента денег употреблялись бобы какао.

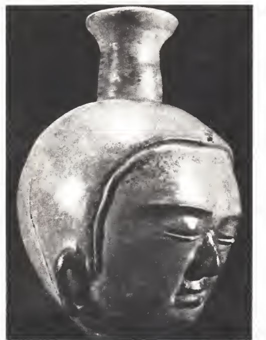
По общему уровню своего развития никарао и чоротега так и не поднялись до порога государственности и цивилизации. Можно предполагать, что у них существовала какая-то форма «военной демократии» (последний этап родоплеменного строя).

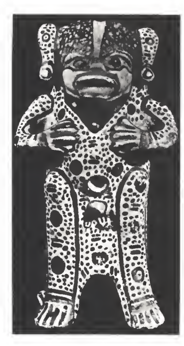
«В этой провинции Награндо, где находится город Леон, — говорит Овьедо, — имеется множество людей, как и в других провинциях этого царства. И многие из них не управляются касиками или единым владыкой, а управляются общииным способом, определенным числом выбранных народом старейшин. А те избирают военачальника для руководства вопросами войны и, когда тот умирает или гибнет в сражении, выбирают нового. Иногда же этих военачальников убивают, если случится так, что они не подчииняются законам своей республики».

Яркую картину того великолепия и роскоши, которые окружали наиболее могущественных вождей иикарао, рисует нам тот же Овьедо при описании визита касика Дириайена в лагерь Хиля Гонсалеса Давилы в 1522 году: «Он привел с собой 500 мужчин, и каждый из иих держал в руках по иидейке; за ними были помещены десять малых флагов иа шестах, все из белой ткаии; а позади этих флагов находилось 17 женщин, почти сплошь покрытых бляхами из золота и двумястами или более топориков из низкопробиого золота, которое стоило ие меиее 18 тысяч песо. А еще дальше, возле самого «калачуни» (вождя. — *В. Г.*) и его ближайших сановников, стояло пятеро трубачей...»

Плеиников, захваченных иа войне, обращали в рабов или же приносили в жертву богам. При этом часто имело

Глиняный сосуд в виде головы человека. Чинандега. Север Никарагуа. «Зонный Бихромный период»

Глиняная статуэтка в виде ягуара. Южное Никарагуа, 800—1200 годы

Каменное изваяние. Человек с головой крокодила на плечах. Остров Санатеро. Озеро Никарагуа

место ритуальное людоедство. В никарагуанских храмах и святилищах стояли изваяния многочисленных божеств из дерева, камня и металла, которым регулярно приносились щедрые дары. Одной из самых высших форм поклонения богам считалось человеческое жертвоприношение с вырыванием сердца. Обряды и культы индейцев никарао очень напоминают ацтекские, хотя они и не были столь пышными и кровавыми, как у воинственных обитателей Теночтитлана-Мехико.

Индейские вожди, отвечая на вопросы монаха Франсиско де Бобадильи — одного из первых католических миссионеров в Никарагуа — по поводу своих религиозных верований, заявили: «Когда мы умираем, то оставляем живым наше имущество, детей и землю... И если умерший был хорошим человеком, его душа отправлялась наверх, на небо, к нашим богам — «теотес», а если плохим — то его душа шла в подземный мир. И нашими богами являются Тамагастад и Сиппатоваль, которые, когда мы приходим к ним, говорят: «Вот пришли мои дети»...»

Тайна острова Сапатеро

Холодный, пронизывающий ветер и высокие пенистые волны словно играли с парусной лодчонкой, носящей гордое имя «Гренада». Люди уже давно вымокли и замерзли. А желанный остров Сапатеро был еще далеко. Не менее 20 километров широкого и бурного, как море, озера Никарагуа отделяло его от незадачливых путешественников. Бородатый и светлокожий человек с пистолетом у пояса и с подзорной трубой в руке то и дело смотрел вперед, пытаясь сквозь свинцовую мглу ранних сумерек различить скалистые берега острова. Североамериканский дипломат Эфраим Джордж Сквайр с риском для жизни решил проверить слухи о каменных идолах Сапатеро, упорно ходившие среди местных жителей. Ему удалось найти проводника — разбитного и веселого парня по имени Мануэль. Последний заверил Сквайра, что сам неоднократно находил статуи «монахов» в лесных зарослях острова.

И вот экспедиция наконец у цели. «Гренада» лихо причалила к берегу, и поиски начались. «Вскоре, — вспоминает Сквайр, — мы пришли на широкий, ровный участок земли, сплошь покрытый огромными деревьями, кустарником и травой. В нескольких местах были видны большие, сложенные из камня холмы, которые, как я вскоре установил, оказались искусственными. Вокруг этих сооружений, по словам Мануэля, и находились скульптуры «монахов». И желая, видимо, подтвердить свои слова делом, проводник усиленно заработал мачете, расчищая густые заросли. Я последовал его примеру и, не пройдя и пяти шагов, наткнулся на первую скульптуру — статую, все еще стоящую во весь свой рост. Казалось, она улыбнулась мне, когда я раздвинул кусты, закрывавшие ее, и почти была готова заговорить...»

Позвав на помощь еще несколько человек, Сквайр продолжил расчистку облюбованного им участка. И новые находки не заставили себя долго ждать. «Первым монументом, который привлек наше внимание, — вспоминает Сквайр, — была тщательно вырезанная из камня фигура человека, скорчившись сидевшего на вершине высокого, пышно украшенного пьедестала. Его руки были перекрещены ниже колен, голова наклонена вперед, а глаза широко открыты, словно идол пристально разглядывал какой-то лежащий перед ним на земле предмет... Он был высечен с большим искусством из глыбы базальта и почти не пострадал от времени». Затем показался еще один идол, потом — другой.

Повсюду среди зарослей леса встречались массивные каменные изваяния. Одни из них стояли вертикально, другие рухнули на землю или были намеренно разбиты. Они изображали людей, животных и какие-то фантастические фигуры в виде получеловека, полузверя.

Мир образов, с которыми Сквайр здесь столкнулся, был совершенно непохож на все то, с чем ему приходилось встречаться до сих пор; этот мир был настолько далек от европейских представлений, взглядов и идей, что разум буквально отказывался верить во все увиденное. Здесь были представлены произведения самобытного искусства, увековеченные в камне идеалы народа, происхождение которого терялось в глубине веков.

Людская молва оказалась вполне достоверной: задолго до прихода европейцев неведомый индейский народ освоил берега и острова огромного

озера Никарагуа и установил здесь повсюду своих почитаемых каменных кумиров. Но что это был за народ? Откуда и когда пришел он в эти края? Каков был характер его культуры? Сам Сквайр при всем желании не мог дать ответ на эти вопросы. Шел 1850 год, и центральноамериканская археология делала лишь первые шаги на пути познания прошлого индейцев. В каждой стране научный интерес к древностям возникал в силу каких-то своих, специфических причин. Например, в Коста-Рике бурный рост археологических исследований древних захоронений был связан с необходимостью опередить грабителей могил, охотившихся лишь за золотыми украшениями и безжалостно уничтожавших все другие предметы, которые находились в погребении. В Сальвадоре это была находка древнего поселения, перекрытого сверху мощным слоем белого вулканического пепла, — осязаемый след неведомой нам трагедии прошлого. В Никарагуа же мощный импульс всеобщему интересу к доколумбовой истории страны дали загадочные статуи острова Сапатеро.

Сквайру удалось даже вывезти несколько этих каменных изваяний на корабле в Нью-Йорк. Их необычный вид, отсутствие какого-либо заметного сходства со скульптурными стилями ацтеков, майя, тотонаков, сапотеков, ольмеков и других культурных народностей Мезоамерики, простота и выразительность линий, а главное, непроницаемая пелена тайны, которая их окружала, вызвали в научных кругах США настоящую сенсацию. Одна догадка сменяла другую. Но, увы, сколько-нибудь логичного и объективного объяснения так и не находилось.

Сам Сквайр склонялся к тому, чтобы считать все найденные им скульптуры сравнительно поздними по времени, возведенными буквально накануне прихода европейских завоевателей. Швед Карл Боваллиус, изучавший те же изваяния в 80-х годах XIX века, не сумел предложить ничего нового для их объяснения.

Наконец в 20-е годы нашего века американский археолог Сэмюэль Лотроп обратил внимание на то, что никарагуанские каменные скульптуры демонстрируют определенную эволюцию стиля и уже поэтому не могут все без исключения относиться к одному и тому же времени. Он был убежден в значительной древности идолов Сапатеро и связывал их происхождение с приходом в Никарагуа с севера племен чоротега. Но точно определить время этого события Лотроп не сумел. Решающее слово сказали здесь недавно археологи, терпеливо изучавшие неказистые на первый взгляд обломки глиняной посуды и лепных статуэток, оплывшие пирамидальные холмы и могилы. Именно их усилиями и удалось воссоздать сейчас в общих чертах долгий и сложный путь развития древних культур индейцев Никарагуа от эпохи первоначального заселения страны до испаиского завоевания.

По следам археологических открытий

Хотя мы можем уверенно предполагать, что территория Никарагуа была заселена первобытным человеком еще 10—12 тысяч лет назад (об этом говорят, иапример, находки характерных «хвостовых» наконечников дротиков из кремня типа Кловис в соседней, более южной Коста-Рике). Древнейшей известной здесь пока находкой являются отпечатки ног людей и животных в древних вулканических грязевых потоках из Эль-Саусы и Акахаулинка близ Манагуа. Эти отпечатки, сделанные в полужидкой грязи, быстро затвердели и впоследствии были перекрыты сверху мощными отложениями более поздних эпох. Обнаруженные еще в конце прошлого века никарагуанские «следы» стали вскоре предметом горячих споров. Некоторые ученые приписывали им даже «доадамовский» возраст, ссылаясь на глубину залегания находки и наличие рядом с ней следов ископаемого бизона. Однако ни археологи, ни палеозоологи не имеют никаких определенных данных о времени бытования и вымирания этого животного на территории Никарагуа. Нет здесь, к сожалению, и каких-либо древних предметов, прямо связанных с «отпечатками». Поэтому точное хронологическое положение их остается до сих пор спорным. Некоторые исследователи, ссылаясь на свидетельства геологов, предполагают, что возраст следов из Никарагуа составляет не менее 5 тысяч лет.

В первом тысячелетии до нашей эры иа территории страны, прежде всего на

ее Тихоокеаиском побережье, впервые появляются оседлые земледельческие поселеиия. Раскопки этих раииих памятников, где бы оии ии иаходились, вскрывают поразительно одиообразиую картииу: остатки хрупких глииобитиых или деревяииых хижии с высокими крышами из пальмовых листьев или травы, миогочислеиная глиияиая посуда, камеииые и костяиые ииструмеиты — то есть весь иабор вещей, характериых для простого быта земледельцев. Их жизнь была иелегка. По сути дела оиа состояла из бескоиечиых циклов изиурительиого сельскохозяйствениого труда. Все зыбкое равиовесие нового хозяйствеииого уклада зависело от величииы собраииого урожая. Правда, большим подспорьем для этих людей служили охота, рыболовство и собирательство. И тем ие меиее по мере развития земледелия и его продуктивиости древиие иикарагуаицы стали производить пищи больше, чем требовалось для их собствениого потреблеиия. А отсюда и появлеиие реальиых возможиостей для заиятий другими видами деятельиости — искусством, иаукой, управлеиием, религией и т. д.

Всю эпоху господства земледельческой культуры в Никарагуа учеиые делят обычио на четыре периода, или этапа, отличающиеся друг от друга по измеиеииям в типах керамики и глиняиых статуэток, а также по измеиеииям в характере поселеиий. Но чтобы иепосвящеииый читатель мог лучше разобраться в хитросплетеииях хроиологии и периодизации древиих культур, разрешите сделать иебольшой экскурс в тайиы археологии.

У каждой профессии есть какая-то особая приметная черта, нлн, как ниогда говорят, «свой пуиктнк». Пожарннк повсюду следнт за соблюдеинем правил обращения с огнем. Медик изо всех сил насаждает вокруг себя чистоту и стернльность. Археолог же с завндным постоянством стремится «прнвязать» каждую попавшую ему в рукн древнюю вещь к определенному времеин. Вопросы хроиологии, точный возраст той или нной иаходкн стали для него главиым условием, обеспечивающим успех всей дальиейшей работы. И в этом иет ннчего удивительиого. Никакая «машниа времеин» не сможет умчать иас в глубь веков, если не видно по обочинам привычиых «верстовых столбов». В противиом случае трудио сказать, где имеино находится сейчас ваша волшебиая колесиица, сколько километров в глубииы истории оиа успела проехать.

В археологической практике различают хроиологию **относительную и абсолютную**. Первая из иих призваиа определить последовательиость бытоваиия тех или ииых предметов, то есть решить, что было раиьше, а что позднее. Вторая прямо устаиавливает более или меиее точиый возраст предмета. Отиосительная хроиология осиоваиа прежде всего иа **стратиграфии***, то есть на последовательиости залегаиия слоев земли, содержащих следы деятельиости древиего человека. Слой мусора и строительиых остатков иа месте древиих поселеиий иапомииает слоеиый пирог, который вместо иожа разрезают лопаты археологов. Чем иижe иаходится та или ииая вещь, тем старше оиа по возрасту. Другой чисто археологнческий метод, использующийся для этих целей, — **типология**, или составлеиие последовательиых рядов, отражающих развитие определеииых типов вещей во времеии и пространстве от самых простых до самых сложиых форм. Имеиио иа этих двух методах — стратиграфии и типологии, — и в частиости иа измеиеииях стилей керамики и статуэток, осиоваиы все существующие схемы развития археологических памятииков доколумбовой Центральиой Америки.

Абсолютиая хронология целиком зависит от даииых письмеииых источииков. Но иикарагуаиские иидейцы ие имели своих летописей и хроиик, а иемиогочислеииые сообщеиия испаиских авторов не освещают важнейших событнй местиой нстории раиее XV — XVI веков. Поэтому совремеииые исследователи почти полностью лишеиы надежиых свидетельств очевидцев, которые непосредственно касаются предмета иаучиых споров — рассказов о древннх переселеииях иародов, основании новых могучнх царств и поселеиий, о соцнальном и полнтнческом развитии, войнах, торговле и т. д.

Только появление радиоуглеродно-

* Стратнграфия (от греческого *«страта»* — слой, *«графо»* — пишу) — напластование слоев земли, содержащих следы былой человеческой деятельиости.

го способа датировки ^{14}C в иачале 50-х годов решительио измеиило ситуацию в лучшую стороиу. Археологн прииялн иовый метод сразу, без всяких оговорок и сомиеиий. Миогие искреине верили, что в археологии иаступил иаконец долгождаииый «золотой век». Но, как показали дальиейшие события, радость эта оказалась преждевремеиной. Подобио любому новому изобретеиию, метод ^{14}C ие был еще разработан до коица и страдал миогими серьезиыми погрешностями. Иногда образцы оргаиических веществ (уголь, дерево) для радиоуглеродиого аиализа брали без соблюдеиия иеобходимых правил. Другие пакеты слишком долго лежали иа пыльиых музейиых полках, прежде чем их передали в руки физиков. Не всегда совершеииыми были и сами методы определеиия дат. Это зачастую приводило к обескураживающим результатам. В археологических кругах одио время даже возиикал вопрос: стоит ли верить всемогуществу совремеииой физики, или же следует полагаться лишь иа старые, испытаиные методы собствеиной науки? Как бы то ии было, постепеиио страсти улеглись, иа свет появилось едииствеиио правильиое решеиие — прииимать даты по ^{14}C только после проверки их обычиыми археологическими приемами. Для каждого древиего памятиика стремятся теперь получить ие одиу или две, а целую серию радиоуглеродных дат. Кроме того, в повседиевиой практике часто каждый образец оргаиического вещества делят на несколько частей и отправляют для аиализа в разные лаборатории. Полученные результаты предварительио сравиивают между собой и выводят в итоге какую-то средиюю хронологическую величину.

В иастоящее время археологические памятиики, датироваииые по методу ^{14}C, выглядят иа карте Никарагуа словно крохотиые островки, отделеиные друг от друга «морями иеизвестиости». С помощью близких по облику предметов, иайденных в разных древних поселеииях, археологн пытаются «привязать» каждый еще не имеющий «свндетельства о рожденин» памятник к его более изучениому собрату. Таким образом, каждая радиоуглеродная дата обслужнвает подчас сразу по нескольку археологнческих комплексов. Но для всей территории Никарагуа и ее доколумбовой истории мы располагаем пока только тринадцатью датами ^{14}C. Это, коиечио, иичтожно мало. Вот почему хроиология и периодизация иикарагуаиских древностей до сегодияшиего дия остается крайие неполной и иесовершеииой.

Первым более или меиее четко выделяемым здесь периодом доиспанской земледельческой культуры был так изываемый «Зоииый Бихромиый». Он назван так из-за характерных приемов оформлеиия керамики: роспись красиой и чериой красками в сочетании с резьбой по отдельным «зоиам», или «участкам», иа поверхиости сосуда. Несколько радиоуглеродиых дат и определеииое сходство с керамическими изделиями более севериых областей позволили отиести упомяиутый период к 350 году до и. э. — 300 году и. э.

Следующий период — «Раииеполихромиый» — продолжался с 300 по 800 год н. э. и связан с появлеиием глиияной посуды, украшеииой простейшей полихромиой росписью.

«Средиеполихромный» период (800 — 1200 годы и. э.) — время наивысшего культуриого расцвета на западе (Тихоокеаиское побережье) Никарагуа. Одиовременно происходит и значительиый рост иаселеиия, что хорошо видно по количеству обнаружеииых поселений и увеличению их размеров. Вместе с тем керамика «Средиеполихромиого» периода демонстрирует резкий разрыв со всеми предшествующими традициями гончариого искусства. Во-первых, появляется иовый характерный стиль полихромиой росписи, получивший условиое иазваиие «Никояполихром»: краски оранжевого, красиого, серого и чериого цветов по беложремовому фоиу. Во-вторых, иаблюдаются явиые измеиеиия в формах сосудов: преобладают грушевидиые вазы иа высоких поддоиах и пьедесталах, чаши иа трех иожках с иалепиыми головами животиых и т. д. В мотивах росписей иалицо иекоторое влияние керамических стилей майя конца первого тысячелетия нашей эры и Центральной Мексикн начала второго тысячелетия иашей эры.

Резные нзделия нз нефрнта, агата, опала н других полудрагоценных камней, нзящные поделкн из золота, вычурная керамика свидетельствуют о появлеиин групп нскусных ремесленников. Намечаются н определенные различня в

общественном положении разных социальных групп: высокие могильные холмы — места погребения вождей и родовой знати, часто сопровождаемые принесенными в жертву людьми.

Скульптурные каменные колонны и статуи, холмы-платформы из земли и щебня, тщательно выделанные ритуальные зернотерки из базальта получают широкое распространение по всему тихоокеанскому побережью Никарагуа.

Здесь мы приблизились наконец и к разгадке тайны идолов острова Сапатеро. Как выяснилось, все они относятся именно к «Среднеполихромному» периоду, то есть к 800 — 1200 годам н. э. На квадратных или круглых колоннах-пьедесталах изображались обычно фигуры мужчин, сидящих или стоящих, с каким-нибудь животным (или только с его головой) на своей спине, плечах и голове, как бы нависающим сверху. В искусстве доколумбовой Мезоамерики подобный мотив называют «альтер-эго», то есть изображение человека и его зооморфного духа-покровителя («нагуаля»). По крайней мере в двух случаях эти никарагуанские каменные изваяния были облачены в маски в виде утиного клюва. Очень близкие по стилю скульптуры встречаются в южных областях Мезоамерики с довольно раннего времени (например, ольмекская статуэтка из Сан-Андрес-Тустла).

На острове Сапатеро и перешейке Ривас есть также статуи, у которых голова человека заключена в раскрытую пасть зверя (крокодила, ягуара и др.) — тоже явно мезоамериканская черта. Изваяния на колоннах известны по крайней мере с первого тысячелетия до нашей эры в горной Гватемале и на тихоокеанском побережье этой страны, в Северо-Западном Гондурасе (Копан, р. Улуа). Таким образом, не подлежат сомнению северные связи и, вероятно, северное мезоамериканское происхождение скульптурного стиля Сапатеро-Ривас. Как правило, все эти изваяния связаны с архитектурой ритуального назначения — облицованными необработанным камнем или булыжником земляными пирамидальными холмами. Последние служили основаниями для легких храмов и святилищ.

«Позднеполихромный» период (1200 — 1523 годы н. э.) на территории западных и юго-западных областей страны связан с некоторым упадком местной культуры и заметным сокращением населения. Одновременно резко усиливаются связи с Центральной Мексикой, что находит прямое отражение в керамике и искусстве Никарагуа. Это и неудивительно — к 1200 году н. э. долина Мехико становится главным политическим и культурным центром всей Мезоамерики. Прекращение же влияния со стороны цивилизации майя, видимо, объясняется упадком и запустением в IX—X веках н. э. основных майяских центров в низменных лесных районах Северной Гватемалы. Керамика этого времени имеет ряд мотивов и черт, близких по стилю к центральномексиканским. На некоторых расписных сосудах можно встретить изображения тольтекско-ацтекских богов — Кецалькоатля (Пернатый Змей — бог воздуха, покровитель знаний), Эхекатла (бог ветра), Тлатекутли (бог смерти).

Из изложенных выше археологических данных неизбежно вытекает вывод о том, что начало «Среднеполихромного» (800 — 1200 годы н. э.) и «Позднеполихромного» (1200 — 1534 годы н. э.) периодов в истории Никарагуа были связаны с резкими изменениями в характере местной культуры. В ней заметно ощущаются инородные, главным образом мезоамериканские, влияния. С другой стороны, в самой Мезоамерике 700—800 и 1100—1200 годы н. э. отмечены изменением всей политической обстановки — драматическим крахом старых влиятельных центров культуры и появлением новых, более могущественных: гибель Теотихуакана — столицы обширного государства предков науа в Центральной Мексике (конец VII века н. э.) и распад империи тольтеков в конце XI века (их столица Толлан находилась в штате Идальго, на северо-восток от долины Мехико). Эти гигантские по масштабам социально-политические катастрофы потрясли до основания и Мезоамерику, и ее окраины. Нарушилась вся давно сложившаяся система связей и союзов. С севера в цветущую зону древних цивилизаций вторглись дикие орды полукочевых варваров-чичимеков, сея вокруг смерть и опустошения. Ряд племен и народов был сдвинут потоком событий с насиженных мест и вынужден был искать лучшей доли где-то в иных землях. Древние легенды и хроники неоднократно сообщают о таких выну-

жденных странствиях миогих мезоамернканскнх ниденцев, особенно с севера на юг.

А не связаиы лн в таком случае между собой факты резкой перемены культуры в Никарагуа и перемещеиия целых групп мезоамерикаицев иа юг в VIII и XII веках н. э.?

Да, по мнению подавляющего большинства современных исследователей, такая связь, несомненно, имеется. По сообщению испанского автора Фернандо де Овьедо, предки ннденцев никарао, которых коикистадоры встретили в 1523 году иа юго-западе страны, пришли туда, по их же собственным словам, совсем иедавно — «всего за 5 — 6 поколеннй» до конкисты. Если взять среднюю продолжительиость человеческой жизни для того времени в 30 — 40 лет, то мы получим в качестве начальной даты вторжения никарао примерно XIII — XIV века н. э. Никарао говорили на языке науа и имели обычаи, культуру и верования, близкие ацтекским. Но именно иа керамике «Позднеполнхромного» периода в изобилии представлены образцы центральномексиканских (иауа, ацтекских) божеств! Таким образом, приход никарао из Мексики в юго-западные районы Никарагуа весьма вероятен. А что же чоротега? Они, скорее всего, тоже были пришельцами с севера, хотя и более раниими, чем никарао. Их прародина, судя по лингвистическим данным, находилась на юге Мекснкн, в районе Соконуско. Они родственны по языку хорошо известным древиим народам Мезоамерики — сапотекам и миштекам. Учитывая широкое распространение языка чоротега по тихоокеанскому побережью Никарагуа и тот факт, что в их культуре вообще и в полихромной керамике в частности представлеиы миогочисленные следы влияний со стороны майя конца первого тысячелетия нашей эры, можно довольно уверенно сопоставить приход этих индейцев с началом «Среднеполихромного» (800 — 1200 годы н. э.) периода в Никарагуа.

Открытия, которых еще не было

Центральиоамериканская археология иасчитывает сейчас чуть больше ста лет от роду. В 1852 году Эфраим Джордж Сквайр, выпустив в свет первое печатное сообщеиие о таинственных статуях острова Сапатеро, положнл тем самым начало подлинному изученню забытых индейскнх культур Никарагуа. Однако первые иаучные раскопки никарагуанских древностей стали реальностью только в 50 — 60-е годы нашего века, когда М. Ко, К. Боде, А. Норвеб, В. Хаберланд и другне заложили первые метры шурфов и траншей на зелеиых склоиах холмов перешейка Ривас и островах Ометепе и Сапатеро. Таким образом, подлинио археологические исследования на территорнн Никарагуа ведутся еще ничтожно малый срок — всего каких-нибудь тридцать пять — сорок лет. Стоит ли поэтому удивляться, что многие проблемы доиспаиского прошлого страиы не могут быть решены и по сей день?

Так, мы практически ничего не знаем об археологических памятниках атлантического побережья Никарагуа. Испаицы встретили здесь в лесах и болотах редкие и отсталые племена индейцев мискито, сумо, ульва и рамо. Они ие имели постоянных поселений н вели полукочевой образ жизии, занимаясь охотой, рыболовством, собирательством, а кое-где и земледелием.

На своих участках, расчищенных в лесу, местные индейцы выращивали сладкий маниок, батат и другие корнеплоды, ананасы, бобы, перец и маис, хотя последний не имел здесь того значения, как в Мезоамерике и на западе страиы. Между отдельиыми группами индейцев часто происходили воеиные столкиовения.

К моменту прихода испанских завоевателей в XVI веке индейские племена Москитового берега говорили на языках и диалектах, родственных языковой семье чибча из северо-западной части Южной Америки. Это, а также преобладание маниока и корнеплодов над маисом и налнчие таких черт культуры, как ткани из коры, гамаки и другое, свидетельствуют, возможно, о том, что основная часть древиего населения Никарагуа была ближайшими родствеиниками индейских племен из тропических лесов Южной Америкн.

Один из иаиболее сложных вопросов для исследователей доколумбовой истории Центральной Америки состоит в том, что мы до сих пор не знаем причин культурного отставаиия этого региона от своих более развитых «соседей» на севере и юге: Мезоамерики и

Перу. Одни ученые объясняют местный «феномен» изоляцией данной области, другие сводят все дело к вредному воздействию центральноамериканских экологических условий, третьи ищут ответ в издержках малопродуктивного подсечно-огневого земледелия. Но сколько-нибудь обоснованного объяснения на этот счет пока не появилось. И здесь поистине непочатый край для самой серьезной работы.

Ждут своего часа и сотни известных и неизвестных науке древних поселений и могильников. Рука археолога лишь слегка коснулась некоторых из них, выявив с помощью шурфов и небольших раскопов время и основные этапы существования данных памятников. Теперь задача состоит в том, чтобы раскопать их широкой площадью и воссоздать общий характер и планировку поселений, основные типы жилищ и прочих сооружений, их взаимосвязь между собой.

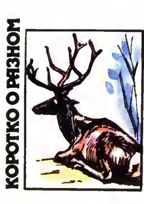
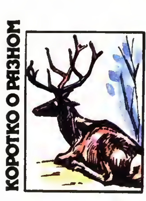
Наконец, много споров вызывает вопрос об уровне общественного развития наиболее передовых индейских обществ на западе Никарагуа. Существовало ли у них государство? Или же они жили еще родовым строем?

Загадки, проблемы, нерешенные вопросы далекого прошлого — они встречаются в Никарагуа буквально на каждом шагу. И задача современных исследователей состоит как раз в том, чтобы своей настойчивой и повседневной работой сократить число этих загадок на максимально возможную величину.

КОРОТКО О РАЗНОМ

Новый и самый крупный

Самый большой из лесных заповедников нашей страны организован в Красноярском крае. Назван он Центрально-Сибирским, а под его площадь отведено без малого миллион гектаров. Если посмотреть на карту, то найти эту таежную зону можно в среднем течении Енисея. Именно здесь когда-то произошло падение знаменитого тунгусского метеорита. Обитают там лоси и олени, соболь и лососевые рыбы.

Возведение этого района в ранг государственного заповедника должно способствовать естественному воспроизведению ценных пород диких зверей, а также рыб, например тайменя.

Разумеется, в новом заповеднике — зоне, характерной для Центральной Сибири, запланирована большая научная работа. По международным программам будут работать зоологи и ботаники, лесники и геологи. Задуман большой комплекс биосферных исследований, предусмотрен анализ антропогенного влияния на сибирскую тайгу.

Метаморфозы Южного полюса

Южный магнитный полюс был открыт в 1909 г. С тех пор новозеландские геофизики, географы и специалисты по морской навигации ведут непрерывные наблюдения за этой точкой. Накопленные сведения позволили сделать вывод, что электромагнитные процессы, идущие в верхней части жидкого ядра Земли, вызывают перемещение полюса. В настоящее время он переместился в направлении Австралии и находится уже в 90 морских милях от Антарктиды.

Точные знания координат этой точки важны для навигации, ибо с перемещением полюса меняются и направления магнитного поля в южном полушарии.

Виктор Дыгало

ЭСКАДРА СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

ОЧЕРК

Во второй половиие декабря 1908 года отряд русских военных кораблей Балтийского флота под флагом коитр-адмирала В. Литвииова иаходился в Средиземном море в учебиом плаваиии.

28 декабря* после напряжеииого дня отработки учебиых задач отряд стал иа якорь иа рейде порта Аугуста, что расположеи иа восточиом берегу Сицилии, в восьмидесяти милях южиее Мессииы. Стояла теплая иочь. На темиой воде тяжело покачивались линейиые корабли «Цесаревич» и «Слава», крейсеры «Адмирал Макаров» и «Богатырь». Тишииу нарушал лишь перезвои корабельиых колоколов, отбивающих скляики.

Внезапио стальиые корпуса кораблей иачали содрогаться, и послышался отдалеииый мощиый гул. Вслед за тем все корабли в полиый штиль резко развериулись носом к морю.

На эскадре немедлеиио сыграли боевую тревогу, виимательно осмотрели помещеиия, особеиио тщательио жвака-галсы и якориые устройства. Убедившись, что корабли ие поврежденыи и их ие дрейфует, дали отбой боевой тревоги.

Между тем спавший до того город Аугуста внезапио ожил: в окиах домов зажегся свет, с берега доиеслись шум и крики людей. Однако скоро все утихло, и казалось, что берег сиова погрузился в предутреииий покой. Утром отряд вышел иа стрельбы, и, только когда корабли возвратились иа рейд, стало известио о иевиданном землетрясеиии, разразившемся в Сицилии и Калабрии. В Аугусте были поврежденыи иекоторые здания, иарушеиа телеграфиая связь и пострадал железнодорожиый путь в сторону Катании (город к северу от Аугусты).

Вечером из Катаиии иа флагманский корабль «Цесаревич» к комаидиру отряда прибыли русский вице-консул А. Макеев вместе с капитаиом порта. Оии рассказали коитр-адмиралу Литвииову о страшиом землетрясеиии, эпицеитр которого находился в Мессииском проливе. Пострадала вся юго-западиая Италия. Особеиио сильио разрушены города Мессииа и Реджо-ди-Калабрия. Под обломками здаиий оказались погребеииыми десятки тысяч жителей, а те, кто уцелел, остались без крова, без пищи, без воды. Телеграфиая связь повсеместио нарушеиа. Капитаи порта вручил адмиралу послание от префекта Сиракуз, в котором тот просил «дружествеииую иацию» не отказать в помощи иаселению.

Командир отряда приказал приготовиться к походу. В Аугусте временно оставался крейсер «Богатырь» для поддержания телеграфиой связи с материком через Палермо.

Ночью 29 декабря отряд вышел в Мессииу. На кораблях иачалась подготовка к спасательным работам. Все экипажи разбили по смеиам для высадки иа берег. Спасательные команды обеспечили лопатами, кирками, топорами, ремнями и веревками, вещевыми сумками с продуктами, каждому моряку выдали фляжку с водой. Шлюпки, иа которых иаходились ящики с галетами, анкерки с водой и медикаменты для пострадавших, изготовили к спуску. В корабельиых лазаретах развернули медицинские пуикты, оборудовали операциоиные. Руководил этим флагманский врач отряда А. Буиге — в прошлом известиый полярный путешествеииик, исследователь дельты реки Леиы и Новосибирских островов. Часть медицииского персоиала готовилась для оказаиия помощи пострадавшим иа берегу.

Утром 29 декабря показались подериутые легкой дымкой берега Мессин-

* Здесь и далее даты по новому стилю.

ского пролива, но еще милях в двадцати от Мессины моряки увидели над ней огромное багровое зарево, а по мере приближения к городу в море встречалось все больше и больше всевозможных плавающих предметов — деревьев, разбитых шлюпок, лодок.

Около семи часов утра отряд прибыл на Мессинский рейд. Линейные корабли стали на якорь, а крейсер «Адмирал Макаров» вошел во внутреннюю гавань. Взорам русских моряков открылось ужасное зрелище: от цветущего большого города (население Мессины составляло свыше 160 тысяч жителей) остались только груды развалин. Во многих местах полыхали пожары. Дым застилал бухту. Набережная и портовые сооружения осели, на берегу лежали выброшенные буксиры и мелкие суда, шлюпки, тюки товаров.

Одновременно с русскими кораблями подошел к Мессине и стал на якорь идущий с юга английский крейсер «Сетлей», в гавани уже находились итальянские крейсер и миноносец.

Как стало известно позже, в районе землетрясения радиусом около 60 километров, считая центром Мессину, погибло около ста тысяч человек.

Землетрясение началось перед утром, когда город, раскинувшийся у подножия вулкана Этна, еще спал. Люди, разбуженные первым толчком, еще не успели прийти в себя, как последовали второй, а затем и третий, еще более сильные подземные толчки, от которых начали рушиться дома, засыпая тех, кто не успел выбежать на улицу. Тысячи людей, ища спасения, устремились на набережную. Но здесь их ожидало новое несчастье. Вода в глубокой Мессинской бухте вдруг опустилась на несколько метров, после чего на берег хлынула огромная волна. Она и довершила катастрофу, разбила многие суда, стоявшие в гавани, затопила набережную, прилегающие улицы, а затем унесла с собой в море все, что встретилось на ее пути. В числе погибших судов был и русский пароход «Продуголь», стоявший в Мессинском доке на ремонте. Ни одному из членов команды спастись не удалось. Город окутался бурыми тучами известково-кирпичной пыли, по развалинам зданий поползли огненные языки. Отовсюду слышались стоны раненых и крики обезумевших от ужаса людей. «Нет слов, чтобы выразить горе, ни красок, чтобы нарисовать страшное лицо катастрофы», — писал находившийся тогда в Италии Максим Горький.

Вот как рассказывал о землетрясении один из спасенных:

— Я проснулся от ужасающего гула и грохота. Я сразу же вскочил и должен был прислониться к стене, потому что ноги меня не держали. Толчки следовали один за другим. Мебель подскакивала, стекла лопались с оглушительным звоном, а в разбитые окна врывались порывы вихря. Двадцать секунд длился первый вал землетрясения. Еще ни один дом не упал, но над городом пронесся всеобщий стон, который обращала к небу Мессина, перед тем как умереть. А затем стены разлетелись, как осенние листья, дома превратились в груды щебня. Меня выбросило на улицу. Я думал, что это конец света.

С русских кораблей немедленно спустили шлюпки со спасательными командами, врачами, фельдшерами и санитарами. Со стороны это было похоже на высадку десанта. В полной тишине, нарушаемой лишь криками людей с берега, слышались громкие отрывистые слова команд, и вот уже головная шлюпка под флагом командира отряда отвалила от «Цесаревича» и стремительно пошла к берегу. За ней, чуть поотстав, шли другие шлюпки с развевающимися русскими военно-морскими флагами.

То, что моряки увидели на берегу, превзошло их самые мрачные предположения: здесь толпилось несколько тысяч полураздетых и израненных мужчин, женщин и детей. Из-под развалин доносились стоны и крики засыпанных, повсюду на улицах лежали окровавленные люди, большинство домов представляли собой кучу развалин, а оставшиеся кое-где стены ежеминутно грозили падением. Среди развалин бродили люди, ища своих близких и родных.

Спасательные партии и пожарные команды отряда, вооруженные разными инструментами, тотчас начали тушить пожары, откапывать засыпанных и доставлять раненых на организованные русскими врачами перевязочные пункты. Раскапывать завалы было невероятно трудно, ибо, боясь нанести повреждения людям, моряки действовали преимущественно не инструментом, а руками. Еще труднее было гасить

Художник В. Руденко

пожары: в городе не хватало воды.

Спасательные работы велись в условиях постоянной опасности — подземные удары продолжались, грозя обвалить стены, под которыми производились поиски. Осложнялась организация раскопок, ибо все представители власти, за исключением тяжело контуженного и совершенно растерявшегося префекта, погибли, а расквартированные в городе воинские части были почти полностью погребены в своих казармах. В этой ситуации нужно было надеяться только на себя, на свои силы, и русские моряки, рискуя жизнью, смело взбирались по обломкам стен, пролезали в подвальные помещения, строили галереи и колодцы, чтобы добраться до пострадавших. Действия спасателей сильно затруднял разразившийся проливной дождь.

Моряки действовали по разработанной штурманом «Цесаревича» инструкции. Они шли по десять человек шеренгами на расстоянии пяти метров друг от друга, осторожно ступая и внимательно прислушиваясь, не застонет ли кто-нибудь. Через каждые пять-шесть шагов по команде старшего все останавливались и опять внимательно прислушивались. Услышавший стон или зов поднимал руку, и все устремлялись к нему. Старший десятки оставлял двух-трех человек, организовывал работу, а остальные двигались дальше. В пункте сбора десятки объединялись и вновь продолжали спасение найденных.

Сплошь и рядом возникали критические ситуации. Мичман Свидерский, услышав зов, направился к груде обломков. В этот момент сильный толчок вновь потряс город. Свидерский уже был у цели, когда два матроса схватили его под руки и оттащили назад. И вовремя... С грохотом, поднимая тучи красноватой кирпичной пыли, рухнула стена, под которой только что стоял Свидерский.

Гардемарин Николай Рыбаков из экипажа «Цесаревича» в своих воспоминаниях писал: «...десятилетняя девочка привела нас к развалинам ее дома, от которого уцелела лишь одна стена. Из-под развалин мы услышали слабый голос, взывавший о помощи. Там был завален ее отец. Мы принялись за работу почти голыми руками. Освободив отца, мы прежде всего дали ему попить. Он лежал среди развалин около двух суток. Тут я почувствовал, что

почва заколебалась под ногамн, а оставшаяся от дома стена стала наклоняться. Я крикнул: «Берегись!» Мы еле-еле отскочилн в сторону, когда стена с шумом рухиула... Несколькнми минутамн позже мы снова прнннялись за работу».

Очевидец трагеднн в Мессине Д. Фратта в свонх мемуарах свидетельствует: «Славные ребята! Вот уже трн дня я наблюдаю за ннмн, как онн разбирают разваллнны домов, хлопочут у носнлок каждого раненого. Их руки не знают усталостн после 10—14 часов чудовнщной работы. Тем, кто выражает нм свое сочувствне, онн отвечают, пожнмая плечамн: «Ннчего!» С помощью переводчика я спросил у этнх запыленных, нзмученных лихорадочной работой ребят с Волгн: «Сколько вы спаслн сегодня?» — «К сожалению, немногнх. Двадцать четыре раненых. Остальные были уже мертвы». — «Вы здорово усталн?» — «Ничего! Это наш долг. Ннчего, снньор, ннчего!»

Доблесть н самоотверженность матросов были настолько велнкн, что начальннкн вынуждены былн удержнвать нх от риска.

Смена спасательных команд на берегу пронсходила через шесть часов, но многие отказывались от отдыха н оставалнсь работать до вечера.

«Их послало нам само небо, а ие море!» — так говорнлн нтальянцы о русскнх моряках.

Одна из групп с «Макарова», прнведенная местным жнтелем к развалннам банка, откопала иесгораемый сейф, в котором, как потом выяснnлось, было 25 мнллнонов лир золотом н ценными бумагамн. Касса была немедленно передана на итальянский военный корабль.

Около полудня 29 декабря на рейд прибыли итальянскне линейные корабли «Регина Елена» и «Наполн». Последннй перешел к Реджо, а с «Регины Елены» свезли на берег спасательные партии, которые немедленно подключились к работам.

А землетрясение не унималось: вечером, около 20 часов, произошло новое сильное колебание почвы, с грохотом стали рушиться уцелевшне стены. К счастью, жертв не было. Работавшие среди развалин моряки отделались незначительными ушибами, но даже тот, кто нуждался в медицинской помощи, не пожелал уйти с места поиска пострадавшнх н продолжал работать. Стоны и крнкн заживо погребенных людей удесятерялн снлы русскнх моряков.

«При понятном рвеннн помочь иесчастным пострадавшим, — писал в рапорте морскому миинстру В. Лнтвннов, — раскопки велнсь нзо всех сил, н в этот же день общимн стараниямн наших команд удалось нзвлечь нз-под обломков зданнй около 1000 человек, большннство коих были тяжело нскалеченные, нуждающиеся в иемедленной перевозке...

Ввиду полного отсутствня какого бы то нн было помещеиия на берегу... я распоряднлся отправнть перевязанных более тяжелораненых на крейсер «Адмирал Макаров»».

Вечером 29 декабря крейсер с 400 ранеными ушел в Неаполь.

...В одной нз спасательных групп находился гальванер кормовой башни крейсера «Богатырь» (прибывшего на рейд иа суткн позже) Владнмир Полухин — впоследствии нзвестный революцнонер, расстрелянный в чнсле 26 бакннских комиссаров английскнмн ннтервентами. В развалинах одной нз улиц вннманне Полухнна привлеклн пятна кровн на камнях у угла чудом сохранившегося дома. Вндимо, кто-то из пострадавшнх находнлся среди развалин второго этажа. Однн нз матросов набросил трос на конец балкн перекрытия н полез наверх. Там обнаружнл придавлениую балкой девушку, которая была без чувств. Матрос ничего не мог сделать — не хватало снл сдвинуть балку. Тогда наверх полез Владнмир Полухнн, человек огромной энергнн н редкой фнзнческой силы. Обломком толстой доски он приподнял балку н помог освободить девушку. Матросы отнесли ее на корабль, где ей была сделана сложная операцня. Девушка осталась жива.

С рассветом 30 декабря начали приходить пароходы, зафрахтованные итальянским правительством для вывоза раненых и эвакуации населения из Мессины и Реджо. Прибылн и две русскне каиоиерские лодки — «Кореец» н «Гиляк», доставившие из Палермо роту итальянских солдат, санитаров и прннявшие участие в спасении и перевозке раненых из Мессины в Неаполь. После них пришел английский крейсер «Мннерва», с которого былн выгружены запасы продовольствия и медикаментов. В 9 часов прибыл итальянскнй

линейный корабль «Витторио Эмануоло» под королевским штандартом. Около 17 часов король посетил линейный корабль «Цесаревич» и выразил признательность командиру отряда и всему личному составу за быстрый приход в Мессину и за энергичную и самоотверженную деятельность всех команд на берегу.

В 18 часов 30 минут линкор «Слава» с 550 ранеными, женщинами и детьми на борту вышел в Неаполь, имея приказание контр-адмирала Литвинова после передачи пострадавших немедленно возвращаться обратно, закупив лишь свежую провизию, а также перевязочные и дезинфекционные средства.

В Неаполе корабль встречали толпы народа. Вот как описывает эту встречу Алексей Максимович Горький в книге «Землетрясение в Калабрии и Сицилии 15(28) декабря 1908 года»*: «Первое судно, прибывшее в Неаполь, — наша «Слава», — воистину команда этого судна оправдала его имя, как о том единодушно и горячо свидетельствует пресса всей Италии. Воистину моряки нашей эскадры геройски работали в эти дни горя Италии.

Отрадно говорить об их подвигах, и да будет знаменательным и вещим для эскадры это первое ее боевое крещение, полученное ею не в страшном и позорном деле борьбы человека с человеком, а в деле братской помощи людям, в борьбе против стихни, одинаково враждебной всему человечеству. На «Славе» прибыли женщины и дети. Матросы сходили на берег, неся на руках ребят и женщин. О подвигах матросов уже знали в Неаполе, и Неаполь встретил русских восторженными рукоплесканиями.

— Да здравствуют русские моряки!

— Да здравствует Россия! — гремел город.

Неаполитанцы, рыдая, обнимали, целовали моряков».

На титульном листе этой книги значилось: «Весь доход от настоящего издания поступает в пользу пострадавших от землетрясения».

Кроме этого Горький организовал сбор средств в фонд помощи потерпевшим бедствие. Значительные суммы в этот фонд поступили из России.

* Книга написана М. Горьким совместно с немецким профессором В. Мейером.

Газета «Ла Стемпа» писала в те дни: «Кто не был в эти дни в Неаполе, тот не может дать себе отчет в громадной важности подвигов русских моряков... Итальянцы и русские были два народа, мало друг друга понимавшие. И вот, по мановению судьбы, они встретились в минуты величайшего трагизма... Весь мир теперь знает, что русские были первыми, которые поспешили нам на помощь и превзошли всех в своей самоотверженности при спасении несчастных жертв землетрясения».

К трагическим событиям в Италии было приковано внимание всей мировой прессы. Но в разных странах и разными газетами эти события освещались по-разному. Сообщая о землетрясении, англичане, например, основное внимание уделили проявлению «истинно монаршего человеколюбия прибывших в Мессину итальянского короля и королевы». Французские газеты были заполнены описанием публичной казни четырех бандитов, пойманных в Мессине. Официальная пресса Австро-Венгрии, находившейся в натянутых отношениях с Италией, злорадствовала, призывая свести счеты с этой страной даже в дни ее национального бедствия.

Уместно напомнить, что в дни мессинской катастрофы Италия входила в Тройственный союз, враждебно относящийся к России. Несмотря на это, русские первыми пришли на помощь итальянскому народу во время его национального горя. Главную роль в этом благородном поступке играли не официальные государственные отношения, а присущая русскому народу отзывчивость к судьбам и страданиям других людей, к какой бы национальности они ни принадлежали.

Царское правительство было не прочь извлечь политический капитал из героизма и благородной солидарности русских моряков с итальянским народом в годину тяжких испытаний. Но трудящиеся массы Италии еще со времени революции 1905 года неплохо разбирались в разнице между русским народом и царской знатью. Когда спустя некоторое время после землетрясения Николай II направился с визитом к королю Италии, его попросту освистали. Царю пришлось «за неимением времени» вернуться во Францию из пограничного итальянского города...

...Спасательные работы в Мессине продолжались.

1 января 1909 года итальянский морской министр обратился к командиру отряда с просьбой снова предоставить русский корабль для перевозки раненых. Назначенный для этого «Адмирал Макаров», приняв 200 человек раненых и 400 эвакуированных, вышел в Неаполь. В Мессине остался один «Богатырь». Около полудня 2 января «Слава» возвратилась из Неаполя и снова направила на помощь жителям спасательные партии.

В Мессине постепенно устанавливался порядок. К этому времени здесь было сосредоточено более 6000 солдат, 40 военных кораблей, собралось свыше 300 врачей, между портами курсировали специально зафрахтованные пароходы. Поэтому контр-адмирал Литвинов запросил адмирала Мирабелло, нужна ли еще помощь русских. Выразив еще раз благодарность от имени короля и народа, морской министр ответил, что теперь они могут обойтись своими силами.

До полудня 3 января спасательные партии с обоих русских кораблей продолжали работать на берегу, после чего они передали спасательные работы итальянцам. В 14 часов в Аугусту ушла «Слава», а в 19 часов — «Богатырь».

В течение шести дней русские моряки самоотверженно вели спасательные работы в Мессине. На смену одним отрядам приходили другие. Ночью работали при свете корабельных прожекторов, с факелами. Русские моряки работали, не жалея себя. Они забирались в самые опасные места. Многие из них были ранены, а некоторые навечно погребены под рухнувшими стенами... 8 января отряд перешел из Аугусты в Александрию. Там личный состав наших кораблей был восторженно принят итальянской колонией. К приходу русских моряков была выпущена листовка. В ней говорилось: «Слава русским офицерам и матросам, не щадившим себя в Мессине во имя человечества!»

По официальным данным, моряки отряда и канонерских лодок «Кореец» и «Гиляк» извлекли из-под развалин и спасли 2000 человек. Около 1800 из них было доставлено в приморские города Италии, не пострадавшие от землетрясения.

Итальянское правительство наградило командование кораблей и врачебный персонал итальянскими орденами и специальными медалями за оказание помощи Мессине. Весь личный состав русских кораблей, работавший в Мессине, был награжден медалью «В память содружества».

Итальянский поэт Фацио Умберто Марио написал в те дни:

О, матери в траурной, скорбной одежде
И жены, убитые болью и горем.
Не плачьте! И головы выше! Надежду
И радость приносит лазурное море.
В ту страшную ночь, когда тайные силы
Взъярились и стала Мессина могилой,
И берег окутался грозною тучей,
И каменный смерч поднимался могучий, —
Как праздник, как день долгожданной весны,
Пришли к нам на помощь России сыны...

...Прошло два года. Итальянский комитет помощи пострадавшим в Мессине собрал средства на отливку золотой медали. На ней символически в виде женщины была изображена Мессина, на втором плане — силуэты русских кораблей, надпись на итальянском языке гласила: «Мессина — доблестным русским морякам Балтийской эскадры».

Было решено вручить ее экипажам русских кораблей, отличившимся в Мессине в 1908 году, а в случае их отсутствия передать медаль любому русскому кораблю, находящемуся в Средиземном море. Им оказался крейсер «Аврора», совершавший в 1911 году учебное плавание. Крейсер получил приглашение итальянского правительства зайти в Мессину.

В 13 часов 1 марта 1911 года «Аврора» вошла в гавань. Набережная была полна народа, раздавались приветственные возгласы и звуки русского гимна, повсюду развевались итальянские и русские флаги. На второй день состоялась торжественная церемония. На корабль прибыли префект и представители мэрии и передали командиру золотую медаль и панно с изображением русских моряков.

...В одном из тихих тенистых уголков Мессины в память о событиях 1908 года установлен памятник, созданный по проекту итальянского скульптора Пьетро Куферге. На монументе запечатлен эпизод оказания помощи пострадавшим.

Жнтели Месснны помнят о мужестве н самоотверженности иашнх соотечественнннков. Свндетельством этому явнлась н маннфестация, которая состоялась здесь 7 октября 1978 года и была прнурочена к 70-летнюю героического подвнга русскнх моряков.

В прнсутствни сотен горожан на здании муннцнпалитета города была торжественно открыта меморнальная доска. В церемонии прнняли участне работннкн советского посольства в Италнн н экнпаж эскадренного мнноносца «Решнтельный», прнбывшего в порг по этому случаю с офицнальным внзнтом под флагом контр-адмнрала Н. Рябннского.

Выбнтый на мраморе текст гласнт: «В память о благородной помощн, без промедлення оказанной экнпажамн русскнх военных кораблей «Богатырь», «Цесаревич», «Макаров», «Слава» гражданам Месснны, пострадавшнм от землетрясения 28 декабря 1908 года. Муиицнпалнтет в память об этой человеческой солндарностн, бескорыстном героизме открывает эту мемориальную доску по случаю доставляющего нам радость внзнта советских представителей н в знак вечной прнзнательностн н братской дружбы между городом Месснной н русскнм народом».

Выступая на церемоннн, мэр Антонно Андо отметнл, что жителн города помнят о подвиге русскнх моряков, свято хранят чувство нскренней благодарностн русскому н советскому народу. Повсюду, где появлялнсь советскне моряки, нх тепло прнветствовалн жнтелн города. Многие представлялись гостям нз СССР как сыновья, дочерн, внуки спасенных русскимн морякамн в 1908 году.

Карпатский бумеранг

В одну из пещер в Польскнх Карпатах краковские археологн поспешили после сообщения туристов о том, что там случайно найдены древние каменные рубила. Ученые организовали плаиомерные раскопкн и вскоре стали обладателями не только каменных н костяных орудий труда, но и остатков кострищ. Небольшие уголькн — особая удача. Они помогают датировке находок. Цифра оказалась солидной — около 25 тысяч лет назад в этой пещере жили первобытные люди. Это следы самого старого поселения на территории Польши.

Удивительно было и другое. После реставрации осколков ребра мамонта перед учеиыми предстало древнее орудие охоты — нечто, напоминающее австралийский бумеранг. Чтобы убедить скептиков, был сделан такой же образец из пластмассы. Он действительио мог летать н возвращаться к месту броска.

Пещера объявлена заповедиой зоной. Научные работы в ней будут продолжаться совместно с археологами других стран. Ведь найдены следы жизни очень древних европейцев.

Владимир Устинюк

ПРИТЯЖЕНИЕ ГЛУБИН

ОЧЕРК

Нас разделяла лишь металлическая скорлупа огромного шара, выкрашенного в защитный цвет. Там, в замкнутом пространстве, уже 35 дней находились четыре человека. Проходил уникальный научный эксперимент, организованный сотрудниками Южного отделения Института океанологии АН СССР и Института медико-биологических проблем.

— Скоро откроется люк, — сказал мне Вячеслав Семенович Ястребов, доктор технических наук, заместитель директора Института океанологии, научный руководитель эксперимента. — И наши акванавты окажутся... на поверхности.

Испытательная барокамера гипербарического комплекса состоит из трех отсеков и пристыкованного к ним шара, соединенных тоннелями-шлюзами. Самый большой из отсеков — жилой. Его стены обшиты специальной термоизоляционной пластмассой. С каждой стороны по два иллюминатора. Для жизнеобеспечения имеется здесь система регенерации дыхательной смеси, которая совершает постоянный круговорот через многочисленные фильтры.

В общем комплекс похож на космический корабль. И не случайно «сухое погружение» по психологическому воздействию многие сравнивали с полетом в космос. Как и при длительной работе на космической станции, так и при погружении на большие глубины людям угрожает немало опасностей. Акванавтам, возможно, и труднее. Ведь там, за обшивкой, они без скафандров испытывают на себе давление, равное 45 атмосферам, то есть толще воды высотой 450 метров.

— Таких комплексов в стране немного, — объяснил мне Вячеслав Семенович. — Тот, что в Москве, пожалуй, в счет не идет. Он служит прежде всего для медицинских целей. Наш геленджикский, расположенный в Голубой бухте, — гигант по сравнению с московским. Да и назначение его иное. Это незаменимый тренажер, без которого людям будет трудно, а то и невозможно осваивать морские глубины...

Длительное время исследователи находились в барокамере, чтобы вернуться и рассказать, как там. И вот этот момент приближается...

А мне вспомнилось начало эксперимента.

Солнце било в широкие окна павильона, в котором располагался экспериментальный комплекс. Улыбка, прощальный взмах рукой, и акванавты Владимир Подымов, Александр Суворов, Владимир Тутубалин во главе с командиром экипажа Родионом Унку один за другим скрываются в чреве стальной барокамеры. Опускается тяжелая крышка люка, тщательно задраивается. Теперь за самочувствием людей и ходом испытаний будут следить посты контроля, передавая все данные на центральный пульт управления, расположенный рядом с барокамерой. Здесь размещены приборы наблюдения за атмосферным давлением в отсеках, влажностью, температурой воздуха, за работой систем жизнеобеспечения. Уже на местах дежурная бригада, в которой врачи и инженеры, оператор и специалист по газообеспечению. Сейчас каждый из них занят своим делом. Олег Николаевич Скалацкий, ответственный за техническое обеспечение, записывает в бортовой журнал: «Комплекс к испытаниям под повышенным давлением готов».

Включается внутренняя связь с экипажем.

— Как самочувствие?

— Хорошее, — слышится энергичный голос командира. — Ждем спуска.

— Экипаж, внимание! Начать погружение...

Мерно загудели компрессоры, нагнетая давление в камере.

— Глубина пять метров... десять... двадцать, — раздается четкий голос оператора, — пятьдесят... сто...

Как только акванавты достигали определенной глубины, предусматривалась остановка, с тем чтобы организм каждого освоился с новыми условиями н экипаж выполнил необходимые различные задания. Затем спуск до следующей площадкн.

Триста метров! Начинались условия, о воздействнн которых на органнзм человека еще никто не знал. Конечно, специалистам нзвестно, что земной воздух прнгоден для дыхания лишь в определенном интервале давлений. При сильном повышении он вызывает глубинное опьянение, которое может привести даже к смерти. Потому для акванавтов был создан особый состав дыхательной смеси — своеобразный коктейль, который содержит гелий, азот н небольшой процент кнслорода. Но при высоком давлении эти доли процента «весят» столько же, сколько 21 процент в земной атмосфере.

Итак, 300 метров. «Спуск» теперь пошел по особому графику, в ином режиме, рассчитанном на ЭВМ.

На вторые сутки погружения барокамера «зависла на глубине» 350 метров. Когда специалисты Инстнтута медико-биологических проблем, обеспечивавшие эксперимент, убедились, что испытання проходят нормально, они дали «добро» на переход Унку и Тутубалина в шар-отсек для дальнейшего погружения еще на сто метров. Эксперимент вступнл в решающую фазу...

Подъем проходит медленно и плавно. В среднем два метра в час. А начался он где-то две недели назад. Ускорнть его невозможно! Известно, что при повышенном давлении в крови растворяется азот. Чем больше глубина, тем больше его растворено. Если человека мгновенно поднять на поверхность с глубины, кровь в нем закипит. Чтобы этого не случилось, ученые рекомендовали ступенчатую декомпрессию.

— Да, ребята проделали не близкий путь для возвращення домой, — сказал я и, глядя на Вячеслава Семеновнча, добавил: — Выходит, на глубине они находились меньше времени, чем потребовалось для возвращения?

В этот момент откинулась крышка люка. Показался Родион Унку, командир экипажа. Следом вышли и остальные. Первыми акванавтов прнветствовали Олег Николаевич и Игорь Петрович Полещук, ответственный за меднко-биологическое обеспечение экспернмента. Похудевшие, осунувшиеся, исследователи смотрели в окно на солнечную Голубую бухту и жадно вдыхалн морской свежий воздух...

После небольшого отдыха акванавты охотно вызвались показать мне свой «дом». Захотелось увидеть и прочувствовать хоть малую толику того, что испытала эта отважная четверка.

Я опускался в люк барокамеры с таким чувством, точно мне самому предстояло погрузиться в морскую пучину. Спрыгнувший за мной Володя Тутубалин сразу предупредил:

— В предкамере надо обязательно снять ботинки, у нас там в отсеке все стерильно.

Беспрекословно подчиняюсь и через узкнй длинный шлюз лезу в жилой отсек, ярко освещенный. Окидываю взглядом жилище акванавтов: маленький столик, четыре кроватн, как в купе пассажирского поезда, полка с книгамн, магнитофон. Нет ннчего лишнего, отвлекающего. Правда, по желанию можно сходить в «баню» — есть душ.

Ребята охотно рассказывают мне о том, как рождался экипаж. По словам Роднона Унку, отбор нсследователей — проблема непростая. Испытателю конечно же надо иметь идеальное здоровье. Работа в условиях высокого давления — тяжелое испытание н для психики. Не каждому она по плечу. Перед тем как стать участннкамн эксперимента, кандидаты — а их было довольно много — прошли всестороннее медицинское обследование в Инстнтуте медико-биологнческих проблем. Характеры, привычкн, профессиональные навыкн — все нужно учитывать. Даже малый сбой у одного может повлечь за собой разлад в работе остальных.

Родион Унку закончил Первый Московский медициннский институт именн И. М. Сеченова, ординатуру по хнрургнн, работал в городской больнице, а сам «болел» морем. Как врача его заинтересовало прежде всего влияние на организм человека азотного наркоза на разных глубинах. И он решает все нспытать на себе. Поступил на курсы

подготовки водолазов. После этого Родион начал погружение с тридцатиметровой глубины, затем опускался до ста и более метров. Казалось, материала набрал не только на кандидатскую, а и на докторскую диссертацию. Но... его волновало другое. И вскоре опускается на глубину 350 метров.

— Теперь, — улыбается он, — удалось попробовать «глубины» на четыре с половиной сотни метров. И тянет, признаться, дальше. Потому что за экспериментами последует работа, настоящая, в океанских глубинах. А тот, кто хоть раз заглянул в подводный мир, будет стремиться вернуться в него...

Владимир Тутубалин — физик по образованию. Окончил Казанский университет, и ему представлялась возможность остаться на кафедре, да вот море... Все началось с увлечения подводным спортом. И не предполагал, что найдет в нем смысл жизни.

В 1971 году Владимир приехал в Геленджик. Ему повезло, его сразу взяли для участия в эксперименте по жизнеобеспечению подводного дома «Черномор», хотя правила приема были достаточно жесткими. Однако испытания выдержал. Затем работал по специальности в Болгарии, участвовал в экспедиции научно-исследовательского судна «Витязь», которая занималась исследованием подводной горы Джозефин в 400 милях от берегов Португалии. Под толщей воды в две с лишним сотни метров два Владимира — Тутубалин и Подымов — не собирали со дна образцы минералов, как это делал подводный аппарат «Аргус», а сами откалывали от скалы куски породы.

Характер человека здесь — его основа, не у всякого он сразу заметен. Иногда прячется и не в бойцовском теле — мимо пройдешь и не угадаешь в нем личность стойкую и мужественную. Таким неприметным был с виду Александр Суворов: небольшого роста, щуплый, русые волосы и голубые глаза. Окончил Второй Московский медицинский институт имени Н. И. Пирогова, учился в клинической ординатуре по спортивной медицине. Теперь занимается научными исследованиями по газообмену в организме человека в условиях гипербарии, классный водолаз. Не раз совершал длительные погружения на глубину от 20 до 100 метров. Сашу интересует работоспособность человека под водой, его возможность.

— Но зачем человеку самому спускаться на такие глубины? — спросил я, когда мы покинули барокамеру и стали спускаться по железным, гулким ступенькам лестницы. — Может, лучше довериться автоматам?

— Подводные аппараты используют на многих работах, — кивнув, согласился Тутубалин, но тут же добавил: — Только человека с его умением оценивать обстановку и принимать решение роботы не заменят. Во всяком случае в ближайшем будущем. Присутствие исследователя придает наблюдениям высокую достоверность. Но для этого надо идти на погружение, учиться выдерживать высокие давления, приспосабливать к ним свой организм.

— С одной стороны, это не так уж и трудно, — подхватывает разговор Родион. — Достаточно уравновесить давление толщи воды с давлением в организме человека — в легких, сосудах, тканях. Такой способ дает возможность работать человеку на больших глубинах, не подвергая организм резким перегрузкам, и выполнять работу в десять раз большую. Кстати, Саша Суворов усовершенствовал с врачом Михненко прибор, с помощью которого в течение всего подъема велась ультразвуковая локация пузырьков газа в крови при «рассыщении» организма от растворенной в ней дыхательной смеси. Электронный газоанализатор позволил производить экспресс-анализ крови прямо в барокамере.

Я мельком взглянул на Суворова. У него было задумчиво-озабоченное выражение лица. Саша в тот момент, как он потом сам выразился, был уже «за экспериментом».

— На состояние акванавтов, — неторопливо заговорил он, — на скорость и степень адаптации большое влияние оказывает подготовленность их к предстоящей работе. Что касается нашего эксперимента, то он доказал главное — разумное использование скрытых в человеческом организме резервов способно обеспечить ему возможность жить и работать на глубине в сотни метров. Представим себе, что во время разведочного бурения нефтяных или газовых скважин на морском дне вдруг понадобилось погружение водолаза-глубоководника. Срочное! Аварийное! Но... невозможное, по-

тому что длительность спуска и подъема начисто перечеркивает оперативность. Вот поэтому, если возникнет производственная необходимость, акванавтов надо отправлять на задание из подводных домов, аппаратов, в которых они подолгу будут «жить». Ведь давление газовой дыхательной смеси там такое же, как в окружающей среде — под водой.

— Срочность, аварийность, — смеясь, перебивает его Тутубалин. — Об экстремальных условиях Саша может говорить часами. — И уже серьезно продолжает: — В глубинах океана от трехсот до пятисот метров имеются большие залежи полезных ископаемых, а их добыча без участия человека довольно сложна. Вот почему нам очень важно знать, с какой работой справятся акванавты, как и сколько им надо спать, каким должен быть режим труда и отдыха вообще на больших глубинах. Наконец, как скажется высокое давление на работе мозга, на психике человека, на его способности анализировать ситуацию и принимать самостоятельное решение. На все эти и многие другие вопросы и должны дать ответ такие эксперименты...

— Насчет того, сколько и как спать, — смущенно произнес Подымов, посмотрев на своего тезку. — Ты мне случай один напомнил. Однажды просыпаюсь — мы тогда уже опустились метров на сто пятьдесят, — хочу что-то сказать, а вместо голоса услышал писк. Растерялся было — ничего понять не могу. Лишь по веселым лицам товарищей осознал, что все не так страшно. Самому потом смешно стало, знал ведь, что в гелиевой среде голосовые связки издают совсем другие колебания, чем в воздухе. Поэтому можно было общаться только с помощью электронного устройства — корректора речи. На глубине «гелиевый» барьер стал для звука серьезной помехой. Плотность газовой смеси сильно сказывается и на дыхании — оно становится учащенным и затрудненным. Нам все время казалось, что не хватало какого-то маленького глотка воздуха для нормального дыхания. И работоспособность, естественно, становилась ограниченной. Но гелий еще и в шесть раз теплопроводнее воздуха. Акванавт быстро теряет тепло, «убегающее» сквозь кожу и легкие. «Комфортной температурой» жилого отсека на глубине четыреста пятьдесят метров является тридцать один градус. И отклонение даже на полградуса создает большие неудобства.

— Бывало, ляжешь на спину, — замечает Тутубалин, — животу холодно. Перевернешься на живот — спина мерзнет. Накроешься одеялом — жара донимает. Помню, кто-то из ребят уронил полотенце. Оно задело мое лицо, вернее даже, чуть прикоснулось. А мне показалось, что ледяной водой плеснули. Я еще потом долго ощущал неприятный озноб во всем теле.

— Сюрпризов хватало, — усмехнулся Родион Унку. — Чаю горячего не попьешь, тут же остывает... Вокруг однообразие, двигаешься мало, от долгого сидения среди стен со всех сторон наползает ощущение угнетенности, словно и в самом деле ты в беспросветной глубине... Вообще, — вдруг перескакивает он на другое, — для врача в эксперименте обширнейшее поле деятельности. Во-первых, обособленность экипажа, когда в критический момент медицинской помощи ждать неоткуда. Здесь и работа, и активное исследование. А во-вторых, врач может брать кровь из вены прямо на месте для анализов. Уникальность таких исследований очевидна. Это распространяется и на декомпрессию... О, и нудная штука, — рассмеялся Родион. — Сиди и жди, пока освободишься от проклятого азота. Хорошо, что взяли с собой художественную литературу... А вообще-то рабочий день у нас расписан строго по графику. Свободного времени очень мало. Иногда, правда, разрешали смотреть через иллюминатор телевизор.

— О чем я про себя мечтал постоянно, — со вздохом признается Саша Суворов, — так это о настоящем борще. Чтобы налит был в тарелку, а рядом ложка лежала.

— Ты и от торта не отказался, — посмеивается Подымов. — Когда его Людмила испекла нам вкусный торт. Мастерица она на это дело...

Людмила, жена Тутубалина, работала лаборантом гипербарического комплекса. И если выпадала ее вахта, она «подкармливала» своего Володю, а значит, и всех. Организаторы эксперимента особенно этому не препятствовали, прекрасно понимая, что хорошее настроение у исследователей в барокамере — это и высокий конечный результат работы. Через шлюз, похо-

жий на широкий рукав, вмонтированный в корпус камеры, вручали им письма из дома, газеты. И пища даже подбиралась с учетом индивидуального вкуса каждого. Высококалорийная, в тюбиках, как у космонавтов. Тем не менее на пятые — седьмые сутки ребята запросили хоть что-нибудь «земное». Им «шлюзовали» апельсины, вызвавшие у всех хохот. При доставке они так сжимались, что становились не больше куриного яйца, а кожура сама отходила. Вот она — живая и наглядная работа быстрой компрессии!

— Что стало бы с яблоками, — с иронией замечает Тутубалин, — если бы их дали нам с Родионом! Когда мы «нырнули» на четыреста пятьдесят метров, воздух сделался таким «густым», что, казалось, его не вдыхаешь, а пьешь. И чувствуешь, как он в тебя втекает.

— А под конец, помнишь, Володя, — говорит Родион, — газету развернули, и она словно зависла в воздухе, читай — не хочу...

— А я, откровенно говоря, никак не мог привыкнуть к... снам, — смущенно произнес Подымов, — да и не только один я. На глубине мы всегда видели удивительные цветные сны. Почему? Для нас это загадка.

Только сейчас я обратил внимание на то, что Володя Подымов участия в разговоре почти не принимал. Разговорить его я так и не смог. Он отвечал односложно и нехотя. Лишь спустя некоторое время мне удалось выяснить, что Володя закончил Московский авиационный институт, а попал на работу в Институт океанологии. Однако и здесь не было момента случайности. Подымов занимался в клубе любителей подводного плавания «Волна», а на курсах водолазов-глубоководников встретился с Тутубалиным...

Ребята смеялись. Они испытали и прочувствовали жизнь в другом измерении. И вышли победителями. Но акванавты довольны не только результатами эксперимента, которые еще будут изучать различные специалисты и ученые. Радость идет и оттого, что работают они на будущее поколение, на освоение океана. И еще: им теперь хорошо известно, что человек способен на многое и возможности его велики...

Найден храм Афродиты

В районе Керчи, где когда-то располагалась столица Боспорского царства город Пантикапей, раскопки ведутся вот уже 150 лет. Замечательные археологические находки украшают ныне местный краеведческий музей, Ленинградский Эрмитаж и московский Музей изобразительных искусств.

Московские ученые давно предполагали, что Пантикапей должен был украшать центральный храм, свой Парфенон, как это и полагалось во всех древнегреческих городах-полисах. Его планомерно искали и нашли наконец именно там, где он должен быть, согласно традиционной планировке, — в центре Акрополя, в верхней части города. Находка, бесспорно, уникальная. Храм в честь Афродиты — покровительницы Боспора, как показал анализ, сооружен в начале IV века до н. э. Разумеется, до наших дней дошли лишь руины, занесенные вековыми напластованиями. Предстоит еще очень большой объем земляных работ, но уже сейчас можно говорить о том, что здание было величественным и красивым. На территории нашего Причерноморья археологи еще никогда не находили столь большого святилища в классическом греческом стиле.

Генриетта Алова

ПОЛЕТ ПО ЗВЕЗДАМ?

Наш век насыщен удивительным, но мы быстро привыкаем к грандиозным творениям человеческих рук. Скажем, к синтезированию генов, посадкам рукотворных аппаратов на Венеру, регулярным трансконтинентальным перелетам. Не перестают только удивлять некоторые явления в мире животных и растений. Например, перелет маленькой полярной крачки от Северного Ледовитого океана до Антарктиды. Откуда у нее силы берутся на такой подвиг? И как ей удается все время приземляться на одних и тех же «аэродромах»?

Многие птицы летают от наших тундр до южной оконечности Африки. Минимальное же расстояние перелетов, необходимое для обеспечения благоприятной организму пернатых климатической обстановки на зиму, — не менее тысячи километров.

Загадочны уже сами по себе живое крыло и его работа, изучению которых отдали дань многие крупнейшие ученые всех времен. Да, конечно, и у самолетов есть крылья. Но так ли велико на самом деле воспетое поэтами сходство между птицей и творением человека — летательным аппаратом? Оно по сути только в том, что оба летают. Но аппарат перед полетом «накачивают» топливом, без которого он останется неподвижным. Каким же топливом запасаются птицы? Ведь они летят, если можно так выразиться, пустыми. И при этом некоторые из них преодолевают в сутки в среднем 20—30 километров. Но есть и такие, для которых нормой бывает сто, двести и даже тысяча километров.

Резонно, конечно, предположить, что на полет уходят внутренние запасы калорий. Тогда каким образом они восполняются? Ученые-орнитологи взвешивали птиц до отлета и после прилета на новое место. И оказалось, что существо, весившее тридцать граммов, становилось вдвое легче. Но ведь чтобы непрестанно махать крыльями, преодолевая такие большие расстояния, нужны запасы «топлива», значительно превышающие птичий вес! Конечно, бывает, птице повезет и она попадет в попутный воздушный поток, который облегчит движение. Но бывает и наоборот: на нее обрушивается ливень или сильные ветры относят ее в сторону от маршрута. И тем не менее она упрямо возвращается на него. Ориентация нарушается в редких случаях, например при сочетании сильного ветра, дождя и облачности.

Когда световой день, увеличиваясь или уменьшаясь, достигает определенной долготы, птицами овладевает «беспокойство, охота к перемене мест». У них как бы обостряется «чувство миграции». Это свойственно любой перелетной птахе независимо от того, находится она на свободе или в клетке. Исследователи установили в большой круглой клетке жердочки, сориентировав их по разным частям света. Летунья прыгает на любую из них. Но наступает момент, когда она садится только на жердочку, направленную на северо-восток (весной) или на юго-запад (осенью). Благодаря размещенным на жердочке датчикам можно с математической точностью зарегистрировать количество и направленность таких прыжков.

Как птицы находят путь к своим гнездовьям и зимовьям? Логичнее всего предположить, что днем — по солнцу, а ночью — по звездам (кстати, большинство перелетов совершается ночью). И многие эксперименты это подтверждают. Отмечено, что пернатые летят по своим маршрутам и в непогоду, когда светило за тучами. Ученые надевали им на глаза искажающие контактные линзы. Но они все равно летели правильно.

Вернемся к экспериментам с клеткой и направленными жердочками, говорящим о том, что, когда наступает время перелета, у птиц обостряется «чувство миграции», «чувство направления полета». Так вот. У этих экспериментов было интересное продолжение. Клетку поставили в центре планетария

и «зажгли звездное небо». Дело было ночью, когда над городом светились реальные звезды. Но искусственное небо не соответствовало их расположению. На какую же жердочку сядет птица? По каким звездам сориентируется? По настоящим или искусственным? Она точно сделала «поправку» на небо за стенами планетария, которого не могла видеть!

Эксперимент повторялся не раз. Его участниками были разные представители птичьего царства. Но ни один из них не «поверил» искусственным звездам, и какой-то неведомый компас внутри организма ориентировал каждого в том направлении, которое веками выдерживали многие поколения его сородичей.

Современная орнитологическая наука ответила на многие вопросы, связанные с дальними перелетами. Но не на все. Загадок здесь хватит еще не на одно поколение ученых.

Навигация птиц включает в себя как бы две самостоятельные проблемы. Первая — энергетика перелетов, работа, затраченная при этом. Вторая — ориентация, определение направления.

Первую из них в основном можно считать решенной. Жира, запасенного впрок, накопленного в предполетное время, оказывается достаточно для свершения дальних путешествий. Но — с учетом ежедневной подкормки. Птицы ведь не летят все время, без передышки. Ночь летят, день отдыхают и подкармливаются. При этом природа так уж устроила, что у птиц углеводы преобразуются в жиры очень быстро.

Со второй проблемой сложнее. Конечно, уже нет сомнения, что генетически птичий организм сориентирован на точное определение времени отлета. Он отвечает «миграционным возбуждением» на конкретную длину светового дня как раз в тот момент, когда накоплено такое количество резервного жира, которое способно обеспечить дальний маршрут. Более того, ученым известен физиологический механизм этого явления: увеличение (или уменьшение) светового дня действует на определенную зону мозга — гипоталамус. При этом воздействии изменяется работа желез внутренней секреции. Наступает предполетное состояние организма.

Большую роль в изучении перелетов играет сеть биологических станций, расположенных в разных районах нашей страны. Беседую с директором биостанции Зоологического института АН СССР, доктором биологических наук В. Дольником. Станция базируется на Куршской косе. Через нее пролетает огромное количество птиц, ибо она находится на пути миграции пернатых, с севера на юг. В прошлом году в пирамидах-ловушках было задержано 104 тысячи путешественников. За четверть века существования станции — миллион. Осенью птицы летят от Ботнического залива до предгорий Урала. В ловушки попадают те, что направляются из Европы, Африки, Ближнего Востока и юго-востока Азии.

— Вначале, — рассказывает ученый, — целью было кольцевание и соответствующие наблюдения. Однако нельзя было не понять, что количество ежегодно пойманных птиц отражает и их численность на огромном пространстве. Сидя на косе, как на мосту, мы самым дешевым способом достигали замечательного результата. Выражаясь бухгалтерским языком, подсчитывали «дебет и кредит». Оказалось, что количественные данные, накопленные за четверть века, позволяют судить о некоторых общих закономерностях птичьих миграций, об ареалах обитания, об их смещении, увеличении или уменьшении.

Гипотетически одним из факторов, способствующих ориентировке птиц, является магнитное поле Земли. В некоторых экспериментах исследователям удалось показать, что птицы вносят поправку в ориентировку в соответствии с изменением. В середине 70-х годов В. Дольник вместе с кандидатом биологических наук М. Шумаковым провел серию интересных опытов. Птиц, отловленных на Куршской косе, перевезли в район Курской магнитной аномалии. Оказалось, что они не потеряли способности ориентироваться.

Но все-таки, что же за «компас» запрятан в их организме? Птичий компас — это сложный физиологический механизм. Для того чтобы он начал действовать, необходимы ориентиры. Это могут быть звезды, солнце, запахи.

Ученые накопили богатый фактический материал, связанный с перелетами птиц. Однако далеко не всегда методика проводившихся наблюдений и экспериментов соответствовала строгим критериям. Поэтому так важна была аналитическая работа по оценке

накопленных данных, выполненная орнитологами Института биологии АН Латвийской ССР под руководством Х. Михельсона. Проанализировав гипотезы, объясняющие загадку ориентации птиц, они выделили из их множества наиболее вероятные и наиболее удобные для экспериментальной проверки. В такое древнее занятие, как изучение птиц, вторглись современная математика и физика. Для опытов был построен специальный планетарий (это о нем шла речь выше), позволяющий менять углы между звездным, магнитным и географическим меридианами. Выяснилось, что подопытные птицы — зарянки — во время миграции ориентируются по визуальным источникам. В их ориентации по звездам большую роль играет вектор освещенности. На основе этих опытов высказаны гипотезы об астроориентации ночных мигрантов (так называют птиц, совершающих перелеты ночью), использующих для этой цели отдельные звезды или звездные скопления. Ученые предположили также, что в некоторых случаях ночные мигранты используют и солнце, положение которого в светлое время суток «проецируется» в их памяти.

Обоснованы ли эти предположения? Ответ на вопрос дают и наблюдения прошлых лет, и эксперименты сегодняшнего дня.

Вот одно из таких наблюдений. Перелетные птицы выжидают в исходной позиции 40—50 минут до того момента, когда от уходящего за горизонт солнца останется одна светящаяся точка. Тогда взлетают. Ученые предполагают, что они выбирают направление полета относительно заходящего солнца. Но как удерживается взятое направление в течение ночи?

Для проверки гипотез используются круглые клетки и планетарий. Ученые создают искусственное магнитное поле. При этом для птиц возникает конфликтная ситуация, ибо звездное поле указывает одно направление, а магнитное — другое. Интересно, что в опытах латвийских ученых зарянка выбирает звездный ориентир, а в опытах ученых из ФРГ — магнитное поле.

Латвийский орнитолог В. Лиепа нашел объяснение одному интересному явлению: птица, посаженная в круглую клетку, принимает одиночный световой ориентир за звезду. Его коллега К. Кац, пользующийся для наблюдений идентичными средствами, объясняет то же самое солнечным компасом. Есть точка зрения, согласно которой птица избирает угол, по отношению к искусственному ориентиру соответствующий углу к заходящему солнцу.

С 1973 года орнитологи Института эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР и МГУ совместно выполняют комплексную научно-исследовательскую программу, посвященную пространственной ориентации птиц. В основу ее положена экологическая концепция. В отличие от концепции единственного ориентира она рассматривает ориентацию как сложное явление, которое вовлекает в свою орбиту многие внешние природные ориентиры и органы чувств, обеспечивающие в течение жизни решение разнообразных экологических задач, в том числе и миграционных. Другими словами, ученые отказались от поиска только одного ориентира, будь то звезды, магнитное поле или какой-нибудь другой природный фактор. При этом не исключается, что в определенных условиях главную роль может сыграть один из них.

Автор экологической концепции, научный руководитель программы В. Ильичев считает, что у птиц действует не одна, а несколько дублирующих систем ориентации, которые включаются параллельно или последовательно.

Ориентация изучается как сложное явление, подверженное сезонным, суточным, погодным и другим факторам, меняющееся в зависимости от ситуации и зависящее, например, от возраста, пола, физиологического состояния, соседства с партнерами, сигнальных связей с ними. Необходимость управлять поведением птиц к настоящему времени стала одной из наиболее важных практических задач. Защита зерновых и садовых культур от птиц, предотвращение их столкновений с самолетами, борьба с насекомыми-вредителями с помощью птиц нуждались в средствах привлечения и отпугивания. Эта область развивалась эмпирически, и ее дальнейшие успехи целиком зависели от новых теоретических подходов.

Творческое разнообразие подходов, поистине планетарная география экспериментов — залог того, что со временем будет найден ответ и на те загадки в этой области, которые пока еще не разгаданы.

Олег Красницкий

ПАНТЕОН АТЛАНТИКИ

ОЧЕРК

Далеко не на каждой карте мира и даже Европы можно отыскать эти 145 небольших островов и островков, сгруппировавшихся у западного входа в пролив Ла-Манш. Но морякам, проходящим проливом или огибающим юго-западную оконечность Англии — полуостров Корнуолл, они хорошо известны. Не только штурманы, но и редкий из капитанов судов не поднимется на мостик, чтобы определиться и лично убедиться в бсзопасности пути судна. Пренебрежение мерами предосторожности в этом районе всегда имело катастрофические последствия.

Острова, известные под названием Силли, частью покрыты травой, частью являются голыми, вылизанными ветрами скалами, круто обрывающимися в океан. Самая высокая точка над уровнем моря на островс Сент-Мартинс имеет всего 56 метров. Полагают, что названис островов происходит от уэльских слов «силя» или «силла», что переводится как «угорь», которым изобилуют здешние воды. Но более вероятен другой вариант, образующий названия от слова «суллех» — «подводные камни».

К островам также относят группу обнажающихся в отлив скал, расположенных в семи милях на северо-восток от острова Сент-Мартинс. По числу скал группа носит название Севен-Стонс (Семь Камней).

Несмотря на неблагоприятные природные условия и оторванность от берегов Англии, острова Силли были заселены еще в глубокой древности — в бронзовом веке. Некоторые историки склонны полагать, что Силли и являются островами Касситериды, возможно известными еще финикийским мореплавателям, которые приходили сюда за оловом.

Когда исключительно сильный и длительный по времени шторм в 1962 году размыл прибрежный песок и гравий, то оказалось, что они скрывали древние каменные дома и стены, относящиеся к началу первого тысячелетия до нашей эры. Упоминание об островах встречается в древних хрониках, датируемых IV веком до н. э., а во время римского владычества (I—IV века н. э.) Силли являлись торговым и перевалочным пунктом. Официальным владением Англии острова стали с 938 года, когда англосаксонский король Ательстан основал на острое Треско аббатство монахов-бенедиктинцев и разместил небольшой гарнизон. Развалины монастыря сохранились до наших дней. Позже король Генрих I (1068—1135 годы) передал острова монахам из Тавистока.

Тяжелые жизненные условия обрекали жителей островов на полунищенское существование. Поэтому островитяне, превосходные моряки и рыбаки, занимались и побочными промыслами — контрабандой, пиратством и бичкомерством.

Основными товарами контрабанды с времен феодализма являлись вина и легкие ткани из Франции, фламандские кружева, английские шерсть и сукно, а также виски. С открытием Америки и морских путей в Индию и на Дальний Восток к традиционным контрабандным товарам добавились сахар, пряности, чай, кофе, а затем и табак.

Пиратство на островах Силли развивалось вместе с историей Англии, но особенно возросло в XVI веке. Разбоями занимались как английские, так и французские, шотландские, ганзейские и испанские пираты. Английский король Генрих VIII в 1536 году издал специальный указ о мерах борьбы с пиратством и наказаниях за него. Но эти меры не дали ожидаемых результатов, так как в этот же год король начал реформацию церкви, закрыв все като-

Острова Силли

личсские церкви и монастыри и конфисковав их имущество. Некоторые из гонимых и разоренных католиков встали на путь вооруженной борьбы, в том числе и пиратства. Одним из его опорных пунктов стали острова Силли. Пираты объединились под командованием некоего Томассино, который был прекрасным мореплавателем и удачливым воином.

Однажды добычей Томассино оказалось голландское судно, которое он привел к острову Треско. При выгрузке трюмов пират обнаружил мешок каких-то луковиц, явно несъедобных. Посмеявшись над причудами голландских моряков, Томассино выбросил содержимое в ров, опоясывавший стены аббатства св. Николая. Спустя некоторое время рассыпанные луковицы проросли, пошли в рост и расцвели бледно-желтыми нарциссами редкой красоты. С Треско цветы распространились по всем островам.

Королевский военный флот и нанятые морские разбойники безуспешно боролись с Томассино более десяти лет. Только в 1547 году удалось покончить с гнездом разбоев на Силли, и то не вооруженной силой. Фаворит короля лорд Сомерсет уговорил Томассино оставить пиратский промысел и перейти на государственную службу. Указом короля он был назначен вице-адмиралом Западного Корнуолла с прилегающими островами, в том числе и Силли.

В 1568 году дочь Генриха VIII королева Елизавета подарила Силли своему

фавориту Френсису Годолфину.

Вновь об островах как о прибежище пиратов заговорили 80 лет спустя, во времена английской буржуазной революции. С низвержением королевской династии Стюартов Силли превратились в прибежнще и опорный пункт монархистов. С 1648 года остров Сент-Мэрис нзбрали для базировання своих кораблей племянники казненного короля Карла I, братья Руперт и Мориц, грабившие в Ла-Манше н Ирландском море торговые суда.

Адмиралу Роберту Блейку пришлось дважды выбивать «братьев-разбойннков» с островов: в 1649 н в 1654 году — окончательно.

С реставрацией Стюартов в 1660 году Силли административно причислили к графству Корнуолл. Но так как граф Корнуоллский по традиции является наследным принцем и носит титул герцога Уэльского, то острова стали владением короны, которая уже 150 лет сдает их в аренду.

В тихие солнечные дни Силлн создают впечатление идиллической красоты и покоя. В действительности же, окруженный множеством подводных скал и рифов, архипелаг является самым настоящим кладбищем судов. Сколько нх погибло здесь — в точности неизвестно, однако житель островов Ричард Лари собрал сведения о 1250, причем львиная доля приходится на XIX столетие.

Причин кораблекрушений много. Острова Силли издавна были районом интенсивного мореплавания, поскольку с открытием Америки и морских путей в Индию центр мореходства переместился из Средиземного моря в Атлантический океан. Однако средства судовождения и навигационное обеспечение плаваний продолжали оставаться на низком уровне. Напрнмер, выяснилось, что в течение ряда веков Силлн были нанесены на карты на 10—20 миль севернее их истинного местонахождения. В районе долгое время отсутствовали маяки. Первый маяк на острове Сент-Агнес был сооружен только в 1680 году. Это белая каменная башня, увенчанная крестом. Долгое время маячный огонь на ней разводили в жаровне, где сжигался каменный уголь. Второй маяк сделали плавучим и выставили в 1841 году у скалы Севен-Стонс, третий был построен на западной оконечности островов Бишоп-Рок. Но его башня была снесена штормом, н лишь в 1858 году маяк восстановнлн. Его высота превышала 30 метров н была вндна с расстояния в 16 миль. Однако беды сваливались на маяк одна за другой. Через два года с него сорвало и смыло штормом туманный колокол весом 250 кнлограммов, а ураган 1874 года разбил маячный фонарь, установленнии на двадцатиметровой высоте. Но этим дело не кончнлось. В 1901 году на маяк налетел англнйскнй четырехмачтовый барк «Фолкленд» водоизмещением 2867 брутторегистровых тонн. Судно затонуло, а его останкн до сих пор представляют опасность для мореплавання. Чтобы снизить ее, район в двух кабельтовых к юго-востоку от маяка объявлен запретным.

Четвертый маяк был сооружен в 1889 году на островке Роунд-Айленд. До первой мировой войны он служнл исправно, но в войну маяки были погашены, и 13 ноября 1916 года на скалах Роунд-Айленда разбился английский грузовой пароход «Бродфилд». За годы войны в разных местах архипелага погиблн и другие суда.

Не последнимн причинами катастроф у Силли являлись частые там туманы, а также незнанне навнгаторами характера течений. Особенно опасно течение нз океана, поворачивающее у западного входа в Ла-Манш на север. По имени своего исследователя Джеймса Реннеля оно носит название течения Реннеля и не раз нграло с моряками плохие шутки.

Так, в 1703 году отряд английских торговых судов Ост-Индской компанин при следовании в Ла-Манш с юга не заметнл, как обошел острова Силлн с северо-запада и оказался... в Бристольском заливе! К счастью, на этот раз обошлось без жертв. То же самое произошло в 1758 году с французскнм линейным кораблем «Белликве», когда он плыл из Канады в Брест и также оказался в Брнстольском заливе, где и был взят в плен англнчанами. В дальнейшем течение Реннеля зачастую способствовало крушениям, особенно в ненастную или туманную погоду.

И наконец, немало крушений произошло из-за ошибок и небрежностн штурманов и капнтанов. Именно онн приводили к наиболее впечатляющим результатам. В первую очередь к ним нужно отнести гибель части средизем-

номорского флота Англии в 1707 году.

29 сентября эскадра под командованием адмирала Клоудесли Шовела вышла из Гибралтара и взяла курс на Британские острова. Шовел держал флаг на 96-пушечном линейном корабле «Ассошиэйшен». В первых числах октября эскадра попала в полосу тяжелых штормов, вынуждавших часто менять галсы и ложиться в дрейф. Дождливая и облачная погода мешала определять координаты по солнцу и звездам. Чтобы избежать возможности выхода к островам Силли, Шовел в полночь 22 октября лег на курс остиорд-ост и следовал им до 16 часов, после чего, как гласит официальная версия, лег в дрейф и вызвал к себе младших флагманов и командиров кораблей. Все они высказали мнение, что эскадра находится иа широте острова Ушанта. Только штурман лииейного корабля «Леннокс», поддержаиный своим командиром Уильямом Тампером, заявил, что, по его расчетам, корабли дрейфуют на 100 миль севернее счислимого места. Но с этими доводами не согласились, и Шовел с ироиией заявил, что если командир и штурман «Леинокса» считают, будто они находятся ближе к Аиглии, то он немедлеино отправляет их в Фалмут, чтобы оповестить о скором прибытии эскадры. Для сопровождения «Леннокса» адмирал выделил бриг «Ла Валеур» и бриг-брандер «Феникс», остальные же корабли, в 18 часов вступив под паруса, последовали за флагманом на север.

Следуя курсом 33°, «Леннокс» и сопровождавшие его корабли через несколько часов попали в туман, а вскоре после полуночи обнаружили, что находятся среди скал, вокруг которых кипят буруиы. «Леннокс» и «Ла Валеур» тотчас отдали якоря, но «Феникс» этого сделать не успел, и его перебросило волнами через рифы. Убедившись в безнадежном состояиии корабля, командир посадил его на мель между островами Треско и Сент-Мартинс, где впоследствии он был разбит волнами. Но решение командира было правильным, поскольку этим маневром он спас команду.

А что же «Леннокс»? Уильям Тампер был доволен, что расчеты штурмана оказались правильными и кораблю удалось избежать катастрофы, но его угнетала мысль о невозможности предупредить командующего, который в это время шел северным курсом.

Излагая дальнейшие события, мы будем придерживаться труда английского историка У. Е. Мэя «Последний вояж сэра Клаудесли Шовела», опубликованного в 1960 году. Мэй проделал огромную работу по розыску и исследованию судовых журналов эскадры, из которых он нашел сорок четыре. При этом выяснились совершенно новые и неожиданные факты.

Оказывается, ни комаидир «Леннокса», ни его штурман на совещаиии у Шовела не были и не могли быть, так как «Леннокс», «Ла Валеур» и «Феникс» направились в Фалмут не позже чем в полдень 22 октября. Более того, ни в одном из исследованных журналов иет упоминания, что совещаиие 22-го вообще состоялось! В них имеются лишь записи о вызове на флагман в течение плаваиия некоторых командиров и штурманов, в том числе 21 и 22 октября.

Проанализировав записи, Мэй установил истинный ход событий. Начнем сиова с «Леннокса» и сопровождающих его кораблей. Отделившись от эскадры, У. Тампер лег на курс 33° и следовал им до 14 часов, когда корабли иакрыл туман. Не желая приближаться к опасиым берегам Корнуолла, они повернули на курс 96°, а в 16 часов легли на курс 112°. В 3 часа ночи Тампер обнаружил, что вышел на скалы, и дальнейшие его действия соответствуют тому, о чем рассказывалось выше.

Между тем события на эскадре развивались следующим образом. Вступив в 18 часов под паруса, корабли последовали за мателотом, но вскоре командир линейного корабля «Понтера», проверив расчеты своих определеиий, обнаружил, что находится близко к островам Силли и курс флагмана ведет прямо на них. Командир сделал соответствующую запись в журнале корабля, но Шовелу о ней не доложил, полагая, что мог ошибиться в наблюдениях, и ожидая, что адмирал вот-вот отдаст приказ о повороте. Как выяснилось позже, счислимое место оказалось абсолютно точным, но никто на эскадре не знал об этом, и вскоре после предпоследней скляики «Ассошиэйшен» потряс сильнейший удар, и он оказался на подводных камиях. За ним последовал 54-пушечный «Ромней», а 70-пушечиый «Игл», напоровшись на камни в трех

милях от острова Самсон, так быстро ушел на дно, что из 600 человек команды не спасся никто.

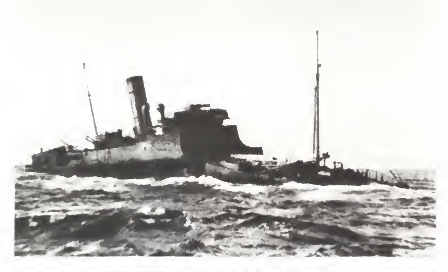
Не лучше обстояли дела на «Ромнее» и «Ассошиэйшене». С «Ромнея» спасся лишь унтер-офицер Джорж Лоренс, а с «Ассошиэйшена»... адмирал Шовел! Спасся, чтобы погибнуть через несколько часов. Несмотря на возраст — 57 лет — и тучность, Шовел был физически сильным человеком и превосходным пловцом. Он доплыл до острова Сент-Мэрис, но в штормовом прибое получил тяжелые травмы и ранения. Тем не менее адмирал все же выполз на берег, где его, обессиленного и окровавленного, обнаружили утром две женщнны. Виднмо, он был уже мертв, потому что женщины сняли с руки Шовела массивный золотой перстень с нзумрудом, а с него самого — расшитый адмиральский мундир. На другой день адмирала похоронил житель острова Гарри Пенник. К этому обстоятельству мы еще вернемся, а пока лишь отметим, что, когда через некоторое время стало нзвестно о месте захоронения Шовела, королева Анна распорядилась доставить останкн в Англию и упокоить их в Вестминстерском аббатстве.

Результаты катастрофы, постигшей эскадру Шовела, были очень тяжелыми. Погибло пять кораблей, а на ннх — более 2100 человек. Уцелевшие суда в теченне неделн подбирали тела утонувших, вылавлнвали предметы судового снаряжения. Но еще более месяца после этого море выбрасывало нх на острова Силлн и на побережье полуострова Корнуолл. Так, отделанная художественной резьбой кормовая доска с вельбота Шовела сохранилась до наших дней в ратуше города Пензанса, а в аббатстве Сент-Мэрис можно увидеть резного льва с одного из кораблей эскадры — «Сент-Джорджа».

Непосредственное отношение к теме нашего рассказа имеет н другая нсторня, случившаяся у берегов Силли, — гибель английского 74-пушечного линейного корабля «Колоссуса» 9 декабря 1798 года. Этот корабль входил в состав средиземноморской эскадры, которой командовал знаменитый Горацио Нельсон. Получив в Абукирском сражении значнтельные повреждения, «Колоссус» был направлен с ранеными и больнымн в Англию, но предварительно на него погрузили часть коллекции произведений античного искусства, принадлежавшей английскому посланнику в Неаполитанском королевстве сэру Уильяму Гамильтону, мужу возлюбленной Нельсона Эммы Гамильтон. Следуя в конвое, корабль пересек западную часть Средиземного моря, обогнул Пиренейский полуостров, прошел Бискайский залив, но на подходе к Ла-Маншу жестокий шторм рассеял конвой. «Колоссус» получил новые повреждения и был вынужден лечь на курс по ветру и волне, который привел его в ловушку островов Силли. Тем не менее корабль благополучно миновал кромку юго-западных опаснейших рифов, но, будучн плохо управляемым, сел на скалы к югу от острова Самсон. Ветер практически стих, но волнение било и разрушало и без того разбитый французскими ядрами «Колоссус». Лишь умелое командование его командира Джорджа Муррея, дисциплинированность команды и помощь, оказанная потерпевшим крушение островитянами, не привели к трагическим последствиям — 640 человек, находившихся на борту «Колоссуса», были спасены. Однако коллекция Уильяма Гамильтона ушла на дно вместе с кораблем. И только через 180 лет она обретет новую жизнь.

И в более поздние времена, и в наши дни острова Силли не утратили своей недоброй славы. Кораблекрушения у их берегов продолжались и продолжаются. Последним наиболее известным случаем явилась гибель в 1967 г. танкера «Торри Каньон».

Танкер, принадлежавший американской компании «Юнион ойл компани оф Калифорниа», плавал под флагом Либерии и был укомплектован итальянской командой, то есть являлся типичным судном так называемого «удобного флага». Он шел из Кувейта в Милфорд (Англия) и вез почти 120 тысяч тонн сырой нефти. Из-за многочисленных ошибок капитана и экипажа танкер 18 марта 1967 года выскочил на скалы Севен-Стонс, получил пробоины, и нефть из шести танков хлынула в Ла-Манш. Спасательные работы проводила голландская спасательная служба, но ей не удалось снять танкер с камней. 21 марта на нем произошел взрыв в котельном отделении, пробивший три палубы и частично разрушивший кормовую надстройку, а 27 марта разыгрался шторм, во время которого

Английский пароход «Лоигшипс» иа камиях Севен-Смоне в декабре 1939 года

Носовая фигура барка «Мэри Хой»

«Шотландский вождь», как полагают, с одноименного корабля, погибшего у острова Сент-Мартинс в ноябре 1856 года

корма судна оторвалась и затонула. Последующие штормы разломили танкер на три части, и спасательные работы были прекращены.

Гибель «Торри Каньона» получила название «крушения века», и это действительно так. Во время катастрофы более 60 тысяч тонн нефти вытекло в океан, образовав огромный нефтяной ковер площадью более чем 100 квадратных миль. Он выплеснулся на берега Юго-Западной Англии, нанеся огромный ущерб рыболовству, морским животным и птицам, гидротехническим сооружениям, курортам и пляжам. Десятки тысяч людей, мобилизованных и добровольцев, и армейские части были брошены на борьбу с «черной напастью». Несмотря на их героические усилия, отстоять удалось немногое.

Поскольку на танкере оставалось еще около 60 тысяч тонн нефти, английские власти решили сжечь ее. 28—30 марта военные самолеты бомбили судно, вылили на него 6 тысяч галлонов авиационного бензина, сбросили зажигательные вещества. 31 марта было официально объявлено, что с экологической опасностью покончено, однако нефтяной ковер, увлекаемый ветром и течением, перешел к французскому побережью, где все повторилось сначала.

Мы уже говорили о контрабанде и пиратстве, которыми занимались жители островов Силли в средние века, но многочисленные кораблекрушения породили и еще один вид промысла — бичкомерство, то есть возможность поживиться за счет того, что выбрасывает океан. А выбрасывает он многое, и это испокон веков поддерживало островитян в их полунищенском существовании, потому что ни рыболовство, ни добыча омаров, ни разведение устриц, ни получение соды из водорослей не могли обеспечить хотя бы мало-мальское благосостояние.

Крушения же восполняли отсутствие леса для постройки домов и подсобных помещений, снабжали людей необходимым топливом, а спасенные грузы являлись неплохой добавкой к семейному бюджету. Здесь, правда, случались курьезные противоречия. Например, уже с XVII века жители Силли сооружали загоны для свиней из черного эбенового дерева, строили дома из выдержанного дуба корабельной обшивки, обивали стены индийским тиковым деревом. Дома обставлялись мебелью также из ценных пород дерева — красного, орехового и т. д. Никто не считал бичкомерство преступным промыслом, так как правящие круги подавали пример своим подданным. Так, когда в 1686 году корабль «Принцесса Мэри» разбился недалеко от островов, король Англии Яков II распорядился скрыть факт крушения, и специально посланная группа в течение трех недель сняла для него находившийся на судне груз. Спустя столетие священник Троумбек писал, что наибольшей популярностью у прихожан пользуются его проповеди, заканчивающиеся призывом: «Мы молим тебя, о Боже, чтобы не было кораблекрушений, а если им суждено случаться, то ниспошли их на острова Силли на благо их бедных жителей».

И господь внимал этим молитвам: зал аббатства Треско и по сей день отделан высококачественной сосной, из которой был сделан корпус канадского судна «Награда», разбившегося у островов в 1860 году.

Бичкомерство существовало вплоть до 20-х годов нашего столетия и породило многовековую устойчивую версию о том, что островитяне преднамеренно устраивали кораблекрушения, зажигая ложные огни или гася свет единственного маяка Сент-Агнес, чтобы, наведя корабли на скалы, заполучить их грузы. Более того, в эту версию вплеталось утверждение, что при крушениях они оказывали погибавшим помощь только для того, чтобы ограбить и раздеть их до нитки, а затем опять столкнуть в буруны. Это мнение особенно утвердилось после истории с адмиралом Клоудесли Шовелом. Поспешность, с какой он был похоронен, навела на подозрение и породила слухи о кощунственном отношении жителей Силли к жертвам кораблекрушений. В частности, много рассказывалось о том, что перстень Шовела не принес счастья ее новой владелице, так как никто из жителей островов не мог дать за него его стоимость, а кроме того, все опасались расспросов и возможных репрессий. Только через 30 лет, уже умирая, владелица перстня отдала драгоценность священнику, который передал ее друзьям адмирала — семейству Беркели, где он хранится и в настоящее время. Тайна исповеди помешала

узнать истину о последних минутах жизни Клоудесли Шовела.

Слухи живучи, поэтому даже спустя более 150 лет, в 1871 году, два человека, спасшиеся с разбившегося парохода «Делавер» на необитаемом островке Уайт-Айленд, встретили пришедших на помощь жителей острова Брайер камнями. Моряки «Делавера» были уверены, что те пришли с единственным намерением ограбить и убить их.

Однако многочисленные факты говорят об обратном — о бескорыстии большинства жителей островов. И в случае с моряками «Делавера» они руководствовались этими побуждениями. Ведь совершенно очевидно, что от двух полураздетых людей трудно ожидать какой-нибудь поживы и награды, тем не менее островитяне в сильный шторм с риском для жизни дошли на вельботе до острова Самсон, перетащили вельбот через узкий перешеек на другую сторону острова, догребли до Уайт-Айленда и спасли моряков. Но, выполнив свой долг гуманности, островитяне с не меньшей сноровкой и быстротой забрали с разбитого судна все, что могли. И это не акт мародерства, а трезвая оценка ситуации — ведь через несколько дней, а может, часов все уцелевшее станет добычей океана.

Времена на Силли стали меняться с 1834 года, когда герцог Уэльский сдал в аренду остров Треско семье Смитов из Хелфорда. Первым арендатором, называемым лордом-проприэйтором Треско, стал Огастес Джон Смит. Молодой делец, истинный сын своего времени, он привнес в дело свежую струю расцветающих капиталистических отношений. Хотя Смит официально арендовал только один Треско, но его влияние вскоре распространилось на все острова Силли. Вместо занятий контрабандой он расширил рыболовный и устричный промыслы, производство соды из сжигаемых водорослей, а главное, нашел постоянных покупателей, заключив с ними договора. Наряду с этим Смит организовал огородничество, вывел новые мясо-молочные породы коров и свиней, обеспечив и для них рынки сбыта.

Лорд-проприэйтор заботился о ремонте старых и постройке новых дорог, причалов, оказывал жителям помощь в постройке домов и школ и ввел на Треско обязательное начальное образование.

Став фактическим хозяином острова Треско, Смит выстроил для себя большой дом, разбил лесопосадки и даже завел оленей для охоты. Треско и в настоящее время является единственным островом, на котором растут деревья. Большой интерес представляет созданный Смитом Монастырский парк вокруг развалин бенедиктинского монастыря, который основал в X веке англосаксонский король Ательстан. В его аллеях можно встретить пальмы и алоэ с Канарских островов, причем на Треско эти алоэ выросли до гигантских размеров по сравнению с их собратьями на острове Гран-Канария. Рядом растет капустное дерево из Новой Зеландии, эвкалипты из Австралии, кактусы из Мексики, лимоны, бананы. Вместе с ними пышно цветут лилии с острова Мадейра, мимозы, герань высотой до двух с половиной метров. Таким образом, Монастырский парк является уголком тропиков и субтропиков не только Англии, но и Северо-Западной Европы, лежащей на широте 50°, на которой расположены остров Ньюфаундленд, Прага, Харьков, Комсомольск-на-Амуре. Благодаря ветви Гольфстрима (течение Джеймса Реннеля), растения чувствуют себя на Треско так же, как и в своих родных местах.

Но главной примечательностью парка является невысокое здание, сложенное из неотесанных гранитных камней и называемое Валгаллой*. Внутри его, вдоль стен, орнаментированных раковинами местных устриц и моллюсков тропических морей, размещено уникальное собрание предметов судового снабжения с 40 судов, погибших на скалах Силли. Сбор этой коллекции начал тот же О. Д. Смит. После его смерти в 1812 году (он прожил на Треско 38 лет и умер холостяком) аренду унаследовал его племянник Алджернон Смит. Но окончательно систематизировал и пополнил коллекцию, выстроил для нее теперешнее здание праправнучатый племянник, четвертый арендатор Треско, капитан-лейтенант в отставке Т. М. Дорриан Смит. Основу этого своеобразного музея составляет коллекция уцелевших носо-

---

* Валгалла — по древнескандинавской мифологии является дворцом бога Одина, куда попадают духи погибших со славой в бою воинов.

вых фигур, а также бортовые и кормовые украшения и отдельные вещи с судов.

Некоторая часть носовых фигур представляет изображения богинь античной эпохи — Афродиту и Тэтис, другая же разнообразна по своему жанру. Наиболее примечательно здесь носовое украшение с парусного корабля «Полинарус», который, следуя из Демерары в Лондон, 27 декабря 1848 года выскочил в шторм на риф Лайон-Рок. Катастрофа произошла так близко от берега, что рвущиеся с треском паруса напугали стадо пасшихся поблизости коров. Животные прибежали в селение, и жители догадались, что на берегу что-то случилось. Когда они прибыли к месту крушения, финал трагедии уже завершился — вся команда судна погибла в кипящих бурунах.

Носовое украшение «Полинаруса» представляет фигуру английского морского офицера размером примерно полтора метра, в полной парадной форме, с занесенной абордажной саблей над головой. Напротив нее другая фигура — английского солдата первой половины прошлого века, изготовившегося к стрельбе из ружья с колена. Это все, что осталось от парусного корабля «Волонтёр».

Живописна группа женских фигур, из которых особое внимание привлекает так называемая «Уэльская девушка» — носовое украшение с английской шхуны «Джейн Оуэн», погибшей в марте 1889 года. Фигура изображает девушку в национальном костюме и с эмблемой Уэльса — бледно-желтым нарциссом — в руке.

Очень выразителен «Шотландский вождь» — превосходная мужская фигура с пристальным взглядом. Борода и усы «вождя» аккуратно подстрижены, на голове — берет.

Невольную улыбку вызывает фигура «Веселого отшельника», некогда венчавшая носовую часть клипера «Фрайар Тук» (помните «Айвенго» Вальтера Скотта и одного из героев романа — монаха Тука?). Клипер шел из Шанхая в Лондон с грузом китайского чая. 23 ноября 1863 года он попал в ураганный шторм и через три дня оказался на камнях острова Сент-Мэрис. Несмотря на усилия береговой охраны, весь чай был расхищен. Об этом эпизоде долго помнили на Силли, и до сих пор в барах и тавернах архипелага шутники требуют подать им чашку чая «Фрайара Тука».

Некоторые фигуры устроители музея вынесли в Монастырский парк, умело вписав их в ландшафт. Так, орел со змеей в клюве смотрит на вас с высоты кактуса, а с паркового холма вглядывается в океанскую даль бог морей Нептун.

И сегодня владельцы острова Треско стараются пополнить экспонаты своего музея, тем более что поиски затонувших кораблей и подъем с них грузов продолжаются. И одним из главных объектов работы является уже знакомый нам «Ассошиэйшен», флагманский корабль адмирала Шовела. Еще в июле 1710 года шотландская газета «Лондон леттер» писала: «...корпус корабля уцелел, и в нем содержится огромное богатство — королевский сервиз, несколько сундуков с монетами, не считая десяти сундуков самого сэра Клоудесли с великими сокровищами грандов Испании».

В 60-х годах нашего столетия судьба «Ассошиэйшен» привлекла внимание частной предпринимательской организации «Блю си дайверс» (ныряльщики голубого моря). Ее руководитель Уильям Роджерс организовал экспедицию к месту гибели «Ассошиэйшен» — рифу Джилстон-Рокс. Здесь, на глубинах от 12 до 25 метров, аквалангисты нашли десять старинных пушек и большое количество посуды, как целой, так и битой. С 1963 года к поискам корабля Шовела подключился ВМФ Англии. Его водолазы за три года подняли со дна несколько полусгнивших шпангоутов, пушек и два десятка золотых монет. Более удачливым оказался Роланд Моррис, бывший водолаз. Наняв за 90 фунтов стерлингов небольшой рыболовный траулер, он с двумя помощниками начал в 1967 году искать «Ассошиэйшен». После двухмесячных поисков им удалось обнаружить останки корабля. О том, что это был флагман эскадры Шовела, говорила находка серебряного блюда с гербом адмирала. Но главные ценности были найдены на глубине свыше 30 метров, на участке дна, находившемся в ста метрах от места работ экспедиции У. Роджерса. Всего было поднято около двух тысяч золотых монет — английских, французских, испанских, португальских. На следующий день после сообщения газет о находке объявились

наследники Шовела. Нет сведений, чем закончилась история с кладом, но по английским законам половина найденного становится собственностью того, кто обнаружит ценности.

Другая группа аквалангистов, используя судно с металлоискателем, подняла в 1973 году поблизости от места гибели «Ассошиэйшена» около 7 тысяч серебряных монет и других ценностей на сумму около 30 тысяч фунтов стерлингов. Поисковые работы приняли новый размах в 1980 году, когда вышла книга немецкого археолога и писателя Г. Ланицкого «Амфоры, крушения, затонувшие города». В ней ученый указывает, что с «Ассошиэйшеном» ушло на дно ценностей на 15 миллионов марок.

Возвращена миру и коллекция древнегреческих и древнеримских амфор, принадлежавшая Уильяму Гамильтону. Ее поиски начались в 1974 году. Экспедицию возглавила помощник куратора античного отдела Британского музея Энн Бирчол. За три летних сезона, проработав под водой более 900 часов, аквалангисты подняли на поверхность почти 32 тысячи осколков амфор. Группа энтузиастов Британского музея в 1980 году начала работу по разбору осколков и восстановлению амфор. К сегодняшнему дню восстановлено 10 сосудов, и работа продолжается.

С арендой острова Треско О. Д. Смитом в 1834 году острова Силли перестали быть захолустьем Англии. Как уже говорилось, первый арендатор многое сделал для этого, а его преемники продолжили начинания. В частности, Алджернон Дорриан Смит обратил внимание на нарциссы острова Треско, выращиваемые со времен пирата Томассино. С 1880 года А. Д. Смит организовал их вывоз и продажу в Лондоне намного раньше, чем они начинают расцветать в других областях Англии. А так как бледно-желтые нарциссы являются национальной эмблемой Уэльса, то спрос на них достаточно велик. Наряду с нарциссами началось массовое разведение и других цветов. В наши дни в урожайный сезон срезается до 60 миллионов бутонов и на продажу вывозится 1200 тонн цветов. Сбор начинается в ноябре, в середине января происходит ставшая традиционной ярмарка-выставка, а в апреле — фестиваль, посвященный завершению сезона.

Новая аренда островов, подписанная в 1921 году, оговаривает сдачу острова Треско семейству Смитов на 99 лет, и, хотя остров остался частным владением, на нем, как и на других островах, все большее значение приобретают выборные советы общин. Столицей Силли является Хью-Таун на острове Сент-Мэрис, на котором проживает примерно 75—80 процентов населения островов.

После второй мировой войны Силли приобретают все большую популярность как место отдыха англичан и зарубежных туристов. Это способствует занятости населения и приносит немалый доход.

В настоящее время восемь маяков, сеть радионавигационных систем и обязательная лоцманская проводка значительно повысили безопасность плавания в районе островов. Но тем не менее Силли по-прежнему остаются опасными, особенно для спортивных, прогулочных судов и рыбаков-любителей. Сообщения о несчастных случаях с ними еще можно встретить в местной печати. Корабли и суда всех наций, проходящие острова, всегда несут вахты повышенной бдительности, так как Силли, как правило, ошибок не прощают. Об этом напоминают Валгалла на Треско, а также многочисленные фотографии кораблекрушений, вошедших в историю островов, которые украшают стены гостиниц и таверн.

Всеволод Карпов

КОШКА НА РУСИ

Если тебе, уважаемый читатель, вздумается полистать когда-нибудь книгу о кошке, не ищи такой книги. На русском языке книг про домашнюю кошку не издавалось. Есть книги о лошадях, собаках, голубях, обезьянах, аквариумных рыбках, кроликах, курах и бог весть еще о ком, но только не о кошке. О ней всерьез писать почему-то не принято. А ведь семейство кошек, и вместе с ним и наша обыкновенная домашняя кошка, представляет собой, как утверждают ученые, венец эволюции хищных животных. Ее вполне можно было бы причислить к интеллигенции животного мира, существуй подобное понятие.

Да мы и не смогли бы сейчас обойтись без кошки, привычного домашнего существа, не теряя при этом частицы нашей истории, нашей культуры. Сегодня кошка является не просто полезным животным, она нечто большее, она стала явлением в истории культуры народа. Попробуйте «закрыть» вдруг кошку — исчезнут сказки Ученого кота и поблекнет Лукоморье, не станет веселых обитателей Кошкина дома, да и самого дома, забудется отважный Кот в сапогах, из многих книг уйдет изящество сравнений, бледнее станут юмор и народная мудрость, люди утратят «превосходного друга дома», и некая пустота возникнет в душе народа.

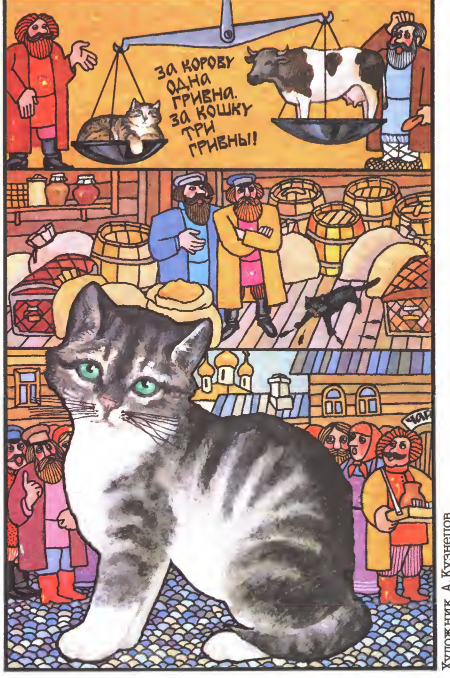
Всегда имея их под рукой и порой даже досадуя на избыток уличных кошек, мы не привыкли — или перестали — смотреть на это существо как на некий духовный символ. Так посмотреть умел Чехов, и не только он. Когда во время своей поездки на Сахалин Чехов обходил на острове ссыльных и вникал в их горестную жизнь, его поразил неустроенный, временный быт этих вечных поселенцев. Сосланные сюда на пожизненную каторгу, они так и не приняли душой этот край, и он всю жизнь продолжал оставаться для них чужбиной. «...Там чувствуется, — писал Чехов, — отсутствие чего-то важного; нет деда и бабки, нет старых образов и дедовской мебели, стало быть, хозяйству недостает прошлого, традиций. Нет красного угла, или он очень беден и тускл, без лампады и украшений, — нет обычаев; нет кошки...»

Как видим, среди примет духовной жизни великий писатель числит и присутствие в ней кошки. И это действительно так. Домашний зверь из рода кошек навсегда занял свое место в ряду великих символов человечества — друг, дом, родина.

Древнейшая кошачья особа и первый кошачий портрет

Давно уже домашняя кошка обитает в наших краях, она гораздо старше матрешки, самовара, картошки, и даже крещение Руси случилось на ее глазах. Наиболее ранние сведения о ней дают археологические находки.

На территории нашей страны самые

Художник А. Кузнецов

древние останки домашней кошки — кошки «номер один» — найдены на юге (не потому ли, что там больше искали?) — в Закавказье. Никто, конечно, специально кошку не искал, просто при раскопках холма Кармир-Блур в Армении археологи обнаружили там развалины древней урартской крепости VII века до н. э. Тейшебаини. Некогда это была великолепно оснащенная крепость, с громадными кладовыми для хранения товаров, вина и хлеба, но увы. Тейшебаини погибла в начале VI века до н. э. во время штурма ее ассирийцами.

Так вот, при раскопках развалин Тейшебаини в одном из винных сосудов был обнаружен скелет кошки. Трудно сказать, что ее туда занесло — то ли погналась за мышкой, угодила сгоряча в пустой кувшин и не сумела выбраться назад, то ли пыталась спрятаться от огня да так и осталась на века в коварной западне. Как бы там ни было, маленькая трагедия позволила сохранить для истории любопытный факт существования домашней кошки в древнем Урарту. Археологи полагают, что эта почтенная по возрасту кошачья персона вполне могла нежиться под жарким солнцем Закавказья в любом году того же VII века до н. э., на который приходится расцвет и благоденствие Тейшебаини.

Останки кошки «номер два» также найдены на юге нашей страны — в развалинах античного города Ольвии, заложенного греческими колонистами в Северном Причерноморье в том же VII веке до н. э. Археологи утверждают — а они весьма тщательны в своих оценках прошедшего времени, — что найденные в древней Ольвии кошачьи косточки относятся к VI веку до н. э. Следовательно, уже около 2600 — 2700 лет назад домашние кошки бродили в жилищах обитателей наших краев, а появились впервые в них наверняка еще раньше.

Появление самых первых экземпляров домашней кошки именно в Урарту и Ольвии вполне закономерно. Урартцы известны как весьма предприимчивые люди. Они оживленно торговали с соседними странами, с греческими колониями в Северном Причерноморье и даже с Египетом. В кладовых Тейшебаини найдены египетские фаянсовые амулеты и другие ювелирные изделия, и полагают, что в Закавказье египетские предметы в древности попадали именно через Урарту. Его правители, кстати, дружили со скифами и выступали вместе с ними против ассирийцев, которые весьма завистливо смотрели на торговые занятия процветающего Урарту и чинили ему зло. Существовали накатанные дороги для проникновения домашней кошки в Закавказье из ее египетской родины, и, скорее, было бы удивительно не найти следов ее раннего появления там.

Возраст единственного кошачьего экземпляра, найденного в ранних слоях античной Ольвии, практически совпадает с возрастом этого города — и тому и другому более двух с половиной тысяч лет. Вероятно, кошка была доставлена в Северное Причерноморье первыми поселенцами в числе необходимейших предметов. Основавшие Ольвию выходцы из Древней Греции перенесли на эти пустынные берега свойственный им образ жизни и привычные мелочи быта. Знаменательно, что в их число попала и домашняя кошка.

Позднее, в римское время на рубеже старой и нашей эры, домашние кошки появляются в других античных городах Северного Причерноморья — Танаисе, Нимфее, Пантикапее, Фанагории, Тиритаке. Как видим, они предпочитают обитать в больших и богатых городах. В селищах никаких следов кошачьего обитания не обнаружено.

А что же скифы, властители причерноморских земель, ближайшие соседи и современники греческих колонистов, — знали ли они такого зверя, как домашняя кошка? Тончайшая ниточка — одна-единственная косточка домашней кошки, найденная археологами за всю историю раскопок скифских памятников, буквально символически удостоверяет — да, скифы имели представление о домашней кошке.

Эта редчайшая, так сказать, «улика» была найдена при раскопках скифского поселения, которое археологи скромно именуют Каменским городищем. В свое время — в V — III веках до н. э. — это был громадный город площадью 12 квадратных километров, столица степных скифов. Севернее него, по Днепру, да и южнее тоже уже не было подобных величественных поселений. Располагался он на левом берегу Днепра против теперешнего Никополя. Город был удобно расположен на своеобразном выступе территории, защищаемом с се-

вера и запада обрывами над Днепром, рекой Конкой и Белозерским лиманом, а со стороны степи — земляным валом и рвом.

В возвышенной части города находился акрополь, где располагалась крепость, какие-то скифские святыни и жила скифская знать. Даже после запустения города в III веке до н. э. в этой части его жизнь продолжалась еще в течение нескольких веков. Вот в этом-то акрополе и нашли археологи уникальное свидетельство того, что в скифском царстве водилась по крайней мере одна домашняя кошка (кстати, останков собак в акрополе найдено двадцать).

А вот при раскопках Неаполя скифского, бывшего в те годы столицей крымских скифов, среди множества исследованных археологами костей животных не найдено ни одной кошачьей. Не правда ли, парадоксален археологический баланс — на все скифское золото, многочисленные украшения, предметы утвари и многие другие ценные в историческом смысле находки приходится пока что одна-единственная кошка?

Верно, дорожили античные греки своими драгоценными домашними кошками и, оживленно торгуя со скифами всякой живностью, предметами рукоделия и ремесла, золотыми украшениями «звериного» стиля, ревниво берегли редчайших домашних зверьков для себя.

В начале нашей эры путь от берегов Черного моря в суровые северные края будущих русских городов был не очень гладким, а кошачье поголовье не отличалось изобилием, поэтому мода на кошек, да и сами они продвигались на север неторопливо. Тем не менее во II—V веках н. э. археологи отмечают появление домашней кошки в трех поселениях, существовавших на территории нынешних Одесской, Черкасской и Кировоградской областей.

В каждом из этих поселений снова найдена одна-единственная кошачья особь! Не подумайте, что археологи ленились или плохо искали. Насколько редким было в те времена это существо, говорят простые цифры — найденная в поселении Журовка ископаемая компания домашних зверей при сорока трех собаках располагала опять-таки всего одной кошкой.

Снова прошло несколько сот археологических лет, и в VI — VII веках кошка появляется в лесных краях — останки ее найдены при раскопках мерянского поселения вблизи Ярославля, а также в древнем Пскове. Приблизительно в это же время она объявляется в северо-западных краях — в Литве и Латвии. Археологи относят самые ранние находки прибалтийских домашних кошек к V — VIII векам н. э.

Затем, в VII — IX веках, кошка попадаст в Старую Ладогу, в тот же период она была уже известна в Среднем Поволжье, а в X — XIII веках — в землях Древней Руси. Археологические находки ее отмечены в Новгороде, старой Рязани, Москве, Подмосковье, Киеве. А вот в древнерусском охотничьем городе Гродно, скрытом дремучими лесами с изобилием дикого зверя, домашняя кошка не была известна вплоть до XIII века.

Интересные находки сделаны при раскопках погребений X — XI веков в Ярославском Поволжье. Ученые вскрыли там около 600 курганов, из которых 200 выделялись одной особенностью — в них найдены останки жертвенных животных. И только в двух курганах из 200 (интересно, что оба раза это были женские погребения) найдены кошачьи кости.

История домашней кошки на Руси будет неполной, если не упомянуть еще о двух любопытнейших археологических находках. Одна из них сделана при раскопках старой Рязани — богатого древнего русского города, жестоко разоренного татаро-монголами в 1237 году и более не поднявшегося из пепла на прежнем месте. Здесь интересны не столько найденные в слоях XII века останки целой компании — семи кошачьих особ, сколько находка тонкой резной костяной пластинки в виде стилизованной кошки. Полагают, что некогда она могла украшать весьма ценную вещь — переплет рукописной книги. Пластинка обнаружена в жилище, которое ученые склонны считать домом-мастерской древнего мастера-косторезa.

Любопытно, что манерой исполнения этот первый на Руси кошачий портрет напоминает русскую деревянную резьбу более позднего времени. Будто и затейливые львы на наличниках русских крестьянских изб XVI века резаны той же привычной рукой, что и древняя кошка на костяной пластинке

из старой Рязани. Когда-то считалось, что такую манеру резьбы занесло на Русь с Запада вместе с книжными картинками, но вот находка столь древнего кошачьего портрета заставляет пересмотреть это мнение.

Другая необыкновенная находка относится к тем же суровым и драматичным временам нашей истории — разорению древнего Киева татаро-монголами в декабре 1240 года. Город погиб в огне, и лишь следы пожарищ встречаются при раскопках слоев того времени.

Целый комплекс обгоревших остатков жилищ разведан археологами в Киеве, все они сильно повреждены, но одно из них, самое интересное, к счастью, сохранилось лучше других. Найденные в жилище замечательные своей редкостью и назначением предметы — заготовки и осколки всевозможных поделочных камней — дали основание назвать его «мастерской художника».

Когда возник пожар, хозяев мастерской не было дома — запертый ими много веков назад уцелевший замок и по сей день крепко удерживает несуществующую дверь. Однако отлучились они не насовсем и даже не надолго, ибо внутри оставались многие ценные даже по нынешним временам вещи, но, главное, взаперти было оставлено живое существо — кошка. Тщетно пыталась выбраться она из огня, да так и погибла в горящем помещении — полуобгоревший скелет ее найден на полу мастерской.

Самое примечательное, что хозяйка кошки — мы даже знаем, что это была девочка, — не забыла о своей любимице и попыталась спасти ее. Неведомо как пробралась она сквозь пожар к своему дому — он был уже совсем рядом, но преодолеть последние метры ей не удалось. Девочка погибла у своего дома под обвалившимся горящим зданием. Подле жилища художника найден детский скелет, на руке у девочки сохранились три стеклянных браслета, а в кулачке, пожалуй, был ключ, рассыпавшийся в прах.

Столь же печальная участь постигла и другую кошку, обгоревший скелет которой найден позднее еще в одном хорошо сохранившемся жилище того же комплекса. Но то было совсем отличное от «мастерской художника» помещение. Остатки большого деревянного ларя и россыпь горелых зерен разных злаков на полу не оставляют сомнения в том, что там хранились запасы хлеба. И кошка, стало быть, погибла «на службе».

Три гривны за кошку

Если отвлечься от романтики археологических находок и перейти, как говорят, к прозе жизни, то выяснится нечто неожиданное. Сугубо официальные документы Московской Руси говорят о том, что кошка представляла в былые времена весьма ценное имущество. И стоила она громадных денег.

В старину на Руси рублей и копеек еще не знали, а оценивали стоимость вещей и тяжесть проступков, противных закону, в гривнах, ногатах и кунах. Самой крупной, так сказать, купюрой служила гривна, которая представляла чаще всего слиток серебра весом около 205 граммов. Естественно, что пользоваться гривной при повседневных расчетах было примерно так же удобно, как стрелять из пушки по воробьям. Поэтому гривна могла делиться на более мелкие доли — либо на 20 частей (тогда они назывались ногатами), либо на 50 частей (в этом случае их звали кунами). Наименование более мелких долей гривны — куна — произошло от названия распространенных меховых шкурок — куньих, которые служили когда-то, еще до появления металлической монеты, деньгами на Руси.

Ногата, не говоря уже о гривне, представляла собой немалые деньги. В древнем Киеве при князе Ярославе сооружалась церковь, но работа шла не так проворно, как того хотелось бы князю. Тогда он приказал возвестить на торгу, что за работу будут платить по ногате в день, «и бысть, — как сообщает летописец, — множество делающих». Выходит, что ногата была суммой, весьма даже солидной для дневного заработка, которую мог себе позволить выплачивать лишь великий князь, да и то в исключительных случаях — строились ведь первые храмы только что крещеной Руси. Поросенок или баран стоил в те времена ногату, раб — 5 гривен, а за куну можно было даже скромно пообедать.

Не сохранилось прямых свидетельств того времени о цене, которую давали за кошку. Да это и не столь важ-

но, ибо до нас дошел иной замечательный документ, в котором точно определена относительная ценность по тогдашним меркам и кошки, и собаки, да и всех других домашних животных Древней Руси. Это своеобразный свод законов, который историки называют «Правосудье митрополичье».

Он является одним из древнейших исторических документов на Руси, в котором упомянута кошка как домашний зверь. Она появляется в статье, определяющей наказание — денежный штраф — за хищение домашних животных.

Естественно, что величина штрафа зависела от ценности украденного животного и косвенно говорила о его стоимости. Вот какие штрафы взимались со злоумышленников — татей — в XIV веке за хищение живности и как соответственно ценились тогда домашние животные: «За голубя платить 9 кун, за утку 30 кун, за гуся 30 кун, за лебедя 30 кун, за журавля 30 кун, за кошку 3 гривны, за собаку 3 гривны, за кобылу — 60 кун, за вола 3 гривны, за корову 40 кун, за третьяка 30 кун, за лоньщину полгривны, за теля 5 кун, за барана ногата, за поросенка ногата, за овцу 5 кун, за жеребца гривна, за жеребенка 6 ногат». Каковы цены?!

А кошка оценивалась, таким образом, в три гривны — так же, как и незаменимый в крестьянстве вол. Кошка приравнивалась к трем резвым скакунам или к целому стаду баранов! Одна лишь собака ценилась еще столь же высоко. Чтобы заработать 3 гривны, даже при сказочном жалованье, положенном князем Ярославом строителям древней киевской церкви, надо было трудиться не разгибая спины два полных месяца.

Видимо, имелся свой крепкий резон у наших предков, отдавших первые по важности три места таким несопоставимым на сегодняшний взгляд животным. Одинаково незаменимы были они в крестьянском хозяйстве тех времен, выполняя каждый свою ответственную роль — вол был незаменим на хозяйственных работах, кошка охраняла хлеб, собака стерегла стадо и дарила счастливую охоту.

Статьи о наказаниях за хищения домашней живности есть и в других судебниках. Если сравнить такие статьи из более ранней по времени написания «Русской правды» и созданного позднее «Правосудья митрополичья», то выяснится, что они совпадают. И тут и там указан тот же перечень животных, те же штрафы, за одним лишь исключением — в «Русской правде» отсутствует упоминание о кошке. Все другие животные есть, а кошки нет! Удивительный этот факт можно истолковать таким образом, что в XI веке кошка еще не являлась распространенным домашним существом, хищения ее были крайне редки и составляли скорее исключение, нежели правило.

Но уже к XIV веку она стала заметным деловым домашним животным. Первыми оценили кошку в этом качестве святые отцы и, дабы пресечь участившиеся хищения ценного зверя, поставили его под защиту подходящей статьи церковного свода законов. Но и тогда еще кошачье поголовье на Руси было невелико, о чем красноречиво свидетельствуют громадные размеры охранных штрафов.

Любопытно, что одной этой охранной статьи составителям «Правосудья митрополичья» показалось недостаточно. Ведь кошку могут не только украсть, но и запросто убить. Поводов для этого у простого люда тогда имелось немало. На редкостное создание смотрели косо. Кошка — животное подвижное и любознательное, с вредоносными и бесовскими повадками, шныряет по чужим погребам, чуланам да птичникам, а владеют ею лишь богатые дома. Все зло идет от них, так не грех и отплатить им.

И вот в судебник включается единственная в своем роде во всем русском законодательстве статья: «А кто собаку убьет, ли кошку — вины гривна, а собаку даст вместо собаки, а кошку — вместо кошки». Удивительно читать эти выполненные славянской вязью слова древнего закона, столь ревностно защищавшего обыденных в наши дни животных. Ничего подобного более на Руси не встречалось никогда. Невольно вспоминаются суровые законы Древнего Египта, каравшие смертью за убийство кошки, и средневековые указы принца Уэльского, бравшие под защиту это существо. Есть своя глубокая закономерность в таком уважительном отношении к домашней кошке в разных (но непременно земледельческих) краях на определенном этапе их истории.

КОТЪКАЗАНСКОИУМЪ
СТРАХАНСКОИРАЗУМЪ
СИБИРСКОИСЛАВНОЖИ
ЛЪСЛАТКОЕЛЪ

Кот Алабрыс. Лубок, конец XVII века

Кот московского царя. Гравюра Голлара, 1661 год

А. Венецианов. «Девочка с котенком». 20-е годы XIX века
(местонахождение неизвестно, в Третьяковской галерее сохранился черно-белый негатив)

Естественно, что такой дорогой предмет был не по средствам даже зажиточным людям, не говоря уже о бедняках. Поэтому первоначально кошка, как редкая диковина и своего рода полезный предмет роскоши, попадала лишь в богатые дома. Однако, принятая вначале с горячим интересом, она, похоже, быстро утрачивает расположение своих имущих боярских и княжеских покровителей и начинает постепенно «просачиваться» в круги победнее.

Такой внешне не показной зверь не мог, конечно, сравниться по своей декоративной привлекательности и производимому впечатлению с другими существами, составлявшими гордость какого-нибудь боярского дома. Бояре да князья любили удивлять и потешать гостей домашними медведями, сворой гончих псов, скакунами, охотничьими соколами или редчайшими тогда заморскими попугаями либо павлинами.

Их всех можно было показать в деле, чего никак нельзя сказать о кошке. Она блистает иными талантами и может быть достойно оценена лишь в сравнении с себе подобными. Да и трудно было ужиться этому независимому зверю взаперти, в тщательно оберегаемых боярских теремах, светлицах да хоромах.

В наше время обыкновенная кошка ничего не стоит. Тому, кто возьмет лишнего котенка, еще и спасибо скажут. И мы, избалованные этой всеобщей распространенностью привычного зверя, совсем забыли его истинную ценность. Бывают, однако, в истории редчайшие моменты, когда она возрождается на миг во всей своей первозданной весомости.

Блокадный Ленинград... Тяжкие испытания выпали на долю людей, но не менее страшными были они для зверья, всегда сопутствующего человеку в его городской жизни. В дневниковых записях писателя Л. Пантелеева о блокадной зиме 1941/42 года есть скупые строки об «осажденном городе... где вымерли все кошки и собаки. Где вымерли даже мыши и птицы». Люди выстояли. Выстояли, победили и фактически начинали жизнь снова. Среди больших и малых примет возрождения городской жизни, увиденных Л. Пантелеевым в январе 1944 года, была и такая: «Котенок в Ленинграде стоит 500 рублей. Вероятно, приблизительно столько же он стоил бы до войны на Северном полюсе».

Если вспомнить, что зарплата, скажем, городского сторожа составляла тогда рублей 120, а килограмм хлеба продавался с рук за 50 рублей, то, может, и перетянут на весах истории эти ленинградские послеблокадные 500 рублей те невероятно щедрые 3 гривны, в которые оценивало кошку «Правосудье митрополичье».

Кошка в русской живописи и литературе

Если самый ранний период кошачьей истории на Руси освещается археологией, средний — еще и летописными источниками, то более поздние сведения о ней дают произведения живописного искусства.

Первое красочное изображение кошки в русской живописи принадлежит кисти замечательного художника Венецианова. Картина, которую он создает около 1825 года или несколько позднее, называется «Девочка с котенком». Специалисты отмечают необыкновенно тонкую работу кистью и высокую одухотворенность, свойственные этому двойному портрету. Вероятно, именно его с легким пренебрежением упомянет впоследствии В. М. Гаршин в своем рассказе «Художники». Упомянет о дамах на выставке, которые «проплывут к следующей картине, к «Девочке с кошкой», смотря на которую скажут: «Очень, очень мило» или что-нибудь подобное».

Даже в самых полных изданиях с красочными репродукциями картин Венецианова «Девочка с котенком» всегда воспроизводится в черно-белом цвете. Драматическая судьба постигла эту картину. Оригинал ее, хранившийся в одной частной коллекции, бесследно исчез в вихре событий революции и гражданской войны. Сохранилось лишь упоминание о картине в выставочном каталоге да черно-белый негатив ее в Третьяковской галерее. Неизвестно ни одной цветной репродукции картины.

Но теплится все же надежда найти эту замечательную работу Венецианова. Много лет пытается установить ее дальнейшую судьбу тонкий знаток творчества Венецианова известный искусствовед Татьяна Алексеева, любезно сообщившая автору историю картины. Однако поиски «Девочки с котен-

ком» пока безрезультатны. Нет ли в твоих позабытых тайниках, уважаемый читатель, чего-либо могущего помочь в этих поисках?

Более подобных картин, столь представительно изображающих кошачью персону, в большой русской живописи не встречается. Лишь десятилетием позднее Федотов включит кошку в композицию знаменитых шедевров — «Свежий кавалер» и «Сватовство майора».

«Свежий кавалер», кухарка и кошка составляют на ней слаженный ансамбль обитателей некоего дома. Убога жизнь в этом запущенном доме, убоги его обитатели, убоги их интересы — выше писаний Фаддея Булгарина не поднимается любознательность хозяина. Но он честолюбив, болезненно честолюбив, и первая вожделенная награда (лишь «крестик», как пренебрежительно обозначил ее Федотов) затмила собой все. Чиновный служака опьянен столь значительным для него событием.

«Новый кавалер не вытерпел: чем свет нацепил на халат свою обнову и горделиво напоминает свою значительность кухарке», — писал о сюжете своей картины Федотов. Тупой, чванливый азарт (на первоначальном эскизе картины это была лишь самодовольная ухмылка) исказил его лицо. А кошка на драном стуле потягивается в его сторону (наши предки были твердо убеждены, что если кошка «на человека тянется», то это к обнове), как бы предвещая очередные «обновы», которые логически назревают на наших глазах, — недалекий честолюбец не остановится ни перед чем. «Первый крестик» все расставил по своим местам и определил точное место герою, ну а кошкин «прогноз» показывает, что все еще впереди.

Вспомним, как истово доверяла «преданьям простонародной старины» Татьяна Ларина («русская душою» — это о ней сказал Пушкин):

Жеманный кот, на печке сидя,
Мурлыча, лапкой рыльце мыл:
То несомненный знак ей был,
Что едут гости.

«Кошка моется — гостей замывает (зазывает)», — записал некогда в своем знаменитом сборнике В. Даль. Эта примета является, наверное, одной из самых древних, стойких и распространенных среди прочих, связанных с кошкой. И снова невольно возникают в памяти творения великого и точного мастера Федотова, его знаменитое «Сватовство майора».

Помните: в купеческом доме переполох и суета, в купеческом доме гости. И не обычные гости — приехал (снизошел-таки!) жених, он ждет ответа, момент решающий. Быть или не быть... Непроизвольное движение невесты полно отрицания, его можно толковать как «не быть». Несмотря на усилия и фальшивый восторг свахи и осуждающее «дура!» на устах матери, согласие не ладится, мы видим два несоединяемых звена цепи, два лагеря. Картина насыщена динамикой поз, жестов, взглядов, мыслей. Все в движении в этом доме, где, по словам Федотова, «одно пахнет деревней, другое харчевней».

И лишь кошка, которой — и только ей — преднамеренно отдан весь передний план картины, степенно и уверенно «замывает» гостей. Именно она вводит нас в ближайшее будущее и позволяет узнать то, что сейчас неясно еще самой невесте, — быть гостям! — стало быть, состоится эта корыстная и нелепая свадьба. Вот где подлинное замковое звено, прочно скрепляющее распадающиеся было части картины!

Любопытно, что сам Федотов не в пример некоторым знатокам его творчества и толкователям «Сватовства майора» отвел кошке должное место в своей раоее (объяснении) картины:

А вот извольте посмотреть:
Внизу картины,
  Около середины,
Сидит сибирская кошка.
У нее бы не худо немножко
Нашим деревенским барыням
поучиться —
  Почаще мыться:
Кошка рыльце умывает,
Гостя в дом зазывает.

Уходили в прошлое времена «Правосудья митрополичья», и кошка постепенно становится все более демократичным, если можно так выразиться, существом, чему в живописи и графике можно найти немало подтверждений. Мы уже не встретим ни одного упоминания или изображения кошки в компании с мало-мальски знатным лицом. Зато на тех картинах, где она присутствует, кошка предстает участницей са-

мых разных сцен простонародной жизни или изредка, как у замечательного художника Кустодиева, жизни купеческого сословия.

Когда в XVIII веке начали распространяться русские народные картинки — лубки, кошка попала в число их полноправных персонажей. Вот она на лубке, который называется «Блинщица». Громадная русская печь, главная принадлежность блинщицы, занимает почти всю избу, а на печи особняком расположилась кошка. Да и где же ей еще блаженствовать! У блинщицы печь никогда не стынет, это большое удобство, да и из блинных припасов кое-что лакомое всегда перепадет. Вот и счастлива кошка по-своему.

Кошачью особу можно видеть также на другом лубке, который входит в целую серию «Доброе и худое домоправительство». Полна иронии сопроводительная подпись к этому лубку: «Муж лапти плетет, а жена нитки прядет, обогатеть хотят: огня не гасят». У ног жены сидит кошка, а возле мужа расположилась собака. Как тут еще раз не вспомнить известную русскую пословицу: «Баба да кошка в избе, мужик да собака на дворе». Народное поверье, что хозяйке близка кошка, а хозяину — собака, существует с древнейших, возможно, первобытных времен, когда главной обязанностью мужчины была охота и вообще добыча съестного, а женщина своим трудом создавала и поддерживала то, что зовется у людей домашним очагом.

Уже эти два лубка говорят о том, что кошка давно перестала быть редкостью. Она обычна не только в доме блинщицы, живущей если не богато, то все же зажиточно, но и в доме бедняков, которые лишь «обогатеть хотят».

Но особенно приглянулась кошка купеческому сословию. Да и кто лучше скряги купца, товары которого беззастенчиво портились мышами, мог оценить бескорыстную кошачью службу! Без кошки мышиный разбой был безнаказан и не столько разорителен для дела, сколь несносен для купцовой амбиции. Его, продувного бестию и надувалу, запросто обводили вокруг пальца какие-то грызуны!

Когда в начале нынешнего века Московская дума решила навести порядок в торговом Охотном ряду, «первым делом, — писал великий знаток старой Москвы В. Гиляровский, — было приказано иметь во всех лавках кошек. Но кошки и так были в большинстве лавок. Это был род спорта — у кого кот толще. Сытые, огромные коты сидели на прилавках».

Не иначе как потомки все тех же купеческих любимцев попадались Сергею Есенину в один очаровательный сентябрьский день 1925 года, когда он, задорный и веселый, гулял по Москве со своей сестрой-школьницей Шурой. Извозчик катил и катил неторопливо по московским улицам, Есенины посматривали вокруг, шутили, ребячились, а на улицах нежились кошки.

«Столько кошек, — вспоминает сестра поэта Александра Александровна Есенина, — мне как-то не приходилось встречать раньше, и я сказала об этом Сергею». Это позабавило Есенина, и он затеял веселую игру — считать всех попадавшихся на пути кошек. День ли выдался необыкновенный, душа ли поэта была раскована и вольна шутить, но он сам по-ребячьи увлекся игрой.

Впечатления от этой замечательной прогулки не растворились в суете будней. Запечатленные Есениным, они стали строфами ласкового, почти свободного от пронзительной есенинской грусти стихотворения, которое живо передает настроение того дня и владевшие поэтом чувства.

Посвящено стихотворение сестре Шуре:

Ах, как много на свете кошек,
Нам с тобой их не счесть никогда.
Сердцу снится душистый горошек,
И звенит голубая звезда.
Наяву ли, в бреду иль спросонок,
Только помню с далекого дня —
На лежанке мурлыкал котенок,
Безразлично смотря на меня.
Я еще тогда был ребенок,
Но под бабкину песню вскок
Он бросался, как юный тигренок,
На оброненный ею клубок.
Все прошло. Потерял я бабку,
А еще через несколько лет
Из кота того сделали шапку,
А ее износил наш дед.

Кошачье племя, со своей стороны высоко ценя изобильную купеческую жизнь и уважительное отношение, довольно любезно относилось к купцовым домам и домочадцам. Не случайно мы можем видеть на некоторых парадных портретах кустодиевских дородных

купчих и картинах провинциального быта весьма довольных жизнью кошек. Впрочем, кошка у Кустодиева является тонким инструментом, предназначенным для выражения более глубоких мыслей.

Вот его картина «Купчиха за чаем». Поначалу все великолепно и по-купечески истово в ней: пышная и по-своему очаровательная красавица — настоящая «мисс купчиха», как сказали бы сегодня, праздничное сияние самовара, блеск фарфора и шелка, пышность снеди, холодная складчатая свежесть скатерти... Все так ослепительно, чисто, добротно, умиротворенно и приятно для глаза. Взор, правда, силится хоть что-нибудь прочесть на безмятежном лице купчихи, но никакое движение мысли или души не одухотворяет его. Между тем, освоившись с первыми яркими красками картины, мы замечаем подле купчихи кошку. Ох уж эта кошка!

Ее приторно-угодливая поза, комичная позиция на высоком неподобающем пьедестале, куда кошка взгромоздилась в порыве подобострастия, и даже блеклый колорит ее шубки придают совершенно иное направление первоначальному благостному впечатлению. Обывательщина, неуловимо присутствующая в деталях картины, как бы кристаллизуется вдруг явлением кошки, и вот уже глаз выделяет лишь пышный цвет провинции и красочное мещанство.

Уберите кошку — исчезнет неуловимая ирония, исчезнет некий противоположный полюс и порождаемое им внутреннее напряжение сюжета, картина обретет безоговорочную и слащавую серьезность. Поразительно мастерство художника, сочетавшего свое восхищение земными красками и формами с отточенной иронией по отношению к мещанской сути их реальных воплощений. Вот что может выразить умело поданная кошка.

Домашний друг великих людей

Но давайте покинем бездуховную провинцию, выйдем на свежий воздух и обернемся к солнцу.

Бесконечно далек от духа мещанства и провинции выдающийся русский композитор А. П. Бородин. «Мне чрезвычайно по душе была, — вспоминал П. И. Чайковский, — его мягкая, утонченная, изящная натура». А между тем Бородин весьма симпатизировал кошачьему народцу. Случилось так, что и жена его Екатерина Сергеевна благоволила к этим существам. Н. А. Римский-Корсаков, бывавший в гостях у Бородиных, оставил красочные воспоминания об этой привязанности великого композитора.

Невозможно не привести следующие строки из них, согретые тончайшим юмором и деликатной иронией: «Несколько поселившихся в квартире котов разгуливали по обеденному столу, залезали мордами в тарелки или без церемонии вскакивали сидящим на спину. Коты эти пользовались покровительством Екатерины Сергеевны; рассказывались их разные биографические подробности. Один кот назывался Рыболов, потому что зимою ухитрялся ловить лапой мелкую рыбу в проруби; другой кот назывался Длинненький — этот имел обыкновение приносить за шиворот в квартиру Бородиных бездомных котят, которых он где-то отыскивал и которым Бородины давали приют и пристраивали их к месту. Были еще и другие, менее замечательные особы кошачьей породы.

Сидишь, бывало, у них за чайным столом, кот идет по столу и лезет в тарелку; прогонишь его, а Екатерина Сергеевна непременно заступится за него и расскажет что-нибудь из его биографии. Смотришь, другой кот вспрыгнул уже Александру Порфирьевичу на шею и, разлегшись на ней, немилосердно греет. «Послушайте, милостивый государь, это уже из рук вон!» — говорит Бородин, но не шевелится, и кот благодушествует у него на шее».

Бородин прекрасно разбирался в психологии своих любимцев. Его описание характеров конкретных кошачьих личностей отличается тонкостью наблюдения и кажется вышедшим из-под пера журналиста. Когда композитор поселился однажды летом у своих знакомых в имении Житовке, он не преминул сообщить в письме к Екатерине Сергеевне такие подробности тамошней жизни:

«Нас давно уже ждали и встретили предупредительно. Первая встретила кошка, которая поняла сразу, что приехали господа, для которых, значит, отворят дверь в квартиру, куда кошке без хозяев доступа не было. Она приласкалась к нам и встала около самой две-

ри; только что открыли последнюю, она мигом юркнула туда и в комнатах уже начала расточать мне и Гане восторженные ласки: вскочив на шею, курныкала, лизала, прикусывая легонько мои уши, тыкаясь носом в щеки...»

Общение с этим своеобразным мирком, вероятно, помогало Бородину установить добрый душевный комфорт, который бывает столь необходим для творчества. Вообще творец, мыслитель обычно предпочитают для своих раздумий уединение, ночную тишь, осеннее умиротворение природы либо скверную погоду. Лишь тогда тончайшая впечатлительность художника естественно освобождается от напрягающих ее посторонних внешних сил и свободно обращается к голосам своего внутреннего мира. Все мы знаем о золотой болдинской осени Пушкина, но не многие, вероятно, помнят вот эту строчку его письма, отправленного из Болдина друзьям: «...осень чудная, и дождь, и снег, и по колено грязь...» «А мне хочется снега: в дурную погоду работается приятней», — писал с томящего юга Чехов.

Странное дело, живое существо — кошка отнюдь не нарушает своим присутствием сосредоточенности художника. Скорее наоборот, дружественным и ненавязчивым участием это создание вносит какой-то мистический творческий уют в холодное одиночество писательского уединения. Совсем как это получилось у любимицы Куприна Ю-ю.

Если помните, так звали одну в общем-то обычную кошачью особу, жившую много лет назад. Ю-ю не блистала никакими выдающимися качествами и не оставила бы после себя никакой памяти. Но ей посчастливилось быть любимым домашним существом замечательного русского писателя А. И. Куприна и навечно остаться в его произведениях добрым духом счастливых мгновений творчества.

Рассказ «Ю-ю» Куприна автобиографичен: «...я писал по ночам: занятие довольно изнурительное, но если в него втянуться, в нем много тихой отрады.

Царапаешь, царапаешь пером, вдруг не хватает какого-то очень нужного слова. Остановился. Какая тишина! Шипит еле слышно керосин в лампе, шумит морской шум в ушах, и от этого ночь еще тише... Где я: в дремучем лесу или на верху высокой башни? И вздрогнешь от мягкого упругого толчка. Это Ю-ю легко вскочила с пола на стол. Совсем неизвестно, когда пришла.

Поворочается немного на столе, помнется, облюбовывая место, и сядет рядышком со мною у правой руки...

Я опять пишу быстро и с увлечением. Порою, не шевеля головою, брошу быстрый взор на кошку, сидящую ко мне в три четверти. Ее огромный изумрудный глаз пристально устремлен на огонь, а поперек его, сверху вниз, узкая, как лезвие бритвы, черная щелочка зрачка. Но как ни мгновенно движение моих ресниц, Ю-ю успевает поймать его и повернуть ко мне свою изящную мордочку. Щелочки вдруг превратились в блестящие черные круги, а вокруг них тонкие каемки янтарного цвета. Ладно, Ю-ю, будем писать дальше.

Царапает, царапает перо. Сами собою приходят ладные, уклюжие слова. В послушном разнообразии строятся фразы...»

Конечно, из воспоминаний близких людей известно, как работал Куприн, как он знал и любил животных. Но это все-таки слова других. Ю-ю же помогла взглянуть на затаенные стороны личности Куприна его глазами. Как знать, сколько нужных, уклюжих, как он говорил, слов было найдено писателем в те часы творчества, когда Ю-ю ненавязчиво помогала ему своим молчаливым участием. Не будь ее, мы никогда бы не узнали маленьких тайн творчества писателя, и чуть бледнее высветился бы его образ.

Самые, пожалуй, проникновенные слова дружеского признания, обращенные к бессловесному спутнику творческих удач и вдохновения, можно найти в томике стихов одного замечательного русского поэта. Любой человек гордился бы этим дружеским обращением, будь оно адресовано ему:

Не ворчи, мой кот-мурлыка,
В неподвижном полусне:
Без тебя темно и дико
  В нашей стороне;
Без тебя все та же печка,
Те же окна, как вчера,
Те же двери, та же свечка,
  И опять хандра...

Поэтом, написавшим эти удивительные строки, был Фет. Абсолютно искренний и серьезный Фет, даже

тенью иронии никогда не смутившнй прозрачность выраженных им чувств н мыслей. Замкнутый н непроницаемый внешне Фет, чья нежиая и чуткая душа творца воплотилась в тончайших полутоиах его неповторимых стихов.

Фетовские стнхотвореиия сотканы нз лнчных пережнваннй, чувствований, ощущений поэта, но крайне редко в ннх можно встрстнть такое вот проявленне чувства по-мужски дружеской приязни. К кому? К тому, кто был для Фета символом каких-то светлых, созидательных, духовных мгновений жизни, а для нас навсегда останется просто безымянным котом-мурлыкой. Но ведь не прнходит же ннкому (да и не придет никогда) в голову нелепый вопрос — провнициален лн Фет?

Очень любил животных Б. М. Кустоднев. И упоминавшнеся ранее кошки на картинах Кустоднева тоже имеют, подобио легендарной Ю-ю, свою жизненную предысторию. Очень даже возможно, что художник писал нх с тех четвероногих особ, которые обнтали в его доме.

В последнне годы жизнн художника мучнвшая его болезнь обострилась, он не мог самостоятельно двигаться н только сидел ннога в кресле, которое передвнгали по дому. В это время, чтобы как-то рассеять и порадовать Кустодиева, ему подарилн ангорскую красавицу кошку Кэтти. Подарок был сделан Софьей Васнльевной Шостакович, семья которой была дружна с семьей Кустодиевых.

Трудно было избрать более уместный подарок. Забавные проделки Кэтти и ее котят были для смертельио больного художннка не просто возней домашних зверей. Они отвлекали Кустоднева от тяжкнх мыслей, поддержнвали оптимизм н тем самым на какое-то время отодвигали его от приближающегося края бездны. «За день до папнной смерти, — вспоминает дочь художника Ирина, — когда его вывезли в мастерскую, вечером Кэтти вдруг прыгнула к иему иа колени, стала обнюхивать, облизала ему лицо, голову, точно прощалась с ннм, точно чувствовала, что ои ие жилец».

Наше время выявляет иовые граии взаимоотиошеиий человека с его стариннейшим домашним другом. Во миогих страиах мира действуют общества, объедиияющне любителей этого грацнознейшего существа, регулярно проводятся выставки кошек, выводятся новые породы нх. А не так давно в Швейцарни открыт едва лн не первый в мире Музей кошек.

Всего этого пока еще нет в нашнх краях, ио зато есть другое — интереснейшие коллекцнн нзделий рук человеческнх, посвященных домашией кошке илн украшенных ее изображением. Знакомясь с этими коллекциями, поражаешься изобретательности человеческой фантазни, равно как и той степенн внимания, какой люди одарнвают это существо. Оказывается, кошачий лик прнсутствует ныне во множестве окружающнх нас предметов, будь то фантики от конфет, почтовые марки, книжные знакн, торговые и спичечные этикетки, открытки, нгрушкн, сувеиирные статуэтки, игральные карты, ковры и прочис вещи, не говоря уже о бнсере рассыпанных по страннцам разлнчных изданий стихов, меткнх сравнений, рнсунков и карикатур.

Известно по крайней мере два таких содержательных собрания, о которых в свое время упомнналось в газетах и журналах. Составлеиы они людьми, соединнвшими в себе страсть коллекционера с любовью к своенравному домашнему зверю.

Одно из ннх прннадлежнт известному ученому, потомственному археологу В. М. Массону, живущему в Ленинграде. Как рассказывает хозяин коллекции, все началось несколько десятилетнй назад с отчеканенной из бронзы кошечкн с цветком в зубах, подаренной ему в один памятный день. Но недаром говорится, что лиха беда начало. Сегодня уже более двух с половиной тысяч разнообразнейших кошек, ие живых, естественно, а запечатленных в металле, фарфоре, керамике, на ткани, бумаге и других материалах с трудом умещаются в двухкомнатной квартире.

Бывая за рубежом, В. М. Массон иепремеиио прнвозит из разиых стран сувеииры, пополияющие его коллекцию. Немало их дарят друзья, коллеги и просто люди, знакомые с этим удивнтельным собранием. Коллекция пополияется, живет, и почтн каждый экспоиат ее имеет, как н в любой другой коллекции, созидаемой любовью, свою особую историю. Но ие только вещественная стороиа отличает это собраиие. Память учеиого храиит миожество любопытиых сведенний и фактов, склады-

вающихся в пеструю мозаику многовековой истории домашней кошки.

И вот эта незримая, к сожалению, половина коллекции, быть может, и составляет наиболее интересную часть ее. Остается надеяться, что со временем она, зафиксированная типографскими литерами на бумаге, станет доступной многим тысячам читателей, порадует любителей домашней кошки и раскроет многообразную роль ее в жизни людей.

Знакомство с другой коллекцией приведет нас в литовский город Шяуляй. Некогда Шяуляй был известен разве что жителям Литвы. Ныне он стал крупным промышленным центром, где выпускаются сложные изделия, расходящиеся по всей стране и идущие на экспорт. Сегодня Шяуляй знают многие далеко за пределами Советской Литвы.

И тем более примечательно, что дальнейшему росту известности этого города способствовали присущая шяуляйцам выдумка, юмор и некоторым образом кошки. Однажды — это было в сентябре 1985 года — газета «Известия» опубликовала фотоснимок, изображающий двух забавных кованых котов на черепичной крыше старого дома. Краткая подпись под снимком гласила, что в этом шяуляйском доме размещается аптека, что ценящими юмор шяуляйцами аптека названа «Валерьянкой» и что забавные коты на крыше служат лучшим указателем ее месторасположения. Действительно, их фигуры видны со многих точек города и неизменно вызывают добрую улыбку. Кованые коты стали своего рода шутливой визитной карточкой Шяуляя.

Вот с них-то можно и начать рассказ о местной коллекции рукотворных кошек, которая сегодня насчитывает более десяти тысяч всевозможных экспонатов. Хозяйка коллекции — заслуженный работник здравоохранения Литовской ССР, глава крупного учреждения провизор Ванда Каваляускене. Не без ее активного участия «взобрались» на крышу аптеки и застыли в качестве эмблемы озорные коты, поэтому их вполне можно причислить к экспонатам упомянутой коллекции.

«Родители, — вспоминает В. Каваляускене, — с детства прививали мне любовь к животным и природе. И хотя мы жили в городе, у нас в доме всегда была кошка, а во дворе — собака...» Долгое время в доме жили Муркис и Жулик — два дымчатых красавца с осанкой английских лордов.

Первым в коллекции стал длинноусый черный кот из металла, привезенный два десятка лет назад из Закопане, затем к нему прибавился скромный деревянный котенок, кошки из мрамора, глины, стекла и другие. Сейчас в коллекции есть экспонаты из всех социалистических стран, а также других стран Европы, из США, Японии, Австралии, Египта, Сенегала... В коллекции — сотни стихов о кошках, десять тематических подборок с вырезками из газет, картины художников-профессионалов и народных мастеров.

В скромный домик на тихой улице часто наведываются школьники и взрослые. Шяуляйцы знают, любят и ценят эту коллекцию, и выражением их внимания к ней явилась большая выставка, которая была развернута в 1983 году в Шяуляйском доме работников просвещения. Многочисленные записи в книге отзывов — восхищенные, удивленные, заинтересованные — говорят о том, что выставка никого не оставила равнодушным. Для многих она явилась откровением и позволила увидеть в обыкновенной домашней кошке не просто банальное существо, но выразительную частицу человеческой культуры.

Однако представительной коллекции давно уже тесно в трехкомнатной квартире, и перед шяуляйцами открывается благодарная возможность проявить последовательность и организовать оригинальный музей — первый в стране Музей кошки. Есть ведь в Каунасе знаменитый Музей чертей, хотя представленный в нем объект не блещет своим вкладом в сокровищницу человеческой культуры.

Говоря о нынешнем времени, нельзя не вспомнить и старшего нашего современника писателя Н. С. Тихонова, который, отложив однажды перо публициста, подарил всем нам «Удивительные маленькие истории» о живших рядом с ним бессловесных друзьях. «Я не хочу погружаться, — писал Тихонов, — в особый мир тропиков или других далеких стран, где живут неведомые нам животные. Нет, речь пойдет о тех живых существах, которых мы видим и знаем, которые живут возле нас».

В числе прочих персонажей есть там и сиамская кошка Лемура, как представил ее Тихонов — «мать наших котов... особа очень своенравная, гордая, самолюбивая и предприимчивая». Не один ли из этих «наших котов» гордо позирует на плече Тихонова на известной фотографии, которой открывалась публикация удивительных историй?

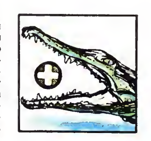
А быть может, это любимец поэта Маус, проживший долгий кошачий век, целых 24 года? Именно ему посвятил Тихонов проникновенные строки, говорящие о смерти, но прославляющие верность и дружбу:

Не стало старого кота... Когда узнал я,
Я так мучительно себе представил
Полночный сад, щенка и Мауса в траве,
Неповторимость августовской ночи,
Всего живого дружбу до конца...
И Мауса, шагнувшего неслышно
В бессмертную природы тишину.

А маленькие истории поистине удивительны отраженной в них тончайшей наблюдательностью автора, его глубоким пониманием психологии зверья, мудрой добротой и уважением к окружающему нас живому миру.

Есть ли польза от крокодилов?

В африканских странах, где начала развиваться молодая национальная наука, экологи придерживаются теперь мнения о большой пользе крокодилов. Эти пресмыкающиеся на их континенте — важное звено в природных циклах водоемов. Во-первых, крокодилы являются санитарами в реках и озерах, поедая больных рыб и животных. А во-вторых, они вносят существенный вклад в столь важное дело, как борьба с малярией. Хищники поедают придонных рыб, которые являются естественными врагами верхоплавающих. Тем самым поддерживается высокий уровень верхоплавок, которые питаются личинками малярийных комаров. Вот и получается, что в тех местах, где браконьеры уничтожают крокодилов, вспыхивают эпидемии.

К сведению путешественников!

Австралийскому летчику Брайену Коваджу по долгу службы частенько приходилось в поисках команд кораблей, потерпевших аварию, удаляться на большие расстояния от базы. Бывали у него и вынужденные посадки на маленьких островах в Тихом океане.

Недавно летчик выпустил брошюру, в которой предлагает удивительно простой способ утоления жажды в местности без воды. Он испытал его на собственном опыте. Достаточно, как он утверждает, иметь при себе большой пластмассовый мешок. Это приспособление надевается на крупную ветку дерева или на вершину куста, а затем плотно завязывается внизу. Влага, испаряемая листьями, остается в мешке и конденсируется на его стенках в виде капелек. Чем жарче воздух, тем больше добываемых капель. Ковадж утверждает, что за день с помощью столь простого способа ему удавалось накопить в мешке целый литр питьевой воды.

Анна Левина

СЛОНОВИЙ «УНИВЕРСИТЕТ»

ОЧЕРК

Улицу Патпонг в Бангкоке знает каждый. Этот 150-метровый отрезок бывшего болота, соединяющий две городские магистрали — Суривонг и Силом, — превратился в скопление представительств иностранных фирм, авиакомпаний, отелей, ресторанов. С наступлением темноты она одевается в разноцветные одежды неоновых реклам. Именно она-то, а точнее, демонстрационная витрина одной из американских фирм положила начало горячей полемике о... будущем слонов в Таиланде. Некий предприимчивый мистер Лесли Рикетт выставил за зеркальными стеклами «скиддер» — помесь бульдозера с трелевочным трактором, сопроводив машину броской рекламой: ««Скиддер» может перетаскивать стволы весом в 20 тонн. Слон — только 2. «Скиддер», как и слон, может взбираться по крутым склонам и обходить деревья. Чтобы обучить водителя «скиддера», достаточно 3—4 дней. Обучение слона занимает не меньше 7 лет. К тому же «скиддер» работает быстрее и не знает усталости. Покупайте «скиддер»!»

Правда, мистер Рикетт забыл уведомить, что продукция его фирмы стоит 75 тысяч долларов, а обученный слон дает 4 тысячи в год чистого дохода его владельцу.

Возможно, попытка прорыва техники в традиционную сферу слоновьего промысла не привлекла бы особого внимания, если бы американский предприниматель не обратился за поддержкой к прессе. В пространном интервью, опубликованном несколькими бангкокскими газетами, мистер Рикетт попытался сыграть на национальной гордости таиландцев, заявив, что сторонники слонов просто-напросто страдают консерватизмом мышления.

Да, когда-то Сиам не зря называли «Королевством слонов», и его жители не раз одерживали победы в войнах с соседями благодаря этим великанам. Неплохо работали слоны и в тиковых лесах на севере Таиланда, откуда тянулись медлительные караваны с многотонными грузами. За все это следует сказать слонам «Коп чай ма!» — «Большое спасибо!» Однако те, кто сетует, что число их после второй мировой войны сократилось на 5 тысяч, а на месте древней «Дороги слонов» в Бангкоке пролегла теперь оживленная магистраль Нью-Роуд, напрасно винят в этом иностранцев. Не пришельцы из-за океана, а современная техника обрекает «слоновий извоз» на полное исчезновение через каких-нибудь восемьдесят лет. Разве плохо, что слоны остались в таиландской столице только в зоопарке? Ведь старики помнят, как еще в начале нынешнего века эти

гиганты во время брачного сезона доставляли массу неприятностей вагоновожатым трамвая, виднмо прнннмая звенящие вагончики за невесть откуда взявшихся соперников и бросаясь на них в атаку. А выпусти их теперь на бангкокские улицы, и все движение встанет. Кстати, слоны и сейчас нередко задерживают поезда на важной магистрали Бангкок — Чиангмай. Им, видите ли, понравилось выходить греться на железнодорожное полотно. И если нх потревожить, то, рассердившись, они начннают выворачивать рельсы и шпалы. В век техники, утверждал Рикетт, пора кончать с этим обременительным анахронизмом, от которого не слишком-то много проку, ограничив слоновье поголовье и оставив их лишь в специальных заповедниках.

Интервью наделало много шума. И хотя владельцы лесоразработок тика не спешили менять традиционные «жнвые механизмы» на американские «скиддеры», зерна сомнения в их души запали. Не исключено, что мистеру Рнкетту в конце концов удалось бы прорастить их к своей выгоде, еслн бы в защиту четвероногих помощников лесорубов не выступил его соотечественннк, вндный биолог Джеффи Макннлн, многие годы проработавший в Танланде. В своей довольно резкой и весьма ироничной отповеди бизнесмену ученый высказал сожаление по поводу его явной «механомании», помешавшей глубоко разобраться в действительном положении вещей. Слон не просто перетаскивает тяжелые бревна на лесосеках. Он легко передвигается по густому бамбуковому подлеску, преодолевает склоны крутнзной до 70 градусов и весьма умело разбирает заломы, что очень важно, поскольку большая часть спиленного тика сплавляется по маленьким речушкам. «Не следует забывать и другое, — писал Макннли. — Мы живем в условиях все более обостряющегося энергетического крнзиса. Слоны же в отличие от «скиддеров» работают на местном растнтельном «горючсм», сами себя ремонтируют и «выпускают» с минимальными затратами. К тому же это не «вспомогательный механнзм», а незаменимый помощник, которого связывают с человеком целые столетия дружбы и любви. Достаточно побывать в слоновьем «уннверситетс» департамента лесного хозяйства, чтобы убедиться в нсключительных способностях и полезности этого гигантского «анахронизма», который наверняка будет трудиться для человека и после того, как истощатся все запасы нефтн на земле. Но для этого мы должны позаботиться о его будущем».

...Ровно в пять вечера под протяжные удары старинного медного колокола от перрона Бангкокского вокзала отошел «Северный экспресс» на Чиангмай. Но даже свежий ветерок, ворвавшийся в ннкогда не закрывающиеся окна вагона, не улучшил настроение фоторепортера Ннла Улевнча, тщетно гадавшего, зачем понадобилось его шефу, заведующему бангкокским бюро Ассошиэйтед пресс Дэнису Грею, тащиться в далекую глушь, куда-то в предгорья хребта Кунтан. На все расспросы тот лишь загадочно улыбался и туманно намекал на «сенсационную тему», которая Улевичу и не снилась. Первое представленне о ней он получил, когда после бесконечных подъемов, спусков н поворотов на рассвете поезд прибыл на станцню Лампанг. Выйдя из вагона, Грей оглянулся и показал на стоявшие неподалеку от железнодорожного полотна небольшие глнняные домики, которые тайцы называют «пра пхум чао тхи» — «жилища духов» и ставят в память об усопших. Но вместо глиняных человеческих фнгурок на маленькой площадке перед ними стояли крошечные фигурки слонов.

— Сегодня мы побываем в единственном в мире «храме науки» для... слонов, — с шутлнвой торжественностью сказал Грей.

У границы уннверснтетского «кампуса» джнп с журналистами встречалн сам директор, доктор Чаум Кинвуди, в очках н накрахмаленной белоснежной рубашке с галстуком, н главный махаут Нуон Компуе, коренастый таец средних лет с редкими усиками н бородкой, одетый в простую синюю куртку. После обмена приветствиямн, прежде чем отвечать на вопросы, онн пригласили гостей, пока не слншком жарко, осмотреть их необычный учебный центр.

И тут Улевича постигло жестокое разочарование: оказалось, что снимать в «университете» нечего. Конечно, он не рассчитывал на то, что увидит залы нлн аудntории — для этого «студенты» были слишком велики. Но хоть какое-то подобие циркового манежа или хотя бы учебной лесосеки должно было быть! А тут всего лншь дюжина пыль-

ных истоптанных пустырей, груды бревен, в беспорядке разбросанных на них, да десятка два легких бунгало у подошвы покрытого джунглями холма, в которых, как совершенно серьезно пояснил директор Чаум Кинвуди, жил «преподавательский состав».

— Наш центр, — продолжал он, — существует уже восемь лет. И хотя мы принимаем учеников без вступительных экзаменов, не было случая, чтобы в процессе семилетнего обучения кто-нибудь из них отсеялся или не усвоил курс слоновьих наук. А он, поверьте, далеко не прост. По окончании обучения слоны должны уметь не только безошибочно исполнять двадцать шесть команд своего погонщика — махаута, но — и это главное — усвоить все необходимые рабочие навыки: перетаскивать в джунглях, без дорог, бревна, обходя деревья так, чтобы не застрять со своим грузом; складывать тик в штабеля; при сплаве помогать разбирать заломы и многое другое...

— Мастерство наших четвероногих лесорубов по-настоящему можно оценить только на валке леса, — вступил в разговор главный махаут, до этого скромно державшийся чуть позади. Грей, моментально обернувшись, сунул ему под нос микрофон. От неожиданности Нуон Комруе запнулся, но затем продолжал:

— Тик вода не держит. Тяжел очень. Поэтому за год-два до валки в коре у основания ствола прорубают кольцо, чтобы дерево начало сохнуть. На лесосеке их стоят сотни, а то и тысячи, и каждое нужно положить так, чтобы не зацепило другие. К тому же валить можно только в дождливый сезон, когда земля мягкая и ствол не расколется от удара. Сначала лесоруб подпиливает дерево, потом уже слон упирается в него лбом и валит туда, куда нужно, ни на шаг в сторону. Тут одними командами не обойдешься, он сам должен соображать не хуже человека.

— Иногда бывают просто поразительные случаи, — прервал его Кинвуди. — Недавно, например, один наш выпускник спас своего махаута от верной гибели. Тот подпиливал дерево и не заметил, что оно стало чуть клониться прямо в его сторону. Секунда, другая, и человека расплющило бы в лепешку, если бы слон вовремя не понял, что произойдет, и не успел повалить ствол вбок. В другой раз...

— Сунг! — оглушительный крик, словно выстрел, прозвучавший в утренней тишине, заставил умолкнуть директора, увлекшегося разговором о своих питомцах.

Еще не зная, что произошло, и следуя лишь профессиональной привычке, Улевич вскинул камеру и резко повернулся налево в сторону ближайшего плаца. Он щелкнул затвором как раз в тот момент, когда по команде махаутов двадцать молодых слонов одновременно, как солдаты на параде, подняли согнутые в колене правые ноги. Едва коснувшись этой своеобразной «ступеньки», погонщики тут же очутились на массивных шеях гигантов. Легкое прикосновение небольшой палочкой ко лбу слонов — и те, без толкотни перестроившись в цепочку, не спеша зашагали к опушке лесистого склона холма, где лежали огромные тиковые бревна. Все произошло так быстро, что фоторепортер едва успевал переводить кадры.

— Сейчас у них начнется урок групповой работы по перетаскиванию стволов. Это один из самых трудных разделов программы: главное здесь — добиться абсолютной согласованности действий, — пояснил журналистам Кинвуди. — Обучению этому в основном и посвящаются последние два года пребывания в университете. К сожалению, чувство ритма у них не слишком развито, и им трудно шагать в ногу. Поэтому многое зависит от махаутов, которые задают темп.

— Ну а если попадется хитрый лентяй и не захочет тянуть в полную силу, что тогда? Ведь погонщик все равно ничего ему не сделает своей дирижерской палочкой?.. — спросил Грей.

Чаум Кинвуди и Нуон Комруе переглянулись и пожали плечами.

— Такого не бывает. Слоны слишком дисциплинированны и умны, чтобы отлынивать от работы и подводить товарищей, — убежденно заявил главный махаут.

— Зато у погонщика работа на зависть: знай себе посиживай да помахивай палочкой, — усмехнулся Улевич, вытирая обильно струившийся по лицу пот, прежде чем заняться перезарядкой пленки.

— Ошибаетесь, — возразил директор «университета». — От них требуется постоянное внимание и быстрая

Художник И.Гансовская

реакция. А это не так-то легко, когда целый день приходится работать во влажной духоте джунглей и все время смотреть, чтобы не раскроить лоб о сучья и не набрать за шиворот тропических пиявок. К тому же сама езда на слоне — целое испытание. Кожа у него никуда не годится: слишком велика для слоновьего тела и поэтому скользит и свисает при каждом движении. Того и гляди свалишься на землю и будешь раздавлен. Да и поступь слона — настоящая пытка для наездника, все внутренности выворачивает. Недаром в цирке красавицы, которые гарцуют на слонах и посылают публике воздушные поцелуи, требуют добавочной оплаты...

— Ну а ваши слоны могли бы овладеть цирковыми трюками? — заинтересовался Грей.

— Нет ничего легче, — презрительно сморщился Комруе. — Недели три-четыре, и любой из них будет выступать не хуже заправского артиста. Когда мне исполнилось семнадцать, я стал «кхон тином» — «служителем» при слонах на лесной концессии одного иностранца, а через два года — махаутом. С тех пор уже двадцать лет при них. Так что и цирковые трюки знаю. Ведь публике самым трудным кажется то, что и для дрессировщика, и для слона проще простого. Нужно, например, научить его на голове стоять. Зрелище — прямо дух захватывает. А на самом деле не так-то это и сложно. Сперва слона подводят к стене и заставляют прислониться к ней так, чтобы он чувствовал, что есть надежная опора. Передние ноги ему спутывают, голову прижимают к полу, а задние начинают подтягивать вверх на прочном канате, с каждым днем все выше и выше. Когда животное привыкнет, передние ноги освобождают, и оно подгибает их, чтобы удобнее было опираться на голову. Наконец приходит день, когда, почувствовав, что задние ноги тянут вверх, слон сам поднимает их. Дело сделано: он понял, что от него требуется, и скоро выучится стоять на голове. Угощайте его каждый раз любимым лакомством, и все будет в порядке. Ну а научить садиться и того легче: лишь бы стул был прочный, как скала, да сначала еще опора для спины. У нас слоны через год уже ложатся по команде, хотя это для них куда неприятнее: ведь они опасаются, что если это сделать в джунглях, то в хобот и в уши сразу заберутся муравьи и всякие ползучие твари...

Захваченные рассказами директора и «проректора по учебной части» — так журналисты шутя окрестили главного махаута Нуона Компуе, охотно раскрывавшего перед приезжими секреты обучения слонов, они и не заметили, как успели осмотреть почти весь кампус. Фоторепортер нащелкал добрую дюжину пленок, запечатлевших основные моменты учебного процесса, и мечтал только о том, как бы поскорее укрыться в тени и утолить жажду.

— А теперь познакомьтесь с нашими подготовительными курсами, — предложил доктор Кинвуди, когда гости подошли к просторной зеленой лужайке, словно стеками, окруженной высокими зарослями бамбука. На дальнем ее краю резвилось десятка полтора слонят, а рядом в тени дерева стоял огромный старый самец с тяжелыми бивнями, флегматично обмахивавшийся большой веткой и, казалось, снисходительно взиравший на забавы мелюзги. Правда, так слонят можно было назвать только по сравнению с этим гигантом: некоторые наверняка весили не меньше 800 фунтов. Во всяком случае, когда двое подростков, играя, «боднули» друг друга широкими лбами, раздался звук, похожий на отдаленный раскат грома. Казалось, слонята должны тут же рухнуть на землю с проломленными черепами, но они как ни в чем не бывало продолжали шалости. Да и взрослый их сородич даже ухом не повел.

— Ничего страшного, лбы крепче будут. Пригодится при валке леса, когда подрастут, — заверил американцев махаут в ответ на их вопросительные взгляды. — Взрослые слоны умеют куда лучше, чем люди, следить за молодняком и никогда не позволят им причинить себе вред. А это, поверьте, очень и очень нелегко, когда воспитанники веселы и подвижны, как козлята, несмотря на свой изрядный вес. Неуклюжими их никак не назовешь. Особенно они любят бороться. А если противником бывает кто-нибудь из наших махаутов и слоненку удается уложить его на лопатки, то маленький победитель от радости пускается в пляс на всех четырех. Да вон, посмотрите сами, какие номера выкидывают...

В это время на лужайке разыгралась забавная сценка. Маленький толстенький слоненок, пригнув к траве голову, тщетно старался подлезть под живот другому, не догадываясь встать на колени. Второму это надоело. Он рассерженно затрубил и попытался хоботом отогнать проказника, но тот не унимался. Тогда два слоненка постарше, до этого мирно обрывавшие листья с кустов неподалеку, вдруг тоже предупреждающе затрубили, а затем подошли и встали по обе стороны, оттеснив обидчика.

— Никто их этому не учил, сами всосали с молоком матери: ведь именно так, зажав между своими телами, взрослые защищают слонят от нападения хищников и помогают переправляться через быстрые горные потоки, — заметил Нуон Компуе.

— Не всосали с молоком, а переняли у старших, — уточнил Чаум Кинвуди. — Ведь на ночь мы отпускаем всех наших воспитанников пастись в джунгли, а там слонята проходят школу жизни под руководством взрослых сородичей. Мы же здесь, как я уже говорил, опираясь на природный ум, быструю восприимчивость и поразительную память слонов, прививаем им лишь необходимые трудовые навыки.

Заинтересовавшийся Грей попросил поподробнее рассказать, каким образом маленькие слонята становятся «студентами». Директор охотно согласился, но сначала предложил пройти в контору, чтобы укрыться от палящего солнца. Там, сидя в низеньких плетеных креслах и слушая пространное повествование доктора Кинвуди, изредка дополняемое пояснениями «проректора», журналисты постепенно приходили к выводу, что этот центр правильнее было бы называть не «университетом», а настоящим «учебно-трудовым комбинатом» для толстокожих жителей джунглей. Ведь в него входили и ясли, и детский сад, и начальная школа, и технический колледж!

— Большинство слонов у нас в Таиланде давно приручено и используется на различных работах. По-настоящему дикие остались лишь в горных районах, где живут карены. Те же, что кочуют в долинах, находятся под специальным наблюдением местной администрации. Каждые два-три года их окружают, подвергают осмотру и самых сильных отбирают для дрессировки. Первоначально и мы пополняли число наших учеников подобным же образом, но вот уже пять лет как отка-

зались от облав на диких слонов и полностью перешли на... самообеспечение. — Чаум Кинвуди с улыбкой посмотрел на журналистов, довольный их удивлснием.

Оказывается, в настоящее время центру принадлежит больше сотни слоних, «арендуемых» государственной лесопромышленной организацией. Когда какая-нибудь из них собирается стать матерью, за ней посылают специальный десятиколесный грузовик с мягкой подвеской и доставляют в центр. Поэтому новорожденный автоматичсски становится его воспитанником. Первое время он находится на попечении мамаши, а когда она возвращается на лесоразработки, слоненок переводится в группу молодняка — своеобразный слоновий «детский сад». В возрасте трех лет он идет в «школу». Первым классом для него становится тесный загон из прочных бревен. В нем слоненок знакомится со своим махаутом, с которым будет работать всю жизнь, пока в шестьдесят лет оба не уйдут на пенсию. Примерно месяц уходит на то, чтобы ученик усвоил основные команды, за правильное выполнение которых получает в награду сахарный тростник. Только после этого начинается основной курс слоновьих наук. Через семь лет устраиваются «выпускные экзамены». К этому времени слоны должны знать около трех десятков команд, подаваемых на тайском и каренском языках, а также с помощью похлопывания палочкой и прикосновений коленей или пяток махаута к шее и ушам, и без запинки исполнять их. Например, уложить бревно на штабель. Одна и та же команда может быть отдана трем слонам их погонщиками тремя различными способами, но они обязаны выполнить ее абсолютно синхронно.

— Не подумайте, что для слонов жизнь в нашем центре — сплошная муштра, — сказал доктор Кинвуди. — Заняты они у нас, как и на государственных лесоразработках, шесть — восемь часов в день в зависимости от сезона. Каждую неделю им дается выходной да еще двухмесячные «каникулы», с марта до мая. Для слонов даже устраиваются концерты. Да, да, самые настоящие концерты. Иногда по вечерам махауты собираются на плацу и исполняют народные мелодии на бамбуковых флейтах и самодельных скрипках. И честное слово, создается впечатление, что слонам это нравится: они собираются вокруг и стоят, слегка покачиваясь и помахивая хоботами, словно настоящие меломаны.

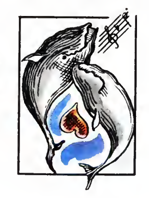
— А когда им стукнет шестьдесят, опять вернутся сюда, — добавил главный махаут. — У нас уже живут два «пенсионера». Большую часть времени они проводят в лесу, а в центр приходят два-три раза в неделю полакомиться сахарным тростником, бананами, подсоленными стручками тамаринда да полюбоваться на подрастающую молодежь...

Когда вечером в Лампанге журналисты садились на поезд, Дэнис Грей, взглянув на освещенные свечами глиняные домики с фигурками слонов перед ними, задумчиво произнес:

— Пожалуй, мистеру Рикетту не дождаться, чтобы в честь его «скиддеров» стали тоже ставить «пра пхум чао тхи»...

Рифмованные созвучия китов

Канадские и американские биологи более 20 лет записывали на магнитофон, а затем анализировали на ЭВМ весенние звуки «песен» горбатых китов. Ученые пришли к объективному выводу, что у китов существуют рифмоподобные созвучия. Ведь электроника очень точно выделила и усилила повторяющиеся фрагменты и их чередования. Конечно, это удивительно, но случайности тут нет. В рифмах скрыта какая-то биологическая информация. Смысл пока расшифровать трудно, но совершенно ясно, что ее структура эквивалентна рифмам.

Марина Николаева

КАК БЫЛ НАЙДЕН МОНИТОР

Разные причины побуждают людей искать затонувшие корабли. Одних влечет риск и азарт, других алчность — извлечь из трюмов погибшего судна золотые слитки, ценности; третьих толкает в путь бескорыстная страсть археологов. Поиск останков «Монитора» принадлежит, пожалуй, именно к последнему разряду подводных изысканий.

«Монитор»... В энциклопедиях и морских словарях это слово пишется без кавычек, так как обозначает класс кораблей — небольших бронированных военных судов с мощной артиллерией. Иногда их называют «речные крейсеры» или «речные линкоры» — за броню и огневую мощь. В историю Советского Военно-Морского Флота вошли мониторы «Железняков» и «Сунь Ятсен», отличившиеся в боях Великой Отечественной войны. В Киеве у мемориального причала навек застыл Краснознаменный монитор «Железняков».

Но мало кто знает, что первый монитор (в переводе с английского это слово означает «контролирующий») был построен по чертежам шведского эмигранта Джона Эриксона, того самого Эриксона, который известен в истории техники как изобретатель телефона. Что же заставило этого талантливого инженера заняться кораблестроением?

1861 год. Соединенные Штаты Америки охвачены Гражданской войной. Южане, вооруженные слабее, но лучше организованные, наносят северянам чувствительные удары на суше и на море.

В Белый дом — тогда из его окон можно было видеть в подзорную трубу отряды наступающих южан — дошли тревожные вести, что южане отремонтировали и превратили паровой фрегат «Мэрримак» в грозную стальную крепость. В бронированной надстройке-каземате разместилось восемь орудий калибра 152—229 мм. Этот закованный в латы корабль без труда разгромил отряд винтовых фрегатов северян, блокировавших порт Норфолк. О «Мэрримаке» заговорили как о стальном чудище, которое невозможно потопить и которое, возглавив эскадру южан, безнаказанно сможет обстреливать порты республиканцев. Вот тогда-то северяне начали срочно строить броненосцы. Эриксон, человек дерзостной инженерной мысли, взялся сконструировать «неприступную» паровую артиллерийскую крепость малого водоизмещения. В постройке «Монитора» было применено много технических новшеств. Эриксон посадил судно так глубоко, что палуба его едва выступала над водой. Правда, это ухудшило мореходность, но зато защищало корабль от вражеских снарядов. Корпус сужался единообразно с кормы и носа. Впервые в практике военного судостроения якорное устройство было размещено под палубой и за броней. Это защищало матросов, работающих на шпилях, от огня противника. Но самая главная особенность «Монитора» заключалась в том, что посреди корабля возвышалась вращающаяся артиллерийская башня, вооруженная двумя одиннадцатидюймовыми орудиями. Массивный броневой пояс охватывал корабль по всему периметру. Как и все новое, строительство корабля небывалой конструкции было встречено с недоверием. Чиновники из морского ведомства отнеслись к проекту «Монитора» весьма скептически. Но красноречие Эриксона, его расторопность, энергия преодолели рутину.

И «Монитор» был построен. Его спустили на воду 30 января 1862 года в Бруклине. А два месяца спустя буксир «Хэмптон Роудз» вывел глубоко сидя-

щую канонерку на ходовые испытания...

Президент Авраам Линкольн, осматривая диковинный корабль, честно признался: «Единственное, что я могу сказать, так это, как воскликнула девочка, сунув ногу в рождественский чулок: в нем что-то есть!»

Чтобы получить права гражданства, детище Эриксона должно было показать себя в бою. Решающая дуэль с флагманом флота южан броненосцем «Мэрримак» произошла 9 марта 1862 года, ранним вечером. Около четырех часов корабли били друг друга прямой наводкой, но мощь брони побеждала мощь снарядов. Получив незначительные повреждения, противники разошлись. Этот поединок завершил эру деревянных боевых кораблей, «закат» которой наметился еще в Крымскую войну, когда русский пароходофрегат «Владимир» вступил в бой с турецким паровиком «Перваз-Бахри» — первый в истории бой паровых кораблей. «Монитор» и «Мэрримак» провели, как считал Ф. Энгельс, первый в истории военно-морского искусства бой броненосных судов. Известный русский адмирал Г. Бутаков оценил его так: «Настало время железных флотилий... Вопрос о деревянных судах решен окончательно... Итак — броня, башни и тараны».

Второй поединок с броненосцем «Мэрримак» состоялся 7 мая 1862 года. В этот день «Монитор» после обстрела прибрежных фортов южан стоял в районе Норфолка. В час дня на борт корабля прибыл президент Линкольн, чтобы поздравить экипаж с успешным началом боевой жизни. Но уже через полчаса президент и сопровождавшие его лица были вынуждены сойти на берег. На рейде возник силуэт грозного «Мэрримака». Броненосец вновь бросал вызов новичку. Вызов был принят. После обмена залпами бронированная палуба «Монитора» загорелась. Но фактически ни тот ни другой корабль серьезно ни разу не пострадал.

Теперь самым отъявленным скептикам стало ясно, что «Монитор», судно нового типа, с честью выдержал проверку боем. И вскоре северяне построили для своего флота еще тридцать один монитор.

Судьба же родоначальника оказалась печальной.

В конце 1862 года пароход «Род-Айленд» взял «Монитор» на буксир и повел в Бофорт, где собирались сухопутные и морские силы республиканцев для штурма порта Уилмингтон. Прекрасная безветренная погода сопутствовала переходу до восхода солнца 30 декабря. В этот день, огибая предательскую «алмазную отмель» у мыса Хаттерас, командир «Монитора» Джон Бэнкхед отметил в вахтенном журнале нарастающее волнение с зюйдвеста. Последними, кто видел «Монитор», были моряки с военного корабля «Стейт ов Джорджиа», буксировавшие в Бофорт однотипный монитор «Пассейик». Им удалось прорваться в порт сквозь роковой декабрьский шторм.

Много позже моряк Френсис Баттс, спасшийся с «Монитора», рассказывал: «С восходом солнца ветер быстро переменился. Поднялись волны, и стало качать так, как качает только у мыса Хаттерас».

В 7.30 лопнул буксирный трос. Это было дурное предзнаменование. О нем поведал судовой журнал «Род-Айленда».

«Монитор» с трудом преодолевал водяные валы. В 9 часов он поднял на мачте сигнал «Застопорил машину». Затем медленно возобновил движение. Шторм усиливался. Волны накрывали «Монитор» вместе с рубкой и орудийной башней. Вода через вентиляционные трубы и машинные люки заливала броненосец. Буксирный трос натянулся до предела и мешал держаться против волны. Командир «Монитора» приказал перерубить его, и три смельчака вышли на палубу. Двух смыло за борт, третьему удалось перерубить канат. Но это не спасло положения. Механик сообщил безотрадную новость: несмотря на то что все помпы работают с предельной нагрузкой, вода в трюмах угрожающе поднимается. Командир приказал поднять на башне красный фонарь — сигнал бедствия.

На «Род-Айленде» спустили шлюпки, но они едва пробивались сквозь вспененные холмы разбушевавшегося моря.

В 11.30 на «Мониторе» отдали якорь, но якорь оборвал цепь и канул в пучину.

Помощник механика Жозеф Ваттерс, черный от копоти, прокричал в люк рубки, что вода гасит огонь в топках. «Монитор» доживал свои послед-

ние минуты. Водоотливные насосы без пара работать не могли.

«Тогда команда начала вычерпывать воду ведрами, — рассказывал позже счастливчик Баттс. — Корабль топило с носа. Из восьмидюймового клюза хлестала вода в шпилевые помещения, как из брандспойта. Но мы еще не сдавались. Мы передавали ведра по цепочке — из рук в руки, — а я выливал из верхнего люка артиллерийской башни. На стволе орудия сидел черный кот и отчаянно вопил. Его вой действовал на нервы. Я хотел его утопить... Но это сулило беду. И тогда я схватил его и засунул внутрь пушки. Истерический кошачий вой несся и оттуда».

«Монитор» медленно, но верно погружался. Спасшийся вместе с Баттсом казначей Вильям Келлер писал жене: «Горы воды перекатывались через палубу и пенились вдоль бортов. Шлюпки, присланные с буксира, швыряло, как щепки. Они не могли подойти к борту. Каждый спасался сам по себе. Голубой свет прожекторов «Род-Айленда» заливал гибнущий корабль, и эта леденящая душу картина никогда не сотрется в моей памяти». Капитан Бэнкхед спустился в каюту за шкатулкой с судовой кассой. Преданный вестовой последовал за ним. Оба едва успели выскочить. Бэнкхед, забыв, что долг капитана велит ему покинуть судно последним, спрыгнул в шлюпку, чудом подобравшуюся к «Монитору». Он кричал тем, кто цеплялся за башню, чтобы крепче держались, шлюпка вернется за ними. На борту несчастного броненосца оставалось еще одиннадцать человек. Но сделать второй рейс спасатели не успели. Когда до «Монитора» оставалось всего треть мили, гребцы увидели, как красный фонарь на орудийной башне исчез в волнах.

Капитан Бэнкхед сделал последнюю запись в судовом журнале, прихваченном вместе со шкатулкой: ««Монитор» погрузился в час ночи 31 декабря 1862 года в 25 милях южнее мыса Хаттерас на глубину в 31 сажень... Погибло 16 человек».

Свыше ста лет потерянный, но не забытый «Монитор» был объектом многих бесплодных поисков. С развитием океанографического оборудования попытки отыскать корабль-реликвию стали предприниматься все чаще и чаще.

Наконец старые судовые журналы и морская карта 1857 года помогли подводному археологу из Северной Каролины Гордону Ваттсу и журналисту Дороти Николсону определить навигационные знаки, существовавшие во времена «Монитора». Были также учтены морские течения и ветры, господствующие возле мыса Хаттерас. Все это позволило довольно точно наметить район поиска затонувшего корабля. Правда, на это ушли месяцы кропотливой работы. Но ее по достоинству оценило Национальное географическое общество, которое всячески поддержало новую экспедицию.

И вот в один из спокойных летних дней к мысу Хаттерас вышло исследовательское судно «Иствард». На его борту имелись два телесонара, подводные фото- и кинокамеры, поисковая гидроакустическая аппаратура. Предстояло исследовать прямоугольник общей площадью 96 квадратных миль. Но поиск осложнялся тем, что дно в этом гиблом месте, прозванном «кладбищем Атлантики», было усеяно обломками других кораблей, потерпевших крушение. А их, по самым скромным подсчетам, было около сотни. Только к концу первой недели были обнаружены останки 21 судна. Но их конфигурация не совпадала с обводами «Монитора».

Лишь однажды самописцы рекордеров вычертили нечто похожее на круглую артиллерийскую башню. Но это оказалась рубка затонувшего траулера.

Шли дни. Надежды отыскать «Монитор» таяли. «Иствард» бороздил северо-восточный участок района.

Фред Келли, руководитель группы океанографов, ловил с борта морских окуней. Он заглянул в ходовую рубку похвастать добычей и вдруг заметил краем глаза, как на бумажной ленте слабо прорисовалось какое-то изображение. Оператор-исследователь не обратил на нее внимания, хотя и не отрывал взгляда от окошечка рекордера.

— Эй, здесь что-то проглядывает! — воскликнул Фред и попросил капитана лечь на обратный курс. На борту «Иствара» находился известный физик из Массачусетского технологического института доктор Гарольд Эдгертон. Он спустил в воду бокс с особо чувствительным сонаром. Прибор подтвердил догадку Келли. На бумажной ленте возникло очертание судна с хорошо различимой кормой и носом. Явственно проступала круглая

конструкция, которая могла быть башней «Монитора».

Быстро спустили телекамеру. На черном песке морского дна, на глубине 70 метров, луч прожектора осветил распластанный блокшив. Телекадры взволновали всех: то, что показывала камера, очень напоминало известные изображения «Монитора».

Подводный археолог Гордон Ваттс посоветовал осмотреть поверхность настила, стальные листы и заклепочные отверстия. Камера долго изучала борт блокшива. И тут на экране отчетливо возник броневой узкий пояс корабля.

С помощью подводной фотокамеры археологи сделали свыше двухсот снимков, которые составили панораму места гибели «Монитора». Броненосец лежал дном вверх, с небольшим креном влево на глубине 73 метров. Фотомозаика хорошо передавала отличительные черты судна, построенного Эриксоном: зубчато заостренная корма, броневой пояс, выступающая сигнальная площадка. На ней можно было рассмотреть даже якорь, предательски оборвавшийся в роковые минуты. Опрокинутая орудийная башня привалилась под левый борт. Впрочем, этот круглый предмет вызвал ожесточенные споры. Одни считали, что это гребное колесо, другис утверждали, что это паровой котел... И только сопоставив диаметр круглой конструкции с шириной бронированной палубы и затем проверив это соотношение по построечным чертежам, исследователи пришли к выводу, что это, безусловно, орудийная башня «Монитора». Та самая, о которой писал казначей Вильям Келлер: «Во время битвы температура здесь достигала 140°, так как «Монитор» был сделан довольно примитивно, изобретатель мало позаботился о тех, кто будет жариться внутри железной коробки. Вентиляция, предусмотренная Эриксоном, помогала слабо. Зато в часы затишья мы вылезали на верхнюю палубу и там на свежем воздухе ели, пили, спали, коротали время, как могли».

С помощью мощных подводных светильников удалось рассмотреть даже рубцы, оставшиеся на башне после ударов вражеских снарядов. Теперь сомнений не оставалось: «Иствард» нашел «Монитор». Правда, не обошлось без потерь: видеокамера, опущенная с «Истварда», попала в сильное течение и разбилась об останки корабля. Но это не омрачило радости находки.

Гибель «Монитора» была смоделирована в бассейне с искусственными волнами. Причем, как оказалось, стальной двойник погибшего корабля сопротивлялся волнам лучше, чем сам броненосец. К сожалению, останки броненосца были так разъедены морской водой, что поднять их оказалось невозможно.

Теперь место гибели «Монитора» занссено в национальный реестр исторических памятников.

У моря вырвана еще одна тайна.

Памирское розовое масло

Ботанккн Таджнкнстана на практнке доказалн, что долнны блнз западных склонов Памнра вполне подходят для разведення розовых кустов. Там устойчнвый мнкроклнмат н каменнстые почвы, которые необходнмы этнм растенням.

Создаются первые плантацнн, где культнвнруются крымскне сорта, а также местные нзвестные с далекнх времен. Кстатн, в рукопнсных трактатах древннх таджнкскнх врачевателей сообщается, что масло среднеазнатскнх роз прнгодно не только для благовоннй, но н для лекарственных средств, например прн заболеваннях горла н желудка. Вскоре целебные напиткн на нектаре н масле роз будут выпускаться.

В.Саяпин

РУБИНОВАЯ ГОРА

На Востоке камням-самоцветам издавна дали поэтическое название «цветы земли». Среди них наиболее красивым и дорогим считался красный камень рубин. В ларцах восточных властителей он занимал самое почетное место. Например, в сокровищнице Великих Моголов рубинов было во много раз больше, чем алмазов или сапфиров, а знаменитый «Павлиний трон» был прямо-таки усыпан ими.

Рубин — не только прекрасный, но и загадочный камень. На солнце он сверкает, как яркая звезда, при луне светится таинственным живительным светом, исходящим изнутри. Там, в прозрачном лоне кристалла, рождается и горит сказочный неугасимый огонь. Когда глядишь на этот камень, невольно начинаешь верить, что он способен ловить и накапливать солнечное тепло. Неудивительно, что человеческое воображение, плененное необыкновенной красотой рубина, наделило его многочисленными магическими свойствами. В народе существует поверье, что рубин может врачевать сердце и мозг человека и даже отгонять чуму. На Востоке рубин считался священным камнем и был символом борьбы и жизни.

По древней индийской легенде, рубины образовались из капель крови, пролитой богами:

«Яркое солнце юга несет живые соки великого Асура, из которых рождаются камни. Налетает на него ураганом вечный соперник богов царь Ланки. Падают капли тяжелой крови на лоно реки в глубокие воды, в отражение прекрасных пальм. И называлась река с тех пор Раванагангой, и загорались там капли, превращенные в камни рубина, и горели они с наступлением темноты волшебным огнем...»

В легенде точно указано место рождения камня — Ланки, одно из названий Цейлона — «острова драгоценностей». Это, очевидно, та самая легендарная страна Офир, откуда царь Соломон вывозил на кораблях драгоценные камни и слоновую кость. Названа и река, в ложе которой в россыпях гравия с давних пор добывают аметисты и сапфиры, аквамарины и горный хрусталь, топазы и турмалин и особенно много красных самоцветов — граната, лала, рубина.

Однако Цейлон не был единственным местом, откуда древние брали драгоценные камни. Они добывались и на Памире, свидетельство чему — старинные копи Кухилала. Рудник находится в 45 километрах к югу от Хорога, на правом берегу Пянджа, у кишлака Кухилал, что значит «рубиновая гора». Двенадцать веков подряд разрабатывались здесь залежи замечательных минералов, которые казались поистине неисчерпаемыми и были заброшены лишь в конце прошлого века. Сотни штолен и шахт остались от древних разработок, некоторые из них полуразрушены и завалены осыпавшейся землей. Предание об открытии месторождения дошло до нас из глубины веков.

...Сколько лет существует кишлак Кухилал — не знает никто. Знают только, что он стоял здесь еще до открытия залежей и не носил своего современного названия — Рубиновая гора. Его жители, как и все население Памира, занимались своими привычными делами, не подозревая, что ходят в буквальном смысле по сокровищам. Но однажды ночью кишлак был разбужен сильными подземными толчками. Шедший издалека гул ширился и нарастал, и вдруг страшный грохот потряс все вокруг. Где-то, совсем недалеко, произошел обвал. Первыми это обнаружили женщины, увидевшие на месте обвала расколовшуюся гору. А когда взошло солнце, обнаженный склон горы вдруг вспыхнул и засиял — это отразили свет вскрытые землетрясением драгоценные камни — рубины и лалы. Ярко-красные, они лучились и сверкали, и не было ничего прекраснее этих камней...

То, что бадахшанские рубины появились на свет и приобрели известность

Художник В. Роганов

лишь благодаря очень сильному сотрясению земли, — факт достоверный. Об этом свидетельствуют не только устные сообщения, но и письменные источники.

«Об открытии этого драгоценного камня впервые узнали, когда во время одного землетрясения там раскололась и разделилась на части гора, земля же так сотряслась, что обрушились громадные скалы, и все на этом месте перевернулось вверх дном, тогда-то и обнаружился лал», — говорит ал-Бируни.

А вот как об этом пишет Аракел Даврижеци в «Книге историй»:

«Недалеко от Бадахшана находилась высокая гора, гора эта от землетрясения рассеклась, и божьим чудом оттуда появились лалы. Лучшие лалы, встречающиеся у людей, происходят оттуда, таких нигде больше нет».

Это было действительно уникальное месторождение. Богатейшие залежи первоклассного драгоценного камня прославили на весь мир до того никому не ведомый уголок земли — высокогорный район Памира, названный Бадахшаном. Не случайно итальянец Марко Поло, посетивший Памир в 1277 году, назвал здешние лалы «балашами», произведя это слово от названия Бадахшан. Отсюда и современное ювелирное наименование красной шпинели — рубин-балэ, то есть рубин из Балаша.

Открытие бадахшанских лалов относят обычно к VIII веку. Такую дату определил, например, арабский историк X века Макдиси. Одним из первых, посвятившим свое сочинение рубиновым копям, был русский исследователь Памира И. Минаев. Его книга «Сведения о странах по верховьям Амударьи» была выпущена одним-единственным изданием в 1879 году. В ней, в частности, сообщается, что Горан — «Пещерный край» — простирается на 24 мили по обоим берегам Пянджа. Эту небольшую долину реки Минаев связывает с древними выработками. Название же Кучи-Горан — «малые пещеры», которое он приводит, относится, вероятно, к зияющим отверстиям колодцев и ям, оставшихся от заброшенных копий. Предполагают, что Гораном называли когда-то и сам кишлак Кухилал.

Геологические исследования месторождения лала были начаты горным инженером А. Михайловым в 1897 году. Через шесть лет русский офицер

Д. Топорнин посетил копи Кухилала, спускался в некоторые шахты и произвел их описание. В 1928 году копи подробно осмотрел и описал А. Лабунцев, который выделил две группы выработок на горе Кухилал и отметил еще небольшое месторождение благородной шпинели у кишлаков Шамбеде и Сумджин. После продолжительного перерыва, в 1962 и 1965 годах, археологическое обследование рудника Кухилал было произведено Таджикской научной экспедицией, обнаружившей там свыше 450 древних выработок. Наиболее древние из них находятся на западном склоне горы Кухилал и представляют сложную систему ходов глубиной до 50 метров, объединяющую множество залов высотой до 8 и длиной до 20 метров. На стенах залов сохранились следы от ударов железными инструментами.

Сейчас поиски бадахшанских лалов возобновились. Геологи Кухилалской партии ведут на Памире разведывательные работы с попутной добычей шпинели. В горах Ишкашимского хребта, в районе Горандары и Ямчина, обнаружено несколько новых выходов минерала. Упорный и кропотливый труд таджикских геологов уже увенчался большими успехами: совсем недавно был найден небывалый по размерам кристалл прекрасного ярко-розового лала. Его вес — более пяти килограммов. До него самым большим красным камнем Бадахшана считался рубин, поднесенный в свое время в дар Тимуру. Он весил всего 120 мискалей — 0,5 килограмма.

На Памире о месторождении лалов говорят так: «Голова рубинов в Ямчине, сердце — в Сумджине, а ноги — в Кухилале». Если привязать эти ориентиры к карте местности, то расстояние между ними получится внушительное. Чтобы выявить эти подземные сокровища, незачем ждать очередного землетрясения.

«Мы убеждены, что новая техника откроет новое месторождение, и снова шпинель и рубин Памира вольются красным потоком в семью наших самоцветов».

Будем надеяться, что эти слова, сказанные «поэтом камня» академиком А. Е. Ферсманом, станут пророческими.

На зимовку в Булонский лес

Многие наверняка и не подозревают, что наши серые вороны относятся к перелетным птицам. Отсутствие зимой скворцов и малиновок хорошо заметно. Еще ранней осенью они сбиваются в стаи и постепенно откочевывают на юг. А вот ворон на деревьях совсем и не убавляется. Их число и зимой и летом одинаково. Такой факт и вводит в заблуждение.

Однако ученым доподлинно известно, что вороны регулярно делают дальние перелеты. Одни стаи сменяют другие. Кольцевание показало, например, что вороны Ленинградской и Новгородской областей улетают осенью во Францию. Там они и зимуют, а их место занимают стаи с северных окраин Кольского полуострова, для которых берега Невы — более теплые края. Весной снова происходит смена стай.

Жужжащие экологи

На основе продолжавшихся много лет исследований сотрудники Института микробиологии Академии наук НРБ доказали, что три пчелиные семьи могут дать очень точную и широкую информацию о степени загрязнения окружающей среды. Они справятся с этой работой там, где есть фабрики, значительно оперативнее, чем санитарно-экологические станции, оснащенные целым комплексом приборов.

Служба контроля не в состоянии ежедневно брать пробы с такого большого числа участков, как это делают пчелы. Опускаясь на тысячи растений, они приносят в улья не только пыльцу, но и различные вещества, оседающие на цветках и листьях. Подвергая химическому и спектральному анализу «добычу» насекомых, можно определить зоны распространения и концентрацию различных веществ из промышленных выбросов.

Судьба итальянских волков

В Италии волки занесены в Красную книгу. Не так давно зоологи смогли убедиться, что виноваты в постоянно уменьшающемся количестве серых хищников отнюдь не охотники и не браконьеры. У волков появились четвероногие конкуренты. Подсчитано, что на Апеннинском полуострове ныне обитает около 850 тысяч одичавших собак. В некоторых горных районах, где раньше жил один волчий выводок, теперь бродит до 310 диких собак. Конечно, они уничтожают все, что могло бы быть пищей хищникам. Кроме того, они объединились в стаи и смело вступают в борьбу даже с матерыми волками.

Как утверждают ученые, дикие собаки ныне составляют для породы волков и так называемую генетическую конкуренцию. Происходят «смешанные браки», в результате которых преобладают щенки с явно выраженными чертами различных собачьих пород.

Отстрел одичавших собак, который крайне необходим, запрещают общества охраны животных.

Тридцатилетний тунец-гигант

Итальянский рыбак-любитель Альдо Пуджини привлек своим уловом внимание ихтиологов. В Адриатическом море ему удалось выловить тунца, которого потом пришлось взвешивать в присутствии нотариусов. Точная цифра понадобилась ученым для внесения в учебники по морской биологии.

Рыба была длиной 3,1 метра, а весила 373,5 килограмма. Специалисты признали, что тунец такого веса встретился им впервые, но для осторожности добавили: «Впервые в Европе». Ихтиологи определили возраст рекордсмена в 30 лет.

Кабаны и птичьи трели

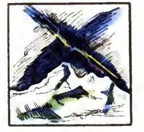

Сперва было замечено странное явление: в заповедниках, где под охрану взяты кабаны, стало тише, число пернатых певуний уменьшилось. Кто же в этом виноват?

Последовали экспедиции экологов, а затем в американской печати появились отчеты, из которых следует, что защита кабанов в заповедных зонах без строгого регулирования их численности приводит к нежелательным изменениям в экосистеме. Семейства этих животных быстро растут, они мигрируют и при этом перекапывают и портят почвенный покров на 88% площади. Там перестают расти травы и кустарники, почва пересыхает, из нее безвозвратно уходят азот и калий. Отсюда и серьезные многолетние нарушения в среде обитания других животных.

По мнению ученых, число кабанов на единицу площади должно быть примерно в 10 раз меньше, чем считалось до сих пор. Ведь у этих животных в заповедниках нет естественных врагов.

Гималайский феномен

Внимание ученых к грозовым тучам привлечено со времен Аристотеля. Казалось бы, ничего неожиданного открыть уже нельзя. Однако кое-что совершенно новое удалось обнаружить индийским метеорологам, проводившим свои наблюдения в отрогах Гималаев. Они открыли необычный природный феномен. Оказалось, что из 10 тысяч зафиксированных приборами молний 124 давали потоки нейтронов. Детекторы частиц показали это со всей очевидностью. Явление новое. Но как его объяснить?

Физики из Дели, проанализировавшие данные приборов, пришли к выводу, что нейтроны появились в результате кратковременных термоядерных реакций. В свою очередь из этого следует, что грозовые тучи производят больше шаровых молний, чем это можно было предполагать до сих пор.

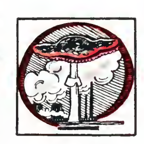
Сибирский кофе

Центральный Сибирский ботанический сад, расположившийся на окраине знаменитого Новосибирского Академгородка, провел отбор редких декоративных растений. На этот раз цель ботаников сугубо практическая — озеленение внутренних помещений научных лабораторий и заводов, школ и больниц, учреждений и жилых квартир. Среди отобранных видов — цветущие экзотические растения, лианы, кофе и лимоны.

Первые опыты показали, что кофе в горшочках с хорошей землей зацветает на четвертый год. Белые цветки удивительно красивы. При определенном старании можно получать плоды. Сами ботаники уже испробовали ароматный напиток из зерен, полученных в Сибири.

Выработаны рекомендации по уходу за нежными южными растениями. В Академгородке нашлось много желающих разводить дома лимоны и кофе, африканские цветы и южноамериканские декоративные растения.

Берегитесь мухоморов!

Подготавливая новый каталог ядовитых грибов, растущих на территории ФРГ, биологи из Саарбрюккенского университета решили перепроверить степень ядовитости красных мухоморов. Анализ на приборах объективно показал, что эти грибы приобрели повышенную токсичность. Но почему?

Последовали новые анализы, включающие и проверку почвы. Оказалось, что мухоморам «понравились» тяжелые металлы, которыми в изобилии их теперь снабжают индустриальные дымы и выхлопные газы автомобилей. Среди этих металлов — кадмий, свинец, ванадий. В тканях грибов они переходят в очень опасные органические соединения.

Итак, остерегайтесь мухоморов больше, чем раньше.

Перепись зеленых старожилов

Работа оказалась не из легких, когда болгарские ботаники решили взять на учет самые старые деревья своей республики. Помогали им этнографы, собиравшие легенды, связанные с древними зелеными великанами. Оказалось, что подавляющее число сказаний очень точно указывает возраст дубов, платанов, тополей. Например, подтвердилось, что дубу, растущему в селе Гранит, именно 1637 лет. Всего на 20 лет его моложе дуб под названием «Слон», растущий в центре села Тодювцы. Диаметр его ствола — 2,67 метра. Кстати, он относится к редкому сейчас виду балканского дуба, и лесники уже думают о его разведении на пустошах.

Среди других редких деревьев взят на учет вяз высотой 25 метров. Ему всего 290 лет, но в Европе этот вид найдешь лишь в ботанических садах. Взята на учет и балканская сосна, которая сохранилась лишь в Болгарии. Ее возраст — 800 лет. Обнаружен тополь 300-летнего возраста, а также платан, которому 700 лет. Легенда утверждает, что зарубки на нем сделаны мечами крестоносцев. Самый старый ясень растет близ шоссе у города Свиленград. Высота его — 21 метр, а диаметр ствола более 9 метров. Согласно древнему преданию, его посадили по приказу турецкого султана 300 лет назад.

Такие деревья не только переписаны, но и получили «первую помощь». Они подлечены ботаниками.

Факты подобраны *Германом Малиничевым*

Моделирование «ядерной зимы»

Среди метеорологов, климатологов, специалистов по физике атмосферы продолжает дискутироваться проблема возможных природных последствий в случае конфликта с использованием термоядерного оружия. Известна, в частности, распространенная ныне гипотеза «ядерной зимы», предусматривающая в подобных обстоятельствах возникновение интенсивных пожаров, выброс массы продуктов горения в воздушное пространство и «перекрытие» ими солнечного излучения на срок, достаточно долгий, чтобы вызвать существенные климатические изменения в региональных или даже в глобальных масштабах.

Однако конкретные характеристики подобной катастрофы, ее масштабы все еще остаются неясными. В связи с этим в августе 1985 года группа специалистов из Канады и США провела полевой эксперимент, в ходе которого на площади 650 гектаров, в районе севернее Су-Сент-Мари (провинция Онтарио, Канада), искусственно вызван крупный лесной пожар. Пораженный вредителем здешний еловый лес так или иначе подлежал сожжению, и ученые использовали это обстоятельство для моделирования условий, следующих за атомным взрывом в природной среде.

Зажигательная смесь была сброшена с вертолета сперва в центре мертвого леса, после чего вертолет удалялся от этой точки по спирали, поджигая все новые площади. Концентрический характер охваченной огнем области привел к тому, что воздушные массы устремлялись внутрь ее, а не наружу, тем самым предотвращая дальнейшее распространение пожара.

Кроме того, это привело к образованию мощной вертикальной конвективной дымовой колонны, некоего подобия небольшого грибообразного облака.

Все это позволило собрать уникальные данные о движении воздуха, вызываемом пожаром, образовании сажи и других продуктов сгорания, их распространении и способности поглощать солнечное излучение. Собранная информация обрабатывается.

Оценка состояния среды

Организация экономического сотрудничества и развития, в которую входят 24 государства Западной Европы, Северной Америки и Японии, опубликовала отчет о динамике состояния природной среды между 1979 и 1985 годами.

Отмечается, что ряд мер, принятых для охраны природы в последнее пятилетие, оказался плодотворным. Так, несколько уменьшилось загрязнение рек, воздушного пространства в городах, усовершенствовалась система обработки бытовых и промышленных отходов и улучшилась охрана выдающихся памятников природы и местностей. Можно также говорить об известном прогрессе в деле предупреждения и борьбы с разлитием нефти, выброса стойких химических веществ в атмо-

сферу и сохранения отдельных видов флоры и фауны, находящихся под угрозой.

Однако все эти довольно скромные достижения распределяются по региону весьма неравномерно, и в некоторых странах положение остается на неудовлетворительном уровне. Так, Северная Америка, площадь которой составляет лишь 16,3 процента всей площади мировой суши, ответственна за 45 процентов окиси углерода, поступающей в атмосферу, и 52 процента вносимых в среду пестицидов. В странах Западной Европы (площадь — около 7 процентов мировой суши) 53 миллиона человек живут в местности, где шум транспорта достигает опасного уровня 65 децибел.

Вызывают тревогу нерешенная проблема дальнего переноса выбрасываемых энергетическими установками, работающими на сжигаемом топливе, веществ, загрязняющих атмосферу, а также растущая концентрация в ней CO_2 с ее еще неясными метеорологическими и климатологическими последствиями. Все еще остаются нерешенными задачи борьбы с загрязнением поверхностных и подземных вод и эвтрофикацией озер.

Продолжается слабоконтролируемый сброс отходов в море и загрязнение его находящимися на суше источниками нефтепродуктов. Особую заботу вызывает в этом аспекте состояние некоторых морей, в том числе Средиземного и Балтийского. Требуются более активные меры для обнаружения и ликвидации заброшенных и потайных свалок, содержащих токсические вещества.

В то время как состояние воздушного пространства и поверхностных вод суши, а в меньшей степени и прибрежных вод моря можно считать взятым под довольно надежный контроль, почва и подземные воды все еще загрязняются зачастую почти бесконтрольно. Многие страны продолжают страдать от гибели лесов в результате продолжающегося загрязнения атмосферы окисями серы и азота, фотооксидантами и частицами металлов. Существует опасность нарушения экологического баланса вследствие введения в регион новых для него видов растительности из областей с иными климатическими условиями. Разнообразие растительных и животных видов в регионе в результате антропогенной деятельности уменьшается.

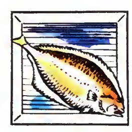

Авторы отчета считают, что медленный прогресс в деле охраны и очищения природной среды от загрязнения связан с общим неудовлетворительным состоянием хозяйства стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития. Кроме того, следует учитывать инерционность всей этой системы, приводящую к тому, что результаты принимаемых мер становятся заметными лишь спустя довольно длительное время.

Искусственное разведение палтуса возможно

Значительный перелов привел к тому, что палтус стал сравнительно редким: цена его на международном рынке ныне вдвое превышает стоимость лосося.

Попытки искусственного разведения этой рыбы до

сих пор были безуспешными. Лишь однажды их личинки были доведены до стадии метаморфоза, но молодь погибла через несколько суток.

Чаще же всего личинки гибнут на более ранней стадии, так как у них не развивается ротовое отверстие. Специалисты обычно объясняют это тем, что личинки, содержащиеся в бассейне, тратят большую часть запасенной ими энергии на то, чтобы отталкиваться от его стенок. Однако возможны и другие объяснения. Подробности жизненного цикла этого вида изучены весьма слабо, так как его личинки проводят время в глубоководных районах океана.

Первый успех в области разведения палтуса недавно достигнут ихтиологами Морской станции аквакультуры под Бергеном (Норвегия), где две особи благополучно были доведены до взрослого состояния.

Икра палтуса была осеменена искусственно, затем личинки поместили в большие пластиковые мешки и погрузили их в море. После того как у рыб развилось ротовое отверстие, их стали кормить личинками.

При кажущейся незначительности масштабов этот эксперимент впервые доказал принципиальную возможность искусственного разведения палтуса. Лаборатория Управления морского рыбоводства в Шотландии уже приняла решение последовать примеру норвежских ихтиологов.

Глубоководнейшее из растений

Выполняя очередной спуск на погружаемом исследовательском аппарате в водах западной части тропической Атлантики, сотрудники Национального музея естественной истории при Смитсоновском институте (Вашингтон, США) Марк М. Литтлер, Дайана С. Литтлер и Джеймс Норрис обнаружили неизвестный науке вид растения.

Принципиальная важность открытия состоит в том, что растение — макроскопическая (то есть видимая невооруженным глазом) пурпурная водоросль, образующая нарост на коралловых постройках, — обитает на глубине почти 270 метров, что является «глубинным рекордом» для любого известного растения. До сих пор глубже 180 метров под уровнем моря ни одного из растений ученым наблюдать не приходилось.

Место находки представляет собой вершину еще не нанесенной на карту подводной горы непосредственно к северу от о. Сан-Сальвадор, входящего в архипелаг Багамских островов. Новооткрытое растение встречается здесь в изобилии.

Генетика против слепней

Скотоводам Австралии слепень причиняет убытки, достигающие 150 миллионов долларов в год. Борьба с кровососущим насекомым, личинки которого портят чуть ли не каждую третью овечью шкуру, стала, можно сказать, национальной задачей.

В сентябре 1985 года энтомологи в широких масштабах начали применять в этой борьбе генетический метод.

В течение семи месяцев на остров Флиндерс, лежащий южнее побережья штата Виктория, с самолета было сброшено... 60 миллионов (это более 6 тонн) личинок этого вредителя.

Сбрасываются только самцы, родители которых предварительно облучаются гамма-лучами. В результате генетическая характеристика потомства нарушается, и они становятся мутантами. Из них отбирают лишь тех, которые отвечают требованиям ученых.

Насекомых повторно скрещивают со слепнями, изловленными в поле, пока потомство не закрепит нужные людям «пороки», но в остальном окажется вполне жизнеспособным.

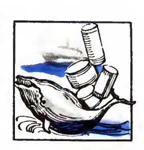
Самки слепня спариваются лишь один раз. Если на острове Флиндерс это случится с одним из самцов-мутантов, то, во-первых, детеныши вылупятся только из половины личинок. А во-вторых, у всех вылупившихся самцов несколько хромосом будет нарушено так, что они окажутся частично стерильными.

Если же вылупится самка, то она окажется носительницей мутаций, которые в потомстве вызовут врожденные болезни, чаще всего слепоту.

Жизненный цикл этих насекомых — всего три — семь недель, так что не пройдет и четырех месяцев, как ученые будут знать, насколько их эксперимент успешен.

А пока что остров Флиндерс находится под странной «бомбежкой»...

Китов отравили?

Летом 1984 года у Тихоокеанского побережья США за короткое время было обнаружено восемь трупов серых калифорнийских китов. Это не могло не вызвать тревогу среди тех, кто охраняет природу моря.

В своем большинстве эти огромные млекопитающие, подлежащие охране, проводят лето, кормясь в арктических водах, а затем перемещаются на юг вдоль тихоокеанских берегов Америки, пока не достигнут мелководных лагун Нижней Калифорнии (Мексика), где они приносят потомство.

Однако так ведут себя не все киты. Некоторые особи — особенно это касается молодняка — далеко на север не заходят, и летом их нередко видят в водах, омывающих штаты Орегон и Вашингтон (Северо-Запад США) и провинцию Британская Колумбия (Канада).

В 1984 году немалое число серых китов наблюдали в проливе Джорджия, отделяющем о. Ванкувер от берегов Канады и США, и в заливе Пьюджет-Саунд (штат Вашингтон). Отмеченная при этом высокая смертность, очевидно, касалась как раз здешней популяции.

Исследовавшие случай представители общественной организации «Гринпис» («Зеленый мир») связывают его с тем, что в марте 1984 года в воды реки Серпентайн, впадающей в залив Джорджия, было сброшено большое количество продовольственных консервантов, содержащих пентахлорфенолы и тетрахлорфенолы. Подтверждением тому служат результаты анализа тканей двух погибших китов, выполненного группой сотруди-

ков Центра по изучению морских животных в Сиэтле (штат Вашингтон). В обоих случаях он показал присутствие небольшого количества указанных химических веществ наряду с другими загрязняющими агентами.

Установить, являлось ли именно это причиной гибели животных, трудно, так как уровень концентрации, являющейся для них смертельной, еще не определен. Впрочем, у одного из китов обнаружено существенное повреждение печени, что указывает на возможность острого отравления.

Представители организации «Гринпис» призвали органы, отвечающие за охрану среды в Канаде и США, провести изучение химического состава донных осадков у пролива Джорджия, чтобы выяснить, есть ли там ядовитые вещества. Это необходимо сделать до того, как весной через эти воды начнется миграция китов на север.

Почему дельфины и кораллы гибнут?

Вскрытие тел 27 дельфинов-бутылконосов, погибших у берегов штата Калифорния (США), показало, что в их тканях содержатся большие количества инсектицидов ДДТ и полихлорированных бифенилов. Так как ДДТ был запрещен к употреблению на всей территории США еще в 1972 году, можно предполагать, что источником этого вещества в данном случае явились другие государства бассейна Тихого океана.

Выступая на конференции Международного общества по исследованию рифов, научный сотрудник Школы морских и атмосферных наук им. Розенштиля при Университете в Майами (штат Флорида, США), д-р Питер Глинн сделал обзор состояния коралловых построек во всем мире. Его заключение весьма неутешительно: за последнее время многие коралловые сооружения в восточной части Тихого океана сильно пострадали вследствие существенных температурных аномалий, связанных с явлением Эль-Ниньо — необычно интенсивным движением крупных разогретых водных масс из экваториальной части Тихого океана в сторону западного побережья Южной Америки.

У берегов Панамы кораллообразующие полипы во многих местах вымирают из-за высокой концентрации в среде их обитания продуктов, входящих в состав гербицидов. От 50 до 80% случаев гибели кораллов здесь отмечается в пределах тех рифов, которые находятся вблизи активно используемых сельскохозяйственных угодий.

Наблюдения показали, что некоторые виды таких полипов не способны переносить в течение хотя бы одних суток концентрацию гербицида 2,4-Д, превышающую хотя бы 0,1 части на 1 млн. частей.

Информация подготовлена
Борисом Силкиным

Александр Рогов

У ПОРОГА — ТИХИЙ ОКЕАН

Пять недель ровный и неумолчный шум океана входил в наш быт. В начале он вызвал тревогу, неуспокоенность: было ощущение того, что грозная водная стихия предупреждает о бесполезности намерений проникнуть в ее суть, познать интересующую нас загадку. А надо всего лишь заглянуть под воду и выполнить задание ученых: обследовать запасы морской капусты — ламинарии в местах интенсивной ее добычи и провести подводное фотографирование растений в этих местах.

Для выполнения задачи нужно четкое взаимодействие исследователей и добытчиков, а добиться этого трудно: надо разметить на водной океанской поверхности полигон для работы и проводить ее поэтапно. Сначала водолазы отыскивают наиболее характерное угодье, затем размечают его и проводят оценку запасов, и наконец можно приступать к сбору морепродукта. Но это не все: требуется еще одно обследование бывшего места сбора для определения остатков водорослей — будущих прародителей нового урожая, а это самое главное в задании. Необходимо знать ресурсы промысла, не истощать природу. Добытчики из местного рыбколхоза «Родина» подходят к делу по-хозяйски, они планируют на перспективу стабильные сборы урожая и хотят оставить после себя плодоносящую ниву.

Более 25 лет я и мои товарищи из столичного клуба «Дельфин» с аквалангами и фотоаппаратами изучаем мир за голубым порогом. Большинство морей, с которыми удалось познакомиться, имели суровый климат и неспокойный нрав. За это время наши фотоархивы пополнились подводными снимками обитателей Белого, Берингова, Баренцева и Японского морей, но удастся ли проникнуть в океан и сделать в его владениях подводные снимки?

Из окна одинокого домика, стоящего вблизи полосы прибоя, виден Тихий океан, но «тихим» его назвали люди наверняка сильной воли и уверенные в себе. А может быть, им — спутникам Магеллана — просто повезло с погодой? У нас тишины не предвиделось, океан нам представился грозным, он шумел и катил на берег волну за волной, посылая на сушу дожди, обволакивая свои владения туманом и обрушиваясь тайфунами. В этих условиях мы и должны были выполнить работу, а для этого нам надо добывать морскую капусту на уровне профессионалов, ведь всю работу, как стало ясно всем — и ученым и хозяйственникам, сможет провести только одна бригада, члены которой и под воду ходят, и капусту могут собирать.

Местные сборщики работают с поверхности, плавают в плоскодонных лодках-кунгасах и вытаскивают из воды длинные ленты ламинарий специальным орудием — канзой. Это приспособление, как и коса, имеет древнюю историю, да и внешне похоже на косу: на прочный шест насажен стальной крюк, которым добытчик — канзец не срезает, а выдергивает ростки морской капусты. Канзец работает как бы на ощупь, он отыскивает подводные растения, поднимая и опуская крюк, который может зацепить, а может и промахнуться. Видеть истинной подводной картины морской «косец» не может, ведь его ведет вперед только опыт и предчувствие.

В таких условиях нам отводилась роль экзаменаторов: предстояло оценить под водой результаты работы канзарей, но случилось так, что мы прибыли на Курилы в разгар добычи морской капусты. Все местные бригады были заняты делом, и помочь нам своим участием в эксперименте не могли. Поэтому мы и стремились стать универсальной добывающе-разведочной группой, которая по ходу дела меняет специальность и рабочую оснастку.

Неделя ушла на подготовку, пришлось обкатать новые подвесные моторы «Вихрь», изготовить крюки для канз, уключины для весел и другую мелочь, необходимую для работы в прибрежной полосе океана, в том месте, которое было выделено руководством рыбколхоза «Родина», взявшим под свою опеку эксперимент. Нам выделили кроме плавсредств и моторов еще и рацию для связи с диспетчерской, продукты питания, горючее для «Вихрей» и жилье — дом для рыболовецкой бригады, стоящий на побережье океана, в устье речки Филатовки.

Итак, наше дело приобретало конкретный, более глубокий смысл: научные поиски и живой промысел зримо работали на Продовольственную программу страны.

Получив от рыбколхоза материальные средства для добычи морепродукта и моральную поддержку при проведении эксперимента, мы должны были оправдать средства, потраченные на обеспечение: выполнить план по добыче ламинарии одной бригадой в течение месяца, а это сделать было не просто.

Наконец работа начинается, мы на месте, в заливе, куда впадает Филатовка, а вокруг не обжитой человеком край. До ближайшего населенного пункта не менее 50 километров по берегу, который в часы отлива становится единственной сухопутной дорогой к нам, доступной только вездеходу: уплотненный волной песок прочен, но многочисленные речки и ручьи, впадающие в океан, преграждают устьями путь другому транспорту. Чувство первооткрывателей не покидает нас, хотя эти места посещали специалисты: промысловые запасы и биология морской капусты достаточно изучены. Но сам промысел пока еще не поставлен под научный контроль, начало этому и должны положить мы.

Курилы... Название это становится понятным, когда видишь, как из-под ног срывается легкий парок: земля здесь курится, и в летнюю пору это особенно заметно. Тепло, весь остров покрыт яркой зеленью разнотравья, кустов и деревьев.

Среди буйных трав желтеют лилии-саранки и жарки, на полянах цветет шиповник и синеют ирисы. В непролазном лесу белеют стволы каменных берез и пробкового дуба, а стволы елей и пихт обвивают цепкие лианы. По берегам быстрых речек — непролазные заросли двухметровых лопухов, могучие листья которых напоминают зонты. Легкий парок над песчаными пляжами и горячими речками сигналит об огненных процессах, идущих в недрах земли. Дремлет вулкан Тятя, из кратера которого виден только легкий дымок, но надолго ли уснул он?

Местные жители и гости острова получают удовольствие и, наверное,

пользу, купаясь в термвльных водах мииеральных источников. И характерио: пахнущая серой и железом горячая водв снимает уствлость, накопившуюся за трудный переход к целебной вание, придает бодрость и силы иа обратный путь. Это утверждеине основаио иа нашем личиом опыте. Источиик горячей минеральиой воды, который мы посещали после трудового дия, был имеиио таким.

Вблизи устья Филатовки, твм, где мы проводили работы, обильиы заросли ламииврии. В отлив огромные поля морской капусты появляются иа поверхиости, шевелясь в волиах, как хвосты иевидаииых животных. Издали их можио приият за рыбьи стаи, идущие вдоль берегв, ио, извиваясь, остаются оии на одиом месте, выдавая зтим свое происхождеиие. Наиболее удобные для обследоваиий обиажеиия водорослей были взяты иами иа заметку.

Первое погружеиие, как всегда, прииосит миого нового. Вот и зто показало, что иет двух рввиых, похожих друг иа другв спусков с аквалвигом под воду: перед маской проиосились взвд и вперед, подчиняясь рнтму океаиской волны, разлохмачеиные ленты ламиидарий, пучки фукусов и клубки других бурых водорослей, обильио перемешаиные с песчаиой взвесью. Предположения подтверднлись: обследоввиия и съемка потребуют приспособиться к этим условиям, используя опыт и проявляя сиоровку, ио стало ясио и другое — погружвться и работать можио.

Постепеиио все легководолвзы нвучились держаться под водой вблизи ивмеченных участков, иаучились вести учет и фиксировать количество и разновидиости водорослей, которые будто специальио взбунтовались и ие желвли быть подсчнтаиными. В результате были составлеиы ориентировочные карты морского днв, которые мы отметнли пнтопленными буйквми.

Проведя первый этап работы, мы приступили к второму, который был иаиболее трудоемким, — мы стаиовились тружеииквми морской нивы — сборщиками урожая. Сложиость сбора ламинарин ие только в трудоемкости: «листья» — слоевища водоросли длииой более 10 метров, свнтые волной в пучок, — ие только тяжелы, но упругн, мокры и скользки. Их ивдо втащить в лодку, котoрвя раскачивается иа волнах, оторвать от диа и уложить, подготовив к упвковке. Теперь осевший в воду кунгас надо отогивть к плавбазе, которую частеиько прячет тумаи, причалить к ией и, взлетвя нв волнах у крутого ее борта, разгрузиться.

Работали все светлое время суток, ио больше одной ездки к плавбазе в первое время сделвть ие успевали. Но пришел опыт, и бригада могла уже похвалиться двумя ездками, а это уже плвиовое задание. После трудового дия добытчики выглядели утомлеиными. Лишь после иебольшого отдыха все приступали к переодеваиию и сушке одежды. Шутливая борьба за теплое место у печки, ремонт робы, залечиввиие ссадии и мозолей от шеста каизы — и группв могла приступить к ужииу. И если к этому времени бригадир закаичивал радиопереговор с диспетчерской «Родииы», то обильиая трапеза иачииалась.

Наш старшой — Елизвров Костя — доклвдыввл о колнчестве добытой ламииврии и получал прогиоз погоды на грядущий деиь, а соответствеиио и возможиое «добро» на выход в океан. Мы с удовольствием слушали, как в зфир иеслось: «Креветка! Креветка! Я — Креветка 6», — далее следовал свист, треск и шорох в зфире, и ивчинался взвимный обмеи информацией.

Ну а что же морская капуста? Былв ли оиа ив нашем столе, тот продукт, который требоввл стольких усилий, достоии ли был ои, чтобы подать его ие как зкзотическое блюдо, а как сытную и вкусную пищу? После экспедиции мы могли сказать твердо: «Да!»

На плавбазе — большом морозильиом траулере, где всю прииятую от

сборщиков морскую капусту перерабатывали: промывали, мелко шинковали, упаковывали и замораживали в брикетах, нам дали несколько рецептов приготовления этого необычного для нас продукта. По одному из них мы приготовили тушеную ламинарию. Для этого на полведра мелко нарезанной и отваренной в соленой воде водоросли добавляли миску жаренного в подсолнечном масле лука, а затем все это довели на медленном огне до кондиции. Оказалось, что самым желанным на Филатовке блюдом, которое не только утоляет аппетит, но и возвращает силы после трудов в море, была именно тушеная морская капуста. Мы надеемся, что в магазинах страны среди других даров моря появится и свежемороженая ламинария и ее можно будет приготовить по этому рецепту.

Мы добросовестно выполнили второй этап работ: собрали подводный урожай и приступили к завершающим работам. Настала пора дать ответ на вопрос: как уменьшились подводные заросли ламинарии после ее сбора?

Вновь облачаемся в гидрокостюмы, надеваем акваланги и уходим под воду. Знакомые места находим с поверхности — в отлив ориентируемся по каменным грядам, вблизи которых мы промышляли. Вот и полигон, он не велик, под водой картина такая: не видно наших отметин — притопленных буйков, но и водорослей как будто меньше не стало. Исчезновение ориентиров объяснимо: выдергивание ламинарий могло повлечь за собой потерю некоторых поплавков, но где же остальные? Пропажа большинства буйков настораживает, однако последующая тщательная проверка окрестностей помогает обнаружить некоторые из них. Оказалось, что волны перекрутили водоросли, которые мы проредили при добыче.

Восстанавливаем нужный нам участок полигона и выясняем, что заросли ламинарии поредели не более чем на 25—30 процентов, а это при таком могучем окружающем подводном лесе совсем не опасно для крохотных участков, которые были под обработкой. Это наше мнение, его надо еще научно обосновать, но и наше слово не последнее.

Подводный мир в местах погружений представал перед масками в своей необычной глубинной красоте. Кроме обильных водорослей встречались нам и животные: у берегов сновали вездесущие камбалы, под кущами растений прятались камчатские крабы и рыбья молодь, а в глубоких прибрежных ямах можно было наблюдать стаи лососей, которые собирались штурмовать устья родных рек. Во тьме глубины ребята повстречались с зубаткой, чья черно-фиолетовая голова с разинутой пастью устрашающе высовывалась из каменной щели. На каменных уступах громоздились моллюски и морские звезды, актинии и морские ежи, но плотность их по сравнению с Японским морем явно была меньше. Однако все это не умаляло красоты и своеобразия мира глубин океана: здесь встречались нам незнакомые крупные рыбы, силуэты которых медленно всплывали из тьмы под нами, а чувство близости глубокой впадины в Мировом океане — Курило-Камчатского желоба, максимальная глубина которого 9717 метров, — укрепляло в нас уважение к здешним водам.

Покидая этот удивительный край, рубеж, где зарождается новый день нашей страны, у нас утвердилась мысль: край этот обживать надо бережно и осторожно, охраняя и изучая все горизонты земного и водного миров.

▷

Первые сведения о Курильских островах были сообщены в 1697 году русским землепроходцем В. В. Атласовым, а в 1745 году большая часть Курильского архипелага была нанесена на «Генеральную карту Российской империи» и Академическом атласе.
«Черный остров» — так переводится Кунашир с айнского языка, площадь его около 1550 кв. км, климат умеренно континентальный, муссонный. Остров изрезан многочисленными реками и ручьями, которые часто минерализованы, происхождения он вулканического, гористый с густой порослью лесов, подлесков, кустарников и трав

Холодное Курильское течение, охлаждая Курильские острова, особенно со стороны Тихого океана, создает здесь затяжные туманы, дожди и ливни

ФОТООЧЕРК

Легководолаз с подводным светильником обследует скопления ламинарии — основной промысловой водоросли вблизи острова Кунашир

Перед подводной кинокамерой или фотоаппаратом в глубинах вод могут возникнуть самые разнообразные кадры, это и животные — плавающие, ползающие или малоподвижные; и растения, заросли которых иногда создают непреодолимые преграды перед подводным исследователем

Добытая с голубой нивы — подводных угодий ламинария должна быть оперативно сдана на морозильный траулер для переработки и хранения

ФОТООЧЕРК

Давид Фастовский

РОССИЙСКОЕ НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ

Российское Нечерноземье... Природа обделила этот край своим главным богатством — плодородной землей, и люди издавна должны были обрабатывать и удобрять здешние пажити с особым тщанием. И труды вознаграждались сторицей — Нечерноземье испокон веков не только кормило себя, но и в избытке поставляло на рынок самые разнообразные сельскохозяйственные продукты. Вологодское масло, калининский лен, смоленская и московская картошка, первосортные травяные корма с приокских заливных лугов — таким перечнем может похвалиться не всякая аграрная зона.

Знало Нечерноземье и трудные времена, когда волею обстоятельств оскудели его поля и пастбища и запустели деревни, когда казалось, что истощенная земля перестала родить. Но вековечный опыт хлеборобства показывал: есть резервы для дальнейшего расширения земледелия и мясомолочного животноводства в Нечерноземье! И этот опыт отражен в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии и повышении эффективности сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР в 1981 — 1985 годах». Это постановление о возрождении и интенсивном развитии Нечерноземья, края, где начиналась наша государственность, где крепло наше национальное самосознание и утверждались наша культура и нравственность.

Ныне Нечерноземье на подъеме. Изменяется не только внутренняя структура его экономики — меняется внешний облик края. Еще повсеместно живет традиционное русское жилище — деревянная изба, но так же повсеместно строятся и современные дома, хозяйственные и технические комплексы, бытовые и культурные учреждения. Отражая то новое, что несет в деревню научно-техническая революция, это переустройство органически связано с тем лучшим, что издревле отличало Нечерноземье, что давало ему полное право называться российской житницей.

Страна вступила в свою двенадцатую пятилетку. И в выполнении ее задач немалая доля приходится на Нечерноземье. Работы предстоит много, но уже первые успехи, достигнутые хозяйствами нечерноземных областей, показывают, что меры переустройства дают свои результаты. И это закономерно. В этом — проявление жизненных сил Нечерноземья, его потенциальных возможностей.

Новь Нечерноземья: современные дома и Дворец культуры совхоза «Борец» Дмитровского района Московской области

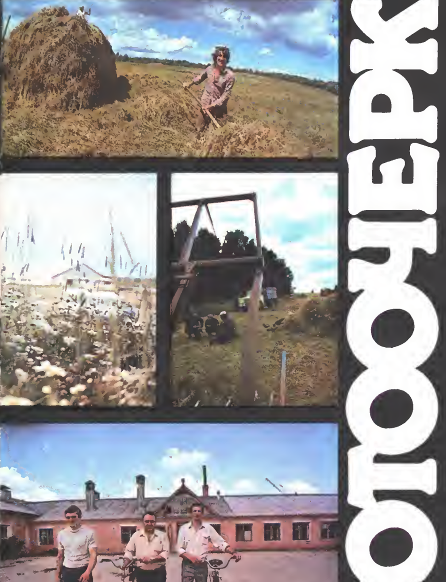
Сенокос! Древнее и всегда новое крестьянское занятие. Солнечный день, голубое небо, кучи облаков. И хочется сказать словами поэта: «Снуют пунцовые стрекозы, летят стрижи во все концы, колхозники смеются с воза, проходят с косами косцы»

Вологодчина. Животноводческие фермы и пастбища. Здесь производилось и производится знаменитое вологодское масло, равного которому нет в мире

Короток обед в страдную пору

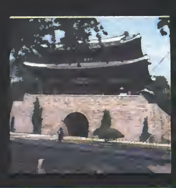
После работы. На заднем плане фрагмент животноводческого комплекса колхоза «Ленинский луч» Красногорского района Московской области

ФОТООЧЕРК

Александр Горячев
СТРАНА УТРЕННЕЙ СВЕЖЕСТИ

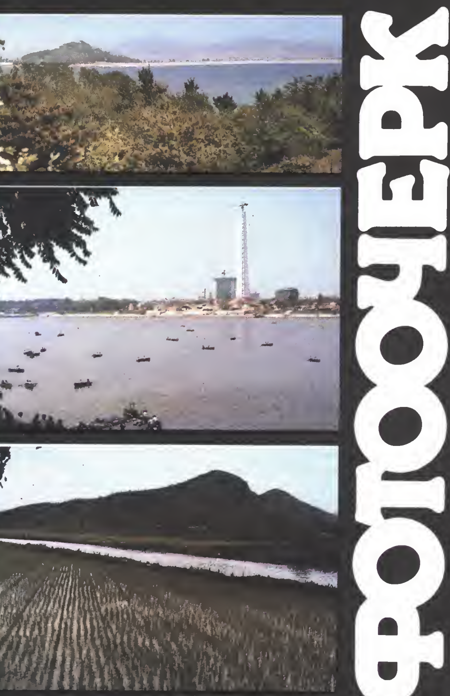
Восточно-Корейские горы

Пхеньян. Древние ворота

Водохранилище Киян близ Пхеньяна

Река Тэдонган в районе Пхеньяна

Рисовые поля в долине реки Тэдонган

ФОТООЧЕРК

Характерный пейзаж КНДР

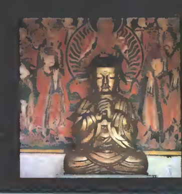
Храм Побудам. Будда

Завод микроэлектродвигателей в Пхеньяне, построенный при содействии СССР

Пхеньян. Монумент Чхоллима

Тепловая электростанция в Пукчане, построенная при содействии СССР

Каменная пагода в Моранбанском парке Пхеньяна

ФОТООЧЕРК

Пхеньян. Высотное здание на улице Чхоллима

Театр Мансудэ вечером

Город Чхонджин. Памятник погибшим советским морякам и Герою Советского Союза Марии Цукановой

ФОТООЧЕРК

Евгений Арбузов

ЦВЕТЫ ЗАПОВЕДНИКА

Удивительный для знатока и любителя растений есть уголок в Московской области. На самом ее юге, неподалеку от старинного города Серпухова, на площади немногим более 5 тысяч гектаров, прилегающей к реке Оке, расположен Приокско-Террасный государственный заповедник. На этом маленьком клочке земли, со всех сторон окруженном оживленными трассами и промышленными объектами, можно встретить почти тысячу видов растений. Типично таежные северные сфагновые болота с багульником, андромедой, пушицей и насекомоядной росянкой с листочками, покрытыми клейкими капельками для ловли насекомых, сменяются полянами посреди смешанного леса, а на песчаных отложениях надпойменных террас близ реки Оки шумят светлые высокоствольные сосняки с покрытой опавшими хвоинками моховой подстилкой. На самом юге заповедника, в огороженных дугами песчаных валов долах, нашли приют растения, характерные для зоны степей, некоторые из них оторваны от основного ареала на сотни километров. Здесь соседствуют типчак и ковыль, рябчик русский и тюльпан Биберштейна, зопник клубненосный и степная вишня...

Весна... Едва сошел снег, а на прогретых солнцем полянах появляется сон-трава, которая в народной медицине употреблялась от бессонницы и лихорадки, за что и получила свое название; желтый ковер степного чистяка покрывает «долы». Чуть позже под пологом леса зацветает рябчик шахматный — очень редкое для Московской области растение, сохранившееся лишь в нескольких ее точках.

Май — разгар весны. Вдоль дорог желтым огнем пылает ракитник русский. В долах — массовое цветение краснейшего рябчика русского, который в некоторые годы дает пурпурно-коричневый цвет.

Летний лес украшает северная орхидея — ятрышник крапчатый. Красив летний сосновый бор. Розовые цветки вереска образуют ковер у подножия высоких сосен, по которому снуют пчелы, без устали собирающие вересковый нектар. А в долах бушует разнотравье — ковыль и красная смолка, белая таволга и желтый пазник, горный клевер и зопник клубненосный — десятки «степняков» колышутся на ветру разноцветным покрывалом. Чуть в стороне, у ограды долов стоит кизильник алаунский с первыми завязями.

В долах пурпурный цвет черемицы черной соседствует с белым ковром жабрицы. В тени сосен у входа в долы появились грозди цветков молодила побегоносного, который цветет лишь раз в несколько лет.

И вот сентябрь. В лесу задумчивая осенняя тишина. Буровато-зеленые высыхающие стебли давно отцветших растений напоминают о летнем буйстве цветочных красок. Лес готовится к зиме, чтобы весной все повторилось сначала...

Родниковая поляна
◁

Приокские сосновые боры — древнейшая формация Московского края, дошедшая до нас с ледникового времени

Голубовато-пурпуровые цветки сон-травы покрывают в конце апреля солнечные полянки

Чистяк степной — самое раннее весеннее растение заповедника

Чемерица черная достигает высоты полутора метров

Грациозный рябчик шахматный встречается уже чрезвычайно редко

ФОТООЧЕРК

Молодило побегоносное цветет очень редко. Во время цветения появляются грозди красивых цветов

Жабрица — позднеосеннее растение

Ятрышник крапчатый — одна из орхидей, растущих в заповеднике

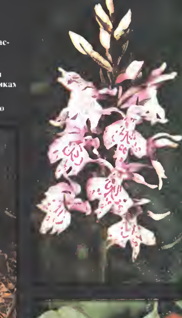
Лишь один куст кизильника найден на территории заповедника

Золотые кусты ракитника русского

Рябчик русский является эмблемой Приокско-Террасного заповедника

Вереск образует сплошной покров в борах-беломошниках

Сфагновое верховое болото

ФОТООЧЕРК

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЯ, ПОИСК

7 **Вячеслав Гончаров**
ВОРОТА В МИР
Очерк

15 **Сергей Романов**
В ЗОНЕ РИСКОВАННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ
Очерк

31 **Мурад Аджиев**
НАУКА СОЗИДАЮЩАЯ

На далеких меридианах

44 **Валентин Аккуратов**
КАК ЭТО БЫЛО
Очерк

62 **Виталий Волович**
ДЕРСУ УЗАЛА ИЗ ВЬЕТНАМСКИХ ДЖУНГЛЕЙ
Повесть. Фото подобраны автором

95 **Джозеф Джадж**
МАРШРУТ ЧЕРЕЗ «ЗЛОВЕЩЕЕ ПЯТНО»
Очерк. Перевод с английского Н. Машиной. Фото подобраны переводчиком

122 **Владимир Бардин**
ПОЛЮС ХОЛОДА: −89,2°
Очерк. Фото А. Будрецкого

●

На перекрестках путей и эпох

132 **Никита Хотинский**
КОВЫЛЬ-ТРАВА НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ
Очерк

151 **Всеволод Евреинов, Николай Пронин**
И НЕТ ЗАТИШЬЯ ПОСЛЕ БУРЬ...
Повесть

182 **Константин Бродский**
В ЦЕНТРАЛЬНЫХ КАРАКУМАХ
Очерк. Фото подобраны автором

199 **Олег Ларин**
ПОЙДЕМ — УВИДИШЬ...
Повесть

●

225 **Игорь Зотиков**
В СТРАНЕ МУРАВЬИНЫХ ЛЬВОВ
Повесть

Наша «Красная книга»

251 **Савва Успенский**
ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ ВАРИАНТУ
Очерк

260 **Лидия Чешкова**
БЕРЕГ, Я — ОСТРОВ...
Очерк.
Цветные фото А. Рогова

272 **Виталий Кривенко**
РЕЛИКТЫ ДРЕВНЕГО ТЕТИСА
Очерк

280 **Т. Кейхилл**
В «САДУ ЭДЕМА»
Перевод с английского Н. Максимова

●

288 **Владимир Дукельский**
ИЗ СПИСКОВ ИСКЛЮЧИТЬ...
Очерк

296 **Е. Леонтьев**
ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ С «ОПРИЧНИКОМ»?
Комментарий к очерку «Из списков исключить»

298 **Игорь Подколзин**
В МОРЕ «ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ»
Очерк

307 **Юрий Юша**
ДВА РАССКАЗА

ФАНТАСТИКА

323 **Борис Рахманин**
ПИСЬМО
Фантастический рассказ

340 **Сергей Павлов**
АМАЗОНИЯ, ЯРДАНГ ВОСТОЧНЫЙ
Фантастический рассказ

361 **Сергей Смирнов**
ДЕНЬ СЛЕПОГО ВОЖАКА
Фантастический рассказ

367 **Алан Нурс**
СХВАТИ ТИГРА ЗА ХВОСТ
Фантастический рассказ.
Перевод с английского Натальи Никоновой

374 **Роальд Дал**
МЕСТЬ ЗЛЕЙШИМ ВРАГАМ
Фантастический рассказ.
Перевод с английского В. Постникова, А. Шарова

ФАКТЫ. ДОГАДКИ. СЛУЧАИ...

По следам древних цивилизаций

395 **Александр Миловский**
УСТЮРТ ПРИОТКРЫВАЕТ ТАЙНУ
Очерк. Цветные фото автора

407 **Валерий Гуляев**
НИКАРАГУА ДО КОЛУМБА
Очерк. Фото автора

●

423 **Виктор Дыгало**
ЭСКАДРА СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ
Очерк

430 **Владимир Устинюк**
ПРИТЯЖЕНИЕ ГЛУБИН
Очерк

435 **Генриетта Алова**
ПОЛЕТ ПО ЗВЕЗДАМ?

438 **Олег Красницкий**
ПАНТЕОН АТЛАНТИКИ
Очерк. Фото подобраны автором

448 **Всеволод Карпов**
КОШКА НА РУСИ
Фото подобраны автором

464 **Анна Левина**
СЛОНОВИЙ «УНИВЕРСИТЕТ»
Очерк

470 **Марина Николаева**
КАК БЫЛ НАЙДЕН МОНИТОР

474 **В. Саяпин**
РУБИНОВАЯ ГОРА

477 **Герман Малиничев**
Коротко о разном

480 **Борис Силкин**
Зарубежная научная информация

ФОТООЧЕРКИ

485 **Александр Рогов**
У порога — Тихий океан
Цветные фото автора

494 **Давид Фастовский**
Российское Нечерноземье
Цветные фото автора

498 **Александр Горячев**
Страна утренней свежести
Цветные фото автора

504 **Евгений Арбузов**
Цветы заповедника
Цветные фото автора

На суше и на море: Повести. Рассказы. Очерки. Статьи /
Н12 Редкол.: Б. Т. Воробьев (сост.) и др. — М.: Мысль, 1987. —
510 [1] с., ил.

Двадцать седьмой выпуск сборника «На суше н на море» знакомит читателей с важными событиями, иеобычиымн явлениями и интересными фактами, относящимися к различным частям нашей планеты как в настоящем так и прошлом. Традиционно представлеиа фантастика советских и зарубежных авторов.

Н $\frac{1905010000\text{-}154}{004(01)\text{-}87}$ 162-87

ББК 84

На суше
и на море

Научно-художественный
географический сборник

ИБ № 3107

Заведующий редакцией
Ю. Л. Мазуров

Редактор
В. И. Андросов

Младший редактор
З. П. Львова

Редакторы карт
О. В. Трифонова,
Д. Г. Фаттахова

Художествеииый редактор
А. И. Ольденбургер

Техиический редактор
Л. П. Гришина

Корректор
И. В. Шаховцева

Сдано в иабор 15.11.86. Подписано в печать 23.06.87. А07961. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Офсетная печать. Усл. печатных листов 32. Усл. кр.-отт. 128,75. Учетно-издательских листов 37,8. Тираж 150 000 экз. Заказ № 757. Цеиа в пер. № 7 — 3 р. 40 к.;в пер. № 5 — 3 р. 20 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Лениский пр., 15.

Ордеиа Трудового Красиого Зиамеии Калининский полиграфический комбиват Союзполиграфпрома при Государствеином комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжиой торговли. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

НА СУШЕ И НА МОРЕ · 1987